

STEVEN MERRITT MINER

STALIN'S HOLY WAR

**RELIGION, NATIONALISM,
AND ALLIANCE POLITICS**

1941–1945

**THE UNIVERSITY
OF NORTH
CAROLINA PRESS
2003**

АЛИНИЗМ
И
НАЦИОНАЛИЗМ

СТИВЕН МЕРРИТ МАЙНЕР

СТАЛИНСКАЯ СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

РЕЛИГИЯ, НАЦИОНАЛИЗМ
И СОЮЗНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

1941—1945

РОССПЭН

Москва
2010

УДК 94(47+57);322(082.1)

ББК 63.3(2)62;66.5(0)'7

М12

✽

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),

А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,

Э. Каррер Д'Анкосс (*Hélène Carrère D'Encausse*),

В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,

А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),

Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,

Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

✽

✽

Майнер С. М.

М12

Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945 / С. М. Майнер [пер. с англ. В. Артемова]. – М. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 455 с. – (История сталинизма).

✽

ISBN 978-5-8243-1428-1

В своей книге Стивен Меррит Майнер, используя недавно открытые архивы советской эпохи, а также английские и американские источники, исследует сложную и глубинную роль религии, особенно русского православия, в политике сталинского правительства во время Второй мировой войны.

Майнер показывает, что Сталин решил вернуть церковь к жизни в первую очередь не ради того, чтобы разжигать пламя русского национализма, а желая с ее помощью восстановить советскую власть на территориях, освобожденных Красной армией от немецкой оккупации. Кремль также использовал церковь для пропагандистских кампаний, призванных убедить западных союзников, что СССР – вовсе не источник репрессий против религии, а, наоборот, бастион свободы вероисповедания. В заключение Майнер рассматривает вопрос о том, как политика Сталина в делах религии повлияла на послевоенную историю СССР.

УДК 94(47+57);322(082.1)

ББК 63.3(2)62;66.5(0)'7

ISBN 978-5-8243-1428-1

© 2003 by the University of North Carolina Press

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Российская политическая энциклопедия», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

В век, когда литература и даже история приобретают все более автобиографический характер и когда историк, не русский и не православный, к тому же даже не особо верующий, берется за написание книги, которая посвящена в основном Русской православной церкви и советскому государству, его потенциальному читателю, возможно, потребуются некоторые объяснения. Хотя самое интригующее в работе историка заключается в попытке понять и объяснить не похожих на него людей, а также позиции и взгляды, отличные от его собственных, я не намерен исследовать незнакомые и чуждые лично мне объекты исключительно только по этой причине. Как и большинство произведений, эта книга появилась не в результате внезапного озарения автора. Правильнее будет сказать, что она продукт наложения различных впечатлений и мыслей.

Впервые я познакомился с Русской православной церковью в 1980 г., когда приехал в тогда еще Советский Союз изучать язык и историю России. Впечатления, которые я получил от знакомства с церковью, в то время были противоречивыми, хотя они отражали странное и неоднозначное положение религии при позднесоветском режиме. Как-то раз я присутствовал на глубоко тронувшей меня службе в великолепном ленинградском небесно-голубом Никольском соборе. Я стоял, зачарованно наблюдая за незнакомой мне церемонией, она тянулась часами, солнечные лучи струились сквозь высокие окна, пронизывая клубы благовоний до самого центра погруженного в тень собора. Сверху, с хоров, расположенных над головой и позади молящихся, завораживающе звучали низкие мужские голоса хористов. Паства состояла главным образом из женщин и пожилых людей, многие вполне могли быть современниками событий, описанных в этой книге, и испытать почти непереносимые годы нацистской осады города. Они торжественно, в полном молчании опустили в должный момент на колени и только чуть слышно шевелили губами: «Аминь». Тяжелая жизнь на многих наложила свою беспощадную руку, по лицу одной женщины,

почти вдвое согнутой деформированным позвоночником, текли слезы, она страстно молилась. Хотя на вид ей было лет за семьдесят, но, наверное, болезни, постоянные тяготы жизни и лишения состарили ее раньше времени. Мое внимание то и дело отвлекалось от священников с их кадилами и тщательно отрепетированными хореографическими движениями на лица молящихся, чей мрачный вид с необыкновенной силой говорил о печальной истории поколения, испытавшего две мировые войны, революцию и гражданскую войну и еще сталинский террор.

Когда я вышел из церкви, все еще пытаюсь осмыслить глубокое впечатление от увиденного, ко мне и моим спутникам подскочила рассерженная старуха, чуть ли не в два раза ниже меня ростом, и принялась громким голосом отчитывать нас. Хотя мы вели себя тихо и, как нам казалось, скромно и уважительно, она кричала, что иностранцам нечего делать на службе в церкви. Женщина вела себя явно неадекватно, и это, конечно, не означало, что ее поддерживают другие православные верующие. Тем не менее ее выходка впервые открыла мне важную особенность русской религии, с которой я до этого ни разу не сталкивался, но которая стала более понятной за годы ее изучения. Русская православная церковь глубоко русская и часто русская до ксенофобии. Экуменическое чувство не пустило глубоких корней среди ее духовенства и мирян, и если взять все христианские церкви, то она крепче всех связана с историей, этнологией и правительством своего народа.

Мое второе знакомство с русскими религиозными реалиями России произошло во время того же пребывания в СССР и имело совершенно иной, хотя по информативности не менее богатый, характер. У нас были две экскурсии в советские антирелигиозные музеи в Ленинграде. Эти нелепые реликвии коммунистического атеистического материализма продолжали функционировать в первые месяцы пребывания у власти Михаила Горбачева, но становилось понятно, что их лучшие дни позади. Мой первый визит, в знаменитый Казанский собор, оставил чувство одновременно и отвратительное, и комическое. Сумрачные помещения собора были заполнены экспонатами, призванными показывать историю так называемого прогресса человечества из тьмы древних предрассудков к яркому свету научного просвещения, примером которого служит советский марксизм. Диорамы, изображающие людей каменного века, поклонявшихся неживым предметам, располагались рядом с картинами испанской инквизиции. Даже тронувшемуся умом диснеевскому карикатуристу не пришли бы в голову такие стереотипные, набившие оскомину образы источающих зло папских инквизиторов. Режим, подаривший миру

Сталина и ГУЛАГ, призывал вознегодовать по поводу давнего и гораздо меньшего террора, основанного на догме.

Второй «музей религии и атеизма», где я побывал, располагался в громоздком ленинградском Исаакиевском соборе. Темная гряда гранита с гигантским позолоченным куполом, это сооружение среди изящной петербургской архитектуры кажется чуждым, возможно, отражая мрачную душу самодержца Николая Первого, в правление которого завершили его строительство. В Исаакии имелся один привлекавший всеобщее внимание экспонат: кураторы музея воспользовались большим пространством под высоким куполом и подвесили там гигантский маятник, который должен был демонстрировать научные, логические и абсолютно материалистические принципы, которые якобы управляют физическим порядком. По какой-то технической причине, однако, маятник работал неправильно, и один из распространенных при советской власти знаков «На ремонте» предупреждал посетителей, что законы мироздания временно приостановлены.

Как и мои богатые на впечатления посещения церковной службы, походы в атеистические музеи оказались в высшей степени поучительными, жаль только, что в то время я не полностью осознал их значение так, как, мне кажется, я понимаю сейчас. Тогда президентом США все еще был Рональд Рейган, а Михаил Горбачев только занял пост Первого секретаря советской коммунистической партии, по-прежнему продолжалась холодная война, и казалось, что Советский Союз будет в этом мире вечен, прочен и силен. Западные ученые не уставали утверждать, что советский режим пользовался широкой социальной поддержкой, некоторые даже противопоставляли это кажущееся массовое признание коммунистического режима болезненному состоянию, в котором пребывали Соединенные Штаты после Вьетнама. И тем не менее атеистические музеи были многозначительным свидетельством: посетителей было мало, помещения выглядели запущенными, наскучившими и забытыми. Неподвижный маятник Исаакиевского собора висел как немой свидетель более значимой несостоятельности советской промышленности и технологии. Новая материалистическая вера советского режима не сумела выкорчевать и заменить старые верования России. Конечно же, невозможно представить себе хотя бы одну старуху, растроганную до слез витриной в антирелигиозном музее.

Эти впечатления не истерлись из памяти, но и не привели меня прямо и непосредственно к изучению Русской православной церкви или религиозного вопроса в СССР во время войны. Меня привлекло исследование, которое, в моем представлении, должно было стать историей советских попыток «разрекламировать» союз с западными

демократиями во время Второй мировой войны. Работая над предыдущей книгой, я обратил внимание, что руководителям политики Соединенных Штатов и Англии часто приходилось идти на уступки растущему энтузиазму в отношении СССР, энтузиазму, который заглушал критику самой природы сталинизма. Работая в американских и английских архивах, я также натолкнулся на целый ряд папок с документами об отношениях в области культуры между Советским Союзом и западными союзниками во время войны. В большинстве своем эти богатейшие своды материалов остались незамеченными историками дипломатии, для которых проблемы высокой политики были намного привлекательнее. Я предположил, что изучение культурной пропаганды поможет понять рост энтузиазма военных лет, его влияние на политику и его крах с эффектом бумеранга в послевоенный период, который открыл двери маккартизму.

Существующие на Западе подозрения относительно положения религии в Советском Союзе были одними из наиболее сложных предубеждений в области культуры, которые советским пропагандистам и их западным благожелателям необходимо было преодолеть или развеять. Тем не менее, приступив к изучению вопроса, я не ожидал найти что-то больше, чем несколько записок, возможно, сделанных архиепископом Кентерберийским или каким-нибудь американским священником защитникам Сталинграда, Ленинграда или Москвы с благодарностью за их героизм и вклад в победу над нацистами. В лучшем случае я рассчитывал на одну главу по религиозному вопросу в будущем исследовании.

Однако, как часто случается в историческом исследовании, начинаешь изучать какой-то вопрос и оставленные в документах следы выводят тебя на другой. Изучая религиозный вопрос в России военного времени, я всегда находил в документах того периода некую аномалию: как правило, историки объясняли произведенную Сталиным ограниченную реставрацию Русской православной церкви и выборы нового патриарха Московского в сентябре 1943 г. стремлением советского правительства подчинить силы русского национализма задачам ведения войны. Тогда почему, задавался я вопросом, Кремль дожидался поздней фазы войны, когда колесо военной фортуны, наконец, стало поворачиваться к нему лицом? Почему этим не занимались в более тревожные 1941–1942 гг., когда Красная Армия терпела поражение и в армию необходимо было призывать всех, кто способен держать оружие?

Исследователей всегда подстерегает одна профессиональная ловушка — они склонны искать ответы там, где возможно найти подтверждение их гипотезе. Изучая союзническую пропаганду, я,

естественно, полагал, что объяснение новой кремлевской политики в области религии следует искать в этом направлении. Начиная с 1943 г. Красная Армия неуклонно продвигалась вперед, казалось, что цель советских вооруженных сил — изгнать немцев с востока Центральной Европы. Американцев и англичан беспокоило, что расширение советской сферы влияния приведет к установлению там, вопреки воле народов, коммунистических институтов, включая навязываемый государством атеизм. Конечно же, рассуждал я, поэтому Сталин восстановил Русскую православную церковь и распустил революционный Коминтерн. Это казалось правдоподобным объяснением, особенно если учесть, что советские архивы были закрыты для исследователей. Однако произошли две вещи, которые изменили мою точку зрения. Во-первых, я начал понимать, что советский религиозный вопрос и в самом деле содержит в себе важный внутренний компонент, который просмотрели многие историки. Внимательно изучая западные документы и опубликованные советские материалы, я стал замечать определенную закономерность. В заявлениях и публикациях Русской православной иерархии военного времени речь шла преимущественно о западных областях СССР, то есть о территориях, захваченных Москвой в 1939–1940 гг., а также о территориях, временно оккупированных нацистами после их вторжения в СССР. Лишь единичные обращения русского православного духовенства касались вопросов религии на территории всего СССР, и большинство таких обращений направлялось по почте в немногочисленные оставшиеся открытыми после прежних советских антирелигиозных кампаний церкви или распространялось в виде листовок или радиопередач за линией фронта в тылу германских войск.

Эти соображения, очевидно, подтверждали мои сомнения, что Советы вернули церковь главным образом во благо верующих в СССР и, вместе с тем, поколебали ранее существовавшую уверенность, что советская религиозная политика руководствовалась только интересами внешнеполитической пропаганды. Продолжая копаться в прежде пренебрегаемых документах, особенно английских и польских, я понял, что Москва вела гораздо более серьезную игру. Восстанавливая Русскую православную церковь, Советы не только надеялись извлечь выгоды для своей внешней политики, для них было много ценнее использовать церковь для поддержки политики реассимиляции населения, пережившего немецкую оккупацию, а также для установления центральной власти над теми территориями, на которые претендовали советские западные соседи. Это делало предмет исследования гораздо интереснее, так как обнаруживалась преемственность между атеистическим коммунистическим государством и его православны-

ми христианскими царскими предшественниками, а это наводило на мысль о переплетении советской внутренней и внешней политики.

Эти аспекты книги уже начали складываться у меня в голове, когда произошел второй сюрприз: развал Советского Союза волшебным образом открыл иностранным исследователям советские архивы. Те, кому довелось работать с советскими материалами, могут подтвердить, что их состояние далеко от удовлетворительного. Указатели бедные, иногда отсутствуют вовсе, некоторых дел нет в наличии, многие, самые важные, изъяты и переданы в так называемый президентский архив, закрытый для всех, кроме незначительной части привилегированных русских ученых с хорошими связями. С оставшимися документами часто бывает очень трудно работать: скажем, протоколы заседаний Центрального комитета КПСС могут быть очень подробными, а решения Политбюро отсутствуют.

Так или иначе, но ситуация для историков России и СССР теперь гораздо лучше, чем менее десяти лет назад. Все написанное ниже, несомненно, основывается на фрагментарных данных, но я считаю, что автору удалось собрать достаточно документов, чтобы разобраться в наиболее важных сторонах предмета. Не сомневаюсь, что со временем и эта работа будет продолжена, так как обнаружатся новые документы, но это норма для профессии историка, и если историкам приходилось бы откладывать написание трудов до того, как будут доступны все документы, очень немного исторических исследований увидело бы свет. Недавно ставшие открытыми новые советские документы вместе с тщательным изучением западных источников сделали возможным более подробное, чем раньше, рассмотрение этого предмета.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Как и все работы подобного рода, это исследование продолжалось не один год, и, естественно, у меня накопилось чувство огромной благодарности многим людям, которые помогли мне в работе. Одни читали первоначальные варианты и делали свои замечания, другие помогли мне во время частых и длительных путешествий, без которых было бы невозможно завершить исследование и написать книгу. Я благодарен Институту Гувера, где в качестве приглашенного исследователя я провел очень продуктивный год и пользовался его уникальным собранием советских материалов. Неизменно старались помочь, выполняя мои многочисленные и надоедливые запросы, сотрудники Британского архива публичных документов, бывшего партийного архива на Пушкинской улице в Москве и Национальных архивов в Вашингтоне, округ Колумбия.

Многие люди открыли мне двери своих домов во время пребывания за границей. Я особенно благодарен профессору Георгию Куманеву, с которым провел лучшую часть лета в его уютной квартирке в Москве, и он щедро поделился со мной большой личной коллекцией и летом 1992 г. помог получить доступ к бывшим советским архивам, что в то время было новым для американских исследователей. Родители моей жены Дорин и Джеймс Макмиллан проявили исключительную гостеприимность к своему беспокойному зятю и даже выдержали набеги майнеровского семейства, почти постоянные во время моего творческого отпуска. Они решились даже прочитать окончательный вариант рукописи и высказать очень полезные замечания.

Я получил финансовую поддержку от моего родного Огайского университета в форме гранта Джона К. Бейкера, я благодарен Брюсу Штайнеру, нашему бессменному декану, за помощь в получении этого гранта и в поиске других источников финансирования. Мои коллеги из Огайского университета всегда уделяли мне время, читали части рукописи и высказывали ценные мысли о направлении исследования. Особенно ценным был преподавательский семинар, организованный Энн Фидлер, этот стимулирующий обмен мыслями сдвинул с места остановившуюся, было, работу, и я сумел довести рукопись до конца. К тому же она прочитала почти всю рукопись, где следовало, высказалась критически и, когда было нужно, поддержала меня. По первым вариантам исследования полезные соображения высказывали мои коллеги (и нынешние, и бывшие) Катерин Джеллисон, Майк Гроу, Джеффри Херф, Джон Гэддис, Шоул Куинн, Алонсо Хэмби и Норманн Года. На историческом факультете Огайского университета царит особая творческая атмосфера, помогающая историческим исследованиям, мне очень повезло иметь таких прекрасных коллег.

В течение ряда лет в подготовке этой книги мне помогали многие студенты Огайского университета, они делали замечания по различным вариантам — и смело выносили честный вердикт — или помогали снимать копии со статей, решать проблемы с компьютером, разыскивать редкую статистику. Хотел бы поблагодарить Кейвина О'Коннора, Марианн Сэндерс, Джеффри Кунера, Бонни Хагермана, Марка Сельверстона, Дж. Д. Вайнекена, Роберта Джвиса, Стива Реми, Джеми Фрайес и Раймонда Хаберски.

Выражаю глубокую благодарность моему другу и коллеге из университета Вашингтона профессору Джеймсу Фелаке за неоценимые и подробные комментарии, которые помогли избежать ряда ошибок и во многом стимулировали мою работу. Он проявил себя как истинный друг и первоклассный специалист по Восточной Европе.

Когда я приступил к сбору материалов, которые должны были лечь в основу этой книги, после получения докторской степени мне

повезло принять участие в серии коллоквиумов российских и американских ученых по истории Второй мировой. Эти встречи многому научили меня с точки зрения исследования, написания научных работ и участия в профессиональных дискуссиях по вопросам исторической науки. Выражаю признательность организаторам этих встреч профессору Уоррену Кимбаллу с американской стороны и академику Григорию Севастьянову с советской (потом российской) стороны. Также спасибо моему другу и коллеге Чарльзу Александру за привлечение меня к участию в симпозиумах.

Особая благодарность моим дорогим друзьям доктору Ричарду Кроссу и Терезе Кросс. Их познания о религиозной жизни и политике вкупе с их дружеской расположенностью очень ценны для меня. Шени Джиллогли также много сделала, поддерживая меня своей жизнерадостностью на последнем этапе работы, когда я пребывал уже в стрессовом состоянии. Она замечательный друг и коллега. Мои редакторы в «Чейпел-Хилл» Рон Мейнер и Брайан Макдональд заслуживают особой благодарности. Обязанности декана постоянно отвлекали меня, становясь причиной неизбежных задержек. Но они были невероятно терпеливы. Хотел бы также сказать спасибо Брайану за тщательное редактирование, это образец самого заботливого внимания. Не нужно говорить, что все ошибки, проявившиеся при окончательном просмотре рукописи, лежат на моей совести, а не на совести тех людей, которые помогли мне.

В заключение хочу особенно поблагодарить мою семью. Дети Эмили и Сэм правильно воспринимали отца с его странной одержимостью, а моя жена проявляла постоянный интерес, всегда приходила на помощь и сохраняла терпение во время порой нервного и затянувшегося процесса завершения работы. Она была образцом поддержки, и свою благодарность мне, наверное, трудно выразить словами.

Я посвятил книгу памяти моей матери Маргарет Майнер, она любила книги, историю и вообще мир мыслей. Книгу следовало бы по праву посвятить и моему отцу Дональду Майнеру, потому что они оба долгие годы поддерживали меня во время учебы и последующей работы, пойдя даже на неслыханный шаг и однажды зимой отправившись со мной в Москву. По выходным, когда были закрыты архивы, мы провели много незабываемых часов, бродя пешком по московским улицам. Жаль, моя мать не дожила до часа, когда смогла бы увидеть результаты этих усилий. И, конечно, не будет преувеличением сказать, что без ее поддержки об этой книге не пришлось бы и думать. Никакое посвящение не может быть адекватным выражением благодарности ей.

ВСТУПЛЕНИЕ

Атеизм это сердцевина всей советской системы.

Александр Солженицын

Религия в своей сущности это смертельный враг коммунизма.

Лев Троцкий.

«Правда». 24 июня 1923 г.

Летом 1976 г. страшная засуха, охватившая большую часть Западной Европы, уничтожила всю растительность, и поля покрылись коричневой пылью. Случилось так, что тем же летом английское правительство проводило аэрофотосъемку для корректировки топографических карт. Когда фотографии проявили и проанализировали, картографы с изумлением увидели на некоторых полях едва заметные контуры древних строений. При более внимательном изучении снимков оказалось, что это контуры римских крепостей, место расположения которых было давно забыто, но следы каменного фундамента на покрывавшей их растительности на протяжении веков не исчезли. Необычные изменения климатических условий обнажили древние, ранее не обнаруженные археологические памятники тысячелетней давности, несмотря на то что поколения крестьян, ни о чем не подозревая, обрабатывали поля, под которыми прятались остатки крепостей.

Точно так же, когда в конце 1980-х гг. в Восточной Европе отступила волна коммунизма, внезапное исчезновение политических структур, когда-то считавшихся вечными, обнаружило предшествующие социальные модели, о которых давно уже перестали думать, хотя они, в отличие от римских крепостей, не были окончательно забыты. Среди таких образов, поднявшихся из глубин посткоммунистической истории, возможно, самой важной была древняя матрица религиозных верований: география конфессиональных различий, отделявших мусульман от православных христиан, римских католиков от протестантов, греческих католиков от украинских православных

и т. д. Как отчетливо показало распространение постсоветских религиозных и этнических конфликтов, конец коммунизма в Восточной Европе привел не к «концу истории», а, скорее, к его бурному, часто драматическому, ее возвращению¹.

Фундаментальной основой уверенности в себе коммунистов была моральная убежденность, что их новая вера в «научный атеизм» вытеснит мифические религиозные «мифологии», реликты минувшей эпохи суеверий, унаследованные давно, еще до Дарвина, Маркса и электрификации. Наоборот, несмотря на все усилия коммунистов, религия пережила коммунистическую эпоху. Проводившиеся после падения советской власти социологические исследования в самой России показали, что средний гражданин больше всего доверяет институту церкви². Это и не удивительно, так как церковь была одним из немногих русских национальных институтов, и, как признано, самым важным, которые после царского времени сумели сохраниться на протяжении всего коммунистического периода. Вера в религию со временем может сойти на нет, а интерес к православию часто ограничивается очарованием красками и архитектурным величием русского прошлого, чего так, очевидно, не хватало последующим годам советской жизни. Конечно, публичный интерес к православию еще не выразился в увеличении числа верующих, посещающих храмы³. Тем не менее Русская православная церковь обладает значительной политической силой и даже в состоянии заручиться большинством голосов при выборах в Думу законодательным путем, ограничивающим деятельность соперничающих конфессий⁴. Выживание религии и ее возвращение в качестве видной общественной и социальной силы в постсоветской действительности сами по себе дают достаточно оснований для пересмотра ее истории.

В книге проводится мысль, что, невзирая на десятилетия решительных советских атеистических кампаний, религиозные верования, особенно в сочетании с национализмом, на протяжении всей советской эры оставались важнейшей социальной и политической силой. Никогда это не было настолько очевидным, как во время войны с нацизмом, когда, борясь за выживание, советская система испытывала невиданное напряжение. Религия не была каким-то маргинальным фактором, выходящим за пределы непосредственных проблем, которые занимали советских руководителей. Напротив, в Кремле хорошо понимали, что не удалось искоренить религиозные верования, и советские правители всегда рассматривали религию как политический фактор, проводя политику в поразительно широком спектре вопросов. Религиозный фактор присутствовал в советской внешней и вну-

тренней политике и присутствовал очень существенно, чего не поняли авторы многих трудов по истории СССР.

Кремлевские олигархи не могли воспользоваться роскошью, доступной историкам, у них не было возможности рассечь реальность на конкретные фрагменты, им приходилось иметь дело с взаимосвязанными социальными и политическими силами, а также с быстро меняющимися обстоятельствами, контролировать которые они могли только отчасти. Поэтому, чтобы разобраться в советском подходе к религии, необходимо рассмотреть проблему в самом широком контексте, учитывая не только намерения и действия советских правителей, но и пределы их власти. Образ Сталина — мастера манипуляций, полностью контролировавшего ход событий, — характерный для описания сталинской эры, разрушается при самом поверхностном знакомстве с советскими архивами⁵. Хотя Сталин, возможно, и обладал личной властью, большей, чем кто-либо другой в богатом на тиранов двадцатом веке, но даже он вынужден был считаться с конкретными препятствиями осуществлению его воли. Вопреки широко распространенным представлениям, он не мог произвольно пренебрегать общественным мнением (даже если признать, что оно принимало совершенно иные формы, чем в Соединенных Штатах или Англии), как не был свободен от идеологических шор. И даже, несмотря на то, что Сталин распоряжался жизнью и смертью своих подданных, он не мог быть уверенным в беспрекословном выполнении подчиненными его приказов⁶. Одним из очень больших препятствий было сохранение религиозной веры среди десятков миллионов по большей части крестьянского населения страны. Сталин, конечно, стремился быть великим кукловодом, заставляя народ плясать под свою дудочку, и ему это удавалось чаще, чем другим диктаторам. Серьезная ошибка — недооценивать его политическую проницательность, в чем убедилось столько его соперников, заплатив за это высокой ценой. Ряд историков-ревизионистов с большой натяжкой рисуют диктатора почти теневой фигурой, беспомощной игрушкой в руках его советников и не подвластных ему исторических сил. Такая позиция еще менее убедительная, чем образ Сталина Всемогущего⁷. Это исследование названо «Сталинская священная война» не потому, что диктатор полностью контролировал ход событий, а, скорее, потому что его личность и его решения играли важнейшую роль в развитии отношений между церковью и государством во время войны, чего нельзя сказать ни о ком другом.

Эта книга не просто история Русской православной церкви в годы войны, еще в меньшей степени это история русских верующих. Правильнее сказать, что это рассмотрение религиозного во-

проса в широком смысле слова, применительно к тому, как он вписывался в советскую политику, государственную безопасность и пропаганду⁸. Благодаря широкому охвату темы эта работа должна быть отчасти политической историей, отчасти традиционным исследованием дипломатических отношений и отчасти историей социальной. Эволюция подхода советского режима к религии в годы войны может быть полностью осмыслена в контексте русской истории и традиций, советской идеологии и практики, особенностей и изменений военной обстановки и необходимости военного союза с западными демократиями.

Ознакомление с подходом Кремля к религиозному вопросу во время войны бросает свет на многие важнейшие аспекты советской истории. Вот наиболее существенные из них: насколько советское общество считало коммунистический режим легитимным, а потому заслуживающим, чтобы его защищать; формирование и определение индивидуальной идентичности и преданности среди советского населения; реакция сталинистского режима на широко распространенные взгляды и социальные требования; манипуляция режимом традиционными историческими и религиозными имиджами и формы, в каких это сказывалось не только на советской общественности, но и на самих кремлевских правителях; отношение режима к русскому национализму и национализму национальных меньшинств; функции и механизм действия террора в сталинистской системе управления государством; меняющийся баланс, симбиоз и конфликт между русскими традициями, с одной стороны, и коммунистическим влиянием, с другой, в формировании и проведении советской внутренней и внешней политики; взаимодействие между внешней и внутренней политикой; роль морали, религии, идеологии и пропаганды в альянсе Восток-Запад во время войны; сравнение и сопоставление целей и методов нацистского и советского режимов. В книге доказывається, что религия являлась важным фактором во всех этих областях, и полная история религии во время войны должна учитывать каждую из них.

Этот длинный список важных тем затрагивает самую суть советского «эксперимента». Здесь не утверждается, что религия еще не открытый ключ к советской истории, философский камень, позволяющий впервые увидеть советскую реальность в полном масштабе, и я не предлагаю конкретных ответов на поставленные здесь вопросы. Правильнее сказать, что история религии в СССР более похожа на барийный коктейль, который дают пациенту перед процедурой сканирования. Проследив циркуляцию религиозных вопросов через тело политики Советского Союза, историк может более четко

увидеть, как действовала советская система на нескольких уровнях. Поскольку миллионы простых людей сохранили веру и религиозный вопрос циркулировал по главным артериям, венам и капиллярам советской жизни, сфокусировавшись на религии, историк получит превосходный аналитический инструмент, которым до этого пренебрегали.

Роль религии в советской жизни редко привлекала должное внимание историков. В советские годы, когда СССР при взгляде со стороны казался невероятно могущественным и прочным, слишком много западных ученых неосознанно попали под влияние советских утверждений, что церковь как «поразительно живучий пережиток (царского) прошлого» в лучшем случае обречена на постепенное угасание, в худшем — на подавление мощными силами урбанизации, советской модернизации и советских репрессий⁹. В обширных исторических трудах по истории советского периода церковь упоминалась мимоходом, обычно как одна из многих жертв советских репрессий или как одна из ветвей диссидентства, имевшая намного меньшее значение, чем лучшие известные его светские формы¹⁰. Авторы обычно справедливо отмечают, что характерная для Русской православной церкви теологическая институциональная пассивность мешала ей играть критическую роль, которая была свойственна Римско-католической церкви в Польше, но такая интерпретация часто мешала им исследовать ее историю глубже¹¹. Правильно говорить о церкви как о жертве, но такой подход оставляет в стороне сложность религиозных отношений, связь между религией и национальным самосознанием, переплетение интересов русской церкви и советского государства, а также важное место, которое неизменно отводилось религии в планах советского руководства.

Невнимание к вопросам религии может отчасти отражать социальную направленность самих историков¹². О церкви упоминается разве что вскользь даже в истории Второй мировой войны, когда Русская православная церковь переживала величайшее за все семьдесят лет советской власти воскресение надежд на будущее¹³. Во время переписи населения в 1937 г., всего за четыре года до вступления СССР в войну, пятьдесят семь процентов советского населения причислило себя к религиозным верующим. Хотя мы не располагаем точными цифрами на время войны, все современные источники свидетельствуют, что в тот период число верующих резко выросло. Эти факты требуют большего, чем им уделяют историки-обществоведы, внимания¹⁴.

Тенденция принижения или недооценки важности религии в советской жизни еще более поразительна, если учесть, что русская цер-

ковь укреплялась вопреки господствующим направлениям поздней сталинистской политики и что число верующих росло как раз в тот момент, когда Кремль проводил политику гонений на советскую культуру и интеллектуальную жизнь, что само по себе, наверное, явилось достаточной причиной для пробуждения интереса историков. Тем не менее одна недавняя работа по истории «культуры и развлечений» в Советском Союзе военного времени содержит наряду с другими темами разделы по радио, музыке, театру и созданию «героев, героинь и святых», но там нет главы — и вообще почти ни слова — о роли религии¹⁵. Еще одно исследование «советского фронта в тылу» упоминает православную церковь, между прочим объясняя ее возрождение во время войны «важностью церкви как символа непрерывности русских традиций и ее значительным вкладом в организацию народной поддержки войны с нацистами»¹⁶. Хотя с этим объяснением можно в принципе согласиться, оно является колоссальным упрощением в высшей степени сложного явления. В числе прочего оно не затрагивает важнейшее значение международных и внутренних этнических факторов, которые сыграли большую роль в новом появлении церкви в советской жизни.

Несколько лучше ситуация в историографии на русском языке. Хотя после распада СССР у многих русских возобновился интерес к истории религии, исследователи, получившие образование в советскую эпоху, обычно сбрасывают со счета важность религиозной жизни даже в рассмотрении «духовной жизни» советского народа во время войны¹⁷. Исторические работы по советским внешним сношениям тоже опускают религиозные вопросы, невзирая на то что Русская православная церковь сыграла небольшую, но важную роль в дипломатическом обеспечении советской внешней политики, особенно в важных западных пограничных областях СССР, вокруг которых во время войны между участниками антинацистской коалиции разгоралось так много споров¹⁸.

Бесспорно, по истории Русской православной церкви есть отличные работы, в них вопросы религии рассматриваются более подробно и намного серьезнее, чем в трудах по политической, дипломатической или даже общественной истории. Тем не менее эти исследования часто страдают узкой специализацией, типичной для новейших академических трудов, рассматривая историю церкви как института и при этом часто оставляя без внимания политические, дипломатические и социальные влияния, определявшие формирование политики советского государства по отношению к религии¹⁹. Возможно, и это вполне объяснимо, такие исследования сосредоточиваются на кричащих событиях, связанных с государственными гонениями на церковь

и мирян, а потому более деликатные вопросы сотрудничества духовенства с советской властью остаются в стороне. Если рассматривать историю религии в СССР только с точки зрения взаимоотношений государства как угнетателя и церкви как жертвы, то легко не увидеть те тенденции, где интересы обеих сторон пересекались, а также не заметить влияния, которое оказывала на советское государство устойчивость религии²⁰

Несколько выдающихся работ по религии во время войны все-таки существует, но в них исследуются события, происходившие исключительно на территориях, оккупированных немцами, где церкви переживали «великое возрождение»²¹. Причина такого положения кроется в недостатке серьезных документальных источников по советской стороне линии фронта. Единственные попытки изучить использование Русской православной церкви в интересах внешней политики были сделаны до открытия советских внутренних документов, в них освещаются послевоенные годы, а период второй половины войны затрагивается только в предисловии²².

Практически во всех исторических работах по Советскому Союзу времен Второй мировой войны, и научных, и популярных, упоминается, хотя бы вскользь, новый, примирительный тон, который Советы взяли в отношении Русской православной церкви, как правило, относя перемены к началу советско-германской войны в 1941 г. Объяснения изменений кремлевского курса разнятся в зависимости от времени. Во время войны западные обозреватели полагали, что Сталин смягчил правовые ограничения для церкви в качестве своего рода «вознаграждения»²³. Хотя в то время такая точка зрения имела широкое распространение, она не давала точного объяснения такому повороту кремлевской политики, что было достаточно хорошо известно информированным людям. Еще в 1927 г. митрополит Сергей, патриарх Русской православной церкви, призвал своих последователей признать Советскую власть и подчиняться ей, как богоданной²⁴. В то время такое решение выглядело неоднозначным и вызвало широкие споры в религиозных кругах как внутри России, так и за рубежом. Несмотря на данное Сергием обещание лояльности церкви по отношению к государству, ситуация вокруг нее на протяжении последующего десятилетия только ухудшалась, причем ухудшалась резко, поэтому видеть восстановление церкви во время войны как результат изменений ее отношения к государству — в лучшем случае заблуждение.

Теперь, когда канула в прошлое эйфория сотрудничества времен войны, когда не осталось и следа от образа доброго дядюшки Сталина, историки не склонны объяснять вновь обретенную терпимость Сове-

тов доброй волей диктатора или раскаянием церкви в прежней ненависти к коммунистическому строю²⁵. Наиболее распространенное объяснение сводится к тому, что, если русский народ не хотел воевать за коммунизм, он был готов сражаться за Россию, Святую Русь православного христианства. Великий русский писатель и нобелевский лауреат Александр Солженицын со свойственным ему сарказмом пишет, что «с самых первых дней войны Сталин отказался от прогнивших подпорок (марксистско-ленинской) идеологии. Он мудро отбросил ее... и вместо этого развернул знамя православия — и мы победили»²⁶. Эта знакомая нам интерпретация утверждает, что потрясенное германским нападением советское правительство в отчаянной попытке спасти себя сразу же ослабило гонения на церковь²⁷. В этой связи часто приводят слова Сталина, сказанные им в конце войны, о том, что русский народ сражался за Россию, а не «за нас», то есть не за коммунистическую партию²⁸.

Некоторые историки ссылаются еще на один фактор, вызвавший изменение советской политики, — потребность противостоять немецкой пропаганде. С первого же дня вторжения в Советский Союз нацисты провозгласили, что ведут «крестовый поход» в защиту западной цивилизации от советских атеистических бесчинств²⁹. Однако из-за межведомственной конкуренции, отсутствия ясно обозначенной цели и просто из-за варварского характера нацистской идеологии немцам не удалось в полной мере использовать религиозную неудовлетворенность советского народа. Тем не менее связанное с религией недовольство советских граждан сталинским режимом было настолько велико, что немцы неожиданно для себя добились ряда важных успехов. Большое американское социологическое исследование послевоенных беженцев из Советского Союза отметило, что «подавляющее число респондентов считало, что церковь была единственной областью, куда немецкое правление принесло бесспорные улучшения»³⁰. Москва, конечно, знала, что немцы на оккупированных территориях поддерживают религиозную деятельность или в ряде случаев закрывают на нее глаза, и это вызывало беспокойство. Многие историки поэтому пришли к выводу, что ослабление Сталиным преследований русского православия было вызвано необходимостью конкурировать за сердца и умы советского населения — «вряд ли он мог позволить себе быть менее великодушным, чем немцы»³¹.

Марксистский диссидент, историк советской эпохи Рой Медведев не согласен с такими интерпретациями. Он отрицает, что советское правительство ослабило гонения на церковь, чтобы сыграть на русском национализме. Он называет этот аргумент «ошибочным». Медведев указывает, что если в сталинских речах и советской про-

паганде вообще русская тема зазвучала сразу после начала немецкого вторжения, то церковь не фигурировала в советской прессе или пропаганде до конца 1943 г. «Весь 1942 г. никому в Москве не приходило в голову думать о Русской православной церкви», — говорит он, и он не прав. Он предлагает альтернативное объяснение сталинскому «конкордату» с церковной иерархией 1943 г.: это было, практически, «косметической операцией», имевшей целью успокоить американцев и англичан по поводу продвижения Красной Армии к центру Европы. Осенью 1943 г. советские войска быстро освобождали Украину, по всему было видно, что они нацеливались на Балканский полуостров. Многие в Англии и еще больше в Соединенных Штатах опасались, что Кремль навяжет свою коммунистическую систему странам, через которые пройдет Красная Армия. Таким образом, Сталин очень точно выбрал время для реставрации патриархии; ему нужно было смягчить страхи Запада накануне Тегеранской конференции, где «Большая тройка» — Сталин, Черчилль и Рузвельт — должна была впервые встретиться. Хотя открытие ликвидированных в прошлом церковей, возможно, и подняло дух у русских верующих, Медведев уверенно говорит, что «для Сталина это было делом вторым»³².

Другие русские историки тоже просматривают связь между реставрацией Московской патриархии в сентябре 1943 г. и развитием союзнической политики, хотя их анализ несколько отличается от медведевского. Сталинский биограф Дмитрий Волкогонов пишет, что на этот шаг диктатора подтолкнули условия ведения войны и международных отношений. «Советское Верховное командование, — пишет он, — ценило патриотическую роль церкви и хотело расширить ее деятельность». Но еще более важными были соображения, связанные с международными отношениями: в течение месяцев, предшествовавших Тегеранской конференции, «перед Сталиным стояла задача не только ускорить открытие второго фронта, но и заручиться количественным увеличением военной помощи Советскому Союзу». Руководство организаций, поддерживавших материальную помощь СССР со стороны сочувствующих лидеров западных церквей, вроде так называемого Красного декана Кентерберийского Хьюлетта Джонсона, убеждали Сталина сделать «публичный жест и восстановить Московскую патриархию». Советским лидером руководило не тщеславие бывшего семинариста, заключает Волкогонов, а «прагматические соображения отношений с союзниками»³³.

Русский православный священник и историк Сергей Гордун также объясняет «изменения в характере (государственных) отношений с церковью» приближающейся Тегеранской конференцией и испытываемой Советами потребностью дать сочувствующим им силам на

Западе дополнительный козырь. Он утверждает, что Хьюлетт Джонсон уже давно агитировал за обращение к Советскому правительству по поводу разрешения на визит в Москву высокопоставленной делегации Англиканской церкви³⁴. Наконец в сентябре 1943 г., не случайно за два месяца до встречи в Тегеране, Кремль согласился, и после этого архиепископ Йоркский Сирил Гарбетт посетил советскую столицу. Для того чтобы он был принят соответствующим образом, считает Гордун, русской церкви нужно было придать соответствующий статус: в результате, Сергия возвели на патриарший престол³⁵.

Приведенные здесь исторические данные, хотя их и нельзя отрицать полностью, не учитывают множество особенностей советской политики в отношении религии. Они также не дают ответов на ряд вопросов и, в сущности, добавляют новые. Например, если советское правительство пошло на ослабление режима для церкви в первую очередь для того, чтобы заручиться поддержкой русского религиозного национализма в войне с нацистами, то почему так долго зрел дух сотрудничества между церковью и государством? Советы не давали разрешения Русской православной церкви на выборы патриарха вплоть до сентября 1943 г., а в том же году государство разрешило только ограниченное издание церковной литературы на территории СССР, восстановление церквей и публикацию заявлений православного духовенства в русскоязычной советской прессе³⁶. Другими словами, о возобновлении отношений между церковью и государством вообще не шло речи почти два с половиной года со времени начала войны. В 1941–1942 гг. Советы находились в гораздо более тяжелом положении и поэтому отчаянно нуждались в поддержке всех групп внутри страны, включая христиан. И тем не менее на протяжении этих двух лет, хотя ситуация для православной церкви не ухудшилась и, возможно, даже чуть улучшилась, Советы держали религиозную активность на очень коротком поводке. Первые признаки религиозного потепления появились только после советской победы под Сталинградом зимой 1942–1943 гг., а на публичную арену церковь вышла после триумфальной победы Москвы под Курском в июле 1943 г. Поэтому, если судить по последовательности событий, создается впечатление, что церковь выигрывала не от ухудшения, как склонны рассуждать историки, а от резкого улучшения военной обстановки начиная с 1943 г.

Более того, если советское правительство пошло на реактивацию русской церкви ради того, чтобы поставить именно *русский* национализм себе на службу, то как объяснить, что подавляющее число вновь открытых церквей находилось в Украине и других западных пограничных областях, а не в самой России? В большинстве районов,

подвергнувшихся германской оккупации во время войны, русское население составляло меньшинство³⁷. Нерусское население не всегда радовалось открытию русских православных церквей в зданиях, ранее принадлежавших Греко-католической церкви или независимой Украинской православной церкви. Рассматривая этот парадокс, мало просто утверждать, что Советы таким образом противостояли германской пропаганде. Обещания Берлина дать религиозную свободу возымели большой успех на первых этапах плана «Барбаросса», пока советское население на собственном опыте не познало зловещих намерений захватчиков. И тем не менее советская религиозная политика набирала силу начиная с 1943 г. и вплоть до окончания войны именно тогда, когда первоначальные освободительные претензии немцев утратили привлекательность и когда Красная Армия приступила к окончательному изгнанию вермахта из СССР.

Нельзя полностью согласиться и с доводами тех, кто во главу угла изменений в советской религиозной политике ставит внешнеполитические мотивы. Несмотря на прекрасную аргументацию Медведевым использования Русской православной церкви в дипломатии, его утверждение, что до 1943 г. никто в московских правящих кругах не обращал на церковь внимания, абсолютно неверно. До 1943 г. церковь почти не выступала публично, даже во время нацистско-советского раздела Польши в сентябре 1939 г. и позднее, после захвата Советами Балтийских государств летом 1940 г., но все это время церковь оказывала советскому государству важные услуги. Москва использовала податливых церковных иерархов, вроде митрополита Николая и архиепископа Сергия (Воскресенского)³⁸, когда речь шла о насильственном насаждении советской власти на территориях, аннексированных в результате нацистско-советского пакта и последующих советско-германских соглашений³⁹. В 1941–1943 гг., несмотря на сведение роли церкви до минимума, она не оставалась бездеятельной; иерархи Русской православной церкви регулярно, при каждом повороте военных событий, обращались к пастве с призывами помочь победе над нацистами.

Что касается утверждений, что Кремль использовал Русскую православную церковь для того, чтобы успокоить опасения Запада по поводу возможности экспорта советского коммунизма в Западную Европу, то по большому счету это так. Но московская международная религиозная пропаганда началась гораздо раньше 1943 г. Летом и осенью 1941 г. Советы приложили много усилий, чтобы развеять свой распространенный и совершенно справедливый имидж гонителей религии. Это делалось для укрепления антигитлеровской коалиции с Англией и Соединенными Штатами, а также для обеспече-

ния потока поставок по ленд-лизу из Вашингтона. С первых же дней войны началась не только советская религиозная пропаганда. Москва использовала гораздо больший набор инструментов, чем только Русская православная церковь, ради создания имиджа Советов как защитника христианской цивилизации и привела в действие широкий пропагандистский аппарат: от Московского радио до советских дипломатических представительств за рубежом, членов зарубежных коммунистических партий, левых попутчиков и агентов в западных правительствах.

Ошибиться в интерпретации иностранной составляющей религиозной политики Советского Союза легко, поскольку она постоянно совершала зигзаги. Единого подхода к церкви не наблюдалось, кремлевская политика строилась в зависимости от военной обстановки, состояния отношений с союзниками и общественного сознания в стране. Временами советские правители вели события за собой, но чаще им приходилось следовать за событиями. Переменчивость советской политики, равно как и сложные формы, в которых соображения отношений с церковью переплетались со многими другими политическими и социальными факторами, объясняют противоречивость и многообразие исторических толкований историками сталинской реставрации Русской православной церкви. Каждый из обозначенных здесь подходов выхватывает только часть более широкой картины.

Цель этой книги — объяснить сложность и тонкость отношений между советским государством и религией в процессе их изменений в военные годы. Чтобы разобраться в историческом контексте описываемых событий, во вступлении дается краткий обзор отношений царского правительства с православной церковью, особенно того, как разные цари использовали церковь для усиления контроля Санкт-Петербурга над беспокойными границами Российской империи и для проведения российской внешней политики. Сталинская политика в сфере религии повторит эту традиционную схему. Во вступлении описываются первые два десятилетия большевистской антирелигиозной политики до 1939 года и подготовка ею сцены для событий военного времени.

Книга состоит из трех частей. В первой — «Возвращение церкви» (гл. 1, 2) — исследуется опыт использования церкви во время оккупации Красной Армией западных пограничных областей* в 1939–

* На протяжении всей книги я пользуюсь термином «западные пограничные области» применительно к тем регионам СССР, которые были с согласия наци захвачены в 1939–1940 гг. Это были районы трех балтийских республик (Эстонии, Латвии и Литвы), а также Польши, Северной Буковины и Бессарабии.

1941 г., а также ограниченное возрождение публичности религии и церкви в первые полтора года войны с Германией. Я полагаю, что московскую религиозную политику того времени можно объяснить только соображениями безопасности, о которой задумывалась Москва, особенно в контексте ее обеспокоенности недовольством нерусских национальностей. В церкви Кремль видел в первую очередь не только и, наверное, не столько орудие манипулирования русским национализмом на всей территории Советского Союза, сколько один из инструментов борьбы с нерусским и антисоветским национализмом и его нейтрализации. Для Сталина, как и для большинства царей, Русская православная церковь была активным проводником политики русификации этнически неоднородных и постоянно беспокойных западных пограничных областей. Вторая часть — «В сражениях священной войны» (гл. 3–5) — рассматривает отношения между церковью и государством в период их расцвета после 1943 г., с момента, когда Сталин вступил в так называемый конкордат с Московской патриархией и до окончания войны. Я считаю, что Сталин решил использовать церковь и восстановить Патриархию как функциональный институт для решения комплекса политических проблем, возникших перед ним и его правительством в переломный момент в ходе войны и при освобождении территорий, временно оккупированных немцами, и позже, по мере продвижения Красной Армии в Восточную и Центральную Европу. Одной из важнейших задач, стоявших тогда перед Кремлем, было восстановление советской власти в нерусских районах, где антисоветские националисты и партизаны оказывали сопротивление Красной Армии, нередко при поддержке местного духовенства. Русская православная церковь могла содействовать Кремлю в этом направлении, покончив с хаосом в религиозных делах. Она могла усмирить или убрать бунтующих священников, сохраняя при этом видимость религиозной терпимости, а также оказывала помощь в русификации приграничных областей. Кроме того, церковь возможно было использовать для борьбы с Ватиканом, имевшим значительное влияние среди населения западных пограничных областей и народов Восточной и Центральной Европы.

Это была искусная политика, но Москва не рассчитывала на возможность спонтанного религиозного возрождения среди граждан СССР снизу; эта ситуация рассматривается в гл. 4. Стремясь манипулировать русским православием, как и другими русскими национальными символами, Советы начали утрачивать контроль над этим процессом. Восстановив Московскую патриархию в надежде наладить контроль над опасными религиозными силами, Кремль вдруг оказался перед лицом неожиданного и, по крайней мере, для Советов,

тревожного явления, так как этот шаг вызвал по всей стране оживление религиозной деятельности на местах. Опыт войны и обращение к образам русской истории также внесли важные изменения в советский подход к государственному управлению, советские правители были вынуждены апеллировать не столько к «героическим» большевистским традициям, сколько к традициям русского народа.

Часть третья — «Пропаганда сталинской священной войны» — посвящена использованию религиозного вопроса в советской внешнеполитической пропаганде. Красная Армия не смогла бы в одиночку победить немцев; Москва отчаянно нуждалась в материальной и военной помощи Запада. (Конечно, то же самое можно сказать и о западных союзниках, но военная ситуация, в которой находились Советы, была намного более катастрофической, чем у его западных союзников.) Для получения этой помощи Москве нужно было развеять серьезные и вполне заслуженные подозрения в отношении атеистического коммунизма, распространенные на Западе. Поэтому на протяжении всей войны Москва и ее люди за границей без устали трудились над искоренением из памяти предвоенные советские репрессии против религии, чтобы заменить их новым имиджем СССР как защитника христианской цивилизации. По причинам, к которым мы еще вернемся, Советам удалось справиться с этой задачей на удивление успешно. История этой почти преданной забвению пропагандистской кампании служит убедительным примером международного имиджмейкинга, различий в советских, английских и американских представлениях о СССР, развития альянса между тоталитарным государством и западными демократиями, препятствий, с которыми сталкивались журналисты, работающие в диктаторских системах, а также того, как стремление выдавать желаемое за действительное, идеологическая приверженность, карьеризм и коррупция формируют информационные потоки в военное время.

Международный контекст важен для правильного понимания того, как развивалась советская религиозная политика, так как в нескольких узловых моментах религия оказала влияние на московскую дипломатию и международные отношения часто изменяли подход Москвы к религии. Я считаю, что изучение роли религии в Советском Союзе военного времени помогает разобраться в ситуации внутри страны, серьезно сказавшейся на формах холодной войны в ее начальных этапах. Однако история использования религии Советским Союзом во внешней политике времен Второй мировой войны не была ни написана, ни понята⁴⁰.

В заключении говорится о том, что история религии во время Второй мировой войны раскрывает многое в вопросе внутреннего

положения в СССР в начале холодной войны, особенно касательно меняющейся сущности советской идентичности в послевоенном мире и вообще о политических и социальных моделях, которые не сдавали позиций в посткоммунистический период. Советская система прошла через испытания огнем войны, и пережитое в это время вызвало непреходящие изменения. Алхимия войны замесила в своей пробирке кажущееся невероятным соединением противоположностей: свинец большевистского интернационализма превратился если не в золото, то, по меньшей мере, в невиданный сплав русского националистического коммунизма, который бросается в глаза в постсоветской России. Только начав с осознания этого, можно понять, каким образом на сегодняшних публичных коммунистических националистических демонстрациях над колонной могут плыть во взаимоисключающем соседстве портреты Ленина и Николая Второго (убить которого приказал Ленин), фотографии Сталина рядом с православными иконами, которые диктатор с радостью выбросил бы на свалку.

Русские национальные темы стали постепенно проникать в общественную коммуникацию с 1934 г.⁴¹ Но необходимость отражения нацистского нашествия заставила коммунистический режим забыть о сдержанности, смешивая русский национализм с большевизмом, и в результате получалась новая и неустойчивая смесь. В 1941–1945 гг. советские вожди не отказались от коммунизма, напротив, они пытались примирить абсолютно непримиримые силы, усугубляя внутренние противоречия, впоследствии способствующие краху Советского Союза. Пользуясь марксистской терминологией, можно сказать, что если православие и русский национализм были тезисом, а большевистский атеизм и интернационализм — антитезисом, то их диалектический синтез, вызванный к жизни войной против Германии, был ущербной и зыбкой формой национал-большевизма.

Бремя традиций

В начале Первой мировой войны, в тот короткий промежуток времени, когда императорская армия наступала на австро-венгров, французский посол в Санкт-Петербурге Морис Палеолог сетовал, что русское руководство вместо того, чтобы бросить все силы на ведение военных действий, с невероятной легкостью увлеклось национальными и даже религиозными вопросами. Такие, казалось, не имеющие отношения к делу размолвки мешали военному сотрудничеству. Он жаловался, что вслед за вступлением русских в пределы

австрийской Галиции «царские власти одарили ее худшим вариантом русификации»⁴².

Русские чиновники ставили в тупик Палеолога — идет современная война, а они одержимы чуть ли не средневековыми страстями по поводу религии, стремясь воспользоваться моментом и, благодаря территориальным захватам России, покончить с древними соперниками русского православия. По мере продвижения русской армии вглубь Австро-Венгрии туда хлынула масса русских православных священников, преисполненных решимости распространить свое влияние на местное восточно-славянское население. К примеру, новый генерал-губернатор, назначенный управлять той частью австрийской Галиции, которая была оккупирована Россией, граф Владимир Алексеевич Бобринский говорил французскому послу: «Я признаю только три религии в Восточной Европе: православие, католичество и иудейство. Униаты предали православие, они ренегаты и вероотступники. Мы должны силой вернуть их на правильный путь». Министр иностранных дел Сазонов был не менее беспощаден, сказав французскому послу: «Не ждите, что я возьмусь за шпагу, чтобы защитить униатов! Я уважаю римских католиков, хотя мне и жаль, что они впали в заблуждение. Но униатов ненавижу и презираю, потому что они отступники». Командующий российскими вооруженными силами великий князь Николай разделял беспокойство Палеолога, но ничего поделать не мог. Он как-то поделился с французом своей тревогой: «Я жду эшелонов с боеприпасами. Они (Петербург) посылают эшелоны попов»⁴³.

Палеолог был проницательным и сочувствующим наблюдателем, и его озабоченность смещением русских военных приоритетов была вызвана происходящими на его глазах событиями. Но в данном случае он был в замешательстве, так как не понимал исторические корни давнего политического и территориального соперничества за местность, лежащую между Россией и ее западными соседями. В Западной Европе, где государственные структуры давно уже устоялись, национальная идентичность и независимость часто достигались отказом от церковной власти. В Восточной Европе и России, напротив, национальная и религиозная принадлежность давным-давно стали неразделимыми, причем религиозная принадлежность играла первую скрипку и оказывала важнейшее влияние на формирование национальной идентичности. В этом беспокойном регионе национальная идентичность зачастую определялась выбором общей веры, а не отказом от нее⁴⁴.

Для обеспечения политической лояльности населения на этой спорной территории руководители всех местных региональных дер-

жав привычно прибегали к манипуляциям с религией. В современном мире, по крайней мере, в западных демократиях народ привык рассматривать религию личным делом каждого, а не делом государственной политики. Но на протяжении почти всей истории человечества все было иначе. В Восточной Европе, где границы редко оказывались устойчивыми и где политическая приверженность населения никогда не была постоянной величиной, религия использовалась в качестве одного из орудий, часто основного, для обеспечения лояльности или подчинения людей власти. В мире восточного православия решающим шагом к установлению национальной независимости, а с ней и политического контроля над конкретным народом, было признание автокефальности национальной церкви. Автокефалия подтверждала церковную независимость и тем самым большую возможность для правителя определять религиозную политику в пределах его или ее владения⁴⁵.

Непостоянство европейских границ и политической приверженности нигде так не бросается в глаза, как в регионе, ограниченном с севера и юга Балтийским и Черным морями, с запада Польшей, Словакией, Венгрией и Румынией и с востока Российской империей, позже Советским Союзом. В этом регионе, который за века неисчислимым количеством раз переходил из рук в руки, местное население переносило не только политические потрясения, но и смену господствующей религии, когда правители боролись за власть, а народы — за национальную государственность. Исторически сложилось, что основными противоборствующими религиями здесь были: римский католицизм, поддерживаемый Габсбургской империей и Польшей во времена ее независимости; Греко-католическая или униатская церковь* как главная религия западных украинцев, которых часто поддерживали Габсбурги и периодически поляки; ислам — государственная религия Османской империи и православие, которое наиболее успешно поддерживалось властями Российской империи. Заметную роль играл иудаизм, хотя, поскольку евреи не имели государства для защиты своих интересов и во много раз численно уступали своим славянским соседям, их религия не обладала таким политическим весом, как другие конфессии.

* В этом регионе издревле сталкивались не только религии, жаркие схватки разворачивались вокруг названий конфессий. Греко-католическую церковь, например, также называют Украинской католической церковью, католической церковью восточного (или византийского) обряда или униатской церковью. У каждого из этих названий есть свои сторонники и свои противники. Я использую все эти названия попеременно, так как каждое встречается в разных документах, но я делаю это, полностью осознавая, что вопрос о правильности названий спорный.

У России древние и устоявшиеся традиции симбиоза церкви и государства, которые восходят и к византийским корням, и характерны для принятой ею ветви христианства. Масштабы слияния церкви и государства в Византии в прошлом часто преувеличивались, и современная историография не согласна с этой интерпретацией⁴⁶. Тем не менее точка зрения, что византийская церковь в значительно большей степени, чем ее западная соперница, делала упор на идеал «симфонии» между светскими и церковными властями, изменений не претерпела⁴⁷. Римские имперские институты и традиции сохранились на Востоке, в Западной же Европе после упадка Рима политическая власть разделилась. В результате византийская церковь осталась церковью империи в той мере, в какой этого не произошло в Западной Европе*

Кроме византийского имперского наследия, церковь в России была подвержена влиянию государства еще и по другой причине: если латинская церковь признает первенство единственной фигуры, папы, чья власть не знает государственных границ, то Восточный христианский мир был куда менее централизованным. Патриархи Востока: Константинопольский, Александрийский, Антиохский, Иерусалимский и Московский почитались в порядке старшинства, в зависимости от относительной древности, что делало патриарха Константинопольского первым среди равных, но фигуры, аналогичной папе, чье слово последнее, у восточного христианства нет. Православные писатели видят в этом большую силу их церкви⁴⁸. В этом плане Восточное православие подчеркивает традицию соборности, когда к патриархам относятся как к равным, во всяком случае, в теории, принимающим решения в гораздо более согласном духе, чем это делается в латинском мире. Одним из последствий этой традиции, однако, стало дробление власти Восточной церкви на мелкие единицы, отчего она обычно оказывалась менее способной противостоять государственной власти, чем Ватикан. Конечно, существовало «Византийское содружество» и существует пользующийся большим уважением восточный православный мир, но честолюбивым правителям нередко удавалось использовать частые междоусобицы

* Весьма иронически звучат утверждения русских славянофилов начала девятнадцатого века о том, что восточная ветвь христианства более духовная и менее светская, чем латинская церковь, потому что верили, что католическая церковь восприняла традиции римской законности и антиклерикализма, а восточное православие осталось чистым и непорочным. Они совершенно не учитывали того факта, что Византия и Восточная церковь считали себя, и не без оснований, гордыми обладателями римского наследия. Как и славянофильские идеи, романтические народнические представления основывались на необычном прочтении истории.

между разными центрами Восточного православия, чтобы выиграть у церкви борьбу за власть.

Россия получила автокефалию в четырнадцатом веке и полную церковную автономию, когда в 1589 г. была учреждена Московская патриархия* Тогда, более чем через столетие после взятия Константинополя турками, русские оказались единственным наиболее значительным славянским народом, не зависимым от власти неправославных правителей. Хотя Московская патриархия и была самой молодой, скоро она стала во многих отношениях самой важной. Закат Константинополя и одновременный восход русской политической власти изменил самооценку русских. Вскоре после падения Византии в 1453 г. Русская церковь и русские лидеры заговорили о Москве как о «Третьем Риме». По их словам, в то время как Рим и Константинополь впали в ересь, Москва сберегла пламя истинной веры и таким образом сделалась опорой православного христианства. В этом следует искать происхождение традиции русского мессианства, столь противоречивого и настолько легко преувеличиваемого элемента истории страны.

Последовавшее за учреждением Московской Патриархии столетие ознаменовалось апогеем власти и влияния Русской православной церкви. Это было время, когда отношения между церковью и государством почти достигли византийской идеи симфонии. В период Смуты (1598–1613), когда под градом ударов изнутри и извне русская нация почти распалась, церковь сыграла роль сборного пункта, единственного института, связывавшего утратившие надежду и погрязшие в междоусобицах части русского общества и в конечном итоге способствовавшего изгнанию поляков и восстановлению государственной власти. Отцом нового царя Михаила был Московский патриарх Филарет, честолюбивый человек, в руках которого сосредоточилась вся реальная власть за спиной царя. В течение почти всего семнадцатого века церковь направляла свои силы на противодействие проникновению в страну иностранных еретических идей и сотрудничала с государством в распространении и поддержании русской власти, когда границы страны стали расширяться на Запад, в Белоруссии и на Украине. Петр Первый (1695–1725) положил конец периоду относительной гармонии в отношениях

* Патриарх – высший церковный чин в Восточном православии, фигур такого ранга всего пять, они находились в Константинополе-Стамбуле, Антиохии, Иерусалиме, Александрии и Москве. С четырнадцатого века в России был собственный митрополит, второй епископский чин. Создание Патриархии в Москве дало русским полную автономию в религиозных делах, в то время как у них был только митрополит, русская церковь оставалась в подчинении Патриарху Константинопольскому.

церкви и государства, которую так часто идеализировали русские писатели-националисты. Еще до Петра позиции церкви были ослаблены, когда в 1660-х гг. патриарх Никон попытался утвердить верховенство церковной власти во многих сферах жизни государства. Никон проиграл, и было подтверждено верховенство монархической власти, несмотря на то что за это пришлось заплатить дорогую цену. Церковь раскололась изнутри, и значительная часть мирян, так называемых «староверов», ушла из официальной церкви и по большей части даже из русского общества, обескровив церковь, лишенную значительной части своих творческих сил⁴⁹. Если церковь до восшествия Петра на трон была просто унижена, то он дал всем недвусмысленно понять, что государство превыше всего, зафиксировав это в специальном законе. Всем своим поведением он высмеивал церковь с ее ритуалами и поссорился с патриархом Адрианом, а когда тот в 1700 г. умер, то отказался назначить ему преемника. В своем Духовном регламенте 1721 г. Петр трансформировал церковь, по существу, в часть светского государства, по крайней мере, в том, что касалось административных дел. Он ликвидировал канцелярию патриарха и подчинил церковь правительственному органу — Священному Синоду во главе с обер-прокурором, светским чиновником, назначавшимся царем и в первую очередь отвечавшим перед государством⁵⁰. Священникам по всей России предписывалось выступать в качестве информаторов государства, разоблачая изменников пусть даже в нарушение тайны исповеди⁵¹.

Преемники Петра Первого, особенно Екатерина Вторая, продолжили начатую им линию, секуляризовали монастырскую собственность и использовали церковь как источник дохода, чтобы покрывать издержки многочисленных войн восемнадцатого века. Большая доля священнослужителей оказалась в роли замкнутой касты, духовенство не получало хорошего образования, жило на нищенское жалование, было разобщенным и далеким от мирян, у которых постоянно приходилось просить деньги за такие церковные обряды, как свадьбы, крещение и похороны⁵². Было бы неверно утверждать, как позволяют себе некоторые, что население стало видеть в попах просто паразитический класс, хотя это было любимой темой художественной литературы и социалистической пропаганды в девятнадцатом и начале двадцатого века. На самом деле имелось множество примеров благочестия священников и монахов, большинство русских считали себя православными, и церковь часто доказывала, что способна пробуждать подлинный религиозный энтузиазм. Тем не менее Русская православная церковь страдала классическими болезнями государственной церкви. Многие иерархи погрязли в коррупции. В интел-

лектуальном отношении наблюдалась глубокая стагнация, потому что не нужно было прилагать много усилий для разгрома соперников, в этом помогала вся мощь государства, и не требовалось напрягаться в поиске убедительной аргументации для победы в духовном диалоге. Консервативно настроенные государственные чиновники, как правило, подавляли любые попытки реформ внутри церкви. Самое главное, слишком много иерархов не различали или слабо различали противоречия между интересами Российской империи и интересами церкви. Особенно активно сотрудничество церкви с государством шло в последние десятилетия династии Романовых на западных границах империи по программе «русификации», при попытках подавить нерусские народы этих территорий, насильно заставляя их принимать русский образ жизни⁵³.

Церковь и государство работали рука об руку над подавлением религий, составлявших ядро нерусских национальных, особенно Греко-католической церкви (униатов). Эта церковь была создана на основе Брестской унии 1596 г., когда Ватикан и король Польши Сигизмунд Третий выдвинули идею вернуть Восток в лоно латинской обрядности. В Бресте униатским иерархам позволили сохранить восточную православную литургию, праздники восточного церковного календаря и другие аксессуары восточного православного обряда, в то же время они поклялись в верности папе. Таким путем Рим получил компенсацию за потери, понесенные им в Европе в годы Реформации, униаты же получили возможность сохранить дорогие их сердцу обычаи. Восточное православное духовенство, особенно в России, с первых же шагов встретило Унию в штыки, в ней оно усматривало нечто большее, чем римско-польский заговор для подрыва православия с помощью переманивания верующих в объятия Рима. При консервативных царях Николае Первом и Александре Третьем государство пыталось загнать униатов назад в Русскую православную церковь, не останавливаясь при этом на применении силы. Знай Палеолог эту долгую историю, возможно, его бы меньше удивляла необъяснимая для него русская одержимость в отношении униатов в 1914 г.

Русская православная церковь поддерживала интересы империи и в международных отношениях. Православная вера многие века связывала Россию с остальным православным миром, однако последние пять десятилетий династии Романовых ее международная роль приобрела необычайно большое значение. Со времен Александра Второго (1855–1881) вплоть до начала Первой мировой войны русские стремились подавать себя как большого брата славянских народов. В этих претензиях центральное место отводилось православию, хотя

не все славяне были православными (например, чехи и поляки) и не все православные были славянами (прежде всего, румыны и греки). Русская православная церковь помогала государству проводить политику панславизма по нескольким направлениям: повсеместно на Балканах она снабжала деньгами дружественно настроенное духовенство и монастыри, обеспечивала доступ к образованию приглашенных в Россию славян для того, чтобы они стали проводниками русской культуры и влияния, финансировала школы в Болгарии и других местах, прикомандировывала священников к русским посольствам за границей, где они выполняли роль агентов российского и православного влияния, вела пропаганду во всем православном мире, помогала созданным светскими властями Славянским благотворительным комитетам и оказывала моральную поддержку русским войнам, которые Россия вела в последние десятилетия царской власти, особенно если их можно было изобразить крестовым походом за славян⁵⁴.

Накануне 1917 г., невзирая на видное положение Русской православной церкви в обществе, ее состояние вряд ли можно было признать здоровым. Ее история и кровосмесительные отношения с царским правительством делали ее особенно уязвимой для марксистско-большевистских обвинений в том, что религия есть не что иное, как служанка господствующего эксплуататорского порядка, «опиум для народа». Это было не совсем так: церковь все-таки пользовалась настоящей преданностью миллионов людей. Сколько было таких людей, сказать трудно, так как из-за низкого уровня грамотности большинства простого народа не осталось письменных свидетельств об их жизни и вере. Но некоторое представление о масштабах и прочности религиозной веры можно сделать по тому, как она держалась перед лицом целенаправленного штурма коммунистических властей начиная с самого 1917 г.

Придя к власти, большевики поставили перед собой задачу уничтожить Русскую православную церковь и раздавить религию во всей империи с помощью самых разных методов: открытым подавлением, закрытием монастырей, церквей, церковных школ и семинарий, публичным высмеиванием духовенства и церковных реликвий, пропагандой, материалистическим образованием юного поколения и поощрением националистических, сепаратистских и раскольнических движений в самой церкви⁵⁵. Большевистские антирелигиозные репрессии имели характер волн, три самые разрушительные из них произошли в конце Гражданской войны — в 1922 г., во время коллективизации в 1928–1932 гг. и во время сталинского великого террора в 1936–1939 гг. Во время первой волны

большевики стремились обвинить церковь в наступившем после Гражданской войны голоде, говоря, что во время массового голода церковь несправедливо наживалась* В сущности, причины голода во многом крылись как в разрухе, вызванной Гражданской войной, так и в проводившейся большевиками политике конфискации зерна. Недавно рассекреченные документы показывают, что Ленин сам принял решение сделать церковь козлом отпущения за голод, таким образом разделившись одновременно с двумя проблемами. В марте 1922 г. Ленин писал Молотову и другим членам Политбюро: «Именно сейчас и только сейчас, когда в голодающих областях едят человеческое мясо и сотни, если не тысячи трупов усыпают дороги, мы можем (а потому должны) проводить конфискацию церковных ценностей с самой жестокой и беспощадной энергией». Ленину было ясно, что необходимы массовые казни духовенства, где жертвам предъявят обвинения в сокрытии церковных богатств во время гибели людей от голода: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии нам удастся казнить по этой причине, тем лучше. Мы должны преподать этим людям урок именно сейчас, чтобы несколько десятилетий они не осмеливались даже думать о каком-нибудь сопротивлении»⁵⁶. Поэтому большевики инсценировали в Москве и Санкт-Петербурге показательные суды над церковными иерархами, многие были приговорены к смертной казни, а тысячи других — к ссылке или тюремному заключению. Ленин, кажется, рассматривал предложение выплачивать украинским анархистам премию 100 тыс. рублей за убийство священников, назвав это «прекрасным планом»⁵⁷

В 1920-е гг., отставив на время откровенные формы репрессий, которые показали свою контрпродуктивность в отношении крестьянства, упрямо не желавшего отказываться от христианства, большевики бросили все силы на переучивание молодежи, чтобы настроить ее против религии, и на раскалывание церкви изнутри. Кремль поддерживал движение «обновленцев», появившееся внутри церкви еще до падения царского строя. Эта группа возникла как реформистское течение, но после революции ушла в раскол и получила государственную поддержку в качестве альтернативы господствующему направлению в церкви. Глава этого движения архиепископ Александр Введенский

* На самом деле Русская православная церковь предложила собрать средства, эквивалентные церковным богатствам, которые стремились конфисковать большевики, такое же предложение делал английский архиепископ Кентерберийский. Советское правительство отвергло оба предложения. Несмотря на то, что большевики, несомненно, желали использовать церковные средства в своих собственных целях, им еще больше хотелось захватить и уничтожить церковные реликвии и сокровища.

проповедовал социальное евангелие, предтечу «теологии освобождения», которое призывало видеть в коммунистическом эгалитаризме реализацию христианских принципов. Хотя обновленческая схизма создавала пребывавшей в состоянии непрерывной обороны Русской православной церкви много трудностей, было понятно, что к этому делу приложило руку советское государство, а потому она не смогла оттянуть на себя массы верующих и тем более вытеснить со сцены ведущую церковь⁵⁸.

Провокацией националистических распрей внутри церкви большевикам удалось добиться гораздо большего успеха, чем с обновленцами. Фактически, здесь они даже явно перестарались. И получили обратный эффект. Для раскола Русской православной церкви изнутри Кремль поддерживал украинские и белорусские раскольнические группы вроде Украинской автономной и Украинской автокефальной церкви или, во всяком случае, не мешал им. В то же время Украинская церковь, как это видно из названия, стремилась как-то дистанцироваться от московской власти и православной церкви на Украине, Украинская автокефальная церковь желала церковной независимости от российской власти. Оба этих раскольнических движения быстро обросли рьяными последователями и скоро стали центрами украинского национализма и, следовательно, барьером для политики жесткой централизации, курс на которую взял Сталин после консолидации власти в своих руках в конце 1920-х гг. Как пишет один историк религии Восточной Европы, «чем больше этническая гетерогенность общества, тем большую угрозу для нелегитимных режимов представляют национально ориентированные религиозные органы»⁵⁹. Поэтому Сталин приказал закрыть эти церкви, а их священников арестовать. Демонов несоветского национализма оказалось легче вызвать, чем изгнать, однако после поражения советской власти в западных пограничных областях в результате нацистского вторжения в 1941 г. эти две украинские церкви, а также их белорусский двойник вновь появятся на сцене, чтобы призраком нависнуть над Советами.

Вторая волна жестоких преследований Русской православной церкви была много шире и смертоносней, чем первая. Когда Кремль решил расправиться с крестьянским сопротивлением коллективизации в 1928–1932 гг., он нанес удар и по церкви, особенно на Украине, которую коммунисты рассматривали как тлеющий очаг коллективного крестьянского сопротивления государственной власти. Намеренно доводя миллионы до голодной смерти, безжалостно навязывая сопротивляющемуся крестьянству коллективизацию, коммунисты закрывали и взрывали церкви, арестовывали священников и многих из них

расстреливали по сфабрикованным обвинениям в подстрекательстве к мятежу⁶⁰. Последняя волна репрессий относится к 1936–1938 гг., когда духовенство разделило судьбу миллионов других людей, неблагонадежных с точки зрения тайной полиции. Тысячи священников арестовали и казнили, закрыли еще больше церквей.

К 1939 г. от Русской православной церкви осталась одна только тень ее прошлого. Если перед 1914 г. насчитывалось более 40 тыс. священников, почти столько же монахов и монахинь и более 60 тыс. церквей⁶¹, то к концу Второй мировой войны (когда мы впервые получили точные цифры), в мае 1945 г., было 10 243 работающих церкви, а в апреле 1946 г. — 9 254 приходских священника. Вскоре после революции Советы закрыли все духовные семинарии, прекратив образование и обучение новых священников и поставив под угрозу само существование священничества. Были закрыты почти все монастыри, исключение было сделано для западных пограничных областей, захваченных СССР в 1939–1940 гг., и где поэтому советская власть еще не окончательно утвердилась⁶².

Эти послевоенные показатели, даже такие незначительные, несомненно, рисуют более оптимистическую картину, чем можно было бы ожидать, учитывая обстановку 1939 г. И этому было несколько причин. Первое, аннексия западных пограничных областей в 1939–1940 гг. заметно увеличила число работающих в СССР церквей. Второе, во время войны наблюдалось значительное возрождение религии (это является предметом книги), что намного увеличило число открытых церквей. Наконец, в обстановке военного времени Советы были вынуждены разрешить открытие семинарий, что в свою очередь сказалось на увеличении числа священников⁶³. По правде говоря, увеличение их числа в 1945–1946 гг. было сравнительно небольшим, церковь получила менее 10 тыс. новых священников и право открыть немного новых церквей в стране, имеющей размеры континента и занимающей площадь одной шестой части мировой суши. Ситуация в 1939 г. была намного мрачнее, чем даже та, о которой говорят эти ужасающие послевоенные цифры.

В условиях жестоких репрессий жизнь иерархов Русской православной церкви граничила с подлинным мученичеством. Первые десять лет большевистской власти церковные лидеры по мере сил пытались сопротивляться. Еще в июне 1926 г. митрополит Сергей заявлял, что коммунизм и православие «непримиримы»⁶⁴. Однако уже на следующий год, пережив три ареста, во время которых на него, вероятно, было оказано давление, Сергей отказался от этих взглядов и выступил с новым, очень противоречивым заявлением, которое советское правительство опубликовало в газете «Известия»:

«Мы должны показать не только на словах, что можем быть верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советскому правительству, но и самыми ревностными приверженцами православия, которым оно со всеми его каноническими и литургическими сокровищами дорого как истина и жизнь. Мы хотим быть православными и в то же время считать Советский Союз нашей гражданской Родиной, ее радости и успехи — это наши радости и успехи, ее беды — это наши беды. Всякий удар, направленный против Союза... мы считаем ударом, направленным против нас»⁶⁵.

Сделал ли Сергей это заявление по убеждению или из страха, сказать невозможно, хотя в русском тексте можно заметить легкую, едва заметную нотку двусмысленности⁶⁶. Тем не менее его обращение было отвергнуто почти всеми православными верующими, не живущими на территории, подконтрольной советской власти, а в самой России оно вызвало внутрицерковный раскол.

Сергей был нетерпим к духовенству, отказавшемуся последовать за ним. Он заявил, что «только непрактичные мечтатели могут думать, что такая огромная община, как православная церковь со всеми ее организациями, может мирно существовать в нашей стране, прячась от ее правительства»⁶⁷. Далее он объявил, что в СССР епископы, несогласные с его решением сотрудничать с правительством, действуют неканонически. Он поддерживал советское правительство и во время нападков на него из-за границы. Например, в 1930 г., когда Кремль возобновил ожесточенные преследования церкви, папа Пий XI призвал христианский мир молиться за братьев верующих в СССР, к нему присоединились архиепископ Кентерберийский Косм Гордон Ланг и лютеранская церковь в Германии⁶⁸. В своем ответе Сергей не только отрицал факты гонений, но также напомнил папе об инквизиции и поставил под сомнение право папы и католической церкви говорить о репрессиях где бы то ни было. Это не остановило папу, и в марте 1937 г. он выпустил энциклику под названием *Divini Redemptoris*, в которой осудил коммунизм, особенно за стремление создавать организации и группы-ширмы для вовлечения наивных некоммунистов в деятельность, служащую целям коммунистов. Его энциклика содержала слова, которые потом не будут давать покоя католикам, желавшим помогать Советам в войне против нацистов. Пий XI был категоричен и отрицал любой компромисс. «Коммунизм по своей сути зло. И ни один человек, заботящийся о спасении христианской цивилизации, не может сотрудничать с ним ни в каком предприятии»⁶⁹. Папа был очень близок к тому, чтобы провозгласить коммунизм орудием антихриста.

Накануне Второй мировой войны Русская православная церковь находилась в отчаянном положении. Казалось, исчезли надежды на будущее, уменьшающееся число пастырей катастрофически старело, закрывалось все больше церквей, верующих запугивали, детей учили презирать веру их праотцов. Христиане всего мира осуждали такое положение вещей, они регулярно слушали проповеди с церковных кафедр, читали гневные статьи в бесчисленных церковных изданиях, осуждавших советский коммунизм и выражавших солидарность с его жертвами. Во многом международный имидж СССР в христианском мире был хуже, чем имидж нацистов. И все же после гитлеровского вторжения в СССР Кремль вынужден был обратиться к западным христианам за помощью.

До 1939 г. советское правительство, казалось, не нуждалось в Русской православной церкви, а сама церковь походила на беспомощную жертву государства. Но Советы очень быстро поменяли тактику. Хотя большевистский режим объявил, что безвозвратно порвал с прошлым, географические и этнические реальности, как и наследие традиций, настойчиво диктовали возвращение к старым, наполовину забытым инструментам для решений дилемм внутренней и внешней политики, которые больше подошли бы некоторым царским бюрократам. В свою очередь изменилась и Русская православная церковь. Она тоже была сторонницей традиций и концепций. Подчинение государству, идентификация с русской нацией и желание искоренить схизму и соперничать с конкурирующими церквями и сектами — все это почти не оставляло выбора, кроме как войти в неравное партнерство с тем самым режимом, который так преследовал ее. Доведись Палеологу узнать советскую церковную политику 1939–1945 гг., он был бы поражен тем, как атеистическое коммунистическое государство погрязло в тех самых средневековых распрях, какие он с ужасом наблюдал в 1914 г. Большевистская революция с кровожадной свирепостью двадцать лет пахала и перепаживала поля российского общества, выворачивая плодородный слой и уничтожая в нем ростки жизни, но все же, несмотря на бушующие на поверхности гнев и ярость, внутренние слои истории сохранили свои древние формы.

Примечания

- ¹ Fukuyama. The End of History and the Last Man. Фукуяма говорит, что если принять гегелевский взгляд на историю, развитие которой определяется столкновением между соперничающими организационными принципами человеческой цивилизации, то напрашивается вывод, что этот процесс заканчивается с устранением соперников западной либерально-

- капиталистической модели. Этот тезис он несколько развивает применительно к религии. См.: Р 216–217. В статье, вызвавшей много споров, Сэмюэл П. Хантингтон высказывает мысль, что в мире, сложившемся после холодной войны, место советско-западного соперничества как фокуса международного конфликта заняли цивилизации, определяемые религиозной демаркацией. Huntington. *The Clash of Civilizations?* P. 22–49.
- ² См.: Vorontsova and Filatov. *Freedom of Coscience in Russia*. P. 375–381. К 1997 г. Русская православная церковь как институт, пользующийся в России наибольшим доверием, была отодвинута армией на второе место, даже после катастрофической Чеченской войны: 48% русских поставили на первое место вооруженные силы, 44% — церковь. *Economist*. August 2, 1997. P. 38.
- ³ Два специалиста по современному русскому религиозному общественному мнению заключают, что большинство русских считают себя «христианами вообще» и что «русские религиозные чувства сегодня спонтанно анархические и даже неосознанно экуменические». Vorontsova and Filatov. *Freedom of Conscience in Russia*. P. 380.
- ⁴ В сентябре 1997 г. церковь смогла убедить подавляющее число депутатов Думы принять закон, резко ограничивший соперничающие церкви и религиозные секты в отношении обладания собственностью, издания литературы и проповедования веры. Gordon. *Irking U. S., Yeltsin Signs Law Protecting Orthodox Church*. P. 1, 5. Для ознакомления со многими из наиболее важных первых результатов применения нового закона см. Uzzell. *Letter from Moscow*. P. 17–19.
- ⁵ В качестве примера одного из позднейших популярных авторов, крайне преувеличивающего сталинский контроль над событиями см. Radzinsky. *Stalin*.
- ⁶ В 1972 г. Джон Гэддис, историк холодной войны (личный друг и бывший коллега по Огайскому университету) писал, что «на русского диктатора не давили Конгресс, общественное мнение или пресса. Его не сдерживала даже идеология: Сталин был господином коммунистической доктрины, а не ее пленником, и мог по своему усмотрению изменять или отменять положения марксизма-ленинизма». *The United States and the Origin of the Cold War*. P. 360. За время, прошедшее с момента, когда Гэддис написал эти строки, его взгляды изменились, особенно, что касается роли идеологии. См.: Gaddis. *Now We Know*. Тем не менее выраженная им точка зрения пользуется широким распространением и даже в годы холодной войны часто оказывала влияние на западную политику в отношении Советского Союза.
- ⁷ В качестве примера таких ревизионистских подходов см. Getty. *Origins of the Great Purges*. Еще более крайний взгляд находим в недавних работах:

Thurston. *Life and Terror in Stalin's Russia*; Lih, Naumov and Klevniuk. *Stalin's Letters to Molotov*. В Введении Ли высказывает одно, общее для всех ревизионистов, мнение о великом диктаторе: «Сталин оказался в плену событий, в которых не мог разобраться (мы все еще пытаемся разобраться в них сегодня), а его концептуальный инструментарий был просто недостаточен для того, чтобы осознать подлинные причины его проблем или результаты его действий. Его незнание и раздражение, усилившиеся его искренностью и талантом руководителя, приводили к преступлениям ужасающих масштабов. Нужно обладать даром Достоевского, чтобы во всей полноте описать сочетание цинизма и веры, манипуляций и искренности, которые вылились в трагедию Сталина и его времени» (Р. 63). С распадом СССР ряд ревизионистских историков пытались внести некоторые коррективы в свои взгляды, признав, что Сталин являлся незаменимой для своей эпохи фигурой. См.: Введение к книге Getty and Manning. *Stalinist Terror*. Р. 1–18.

- ⁸ Данная работа сосредоточивается преимущественно на роли христианских церквей, особенно Русской православной церкви, во время Второй мировой войны. В книге упоминаются иудаизм, ислам и буддизм, но нечасто. Причина не в том, что другие религии не играли важной роли в советской жизни, а в том, что они не играли той столь значительной роли в советской внутренней и внешней политике, какую играло русское православие, религия русского большинства. Хотя, конечно, во время войны очень остро стояли еврейские проблемы и Советы создали Еврейский антифашистский комитет с целью мобилизовать международное еврейское общественное мнение в поддержку войны с нацистами, чисто религиозные вопросы играли относительно незначительную роль в его работе. Работа комитета носила почти полностью светский характер. Кроме того, нацистская программа антисемитского геноцида сделала советских евреев менее склонными к конфликтным ситуациям с советской властью, чем многих христиан. Что касается ислама и буддизма, то, несмотря на заверения лидеров этих конфессий в СССР о поддержке войны, они не имели того значения, какое имело христианство, потому что СССР вел войну со странами, которые не могли использовать панисламские или панбуддистские лозунги.
- ⁹ Цитата взята из текста одной из самых широко используемых многие годы книг по русской и советской истории: Riasanovsky. *A History of Russia*. Р. 642.
- ¹⁰ Эту тенденцию характеризует одна из недавно изданных исторических работ. Глава в ней, посвященная культуре и обществу, включая раздел «Сознание, тело и душа», ни словом не упоминает религию. Роли православной церкви во время войны отводится одно предложение: Suny. *The*

- Soviet Experiment. P. 269–290, 327; Keep. Last of the Empires. P. 168–171. В этой работе православной церкви уделено всего три страницы в главе о диссидентстве. Хотя здесь есть несколько удачных мыслей, но церковь также рассматривается только как жертва государственной власти.
- ¹¹ Weigel. The Final Revolution. Автор считает, что христианская религия победила коммунизм в большей степени своим моральным примером. Но он почти ничего не говорит о роли православной церкви, ограничившись почти исключительно католицизмом.
- ¹² Эта мысль принадлежит Пайпсу. Pipes. Russia under the Bolshevik Regime. P. 337.
- ¹³ Самая последняя книга по истории СССР во время войны, например, посвящает менее двух страниц религии и весьма странно объясняет возрождение православия, отчасти утверждая, что «Сталин, бывший семинарист, возможно, никогда полностью не отказывался от своей веры». Автор также мимоходом отмечает важность религии в мобилизации национального чувства. Overy. Russia's War. P. 203. Одно примечательное исключение из общей тенденции обходить вниманием религиозную сферу составляет книга Александра Верта «Россия в войне», где коротко, но четко описывается роль церкви в годы войны. Werth. Russia at War. P. 429–438. Тем не менее даже Верт опускает обстоятельства, связанные с общей советской религиозной политикой и ролью международной пропаганды.
- ¹⁴ Цит. по: Fitzpatrick. Stalin's Peasants. P. 204. Работа Фицпатрика составляет исключение, в ней отводится достаточно много места вопросу о религии среди крестьян.
- ¹⁵ Stites. Culture and Entertainment in Wartime Russia. Стайтс не говорит о религии в России во время войны и в своей работе Russian Popular Culture.
- ¹⁶ Barber and Harrison. The Soviet Home Front. P. 70.
- ¹⁷ См., например, Кондакова и Мейн. «Интеллигенция России, 1941–1945 гг.», особенно главы 3/1, 5/1, 5/2, где такие вещи, как «возрождение духовной жизни», рассматриваются с чисто светских позиций. Незадолго до сдачи «Сталинской священной войны» в печать вышла работа: Шарковский. «Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве». Хотя в ней дан хороший обзор периода, которому посвящена настоящая книга, международный контекст событий там не присутствует.
- ¹⁸ Ничего не говорится о вопросах религии в таких общеизвестных работах по вопросам советской внешней политики, как Mastny. Russia's Road to Cold War; Taubma. Stalin's American Policy.
- ¹⁹ Лучшей исторической работой по Русской православной церкви в советскую эпоху остается: Pospelovsky. Russian Church under the Soviet Regime. Написанное до открытия советских архивов, это прекрасное исследование берет в расчет целый комплекс особенностей религии в СССР и продол-

жает сохранять свою огромную ценность в наши дни. Поспеловский сосредоточивает внимание полностью на самой церкви и меньше интересуется международным аспектом советской религиозной политики, преуменьшая при этом моменты, когда интересы церкви и государства совпадали. После открытия советских архивов Поспеловский издал небольшую статью о Русской православной церкви во время войны (Pospelovsky. The «Best Years'of» Stalin's Church Policy in the Light of Archival Documents. P. 139–162). Имеются, конечно, и другие прекрасные работы более позднего времени, содержащие исторические обзоры, но годы войны упоминаются в них только мельком. См.: Davis. A Long Walk to Church; Ellis. The Russian Orthodox Church.

- ²⁰ Возможно, это связано с тем, что многие историки, занимающиеся Русской православной церковью, сами принадлежат к этой церкви или, по меньшей мере, сочувственно относятся к страданиям ее членов и поэтому склонны не замечать, как часто православное духовенство сотрудничало с советской властью.
- ²¹ См.: Fireside. Icon and Swastika; Alexeev, Stavrou. The Great Revival; Dallin. Книга German Rule in Russia отводит религиозному вопросу на оккупированных немцами территориях одну главу. Fletcher. The Russian Orthodox Church Underground содержит превосходную главу о войне и описывает многие события в развитии отношений между церковью и государством. Флетчер писал эту книгу в 1971 г., не имея доступа к советским архивам, к тому же он не рассматривал вопросов, связанных с использованием религии в международной пропаганде в целом. Bociurkiw. Книга The Ukrainian Greek Catholic Church and the Soviet State (1939–1950) вышла в свет в момент, когда работа над данным исследованием еще продолжалась, в ней используется широкий круг советских источников, но ее предмет строго ограничивается советскими униатами.
- ²² Fletcher. Religion and Soviet Foreign Policy. Флетчера интересует деятельность церковных иерархов, и он не пишет о государственной поддержке религиозной пропаганды или работе советских пропагандистов и агентов за границей. Alexeev. The Foreign Policy of the Moscow Patriarchate. V. 2. Несмотря на название книги, Алексеев отвел всего несколько страниц вопросам внешней политики до 1945 г., книга была написана в 1955 г., поэтому, естественно, полностью основывается на опубликованных советских источниках.
- ²³ Эта точка зрения наиболее отчетливо была выражена английским архиепископом Йоркским после его визита в СССР в сентябре 1943 г. Notes of a Press Conference Held at the Ministry of Information on Monday. 11th October, 1943. PRO INF 1/792. См. гл. 7.
- ²⁴ «Известия». 18 августа 1927 г.

- ²⁵ Исключение составляет Мэтью Спинка, который в большинстве случаев обязательно отмечает кремлевские манипуляции церковью. Он пишет: «Даже Сталин признавал очень большие заслуги церкви в поддержке патриотизма. За это он наградил Сергия, позволив ему занять патриарший престол». Spinka. *The Church in Soviet Russia*. P. x. В другой работе также рассматривают действия Сталина как «официальную награду» церкви за преданность. Dear and Foot. *The Oxford Companion on World War Two*. P. 943.
- ²⁶ Солженицын А. «Письмо вождям Советского Союза». Париж: YMCA-Press. С. 17. См. также: Pospelovsky. *A History of Soviet Atheism in Theory and Practice*; Believer. V. 2. P. 91; Dunlop. *The Faces of Contemporary Russian Nationalism*. P. 14–16. Дэнлоп также рассматривает смягчение религиозных репрессий как уступку внутренним силам.
- ²⁷ Православный историк Николай Зернов в 1945 г. согласился с этим мнением, написав, что «огромные страдания русской нации, перенесенные во время немецкого нападения, выковали новое чувство национального единства». Поддержка церковью государства во время войны «произвела впечатление на правительство и обеспечила церкви гораздо большую свободу действий» (*The Russians and Their Church*. P. 165–166). Ту же точку зрения последние годы пропагандировала Московская патриархия. «Вторая мировая война заставила Сталина мобилизовать для обороны все национальные ресурсы, включая Русскую православную церковь как моральную силу народа». Department for External Church Relations of the Patriarchate of Moscow / Russian Orthodox Church (Historical Background). Вебсайт Московской патриархии: russian-orthodox-church.org.ru/hist_en.htm. 7 января 1999 г.
- ²⁸ См. подробнее гл. 2.
- ²⁹ Как отмечал иезуитский историк Роберт А. Грэм, нацисты объявили себя защитниками «западной цивилизации», не обязательно «христианской цивилизации», так как нацизм, в принципе, выступал против религиозной веры не меньше, чем советский коммунизм. В этом одна из главных причин неспособности нацистов сыграть на религиозном вопросе в оккупированных ими областях. Robert A. Graham. *The Vatican and Communism during World War Two*. P. 26.
- ³⁰ Fireside. *Icon and Swastika*. P. 133.
- ³¹ Ware. *The Orthodox Church*. P. 155. Поспеловский также считает конкуренцию с немцами решающим фактором поворота в сталинской религиозной политике. *The Russian Church under the Soviet Regime*. V 1. P. 196.
- ³² К сожалению, Медведев не подкрепляет документами это интересное утверждение. Medvedev. *All Stalin's Men*. P. 93–94. Нежелание Медведева допустить мысль, что Советам были нужны престиж и национальная при-

влекательность церкви, может объясняться его верой в притягательность ленинизма.

- ³³ Волкогонов Д. А. «Триумф и трагедия». С. 382–383.
- ³⁴ На самом деле предложение об обмене между Англиканской и Русской православной церквями было сделано советской, а не английской стороной. Но тогда и до самого последнего времени об этом не было известно. См. гл. 7.
- ³⁵ Гордун С. Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 гг. С. 39–40. Хотя статья Гордуна основывалась на церковных и советских документах, в разделе, объясняющем мотивы восстановления Патриархии, по-видимому, они не использовались. Этот раздел в основном опирается на работу Алексеева В. А. «Неожиданный диалог». С. 42. Решение пригласить англиканскую делегацию было принято годом раньше. См. гл. 7.
- ³⁶ С начала войны Советы разрешили духовенству печатать статьи в журналах и газетах, издававшихся для иностранного читателя, вроде «Moscow News» и «Soviet War News».
- ³⁷ Историки давно, еще до того как это стало известно из закрытых советских источников, знали о таком неравномерном распределении церквей. См., например, Bohdan R. Wocurkiw. Religion and Atheism in Soviet Society / Marshall. Aspects of Religion in the Soviet Union. P. 54. Основная часть открытых церквей пришла на Украину, общее число населения которой в 1939 г. составляло 30 946 218 человек, из которых 23 667 509 были этническими украинцами, этническими русскими были только 4 175 299 человек. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Российская Академия Наук. С. 56, 68.
- ³⁸ Не путать с митрополитом Сергием, патриархом *locum tenens*.
- ³⁹ Pospelovsky. The Russian Church under the Soviet Regime. V. 1. P. 194. Видимо, Советам в то время было в первую очередь важнее подчинить украинскую националистическую Греко-католическую церковь более послушной Русской православной церкви. См.: Dennis J. Dunn. The Catholic Church and the Soviet Government in Soviet Occupied East Europe. 1939–1940 / De George and Scanlan. Marxism and Religion in Eastern Europe. P. 107–118. Этот период рассматривается в гл. 1 настоящей работы.
- ⁴⁰ Единственным исключением была книга Alexeev. Foreign Policy of the Moscow Patriarchate, напечатанная в частном порядке на русском языке, советские документы в ней не использовались, поскольку доступ к ним в то время был закрыт. Fletcher. В книге Religion and Soviet Foreign Policy имеется лишь несколько замечаний по поводу дипломатии военного времени.
- ⁴¹ См.: Dunlop. The Faces of Contemporary Russian Nationalism. P. 3–28. Н. Тимашев писал книгу «Великое отступление» (Timasheff. The Great Retreat) в 1946 г., наблюдая за признаками поворота в СССР к русским

- национальным темам. Он считал, что коммунистическая система медленно возвращается к традиционному русизму.
- ⁴² Paleologue. *An Ambassador's Memoirs*. V 1. P. 213–214.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ Этот вопрос хорошо раскрыт в работе Dennis J. Dunn. *Nationalism and Religion in Eastern Europe // Religion and Nationalism in Eastern Europe and the Soviet Union* / ed. by Dennis J. Dunn. P. 1–14. Сабрина Рамет пользуется термином «церковный национализм». Церковный национализм имеет несколько четко прослеживаемых аспектов церковной деятельности: сохранение и развитие церковного культурного наследия, использование церковью специфического языка для литургии и поучений, определенные территориальные претензии на предполагаемой этнической базе и культивирование самой социальной идеи, то есть идеи, что данный народ, объединенный верой и культурой, составляет нацию. Pedro Ramet. *Autocephaly and National Identity in Church-State Relations in Eastern Christianity* / Pedro Ramet. *Eastern Christians and Politics in Twentieth Century*. V 1. P. 10.
- ⁴⁵ «Приравнивание религиозного единства к политическому единству, а позже к национальной самобытности сделалось основанием для автокефальности в православном мире. Быть нацией, особенно при росте национализма в девятнадцатом веке, значило иметь собственную церковь и иметь право на свое собственное государство». Ibid. P. 4.
- ⁴⁶ Дмитрий Оболенский пишет, что Россия и другие нации, принявшие христианство от Византии, фактически увеличили единство церкви и государства, добавив к первоначальной модели еще и «близость по родству», благодаря тому, что такие государства, как Россия, были этнически однороднее, чем разнородная Византийская империя. Obolensky. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe*. P. 398.
- ⁴⁷ John Meyendorff. *Byzantium and the Rise of Russia*. P. 11–12.
- ⁴⁸ См., например, Ware. *The Orthodox Church*. P. 15–16.
- ⁴⁹ Александр Солженицын пишет, что после Великой схизмы в течение последующих трех сотен лет русское православие так и не смогло вернуть себе мощного динамизма. Эта тема неоднократно повторяется в произведениях Солженицына. Solzhenitsyn. *The Russian Question at the End of the Twentieth Century*. P. 9.
- ⁵⁰ Один из крупнейших специалистов по Русской церкви Григорий Фриз настойчиво отстаивает мысль, что степень подчинения церкви государству в царской России сильно преувеличивалась, по крайней мере, в чисто церковных делах. Freeze. *Handmaiden of State? The Church in Imperial Russia Reconsidered*. P. 82–102. Тем не менее Фриз соглашается, что «политическая мощь и специфическая сфера власти на протяжении

- восемнадцатого и девятнадцатого веков сокращались» и что «ее мирские функции и компетентность... сильно уменьшились» (Р. 89, 90). В одном из самых недавних исследований, разбиравших церковную политику Петра Первого, Линдсей Хьюз объявляет царя «чистым победителем» в борьбе с церковной властью. Hughes. *Russia in the Age of Peter the Great*. P. 332–356.
- ⁵¹ Указ Петра Первого от 17 мая 1722 г. гласил, что, если во время исповеди кто-то признается духовному отцу в несовершенном, но все же задуманном преступлении, особенно в измене или бунте против Самодержца государства или в злом умысле против Самодержца и его семьи, и, объявив о таком злом умысле, покажет, что не сожалеет о нем... тогда исповедник не должен отпускать ему грехи и давать ему прощения, а как можно скорее сообщить о нем в соответствующее место. Историк Джеффри Хостинг отмечает, что с введением петровских церковных инструкций священники становились «духовными администраторами и местными агентами автократического государства». Hosking. *Russia: People and Empire, 1552–1917*. P. 228.
- ⁵² Freeze. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia*. P. 450–458.
- ⁵³ Защитник Святейшего синода Константин Победоносцев, самый известный русификатор, писал, что «Россия и православие — синонимы». См.: Byrnes. *Pobedonostsev*. P. 188–208.
- ⁵⁴ Б. Х. Самнер, оксфордский специалист по русской истории, работавший во время войны в исследовательском отделе Форин офиса, написал великолепное небольшое исследование о роли русской церкви в панславизме, разобрав каждое направление ее влияния на это явление. *The Russian Orthodox Church and Pan-Slavism*. October 15, 1943. В. Н. Sumner, PRO FO 371/36962.
- ⁵⁵ Прекрасное представление о первых советских антирелигиозных кампаниях, ярко демонстрирующее их неэффективность, находим в книге Peris. *Storming the Heavens*.
- ⁵⁶ Ленин — Молотову и членам Политбюро. 19 марта 1922 года. См.: Pipes. *The Unknown Lenin*. P. 152–154.
- ⁵⁷ Luukkanen. *The Party of Unbelief*. P. 84. Сабрина Рамет утверждает, что в 1917–1922 гг. большевики убили 28 епископов и 1215 священников. Ramet. *Cross and Commissar*. P. 24.
- ⁵⁸ Peris. *Storming the Heavens*. P. 27.
- ⁵⁹ Ramet. *Cross and Commissar*. P. 40.
- ⁶⁰ Conquest. *The Harvest of Sorrow*. P. 199–213.
- ⁶¹ Pospelovsky. *A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer*. V 2. P. ix.
- ⁶² Цифра, показывающая число действующих церквей, приводилась в записке Карпова Александрову от 30 августа 1945 года. РЦХИДНИ. Ф. 17.

Оп. 125. Ед. хр. 1408. Цифра для священников взята из: Гордун. Русская православная церковь в период с 1943 по 1945 гг. С. 40. Рамет подсчитал, что накануне германского вторжения оставались открытыми «всего 500 церквей». Ramet. Cross and Comissar. P. 24.

⁶³ См. подробнее гл. 4.

⁶⁴ Fletcher. Russian Orthodox Church Underground. P. 50.

⁶⁵ Ibid. P. 51.

⁶⁶ Флетчер пронизательно заметил: «Подбор слов в этом заявлении содержит тонко скрытый смысл, потому что в русском языке слово «родина» женского рода, а «Советский Союз» — мужского. Русское притяжательное местоимение «которой» в фразе «радости и успехи которой» — женского рода, и поэтому точное значение всей фразы в том, что церковь ассоциирует себя с радостями и успехами родины, а не Советского Союза. Ibid. P. 54.

⁶⁷ Ibid. P. 52.

⁶⁸ Dunn. The Catholic Church and the Soviet Government. P. 39.

⁶⁹ Papal Encyclical. Divini Redemptoris. March 19, 1937.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ЦЕРКВИ

Глава первая

РЕЛИГИЯ И НАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Советская дилемма. 1939–1941 гг.

Такой вещи, как аполитичная церковь, не существует.

*Трофейный немецкий документ.
Октябрь 1941 г.*

Русская церковь — одна из самых эффективных организаций подчинения.

Архиепископ Ярема. 1997 г.

Война и мифы солидарности

В первые годы после развала СССР гости Москвы могли наблюдать группы людей в безличной серой одежде, переминавшихся с ноги на ногу на тротуарах вдоль Красной площади, которые продавали националистические и коммунистические газеты. Большинство из них были пожилые люди, недовольные исчезновением системы, которой они посвятили свою жизнь и карьеру, другие были молодые люди, преисполненные горечью утраты советской власти и, как им казалось, унижением страны. На первых страницах многих газет красовался мрачный портрет Сталина, обязательно в форме генералиссимуса времен апогея его власти. Эти публикации были наполнены восторженными фразами о великом вожде и его предполагаемых социальных, экономических, дипломатических и военных достижениях. Для старой гвардии коммунистов и националистов Сталин оставался великим человеком, культовым вождем, которому досталась Россия с сохой, а через одно поколение он оставил ее с атомной бомбой. Эта необъяснимая для нас преданность одному из великих злодеев двадцатого века была непонятна многим западникам, считавшим, что свержение коммунизма наконец-то освободило русский народ от эры фактического рабства. Как могло случиться, что среди людей, так на-

страдавших от жестокого диктатора, было так много его поклонников? Осознание этого факта вызывал шок почти такой же силы, как если бы обнаружилось, что большинство современных немцев открыто гордятся наследием Гитлера.

Западные ученые давно уже бьются над вопросом отношения советских людей к Сталину и его режиму, отсутствие надежных архивных материалов до недавнего времени не позволяло выдвигать широких и разнообразных интерпретаций без опасения натолкнуться на решительное опровержение. Главный историк сталинского Великого террора считал, что диктатор поддерживал свой режим единственно с помощью силы и страха¹. Однако последнее поколение историков-ревизионистов утверждает, что сталинская система, даже с ее массовыми арестами и кампаниями против «шпионов» и «вредителей», пользовалась широкой социальной поддержкой. Один видный историк пишет, что в начале войны Сталин был «исключительно популярным вождем»². Сторонник еще более крайней точки зрения, признавая, что миллионы невинных людей были арестованы и сотни тысяч расстреляны, говорит, что «многие граждане... не испытывали и даже не замечали террора и узнавали об этом из газет или речей» (выделено мной. — С. М. М.). В качестве убедительного доказательства массовой поддержки советским народом коммунистического режима называют верную службу миллионов рядовых солдат во время войны против Гитлера — своего рода лакмусовую бумажку сталинского режима³.

Конечно, такое представление о войне пропагандировалось Советами начиная с самого Сталина: поражение нацистской Германии, утверждал он, продемонстрировало превосходство коммунистической системы и непоколебимость уз, связывавших советские народы. В День Красной Армии в 1946 г. отец народов объявил, что «выдающиеся победы Красной Армии объясняются прежде всего тем, что она является подлинно народной армией и защищает интересы своего народа... Весь народ, не покладая рук, дни и ночи упорно трудился для фронта, для победы»⁴. Новый советский государственный гимн, в начале 1944 г. заменивший революционный «Интернационал», подчеркивал единство разных советских национальностей, но, вместе с тем, и «ведущую роль» русского народа:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народа
Единый, могучий Советский Союз.

Несмотря на широкую официальную пропаганду, война оставалась для режима опасной памятью, особенно пока у власти был Сталин. Слишком много людей были свидетелями паники и катастрофы 1941 г., репрессий и депортаций, а также бессмысленной гибели солдат из-за действий некоторых командиров и политических комиссаров. Война, конечно, показала массу примеров подлинного самопожертвования, патриотизма и героизма, но память об этом была опасной. Слишком большое внимание к военным событиям грозило возвысить настоящих героев войны, таких как маршал Жуков, и вознести их выше самого Сталина. Это было неприемлемо, сталинизм был монотеизмом.

На двадцатом съезде Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) в 1956 г. Никита Хрущев осудил некоторые преступления своего предшественника — диктатора и ментора. Во время недолгого периода культурной «оттепели» в материалах о войне исчезли восхваления Сталину, вместо них появилась умеренная критика «культ личности» почившего уже бога. В шеститомной официальной истории войны, публикация которой началась в 1960 г., содержались обвинения Сталина в неспособности предвидеть нападение Германии, отказе прислушиваться к советам опытных подчиненных, несправедливых репрессиях против командного состава армии и других больших и малых грехах. Однако, несмотря на значительно большую критичность, в новом переработанном варианте официальной версии войны по-прежнему утверждалось, что фронт и гражданский тыл связывали полумистические узы, и поддерживался миф о том, что национальности союза сражались плечом к плечу под предводительством коммунистической партии, а противодействовала этому только горстка изменников и классовых врагов⁵. В хрущевской официальной истории и в более 150 военных мемуарах, вышедших в свет за этот период, не упоминается о массовых депортациях малых народов, вооруженном сопротивлении советской власти в пограничных областях в начале и в конце войны, сотрудничестве с захватчиками как представителей малых народов, так и самих русских, или преследованиях религиозной практики нерусских народов, а в случае Греко-католической церкви — о ее роспуске⁶.

В эру Хрущева, а затем особенно при Брежневе, настоящее критическое изучение этих событий военного времени советские историки подменяли искусным историческим повествованием, возносившим культ «Великой Отечественной войны» почти до религиозных высот. Советская победа над нацизмом начала соперничать с большевистской революцией и даже затмевать ее как важнейшее, придающее коммунистической системе легитимность событие⁷. Если создание

большевистского государства, столкнув русского с русским, развязало братоубийственную войну, унесшую десять миллионов человек, то Вторая мировая война, напротив, подавалась однозначно позитивно с трогательной моралью о том, как страна сплотилась против истинного врага, иноземного захватчика. Власти стремились использовать войну для насаждения общего советского патриотизма, который, как они надеялись, вытеснит более старые национальные ценности отдельных народов. Пример войны использовался и для воспитания в молодом поколении чувства послушания политической и даже родительской власти.

В свою очередь и Михаил Горбачев, выступая на праздновании столетия победы, повторил основы главных брежневских тезисов: «Во время войны все встали на защиту родной земли, стар и млад, мужчины и женщины, все национальные и этнические группы». Советские люди, как один, защищали «родную землю, социалистическую систему, идеи и дело Октября». Генеральный секретарь не обошел вниманием и своего предшественника: «Свою роль в победе сыграли огромная воля, целеустремленность и умение организовать и дисциплинировать людей, что продемонстрировал Сталин во время войны»⁸. При упоминании роли Сталина в военные годы горбачевская аудитория аппаратчиков на семнадцать секунд прервала его бурными аплодисментами⁹. Хотя, наверное, в тот момент этот порыв и свидетельствовал о степени верности памяти диктатора, но в ретроспективе его можно рассматривать как последнее ура сталинистского поколения.

Только в конце 1980-х гг. советские историки начали всерьез заниматься болезненными вопросами, оставленными войной, поначалу как бы исподволь, а затем все более открыто. Через два года после выступления Горбачева один из самых видных историков Второй мировой войны А. М. Самсонов, сам бывший участник войны, сделал несколько телевизионных передач, призывая к откровенному обсуждению малоизвестных аспектов войны. Повторяя новый призыв Горбачева исследовать «белые пятна» советской истории, Самсонов обратил особое внимание на необходимость обсудить вопрос о том, что Сталин не предвидел нацистское нападение, что Советы жестоко обходились с советскими солдатами, сдавшимися немцам, и что явилось причиной провала советского наступления на Украине весной 1942 г.

Список обсуждавшихся тем не выходил за рамки типичных для хрущевской эры вопросов. Однако реакция общественности была немедленной и поразила даже Самсонова, которого скоро завалили тысячи писем от ветеранов, членов партии, людей, прошедших

ГУЛАГ, и просто людей, интересующихся историей своей страны. Резкая противоположность высказанных в письмах мыслей говорила о поляризации мнений о Сталине и войне среди обычных советских граждан. Хотя защитники Сталина были в меньшинстве, они яростно отстаивали своего героя. Один ветеран писал: «Мое поколение родилось при Ленине и выросло при Сталине. Мы стояли и стоим за справедливое дело Сталина. Мы должны не плевать на Сталина, а изучать его»¹⁰ Конечно, существовали столь откровенные защитники старых, привычных советских истин, но большинство корреспондентов Самсонова были настроены к Сталину в высшей степени критически. Один участник войны писал: «Многие говорят, что под руководством Сталина мы победили в войне. Я считаю, что под руководством Сталина мы почти ее проиграли»¹¹.

Корреспонденция Самсонова демонстрировала, как даже самое узкое обсуждение поставленных до этого под запрет вопросов о войне угрожало взрывом, который выпустит из бутылки давно загнанных туда духов прошлого. Многие письма призывали вывести обсуждение за рамки, предложенные осторожным Самсоновым, и требовали исследовать такие запретные области, как ГУЛАГ и полицейские репрессии, а также сотрудничество с нацистами и политику советского правительства по отношению к национальным меньшинствам.

Эти темы затрагивали саму легитимность существования советской власти, ставили вопрос о пригодности коммунистической партии для управления государством, развеивали миф о «социалистическом выборе» советского народа и так называемой «дружбе народов». Инстинкты сталинистских корреспондентов Самсонова их не обманывали: если советские историки могли создавать искусное описание войны для придания советской власти легитимности, то эрозия этого мифического прошлого могла с тем же успехом дискредитировать СССР.

В 1989 г. бывший советский генерал-майор и историк Дмитрий Волкогонов в попытке разрушить мифологию военного времени превзошел других авторов горбачевской эры, когда опубликовал свою знаковую биографию Сталина. В разделе, посвященном Второй мировой войне, он впервые предал гласности ряд документов, считавшихся до той поры секретными и свидетельствовавших о широком размахе народного сопротивления советской власти¹². После выхода в свет книги Волкогонова, особенно после развала СССР, большое количество мемуаров, исторических работ и документальных публикаций, как и открытие советских архивов, создали предпосылки для переосмысления сталинского вопроса.

Эта масса ставшей доступной информации серьезно подорвала ревизионистскую интерпретацию сталинской эпохи. Тем не менее она не до конца опровергает традиционалистские взгляды, недооценивавшие роль пропаганды, мифотворчества, модернизации и даже террора в создании определенного уровня лояльности у достаточно простодушного населения, большинство которого только познакомилось с грамотой¹³. В свете более подробных свидетельств стало гораздо труднее обобщать суждения советских людей о сталинском режиме или в целом об их отношении ко Второй мировой войне. Война не стала той «лакмусовой бумажкой», пройдя испытание которой, советский режим вышел оправданным и реабилитированным. На самом деле война показала, насколько глубокая пропасть лежит между различными частями советского общества, разделяя людей по классовой принадлежности, уровню образования, национальному и религиозному принципу, политическим взглядам и даже личной истории.

Растрескавшееся самосознание

Война на Востоке производила эффект центрифуги, разделяя людей по категориям, порой вопреки их воле. В своем эпическом романе «Жизнь и судьба», посвященном Сталинградской кампании, Василий Гроссман, бывший фронтовой корреспондент военной газеты «Красная звезда», пишет, что опыт войны заставил советских граждан почувствовать — иногда даже впервые в жизни — группу, к которой они принадлежат. «Главное изменение в людях состояло в том, у них ослабевало чувство своей особой природы, личности и силилось, росло чувство судьбы»¹⁴.

Катаклизм на Востоке полностью захватил сознание индивидов, разбивая вдребезги старые представления и формируя новые и, возможно, что самое важное, возвращая к жизни древние, но латентные коллективные ценности, пребывавшие в состоянии глубокой спячки под внешне гладкой поверхностью насильно навязанного советского единства. Когда молотком бьют по ветровому стеклу, оно трескается на сотни фрагментов и между ними, невидимые человеческому глазу, вдоль микроскопических линий между молекулами змейками разбегаются трещинки. Подобным образом, когда нацисты столкнулись с советской властью, от сотрясения при ударе население расслоилось по социальным линиям, которые существовали всегда, но мистикой советской власти сделались невидимыми.

До войны для миллионов советских граждан кажущееся всемогущество Кремля, вероятно, исключало любые помыслы о реформе

и тем более о мятеже. Крестьянство сталинской эпохи (в 1940-х гг. все еще составлявшее большинство населения страны) молча ненавидело сталинистский режим¹⁵. Крестьяне, возможно, и ненавидели режим, виновный в губительном «втором порабощении» коллективизацией, но чувствовали себя бессильными изменить положение. Система колхозов породила дух негодующей летаргии¹⁶.

Война неожиданно открыла новые возможности для перемен. Самое важное в том, что нацистское нашествие заставило людей делать свой выбор, потому что невиданная жестокость конфликта пробуждала граждан от традиционной политической апатии. Историк Нина Тумаркина, проводившая опрос участников войны, записала слова русского историка и бывшего солдата Красной Армии Михаила Гефтера, сказавшего, что первые два года войны, хотя и самые страшные, были «парадоксально... еще и самыми свободными». «Сталинская тоталитарная система развалилась перед лицом нашествия и оккупации, — отмечал Гефтер, — она породила «период спонтанной десталинизации... Люди были вынуждены принимать собственные решения, брать на себя ответственность. События вынуждали нас становиться действительно независимыми людьми»¹⁷. Особенно в западных областях страны, представлявших театр военных действий нацистско-советского конфликта, столкновение армий и идеологий заставляло людей принимать ту или другую сторону просто ради выживания. Конечно, большинство советских граждан принимало сторону московского правительства по разным мотивам, в том числе по коммунистическим убеждениям, другие сотрудничали с нацистами из страха и отчаяния, или приспосабливаясь и стараясь извлечь выгоду, или по идеологическим соображениям.

Выбор, однако, не ограничивался только двумя воюющими сторонами. Для большого числа советских граждан и нацизм, и коммунизм вызывали чувство отторжения. Еврейскому и славянскому населению нацистские захватчики несли только смерть или рабство. Но и сталинский режим вызывал не менее отталкивающее чувство: жители западной части СССР перенесли один за другим ужасы гражданской войны и репрессий, убийственной коллективизации, политических чисток и голода. Поэтому для многих почти все что угодно было лучше, чем советская власть.

Те, кто отвергал и нацизм, и коммунизм, тяготели к извечным и абсолютным коллективным ценностям. Притягательными казались религия и национализм, часто неразделимо переплетающиеся вместе, при этом религия выступала и как сосредоточение, и как выражение националистических чувств. В Восточной Европе и западных областях Российской империи, а позже Советского Союза, религиозная

конфессия как фокус коллективного самосознания предшествовала национализму. Поэтому не следует удивляться, что в политическом вакууме, образовавшемся вследствие разгрома советской власти и наступления чужеродного нацизма, вновь заявили о себе древние ценности.

Большинство советского населения стойко придерживалось своих религиозных верований, невзирая на жесткие государственные репрессии. Советская перепись населения 1937 г., проведенная после двух десятилетий советской власти, показала, что 57% взрослого населения, то есть 56 млн человек, называли себя верующими, из них 42 млн были православными христианами, остальные мусульманами, иудаистами, буддистами и католиками при незначительном числе протестантов. Как и следовало ожидать, среди людей старшего возраста религиозность была сильнее, религиозными верующими называли себя 78% людей старше пятидесяти и 45% старше двадцати¹⁸. Эти статистические данные еще более примечательны тем, что относятся к разгару сталинского террора, когда признание в религиозности было крайне опасным и могло рассматриваться как акт политической оппозиции. Есть все основания полагать, что данные этой переписи преуменьшали общие масштабы религиозности в стране, так как очень многие люди по понятным причинам не желали признаваться в своей приверженности вере.

Война ознаменовалась широким возрождением религии по всему Советскому Союзу, особенно в областях, переживших немецкую оккупацию¹⁹. Причин было несколько, и они разнились от района к району и от человека к человеку. В частности, религия предлагала утешение тем, кто пережил невиданный размах убийств и смертей, и убийства не ограничивались боями на фронте, масса людей была убиита в западных областях СССР. В Белоруссии, например, по разным причинам погибла четверть гражданского населения — от рук нацистов, от голода, болезней, в боях, во время партизанских вылазок, казней при отступлении, а потом при наступлении Красной Армии и по другим причинам²⁰. Война, как и коллективизация, была отмечена советскими репрессиями, которые также унесли миллионы жизней. Постоянно витавший в воздухе призрак террора и смерти, несомненно, толкал многих людей к религии как убежищу от реальностей повседневной жизни, наблюдать которые было невыносимо.

Однако было бы неверно трактовать возрождение религии чисто социологическими понятиями как реакцию на массовые смерти во время войны. Даже на первых этапах операции «Барбаросса» (германское кодовое название вторжения в СССР), когда человеческие потери еще не достигли астрономических показателей конца войны и

когда создавалось впечатление, что германская победа не за горами, очень многие обращались к религии. Другими словами, во многом религиозное возрождение времен войны явилось спонтанной реакцией общества на очевидный крах советского режима. Оказавшись в политической и социальной изоляции, люди возвращались к своим исконным историческим корням.

И религия, и национализм принимали разные формы в зависимости от места и особенностей населения. На Украине, возможно, наиболее поляризованном во время войны в политическом отношении регионе, люди массово присоединялись к религиям и церквям, при этом руководствуясь в своем выборе разной этнической принадлежностью, политическими взглядами и личной историей. В западных областях Украины больше всего последователей было у Греко-католической церкви, которая, несмотря на свое название, превращалась в оплот антисоветского национализма. Даже в тех частях Украины, где православие всегда было ведущей религией, население занимало разные позиции в вопросе об отношениях с Москвой. Во время войны Украинская автокефальная церковь вышла из подчинения Московской патриархии, посчитав ее орудием Кремля. Другие православные, все еще чувствовавшие связь с Россией, тяготели к Украинской автономной церкви, которая, невзирая на название, не отказывалась от связей с Московской патриархией, хотя действовала тайно, опасаясь гнева нацистских оккупационных властей.

Положение еврейского населения Украины было, конечно, ужасающим. С теми евреями, которые до войны, невзирая на решительные советские атеистические кампании, старались сохранить свою религиозную целостность, советские репрессивные органы обходились ничуть не лучше, чем с другими диссидентскими религиозными или этническими группами. Москва вела работу по инфильтрации сионистской ориентации во все еврейские религиозные или политические организации, включая светские, стремясь к их разрушению²¹. В безопасности или в той степени безопасности, какая была при непредсказуемости сталинистского террора у любого другого советского гражданина, могли чувствовать себя только те евреи, которые готовы были отказаться от своей религиозной самобытности и безоговорочно принять советскую власть. Джек Каган, который, в конце концов, присоединился к еврейскому партизанскому отряду, воевавшему с нацистами в Белоруссии, пишет, что советские оккупанты, хотя они не были такими жестокими, как сменившие их немцы, все равно ставили цель покончить с любой еврейской самобытностью: «Оглядываясь на это теперь, — говорит он, — я понимаю, что русские хотели уничтожить богатую еврейскую культуру, закрывая синагоги и все

еврейские институты и запрещая нам пользоваться древнееврейским языком. Еврейских лидеров ссылали в Сибирь. В конечном итоге, мы были бы русскими, но только со словом “еврей”, проставленном в наших паспортах».

После начала осуществления плана «Барбаросса» нацисты не проводили никаких различий между религиозными, нерелигиозными или ассимилированными евреями. Нацистская программа геноцида быстро сделала Москву меньшим из двух зол даже для евреев, до войны непримиримо выступавших против советской власти. Беды евреев в западных пограничных областях усугублялись отношением большинства местного населения. Этот регион издавна, по крайней мере, еще со времен восстания Богдана Хмельницкого в семнадцатом веке, был знаменит антисемитскими погромами²². В советское время местное славянское и прибалтийское население очень часто обвиняло еврейство в поддержке советского режима, и многие позорно сотрудничали с нацистами в осуществлении холокоста.

Несмотря на рекламируемую Москвой якобы победившую в СССР «дружбу народов», в самом начале войны для советского режима оставалась почти неразрешимой двойная проблема религии и национализма. Два десятилетия антирелигиозных кампаний не смогли покончить с религиозной верой среди советских граждан, Кремль отдавал себе в этом отчет, но не представлял, как нанести своему смертельному врагу решающий удар. Это происходило отчасти потому, что коммунисты не понимали природы религиозной веры, считая ее всего лишь пережитком донаучного прошлого, обреченного на отмирание образованием и экономическим прогрессом. Их неоднократные безуспешные попытки разделаться с религией и «буржуазным национализмом» свидетельствуют, что они страдали от ограниченности собственного материалистического мировоззрения и узости своего заскорузлого классового анализа. Жестокость их методов только усложняла проблему.

Оборонительный буфер

К концу своей долгой жизни сталинский нарком иностранных дел Вячеслав Молотов рассуждал о массовых довоенных репрессиях, которые достигли пика в полном ужаса 1937 г. Он совершенно не считал нужным принести извинения за свою роль в этих страшных событиях, говоря, что «мы обязаны 1937 году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны»²³. Хотя слова Молотова были явной попыткой самооправдания, опасения по поводу пятой колонны вну-

три советских границ, которая могла бы сотрудничать с захватчиком, определенно возникали среди советского руководства с ростом угрозы войны. В апреле 1941 г., всего за недели до начала осуществления плана «Барбаросса», народный комиссар государственной безопасности Украины Павел Мещик писал во внутреннем документе: «Хорошо известно, что, ведя войну, немцы прибегают к вероломному методу, организуя подрыв тыла воюющей стороны («пятая колонна» в Испании, измена хорватов в Югославии)»²⁴.

Советская политическая охрана прилагала огромные усилия, чтобы вырвать с корнем любые проявления нелояльности в пределах советских границ, руководствуясь мыслью, что лучше послать в лагеря много невинных, чем оставить на свободе одного виновного. Как потом признает Молотов, «иногда обвинялись невинные люди. Определенно, один-два из десяти осуждались безвинно, но остальные получали по заслугам. Было исключительно трудно добраться до правды! Но не могло быть и речи о каком-то промедлении. Шла подготовка к войне»²⁵. Что, по-видимому, никогда не приходило в голову Молотову или остальным руководителям СССР, так это то, что шаги, предпринимаемые ими для укрепления советской безопасности, на самом деле плодили и подпитывали оппозицию. С каждой новой волной репрессий еще больше людей имели причины ненавидеть советский режим, когда их родственники, друзья и соседи, их духовенство и политические и социальные лидеры исчезали в омуте ГУЛАГа. И Кремлю приходилось теперь иметь дело с этими вновь созданными врагами, это была настоящая вечно движущаяся машина репрессий.

Эта проблема нигде не была столь острой, как в западных пограничных областях, на территориях, захваченных Москвой в 1939–1940 гг. в сговоре с Гитлером. Эти территории — три прибалтийских государства, Восточная Польша, Северная Буковина и Бессарабия — все еще сохраняли остатки досоветских гражданских обществ, что позволяло какое-то время сопротивляться установлению советского политического контроля и коммунистических социальных и экономических институтов. Поэтому когда началось нацистское вторжение в Советский Союз, оно происходило именно в областях, наиболее зараженных антисоветским национализмом, во многом замешанном на религии.

Всех причин аннексии объяснить не удается до сих пор, и, скорей всего, они так и останутся невыясненными²⁶. Возможно, Сталин и его подручные никогда не излагали их письменно. Защитники сталинской внешней политики всегда подчеркивали предполагаемую оборонительную природу аннексий; менее благожелательные обозреватели утверждали, что это были случаи экспансионистской коммунистической дипломатии, руководствовавшейся либо идеологи-

ческими соображениями, либо сталинистским неоимпериализмом, нацеленным на компенсацию потерь царской империи в конце Первой мировой войны²⁷. Как представляется, сам Молотов склонялся в пользу последней интерпретации, когда говорил, что «свою задачу как министра иностранных дел я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И, кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей»²⁸.

Даже если согласиться с тем, что Москва захватила эти западные пограничные территории из соображений безопасности, то эта политика сыграла с ней злую шутку. Отнюдь не усилив безопасность страны, приобретение новых областей добавило коммунистическим органам принуждения множество новых военных, логистических и особенно политических проблем, которые они не сумели решить до начала реализации плана «Барбаросса». Ассимиляция в СССР почти 20 миллионов в большинстве своем не расположенных к этому людей была бы сама по себе гигантской политической задачей и серьезной проблемой безопасности даже в мирное время, а в напряженной европейской обстановке 1939–1941 гг. масштабы предприятия намного превосходили возможности Советского Союза.

В западных пограничных областях советские войска встречали по-разному. В балтийских республиках это была плохо скрываемая враждебность, если не считать позицию сравнительно небольшого числа коммунистов²⁹. Однако, когда Красная Армия вошла в Западную Белоруссию и Западную Украину, многие местные жители поначалу встретили ее с радостью. Через четыре дня после вторжения Г. И. Кулик, заместитель народного комиссара обороны, информировал Сталина, Молотова и Ворошилова, что «подавляющая масса населения встретила Красную Армию с энтузиазмом. Однако в крупных городах, особенно в Станиславе, интеллигенция и торговцы реагировали настороженно»³⁰. Польша между двух мировых войн очень плохо обращалась с национальными меньшинствами, в первую очередь с белорусами и украинцами, некоторые из которых сначала возлагали большие надежды на то, что советская власть улучшит их положение. Кулик отметил большое значение существовавшей там национальной напряженности: «В связи с широкими национальными репрессиями, проводившимися поляками против украинцев, чаша терпения последних переполнилась, и в конкретных случаях речь идет о столкновении украинцев с поляками и даже о выселении поляков. Необходимо срочно издать правительственную декларацию, обращенную к населению, так как это может стать крупным политическим фактором»³¹. Джек Каган вспоминает, что «некоторые евреи плакали от радости», когда пришли Советы. «Они выбегали к тан-

Карта 1. Аннексии СССР и стран Оси, 1939–1941 гг.

кам с цветами в руках, перекрывали дорогу, чтобы поцеловать солдат Красной Армии». Этнические поляки запомнили это, и когда через два года в область вторглись немецкие войска, пишет Каган, поляки «начали мстить еврейскому населению за то, что оно приветствовало Красную Армию»³².

И, конечно, еще одна группа выражала особые восторги по поводу прихода советской власти. Польский коммунист писал: «Думаю, что ожидающие пришествия Мессии евреи, когда он, наконец, придет, будут чувствовать то же, что чувствовали мы тогда»³³. Такие энтузиасты были, и они выделялись, но когда пришла Красная Армия, большинство населения, скорее всего, испытывало «мрачные предчувствия», с тревогой ожидая введение советских институтов и теряясь в мыслях о том, что готовит им будущее³⁴.

Советские оккупационные власти в западных пограничных областях пытались подойти к решению этой гигантской задачи системой кнута и пряника. Москва всерьез стремилась ввезти «революцию из-за рубежа»³⁵. Основанная на вульгарном сталинском классовом анализе, кремлевская политика имела целью обезглавить общество на оккупированных территориях, подвергая аресту, расстрелу или депортации местные элиты, в то же самое время пытаясь опереться на трудовые классы и национальные меньшинства, которые страдали при «буржуазных» досоветских правительствах. Хотя эти меры проводились решительно и жестоко, такой подход, больше основанный на теоретических конструкциях, чем на реальном представлении о сложных проблемах западных приграничных областей, в конечном итоге себя не оправдал.

Привязанности, стремления и ценности новых советских граждан редко вписывались в примитивные, основанные на классовых представлениях категории, используемые кремлевскими бюрократами. Они сложились под влиянием множества других факторов вроде национализма, религии, общей истории и (чего марксисты никогда не могли взять в толк) преклонения перед достижениями представителей «высших слоев» общества и надежды присоединиться к ним. Литовский крестьянин, например, мог ассоциировать себя с собственным помещиком, потому что тот был его соотечественником или потому что ему нравилось, как он управляет хозяйством, а не со сталинистским комиссаром, который говорил, что освобождает его от господства капитала. Подобным образом для многих украинцев Греко-католическая церковь была намного дороже, чем перспектива «воссоединения» с восточными украинцами, церковь и исторический опыт которых были им далеки и в ряде случаев даже диаметрально отличались от их собственных.

Возможно, эти суждения кажутся слишком простыми и даже банальными, но они, по-видимому, не приходили в голову советским оккупантам. Преданные недавно гласности документы Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) и Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ)³⁶ доказывают, что советские репрессивные органы никогда не задумывались об эффективном решении проблемы оппозиции в западных пограничных областях. Вместо этого они снова и снова прибегали к излюбленному сталинистскому методу — репрессиям, приводившим единственно к увяданию ростков доброй воли, которые появились с началом установления советской власти. Весной 1941 г. с ростом вероятности германского вторжения эта варварская тактика угрожала вызвать настоящую партизанскую войну, которая могла сыграть на руку нацистским захватчикам.

Жестокость советских методов иногда заставляла даже бывлых врагов бросаться в объятия друг друга. В межвоенные годы, например, соперничество и территориальные споры омрачали отношения между тремя прибалтийскими республиками, а Литва и поляки ссорились по целому ряду вопросов, особенно по вопросу о принадлежности исторического города Вильнюса³⁷ Однако, испытав на себе советскую оккупацию, эти соперники межвоенной поры часто готовы были отложить разногласия и вместе бороться с захватчиками с востока. В начале апреля 1941 г., например, докладная записка НКВД предупреждала, что подпольная националистическая латвийская группа «Тевияс Саргс» («Защитники Отечества») пыталась установить контакт «с аналогичными антисоветскими формированиями в Литве и Эстонии и выступила с инициативой собрать нелегальную конференцию балтийских националистических организаций». Воспользовавшись поспешным и непродуманным военным призывом латвийцев, группа сумела проникнуть в Красную Армию и организовать снабжение подполья оружием. В НКВД считали, что эта группа через латвийский дипломатический персонал, оказавшийся за границей из-за внезапной аннексии их родины, вошла в контакт с нацистами. Москва опасалась, что немцы финансировали эту и другие группы, готовя почву для мятежа, приуроченного к возможному нацистскому вторжению в СССР³⁸. Советской полиции удалось раскрыть и ликвидировать «Тевияс Саргса», арестовать семьдесят три ее члена, но почти сразу же на ее месте образовалась другая латвийская националистическая группа «Латвиас Сарги» («Латвийская гвардия»), ставившая целью сопротивление советской власти³⁹.

В соседней Литве с июля 1940 г. по май 1941 г. советские органы разгромили семьдесят пять националистических формирований, но

к моменту нацистского нападения так и не сумели искоренить организованное сопротивление⁴⁰. Напротив, возможно, главным результатом советских действий стало увеличение числа литовцев, готовых сотрудничать с захватчиками. В советской демонологии не ощущалось недостатка врагов, и Москва считала, что все они объединились против нее. «В своей враждебной деятельности, — сетовал НКВД, — ряд руководителей национальных формирований установили контакт с троцкистами (за рубежом) и вместе с ними возобновили на территории Западной Белоруссии активную контрреволюционную работу, объединяя националистические элементы на общей платформе борьбы с советской властью»⁴¹. Москва видела врагов повсюду, куда только обращала взор, но в данном случае это был уже самый невероятный вымысел, так как трудно поверить, что литовские националисты, среди которых было много католических священников, вдруг решили подать руку троцкистам — и наоборот.

По всей Прибалтике, как в оккупированных Польше и Бессарабии, Советы предприняли несколько массовых арестов и депортаций классовых врагов, последняя волна прокатилась менее чем за месяц до начала плана «Барбаросса»⁴². Это были профилактические репрессии, проводившиеся в соответствии с идеологически выведенными категориями и отказом от каких-либо попыток установить виновность конкретных людей. Советская полиция отправляла в ссылку или расстреливала их как «бывших крупных помещиков», «бывших офицеров польской, литовской, латышской, эстонской и (русской) белой армий», а также как иных «враждебных элементов» вроде семей ранее репрессированных людей, включая малолетних детей, и даже проститутки⁴³.

Эти аресты и депортации превращают в насмешку уверения Молотова, что необоснованными были не больше одного-двух арестов. Они ставят под вопрос и утверждения историков, продолжающих писать, что НКВД якобы «заботился о сборе доказательств» и что будто бы сталинистский террор закончился в 1938 г.⁴⁴ Террор не закончился, просто его фокус был перенесен на западные пограничные области, где он разгорелся с новой силой. Следует также вспомнить, что обсуждаемые здесь действия полиции завершают процесс нескольких депортаций в Прибалтике. Неудивительно, что так много прибалтов с радостью встречало вступивших на их землю нацистов. Гонимая за призрачной пятой колонной, Советы сами способствовали созданию ее реальных прототипов⁴⁵.

Положение в Западной Украине, которую Советы отняли у Польши в сентябре 1939 г., когда нацисты вторглись сюда с запада, было еще более отчаянным, чем в прибалтийских республиках. Несмотря

на большие надежды многих западных украинцев, Советы вследствие своей оккупационной политики быстро лишились этого кредита доверия. Вскоре Москва столкнулась с националистическим партизанским движением — Организацией украинских националистов (ОУН), хорошо организованной, вооруженной и поддерживаемой значительным числом местного населения, имеющей к тому же длительную историю подпольного сопротивления межвоенному Польскому государству⁴⁶. Жестокость советских репрессий, однако, подтолкнула даже эту решительную группу на союз с недавними противниками-поляками. Более воинственная часть ОУН, руководимая Степаном Бандерой, ОУН-Б, представляла собой серьезную военную и политическую угрозу Советам. Циркулярное письмо НКВД предупреждало, что, «готовясь к вооруженному нападению, ОУН мобилизует все враждебные нам силы, устанавливает контакт с другими контрреволюционными украинскими и польскими националистическими организациями и остатками антисоветских политпартий»⁴⁷.

Тактика ОУН против советских оккупантов отличалась зверской жестокостью с использованием таких методов, как саботаж, физические и материальные угрозы и убийства, напомилавших другие партизанские войны двадцатого столетия. Идеология бандеровцев была не менее отталкивающей, основанной на полуфашистском национализме и яром антисемитизме. Периодические массовые избиения евреев и поляков, проводившиеся ОУН-Б, служат еще одним доказательством, если вообще это нужно еще доказывать, тому, что жертвы могут, в свою очередь, становиться палачами. Конспиративная природа ОУН и готовность к произвольному насилию даже против собственных членов при подозрении в предательстве делали ОУН крепким орешком.

Применявшиеся Советами в борьбе с ОУН методы снова оказались контрпродуктивными. Докладывая партийному руководителю Украины Никите Хрущеву о деятельности оуновцев, НКГБ невольно свидетельствовал, что его собственные репрессивные методы на деле способствовали росту числа людей, готовых рисковать жизнью в борьбе с коммунистами: «Днем нелегалы прячутся по лесам, бродят по дорогам, по ночам они в селах и получают приют в домах кулаков, в семьях репрессированных и в своих собственных домах». Обращаясь с якобы зажиточными крестьянами как с классовыми врагами и депортируя так называемую буржуазию, НКВД тем самым увеличивал число надежных мест, где могли спокойно скрываться партизаны-оуновцы. Однако Советы не делали, казалось, очевидных выводов и, напротив, объясняли успехи ОУН исключительно ее террористической тактикой, а не собственными ошибочными действиями. «На-

селение нескольких деревень настолько терроризовано (ОУН), что даже просоветски настроенные люди боятся выдавать нелегалов», — писал Мещик. Выход, как всегда, искали в усилении репрессий. Мещик предлагал «ликвидацию оуновской базы (арест и депортацию. — С. М. М.) — семей нелегалов, кулаков и репрессированных»⁴⁸.

Такой подход, почти безумный, помогает объяснить, как советский террор сам втягивал в собственный водоворот тысячи, а в конечном итоге, миллионы невинных жертв. Конечно же, арест семей уже депортированных людей неизбежно вел к недовольству еще большего числа родственников, не говоря уже о друзьях, и они, в свою очередь, в результате второй волны депортации вынуждены были переходить к действиям и т. д. И все-таки документы НКГБ свидетельствуют, что логикой иллогичности своего грубого классового анализа Советы оказались загнанными в ловушку. Украинская тайная полиция предупреждала, что ОУН эксплуатирует «националистические чувства отсталых частей бедняцкого и середняцкого населения». «В результате, — говорится далее, — бедняки и середняки становятся слепым орудием в руках оуновцев и покорно совершают эти акты»⁴⁹.

Деление Москвой крестьянского населения на три произвольные экономические категории по упрощенному марксистскому шаблону еще десять лет назад во время советской коллективизации сельского хозяйства оказалось катастрофическим и вновь привело к политике, абсолютно не отвечавшей ситуации. Советской посылкой к действию была мысль, что бедняки и середняки не могут по собственной воле выступать против рабоче-крестьянского государства, так как по определению это означало бы для них выступать против своих классовых интересов. Скорее всего, простые люди обмануты классовым врагом, включая нацистские спецслужбы, которые изо всех сил поддерживают ложное классовое сознание. Как всегда, исключая *a priori* любое допущение, что национализм, религиозная принадлежность или межклассовые связи и общечеловеческие привязанности могут сами по себе существовать среди бедных слоев общества, Советы продолжали верить, что необходимо уничтожить в западных пограничных областях последние следы «буржуазного порядка» и сохранившаяся часть общества будет, естественно, тяготеть к советской власти.

Руководство украинского НКВД (позже НКГБ) предложило для искоренения оуновских нелегалов политику кнута и пряника. С одной стороны, предлагалось захватывать семьи партизан в надежде вынудить «нелегалов» сдаться, с другой, предлагалось обещать беднякам и середнякам, подозреваемым в сотрудничестве с ОУН, в случае прекращения подпольной деятельности разрешить им обрабатывать свои участки земли самостоятельно — на какой срок, не

указывалось, — и не загонять их в колхозы. Кроме того, беднякам и середнякам предписывалось объяснять, что «их предают кулаки», якобы использующие их как ширму для защиты собственных интересов. Лидеров ОУН, указывалось в документе коммунистической полиции, следует арестовывать, рядовых же оуновцев аресту не подвергать, поскольку большинство из них бедняки, а потому их, наверняка, можно склонить на сторону советского государства⁵⁰. И эти методы тоже не дали результата.

Неспособность местных органов покончить с ОУН вызвала резкое недовольство главы НКВД Лаврентия Берии и резолюцию Центрального Комитета, призывавшую усилить координацию между разными ветвями репрессивного аппарата, а также повысить эффективность классового образования украинских трудящихся и проявлять большую твердость в отношении врагов государства (как будто до этого они проявляли излишнюю мягкость)⁵¹. Началась новая волна репрессий против ОУН по всей Западной Украине, закончившаяся 22 мая 1941 г. Эта полицейская акция была частью более масштабных чисток, затронувших «все западные области СССР» в связи с нависшей угрозой нападения Германии⁵². НКГБ арестовал и отправил в ссылку 3 110 украинских семей, всего 11 476 человек, подозреваемых в участии в сопротивлении. Перед отправкой этих несчастных в Среднюю Азию или Сибирь Советы объявили, что при добровольной сдаче членов ОУН коммунистическим властям их семьи не будут трогать. И это привело к неожиданному количеству явок с повинной, но 3 073 семьи или 11 329 человек были депортированы. Оставшиеся семьи освободили и разрешили им вернуться домой под «тщательный надзор» НКГБ; в случае дальнейших признаков оппозиционного поведения они также депортировались, а их собственность конфисковывалась⁵³. В других пограничных областях, Эстонии, Латвии, Литве и Бессарабии, депортировали еще 85 тыс. человек, причем каждая депортация была тщательно обчислена и обходилась государству в 35 рублей и 70 копеек на человека, для транспортировки потребовалось 532 товарных вагонов, вес перевезенного «груза» составляли 8500 тонн⁵⁴.

На короткое время Советы, нанеся такой ощутимый удар по ОУН и другим центрам сопротивления, могли почивать на лаврах, но удар был не смертельным. Двадцать первого июня, всего за несколько часов до начала плана «Барбаросса», когда миллионы германских солдат уже занимали передовые позиции для наступления, Меркулов продолжал направлять в органы украинской государственной безопасности требования более решительных действий против ОУН. Он приказал своим силам опять готовить волну арестов: «Беспощадный

и справедливый удар должен быть нанесен врагам, ведущим подрывную работу против советской власти, — писал он, — чтобы обеспечить покой и безопасность рабочих этих областей»⁵⁵ Однако эти меры опоздали, и ОУН оставалась шипом в теле Советов на протяжении всей войны и даже после нее. И Степан Бандера в общем-то переживает самого Меркулова, которого расстреляют в 1953 г. во время чистки НКВД-НКГБ после смерти Сталина⁵⁶.

Роль религии

Исторические работы по советской оккупации западных пограничных областей оставляли в стороне вопрос о ведущей роли, которую играла в ней церковь. Только после открытия советских архивов в 1991 г. стало возможно понять степень важности, которую советские власти придавали подрыву религиозных организаций во вновь приобретенных владениях. Это не удивительно, так как и в самом СССР коммунистические власти, несмотря на два десятилетия преследований, не смогли ликвидировать русское православие и другие религии. В западных пограничных областях религиозная ситуация, с точки зрения Советов, была еще более опасной. И не только потому, что местные церкви продолжали процветать при большом количестве прихожан, опасность заключалась в том, что они были сосредоточением антисоветских националистических чувств. Более того, у самых многочисленных религий в этом регионе — Римско-католической, униатской и еврейской — имелись сильные трансграничные связи. Проникнуть в эти религии, нейтрализовать их и подчинить стало главной целью советской оккупационной политики. Религиозные связи имели очень большое значение для сопротивления в Западной Украине, особенно важной в этом отношении была Греко-католическая, или униатская, церковь во главе с украинским националистом митрополитом Шептицким. Заместитель начальника Третьего управления НКГБ Иван Шевелев писал: «В своей антисоветской работе ОУН широко использовала помощь и авторитет униатского духовенства. Руководство ОУН напрямую связано с львовским митрополитом Шептицким». Церковь предоставляла ОУН печатные станки, а также безопасные помещения для подпольных встреч. Еще важнее были униатские школы, действовавшие как рассадники антисоветского национализма: «Оуновское подполье уделяет большое внимание работе среди молодежи, — продолжал Шевелев, — особенно среди школьников и студентов, выделяя для этого свои наиболее опытные кадры нелегалов для создания и руководства униатством»⁵⁷.

Греко-католическая церковь и ее глава Шептицкий пользовались большой популярностью среди восточно-украинского населения, как с сожалением отмечалось в советских документах. Поэтому оккупанты действовали против этой церкви методично и целенаправленно, запрещая печатать и продавать религиозные издания, захватывая и часто занимая церковную собственность, а также закрывая церковные школы и семинарии. Американский католический священник, проживавший в Восточной Польше во время прихода туда Советов, таким образом описывает происходившее:

«Сама церковь стала особой целью нападений. Церковь Восточного канона (Греко-католическая) при нашей миссии была немедленно закрыта, церкви Латинского канона временно разрешили действовать для тех немногих семей, которые осмеливались в нее приходить. Остальные здания нашей миссии были реквизированы Красной Армией и использовались в качестве казарм. Против церкви и священников развернулась пропагандистская кампания, мы работали в условиях постоянных нападков и больших и малых инцидентов. И это дало свои результаты. Самые преданные верующие опасались посещать церковь или встречаться со священником. Молодые люди устроились очень быстро. Рабочим вскоре дали понять, что они могут потерять работу, если продолжают ходить в церковь»⁵⁸.

Медленно притесняя церковь, Советы не использовали всего набора антирелигиозных мер, действовавших по Советскому Союзу. Детям разрешалось религиозное образование, но только в частном порядке, и конгрегации и духовенство не обязывались регистрироваться в государственных учреждениях. Регистрация, одна из наиболее тягостных форм притеснений в СССР, позволяла властям выявлять каждого религиозного верующего и на усмотрение государства принимать против него те или иные меры⁵⁹. Хотя наступление на церковь развивалось медленно, униатскому духовенству достаточно было только посмотреть на Восток, чтобы увидеть, что их ожидает. Поэтому для священников было естественным принимать участие в националистическом сопротивлении, хотя сам Шептицкий не желал открыто поддерживать вооруженное сопротивление.

Римско-католические священники были тоже склонны присоединяться к националистическим антисоветским движениям и даже становиться во главе их. В тех частях Западной Белоруссии, где проживало значительное польское население, возник «Союз вооруженной борьбы» (СВБ), выступивший за противоборство советской оккупации. В него входили бывшие офицеры и солдаты польской армии, тем или иным образом избежавшие нацистского или советского плена. Эта группа наладила подпольную радиостанцию и го-

товилась при благоприятных условиях поднять вооруженное восстание. По данным советской разведки, римская церковь оказывала им серьезную помощь: «Руководство СВБ в своей антисоветской работе использует католическое духовенство, его материальные средства и значительное влияние на польское население. Священники принимали и принимают активное участие в создании и особенно в финансировании антисоветских польских формирований, прячут нелегалов, организывают в церквях и монастырях явочные квартиры и подпольные типографии»⁶⁰.

В Литве одним из выдающихся руководителей сопротивления был римско-католический священник Адам Станкевич, пытавшийся объединить литовские и белорусские антисоветские группы в зонтичную организацию Белорусский центр в Литве. НКГБ признавал, что у Станкевича «большой авторитет среди белорусских националистов». До советского вторжения он был одним из лидеров христианско-демократической партии, и НКГБ считало политически правильным пока его не арестовывать, опасаясь непредсказуемой общественной реакции. За деятельностью Станкевича в Вильнюсе установили тщательное наблюдение, надеясь перехватить его связи. В записке НКГБ говорилось, что «христианские демократы поставили целью создание “независимого” буржуазного белорусского государства. Для достижения этой цели они выдвигают идею союза всего белорусского народа на базе новой религии, проповедуемой священником Адамом Станкевичем». На деле это было не новой религией, а, скорее, попыткой объединить православных и католиков перед лицом общей угрозы. Партия Станкевича доставляла Советам особенно много хлопот, потому что у нее была серьезная поддержка не только в городах, но и в деревне, где ее было еще труднее искоренить. Шевелев жаловался в Москву, что «христианские демократы используют свое прежнее значительное влияние среди крестьян Западной Белоруссии, и у них есть ячейки в деревнях»⁶¹.

Помимо нахождения в пределах советских границ подобных активных групп, нацисты активно создавали себе базу в украинских религиозных и националистических организациях, надеясь воспользоваться противоречиями в советском обществе в случае будущего вторжения, о чем знала советская разведка. Шевелев писал:

«Немцы широко демонстрируют свою поддержку украинским националистическим движениям. Помещения клубов и театров (в оккупированной нацистами Польше. — С. М. М.) переданы украинцам. Польские церкви и даже знаменитый Холмский православный собор переданы украинским (униатским) церквям. При поддержке немцев бывший министр образования в правительстве

Петлюры⁶² профессор (Иван Иванович. — С. М. М.) Огиенко был избран архиепископом Холмским».

И нацисты, и Советы вели игру в *dividum et imperium* (разделяй и властвуй). Что касается нацистов, то они заигрывали с украинцами за счет поляков, потому что те уже находились под господством немцев и ими можно было довольно безнаказанно пренебрегать. Советы апеллировали к украинскому национальному чувству, утверждая, что Москва «освободила» Западную Украину от польских хозяев и впервые в современной истории объединила украинские земли. Кроме того, Советы открыли школы с обучением на украинском языке, Украинский университет в Львове и дали землю украинским беднякам, надеясь таким образом оторвать их от ОУН⁶³.

Этими относительно небольшими культурными уступками едва ли можно было компенсировать полномасштабную войну, которую Советы одновременно вели против украинского общества. Так, помимо прямых репрессий против оуновских активистов, Москва стремилась подрубить корни организации, обрушившись на местные церкви. Особенно деликатным вопросом был арест националистических священников, подозреваемых в сотрудничестве с подпольем. За два десятилетия антирелигиозных кампаний коммунисты на собственном трудном опыте поняли, какого умения убеждать и какого такта требуют такие вопросы. Слишком прямолинейный подход мог на деле спровоцировать вооруженное сопротивление со стороны до этого запуганных крестьян. Поэтому НКГБ в Москве обращал внимание своих представителей на местах на необходимость очень тщательно готовить аресты, чтобы избежать ненужных дополнительных последствий: «Во время устранения попов и римско-католических священников, — рекомендовала Москва, — необходимо глубоко продумывать все вопросы, чтобы исключить шум и эксцессы в деревнях»⁶⁴.

Помимо репрессий, даже проведенных со всеми предосторожностями, Советы прибегали к использованию более изощренного орудия — Русской православной церкви. Как отмечает один историк, нацистско-советский пакт, «возможно, спас Русскую православную церковь от вымирания»⁶⁵. На вновь приобретенных территориях проживало большое число православных верующих, церкви которых были, естественно, действующими в момент прихода Советов. В самом СССР после двух десятков лет атеистических кампаний осталось так мало действующих церквей, что находившиеся в пограничных областях в 1941 г. составляли, наверное, процентов 70 от их общего числа⁶⁶. Самая большая концентрация православных церквей была в Западной Белоруссии и Бессарабии, но значительные ресурсы

православия имелись и в Западной Украине, и Прибалтийских республиках, особенно в Эстонии. С точки зрения НКВД, каждая церковь представляла собой возможную точку притяжения для сопротивления советской власти.

Поэтому жителям западных пограничных областей предстала невероятная картина: вместе с Красной Армией к ним прибыла группа русских православных иерархов. Православные иерархи сразу же приступили к подчинению независимых или даже националистических приходов власти Московской патриархии. Несмотря на то что глава Русской церкви митрополит Сергей оставался временно исполняющим обязанности патриарха и не мог быть избран патриархом вплоть до сентября 1943 г., Патриархия претендовала на юрисдикцию над большинством западных пограничных областей. Эти претензии имели многовековую историю и часто использовались разными царями для поддержания их внешней и внутренней политики вдоль западной границы Российской империи. Теперь атеистическое советское государство следовало примеру таких реакционных националистических царей, как Николай Первый, используя поддержку русской церкви для установления русской власти в беспокойных пограничных областях⁶⁷

Главным церковным агентом Москвы во время этого процесса был Николай, митрополит Киевский и Галицкий, противоречивая фигура, которая во время войны станет очень заметной в роли главного исполнителя церковных отношений с внешним миром. Его помощником в этом темном деле был, наверно, еще более противоречивый деятель Сергей (Воскресенский)*, сравнительно молодой и, по-видимому, очень способный епископ, карьеру которого в церкви называли «метеоритной». Сергей был одним из четырех епископов, выживших во время Голгофы 1930-х гг., и в московских религиозных кругах, где его презирали, широко бытовало мнение, что это ему удалось благодаря тесному сотрудничеству с НКВД⁶⁸. В 1939 г. Сергей был направлен на Волынь для подчинения местного христианского населения московскому контролю. В 1940 г., после захвата Прибалтийских республик, он был назначен митрополитом Латвии и экзархом Эстонии и Латвии. Это, вероятно, был непродуманный и, в конечном итоге, роковой выбор. Несмотря на услуги, которые он оказывал НКВД, у Сергея были причины для противостояния Советам: в 1935 г. его отца арестовали и отправили в концентрационный лагерь. (Причиной его сотрудничества с тайной полицией могло быть

* Не путать с митрополитом Сергием (Страгородским), исполнявшим обязанности патриарха.

опасение за судьбу семьи.) То ли из мести советской власти, то ли из элементарного приспособленчества после начала войны он не выполнил прямого приказа отступить с советскими вооруженными силами, спрятался в Рижском кафедральном соборе и потом появился, сотрудничая с немцами⁶⁹.

О действиях Николая известно мало, так как, по-видимому, всем руководил НКВД и относящиеся к этому делу документы еще не открыты. Тем не менее несколько моментов вырисовываются: невзирая на годы жестоких репрессий, Московская патриархия охотно шла на сотрудничество в деле осуществления советских аннексионистских планов; Николай и Сергей (Воскресенский) занимались не только установлением московского контроля над существующими православными общинами, в их задачу входил подрыв позиции Греко-католической церкви «насильственным обращением в православие»⁷⁰. Для этого использовали аресты, депортацию и даже ликвидацию отдельных упорствующих священников. Действительно ли Николай с Сергием выдавали тех, кто подвергся репрессиям, сказать трудно, но они не могли не знать, что такое происходит и что они являются соучастниками⁷¹. Их задача облегчалась наследием антиправославных репрессий, проводившихся в регионе предвоенным польским режимом. Николай и его сторонники не в силах были разделаться с антисоветской религиозной оппозицией, но вбить клинья во враждебный лагерь они могли, и им это удалось.

Накануне

Когда план «Барбаросса» начал приводиться в действие, над Советским Союзом встал важнейший вопрос: будут ли советские граждане воевать за коммунистический режим, за правительство Сталина, которое терроризировало миллионы тех самых людей, к которым оно в отчаянии обратилось с призывом отдать жизнь? Было вполне резонно предположить, что многие не отдали бы. Очевидно, Сталин сам относился к числу сомневающихся. В Кремле на праздновании победы 24 мая 1945 г. он признается: «Наше правительство сделало немало ошибок, мы переживали моменты отчаянной ситуации в 1941–1942 гг., когда наша армия отступала, потому что другого выхода не было. Другой народ сказал бы правительству: “Вы не оправдали наших надежд. Уходите. Мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией...” Однако русский народ не пошел по этому пути»⁷². Диктатор сказал «русский», а не «советский» народ, и он не оговорился. Русские были более надежными солдатами в вой-

не, которую вел советский режим, чем представители национальных меньшинств.

С самого начала войны Москва не могла спокойно полагаться на преданность своих граждан, особенно нерусской национальности, которые жили в западных пограничных областях, через которые как раз направлялся удар нацистского блицкрига. Самая большая из республик страдала гораздо больше других от сталинской политики. Менее десяти лет до этого миллионы украинцев погибли от рукотворного голода во время коллективизации, к этому добавились последовавшие за этим годы, когда Москва вела беспощадную войну против любых проявлений украинского национализма⁷³. НКВД арестовал тысячи украинских политических деятелей и видных представителей интеллигенции, подозревавшихся в «буржуазном национализме». Украинские церкви были закрыты или уничтожены, как и множество церквей в самой России⁷⁴. Запуганное население пребывало в состоянии молчаливого подозрения по отношению к коммунистическому режиму.

Ситуация в других западных республиках, с советской точки зрения, была еще хуже. Здесь московское правление не успело консолидироваться до нападения Германии. В трех прибалтийских республиках, западной Белоруссии и Бессарабии советская оккупационная политика явно провалилась. Местное население продолжало оказывать сопротивление советской власти, и религия оставалась непокорной и политически значимой силой. Программа подчинения московскому господству местной религии и национальных церквей была далека от завершения. Хотя использование покладистого русского духовенства было задумано отчасти для того, чтобы прикрыть епатрихилью Московской патриархии вуалью видимости религиозной терпимости неприглядную действительность при установлении советской власти, видимо, это мало кого обмануло. Массовые депортации, общая атмосфера усилили основанные на религиозности подозрения к Москве, и они умножатся к выгоде напавших на СССР нацистов.

Тем не менее Москва, по-видимому, считала церковную операцию в западных пограничных областях по меньшей мере успешной, даже при условии, что ее прервала война. Кремль нашел, вернее, снова вспомнил, как использовать Русскую православную церковь в своих политических целях. Примечательно, что ограниченная реставрация Русской православной церкви случилось не на первых этапах войны, как принято считать, а еще до ее начала. Прежде всего, Кремль восстановил церковь в этой важной, хотя и малозаметной, политической роли, поскольку нуждался в услугах прирученной церкви для уста-

новления в только что завоеванных землях методичного и всестороннего политического и социального контроля. Эти факты наводят на важные выводы, показывая, что с самого начала Кремль отводил церкви определенную роль во внешней политике и вопросах безопасности, а не рассматривал ее только как средство мобилизации русско-патриотизма в самом СССР в границах до 1939 г.

Кремль не забыл услуги, оказанные церковью в западных пограничных областях в 1939–1941 гг., как не забыл и роль местных церквей в сопротивлении советской власти. Уроки этого короткого периода определяют советскую политику, когда Красная Армия вернется в эти области в 1943–1944 гг.

Примечания

- ¹ Conquest. Stalin. P. 166–167. Хотя работа Конквиста построена на тщательных исследованиях, которые он вел всю свою жизнь, эту биографию он закончил до открытия советских архивов.
- ² Ronald Grigor Suny. Stalin and His Stalinism: Power and Authority in the Soviet Union, 1930–1953 // Stalinism and Nazism. P. 26.
- ³ Thurston. Life and Terror in Stalin's Russia. P. xix, 232
- ⁴ Сталин. Сочинения. Т. 3. Ч. XVI. С. 24.
- ⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза. Институт марксизма-ленинизма.
- ⁶ Полезный обзор военных мемуаров хрущевской эпохи см. Bialer. Stalin and His Generals. P. 15–44.
- ⁷ Tumarkin. The Living and the Dead. В целом, это блестящее и волнующее исследование создания и использования мифа о Второй мировой войне. Однако, к сожалению, Тумаркин почти исключительно пишет о России и русских и поэтому в значительной степени оставляет в стороне вопросы национальности и роль мифа военного времени в сохранении советского правления в союзных республиках.
- ⁸ Gorbachev Speech to GOSR Meeting. Foreign Broadcast Information Service. November 3, 1987. P. 47.
- ⁹ Tumarin. The Living and the Dead. P. 35.
- ¹⁰ Письмо И. С. Федько // Самсонов. Знать и помнить. С. 103.
- ¹¹ Письмо Д. А. Щетинкина // Там же. С. 101.
- ¹² Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. 2. Ч. 2. С. 12–31.
- ¹³ Подсчитано, что в русской деревне 1860-х гг. грамотным было только 6% населения, к 1921 г. в Европейской части России эта цифра выросла до 71% среди мальчиков и 52% среди девочек. Brooks. When Russia Learned to Read. P. 4. К 1936 г., по утверждению советских властей, неграмотность в СССР была полностью ликвидирована, но исследователи, долгое время изучавшие советское образование, считали, что это заявление преувели-

- чивало степень достигнутого прогресса. Holmes et al. *Russian Education*. P. 8. Когда наконец были опубликованы являвшиеся долгое время закрытыми результаты советской переписи населения 1939 г., то они показали, что грамотными были 58% этнических русских, в то время как большинство других советских национальностей имели показатели намного ниже. Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 83.
- ¹⁴ Гроссман. *Жизнь и судьба*. С. 196. Здесь он пишет о судьбе персонажа по имени Софья Осиповна Левинтон, прототипом которой была мать Гроссмана, погибшая в Холокосте. Во время пленения, потом высылки убитая нацистами Левинтон, ассимилированная еврейка, открыла для себя, что связана с еврейским народом.
- ¹⁵ Fitzpatrick. *Stalin's Peasants*. P. 312.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 320.
- ¹⁷ Tumarkin. *The Living and the Dead*. P. 64–65.
- ¹⁸ Fitzpatrick. *Stalin's Peasants*. P. 204.
- ¹⁹ *Fireside. Ikon and Swastika*. P. 160–165. Советские власти были хорошо осведомлены об этом явлении. См.: Карпов — Александрову. 30 августа 1945 г. Совершенно секретно. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 1408.
- ²⁰ Подсчитано, что за время войны погибло более 2 млн 200 тыс. человек из 9 млн 46 тыс. населения довоенной Белоруссии. Козлов и др. *Великая Отечественная война 1941–1945 годов*. С. 86.
- ²¹ Более пространную справку НКГБ относительно украинских антисоветских националистических и религиозных групп, в том числе еврейских организаций, см.: Из ориентировки третьего управления НКГБ СССР. Иван Шевелев. 31 мая 1941 г. ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 172–187.
- ²² Один историк оценивает число погибших во время Хмельницкого восстания в «десятки тысяч», считая его «одним из самых болезненных событий в (еврейской — С. М. М.) истории. *Subtely. Ukraine*. P. 127–128. См. также: Magosci. *A History of Ukraine*. P. 200–202.
- ²³ Чуев Ф. И. *Сто сорок бесед с Молотовым*. С. 390.
- ²⁴ Докладная записка НКГБ УССР Секретарю ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущеву. Без даты, но не ранее 15 апреля 1941 года. ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 99.
- ²⁵ Chuev. *Molotov Remembers*. P. 257–258.
- ²⁶ Опубликованные русские документы довольно немногочисленные и не объясняют мотивов Москвы, раскрывая только методы Кремля. Относительно аннексии прибалтийских государств соответствующие дипломатические документы опубликованы. См.: Министерство иностранных дел Российской Федерации. *Документы внешней политики 1940 – 22 июня 1941 г. Возвращаясь к вызывающей сожаление практике советского времени, это собрание документов, совершенно очевидно, было тщательно отредактировано и содержит только два документа об аннексии этих трех стран, ни в одном из них нет указаний на причины захвата их Москвой.*

- ²⁷ В своих работах я выступаю за более агрессивную интерпретацию советских мотивов. *Miner. Between Churchill and Stalin*. См. также: Tucker. *Stalin in Power*. P. 223–228, 592–607; Розанов. Сталин — Гитлер. Совершенно иную интерпретацию советских мотивов см.: Geoffrey K. Roberts. *The Soviet Union and the Origins of the Second World War*.
- ²⁸ Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 14.
- ²⁹ *Misiunas and Taagepera. The Baltic States*.
- ³⁰ Кулик — Сталину, Молотову и Ворошилову. 21 сентября 1939 года. Пихойя и др. Катюнь. С. 83–85.
- ³¹ Там же.
- ³² *Kagan and Cohen. Surviving in Holocaust with Russian Jewish Partisans*. P. 135, 139.
- ³³ Цит. по: Gross. *Revolution from Abroad*. P. 35.
- ³⁴ Там же. P. 34.
- ³⁵ Там же. Хотя книга Гросса основывалась преимущественно на бесценном богатстве личных рассказов, услышанных им от польских солдат, и вышла до открытия советских архивов, она рисует достаточно полную картину событий. Однако при всей широте показанной им картины в книге полностью отсутствует проблема церквей. Другое исследование сталинской войны против польского населения, сохранившее ценность даже после открытия советских архивов, *Zawodny. Death in the Forest*.
- ³⁶ В феврале 1941 г. Политбюро ВКП(б) вынесло постановление о разделении тайной полиции на НКВД и НКГБ, последний занимался советским шпионажем за рубежом, деятельностью иностранных разведслужб и ликвидацией организованной оппозиции внутри СССР. В ведение НКВД передали все остальные функции по обеспечению безопасности. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1941 г. ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 24–25.
- ³⁷ *Vardys and Sedaitis. Lithuania*. P. 28–29.
- ³⁸ Интересно отметить, что в условиях неготовности СССР к войне в момент начала осуществления плана «Барбаросса» советские разведывательные службы располагали большим объемом информации о подготовке Германии к нападению на Советский Союз. По-видимому, они предполагали, что нападение состоится в намеченный срок. Поразительная коллекция таких предупреждений разведки опубликована русским преемником КГБ. См.: Федеральная служба безопасности России. Служба внешней разведки России и Московское городское объединение архивов. *Секреты Гитлера на столе Сталина*.
- ³⁹ Меркулов — ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР. 8 апреля 1941 г. ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 79–81.
- ⁴⁰ ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 141н.
- ⁴¹ Кобулов — НКГБ БССР. Из указаний НКГБ СССР. № 1996 / М., 30 мая 1941 года. ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 166–170.

- ⁴² Количество высланных в тот период из прибалтийских государств и Бессарабии, числом до 85 тыс. человек, приводится по записке Конрадкова, Волобуева и Горячева под грифом «Совершенно секретно» от 11 июня 1941 года. ТСИМ. С. 154–156. Причины отдельного указания количества высланных из Западной Украины не приводятся.
- ⁴³ Меркулов. Докладная записка НКГБ СССР в ЦК ВКП(б). ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 144–146.
- ⁴⁴ Терстон также с удивлением пишет о «тесной связи между полицией и обществом». Turston. *Life and Terror in Stalin's Russia*. P. 84–85, 98, 107.
- ⁴⁵ Изложенное здесь и далее резко расходится с точкой зрения, выраженной недавно одним историком, написавшим, что «колоссальное и дорогостоящее разорение, которое Сталин нанес стране накануне и в первые дни Второй мировой войны, вызвало неорганизованную оппозицию». Ronald Grigor Suny. *Stalin and His Stalinism: Power and Authority in the Soviet Union, 1930–1953* // Kershaw and Lewin. *Stalinism and Nazism*. P. 26.
- ⁴⁶ Самая подробная во многих отношениях история написана Армстронгом. *Armstrong. Ukrainian Nationalism*.
- ⁴⁷ Мечик. Из циркуляра народного комиссариата государственной безопасности СССР. 10 апреля 1941 г. ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 85–87.
- ⁴⁸ Он же. Докладная записка НКГБ СССР Хрущеву. 15 апреля 1941 года. ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 99–100.
- ⁴⁹ Лосев и Мاستицкий. Из директивы управления НКВД и НКГБ по Ровенской области. ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 118–120.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Берия Л. Из директивы НКВД СССР НКВД И НКГБ Украины. 29 апреля 1941 года; Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР 14 мая 1941 г. ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 121, 139–140.
- ⁵² Берия Л. Всем начальникам УНКГБ. 21 мая 1941 г. ТСИМ. С. 146.
- ⁵³ Меркулов. Из докладной записки НКГБ СССР № 1832/М в ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 23 мая 1941 г.; Докладная записка НКГБ СССР № 1843/М в ЦК ВКП(б), СНК и НКВД СССР. ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 154–156.
- ⁵⁴ Записка Кондракова, начальника управления лагерей и спецпоселений. 11 июня 1941 г. ТСИМ. С. 154–156.
- ⁵⁵ Меркулов. Директива НКГБ СССР. № 126. 21 июня 1941 г. ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 297.
- ⁵⁶ ОГБ. Т. 1. Кн. 1. С. 73н. Находившийся в тот момент в эмиграции Бандера будет убит Советами в 1959 г.
- ⁵⁷ Шевелев. Из ориентировки Третьего управления НКГБ СССР. 31 мая 1941 года. ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 172–187.
- ⁵⁸ Ciszek with Flaherty. *He Leadeth Me*. P. 18.
- ⁵⁹ Bociurkiw. *The Ukrainian Greek Catholic Church and the Soviet State (1939–1950)*. P. 34–37.
- ⁶⁰ Шевелев. Из ориентировки Третьего управления НКГБ СССР. 31 мая 1941 года. ОГБ. Т. 1. Кн. 1. С. 172–187.

- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Симон Петлюра был вождем лево-националистических украинских сил во время российской гражданской войны. В декабре 1918 г. он ненадолго создал украинское национальное правительство сразу после поражения Германии во время Первой мировой войны и до момента, когда большевистские силы сумели утвердить свою власть на Украине. С тех пор советские коммунисты использовали его имя в уничижительном смысле, называя все «буржуазные националистические» украинские силы «петлюровцами». Потерпев политическое поражение, он эмигрировал за границу и в 1926 г. был убит советскими агентами. Mawdsley. *The Russian Civil War*. P. 119.
- ⁶³ Подробнее по этому вопросу см. гл. 2.
- ⁶⁴ Серов И. Из указаний НКГБ СССР УНКГБ-УНКВД. 17 мая 1941 г. ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 147–148.
- ⁶⁵ Fletcher. Nikolai. P. 33.
- ⁶⁶ Pospelovsky. *The Russian Church under the Soviet Regime*. V 1. P. 194.
- ⁶⁷ По вопросу о роспуске Греко-католической церкви Николаем I и важной параллели с политикой Сталина в 1943–1944 гг. см.: Lencyk. *The Eastern Catholic Church and Czar Nicholas I*.
- ⁶⁸ Fletcher. Nikolai. P. 12–13.
- ⁶⁹ Fireside. *Icon and Swastika*. P. 134.
- ⁷⁰ Fletcher. Nikolai. P. 34.
- ⁷¹ Ibid. P. 35, 52.
- ⁷² В оригинале цит. по: Urban. *Stalinism*. P. 42.
- ⁷³ Роберт Конквист настаивал, что сталинская политика коллективизации на Украине и война против украинской интеллигенции и церкви были равносильны геноциду. Если согласиться с широким толкованием этого термина, подразумевающего кампанию по уничтожению национальной идентичности и способности народа оказывать сопротивление внешним силам, тогда, возможно, Конквист прав. Если же пользоваться термином «геноцид» в его более узком значении, как война с целью физического уничтожения всего народа, тогда коллективизация, хотя и повлекла массовые гибели, не подходит под это определение. Conquest. *The Harvest of Sorrow*.
- ⁷⁴ Ibid. P. 199–213.

Глава вторая

НАЧАЛО СТАЛИНСКОЙ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ. 1941–1943 гг.

Русский народ воспринял эту войну как священную войну, войну за свою веру и свою страну... Патриотизм и православие — единое целое.

*Митрополит Николай
«Русская церковь и война с фашизмом»*

Да, оказалось, — проговорил Шаргородский, — что основатели Коминтерна в час войны ничего лучшего не придумали, как повторить: священная русская земля. — Он улыбнулся. — Подождите. Война кончится победой, и тогда интернационалисты объявят: «Наша матушка-Россия всему свету голова.

*Василий Гроссман
«Жизнь и судьба»*

Вызов Барбароссы

Хотя советские граждане, пережившие сталинизм, хорошо знали, что им не нравилось в режиме, у них было очень мало информации о жизни по другую сторону нацистско-советского фронта. На протяжении 1930-х гг. советская пресса последними словами привычно поносила Гитлера и нацизм, но эти нападки как по мановению волшебной палочки прекратились весной 1939 г., когда Москва заигрывала с Берлином в преддверии нацистско-советского пакта¹. С этого времени и до 22 июня 1941 г. советская пресса хранила полное молчание о преступлениях нацизма. Менее чем за месяц до начала войны Центральный Комитет возобновил секретные указания советской прессе избегать в своих публикациях любых провоцирующих антигерманских высказываний². Даже такой памятный образчик кинематографической антинацистской пропаганды, как «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна, не был выпущен в прокат, чтобы не вызвать у Берлина раздражения³. Поэтому, когда грянула война, многие совет-

ские граждане были удивлены вдвойне, так как правительство регулярно заверяло их, что советско-германские отношения развиваются на самой прочной основе⁴. Виктор Кравченко, бывший сотрудник советского посольства в Вашингтоне, перебежавший во время войны к американцам, писал потом, что, «насколько дозволено было знать русским массам, советско-нацистское сотрудничество представляло собой идиллию без единого темного пятнышка. Сомневаться в этом было равносильно тому, что сомневаться в непогрешимости Сталина»⁵. Далее Кравченко заключает, что «нужны были месяцы непосредственного знакомства с жестокостями немцев, чтобы было преодолено моральное разоружение русского народа»⁶.

После германского вторжения, когда советская пропаганда как по команде вдруг принялась ругать нацистов, первые пропагандистские материалы были настолько примитивными и грубыми, что в них трудно было поверить. Нина Марковна, в то время крымская школьница, вспоминает, как у них в классе показали серию фотографий, на которых якобы до смерти изголодавшиеся гражданские немцы стоят в очереди у продовольственного магазина, потом, увидев ворону, набрасываются на нее и тут же съедают. Когда впоследствии Москва сообщила о массовых убийствах евреев немцами, это было воспринято почти как выдумка. «Наши юные умы, — писала она, — пришли в смятение. Чему верить? Если поверить в преступление немцев против евреев, то нужно поверить и в то, что немцы съели живую ворону!»⁷

Московская пропаганда была ненадежной и недостоверной, но у большинства советских граждан не было возможности узнать о немцах из первых уст. В СССР НКВД арестовал и депортировал тысячи людей, испытавших на себе нацистскую власть, очевидно, опасаясь, что немцы поощряли переход беженцев через линию фронта, чтобы внедрять их в число шпионов и саботажников⁸. Конечно, Советы, в свою очередь, делали то же самое. Когда по соглашению с Берлином Москва после захвата Бессарабии в 1940 г. репатриировала оттуда этнических немцев, НКВД вербовал шпионов среди репатрируемых для работы на Советы после переселения в Рейх⁹. Неудивительно, что советская разведка считала, что тем же занимаются и нацисты. Во многих случаях НКВД просто расстреливал беженцев из-за линии фронта при малейшем признаке доказательств их вины или даже без всяких доказательств, достаточен был сам факт перехода с той стороны¹⁰. Конечно, таким образом ликвидировали ряд потенциальных немецких шпионов, но при этом, несомненно, убили еще больше людей, которые с готовностью воевали бы с немцами, и это еще больше изолировало советское население от возможности узнать об ужасах нацистского правления.

По этой причине в начале войны, отчасти благодаря собственным действиям, советское правительство оказалось перед большей, с пропагандистской точки зрения, дилеммой, чем его противник. С одной стороны, рядовой советский человек слабо представлял себе природу нацизма, с другой, мощным орудием в арсенале захватчиков было советское наследие политических и религиозных репрессий, тяжелым бременем ложившееся на Москву. С первых дней нашествия на СССР нацистские пропагандисты, естественно, обыгрывали материалы страшного сталинистского прошлого, не переставая трубить, что германская армия ведет «крестовый поход» в защиту западной цивилизации против советского варварства. Эта пропаганда была направлена не только на советское население, но, возможно, по расчетам Берлина, даже больше на европейское и христианское общественное мнение. Если учесть трагическую историю советских религиозных репрессий и недоверие или открытую враждебность большей части христианского мира к советскому атеистическому режиму, это, возможно, было самым сильным пропагандистским козырем Берлина. Несомненно, оно придавало пропаганде больше убедительности, чем раскрытие подлинных причин вторжения — расовой войны и территориальной экспансии.

В день вторжения германское радио пообещало советским гражданам, что «одной из первых мер германской администрации будет восстановление религиозной свободы... Мы позволим вам организовать религиозные приходы. Каждый будет волен молиться богу на свой собственный лад»¹¹. Отдельные представители германского Верховного командования, особенно в вермахте, действительно стремились восстановить для народов СССР некий уровень религиозной свободы, но не потому, что германские офицеры испытывали особое почтение к религиозной свободе, а потому, что считали ее сильнейшим оружием¹². Продвигаясь вглубь советской территории, германские вооруженные силы открывали закрытые Советами церкви и разрешали проводить в них службы, особенно в Минске и Смоленске, являвшихся центрами епархий, и эти события снимались на киноплёнку для показа мировой аудитории.

Как и во многих других отношениях, казавшееся монолитным нацистское правительство раздирали противоречия, когда речь заходила о выработке религиозной и национальной политики на Востоке. Как отмечал крупнейший историк германской оккупации, нацисты могли бы использовать религию как «еще один рычаг» подрыва советской власти, но Берлин оказался «неспособным понять имеющиеся возможности»¹³. С одной стороны, германские вожди, знакомые с Россией, вроде самозванного «идеолога» нацизма Альфреда Розен-

берга (выходца из Латвии) хотели воспользоваться национальными и религиозными претензиями украинцев и других национальных меньшинств СССР, чтобы вбить клин между Москвой и ее владениями на периферии. С другой стороны, такие деятели, как Рейнхард Гейдрих из СС и Мартин Борман, серый кардинал Гитлера, оба категорически возражали против любых шагов по предоставлению населению оккупированных территорий религиозной свободы. Они были недовольны открытием церквей, что умело рекламировалось армейским командованием, и санкционированным армией разрешением эмигрантским православным, греко-католическим и католическим миссионерам посетить завоеванные советские территории¹⁴. В гитлеровском Новом порядке, по мнению нацистских главарей, славянам отводилась роль рабов, и не следовало позволять им думать иначе. Также не следовало позволять им иметь какие бы то ни было институты, которые могут способствовать развитию национальных и религиозных амбиций, что в один прекрасный день может бросить вызов германскому политическому господству.

Борман, Гейдрих и другие единомышленники-нацисты преданно следовали воле своего вождя Гитлера, открыто объявившего, что «самым тяжелым ударом для человечества было пришествие христианства. Большевизм — незаконнорожденное дитя христианства. И то, и другое придумали евреи»¹⁵. Гитлер относился к религии с презрением и думал покончить с ней по всей нацистской империи, но в самой Германии не решался вступать с церковью в открытую конфронтацию, боясь ее политического веса. На Востоке его ничто не сдерживало. Он отказался пустить христианских миссионеров вслед за вермахтом в Россию, саркастически фыркнув, что «если и делать это, то нужно разрешить всем христианским конфессиям приехать в Россию, чтобы они забили друг друга крестами»¹⁶. В приказе фюрера от 6 августа 1941 г. армейским частям запрещалось оказывать помощь церквям¹⁷. Гитлер не только опасался давать ненужные надежды славянам, его беспокоило, что широкая пропаганда возрождения религии на завоеванных советских территориях может внушить немцам мысль, что в самой Германии у церкви есть больше, чем он намеревался ей дать, будущего. В результате 14 ноября Борман передал приказ фюрера, что «впредь до дальнейших указаний (во внутренней германской прессе) не должно публиковаться ничего относительно религиозной ситуации в Советском Союзе»¹⁸.

Хотя споры по поводу отношения к советским национальным меньшинствам в нацистской иерархии не утихали, вопрос был решен назначением мерзавца Эриха Коха правителем Украины. Отличавшийся полным отсутствием человечности и крайним ци-

низмом, Кох заявил: «Отношение немцев к украинцам должно руководствоваться тем фактом, что мы имеем дело с людьми, которые ниже нас во всех отношениях... Мы освобождали их не для того, чтобы облагодетельствовать Украину, а для того, чтобы обеспечить Германии необходимое жизненное пространство и источник продовольствия»¹⁹.

Нежелание Гитлера использовать религиозные чувства в завоеванных областях и его отказ учитывать политические и экономические претензии местного населения к советской власти, предоставив ему некоторую степень самоопределения или ликвидировав ненавистные колхозы, можно отнести к числу необъяснимых загадок этой войны. На протяжении всего периода своего восхождения к власти и в политике в Восточной Европе как до войны, так и на первых ее этапах, фюрер искусно играл на национальных противоречиях, следуя принципу «разделяй и властвуй». После вторжения в Советский Союз он, однако, отбросил такие тонкости и стал в открытую проводить политику эксплуатации. Вместо того чтобы воспользоваться недовольством и претензиями, оставшимися после десятилетий неудачного советского правления, нацистские оккупанты проводили бесстыдную жестокую политику, чем в конечном итоге толкнули большинство местного населения в объятия Москвы, какие бы опасения относительно сталинского режима у того ни существовали. Только на более поздних этапах войны на Востоке, когда замаячило поражение Германии и самопроизвольное религиозное возрождение снизу стало для нацистов свершившимся фактом, оккупанты изменили свое враждебное отношение к религии на советских территориях²⁰. Однако к этому времени истинная сущность и цели нацистского варварства стали очевидны для всех, и вновь обретенный энтузиазм Берлина по отношению к религии никого не убеждал.

«Они сражаются за Россию-мать»

Подлинная сущность нацистских планов для Востока станет известна только после месяцев войны и оккупации. Между тем никто не был уверен в эффективности Красной Армии, а Гитлер, как и большинство американских и английских обозревателей, считал, что советские вооруженные силы не смогут отразить блицкриг. Наследие сталинистских репрессий, последствия чисток в Красной Армии 1937–1938 гг. и негативное впечатление, оставленное Красной Армией после войны 1939–1940 гг. с Финляндией — все это, казалось,

наводило на единственную мысль: Красная Армия походила на больного рахитом, который вышел на боксерский ринг против чемпиона-тяжеловеса, находящегося к тому же в прекрасной форме²¹.

С первых дней войны на востоке, вопреки прогнозам, советское сопротивление оказалось сильнее того, с чем до сих пор сталкивалась германская армия. К концу третьего месяца войны потери вермахта составили более 500 тыс. офицеров и солдат. Это впечатляюще контрастировало с 30 тыс. убитыми — потерями за все их предыдущие кампании с сентября 1939 г.²² В ряде мест, например, в Брест-Литовске, солдаты Красной Армии продолжали сражаться даже в окружении, когда уже не оставалось никакой надежды на спасение²³. Командование вермахта, в свое время считавшие, что советские люди не способны на какое-либо упорное сопротивление, испытало сильнейшее потрясение.

Советское сопротивление было местами ожесточенным, однако первые недели войны вскрыли серьезные недостатки московской военной машины. Часть этих проблем была известна как, например, урон, нанесенный Красной Армии сталинскими предвоенными чистками. К тому же германская армия вступила в войну с Советским Союзом, уже имея за плечами два года военных действий, советские же солдаты раньше в боях не участвовали²⁴. Уровень технических знаний и военной подготовки у советских военных был намного ниже, чем у их немецких противников. Отказывала боевая техника, перебои в снабжении и постоянные рейды немецкой авиации летом 1941 г. усугубляли тяжелое положение Красной Армии. Главное же, инерцию наступательному движению немецкой армии придала стратегическая внезапность нападения, как важнейший фактор в войне до конца 1941 г.²⁵

Самое большое беспокойство советским правителям доставляла неуверенность в преданности их солдат. Это остается весьма туманной темой, так как в советских архивах очень мало материалов, по которым можно было бы судить о мотивации рядового новобранца Красной Армии. Тем не менее есть достаточно оснований считать, что готовность рядового солдата сражаться и умирать за сталинистское государство сильно отличалась в зависимости от личности каждого. С точки зрения Кремля, наибольшая опасность заключалась в огромном числе советских солдат, сдавшихся наступавшим немцам. Во время войны более 5,5 млн солдат Красной Армии попали в плен вермахта, на 1 млн больше, чем насчитывала вся немецкая армия вторжения в 1941 г.²⁶ Большинство этих несчастных погибли в одну немецких лагерей военнопленных, где было не намного лучше, чем в обычных лагерях смерти.

Значительно отличались и причины сдачи в плен. В большинстве случаев массовые капитуляции были результатом быстрого продвижения немецких армий. В ходе гигантских сражений вермахт загонял в окружение целые армии, например в кольцо оказалось полмиллиона советских солдат, когда в сентябре 1941 г. пал Киев²⁷. Стратегическое окружение, однако, не объясняет все случаи сдачи в плен советских солдат. Кое-где проявлялась тревожная тенденция перехода некоторых солдат линии фронта на сторону немцев, которые совершенно не представляли, как с ними будут обращаться нацисты. Джонни фон Херварт, немецкий кавалерийский офицер, бегло говоривший по-русски и допрашивавший пленных советских солдат, вспоминает, что войска НКВД в первые часы войны воевали хорошо, но «боевой дух советской пехоты был ниже некуда, — пишет он. — Жесткое сопротивление они оказывали только в условиях, когда трудно было дезертировать в данный конкретный момент, например из-за временной стабилизации фронта». Много солдат не только дезертировало, часто они охотно выдавали на допросах «точную и надежную информацию» о диспозиции Красной Армии²⁸.

В Москве накапливалась информация, что во многих частях Красной Армии низкий боевой дух, и 16 августа 1941 г. Сталин лично отдал свой печально известный приказ № 270, по которому дезертиров «расстреливали на месте», а их семьи объявлялись заложниками²⁹. По мысли Сталина, сдавшийся в плен советский солдат просто переставал существовать. Когда немцы предложили организовать почту для военнопленных, Сталин ответил: «Советских военнопленных нет. Русский солдат сражается до смерти. Если он предпочитает плен, то автоматически перестает быть членом русского общества. Мы не заинтересованы в почтовой службе только для немцев»³⁰.

Приказ диктатора вошел в силу немедленно, и за этим последовала череда казней, потому что высшее командование оказалось бессильным в борьбе с неподчинением солдат приказам. Фронтовик, приехавший в Москву в краткосрочный отпуск, жаловался: «Одного расстреливают за невыполнение боевого задания, другого за дезертирство, но как можно применить наказание, если дезертирует целая часть? Третьего расстреливают черт знает за что, вот что такое расстрелы! Немцы бьют нас, а мы себя»³¹. К концу августа советский писатель, посетив линию фронта, ужаснулся увиденным настолько, что решил предпринять рискованный шаг и апеллировать лично к Сталину, сказав, что «здесь, в 24-й армии, зашли слишком далеко. По данным штаба и политотдела, за дезертирство, паникерство и другие преступления было расстреляно 480–600 человек». Сталина это не тронуло, и его приказ остался в силе³². Рассказы о таких варвар-

ских мерах не вызывали у диктатора чувство стыда, он даже похвастался американскому посланнику Авереллу Гарриману: «В советской армии, — холодно бросил он, — нужно больше смелости, чтобы отступать, чем наступать»³³.

Чтобы сохранить такое положение дел, советское правительство поручило НКВД создать части, располагавшиеся непосредственно за передовыми позициями, с постоянным приказом расстреливать подозреваемых в несанкционированном отступлении или дезертирстве³⁴. Роль и число этих частей, существование которых официальные историки в советскую эпоху полностью отрицали, не были еще должным образом исследованы. Но количество жертв потрясающее: 157 593 человека были расстреляны за «паникерство, трусость или оставление поля боя без приказа»³⁵. Число пострадавших было эквивалентно шестнадцати полностью укомплектованным пехотным дивизиям или более чем половине потерь, понесенным Соединенными Штатами за всю войну. Это совпадает с немецкими наблюдениями: Херварт писал, что, например, советские «военнопленные сообщали, что их гнали вперед политические комиссары и офицеры»³⁶. В недавнем русском документальном фильме рассказывается от лица очевидца, как НКВД устанавливал пулеметные точки за солдатами, получившими приказ на наступление, чтобы поддержать их отвагу³⁷. Это тоже было большевистской традицией: Троцкий временами прибегал к таким же методам, особенно в 1921 г. при штурме Кронштадтской военно-морской базы³⁸.

Роль террора и принуждения в поддержании боевого духа Красной Армии не следует преувеличивать, действовали и другие мотивы, такие как патриотизм, отчаяние и даже коммунистические убеждения, и многие подобные мотивации становились все более важными факторами по мере того, как война набирала темп. Тем не менее продолжавшееся применение террора свидетельствовало о том, насколько Кремль боялся ненадежности своих солдат, а поразительное число жертв говорит само за себя³⁹.

Подозрения в ненадежности солдат Красной Армии только усиливались радостным приемом, который вначале оказывали захватчикам жители западных пограничных областей⁴⁰. Германские пропагандисты с удовольствием фотографировали и передавали по радио сцены, когда украинские крестьяне встречали «гостей» традиционным хлебом с солью. Можно с уверенностью сказать, что немцы инсценировали многие из таких спектаклей для своего документального кино, хотя были и спонтанные сцены. Часто торжественная встреча отражала не больше, чем надежду населения на лучшее отношение при немецкой власти. Нина Марковна вспоминает, как ее мать велела ей

спеленать груди под кофточкой, чтобы не привлекать внимание немецких солдат и не быть изнасилованной, но в то же время мать сказала ей, что нужно напечь хлеб к приходу захватчиков. Когда Нина Марковна сердито возразила, указав на противоречие между встречей захватчиков хлебом-солью и опасеньями, что ее могут изнасиловать, мать ответила тихо и очень грустно: «Доченька, ты такая гордая, такая наивная и непосредственная... Ниночка, детка, для того чтобы перенести жизненные трудности, тебе нужно научиться... склоняйся в ту сторону, куда дует ветер»⁴¹. Такое отношение, вероятно, было более характерно, чем искренняя радость по поводу прихода немецких захватчиков.

И все-таки большое количество свидетельств из первых уст говорит о том, что часть советского населения, не имея точной информации и еще не зная, чего ждать от немцев, поначалу ждала, что с ними будет лучше, чем при сталинистском режиме. В западных пограничных областях среди стариков, участников Первой мировой войны, сохранились воспоминания о сравнительно мягкой оккупации кайзеровской армией двадцать лет назад. Уилфред Штрик-Штрикфельд, немецкий офицер прибалтийского происхождения, который воевал на стороне русской императорской армии в Первую мировую войну, вспоминает типичную сцену, когда «старый крестьянин» говорил своим товарищам, что «попал в плен в Первую империалистическую войну» (1914–1918) и работал на немецкой ферме. Немцы относились к нему хорошо... Так что он не поверил пропаганде о «немецких зверях» и советовал своим товарищам-солдатам бросать винтовки и сдаваться»⁴².

Стремительно отступая, Советы давали местному населению новые поводы, чтобы радоваться падению советской власти. Сталин приказал Красной Армии оставлять после себя «выжженную землю», что лишало захватчиков продовольствия и крова, но вместе с тем оставляло и гражданское население без средств к существованию. Как говорит Херварт, сталинский приказ «был для крестьян поводом к отчаянию и только усиливал ненависть к диктатору»⁴³. Один русский солдат описывал типичную сцену, которую можно было наблюдать тысячу раз в зоне боевых действий: «Когда мы отступали, мы уничтожали за собой все, даже посева, и население просто смотрело, как гибнет хлеб. Нас умоляли, отдайте это нам, не сжигайте, мы же умрем с голода! Но приказ есть приказ»⁴⁴.

Но НКВД при отходе было мало материального опустошения, расстреливались тысячи заключенных областных тюрем и лагерей, и хоронить тела убитых не было времени. Немцы находили много ужасающих картин и делали все, чтобы местное гражданское население

увидело эти горы трупов⁴⁵. Не имея достоверной информации о нацистах и, напротив, испытывая неприязнь к Кремлю, местные жители надеялись, что при немцах будет лучше, хотя скоро убедилось в своей ошибке.

Другой большой группой советских граждан, имевшей причины ненавидеть сталинистский режим и ждать от немцев лучшей доли, были ссыльные и узники ГУЛАГа. В сентябре 1941 г. Вольфганг Леонард, молодой немецкий коммунист, в будущем, после войны, один из ведущих деятелей восточногерманского государства, был депортирован в Казахстан и жил под Карагандой вместе с местными немецкими резидентами в СССР. Этот последний раунд депортаций еще раз продемонстрировал московские страхи «пятой колонны»⁴⁶. Прибыв на место ссылки, Леонард со своими товарищами — немецкими коммунистами встретил много крестьян, которых сослали десятью годами раньше во время коллективизации как «кулаков». «Практически все они были русскими, — писал он, — хотя несколько из них были украинцами или татарами, ни одного казаха между ними я не видел». Леонарда сразу поразило, что эти люди, потерявшие все, чем когда-то владели, не боялись высказываться открыто, в отличие от других людей, которых он встречал за годы, проведенные в Советском Союзе. Ссыльные постарше приветствовали вновь прибывших насмешливо: «Ну, вот, а мы уже давно ждем вас. Мы с самого начала думали, немцев сошлют сюда». Леонард с друзьями объяснил, что, хотя они, действительно, немцы, но они антифашисты и выступают за победу Советов в войне, но крестьяне отказывались верить, что немцы могут не быть за Гитлера. Леонард был поражен, узнав, что это никак не настраивало крестьян против него с товарищами, потому что ссыльные положительно относились к Гитлеру. Они спрашивали немцев: «Но все-таки, как далеко ваш Гитлер зашел? Как вы думаете, дойдет он до этих мест и освободит нас?»⁴⁷

Отношение к советской власти постоянно менялось, и очень серьезно, в зависимости от событий на фронте. После провала немецких планов захвата Москвы осенью и в начале зимы 1941 г. Красная Армия предприняла серию контрнаступлений и отбросила противника на сотни километров на Запад. Казавшиеся до этого непобедимыми нацистские армии были впервые остановлены. Многие советские руководители, включая самого Сталина, поверили, что Советский Союз не только выдержал первый удар, но что наконец пройден поворотный пункт в сталинской священной войне⁴⁸. К сожалению, сталинский оптимизм оказался преждевременным. Попытка Красной Армии весной 1942 г. развить успех, перейдя в наступление в восточной Украине, закончилась катастрофически.

Последовало новое массовое окружение, более 200 тыс. советских солдат попали в плен, и в советских линиях на юге образовалась зияющая брешь⁴⁹. Одновременно немцы подавили последние остатки сопротивления Красной Армии в Крыму, и были пленены еще 176 тыс. советских солдат⁵⁰

Вслед за этими событиями в начале августа вермахт возобновил наступление, на этот раз нацелившись не на советскую столицу, а на Кавказ и город Сталинград на Волге. Наступление грозило отрезать Москву от жизненно важного пути к нефтяным полям Каспийского бассейна, откуда она получала 80% нефтепродуктов⁵¹. Поначалу немецкое продвижение развивалось так же быстро, как предыдущим летом. Зимние успехи Красной Армии казались далеким пошлым, и контраст с весенней катастрофой и возобновившимся немецким наступлением только усилил шоковые настроения в Москве.

Среди этих трагических обстоятельств было одно, которое не могло не радовать Кремль. За лето и осень 1942 г. не повторились массовые сдачи в плен, как это происходило на первых этапах плана «Барбаросса», во всяком случае, что касалось этнически русских частей. За весь 1942 г. в плен попало менее половины числа плененных за шесть месяцев 1941 г.⁵² Крупные окружения советских войск были следствием провала наступательных операций, результатом ошибок планирования московских штабов, а не сдачи в плен людей. По мере продвижения немцев к Сталинграду советские войска быстро, но сравнительно организованно отступали, немцы захватывали территорию, но не массы людей⁵³.

В известной степени это можно объяснить повышением качества советской военной организации и координации действий частей и соединений, а также осуществлявшимся НКВД террором, но гораздо большее значение имели другие факторы. Во время советского зимнего наступления Красная Армия ненадолго вернулась в ранее оккупированные немцами районы, и русские были воистину потрясены увиденным там. Никакие изощрения советской пропаганды не могли подготовить советских солдат к тому, что такое немецкая оккупация. На них обрушилась масса фактов страшной войны против гражданского населения: убийства евреев, репрессии против беззащитных женщин и даже детей, изнасилования, бессмысленные разрушения и вообще преступления, какие только могут прийти в голову. По мере распространения в воинских частях Красной Армии сведений о немецких зверствах резко менялась боевая мотивация военных. Кравченко рассказывает, что его подхватила волна ненависти к немцам и неразрывно связанное с этим возрождение русского национализма, хотя он лично ненавидел сталинистскую систему: «Гитлеровские

орды сумели разжечь русский патриотизм сильнее, чем все кремлевские разглагольствования о расе и нации»⁵⁴.

Однако во второй год войны на моральном фронте далеко не все было в порядке, трудности представляли все те же национальные и политические проблемы. Среди нерусских национальностей в тылу немецких линий или вблизи зоны боевых действий массовая враждебность советской власти проявлялась в особо опасных формах. На Крымском полуострове, например, местные татары массово переходили на сторону немцев. Из 130 татар, призванных в армию из деревни Куш, дезертировали 122, из 98 призванных из села Бешуй в свою деревню вернулись 92. В записке в Центральный Комитет ВКП(б) отмечалось, что «многие татары перешли на службу к немцам»⁵⁵.

После падения советской власти в Крыму весной 1942 г. целые татарские деревни объединялись против партизан. Многие татары видели в этнических русских прямых представителей угнетавшей их имперской власти. Страдания во время коллективизации оставили у них неизгладимый след, как и закрытие и осквернение их мечетей во время предвоенных антирелигиозных кампаний. Теперь они решили, что военные успехи немцев открывают им возможность свести национальные и этнические счёты. Когда русский посёлок около татарской деревни Куш помог советским партизанам продовольствием и табаком, местные татары, узнав об этом, сожгли посёлок и перебили всех его жителей. Спаслась только одна русская женщина, рассказавшая о произошедшем. Точно так же, когда стало известно, что этнические греки в деревне Луки помогают партизанам, шестьдесят вооружённых татар тут же заявили грекам, что, если помощь будет продолжаться, они уничтожат деревню. В марте 1942 г., когда греки не обратили внимания на угрозы, татарские боевики сравняли деревню с землей, а жителей частью убили на месте, частью отвезли в Бахчисарай и расстреляли там⁵⁶.

Когда немцы вступили в Крым, некоторые татары ушли к советским партизанам, но к декабрю 1941 г. позиции Москвы на полуострове ухудшились, и эти немногочисленные добровольцы дезертировали. «Ни один татарский населённый пункт не помогал и не помогает партизанам», — говорится в материалах секретного советского расследования, — наоборот, когда советские партизаны приближались к татарскому населённому пункту, их встречали огнём. «Многие татары сначала работали с немцами, выдавая советские склады и партизанские базы. Но после падения Керчи весной 1942 г., когда создавалось впечатление, что советская власть никогда не вернется, татары стали действовать самостоятельно... В целом, следует

сказать, что если бы не предательство татарского населения, партизанское движение в Крыму находилось бы в лучшем положении, чем на сегодняшний день»⁵⁷ Татарская месть этническим русским была не менее жестокой, чем перенесенное ими в свое время обращение со стороны советского государства, Москва еще раз пожинала бурю, как плод посеянного ею ветра.

Татары не составляли исключения среди мусульманских народов, подозревавшихся в пособничестве врагу. Когда осенью 1942 г. германо-советский фронт подошел к Кавказским горам, многие местные народы отказывались вступать в Красную Армию или даже помогать ей. В декабре 1942 г. Главное политуправление Красной Армии предупреждалось, что «есть случаи недружеского отношения к Красной Армии» со стороны некоторых кавказских народов. Особенно это касалось чеченцев и ингушей, но явную враждебность советскому делу проявляли и осетины, балкарцы, кабардинцы. Политические работники Красной Армии признавались между собой, что в таких столкновениях советские солдаты отнюдь не безвинны, так как часто отнимали у гражданского населения продукты и ничего не платили, солдаты также не считались с местными обычаями и условиями и не могли понятно объяснить, в чем состоит их «освободительная миссия». Как всегда, советские власти полагались на более эффективную пропаганду: «Элементы отчуждения между населением и частями Красной Армии, несомненно, могли бы быть значительно или даже полностью сглажены, если бы была организована соответствующая работа как в Красной Армии, так и среди местного населения. Между прочим, ничего такого не делается». Автор записки выдвигает злое предложение: «Поставить перед ЦК ВКП(б) вопрос об установленной вине мужского населения Северного Кавказа, призываемого сейчас в армию»⁵⁸.

Сталин прочитал эти документы с перечислением обвинений в предательстве в адрес национальных меньшинств и сделал характерный для него убийственный вывод. На последних этапах войны он отдал свой печально известный приказ депортировать в советскую Среднюю Азию всех крымских татар, чеченцев и ингушей, а также некоторые малые народности⁵⁹. Когда позже Молотову задали вопрос, разделяет ли он ответственность за эти жуткие решения, он твердо встал на защиту и себя, и Сталина:

«Это сейчас мы стали умными. Все-то мы знаем и смешиваем события, сжимаем время к одной точке. Во всем были разные периоды. Так вот, во время войны к нам поступали сведения о массовых предательствах... Батальоны кавказцев стояли против нас на фронтах и били нам в спину. Речь шла о жизни и смерти, разбираться было не

когда. Конечно, попадались и невинные. Но я считаю, сделано это было в то время правильно»⁶⁰.

Здесь Молотов сам повинен в анахроническом смешении событий; Москва отдала приказ о депортации вовсе не в качестве оборонительной меры в момент, когда совершалось так называемое предательство, а к концу войны в качестве мести.

Больше тревог, чем мятежные выступления мусульманских национальностей, отзыв которых был сравнительно невелик из-за их малочисленности, Кремлю доставляли антирусские партизанские отряды в прибалтийских республиках и особенно на Украине, самой населенной из советских республик, захваченных нацистами. Советская историография и слишком многие западные ученые рисовали украинский национализм полностью прогерманским и фашистским с политической точки зрения. Однако давно ясно, что украинские отряды сопротивления, подобно сторонам в гражданской войне, различались между собой⁶¹. Некоторые были открыто прогерманскими, но в большинстве своем они были настроены против нацистов, а самая эффективная организация ОУН-Б во главе со Степаном Бандерой в политическом отношении была близка к фашизму, хотя бандеровцы воевали и против советской власти, и против немцев⁶². Было бы фантастикой представить, чтобы в разгар нацистско-советского конфликта отряды сопротивления сами не проникались авторитарными идеями, сходными с идеями своих врагов, — война совсем не оранжерея для джефферсоновской демократии. Советские власти полностью отдавали себе отчет в том, что не все украинские отряды сопротивления были простыми пешками Берлина. Такие сведения они получали из собственных независимых источников и из захваченных немецких документов. Например, как следовало из документа СС из Харьковской области, полученного и переведенного на русский язык Главным разведывательным управлением (ГРУ), украинское сопротивление создавало германским правителям много трудностей. В документе докладывалось об организации «Просвита» (Просвещение), члены которой, украинские националисты, стремились «исключить иностранное влияние, в том числе немецкое, и всеми доступными средствами бороться за “провозглашение автономной Украины”»⁶³.

Украинское православное духовенство, говорилось далее в документе, оказалось плодородной почвой для создания таких групп⁶⁴. И украинские националисты с успехом использовали воспоминания о советских репрессиях для пополнения своих рядов. В одном бандеровском документе было написано, например: «Как ужасающий призрак, маячит перед нами 1933 год, год голода и смерти». (Это, конечно, был год сталинского террора-голода.) Бандеровцы продолжа-

ли: «Долой московский и германский империализм, долой Сталина и Гитлера»⁶⁵. Эти партизанские отряды находили самую широкую поддержку в Западной Украине, в так называемой «оборонительной буферной зоне», умиротворить которую до начала войны Советам так и не удалось и в которой число украинцев намного превосходило число этнических русских.

Значительная часть западно-украинского духовенства сначала приветствовала захватчиков, надеясь, что те спасут их от советских религиозных, политических и национальных гонений. Самым одиозным событием было приветственное послание митрополита Шептинского, главы украинской католической церкви, направленное им Гитлеру 23 сентября 1941 г. Шептинский писал Гитлеру, что «дело уничтожения и искоренения большевизма, которое вы, как фюрер великого Германского Рейха, сделали целью вашей войны, обеспечивает вам благословение всего христианского мира»⁶⁶. Позже Шептинский дошел до того, что благословил формирование Украинской дивизии СС «Галичина», которая воевала и против советских партизан, и против Красной Армии, когда та приступила к освобождению Западной Украины. Прошло несколько месяцев нацистской оккупации, и Шептинский, полностью разочаровавшись в немцах, начал понимать, что советское угнетение сменила еще более всепроникающая и чело́веконенавистническая тирания⁶⁷.

Антисоветские настроения в Украине никак нельзя было назвать повсеместными. Смешанные браки между украинцами и русскими, присутствие большого русского меньшинства и менее выраженное чувство украинского национального самосознания, особенно в восточных областях республики, обуславливали меньший накал антирусского национализма, чем в западных частях Украины. Из общего населения в 41,3 млн человек около 2,5 млн украинцев служили в рядах Красной Армии, многие из них преданно и храбро, 240 тыс. из них были членами коммунистической партии⁶⁸. Как и везде в Советском Союзе, в Украине наблюдался глубокий раскол общества. Подобная ситуация сложилась и в Белоруссии, где многие жители вначале заняли выжидательную позицию и смотрели, как поведут себя немцы⁶⁹. Многие белорусы сначала мало помогали или вообще не помогали советским партизанам, но не прошло и года немецкой оккупации, как все начало меняться. К концу войны, по советским данным, в партизанские отряды влились 440 тыс. белорусов⁷⁰.

Хотя этническое и религиозное напряжение в гражданском населении никогда не утихало, известные советские цифры свидетельствуют о серьезном и широко распространенном национальном брожении среди военных. В середине лета 1942 г., например, в

момент, когда германская армия уже нацеливалась на Сталинград, дезертирство среди некоторых национальных групп достигло пугающих пропорций. По данным секретного советского исследования, потенциально расположенные к дезертирству солдаты распались на три категории: те, чьи семьи находились на оккупированных немцами территориях, те, кто находился на территориях, окруженных немцами (вроде Крыма до сдачи полуострова немцам), «а также военнослужащие Красной Армии нерусской национальности», особенно из Закавказья и мусульмане из Средней Азии. В одной армии, дислоцированной по береговой линии Черного моря, 79,9% «изменников родины» были нерусскими. В этой армии за период с февраля по апрель 1942 г. на сторону немцев перебежали 135 азербайджанцев, 111 грузин, 71 лезгин, 75 армян, 55 украинцев и 48 представителей других национальностей⁷¹. Конечно, не все национальные группы были согласны с официальной точкой зрения, что СССР их «родина».

Особо угрожающие формы дезертирство приняло в 345 стрелковой армии. Группа солдат, перебежавших к немцам, была объединена нацистами в специальный отряд и заслана в тыл Красной Армии с заданием убедить других последовать их примеру. Эти агенты должны были обрабатывать своих односельчан-фронтовиков⁷². Моральное состояние было довольно низким даже у тех нерусских солдат, которые не дезертировали. Подборка особенно грустных документов показывает, что среди нерусских, особенно тех, кто не говорил по-русски, часто имели место случаи членовредительства⁷³. Начальник управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) предупреждал, что большинство осужденных за самострел не знали, что за это им грозит расстрел, и настаивал, чтобы ЦК ВКП(б) потребовал от Центральных комитетов компартий Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана и Узбекистана, а также от татарского обкома усилить пропаганду против членовредительства⁷⁴.

Довольно слабая мотивация и низкие боевые качества нерусских национальностей порождали в Красной Армии недовольство и напряженность между этническими русскими и нацменьшинствами. Русские начали ворчать, что «нерусские кадры не знают, как воевать, и не хотят воевать», и презрительно называли их «сынами Кавказа», которые, как они думали, были ненадежными и трусливыми; все шире утверждался стереотип, что только из славян получались хорошие солдаты⁷⁵. Недоверие к боевым качествам национальных меньшинств соединялось в головах многих русских с убеждением, что к нерусским относятся по-другому, что советские власти к ним менее требовательны⁷⁶.

У некоторых политработников распространение таких представлений, резко противоречащих ленинистским и сталинистским догмам о дружбе советских национальностей, а также представлявшим угрозу сплоченности Красной Армии, вызывали серьезное беспокойство. Но в то же время они признавались между собой, что пренебрежительные национальные стереотипы основывались на совершенно очевидных фактах. Хотя массовое дезертирство перестало быть распространенным явлением в славянских частях, как это было предыдущий год, нерусские продолжали оставаться большой проблемой. Армейский политработник писал: «Факты перехода на сторону врага, притом иногда массового перехода, не прекратились». Далее следовало: «Есть случаи дезертирства, малодушия и членовредительства». Человеческие потери были такими высокими, потому что, в общем, у них страдала боевая подготовка, некоторые нерусские прибывали на фронт, не пройдя подготовку по владению огнестрельным оружием. Изложив все это, автор документа добавляет, что многое из перечисленного имеет место и в частях, состоящих полностью из русских, белорусов и украинцев, а были случаи, когда многонациональные части хорошо проявляли себя в боевых действиях. Но из его анализа следовал однозначный вывод, что этнические русские были лучше подготовлены, более преданы советской власти и намного лучше мотивированы⁷⁷

Даже после первого года войны проблема предательства не ограничивалась нерусскими. Некоторые этнические русские считали, что их главный долг перед страной — избавить ее от коммунистического режима, даже если для этого потребуется сотрудничество с Гитлером. К 1942 г., когда для большинства немцев стало ясно, что война против СССР не будет увеселительной прогулкой, как они думали поначалу, вермахт создал войска из недовольных русских для использования их против Красной Армии. Назвав их Русской освободительной армией (РОА), немцы поставили во главе ее Андрея Власова, захваченного в плен русского генерала. По-видимому, сам Власов был настоящим антисталинистом, и его антисоветские идеи созрели долгое время⁷⁸. У солдат его армии мотивация была разная, некоторые ненавидели советскую власть по личным или иным причинам, другие были приспособленцами или видели во вступлении в РОА способ спастись от грозившего смертью немецкого лагеря военнопленных. Власовская армия, как стало известно, никогда не использовалась в целях, для которых она создавалась. Нацисты не могли преодолеть рефлексивного недоверия к этническим русским «недочеловекам» и не позволяли частям РОА вступать в бой с Красной Армией. По иро-

нии судьбы единственный раз, когда власовцы участвовали в боевых действиях, это были боевые действия не против Красной Армии, а против войск СС в Праге. Власовцы на собственной шкуре испытали, что Гитлер еще больший изменник, чем Сталин. Как пишет Александр Солженицын, «судьба сыграла с ними еще более злую шутку, и они были еще более малодушными пешками, чем до этого». Сочувственный, но негативный вердикт Солженицына для русских, вступивших в германские вооруженные силы, достоин того, чтобы его привести: «Это было неслыханное во всей мировой истории явление, чтобы несколько сотен тысяч молодых людей, в возрасте от двадцати до тридцати лет, подняли оружие против своей отчизны как союзники ее злейшего врага». Солженицын закончил мысль старой русской поговоркой: «Сытый конь не бесится. Тогда представьте себе поле, на котором изголодавшиеся, заброшенные, обезумевшие лошади в беспорядке мечутся во всех направлениях»⁷⁹. К счастью для Сталина, запоздалый предложенный Гитлером корм не соблазнил большинство русских.

Основная часть русских сражалась под знаменами Москвы в опасное время лета и осени 1942 г. и, несмотря на Власова с его сборищем, воевали с обновленным чувством патриотизма. Александр Верт, корреспондент Би-Би-Си в Москве, позже вспоминал о том новом националистическом настроении, которое захватило русский народ в этот критический час: это был не советский патриотизм, а «особая любовь к самой России». Была и обратная сторона русского национализма, второй движущий мотив для борьбы. «Другим, — писал Верт, — была ненависть»⁸⁰. Апостолом этой ненависти был советский писатель и пропагандист Илья Эренбург. В потрясающе сильном пассаже, написанном на первых этапах Сталинградской кампании, Эренбург черпал ненависть из самых ее глубин, полностью вычеркнув немцев из рода человеческого:

«Мы знаем все. Мы помним все. Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятье. Отныне слово «немец» разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих близких и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затишье, если ты ждешь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого — нет

для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! — это просит старуха мать. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!»⁸¹

Если Эренбург был апостолом ненависти, его мессией был Сталин. Ненависть была единственной человеческой эмоцией, которую до конца понимал вождь и знал, как ею манипулировать. Ненависть к немцам помогала формулировать и разжигать русский национализм, который, в свою очередь, поднимал солдат в атаку.

В самом начале войны Сталин понял важнейшую роль русского национализма, возможно, так, как мог понять только нерусский лидер. В сентябре 1941 г., имея в виду русского солдата, диктатор сказал Гарриману: «Мы не тешим себя иллюзией, будто они сражаются за нас (коммунистов. — С. М. М). Они сражаются за Родину-мать»⁸². То, что после колебаний начала войны русские были полны желания воевать, позволило советскому правительству вернуть национальные символы — не в качестве награды, а как стимул для этнических русских продолжать сражаться. Еще важнее то, что возрождение русского национализма дало Кремлю противоядие от проявлений ненадежности его нерусских граждан. В армии вдруг появились погоны, у офицеров украшенные золотым шитьем, изменившие вид невзрачной пролетарской формы, введенной в первой большевистской Красной Армии. В середине 1942 г. англичане изумились, получив от Советов просьбу срочно прислать тонны таких легкомысленных материалов вместо зарезервированных важных военных материалов по ленд-лизу⁸³. В то время как западные офицеры стали носить более простую и «демократичную» форму, когда генерала Паттона, как надоевший анахронизм, заменили на «солдатского генерала» Омара Бредли, в СССР происходило обратное. Американские и английские офицеры хотели больше походить на рабочих, военные командиры рабоче-крестьянского государства приобретали новый, искусственно величественный вид. Сталин восстановил царские русские военные ордена времен Екатерины Великой, давней нерусской узурпаторши. Скоро на усыпанной орденами и медалями груди советских маршалов заняли место сверкающие ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского.

Важным институтом в этом процессе ре-русификации была православная церковь, один из последних реликтов дореволюционного российского общества. Презираемая и обруганная поколением комиссаров церковь, как по мановению волшебной палочки, стала служить делу коммунистического государства. Церковь могла помочь усилению славянского боевого духа, придав войне русский на-

циональный и даже особый христианский характер. Она сплывала русских, белорусов, украинцев и других православных славян вокруг борьбы, которую вела Москва, причем сплывала их не только в Красной Армии, но — что, возможно, даже важнее — за линией фронта, в тылу немецких войск.

Возрождение русского национализма в конце 1942 — начале 1943 г., самой поразительной частью которого было возвращение Русской православной церкви к публичной деятельности, легко интерпретировать ошибочно. Недостаточно просто сказать, как говорят многие историки, что государство повернулось к церкви, чтобы поднять решимость русских воевать или чтобы поставить себе на службу дух национализма. Это, конечно, так, но Советы вернули церкви ограниченную публичную роль и потому, и это главное, что русские и другие славяне уже показали готовность сражаться. Пережив катастрофу 1941 г., Москва проявляла обеспокоенность тем, что слишком много нерусских все еще недостаточно преданы советской власти. На передовой и в немецком тылу славяне, особенно русские, оказались намного более надежными бойцами, по крайней мере, по советским меркам⁸⁴. Пропагандируя русский национализм и православное христианство, Москва подкрепляла свои успехи. В Красной Армии и в рядах партизан русские составляли тот важный дрожжевой элемент, на котором росла решимость победить. На протяжении зимы 1942–1943 г., когда разворачивалась Сталинградская кампания и когда исход войны все еще находился под большим сомнением, советское правительство отказалось от своих догм и перестроило отношения с церковью.

«Не свастика, а крест»

Несмотря на то, что действия немцев в России, в конце концов, разоблачили их пустые обещания свободы, для Москвы религиозный вопрос с первого же дня войны стал насущным. Сначала германские разглагольствования о предоставлении религиозной свободы вызывали у определенных представителей советского населения сочувственный отклик, особенно на Украине и в западных пограничных областях — Советы боялись, что миллионы их православных граждан могут перейти на сторону врага, и это заставило власти немедленно прекратить резкую антирелигиозную пропаганду. Буквально через несколько дней после начала нацистского вторжения прекратилась публикация советских атеистических журналов, а по-

следний номер «Безбожника», ведущего атеистического периодического издания, осуждал преследование нацистами христианских церквей и даже призывал верующих сплотиться вокруг советской власти. Корреспондент Би-Би-Си в Москве Александр Верт, хорошо относившийся к СССР, так записал свои впечатления об этом внезапном и странном изменении ситуации: «Неожиданный поворот “Безбожника” был несколько нарочитым, и вообще это был его последний номер. Он был закрыт из-за “нехватки бумаги” Вместо него Емельян Ярославский, вождь безбожников, печатал памфлеты вроде “Великая Отечественная война” в лучших националистических традициях, и они продавались теперь в книжных магазинах»⁸⁵. Помимо прекращения антирелигиозных публикаций, Советы скоро понизили ряд тяжелых налогов, которыми в прошлом обкладывались церкви, а затем закрыли многие из антирелигиозных музеев, устроенных в закрытых церквях по всей стране⁸⁶.

Самый заметный признак грядущих больших перемен в советской религиозной политике обозначился в первый же день войны. Митрополит Сергей, патриарший местоблюститель, фигура почти невидимая на общественной сцене, выступил с посланием к русским православным верующим. Он сказал, имея в виду нацистско-советский пакт, что русские надеялись, что война обойдет их стороной, но фашисты знают только закон силы. Сергей сравнил нацистское нападение с прошлыми вторжениями в Россию и предупредил, что «времена Батыя, тевтонских рыцарей, Карла XII и Наполеона повторяются»⁸⁷. Во время прежних национальных войн, заявил Сергей, церковь всегда разделяла «судьбу народа», и так будет и на этот раз. Он вспомнил и о «святых вождях русского народа, например Александре Невском и Дмитрии Донском», военных князьях и святых Русской православной церкви, которые повели русский народ против тевтонов в тринадцатом и против монголов в пятнадцатом веках. «С божьей помощью и на сей раз, — писал митрополит, — он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед родиной и верой и выходили победителями». Самое важное Сергей приберег на конец своего послания, предупредив верующих, что православное духовенство не должно оставаться в стороне от дела всего народа, это было бы «прямой изменой родине и своему пасторскому долгу». Что касается мирян, то Сергей обещал, что «церковь Христова благословит всех православных на защиту священных границ нашей родины»⁸⁸.

Нет оснований сомневаться в искренности Сергея, выступившего с этим обращением. Учитывая более чем два десятилетия советских религиозных преследований, разрешение опубликовать это заявление было исключительным, экстраординарным событием для Советов. Фактически, публикация послания Сергея, с формальной точки зрения, означала нарушение буквы советских законов⁸⁹. В государстве, запрещавшем религиозное образование или евангелизм, в стране, где мнимо неофициальные группы регулярно нападали на верующих и где проводившиеся государством атеистические кампании имели монопольный доступ к средствам массовой информации и школам, рядовой русский, наверное, был поражен, прочитав послание патриаршего местоблюстителя о том, что Бог на стороне дела, за которое борется Сталин. В этом обращении содержалось несколько важных моментов: Сергей приравнял советскую войну с нацистами к прежним оборонительным войнам России, но ни разу не упомянул Советский Союз или социализм, как не включил русскую гражданскую войну и интервенцию Антанты в список великих русских побед. Он не упомянул ни словом и о конфликте 1914–1918 гг. с Германией, против которого, как и против империалистической войны, выступали большевики, пока не вывели из нее Россию, подписав с кайзером сепаратный мир. Упор на темы русского национализма превзошел тематики коммунистической истории и стал главным содержанием советской пропаганды военного времени, как светской, так и религиозной. Сергей действовал не на собственный страх и риск, хотя вполне мог бы взять инициативу на себя, — любая публикация религиозного деятеля должна была получить одобрение НКВД⁹⁰.

Другим важным направлением послания Сергея было то, что он предвосхищал возникающие проблемы. Он выступал заранее — после начала нацистского нападения, но прежде, чем кто-либо из важных представителей духовенства или мирян начал сотрудничать с захватчиками. Ясно, что Москва ждала осложнений, и, как покажут события, страхи не были беспочвенными. Выступление Сергея, видимо, предназначалось нескольким аудиториям сразу. Первой и самой важной были христиане страны, особенно западных пограничных областей: советские власти предвидели кошмарную перспективу, когда их подданные станут жертвой нацистских обещаний восстановить религиозную свободу. Нужно было что-то предпринимать, чтобы удержать недовольных христиан от коллаборационизма. Вторая целевая аудитория состояла из нерусских православных, летом 1941 г. и на протяжении всей войны Советы пытались апеллировать к пан-

славянским чувствам, частично, как они считали, религиозным по своей природе⁹¹. Это обращение базировалось на слабой и совсем не марксистской надежде, будто братьев-славян — болгар, поляков, чехов, словаков и других — из-за мнимых этнических, исторических и религиозных уз с русскими можно убедить либо отказаться служить в войсках Оси, либо вести против немцев активный саботаж. Наконец, всю войну советские дипломаты максимально продвигали обращение Сергия в западных демократиях, преследуя двойную цель: доказать, что советское правительство никогда не преследовало христиан и что верующие всем сердцем поддерживают свое правительство в войне с нацистами.

Сама публикация послания была актом, необычным для СССР, если учесть официальный государственный атеизм и враждебность к церковной пропаганде, но это еще не означало подлинной оттепели в антирелигиозных гонениях⁹². Послание Сергия и другие подобного рода документы, которые вскоре последовали за обращением, не будут напечатаны в русскоязычной прессе до 1943 г., и до этого же года церкви не разрешат иметь свои печатные органы, а заявления духовенства не появятся в радиопередачах для внутренней аудитории, хотя их широко использовали при трансляции на коротких волнах, предназначенных для зарубежных слушателей. Эти прокламации передавались по радио либо на территории, оккупированные немцами, либо на районы, где существовала угроза оккупации, а также рассылались в виде листовок в уже открытые церкви. В некоторых случаях организовывалось распространение этих листовок по нелегальным каналам в немецком тылу⁹³. Советские больше беспокоились за христиан, находившихся вблизи линии фронта или в немецком тылу, нежели за верующих на остальной территории страны.

Опасения Москвы относительно сомнительной преданности христиан оказались обоснованными. В первые месяцы до столицы стали доходить сведения, что имеют место серьезные факты перехода на сторону врага. Это отразится во все более отчаянном тоне обращений духовенства Русской православной церкви по мере продвижения нацистов вглубь СССР, захвата ими обширных районов и порабощения миллионов советских граждан. В октябре 1941 г. Сергей подготовил послание, которое должно было зачитываться в церквях, там же предполагалось развешивать его текст. В заявлении он вернулся к теме российских исторических побед. В четырнадцатом веке Россия под знаменем «великого Бога земли русской» нанесла поражение татарским угнетателям, сказал Сер-

гий. В той войне народ и церковь стояли бок о бок. Потом Сергей сделал совершенно необычное заявление о шедшей теперь войне: «Ходят слухи, которым не хотелось бы верить, будто и среди наших православных пастырей есть лица, готовые идти в услужение ко врагам нашей Родины и Церкви». Сергей сурово предупредил этих неназванных ренегатов: «Я призываю к покаянию всех, колебавшихся из-за страха ли, или по другим причинам, а тех, кто покаяться не хочет, объявляю запрещенными в священнослужении и предаю церковному суду для еще более строгого вразумления»⁹⁴. Из обращения Сергея понятно, что сотрудничество духовенства с немцами было настоящей проблемой, тем более что многие уводили с собой свою паству.

На протяжении первого года войны лояльные православные иерархи постоянно предупреждали епископов и других представителей духовенства по ту сторону фронта, что за отказ от покаяния в сотрудничестве с фашистскими властями будут отлучать от церкви, а светские власти накажут виновных после войны, то есть в случае победы Красной Армии⁹⁵. Особенно тревожным для Москвы было сообщение о переходе к немцам епископа Владимир-Волынского Поликарпа Сикорского. Изменник-епископ проводил службы в качестве якобы главы православных верующих на Украине.

Митрополит Сергей с особым порицанием обратился к Поликарпу Сикорскому. «Спешу предупредить православную паству и духовенство Украины об этом новоявленном волке в овечьей шкуре... — объявил Сергей. — Выступление Сикорского мне представляется явлением исключительно политического характера, а не церковного... Он всегда был светским чиновником». Затем Сергей сделал интересное сравнение разных типов духовенства, оппозиционного советскому режиму:

«Как известно, наша Патриаршая церковь, следуя апостольскому учению о происхождении государственной власти, требует от своего духовенства лояльности к советской власти. Не согласные с этим тихо ушли в отставку, а некоторые убежали за границу. Такую непримиримость, конечно, нельзя оправдать с точки зрения Христова учения; но ей нельзя отказать в откровенности или в некоторой порядочности. Сикорский не воспользовался ни тем, ни другим выходом. Остался у нас на службе; наравне с другими поминал Патриаршего местоблюстителя как своего законного главу, то есть на деле отказался от польской автокефалии; молился за советскую власть или, по крайней мере, не отказывался от такой молитвы. Теперь мы видим, что Сикорский, делая это, только ждал подходящего поворота поли-

тики, чтобы использовать свое архиерейство для изменнического выступления»⁹⁶.

Несмотря на личный резкий выпад против Сикорского, Сергей ходил по лезвию бритвы. Осуждая предательского епископа, Сергей предлагал пальмовую ветвь русским эмигрантским православным общинам в Западной Европе и Северной Америке, которые ранее порвали с Московской патриархией, считая ее подконтрольной коммунистам. Эти другие православные общины можно было бы с помощью призывов к национальной солидарности убедить в необходимости оказать помощь в войне с Гитлером, и, по-видимому, по этой причине осуждение Сергием Сикорского было переведено и напечатано в издании на английском языке «Soviet War News».

Другой головной болью был епископ Сергей (Воскресенский), митрополит Литвы и экзарх Латвии и Эстонии. Москва отправила его в Прибалтийские государства в 1940 г. с задачей подчинить местные церкви советскому контролю, но после германского нападения он остался в Риге, а присоединился к отступающей Красной Армии, как ему было приказано⁹⁷. Три прибалтийских государства в первые недели войны были быстро захвачены вермахтом, много местного населения охотно сотрудничало с немцами. Сергей продолжал выполнять свои религиозные функции, работая с новыми оккупантами, как до этого работал с НКВД, но остался весьма скользкой личностью, и немцы никогда не доверяли ему полностью. Экзарх оказался очень успешным руководителем и организовал общины по всему Балтийскому побережью, почти до самого Ленинграда, сосредоточив под своей юрисдикцией около 200 приходов, объединявших более 10 тыс. верующих⁹⁸. Однако поначалу он формально не отделялся от Московской патриархии. Создается впечатление, что больше года, вызывая недовольство нацистов, Сергей сдерживал многих местных клерикалов, выступавших за немедленный разрыв с Москвой. Относительная сдержанность Сергия заставила некоторых историков поверить, что он тайно работал на Советы, создавая при этом видимость сотрудничества с немцами⁹⁹. Советские документы, однако, говорят о другом: Сергей представлял серьезную угрозу для московских интересов.

Советы знали, что немцы успешно использовали в прибалтийских республиках национализм и религию. В сентябре 1942 г. в докладной записке о политической ситуации в Эстонии авторы мрачно отмечали, что «немцы усилили и усовершенствовали свою пропаганду. Они преподносят себя защитниками религии и церквей, которые большевики якобы хотели уничтожить». (Интересный штрих — тут сказа-

но «якобы».) Нацисты вербуют местных «фашистов» и клерикалов для осуждения советских религиозных репрессий как в СССР, так и в Эстонии в месяцы советской оккупации страны. Но Москва мало что могла противопоставить этому. Нацисты не только оккупировали прибалтийские республики, немецкая армия снова наступала, на это раз на юге, на Кавказ и Сталинград, уже после того, как она была остановлена зимой 1941–1942 гг. Советское военное положение в конце второго лета войны выглядело почти таким же отчаянным, как и в прошлом году. Многие люди по ту сторону фронта делали свои выводы из происходившего на войне и начинали верить, что оккупанты останутся навсегда. Патетические предложения Центрального Комитета о способах выхода из политической дилеммы отражали беспомощность Москвы перед лицом этой политической и военной ситуации. Советские пропагандисты, которым было поручено воздействовать на прибалтийское общественное мнение, получили указание «особое внимание обращать на национальный вопрос. Возможно, мы совершили ошибку и делали не все, что следовало, но мы это исправим»¹⁰⁰. Еще раз приходилось расплачиваться за предвоенные репрессии.

В начале августа 1942 г., в разгар напряженнейшей военной и политической ситуации, Сергей (Воскресенский) собирает в Риге с разрешения немцев съезд православных священников; в нем принимают участие архиепископ Яков Елгавский, епископы Павл Нарвжский и Даниил Каунасский¹⁰¹. Несмотря на нежелание съезда отделиться от Московской патриархии, собравшиеся на нем епископы все-таки еще раз подтвердили свое мнение, — совершенно справедливое, — что патриарший местоблюститель Сергей (Страгородский) работает под контролем Советов и поэтому не может считаться независимой фигурой. Также мятежные епископы «послали Гитлеру поздравительную телеграмму», пожелав успехов в его войне со сталинским режимом¹⁰².

Внимательно отслеживая события в Прибалтике, заместитель наркома внутренних дел Богдан Кобулов обращал внимание на готовность епископов оставаться под юрисдикцией Патриархии, но написал, что «все равно они пытаются дискредитировать патриотические антифашистские выступления главы Русской православной церкви митрополита Сергея Страгородского и с этой целью распространяют слухи». Это угрожало подрывом всей религиозной программы Москвы, не говоря уже об ухудшении и без того плохой ситуации в Прибалтике. Обвинения епископов были тем более опасными, что были чистой правдой — трансформация Советов из

атеистического государства в защитника веры была слишком неожиданной и невероятной.

В записке члену Политбюро А. С. Щербакову Кабулов предложил провести секретную операцию с целью свести на нет последствия выступления прибалтийских епископов:

«Для разоблачения прибалтийских епископов, которые поступили на службу фашистам, а также для усиления влияния на международное общественное мнение патриотических заявлений, сделанных церковным центром в СССР, митрополитом Сергием Страгородским и его окружением, совет епископов, состоящий из 14 человек, выпустит особое обращение к верующим Прибалтийских ССР со специальными церковными деталями в осуждение прибалтийских епископов. Тайно поддерживая это мероприятие, которое политически выгодно для нашей страны, НКВД СССР примет меры для печати этих патриотических документов в типографиях и распространении их на территории балтийских союзных республик, временно оккупированных немцами»¹⁰³.

Интересно, что Кобулов упоминает «международное общественное мнение», обращаясь к верующим своей страны. Когда речь заходила о религиозных вопросах, советские власти на первое место всегда ставили соображения международной политики.

Предложение Кобулова было одобрено высшим руководством. Московский Сергей, соответственно, выступил с гневной диатрибой в адрес своего мятежного подчиненного, прибалтийского Сергия, и примкнувших к нему прибалтийских православных архиереев. Патриарший местоблюститель сохранял юрисдикцию над православными церквями в прибалтийских республиках. О неподчинении не могло быть и речи: «Церковный суд не потерпит в среде епископства православного» тех, кто «упорствует в неповиновении голосу церкви». Митрополит призвал молодого Сергия и «прочих вышеназванных преосвященных» либо подтвердить, либо опровергнуть слухи о собранном им архиерейском съезде в Риге. Однако, «если доходившие до Москвы сведения признаны будут соответствующими действительности», прибалтийские епископы должны «немедленно принять все меры к исправлению допущенного ими уклонения от линии поведения, обязательной для архиереев, состоящих в юрисдикции Московской Патриархии, с донесением о последующем Патриархии, чтобы предстоящий церковный суд при окончательном решении дела имел перед собой не только проступок, но и исправление оно»¹⁰⁴.

Во втором послании митрополит осуждает сделки с нацистскими врагами. «Волосы встают дыбом, когда читаешь о пытках фашиста-

ми женщин, детей и стариков, — писал он, осуждая поздравительную телеграмму епископов Гитлеру. Как и в предыдущих обращениях, Сергей проводил различие между оппозицией советскому режиму, о которой заявили многие православные эмигранты (чье диссидентство он называл весьма любопытно «понятным»), и сотрудничеством с захватчиками родины. Нацисты были врагами не только русского народа, но вообще всех славян: «Фашизм нам известен как природный и, так сказать, систематический враг русского и вообще славянского племени; со своей расовой теорией, доведенной до последней физиологической крайности, фашизм принципиально враждебен христианству, хотя по тактическим соображениям может и не сразу обнаруживать свою враждебность». Что касается прибалтийского духовенства, «торжественно объявившего себя за фашизм», то они действуют по наущению фашистов. «Чтобы обезопасить себя от такого обвинения, прибалтийские архиереи (или те, кто водил их руками) пытаются набросить тень на меня: я-де пишу свои послания против фашистов и призываю народ на борьбу против них, принуждаемый к тому советской властью»¹⁰⁵. Сергия, возможно, и не «принуждали» выступать с заявлениями, но не приходится сомневаться, что он делал это по указанию Кремля, что доказывает записка Кобулова.

Мятежный Сергей (Воскресенский) расстался с жизнью при весьма таинственных обстоятельствах. Восемнадцатого апреля 1944 г. он ехал в машине по сельской местности, оккупированной немцами, и попал в засаду. Никакая группа не взяла на себя его убийство, и кто это сделал, до сих пор неизвестно. Немцы позволили провести пышные похороны убитого церковника, но вполне возможно, что они же и устроили покушение на него. Несмотря на разрыв с Москвой, Сергей не был другом оккупантов. Как потом сказал один знавший его человек: «Сергий был решительным русским патриотом. В своих проповедях он никогда не говорил о немцах, но подспудно его проповеди носили политический характер... Очевидно, кто-то донес на него, возможно, через специальное Einsatzkommando»¹⁰⁶.

Историки обычно приписывают убийство Сергия немцам, но с одинаковым допущением можно говорить, что это дело рук советского «эскадрона смерти». Только за двадцать три дня до смерти Сергей опубликовал так называемую Рижскую декларацию, в которой говорилось, что возвращение Красной Армии в три прибалтийские республики будет означать вымирание независимой культуры этих народов. Глава гестапо Эрнст Кальтенбруннер посчитал заявление Сергия «адекватным и пропагандистски выгодным»¹⁰⁷. Как следует из записки Кобулова, Москва видела в Сергии опасного врага —

Рижская декларация только усилила такую оценку, и можно не сомневаться, что в тылу немецких войск работали советские группы киллеров¹⁰⁸. Подлинное лицо Сергия остается загадкой, если он был коллаборационистом или просто приспособленцем, то его судьба иллюстрирует, насколько опасна такая позиция. Если он был патриотом, надевшимся создать несоветскую Россию, лавируя между нацизмом и коммунизмом, как утверждали и утверждают его защитники, тогда его убийство доказывает бесполезность таких мечтаний в нацистско-советском аду.

Помимо пропагандистских обращений к советским христианам в немецком тылу и осуждения коллаборационистов, подлинных или воображаемых, православные иерархи обращались к советским гражданам на оккупированных территориях и с призывом оказывать партизанам любую помощь. В первую годовщину начала войны Сергей призывал тех, кто остался за немецкой линией фронта: «Может быть, не всякому можно вступить в партизанские отряды и разделить и их тяготы, опасности и подвиги, но всякий может и должен считать дело партизан своим собственным, личным делом»¹⁰⁹. Через шесть месяцев митрополит вернулся к этой теме: «Помоги Бог и вам внести во всенародное дело все, что каждому посильно и подручно. Не давайте врагу чувствовать себя хозяином вашей земли и будете радостно встречать ваших братьев освободителей»¹¹⁰.

Русская церковь с первых дней войны собирала средства в помощь фронту. Митрополит Алексей Ленинградский сообщал, что не прошло и четырех дней войны, как от мирян потекли денежные пожертвования¹¹¹. Самым заметным результатом сбора таких пожертвований было создание танковой части Красной Армии, которой присвоили имя «Дмитрий Донской» в память московского князя и впоследствии православного святого, который привел русских к победе над татарами в 1380 г.¹¹² Позже церковь собрала деньги на авиаэскадрилью, называвшуюся «Александр Невский». Выбор имен прямо связывал дело церкви с делом государства и ассоциировал эту войну с самыми эмоциональными событиями русской истории. Сбор благотворительных средств был, в свою очередь, и отказом от практики прошлого, потому что по советским законам начиная с 1918 г. церковная благотворительность запрещалась¹¹³. К первой годовщине немецкого вторжения верующие пожертвовали «более трех миллионов рублей» на зимнюю одежду для Красной Армии¹¹⁴. А к концу войны сумма на такие цели составляла более 150 млн рублей¹¹⁵.

Собирая средства внутри страны, церковь также помогала получать пожертвования от сочувствовавших христиан за границей. Он

отметил, что «пятнадцать тысяч религиозных обществ Соединенных Штатов договорились об “особых днях молитвы”» и обещали собрать средства для Советского Союза. Интересно заметить, что в то время как советские власти старались не придавать широкой гласности помощь, получавшуюся от союзных государств по ленд-лизу, они более чем охотно широко сообщали о гораздо меньшей помощи от западных христиан. Помощь по ленд-лизу была политической проблемой, потому что шла от капиталистических правительств, а помощь христиан была от простых людей, и тем самым всегда подразумевалось, что простые люди на стороне СССР. Больше того, помощь иностранных христиан помогала Москве в ее желании стереть память о репрессиях против религии и свидетельствовала, что даже западные верующие понимали: борьба Советского Союза имеет божье благословение. Как заявил Сергей: «Лучшие люди в свободных странах становятся за нас и готовы разделить с нами борьбу нашего народа»¹¹⁶.

В ходе войны руководители Русской православной церкви усилили религиозную риторику, проклиная нацистские преступления против русского народа, особенно верующих. Самое странное, они начали утверждать, что война в защиту коммунистического государства была «священной войной». В ноябре 1941 г., например, Сергей выступил с заявлением, подписанным другими епископами церкви, сравнив Гитлера, вступившего в борьбу, якобы, за «защиту религии» и за «спасение поруганной веры» ни больше, ни меньше, как с Сатаной, — заявил Сергей. — «Но всему миру ведомо, что это исчадие ада старается лживой личиной благочестия только прикрывать свои злодеяния». После вторжения нацистов в Советский Союз «всему миру стало ясно, что фашистские чудовища — это сатанинские враги веры и христианства... Вот почему прогрессивное человечество объявило Гитлеру священную войну за христианскую цивилизацию, за свободу совести и веру». Говоря о нацизме, митрополит походил больше на служителя бога войны, чем на князя мира: «Сердце христианина для фашистских зверей закрыто, оно источает только уничтожающую смертельную ненависть к врагу»¹¹⁷.

В первую годовщину начала войны Сергей напомнил верующим, что Гитлер оправдывал вторжение в СССР, утверждая, что ведет «крестовый поход» против России. На самом деле «эти новоявленные крестоносцы» принесли в Россию только смерть и разрушение. Кто, спрашивал Сергей, «подверг разрушению десятки наших православных храмов в Московской, Орловской, Курской, Калининской и многих других областях? Кто превратил храмы Божьи в конские конюшни и застенки для пыток православных людей? Кто умертвил

пастырей, церковных старост, регентов и других церковных людей в Тульской, Калининской и других областях?»¹¹⁸ В этом была известная двусмысленность, конечно. Ответом на риторический вопрос Сергия могли бы быть сами Советы. Но митрополит не давал своим слушателям возможности делать собственные выводы. Виновен, заявлял он, «все он же, антихриstopодобный Гитлер»¹¹⁹.

Риторика Сергия поднялась до невиданных высот на первую после начала войны Пасху, самый священный праздник восточного православия. «Не свастика, — сказал он, — а крест был призван возглавить нашу христианскую культуру, наше “христианское жительство”». Слушателей, не знакомых с условиями в СССР, можно простить за то, что они верили, что Сергей жил в теократии, где крест, а не красная звезда была символом режима. Митрополит говорил так, словно атеизм был выдумкой сатанинских нацистов: «В фашистской Германии утверждают, что христианство не удалось и для будущего мирового прогресса не годится. Значит, Германия, предназначенная владеть миром будущего, должна забыть Христа и идти своим, новым путем». Эти мысли, заключал Сергей, «откроют глаза тем, кто все еще не хочет видеть в Гитлере врага Христова»¹²⁰. Отсюда следовал вывод, пусть даже не тот, который подразумевал Сергей: глаза некоторых русских все еще не открыты и многие становятся жертвами нацистских посулов.

За семь лет до войны Емельян Ярославский, руководитель Лиги воинствующих безбожников, высмеивал готовность церквей во время Первой мировой войны проституировать себя ради государства: «Во время войны попы ничтоже сумнящиеся забыли про заповедь: “Не убий”»¹²¹. Теперь советское государство делало то же самое, но только еще более бесстыдно. Постоянные разговоры о «священной войне», призыв Сергия к беспощадной мести, циничная манипуляция духовенством, грубая попытка рисовать нацистскую Германию как место рождения и очаг современного воинствующего атеизма, а СССР как защитника Христа — по сравнению со всем этим, вместе взятым, даже царская власть могла показаться намного сдержанней. Подобные призывы звучали довольно отвлеченно, так как советские авторы, которые их писали и одобряли послания Сергия, не были религиозными людьми и поэтому не верили в то, что писали.

Приносила ли такого рода грубая пропаганда ожидаемый эффект, если принять во внимание скудность источников, сказать трудно, однако немцы, решив разыграть религиозную карту, поначалу были вознаграждены ощутимыми результатами. Когда же подлинная суть нацизма стала более очевидной, любая попытка немецкой власти

что-либо противопоставить сталинизму теперь быстро рассыпалась, как картонный домик, в славянских землях больше, чем в Прибалтике. Ясно также, что постепенное восстановление положения Русской православной церкви в общественной жизни во многом способствовало общему возрождению религии, начавшемуся на первом этапе войны, и простые русские люди были благодарны за перемены. Многие советские граждане полагали, что нажим союзников заставил Кремль пойти на изменение своих методов, препятствующих самой же Москве в полной мере воспользоваться результатами ослабления гонений на религию¹²². Тем не менее сравнительная гибкость Москвы, особенно в сопоставлении с противоречивыми и эпизодическими попытками немцев разыграть религиозную карту, давала Советам важные политические дивиденды.

Обращают на себя внимание несколько важных особенностей советской религиозной пропаганды за период с июня 1941 г. по конец 1942 г. Как и послание митрополита Сергия в день немецкого нападения, заявления православных духовных лиц в первые полтора года войны, не предназначенные специально для зарубежной аудитории, передавались по радио и распространялись в виде печатных обращений на территории, которым угрожали немцы, или на территории, уже оккупированные ими. Эти обращения не были нацелены на все советское или русское население страны. До конца 1942 г. советские власти все еще стремились использовать, строго ограниченно, Русскую православную церковь для усиления русских (или православных) элементов в западных пограничных областях, а не для пропаганды русского патриотизма по всему СССР. Например, запрещалась религиозная деятельность в Красной Армии. Кроме того, Москва стремилась использовать церковь для решения специфических религиозных вопросов вроде перехода к врагу духовных лиц, борьбы с враждебным отношением верующих к советскому режиму или пробуждения патриотических чувств у мирян, которые еще до войны бросали вызов режиму и, рискуя многим, в самый разгар сталинизма продолжали ходить в церковь. Даже в отношении сбора благотворительных пожертвований советские власти не допускали публичности для организованных церковью кампаний по сбору денежных средств. Церковь собирала деньги не с помощью публичных кампаний, а по сохранившимся общинам.

Эти факты рисуют картину условий религиозной жизни в СССР, которая сильно отличается от широко распространенного представления, что советское правительство смягчило гонения на церковь сразу же после нападения Германии. Когда закончился 1942 г., общее

возрождение русского национализма, в котором свою роль сыграло медленное возрождение православной церкви, помогло поддержать боевой настрой русских людей в этой долгой, изматывающей и еще более ужасной войне.

В. А. М.

В. А. М.

Возрождение в рамках дозволенного

Несмотря на описанную выше деятельность, в первые два года войны роль Русской православной церкви оставалась заметно ограниченной. Самое важное в том, что начало войны не привело к резкому улучшению в положении церковью или к облегчению повседневных ограничений на приходы в районах, не входивших в зону прямой нацистской угрозы.

В первые месяцы сразу после начала войны советские власти беспокоились о подъеме религиозных чувств и суеверий, которые они считали одним и тем же. Г. Александров, заведующий отделом агитации и пропаганды Центрального Комитета ВКП(б), сокрушался по поводу низкого уровня пропаганды на местах, говоря, что активисты плохо подготовлены и недостаточно образованы. Война создала огромную потребность в пропагандистах, в то время как наиболее способные люди работали на нужды фронта. Образовывался вакуум, особенно за пределами крупных городов: «Как правило, — писал он, — беседы, лекции и речи в сельской местности не проводятся». Не хватало радиоприемников, способных принимать передачи из центра. В результате, по его мнению, разные проходимцы сбивали людей с правильной партийной линии¹²³. По словам Александрова, работа Центрального Комитета была направлена на борьбу с еретическими суевериями, в том числе религией.

За странным положением Русской православной церкви внимательно наблюдали в Соединенных Штатах и Англии, где правительственные пропагандисты жаждали свидетельств, что их коммунистический союзник изменил свою антирелигиозную политику. Работавшие в Москве дипломаты обливали их холодным душем. В конце июля 1941 г., отвечая на запрос английского министерства информации относительно имеющихся свидетельств об улучшении положения религии в СССР, английский посол в Москве сэр Стаффорд Криппс, сам преданный христианин и социалист, писал: «Никаких признаков религиозного возрождения (в Москве. — С. М. М.) не видно. Возможно, те немногие церкви, которые все еще действуют... заполнены несколько больше. И то, что они всегда переполнены, мо-

жет просто означать, что... в стрессовой ситуации военного времени верующие стали более активны»¹²⁴.

Положение Русской церкви, полагал Криппс, было настолько сложным, что он отказался передать простое приветственное письмо доброй воли архиепископа Кентерберийского, адресованное митрополиту Московскому. «Это ничего не добавит советским военным усилиям, — писал он, — которым... русское духовенство оказывает поддержку чисто из необходимости и по собственной воле, а письмо может поставить в неловкое положение и советские власти, и самого митрополита. Положение последнего в лучшем случае очень деликатное, и получение такого письма по официальным зарубежным каналам не принесет ему ничего хорошего»¹²⁵. Архиепископ Кентерберийский на время отказался от идеи отправить официальное приветствие русским церковным деятелям¹²⁶. Вслед за еще одним обращением из Лондона с просьбой прислать какую-нибудь позитивную советскую информацию относительно религии в СССР Криппс 30 сентября сообщил, что Советы закрыли «Безбожник», который он назвал «образчиком необычайно скучной писанины», но это не обязательно означало значительного изменения кремлевского курса. «По нашему мнению, это нельзя считать важным сигналом, — писал он. — В настоящее время на протяжении ряда лет прямая антирелигиозная пропаганда сокращается, хотя все еще продолжается во множестве косвенных форм и, конечно, заложена во всей программе советских школ». «У советских властей имеются другие и более непосредственные методы мешать влиянию религии, — продолжал он. — Церкви под тем или иным предлогом продолжают закрываться, нам известны два недавних случая в Москве; и духовенство религии, придающей большое значение внешним формам проведения обрядов, сведено до положения жалкой нищеты». Несмотря на желание Лондона обнаружить какие-либо обнадеживающие признаки большей религиозной терпимости в Москве, имеющиеся факты ставили такие надежды под сомнение. Свои заметки Криппс заканчивал саркастически: «Доказательства, конечно, можно без труда сфабриковать. Однако пока что с нас спрашивают только факты»¹²⁷.

Случаи закрытия церквей после нападения немцев — и к тому же в Москве, наиболее доступном для иностранцев советском городе, — убедительно свидетельствуют о том, что только что наметившаяся тенденция терпимости к религии имела поверхностные корни. Такие акты могли быть следствием инерции на уровне местной бюрократии, а не проявлением общей государственной политики, пока же по советским документам судить об этом трудно. Но, по меньшей мере,

эти действия наводят на мысль, что общего указания о прекращении антирелигиозной политики такого рода в это время не имелось. В октябре 1942 г., более чем через год после нападения Германии, Криппс, который ранее в том же году вернулся из России, продолжал придерживаться мнения, что советские власти очень мало подвинулись в сторону изменения своего отношения к религии. Он считал, что признаки изменений в советской репрессивной религиозной политике носили чисто косметический характер. Что касается советского отношения, он думал, что приостановление издания «Безбожника» и другие подобные события не означали ничего другого, кроме как создание положительного эффекта в зарубежном общественном мнении, особенно в Америке¹²⁸.

Английское министерство информации согласилось с негативной оценкой Криппса. В июне 1942 года преподобный Герберт Уэддамс, чиновник религиозного отдела министерства, писал: «Я не думаю, что ситуация относительно религии сколько-то существенно изменилась с 1.10.41». Хотя английская пресса «была, насколько возможно, оптимистичной в отношении общей ситуации религии в России», это явилось результатом, скорее, стремления выдавать желаемое за действительное и поддержать единство союзников, нежели подлинного представления о реальном положении в России. Информация из соседней Швеции и других мест наводила на менее оптимистические мысли. Положительное представление о религиозных событиях в России, писал Уэддамс, «не подтверждается рассказами и фотографиями, которые приходили из захваченных финнами частей Карелии. Сообщения о событиях в оккупированных Советами Эстонии и Латвии, имевших место до нападения Германии, также не дают возможности сделать вывод об изменении советской враждебности к религии. Эти последние факты нечасто становятся известны в Великобритании». «Такие факты, — заканчивает Уэддамс, — не способствуют уменьшению недоверия в умах христиан, многие из которых в противном случае были бы готовы проявлять к России дружеские чувства»¹²⁹

Хотя в своих репортажах военного времени корреспондент Би-Би-Си Александр Верт не писал ничего, что могло бы омрачить излишне оптимистические рассказы о возрождении русской религиозной свободы, в своих послевоенных мемуарах он говорил, что после немецкого вторжения не последовало никаких серьезных послаблений в контроле за религией. Уже в 1942 г. ограниченное число все еще действующих церквей, по его словам, представляли собой «мрачное и удручающее зрелище». Не хватало благовоний и свечей, и «вс

служба выглядела серой и жалкой»¹³⁰. Весной 1943 г. и в последующее время он увидел, как резко изменилось к лучшему это печальное состояние русских церквей.

Советские документы подтверждают выводы этих зарубежных наблюдателей, что первые два года войны религия в России продолжала оставаться в очень жестких рамках. Еще в конце 1942 г. цензоры бдительно отслеживали даже самые, казалось бы, невинные намеки на религиозную веру, которые могли просочиться в советскую печать. Однажды сектор печати Центрального Комитета ВКП(б) посетовал на народные пословицы и поговорки, напечатанные в серии статей газеты «Правда». Орлиный взор цензоров нашел многие пословицы «двусмысленными», а также «вредными», другие просто «глупыми». Самое страшное, в шестидесяти семи упоминался бог, а в других черт (чему вряд ли можно удивляться, если вспомнить пропитанный религией мир русского крестьянина, откуда берут начало большинство пословиц). Вот пример пословицы с религиозной двусмысленностью: «Легко жить без правды, но трудно без правды умереть». В других поговорках находили опасные мысли, критику коммунистических догм и социалистической кооперации труда: «Когда двое делают одно и то же, получается совсем не одно и то же» или «Хлеб, съеденный до работы, делает человека ленивым»¹³¹.

Очень хотелось бы представить этот случай как еще один пример характерного для правительства отсутствия юмора. Но это значило бы забыть, что речь идет о сталинистских временах. Многих государственных служащих арестовали до этого и многие еще будут арестованы или даже расстреляны за «преступления», которые в другие времена и других местах показались бы тривиальными. Цензоры, читавшие «Правду» и другие советские газеты, работали на самом высоком советском государственном уровне и были в курсе любого последнего поворота текущей партийной линии. Конечно, в 1942 г. самое косвенное упоминание в национальной печати религиозной темы оставалось табу.

Примечательным исключением в продолжающихся репрессиях было открытое празднование Пасхи в 1942 г., но любопытные обстоятельства этого празднования говорят о двух вещах: о том, что Кремль боялся, как бы публичные религиозные шествия не вышли из-под контроля, и что это необычное послабление в отношении Пасхи было сделано как для того, чтобы произвести впечатление на общественное мнение стран союзников, так и из желания успокоить советских христиан.

Советский писатель позже вспоминал: «Вдруг в 6 часов утра в субботу 5 апреля (1942 г. — С. М. М.) утренняя передача неожиданно для всех началась с объявления о приказе коменданта Москвы разрешить свободное передвижение по Москве ночью 5 апреля». Это объявление, сделанное государственными властями, прозвучало неожиданностью даже для православных иерархов. Только накануне московский митрополит сказал своей пастве, что на Пасху нужно будет соблюдать комендантский час¹³². Неожиданным это сообщение было, очевидно, и для русских верующих. Советский источник передает слова одной женщины, спешившей в церковь, она возбужденно воскликнула: «Господи, благослови советскую власть! По городу можно ходить без страха, нам разрешили делать все, что принято делать на Пасху, и никто не будет мешать»¹³³. Советские власти даже выдали дополнительный паек сахара и муки для традиционных пасхальных куличей¹³⁴.

Советское правительство пошло на такие послабления по поводу Пасхи из одного лишь желания произвести впечатление на зарубежное общественное мнение, даже если это было главным мотивом. Выдача дополнительного пайка и празднование в суровой обстановке военного времени, должно быть, прозвучало как долгожданные перемены для пострадавших советских христиан, давно привыкших и к малым, и большим ограничениям религиозных свобод. Тем не менее из-за внезапного объявления отмены комендантского часа на Пасху верующие не успели организовать широкое празднование, и это уменьшило возможность спонтанных демонстраций, которые могли выйти из-под полицейского контроля. Кроме того, форма, в которой власти объявили о праздновании Пасхи, свидетельствует, что она была рассчитана больше на иностранную, чем на внутреннюю аудиторию. Английский посол в СССР сэр Арчибальд Кларк Керр, сменивший Криппса в начале года, сообщал, что Кремль «показал свое истинное отношение к религиозным празднованиям на Пасху, включив фотографии пасхальной службы в Московских церквях в рассылку для публикации за границей, а не в СССР»¹³⁵. Советская пресса не обмолвилась ни словом о праздновании Пасхи. В отличие от рядовых советских верующих, американские и английские дипломаты, а также члены союзных военных миссий были оповещены о том, что традиционное русское пасхальное богослужение состоится, им отвели видные места в главном московском соборе в Кремле, и присутствие иностранных гостей ярко описывалось в материалах ТАСС для зарубежных читателей. Присутствовавший в Москве ирландец отметил, что многие русские считали, что смяг-

чение ограничений на открытое празднование Пасхи было организовано Кремлем, «чтобы ублажить Англию и Америку»¹³⁶. Правда это или нет, но, судя по подобным высказываниям, многие русские считали так же¹³⁷

Относительно свободное празднование Пасхи в 1942 г. было самым крупным публичным показателем, что война начала вносить значительные коррективы в отношении Советов к церкви. Но необычные обстоятельства вокруг этого события заставляют думать, что Кремль все еще проявлял большую сдержанность и не хотел двигаться в этом направлении слишком быстро. Однако Москва не была хозяином положения, и во время критического 1942 г. снова, как в 1939 г., внутренние и международные соображения безопасности заставили Москву взять курс, в котором она не имела твердой уверенности.

Тоталитарные соперники

История религии и национализма на первых этапах советско-германской войны убедительно продемонстрировала, что нацистская и советская идеологии, далеко не будучи простыми риторическими уловками, построенными для оправдания и маскировки реальной политики, на самом деле были важными факторами, определявшими развитие и исход конфликта. Элиты тоталитарных держав, возможно, даже больше, чем их население, оказались в плену собственных идеологических концепций устройства мира — варианты действий, даже представлений, не выходили у них за узкие рамки их собственных убеждений.

Схожесть методов, которыми пользовались коммунисты и нацисты, можно проследить на нескольких уровнях. И те, и другие проявляли невероятную жестокость и готовы были ради осуществления целей партии-государства побросать в тюрьмы, обречь на нищенское существование, принудительный труд и смерть миллионы людей. Оба режима расправлялись с врагами, лишая человеческого лица, распахивая по надуманным социальным категориям, имевшим мало отношения к сложной реальности: нацисты, с помощью извращенной системы расчетов определяя, кто из людей должен быть господином, а кто грязным животным, Советы с помощью бесчеловечного классового анализа, противопоставлявшего сильных и крепких пролетариев буржуазным «насекомым». И тот, и другой режимы бросили в тюрьмы и убили миллионы невинных людей, виновных лишь в том, что они принадлежали к запретным группам. Наконец, Советы и на-

цисты по одинаковым причинам проявляли враждебность к религиозной вере: идеалистическая мораль рассматривалась как неприемлемый идеологический вызов господствующим представлениям о партийном превосходстве, а существование действующих церквей, ядра гражданского общества, создавало политическое препятствие для партии-государства, стремившегося полностью подчинить своей власти все население страны.

Если между тоталитарными государствами имелись заметные схожести, то были и различия, причем при сравнении они перевешивали чашу весов в пользу Советов, что значительно способствовало конечной советской победе. Различия между гитлеровской и сталинистской идеологиями в действии хорошо иллюстрируются их подходами к религиозно-национальному вопросу. Если оба режима разделяли неприятие религии, то после немецкого вторжения Москва проявила гораздо больше гибкости на религиозном поле битвы, чем Берлин. Тому находим много причин. Так, отчаянное военное положение СССР на первых этапах плана «Барбаросса», почти смертельный удар, нанесенный прямо по коммунистической центральной нервной системе, заставили Кремль пойти на гораздо большие уступки внутренним социальным и классовым врагам, чем это произошло бы при менее трагической обстановке. Город за городом переходил в руки захватчиков, миллионы солдат Красной Армии сдавались нацистам, массы советских граждан поначалу спокойно и даже с энтузиазмом принимали немецкую оккупацию, и Советский режим должен был либо приспособливаться к ситуации, либо погибнуть.

В середине 1941 г. нацисты, напротив, были на коне. Большая часть Европы лежала у ног, и Гитлер утратил былую хватку, которую демонстрировал во время восхождения к власти, инстинктивно обращая к своей выгоде разногласия в стане противников, даже тех, кого считал принадлежащими к низшей расе. Многие из его сторонников, особенно в вермахте, очень хотели использовать религиозные и национальные противоречия в СССР для того, чтобы покончить с ним. Самым горячим адвокатом этой линии в рядах нацистской партии был министр по оккупированным восточным территориям Альфред Розенберг, но на личной встрече с ним в июне 1943 г. фюрер решительно отверг любую мысль о свободе для восточных славян¹³⁸. Гитлер не был ординарным политиком, он был прирожденным идеологом. Для большей части вермахта, как и для Розенберга, цель войны казалась настолько же очевидной, насколько и логичной: разгромить Красную Армию и уничтожить советский режим. Для Гитлера, однако, война никогда не была самоцелью, а только средством дости-

жения более крупной, идеологически обоснованной цели: истребления или полного порабощения коренного населения и создания на Востоке немецкого Lebensraum (жизненного пространства). Считая восточных славян Untermenschen (недочеловеками), всего лишь зверями, обременяющими будущую германскую империю, какая могла присниться только в ночном кошмаре, Гитлер и большинство нацистских руководителей просто не могли уразуметь, насколько выгодно было бы для них использовать на Востоке национальный и религиозный раскол. Если бы нацистская идеология не была лишь придуманным «ораторством», сконструированным для маскировки возвеличивающих себя интересов властных элит, или если бы Гитлер не был лишь оппортунистом или мастером традиционной немецкой дипломатии, он, наверняка, использовал эти инструменты для того, чтобы дестабилизировать сталинскую империю изнутри¹³⁹

В отличие от нацизма, ленинизм обращал внимание своих приверженцев на динамический потенциал, скрывающийся в религиозном и национальном вопросе. Хотя Кремль рассматривал националистические элиты и церковное руководство как классовых врагов, подлежащих, в итоге, уничтожению, он не шел путем нацистов и не простирали своего презрения на простой народ, во всяком случае, не в терминах формальной идеологии. В то время как нацисты списывали со счета все расы целиком — и высшие классы, и простых людей одинаково, в ленинизме рабочие и крестьяне по самой своей природе стоят особняком. Ленин утверждал, что «в каждой современной стране две нации»: одна — продукт «буржуазной» культуры, другая — «демократическая и социалистическая»¹⁴⁰. Когда действия масс шли вразрез с интересами Москвы, как это часто случалось, Кремль рефлексивно объяснял, что это происки классового врага — кулаков, буржуазии или священников. Другими словами, коммунистические вожди проводили в этом вопросе важное различие, чего не делали нацисты: они выделяли некоммунистические элиты и массу простого народа, понимая, что завоевать на свою сторону последних — это в военное время самая важная политическая цель. Советский классовый анализ был довольно тупым инструментом, но настоящим скальпелем по сравнению с нацистским расизмом.

До немецкого вторжения советское идеологическое деление населения на буржуазные элиты и трудящиеся массы запутывало и искажало политику. Проводившиеся НКВД–НКГБ массовые депортации запрещенных классов с территории западных пограничных областей отнюдь не подавили антисоветское националистическое сопротивление и, наоборот, привели к его продлению. Однако если идеология

может заводить в тупик, порой она может и обострять политическое зрение. Ленин всегда подчеркивал, как важно сосредоточиться на уничтожении врагов по одному. Перед немецким вторжением объектом, возможно, была «пятая колонна». С началом войны Москве уже не приходилось сомневаться, кто ее главный враг, и она соответственно переориентировала свою пропаганду, начав преподносить себя борцом за религиозную свободу, славянское единство и даже национальное самоопределение.

История ленинизма полнится такими резкими политическими поворотами, когда вчерашний враг сегодня становился другом и союзником. Большевики были готовы сотрудничать с любой политической или социальной силой, какой бы враждебной коммунизму она ни была, если это помогало победе над главным для того момента врагом. Именно так Москва, обвинив в 1920 г. западноевропейских социал-демократов в «социальном фашизме», назвала их «прогрессивными» силами, когда после прихода Гитлера к власти они строили планы создать антинацистские народные фронты, и снова осудила их после Московского пакта с Германией 1939 г., чтобы после июня 1941 г. призвать к созданию национальных фронтов. То же произошло и с религией: до 1939 г. советские коммунисты объявляли церковь своим худшим врагом, наемником классовых врагов и иностранных разведок, во время оккупации западных пограничных областей они нашли применение русским православным иерархам и смягчили свою антирелигиозную риторику. После начала «Барбароссы» Москва старалась изображать свою войну «священной борьбой за христианскую цивилизацию, за свободу совести и веры», а нацистов — «сатанинскими врагами веры и Христианства»¹⁴¹.

Как достаточно скоро станет ясно, советские коммунисты совсем не собирались отказываться от своей фундаментальной идеологической вражды к религии, и для многих религиозных лидеров перемены в настроениях Советов показались слишком быстрыми и слишком благоприятными, чтобы в это можно было поверить. Но не духовенство и церковные иерархи были целевой аудиторией Москвы, ею были миряне. Без преданности или, по крайней мере, политического подчинения огромной массы людей Москве нечего было думать о победе над немцами. Насилие и террор, без сомнения, были важными орудиями, и Москва продолжала широко прибегать к ним. Но Советы, по крайней мере, понимали, что без обращения к некоммунистическим взглядам и ценностям простых людей очень многие солдаты Красной Армии не станут воевать. Советская религиозная пропаганда работала, потому что так много людей хотели верить, что

время и война изменяют сущность советской власти, что союз с западными державами размоет коммунизм по краям и что новая советская линия была обращением к русской традиции, а не просто еще одним тактическим изгибом партийной линии.

Ничто из сказанного не следует понимать как утверждение, что якобы советская система была в чем-то «моральнее» нацистской или что коммунистические вожди ставили врожденную ценность человека выше, чем гитлеровцы. Искать «гуманистическое» или просвещенческое ядро в сердце советского коммунизма, которое отдаляло бы его от нацизма, наверняка, потерпеть неудачу, как открывают нам новые архивные откровения, доходящие до нас из советской эпохи. Кремлевские вожди приговаривали миллионы своих людей к ссылке и смерти, не испытывая при этом никаких угрызений совести. Как показывает использование во время войны Русской православной церкви, Москва стремилась удовлетворить общественное мнение, не обращаясь к действительно важным потребностям людей, а используя манипуляции символами и институтами. Кремль не видел в своих гражданах индивидов, каждый из которых обладал врожденной значимостью и материальные и духовные потребности которого должны удовлетворяться и уважаться правительством. Для Кремля они были пассивными, легко ведомыми и в основном легко заменяемыми существами. Проблема заключалась в том, как погнать это стадо в нужном направлении.

Наконец, победа в войне определяется не тем, кто из комбатантов идеально ставит себе на службу наличные человеческие и материальные ресурсы, а тем, кто из них делает это лучше. Сталинистские методы были неопишимо жестокими, но Москве повезло с врагами. В своем романе «Жизнь и судьба» Василий Гроссман передал эту мысль очень коротко и точно словами своего героя, политического комиссара Гетманова: «Наше счастье, что немцы мужику за год опротивели больше, чем коммунисты за двадцать пять лет»¹⁴². Можно приводить множество причин поражения нацистов в СССР: плохое планирование, нехватка механизированных и броневых частей, недостаточное количество людской силы, плохое состояние коммуникаций на Востоке, бескрайние просторы России, военные ошибки Гитлера. Все эти соображения немецкие мемуаристы использовали весьма усердно, потому что оценивали войну с тактико-стратегической точки зрения и не пытались посмотреть на нее с точки зрения негуманности всей концепции плана «Барбаросса». Самым главным провалом нацистов на Востоке был, однако, не военный или логистический, а моральный и политический, связанный с их отказом предложить местному насе-

лению какую-либо мотивацию для поддержки войны против Сталина или даже для сохранения нейтральной позиции. В конце концов, проблема нацистов заключалась не в том, что они сделали ту или иную ошибку, а в том, что они были нацистами.

Бесчеловечность захватчика не означала, что Советы могли позволить себе самоуспокоение. За первые два года войны Кремль выяснил, что этнические русские более надежные бойцы, чем представители большинства других советских национальностей. Советские власти строили свою пропаганду и политику соответственно. Огромное число солдат Красной Армии воевало за Сталина и коммунизм, отрицать этого не может никто, это подтверждают имеющиеся сегодня свидетельства, еще больше солдат шли в бой не за своего вождя, а за Россию или, по крайней мере, против Гитлера. Советскому государству удалось поставить себе на службу этот жизненно важный патриотизм с помощью национальных символов и истории, а также манипулируя самым важным сохранившимся русским национальным институтом — православной церковью. Политическая манипуляция национальной идентичностью, институтами и символами работает в нескольких направлениях, однако одновременно с тем, что Советы направляли русское национальное чувство на победу в войне, они также запускали в политическую кровеносную систему непредсказуемые реагенты. Как скоро покажут события, Кремль не всегда предвидел политические и социальные побочные эффекты проводимой им политики. Одним из таких результатов была трансформация самооценки советских олигархов. С поворотом в войне они стали смотреть на себя не только как на революционеров, но и как на лидеров русской мессианской традиции. Позже Молотов скажет: «Сталин владел национальным вопросом. Он был прав, называя русский народ решающей силой, сломавшей хребет фашизму. Как никто другой Сталин понимал великое историческое предназначение и судьбоносную миссию русского народа, судьбу, о которой Достоевский писал: «Сердцу России больше, чем любой другой нации, предназначено всеобщим, всеохватывающим гуманитарным союзом наций»¹⁴³. Достоевский действительно писал, что «русский идеал — это всеобщая целостность, всеобщее примирение и всеобщее человечество»¹⁴⁴. Но видение великого писателя было ярко выраженным христианским и славянофильским, он верил, что Россия «богоданная нация», которой уготовано донести истинное христианство до всего остального мира, включая католический Запад. В конце жизни он стал страстным противником социализма,

в котором видел демоническую силу и прямого отпрыска папской ереси.

Во время войны сталинистский коммунизм воспринял мессианство и национальный шовинизм Достоевского — даже его враждебность Ватикану, — но оттолкнул его видение любого подлинно духовного элемента. Новая сталинистская мифология стонала под грузом собственных противоречий: националистического интернационализма, атеистического мессианства, детерминистского волюнтаризма, общества самопровозглашенного изобилия и науки, перебивающей на нищенской базе, а также государства, будто бы ведущего мир к новой эре свободы, когда во время войны миллионы томятся в концентрационных лагерях¹⁴⁵. Для того чтобы победить нацистов, советское государство было вынуждено вывернуться наизнанку, и — по иронии диалектики — победившее марксистское государство усугубило те самые «серьезные противоречия», которые, в конце концов, помогут подписать ему смертный приговор.

Примечания

- ¹ К апрелю 1939 г. немцы обратили внимание на изменившийся тон советской прессы. Memorandum by the State Secretary in the German Foreign Office (Waizsacker). April 17. 1939. См.: Sontag and Beddie. *Nazi-Soviet Relations*. P. 1–2.
- ² Н. Пальгунов Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). А. А. Пузину. 10 мая 1941 г. РЦХИНИ. Ф. 5. Оп. 6. Ед. хр. 1354.
- ³ Robinson H. *Composing for Victory // Culture and Entertainment in Wartime Russia*. P. 65–66. Робинсон называет «Александра Невского» «мультипликацией, почти опереточным» фильмом. Возможно, оно так и есть, но это была зрелищная и очень эффектная картина, оказавшая долговременное воздействие на искусство и создание формы таких хитов, как «Звездные войны» Джорджа Лукаса.
- ⁴ Уже 14 июня 1941 г. ТАСС выпустило позорное коммюнике, опубликованное во всех основных советских газетах. В нем опровергались «широко распространенные слухи» о германских приготовлениях к нападению на СССР, они были названы «неуклюжим пропагандистским маневром сил, сплывающих против Советского Союза и Германии». См.: *The German Ambassador in the Soviet Union (Schulenburg) to the German Foreign Office*. June 14. 1941 // *Nazi-Soviet Relations*. P. 343–346 / Sontag and Beddie, eds.
- ⁵ Kravchenko. *I Chose Freedom*. P. 353.
- ⁶ *Ibid.* P. 365 (выделено в оригинале).

- ⁷ Markovna. *Nina's Journey*. P. 156–157. Даже более зрелый Дав Козн, в 1941 г. вступивший в партизанский отряд и прошедший в нем всю войну, писал потом, что накануне германского нападения «всякие ужасные истории просто не воспринимались. Мы продолжали жить своей жизнью, обманывая себя рассуждениями, что такие зверства невозможны, их не могут допустить и поддерживать власти. Немцы считались цивилизованной нацией». Kagan and Cohen. *Surviving the Holocaust with the Russian Jewish Partisans*. P. 36.
- ⁸ Рассказ человека, пережившего высылку, но тем не менее по своему желанию воевавшего в составе Красной Армии, см.: Karol. *Between Two Worlds*. О шпионаже см.: И. Серов. (Народный комиссар внутренних дел Украинской ССР) Сазыкину, Седову, Мартынову и Веретенникову. 21 августа 1940 г. ТСИМ. С. 88–90.
- ⁹ См., например: Иван Серов. НКВД МССР. 21 августа 1940 г. ТСИМ. P. 88–90.
- ¹⁰ Многие поляки, расстрелянные НКВД в 1940 г. в Катынском лесу, были осуждены за то, что стали «беженцами» из оккупированной немцами части Польши. См. гл. 3, особенно примечания 44, 47.
- ¹¹ Германское радио из Зеесена. Цит. по: *Spiritual Issues of The War*, No. 92. 9 (August 7, 1941). PRO INF 1/790.
- ¹² Fireside. Ikon and Swastika. P. 120.
- ¹³ Dallin. *German Rule in Russia*. P. 472.
- ¹⁴ Ibid. P. 476–477.
- ¹⁵ Цит. по: Dallin. *German Rule in Russia*. P. 473.
- ¹⁶ Воспоминания Хассо фон Эцдорфа, процитированные Грэмом. **Graham**. *The Vatican and Communism*. P. 122.
- ¹⁷ Fireside. Ikon and Swastika. P. 119.
- ¹⁸ Graham. *The Vatican and Communism*. P. 121.
- ¹⁹ Цит. по: Dallin. *German Rule in Russia*. P. 143.
- ²⁰ Fireside. Ikon and Swastika.
- ²¹ По данным разведки из Германии, советское руководство знало о том, что германское командование невысоко оценивает Красную Армию, показавшую свою слабость в войне с Финляндией. См. особенно: Записка наркома госбезопасности СССР В. И. Меркулова И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. И. Берия с текстом беседы, полученным агентурным путем, о германских планах войны с Советским Союзом. Федеральная служба безопасности России, Служба внешней разведки России, Московское городское объединение архивов. *Секреты Гитлера на столе у Сталина*. С. 124–127.
- ²² Куманев Г. *В огне тяжелых испытаний (июнь–ноябрь 1942 г.)*. С. 5.
- ²³ Оборона Брестской крепости стала предметом одной из самых знаменитых советских картин военного времени, своего рода советское Аламо.

- Картина П. А. Кривоногова «Защитники Брестской крепости» воспроизводится в большинстве официальных историй войны, например: Козлов М. М. и др. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. С. 416.
- ²⁴ Общие выводы о слабых местах Красной Армии приводятся в стандартных работах по истории: Seaton. *The Russo-German War, 1941–1945*; Erickson. *The Road to Stalingrad*.
- ²⁵ Хорошую сводку этих военных проблем см.: David Glantz. *When Titans Clashed*.
- ²⁶ По германским источникам, за время войны было взято в плен 5754 тыс. советских солдат. Dallin. *German Rule in Russian*. P. 427.
- ²⁷ Волкогонов. Сталин. С. 429; Overy. *Russia's War*. P. 124.
- ²⁸ Herwarth, *Against Two Evils*. P. 198–199.
- ²⁹ Цит. по: Волкогонов. Сталин. С. 427.
- ³⁰ Цит. по: Tolstoy. *The Secret Betrayal*. P. 34. Биограф Сталина времен Горбачева Дмитрий Волкогонов относит эти безжалостные приказы исключительно за счет известной жестокости Сталина. Волкогонов. Сталин. С. 427. Другой историк называет взятие солдатских семей в заложники «уникальным» и «не основывающимся ни на советском, ни на каком другом законе». Sella. *The Value of Human Life in Soviet Warfare*. P. 101. Хотя эти приказы отдавал лично Сталин, они имели твердые ленинские корни. Во время Гражданской войны в России 1918–1920 гг. первый народный комиссар военных дел Лев Троцкий откровенно говорил о необходимости террора в новой Красной Армии. Он писал: «Нельзя построить армию без репрессий». Trotsky. *My Life*. P. 427. Несмотря на то, что большинство диктаторских режимов, в том числе нацистский, конечно, всегда использовали террор, чтобы поддерживать в своих армиях верность, советский был необычным, хотя и не уникальным, прибегая к тюремному заключению и насилию против семей солдат, подозреваемых в недостаточной преданности. С первых дней большевистского режима Советы стали переносить взятие заложников, террор и казни в сферу экономики. «Специалист по экономике», тесно работавший с Лениным по вопросам поставок древесины, вспоминает, например, как Ленин приказал захватить заложников и провести казни, чтобы добиться быстрых поставок лесоматериалов, а также расчистки от снега железнодорожных путей. Liberman. *Building Lenin's Russia*. P. 14. Сталин отдавал свои приказы отнюдь не в припадке кровожадного безумия, столкнувшись с реальной угрозой массового неповиновения, нет, он действовал в лучшей большевистской традиции.
- ³¹ Andreev-Khomiakov. *Bitter Waters*. P. 170.
- ³² Цит. по: Andreev-Khomiakov. *Bitter Waters*. P. 428. Помимо расстрелянных, 420 тыс. были приговорены к «штрафным батальонам» и еще 436 тыс. к раз-

- ным срокам тюремного заключения. Overy. *Russia's War*. P. 200. Кстати, для сравнения, во время войны за дезертирство был расстрелян один американский солдат, Эдди Словик.
- ³³ Интервью с Гарриманом. Urban. *Stalinism*. P. 43.
- ³⁴ Сталин 20 июля приказал Берии создать такие части. Overy. *Russia's War*. P. 108.
- ³⁵ Volkogonov. *The Rise and Fall of the Soviet Empire*. P. 118.
- ³⁶ Herwarth. *Against Two Evils*. P. 198.
- ³⁷ *Russia's War: Blood upon the Snow*, Broadcasting System, Documentary. 1997. Кравченко пишет, что сам видел такие части НКВД в действии. Kravchenko. *I Chose Freedom*. P. 369.
- ³⁸ Avrich. *Kronstadt 1921*. P. 153.
- ³⁹ Историки слишком осторожно подходили к исследованию невероятно большого применения террора в Красной Армии, возможно, из опасений быть обвиненными в опорочивании подлинного героизма и достижений советских солдат. Это приводило к ряду странных искажений. Селла, например, пишет, что «только армия, в основе своей имеющая высокий уровень мотивации, хорошо организованная и дисциплинированная», могла выдержать свирепый германский натиск. Sella. *The Value of Human Life in Soviet Warfare*. P. 99.
- ⁴⁰ Fitzpatrick. *Stalin's Peasants*. P. 314.
- ⁴¹ Markovna. *Nina's Journey*. P. 178.
- ⁴² Strik-Strikfeldt. *Against Stalin and Hitle*. P. 25.
- ⁴³ Herwarth. *Against Two Evils*. P. 201.
- ⁴⁴ Andreev-Khomiakov. *Bitter Waters*. P. 170.
- ⁴⁵ Что касается Белоруссии, где подобного рода вещи имели место в ряде городов, см.: Zargudnik. *Belorus*. P. 95. Подсчитано, что только в Галиции и Западной Волыни Советы таким путем убили 15–40 тыс. человек. Magosci. *A History of Ukraine*. P. 624.
- ⁴⁶ О высылке этнических немцев см.: Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину.
- ⁴⁷ Leonhard. *Child of the Revolution*. P. 137–138. Несмотря на пребывание в заключении, многие узники ГУЛАГа с гневом воспринимали нацистское нападение.
- ⁴⁸ Во время встречи с английским министром иностранных дел Энтони Иденом в декабре 1941 г. Сталин сказал гостю: «В общем, германская армия не столь сильна» и предсказал, что СССР сможет вступить в войну с Японией весной 1942 г. См.: Miner. *Between Churchill and Stalin*. P. 188.
- ⁴⁹ Жуков о самоуверенности Сталина. John Erickson. *The Road to Stalin-grad*. P. 347.
- ⁵⁰ *Ibid.* P. 349.

- 51 Косиба пишет о чувствительности Советов к вопросу об их «мягком подбрюшье» на Черном море и богатых нефтью районах вокруг Каспийского моря. Kosiba. *Stalin's Great Game*.
- 52 Округленная цифра за 1942 г. — 1653 тыс. советских военнопленных. См.: Dallin. *German Rule in Russia*. P. 427.
- 53 Возможно, это отчасти было результатом более эффективных жестких дисциплинарных мер. См.: Overly. *Russia's War*. P. 194–201.
- 54 Kravchenko. *I Chose Freedom*. P. 366.
- 55 Леонов — оргинструкторскому отделу. Выписка Политического управления Северо-Кавказского фронта. 28 июня 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 6. Ед. хр. 1358.
- 56 Секретно. Выписка Политотдела Приморской Армии. 8 июня 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 6. Ед. хр. 1358.
- 57 Там же.
- 58 Ставский (руководитель группы, бригадный комиссар) — Шикину (зам. начальника Главного политического управления РККА, дивизионному комиссару). 5 декабря 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 1409.
- 59 Об этих высылках см.: Conquest. *The Nation Killers*; Nekrich. *The Punished Peoples*; Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину.
- 60 Chuev. *Molotov Remembers*. P. 195.
- 61 См.: Subtelny. *Ukraine*. Chap. 23; Armstrong. *Ukrainian Nationalism*.
- 62 О политике ОУН см.: Subtelny. *Ukraine*. P. 459–460.
- 63 Трофейный документ войск СС из Харьковской области. 8 августа 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 1376.
- 64 Это совпадает со свидетельством Павла Судоплатова, который во время войны возглавлял в НКВД подразделение, занимавшееся ликвидацией украинских националистических лидеров. Он писал, что большинство командиров украинского националистического движения «были из семей униатских священников». Судоплатов П. А. Спецоперации. С. 251.
- 65 Трофейный документ войск СС. 8 августа 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 1376.
- 66 ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 181н.
- 67 Hansjakob Stehl. *Sheptytsky and the German Regime* // Magocsi. *Morality and Reality*. P. 125–144. Штель говорит, что Шептицкий одобрил создание дивизии СС «Галиция», так как верил, что немцы проигрывают войну и что украинские вооруженные части необходимы для предотвращения широких беспорядков в момент, когда нацистская власть рухнет, и до прихода Советов. Более подробно о Шептицком и Греко-католической церкви см. гл. 5.

- ⁶⁸ Козлов и др. Великая Отечественная война. С. 741.
- ⁶⁹ Zaprudnik. Belagus. P. 97.
- ⁷⁰ Козлов и др. Великая Отечественная война. С. 533.
- ⁷¹ Леонов. Совершенно секретно. Справка о фактах измены Родине в частях действующей Красной Армии. 15 июля 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 6. Ед. хр. 1358.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Леонов. Выписка Юго-Западного фронта. 15 июля 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 6. Ед. хр. 1358.
- ⁷⁴ Шикин — Щербакову. 28 сентября 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 6. Ед. хр. 1358.
- ⁷⁵ Ставский — Шикину. 5 декабря 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 1409.
- ⁷⁶ В своем романе «Жизнь и судьба» Василий Гроссман, который был фронтовым корреспондентом газеты Красной Армии «Красная Звезда», вложил в уста одного из самых неприятных героев, политкомиссара Гетманова, следующие широко распространенные взгляды: «Скажу вам по правде, хватит! Тошнит прямо! Во имя дружбы народов всегда мы жертвуем русскими людьми. Нацмен еле в азбуке разбирается, а мы его в наркомы выдвигаем. А жертвовать русскими. Члену национального меньшинства почти не нужно знать даже алфавита, чтобы его назначили народным комиссаром, а нашего Ивана, пусть он семи пядей во лбу, сразу по шапке, уступай дорогу нацмену! Великий русский народ в нацменьшинство превратили. Я за дружбу народов, но не за такую. Хватит!» Гроссман. Жизнь и судьба. С. 221.
- ⁷⁷ Ставский — Шикину. 5 декабря 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1409.
- ⁷⁸ О мотивации Власова см.: Andreyev. Vlasov and the Russian Liberation Movement. P. 37–61. Точку зрения Андреева относительно мотивации Власова разделяют далеко не все. Некоторые продолжают видеть в нем только предателя. Правды мы можем не узнать никогда.
- ⁷⁹ А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. М., 1989. Т. 1. С. 261–262.
- ⁸⁰ Werth. Russia at War. P. 411.
- ⁸¹ Цит. по: Anatol Goldberg. Ilya Ehrenburg. P. 197.
- ⁸² Urban. Stalinizm. P. 41.
- ⁸³ Werth. Russia at War. P. 415–416.
- ⁸⁴ Нужно помнить, что, рисуя общую картину преданности власти в Красной Армии, приходится полагаться на советские документы. Передают ли официальные документы истинное положение дел или просто отражают предубеждения советских чиновников, точно сказать невозможно. Тем не

мнее в Кремле читали эти доклады и на основании их анализа выработывали политику.

- ⁸⁵ Werth. *Russia at War*. P. 177.
- ⁸⁶ Timasheff. *The Great Retreat*. P. 230.
- ⁸⁷ Речь идет об исторических нашествиях на Россию, соответственно, монголов в середине тринадцатого века, того же времени рыцарей-крестоносцев германского Тевтонского ордена, шведского нашествия в начале восемнадцатого столетия и французского нашествия 1812 г.
- ⁸⁸ Пастырям и паствам Христовой православной церкви // Русская православная церковь в Великой Отечественной войне. М., 22 июня 1941 г. С. 3–5.
- ⁸⁹ Pospelovsky. *The Russian Church under the Soviet Regime*. V 1. P. 194–195; Флетчер высказывает очень верную мысль, что Сергей захотел выступить с этим посланием по другой причине: если бы он этого не сделал, его могли бы арестовать как неблагонадежный элемент (или как возможного коллаборациониста), а его церковь закрыть. William C. Fletcher. *The Russian Orthodox Church Underground*. P. 154.
- ⁹⁰ Несколько документов с такого рода санкциями можно найти в бывшем партийном архиве. Советские архивисты, по-видимому, сохранили не все такие документы, и я не увидел какой-то системы в оставленных ими на хранение документах. Кобулов – Щербакову. 11 апреля 1944 г.; Федотов – Щербакову. 6 июня 1944 г.; Карпов – Щербакову. 16 июня 1944 г.; Полянский – Молотову. 5 июля 1944 г.; Кобулов – Щербакову. 15 июля 1944 г.; Жуков – Щербакову. 25 июля 1944 г.; Полянский – Маленкову. 12 февраля 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 1408. Представляется, что, как правило, разрешалось публиковать на иностранных языках и для распространения за рубежом большее количество экземпляров, чем для внутренней российской аудитории.
- ⁹¹ Этот вопрос подробно рассматривается в гл. 3.
- ⁹² Исторические работы, в которых упоминается послание Сергея от 22 июня 1941 г., рассматривают данный факт как начало этого процесса. Overy. *Russia's War*. P. 203.
- ⁹³ Названия документов см.: Русская православная церковь в Великой Отечественной войне. Здесь подробно указывается, где были опубликованы такие заявления священнослужителей.
- ⁹⁴ Заявление митрополита Сергея 14 октября 1941 г. РПЦВОВ.
- ⁹⁵ Одно такое предупреждение см.: Под железным натиском воинов-богатырей. Верующим на Украине. 7 ноября 1943 г. Николай // Слова, речи, послания (1941–1946 гг.). С. 251–253.
- ⁹⁶ Глава Русской православной церкви осуждает предателей // *Soviet War News*. No. 192. Февраль 1942 г. P. 4.

- ⁹⁷ О роли Сергия (Воскресенского) см. гл. 1.
- ⁹⁸ Fireside. Icon and Swastika. P. 134.
- ⁹⁹ Файерсайд, по-видимому, считает иначе. Он пишет, что Сергей «не отказывался от лояльности главе церкви в Москве, пока после выступления Патриархии в сентябре 1942 г. с обвинениями в его адрес разрыв не стал неизбежен». Это так, но здесь не учитывается причина разрыва: Сергей назвал Патриархию советским орудием, заставив Москву пойти на разрыв. Там же. С. 134. См. также: Dallin. German Rule in Russia. P. 489–490.
- ¹⁰⁰ Основные вопросы немецкой пропаганды в Эстонии 5 сентября 1941 года. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 1359.
- ¹⁰¹ Определение патриаршего местоблюстителя, митрополита Московского и Коломенского Сергия. По делу митрополита Сергия Воскресенского с другими. 22 сентября 1942 г. РПЦВОВ. С. 35–36.
- ¹⁰² Nikolai. The Russian Church and the War against Fascism. P. 18.
- ¹⁰³ Кобулов – Шербакову. 11 октября 1941 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1360.
- ¹⁰⁴ Определение патриаршего местоблюстителя, митрополита Сергия. По делу митрополита Сергия Воскресенского с другими. 22 сентября 1941 г. РПЦВОВ. С. 37–38.
- ¹⁰⁵ Послание митрополита Сергия «Возлюбленным о Христе всем верным чадам нашей святой православной русской церкви, в особенности обитающим в Литве, Латвии и Эстонии». 22 сентября 1942 г. РПЦВОВ. С. 32–34.
- ¹⁰⁶ Fireside. Icon and Swastica. P. 138.
- ¹⁰⁷ Graham. The Vatican and Communism during World War Two. P. 51–52.
- ¹⁰⁸ Мемуары одного из руководителей таких служб см.: Sudoplatov. Special Tasks. P. 251.
- ¹⁰⁹ Послание патриаршего местоблюстителя, митрополита Сергия в Ульяновск. 22 июня 1942 г. РПЦВОВ. С. 29–31.
- ¹¹⁰ Послание патриаршего местоблюстителя, митрополита Сергия «Преосвященным архипастырям, пастырям и всем верным чадам святой нашей церкви в областях СССР, еще не освобожденных от немецкой оккупации». РПЦВОВ. С. 39–40.
- ¹¹¹ Послание ленинградского митрополита Алексия к пастве «Церковь зовет к защите Родины». РПЦВОВ. С. 51–54.
- ¹¹² См., например, Обращение митрополита Сергия с призывом к сбору на общецерковную танковую колонну. РПЦВОВ. С. 41–42.
- ¹¹³ Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». 23 января 1918 г. Hecker. Religion and Communism. P. 289–293.
- ¹¹⁴ Послание Сергия, патриаршего местоблюстителя, для паствы московской и особо – для всей церкви. 22 июня 1942 г. РПЦВОВ. С. 26–28.

- ¹¹⁵ Козлов. Великая Отечественная война. С. 624.
- ¹¹⁶ Послание Сергия, патриаршего местоблюстителя, 22 июня 1942 г. РПЦВОВ. С. 26–28.
- ¹¹⁷ Близок час нашей победы. РПЦВОВ. С. 8–10.
- ¹¹⁸ Обе стороны в войне, кажется, любили пользоваться обвинением другой в том, что та превращает церкви в конюшни. Этот образ постоянно фигурирует как в нацистской, так и в советской пропаганде. См.: Fireside. Icon and Swastika. P. 116, 122.
- ¹¹⁹ Ibid.
- ¹²⁰ Пасхальное послание Сергия. 2 апреля 1942 г. РПЦВОВ. С. 24–25.
- ¹²¹ Yaroslavsky. Religion in the U. S. S. R. P. 50–51.
- ¹²² См. гл. 4, примечание 3.
- ¹²³ Г. Александров — Андрееву, Маленкову и Щербакову. 9 января 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 104.
- ¹²⁴ Cripps to Ministry of Information. July 30, 1941. PRO INF 1/790.
- ¹²⁵ Cripps to Foreign Office. August 23, 1941. PRO FO 371/29468.
- ¹²⁶ S. Gaselee to Reverend A. C. Don, без даты, но, вероятно, в последних числах августа. PRO FO 371/29468. Относительно «Живой церкви» см. гл. 4. Ian H. White-Tomson to Gaselee. September 11, 1941. PRO FO 371/29468.
- ¹²⁷ Moscow Chancery to Foreign Office. September 30, 1941. PRO FO 371/119663. Копия телеграммы Криппса была переслана в министерство информации. PRO INF 1/790.
- ¹²⁸ Notes of a Conversation with Sir Stafford Cripps. October 30, 1942. PRO INF 1/769.
- ¹²⁹ Waddams memorandum. June 25, 1942. PRO INF 1/769.
- ¹³⁰ Werth. Russia at War. P. 433–434.
- ¹³¹ Кудрявцев — Маленкову, Щербакову и Александрову. 22 октября 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1364. Ед. хр. 118.
- ¹³² Георгиевский. Пасха 1942 г. в Москве // Правда о религии в СССР Московская патриархия. С. 216.
- ¹³³ Там же. С. 217.
- ¹³⁴ Postal intercept letter from Morris, Horsney, to Greer. Dublin. April 21, 1942. PRO FO 371/32949.
- ¹³⁵ Sir A. Clark Kerr to Mr. Eden. July 8, 1942. PRO FO 371/32949.
- ¹³⁶ Postal intercept letter from Morris, Horsney, to Greer, Dublin. PRO FO 371/ 32949.
- ¹³⁷ Это достаточно широко распространенное представление очень беспокоило советское руководство. Г. Александров в важном документе Центрального Комитета ВКП(б) по вопросу пропаганды отмечал, что «среди народа циркулируют “лживые слухи”, будто церковь была восстановлена “в результате влияния союзников”». См.. Александров —

Федосееву, без даты, но 1944 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1392.
Подробнее об этом документе см. гл. 4.

- ¹³⁸ Цит. по: Dallin. *German Rule in Russia*. P. 163.
- ¹³⁹ Тэйлор выступил с утверждением, что Гитлер был традиционным германским государственным деятелем, а не идеологом. A. J. P. Taylor. *The Origins of the Second World War*.
- ¹⁴⁰ Tucker. *The Lenin Anthology*. P. 654–658.
- ¹⁴¹ Близок час нашей победы. Заявление российского духовенства. 24 ноября 1941 г. РПЦВОВ. С. 9.
- ¹⁴² Гроссман. *Жизнь и судьба*. С. 223.
- ¹⁴³ Chuev. *Molotov Remembers*. P. 187–188.
- ¹⁴⁴ Достоевский. Цит. по: Walicki. *The Slavophile Controversy*. P. 536.
- ¹⁴⁵ По последним русским подсчетам, в начале войны в ГУЛАГе находилось 2,3 млн людей, к концу войны эта цифра сократилась до 1,2 млн. Значительная часть этого сокращения произошла за счет смертности, которая с июня 1941 г. по декабрь 1944 г. достигла 3,4 млн человек, то есть превысила число заключенных в лагерях на начало войны. В это число включены только те, кто были отправлены в лагеря и «исправительно-трудовые колонии», сюда не входят просто депортированные в места ссылки внутри страны. Земсков В. Н. Смертность заключенных в 1941–1945 гг. // *Людские потери СССР в период Второй мировой войны*. Институт Российской истории РАН. С. 174. См. также: Bacon. *The Gulag at War*.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
В БОЯХ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ

Глава третья

СВЯТАЯ НЕНАВИСТЬ К ВРАГУ

Церковь на службе у советской внешней политики.
1942–1943 гг.

Нужно заметить, что Сталин не был членом «Лиги воинствующих безбожников». Он был, конечно, во-первых и прежде всего, революционером, и он продолжал ленинскую линию... правда, мы иногда пели церковные песни, после обеда. Иногда даже белогвардейские песни. У Сталина был приятный голос.

В. М. Молотов.

Цит. по: Felix Chuev. «Molotov Remembers»

Какой-нибудь хищник и человеческий монстр может искренне, с подлинным благоговением поклоняться святости, ставить свечи перед иконами святых, отпрапляться в паломничество по монастырям — и оставаться в то же время хищником и монстром.

Николай Бердяев

Хотя в первые два года войны положение Русской православной церкви спазматически улучшалось, к концу 1942 г. она все еще в значительной степени пребывала в политической и социальной тени. Богослужения были ограничены несколькими сохранившимися действующими церквями, в большинстве своем сосредоточенными в больших городах. Целые области на территории страны не располагали условиями для каких бы то ни было церковных служб¹. Советская пресса упоминала о религиозных делах только в публикациях на иностранных языках, или в радиопередачах, или информационных выпусках Совинформбюро, предназначенных для зарубежной аудитории². В условиях всеобщего вызванного войной стресса, ставших повседневной реальностью бесчисленных смертей, когда день ото дня нарастала потребность в духовном утешении, советские власти даже не разрешали религиозную деятельность среди миллионов солдат Красной Армии. Хотя, в то время как советское радио начало обращаться

к румынам и другим балканским христианам — самой большой ветви восточного православия: «Братья христиане», сама русская церковь, оставалась крепко зажатой советской властью³.

Зима 1942–1943 гг. принесла резкие перемены в судьбу русского православия. Возвращение церкви как публичного института и очевидное частичное примирение церкви и государства, которое многие современные и более поздние историки ошибочно датируют первыми днями войны, на самом деле происходили в это важное время. Возрождение церкви шло по этапам, православные лидеры сначала стали играть более заметную роль в международных делах и только потом — во внутренней жизни страны. Изменение советской политики в отношении Русской православной церкви напрямую связано с быстро менявшейся военной обстановкой. К 1943 г. после решительного поражения нацистов в Северной Африке и на Сицилии и, что более важно, под Сталинградом, где в феврале капитулировала окруженная советскими войсками немецкая Шестая армия, в войне наступил долгожданный поворот в пользу союзной коалиции. За этим в июле последовал советский триумф в битве под Курском⁴.

Наряду с военными успехами, изменение обстановки на Востоке и освобождение оккупированных немцами территорий возродили забытые было подспудные международные и внутренние разногласия. Прошло почти два года войны, но вопрос о конфигурации послевоенных западных границ СССР оставался открытым, решение этой проблемы грозило вбить клин в антигитлеровскую коалицию. Как минимум, Советы требовали восстановления границ, существовавших на момент нападения Германии, возвращения под их контроль трех прибалтийских республик, Буковины, Бессарабии, почти половины Восточной Польши, а также области Финляндии, захваченные после войны 1939–1940 гг. Партнеры Кремля по коалиции пока не признали советского суверенитета над этими спорными пограничными территориями, с возвращением Красной Армии не были согласны большие группы местного населения⁵.

Прошло два года после начала вторжения, но Сталин ни отказался от претензий на спорные территории, ни забыл о них. Во время встречи с английским министром иностранных дел Энтони Иденом в декабре 1941 г. диктатор недвусмысленно заявлял, что возвращение этих утраченных территорий и признание союзниками советского суверенитета на них «абсолютная аксиома». Возвращение этих утраченных территорий, с большой долей преувеличения утверждал Сталин, было тем, за что, «в сущности, шла вся война», это «для нас, — заявил он, — главный вопрос в войне»⁶. Весной 1942 г. Москва пыталась убедить и американцев, и англичан признать советские притязания на западные

пограничные области. Хотя и президент Рузвельт, и премьер-министр Черчилль заверили Сталина, что готовы признать советский суверенитет на прибалтийские республики, московские претензии на бывшие польские территории они обходили молчанием⁷

У западных союзников теплилась надежда, что Москва может оказаться более сговорчивой по вопросу о польской границе, чем по вопросу о судьбе прибалтийских государств. Летом 1941 г. Сталин восстановил, по крайней мере, для видимости, отношения с находившимся в Лондоне Польским правительством в изгнании, чью территорию Красная Армия оккупировала почти за два года до этого. Катастрофическая военная обстановка, в которой находился Советский Союз сразу после начала войны, вынуждала Москву ради обретения союзников идти на очевидные дипломатические уступки. Текст польско-советского соглашения от июля 1941 г. гласил, что «Правительство Союза Советских Социалистических Республик признает советско-германские договоры относительно территориальных изменений в Польше утратившими законную силу»⁸. И Лондон, и Вашингтон не теряли надежды, что такая формулировка говорила о готовности Кремля расстаться, по крайней мере, с частью территорий, захваченных им в Восточной Польше в 1939 г. Однако в 1942 г., когда английские и американские дипломаты попытались договориться с Кремлем о компромиссе по пограничному вопросу, им дали от ворот поворот⁹.

После побед Красной Армии в 1943 г. вопрос о границах СССР снова оказался в центре внимания. Стратегическая ситуация по сравнению с 1941 г. полностью изменилась. Советские армии больше не отступали под ударами немцев, больше того, было похоже, что Красная Армия в скором времени вернется в западные пограничные области. Решат западные союзники или нет признать советские территориальные претензии, советское наступление все равно грозило поставить мир перед свершившимся фактом. Лондонские поляки, как и другие восточно-европейские эмигрантские правительства, бомбардировали американцев и англичан все более тревожными предупреждениями относительно советских намерений. Станет ли СССР экспортировать свою социальную систему, навязывая коммунизм силой? Не принесут ли солдаты Красной Армии в своих заплечных мешках антирелигиозную политику?

Ситуация для советской внешней политики складывалась неблагоприятно. Несмотря на то, что Красная Армия перехватила у вермахта инициативу, война далеко еще не закончилась. Быстрое продвижение советских вооруженных сил без должной поддержки его на дипломатической арене могло вызвать беспокойство западных

союзников и поставить под угрозу выигрывающую войну коалицию или имевшие важнейшее значение поставки помощи по ленд-лизу. Весной 1943 г. советский посол в Вашингтоне Максим Литвинов сообщил в Москву, что в отношении западных соседей «президент Рузвельт не станет поддерживать их требований, если будет поставлен перед свершившимся фактом». «Учитывая американское общественное мнение, Рузвельт попробует подать свое решение таким образом, чтобы это соответствовало положениям международного права и Атлантической хартии». Впрочем, Литвинов подчеркивал, что Рузвельт чувствителен к подвижному общественному мнению: «Практически, если проблему наших западных границ мы решим сами, со стороны США не будет серьезного демарша. Однако, поскольку нам потребуется для этого помощь США, американское общественное мнение будет иметь значение»¹⁰. Другими словами, Советский Союз мог добиться своих территориальных целей, но важно было представить этот вопрос аккуратно, чтобы не насторожить американское общественное мнение.

Таким образом, перед Кремлем стояла нелегкая задача: добиться своих территориальных, политических целей и целей безопасности в Восточной Европе при сохранении коалиции военного времени. Ряд методов, которыми воспользовалась Москва для решения этой дилеммы, были поразительно традиционными, по крайней мере, внешне. Так же, как Кремль обратился к Русской православной церкви в 1939–1941 гг., пытаясь умиротворить западные пограничные области, он сделал это и сейчас, когда Красная Армия освободила эту территорию. Революционное советское государство, наследник ленинского коммунистического интернационализма, в своей новой восточно-европейской политике применило целый ряд знакомых инструментов царского времени. Весной 1943 г. новую жизнь вдохнули в темы, вызывающие в памяти девятнадцатый век: русский национализм, панславизм и православие. В 1943 г. эти темы приобрели новое и еще большее значение, так как Москва снова выступила как центр панславизма и православия.

«Правда о религии в России»

Как следует из слов Литвинова, советские дипломаты и ответственные лица в правительстве отдавали себе отчет в необходимости сохранить антигитлеровскую коалицию и понимали, что требовалось убедить американское и английское общественное мнение в том, что советская власть гуманная и что продвижение сталинистских сил

на Запад не таит в себе опасности. Поэтому нужно было успокоить распространенные в западных демократиях страхи относительно экспансии «безбожного коммунизма». Начиная с осени 1942 г. до конца войны Русская православная церковь играла важную и возрастающую роль в этой пропагандистской операции, но не была всего лишь пассивным орудием советских властей, и церковные иерархи в обмен за свои услуги на международной арене стремились заполучить для себя нишу в атеистическом коммунистическом обществе.

В 1942 г. Советы развернули одну из самых успешных религиозно-пропагандистских кампаний, направленных на англо-американскую аудиторию. Митрополит Николай в сопровождении анонимного епископа без предварительного уведомления 16 сентября неожиданно появился в Куйбышеве у дверей английского посольства, которое в октябре предыдущего года было эвакуировано из Москвы, когда немцы стояли у ее стен. Николай встретился с Леси Беггалли, английским дипломатом, много лет проработавшим в Советском Союзе. Беггалли, понятно, был совершенно изумлен неожиданным обращением митрополита, что в его представлении «было, наверное, первым за многие годы и, возможно, даже первым со времени революции случаем, чтобы руководитель русской церкви посетил иностранное представительство открыто и без специального сопровождения». Строго говоря, утверждать, что Николая никто «не сопровождал», было бы неверно — интересно было бы узнать, что за молчаливый спутник приходил с ним в посольство¹¹.

Николай заявил принимавшему его дипломату, что в Куйбышеве он проездом в Ульяновск, куда эвакуировали из столицы Сергия, патриарха *Iosim tepens*. В качестве подарка он вручил Беггалли несколько экземпляров книги на русском языке под названием «Правда о религии в России», сказав, что уже отослал несколько ящиков книги архиепископу Кентерберийскому. И в самом деле, он послал десять ящиков, в которых было 700 экземпляров книги¹². Беггалли вспоминал, что после вежливой беседы об английской церкви и войне Николай «заговорил о том, что, по-видимому, было подлинной целью его визита в наше посольство, а возможно, и в Куйбышев». Николай предложил посетить Англию с официальным визитом, чтобы встретиться с руководством Англиканской церкви. Между Русской православной и Англиканской церквям «давние дружеские связи», сказал митрополит, их «следует поддерживать и укреплять. В особенности желательно, чтобы каждая знала о том, что делает другая в эти трудные времена». Николай заявил, что советское правительство поддерживает такие церковные обмены и «обеспечит все условия» для их осуществления. «В его словах не было ничего такого, из чего

следовало бы, что обмен миссиями будет непосредственно связан с вопросом о союзе церквей или с чем-либо иным, кроме поддержания доброй воли и более тесных отношений», — записал Беггалли. Англичане также узнали, что ранее в тот же день Николай побывал у американского и китайского послов, где ему был оказан прохладный прием, и что японцы не стали с ним разговаривать, «посчитав либо самозванцем, либо провокатором».

Беггалли еще раз встретился с Николаем 18 сентября «за небольшим ланчем» в английском посольстве. Создалось впечатление, что Николаю «очень хотелось» заполучить согласие на его визит в Лондон. Он предложил, чтобы англиканцы направили в СССР делегацию, хотя изъявлял готовность отправиться в Лондон, даже если англиканцы не испытывают готовности посетить Советский Союз. «Во всяком случае, — писал Беггалли, — одному или двум сотрудникам посольства показалось, что прибытие русской миссии должно при всех условиях предшествовать приезду английской».

Англичане поинтересовались у митрополита, какие контакты с другими христианскими церквями в СССР поддерживает Православная церковь, «но не услышали ничего внятного». Николай утверждал, что все русские христиане поддерживают войну с Германией, но, что касается неправославных христиан, «он, практически, заявил, что русская церковь не интересуется другими конфессиями, и недвусмысленно дал понять, что не видит смысла в попытках наводить мосты в настоящее время. Единственное исключение составляет Англиканская церковь». Он вполне мог бы добавить, что от улучшения отношений с другими внутренними христианскими церквями никакой пользы для внешней политики не извлечешь.

Николай подчеркнул, что если говорить о христианах в СССР, то «все они как один» выступают в поддержку войны. То же самое можно сказать и о православных христианах в других странах, «за одним исключением». «Это исключение составляет Румынская церковь. Даже Болгарская церковь выступила за правое дело, и ее руководители уже пострадали за свою позицию». Отзываясь о преданности православных на территории, оккупированной немцами, Николай признался в предательстве только одного священнослужителя, «пресловутого епископа Поликарпа (Сикорского)», который «порвал с Матерью Церковью и за предательство был канонически лишен сана». Николай утверждал, что «не знает ни одного русского священника, который изменил бы своей церкви и своей стране». В заключение Беггалли заметил, что, «хотя он не сказал этого прямо, я думаю, Его преосвященство проводил различие между священнослужителями на территории собственно Советского Союза и терри-

ториями, отторгнутыми от западных соседей Союза»¹³. На самом же деле, конечно, измена священнослужителей была значительно более серьезной проблемой, чем это преподносил Николай.

Пытаясь разобраться в причинах визита Николая, Беггалли писал, что «в ответах Николая... не доставало искренности... только когда ему было трудно ответить, не создавая впечатления, что он критикует, пусть даже косвенно, прошлую или нынешнюю политику советского правительства. (Больше всего на критику походили его слова, сказанные американскому послу о том, что в “Правде о религии в России” описывается положение с “остатками” Русской церкви.)». Беггалли был убежден, что Николай не смог бы нанести визита, «не получив прямого разрешения советского правительства, а возможно, и действуя по его специальному заданию». «Для доказательства этого достаточен был один-единственный простой факт, а именно то, что он со своим епископом остановился в Гранд-Отеле, — писал Беггалли, — потому что НКВД закрыло его для всех советских граждан, кроме узкого круга... на который можно было положиться, что, находясь под одной крышей с иностранцами, он не соблазнится пойти по опасной дорожке». При этом добавил, что, вероятно, та же мысль приходила в голову и обслуживающему персоналу гостиницы, так как «и речи не могло идти о том, что можно быть настоящим священником и поселиться в их гостинице». Больше того, Николай «облачился в свое церковное одеяние, только оказавшись в помещении посольства»¹⁴.

Биограф Николая не исключает, что митрополит мог работать на НКВД, но не настаивает на этом предположении. Во всяком случае, если Николай и в самом деле сотрудничал с НКВД или работал на него, то это легко объясняет, почему он жил в Гранд-Отеле¹⁵. Помимо ответа на вопрос о том, какие политические хозяева стояли за спиной Николая, о многом говорил и тот факт, что митрополит быстро переделся в церковную одежду, только после того как вошел с Куйбышевской улицы в помещение английского посольства — осенью 1942 г. свобода религии в СССР все еще оставалась витриной для иностранцев.

Книга, которую Николай вручил англичанам, представляла собой особое издание, если учесть издательские трудности в военное время, нехватку в стране бумаги и вообще, как правило, низкое качество дизайна советской книжной продукции. Переплетенная в необычайно качественную, относительно малоокислотную бумагу, книга отличалась привлекательной версткой и ярким декоративным шрифтом. Короче говоря, она была необычной и по своему качеству, и потому, что была публикацией религиозного содержания, выпущенной в Со-

ветском Союзе. Ее напечатали в типографии «Искра революции», где годами печаталась пропагандистская литература «Лиги воинствующих безбожников»¹⁶. Весьма вероятно, что это была первая религиозная публикация со времени революции, которая получила одобрение советских властей¹⁷.

Если судить по приведенным в самой книге цифрам, у нее был сравнительно большой тираж, 50 тыс. экземпляров, причем, англичане позже узнали, что подлинное число напечатанных книг находилось, скорее всего, в районе 10 тыс.¹⁸ Содержание книги, как и обстоятельства ее публикации и распространения, говорят о том, что она предназначалась преимущественно, хотя и не исключительно, для иностранной аудитории. Недели через две после встречи с Николаем Беггалли написал, что «о книге, насколько нам известно, не упоминалось ни в одной из газет на русском языке», в то же время английское издание «Московских новостей» поместило посвященную книге восторженную заметку. Более того, потенциальные советские покупатели не могли просто заглянуть в местный книжный магазин и приобрести или заказать экземпляр книги; по словам Беггалли, «купить книгу даже через церковь не так-то просто. Сказать, чтобы это было вовсе невозможно, нельзя, но, если судить по опыту одного из наших сотрудников, который сходил в местную церковь, требуется написать специальное заявление с указанием, кто ты есть»¹⁹. Рядового советского гражданина, отдающего себе отчет в последствиях открытой религиозной активности, можно было простить за то, что он дважды подумает, прежде чем сделает такое заявление о покупке. К тому же указанная на обложке цена экземпляра была дорогой, но не то чтобы недоступной, почти 30 рублей²⁰. Однако так же, как и в отношении объявленного тиража, и здесь все было не просто — номинальная цена экземпляра отличалась от реальной продажной цены, которая оказалась целых 110 рублей. Узнав об этом конкретном факте обмана, один сотрудник Форин офиса заметил: «Очень занятно... а запредельная цена 110 рублей — это еще одна гарантия того, что книга не получит в СССР широкого распространения»²¹.

Предисловие к книге написал исполняющий обязанности патриарха Сергей, но за ее издание отвечал митрополит Николай, и большинство следивших за русской религиозной жизнью считали его скрывающейся за тронем подлинной силой. Сергей писал, что «эта книга — ответ, прежде всего, на утверждения фашистов, будто они ведут “священную войну”». «Одновременно, — продолжал он, — книга отвечает на общий вопрос: считает ли себя наша церковь преследуемой большевиками и не требует ли освободить ее от таких преследований?» Естественно, ответ на этот вопрос был негативным. Только

«определенные, хорошо известные люди, преследующие собственные продажные и эгоистические интересы», могут утверждать, что православные оказывают советским военным усилиям поддержку, поскольку их к этому принуждают, и что вообще Советы преследуют религию. Сергей признавал, что в первые годы революции, действительно, имели место «эксцессы», но такие вещи были «неизбежны во время массовых восстаний». Утверждения эмигрантов о систематических репрессиях со стороны коммунистов — голая выдумка; люди, которых Сергей назвал «церковной буржуазией», озабочены только конфискацией Советами церковных земель. Но «простые православные», которые остались в России, «склонны видеть в нынешних переменах не преследования, а возвращение к временам Апостолов, когда... священники считали свою службу призванием, а не одной из мирских профессий и средством зарабатывания на жизнь».

Во время войны это утверждение было подхвачено и повторялось многими апологетами советской власти: критиков советской политики в отношении религии обвиняли в том, что их заботила только утрата церковью имущества, а эмигрантами личных состояний. На самом же деле, продолжали развивать эту мысль апологеты, советское правительство оказало советским верующим услугу, отобрав у церкви мирскую собственность и таким образом предоставив ей свободу вернуться на более чистую и благородную стезю, к своей истинной миссии²². Однако аналогию Сергея можно прочесть и по-иному. Если сталинская эра действительно была подобна «времени Апостолов», то это было время жесточайших репрессий со стороны Римского государства. Трудно сказать, пользовался ли Сергей «эзоповым языком», к которому позже прибегали диссиденты, но это вполне могло быть именно так.

Из сказанного Сергием вытекало, что большевики оказали церкви еще одно благодеяние: «Во время и после революции, — признался он, — церковь понесла большие потери», но только потому, что «все искусственные препятствия, которые удерживали людей в составе церкви, были устранены и все номинальные священнослужители ушли от нас». Революция освободила Русскую православную церковь от ее «фатальной» привязанности к аристократии и очистила церковные ряды от оппортунистов и слабых сердцем.

Следует отметить, что, подобно другим примерам искусной пропаганды, в том, что говорил Сергей, была доля правды — во всяком случае, достаточная, чтобы его слова казались правдоподобными. Русская православная церковь действительно страдала от слишком тесного отождествления с царским государством, и многие люди называли себя православными просто для того, чтобы угодить властям

или из карьерных соображений (по той же самой причине позже многие присоединялись к новой государственной церкви — коммунистической партии). Но предреволюционная церковь при всех ее очевидных недостатках показала себя способной генерировать непреходящую верность, невзирая на непрекращающиеся попытки большевиков раздавить ее, пройдя через два десятилетия непрерывных гонений. Вряд ли Советы восстановили православие в качестве доброго жеста в сторону церкви, на что упирал Сергей, а большевики сделали гораздо большее для того, чтобы оттолкнуть людей от религии, чем просто захватили церковное имущество.

Один историк пишет, что из пропаганды в «Правде о религии в России» трудно выделить «христианский посыл»²³. Очень может быть, но при внимательном чтении обнаруживается, что там содержится мысль, важная для православной церкви как института, в высказываниях же Сергея просматриваются контуры соглашения, которое складывалось в тот момент между церковью и советским правительством. Совершенно очевидно, что приведенные выше слова Сергея были очень важны для использования в советской пропаганде, но в написанном им предисловии были спрятаны мысли, вероятно, исключительно важные для него как главы Русской православной церкви. Он писал, что в годы революционных невзгод «левые» в церкви «воспользовались новой свободой, чтобы пренебречь правилами и традициями церкви и устроить свою личную и профессиональную жизнь по своему собственному разумению». Среди тех, кого Сергей назвал «схизматиками», а если учесть, что он упомянул «личную жизнь», то еще и перерожденцами, был Александр Введенский, глава «обновленческой церкви», которую поддерживали большевики²⁴. «Появились последователи произвола и разного рода схизмы, — писал Сергей. — В двух словах. В нашей церкви воцарился невероятный хаос». В такой форме содержался не прямой намек на националистические схизмы, которые после революции возникли на Украине и в ряде других мест.

Однако истинная православная церковь спасла от разрушения самую важную ценность: «В нашей внутренней беспомощности мы могли полагаться только на моральную силу канонической истины, которая и в прошлом не раз спасала церковь от окончательного распада». Он повторил: «Наша церковь не была сметена и разрушена вихрем событий. Она сохранила незапятнанным свое каноническое сознание вместе со своим законным каноническим авторитетом».

Утомившийся читатель легко может настолько отупить от обилия антигерманской и просоветской пропаганды, составляющей основное содержание книги, что не заметит этих исключительно важных слов.

Фактически, Сергей повторил свое противоречивое обязательство, которое в первый раз дал в 1927 г., обещая признать легитимность советского государства, служить ему во время войны и мира и даже отвергать правду о большевистских репрессиях. Взамен за эти услуги советскому государству Московская патриархия снова станет единственным рупором православия по всему Советскому Союзу. В результате этой фаустовской сделки будут отправлены на мусорную кучу истории Введенский со своей церковью, а также отколовшиеся украинские группы.

Если согласиться, что он имел право на лукавство, то рассуждения Сергея, видимо, выглядели следующим образом: после большевистской революции церковь переживала тяжелые времена, но православие не может открыто нападать на советское государство. Однако церковь смотрит далеко вперед, за пределы жизни одного или двух поколений, во всяком случае, русское православие никогда не ждало многого от этого мира. Большевики и другие гонители религии приходят и уходят, но если единство церкви сохранится даже во времена самых тяжелых испытаний, то при благоприятной смене обстоятельств вера сможет восстать из пепла.

Другая глава «Правды о религии» предъявляет обвинения в расколе находящимся за пределами Советского Союза православным верующим, которые настороженно воспринимали проводившуюся советским государством политику религиозных притеснений. Эта глава была перепечаткой статьи, впервые опубликованной в Соединенных Штатах в октябре 1941 г. за подписью Вениамина, митрополита Алеутского и Североамериканского и патриаршего экзарха в Америке. Большая часть русских православных священнослужителей в Соединенных Штатах не признавала власти Московского патриархата, считая, что, подчинившись своим советским хозяевам, он утратил самостоятельность. Один из знатоков русской религиозной жизни заметил, что, не считая Вениамина, «все другие русские епископы в Америке (исключения мне не известны) решительно настроены против Советского Союза»²⁵

Вениамин осудил иерархов Русской православной церкви в Америке как раскольников и с помощью словесно-логической эквилибристики заклеил их еще и как предателей. «Тот, кто предал свою мать-церковь, — гневно отчитывал он их, — не может сохранять верность и государству». Он призывал православных поддержать усилия Рузвельта по оказанию помощи Советам в войне против фашистов и говорил, что критика советской политики религиозных преследований — это отказ от «христианской любви». «Что касается политических прав, — писал Вениамин, — в которых вы видите сущность свобо-

ды... В этот трудный момент никто (в СССР) и словом не обмолвился о таких правах. И как это понятно. Возможно ли в такое время поднимать эти вопросы, да еще не существенные для христианина?»²⁶

На первых этапах войны Советы вели ограниченную пропаганду в религиозной сфере, стараясь показать, что советские верующие пользуются свободой совести и единодушно поддерживают государство в его войне с нацизмом. Теперь, по указанию своих политических господ, патриарх подхватил наступление и расширил его границы. В «Правде о религии» иерархи Русской православной церкви выдвинули следующую сомнительную логику хода мысли: отказ русских православных священников и верующих в любом месте на Земле признать подчинение Московскому патриархату равносильна схизме; схизма помогает нацистам и равносильна мирскому предательству. Больше того, русским православным верующим незачем выступать с призывами к большей политической или религиозной свободе в СССР, так как такие мирские вопросы не должны заботить истинных христиан, им должно посвящать себя совершенствованию своей души, мыслям о следующей жизни, а не делам этого несовершенного мира. Для Московской патриархии линия коммунистической партии была теперь и волей Божьей.

Англичане, которым Николай передал сотни экземпляров этой необычной книги, проглядели церковные и политические тонкости «Правды о религии», увидев в ней только немногим больше, чем «пародию на факты» и «еще одну попытку советского правительства представить себя в благоприятном свете перед церковнослужителями в Объединенном Королевстве и Соединенных Штатах». Английский посол сообщил в Лондон, что эта циничная интерпретация усиливалась тем фактом, что книга «здесь (в Советском Союзе. — С. М. М.)²⁷ не распространяется». После странного визита Николая Беггалли написал: «Несмотря на то, что этот визит может предвещать интересные и важные события... еще слишком рано делать вывод, что имели место какие-то фундаментальные перемены» в советской политике в области религии. «Кремлю потребуется еще многое сделать, прежде чем религия станет играть в этой стране роль, сопоставимую с той, какую она играла до революции или продолжает играть в некоторых других странах». «Без ненужной циничности, — продолжал Беггалли, — можно заключить, что правительство и церковь нашли общий язык»²⁸.

После некоторых внутренних споров правительство Великобритании в конце концов перевело «Правду о религии» на английский, и церковный обмен, который предлагал митрополит Николай, начался в сентябре следующего года с визита английского архи-

епископа Йоркского в Москву²⁹. Однако гораздо важнее пропагандистского эффекта, который имела книга, были заложенные в ней наброски контуров предлагавшегося Сергием конкордата с государством. Она оказалась точным индикатором советской политики в сфере религии.

«Прогулка со стенаниями по трехлетним могилам Смоленска»

Издание и распространение «Правды о религии в России» должно было познакомить американское и английское общественное мнение с некоторыми проблемами Москвы, намного сложнее с пропагандистскими дилеммами у Советов обстояло в Восточной Европе и на Балканах. В 1943 г. у СССР имелся канал пропаганды на славянский мир. Два года раньше, летом 1941 г., Москва создала Всеславянский антифашистский комитет, в задачу которого входило развеять подозрения восточноевропейского славянского населения в отношении Советского Союза и заручиться как можно более широкой международной поддержкой военных усилий Советского Союза³⁰. На протяжении всей войны, явно возвращаясь к старой российской традиции, Советы старались представлять себя Большим братом славянского народа. Однако, невзирая на напряженные усилия Всеславянского комитета, прошлое просто невозможно было стереть из памяти. Именно в 1943 г., когда наметились политические выигрыши для Москвы, вновь обнажились зияющие пропасти между СССР и его славянскими соседями, особенно поляками.

Панславянская карта Москвы не становилась сама собой козырем, достаточно было оглянуться на российскую историю. Еще со времен правления императрицы Екатерины Великой русские цари пытались эксплуатировать стремление балканских и восточно-европейских славян к определению собственной внешней политики, однако результаты этих попыток неизменно расходились с преувеличенными российскими надеждами³¹. Главная проблема заключалась в том, что славяне были далеко не однородной массой, их часто конфликтующие интересы не всегда совпадали с интересами России или ее государства-преемника Советского Союза. Традиционный русский панславизм девятнадцатого века представлял собой мистическую мешанину православия и лингвистического национализма. Русский взгляд на братьев-славян «оставался патерналистским, высокомерным и антикатолическим»³². К несчастью для энтузиастов панславизма в России, не все православные были славянами и не все славя-

не православными. Что еще хуже, многим славянам претил русский патернализм, они считали Россию отсталой, авторитарной и неоправданно надменной.

Как и в девятнадцатом веке, во время Второй мировой войны главным препятствием для объединения славян была Польша — католическая Польша. Высказывавшиеся Россией в предшествующем столетии претензии на роль освободительницы славянских народов от османского и германского господства всегда вступали в противоречие с ее нежеланием отказываться от земель восточной и центральной Польши, которые Екатерина Вторая захватила в конце восемнадцатого века. Для не желавших смириться с царской властью поляков претензии России на титул освободителя звучали насмешкой.

Точно так же начиная, по меньшей мере, с шестнадцатого века полем боя между русскими и поляками была религия, между ними шла борьба за пограничные земли, каждая из сторон стремилась обратить местное население в свою веру. Спорные территории простирались от Литвы на севере до северной границы Румынии на юге и от Брест-Литовска на западе и почти до Минска на востоке. С восемнадцатого века вплоть до 1914 г., когда этот район входил в состав Российской империи, цари предпринимали попытки подорвать влияние католической и униатской церквей и перевести восточнославянское население в православие под эгиду Московской патриархии. И наоборот, когда на этой территории правили поляки, то есть на протяжении семнадцатого и большей части восемнадцатого веков, польские власти делали все, что было в их силах, чтобы оторвать восточных славян от православия и вовлечь их в сферу влияния католицизма, предпочтительно непосредственно, а если это не получалось, то сделать их униатами³³.

В межвоенные годы, когда Польша вышла из хаоса Первой мировой войны и русской революции, восстановив свою независимость от России, территориальное и религиозное соперничество между двумя государствами продолжалось. В результате скоротечной войны с большевистской Россией Польша захватила обширные территории на востоке. Польское право на владение этими приобретениями было утверждено Рижским договором 1921 г., но Москва с этими потерями не примирилась. Этнический состав местного населения на этих территориях был смешанным: белорусы, русины, но больше всего было украинцев. Восточные славяне преобладали в сельской местности, значительный процент населения составляли евреи, по большей части сосредоточенные в городах, повсюду жили поляки, многие из них владели землей, которую обрабатывали восточнославянские арендаторы³⁴. Значительная часть населения была православными христианами.

нами. Польская перепись населения 1931 г. называла цифру 3 762 484 православных верующих в Польше, 1,5 млн из них были украинцами, 903 557 белорусами (поляки называли их белыми рутенами, предположительно, для того, чтобы отличать их от советских белорусов), 497 290 поляками, 99 636 русскими, 21 672 чехами и 696 397 лицами «неустановленной национальности»³⁵.

Для работы с теми, кого не удалось привлечь к католицизму или униатству, польское правительство в 1922 г. при содействии синода православных епископов образовало Польскую православную церковь, которая объявила себя автокефальной. Это означало провозглашение церковной и политической независимости от Московского патриархата, которому до этого момента принадлежала в регионе юрисдикция над православными. Внешним оправданием такого шага было утверждение, что Московский патриархат, находясь под политическим господством атеистического советского государства, утратил свою свободу³⁶. Так оно и было, но второй, неафишируемой, целью было стремление укрепить польскую политическую власть над временами не спокойными православными подданными.

В сущности, с точки зрения польского правительства, провозглашение польской автокефалии было неудовлетворительным решением. Вскоре новая церковь приобрела подлинно украинский характер и стала защищать интересы восточнославянских православных мирян от подчас насильственных действий Варшавы по ополячиванию непольского населения. Разочарованная тем, что Польская автокефальная церковь не выполняет функции по нейтрализации националистической оппозиции, для чего ее и придумали, Варшава стала настаивать на проведении служб в православных церквях на польском языке и либо уничтожила многие православные церкви, либо передала их Римской католической церкви. Она также пыталась, правда, безуспешно, обратить украинцев и других восточных славян в католицизм. Лишенные международной защиты, православные в Польше «были более уязвимы для репрессивной польской политики», чем униаты, которые могли в какой-то степени рассчитывать на поддержку Рима³⁷.

С самого начала провозглашение польской автокефалии вступило в конфликт с международным православным сообществом. Из пяти епископов, принявших участие в синоде 1922 г., двое стояли на том, что такой шаг должен быть сделан только после получения согласия «Матери Церкви», возможно, это было своеобразным дипломатическим прикрытием оппозиции всей этой инициативе³⁸. Московский патриархат, естественно, отказался признать требование автокефалии, провозглашенной без его предварительного согласия, как по-

ступили и в самой Польше многие епископы, которые не присутствовали на синоде. Даже белые русские православные эмигранты в Европе, так называемый карловицкий синод, которые всегда занимали крайне враждебную позицию по отношению к коммунистическому режиму, тем не менее отвергли польскую автокефалию, видя в ней всего лишь маскировку польских политических интриг. Тем не менее в то же самое время Григорий Седьмой, Константинопольский патриарх, самый главный в мире православный иерарх, согласился с решением польского синода, его примеру последовали патриархи Антиохийский, Иерусалимский и Александрийский³⁹. Так обстояли дела, когда в 1939 г. разразилась война, — вмешательство Варшавы в религиозные вопросы вызывало только еще большее отчуждение православных.

Трагическое историческое наследие русско-польского политического, этнического и религиозного конфликта только усугубилось благодаря проводившимся Москвой чисткам и массовым высылкам во время двух лет советской оккупации западных приграничных территорий⁴⁰. Советские репрессии имели целью «обезглавить» местное население, для чего уничтожалась вся правящая элита, что исключало оказание ею в будущем эффективного сопротивления советской власти. В докладе английского кабинета времен войны о польско-советских отношениях говорилось: «Все поведение советских властей со дня вступления в Восточную Польшу в сентябре 1939 года свидетельствует о том, что сами они считали эти территории отошедшими к ним навсегда»⁴¹. По оценкам того времени, число высланных составляло 1,2 млн человек, 50,7% из которых были этническими поляками, 30,15% евреями и 13,15% «другими славянскими национальностями»⁴². Священнослужители как естественная лидирующая группа понесли непропорционально большие потери.

Обезглавить население не удалось. Ни существование общего врага, нацистов, ни подписание советско-польского союза не смогли полностью развеять наследие ненависти и недоверия, которые подпитывались насильственными действиями советских властей. Резиденты западных приграничных земель стремились выяснить, сколько членов их семей, соседей и лидеров избежали ареста и высылки. Пребывавшее в Лондоне Польское правительство в изгнании особенно заботило выяснение судьбы приблизительно 15 тыс. польских армейских офицеров, которые сдались Красной Армии после поражения Польши в сентябре 1939 г. Несмотря на то, что советские тюремщики поначалу разрешали польским пленным офицерам переписываться с семьями, начиная с весны 1940 г. вся связь внезапно прекратилась. НКВД тайно расправился с ними.

Эти массовые убийства получили название Катынского дела по названию места — Катынского леса, — где проходила треть расстрелов⁴³. Подобно высылке ведущих членов гражданского населения с западных пограничных территорий, катынское убийство было трезво взвешенным шагом, и при этом особенно зверским, имевшим целью закрепить советскую оккупацию польских восточных территорий. Польский офицерский корпус состоял на тот момент не только из штатных офицеров, но и из представителей интеллигенции, людей образованных и принадлежавших к довольно привилегированным слоям общества, из которых рекрутировался руководящий класс, способный противостоять советскому контролю над новыми приобретенными территориями⁴⁴. В число убитых входили не только 14 736 пленных офицеров, но еще и 11 тыс. человек, которых по разным соображениям сочли опасными для советского порядка⁴⁵.

В 1939–1943 гг. советско-польские отношения колебались между крайностями. Будучи врагами в 1939 г., оба правительства формально сделали союзниками в июле 1941 г. после того, как нацистское вторжение в СССР невольно бросило Советы и находящееся в Лондоне польское правительство в объятия друг другу. С самого начала этого ненадежного партнерства поляки требовали сведений об исчезнувших офицерах. Когда в конце 1941 г. польский посол в Москве задал о них вопрос Сталину, тот сказал, что ему не известно, где они находятся, сославшись на то, что все польские военнопленные были освобождены, хотя и оговорился, что «иногда с освобожденными что-нибудь случается»⁴⁶. Через месяц, отвечая на настойчивое требование Сикорского сообщить более точные сведения о пропавших людях, Сталин сказал, что они «ушли в Манчжурию»⁴⁷.

Неожиданно в апреле 1943 г. информация о пропавших офицерах пришла из самого невероятного источника — от немцев⁴⁸. Нацисты сообщили 11 апреля, что в своей зоне оккупации неподалеку от Смоленска обнаружили серию массовых захоронений с останками, оказавшимися принадлежавшими трети пропавших поляков, и они предали это гласности с целью вбить клин между членами союзной коалиции⁴⁹.

Московское Совинформбюро немедленно назвало немецкое сообщение «чудовищной выдумкой германо-фашистских негодяев» и обвинило в преступлении самих немцев⁵⁰. Польское правительство в изгнании призвало Международный Красный Крест произвести беспристрастное расследование⁵¹. Но попытка поляков добиться правдивого объяснения убийств, не играя на руку берлинской пропаганде и не раздражая СССР, оказалась невозможной смесью целей и пала жертвой коалиционной политики и потребностей ведения войны.

Правительства Соединенных Штатов и Англии, каждое в отдельности, предприняли собственные внутренние расследования убийств в Катыни, и оба пришли к выводу, что Москва действительно повинна в них. Английское расследование подвело итог длинному анализу советской оккупации восточной Польши самым нелестным заключением: «Если мы сравним обращение с поляками немцев и Советов в этот период (с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. — *С. М. М.*)... человеческие страдания, причиненные Советами польской национальности, ничуть не меньше страданий, причиненных нацистской Германией за тот же период»⁵².

Несмотря на честные оценки, сделанные американцами и англичанами относительно действий Советов в Польше, и Рузвельт, и Черчилль приказали воздержаться от публикации в прессе новостей о Катыньском деле, точно так же они запретили предавать гласности выводы их собственных правительств о виновности Советского правительства⁵³. Оба лидера беспокоились, что скандал может вызвать раскол союза и сказаться на ведении войны. За день до того, как внутреннее английское расследование пришло к заключению об ответственности Москвы за массовые убийства, Черчилль в личном послании Сталину заверял его, что английский кабинет примет меры к ограничению ущерба, причиненного катыньскими разоблачениями, которые он назвал «величайшим триумфом Геббельса»⁵⁴, а также умерит пыл польскоязычной эмигрантской прессы. Сам Черчилль считал, что Советы виноваты в этом преступлении, но, с его точки зрения, интересы ведения войны перевешивали требования справедливости. Премьер-министр писал министру иностранных дел Энтони Идену: «Нет никакого проку разгуливать со стенаниями по трехлетним могилам Смоленска»⁵⁵.

Хотя все члены союзной коалиции знали, что Москва виновна в катыньских расстрелах, у всех, кроме поляков, были причины делать вид, будто это не так. Молотов 25 апреля вызвал польского посла Тадеуша Ромера и обвинил его правительство в подыгрывании «клеветнической» нацистской пропаганде. Воспользовавшись этим предлогом, советское правительство разорвало отношения с Польским правительством в изгнании⁵⁶. Москва определенно знала, что выдвинутые полякам обвинения ложные. В сущности, негодование Молотова по поводу так называемого польского предательства было одним из самых бесстыдных в истории примеров дипломатического лицемерия, потому что его подпись стояла на приказе о расстреле, хотя об этом станет известно только через пятьдесят лет. И американское, и английское правительства знали, что Москва движима скрытыми мотивами, и катыньские разоблачения были для нее «не

очень-то нежелательным поводом», чтобы разорвать отношения с беспокойными поляками⁵⁷

Речь шла о вопросах, в высшей степени важных для Москвы, среди них послевоенные границы СССР, а также состав будущего польского правительства. Сталин и Молотов продемонстрировали виртуозное политическое и дипломатическое искусство, превратив разоблачение собственных преступлений в повод урегулировать эти вопросы в свою пользу. Катыньское дело и выход Русской православной церкви на международную арену были тесно связаны между собой. Церковь могла подкрепить советские территориальные претензии к Польше на этнической, религиозной и исторической почве; она могла помочь разобщению местного населения перед лицом приближающейся Красной Армии, апеллируя к православным, помнящим польские репрессии в межвоенные годы; ее иерархи могли поддержать утверждения Москвы, что Катыньское дело было делом рук нацистов, и, что самое важное, ее появление вновь на международной арене, представлявшееся свободным и свидетельствующим о ее силе, могло успокоить страхи, что советская победа ознаменуется концом религиозной свободы в Восточной Европе.

«Дорогие братья-славяне»

Весной 1943 г. советская религиозная политика совершила резкий поворот, оказавшись в центре попыток Москвы решить вопросы национальностей и реокупации, а также быстро меняющейся советской дипломатической позиции. Как это часто случалось в советской политике, первый сигнал об изменении в религиозной политике прозвучал в речи высокопоставленного руководителя, в данном случае — номинального советского президента Михаила Калинина. Хотя Калинин был политическим нулем, тот факт, что его выбрали для выступления на такую тему, был примечательным в одном отношении: во время предыдущей волны советских репрессий против Русской православной церкви, последовавшей за гражданской войной, Ленин приказал, чтобы Калинин, а не Троцкий, возглавил руководство кампанией. Калинин происходил из крестьян, Троцкий был из евреев, что могло серьезно усложнить запланированную антирелигиозную кампанию среди населения, традиционно настроенного антисемитски⁵⁸. Возможно, Сталин хотел превзойти Ленина в этом, как и во многих других отношениях. Выступая 19 мая 1943 г. перед политическими агитаторами Красной Армии, Калинин сказал, что, ведя коммунистическую пропаганду в рядах вооруженных сил, «иногда сталкиваются

с одной проблемой». Многие солдаты, сказал он, «особенно из более старшего поколения», сохранили свои религиозные верования. «Вы должны помнить, — предупредил Калинин, — что мы никого не преследуем за религию. Мы считаем религию ошибкой и боремся с ней образованием». Советский президент обратился к слишком рьяным молодым коммунистам со словами: «Мы не будем бороться с религией, надсмехаясь над ней»⁵⁹.

Эта речь была не чем иным, как пересмотром истории, которая мстила за себя. Советы, конечно же, начиная с 1917 г. издевались и надсмехались над религиозными верованиями и символами и вообще проводили широкую кампанию, то с большей, то с меньшей жестокостью, против православного духовенства и упорствующих верующих. Нельзя сказать, чтобы его речь в первом приближении звучала особенно умиротворяющее; в отношении религиозной веры она оставалась, в глазах советской власти, «ненаучной», и Калинин еще раз подчеркнул намерение Москвы бороться с верой в будущем, используя для этого монополию советского государства на пропаганду. Тем не менее, если вспомнить о долгой советской войне с религиозной верой, нельзя не сказать, что намеченная Калининным новая линия политики представляла собой важный поворотный пункт в политике Советов по отношению к религии, что станет очевидным в последующие месяцы. После выступления Калинина условия для Русской православной церкви начали улучшаться почти сразу, но медленно. Выбор времени для выступления Калинина был не случаен. Историки русской церкви, интересующиеся, главным образом, внутренними русскими делами, обычно не замечают, что новая религиозная политика Советов, хотя еще в эмбриональном состоянии, совпала с еще одним знаменательным сдвигом, на этот раз в области советской внешней политики. Точно так же историки советской дипломатии и военных дел проходят мимо связи между иностранными делами, военной ситуацией и изменениями в политике по отношению к церкви. Через три дня после речи Калинина, 22 мая, Кремль объявил о роспуске Коминтерна⁶⁰. Причин для такого шага было много, но, главное, нужно было успокоить страхи Запада, что Советский Союз, преследуя нацистские армии в Восточной и Центральной Европе, силой навяжет коммунизм странам этих регионов⁶¹. Чуть больше, чем через неделю после сообщения об этом, отвечая на вопросы Гарольда Кинга, главного московского корреспондента агентства Рейтерс, Сталин сам назвал четыре причины роспуска Коминтерна: первое, это опровергнет утверждения гитлеровцев, будто Москва стремится «большевизировать» своих соседей; второе, это опровергнет «клевету», будто «коммунистические партии в разных странах действуют не в интересах

своих народов, а по приказам извне»; третье, это поможет «объединению свободолюбивых народов в единый интернациональный лагерь» против нацизма; и, наконец, это облегчит работу патриотов всех стран за объединение прогрессивных сил их стран, невзирая на партийную или религиозную принадлежность, в единый лагерь национального освобождения для развертывания борьбы с фашизмом»⁶².

Как следует из осторожного ответа Сталина, роспуск Коминтерна означал возвращение к предвоенной политике «единых фронтов», то есть призыву к созданию коалиций руководимых левыми (на советском жаргоне «прогрессивных») партий. Это позволило бы численно слабым, но политически сплоченным коммунистическим партиям Восточной и Центральной Европы занять место в центре широкой антифашистской коалиции в своих странах и таким образом сыграть определяющую роль в формировании послевоенных правительств. Во всяком случае, Сталин никогда не был высокого мнения о Коминтерне, считая его говорильней, заполненной недисциплинированными пустозвонами. К этому этапу войны вполне заслуженная репутация Коминтерна как проводника узких иностранных коммунистических интересов Москвы становилась, мягко выражаясь, обузой для советской дипломатии⁶³. Последствия этого поворота кремлевской политики сразу же ощутили на себе коммунистические партии по всему миру, от Югославии, где Советы потребовали от титовских партизан уделять идеологии меньше внимания, до коммунистической партии США, которая, фактически, самораспустилась в 1944 г.⁶⁴

Часто при обсуждении роспуска Коминтерна не обращают внимания на сталинские слова о важности «религиозной веры». Но еще весной 1943 г. в союзнических дипломатических кругах мушкетировались слухи о том, что прекращение деятельности Коминтерна предвещает изменения в советской религиозной сфере. Вашингтонский корреспондент «Нью-Йорк таймс» сообщил 27 мая, что «лица, занимающиеся отношениями с русскими, считают, что за роспуском Коммунистического Интернационала, может быть, последует какой-то жест в области религии, чтобы успокоить подозрения в отношении Москвы за границей». Хотя само по себе это было правильно, предсказания не подтвердились. Далее отмечалось: «Это, по их словам, может принять форму договоренности с Ватиканом, возможно, конкордата, разрешающего свободу католическим школам и монашеским орденам в России»⁶⁵.

На самом же деле, как покажет ближайшее время, изменения, планировавшиеся Кремлем, должны будут коснуться Русской православной церкви, а не других конфессий, поскольку русская церковь обладала активами, в которых нуждались Советы для решения сво-

их политических и дипломатических проблем. Первое, самое громкое публичное упоминание о новой советской религиозной политической линии прозвучало на третьем Всеславянском съезде. Первые два таких съезда, в 1941 и 1942 гг., были сравнительно непримечательными событиями с дежурным перечислением германских зверств, зачитывавшимися левыми, которые спасались в СССР от немцев, или коммунистами из других славянских стран. Тем не менее конгрессы помогли заполнить пропагандой московское радиовещание на Восточную Европу. До 1943 г., за рядом отдельных исключений, это вещание носило полностью светский характер и велось грубо и прямолинейно. Россия, и царская, и советская, рисовалась Большим братом меньших славянских наций. В середине 1942 г., например, советские директивы о пропаганде на болгарского слушателя подчеркивали, что вещание должно «конкретно показывать, в каком глубоком долгу находится болгарский народ перед русским народом, оказавшим помощь болгарскому народу в борьбе за его национальную, государственную и культурную независимость». Более тонкую линию проводило московское радио для того, чтобы посеять раздор в ряды нацистской коалиции, культивируя румыно-венгерские противоречия. В этих целях управление пропаганды и агитации выдвинуло лозунг: «Румыны! Защитите свою землю от венгерских захватов, боритесь за возвращение северной Трансильвании, отданной Гитлером Венгрии»⁶⁶.

Русская православная церковь участвовала в обращениях к народам Балканского полуострова. В двух передачах, одна 22 ноября и вторая 9 декабря 1942 г., митрополиты Сергей и Николай выступили с обращениями: «Братьям по вере! Солдаты румынской армии!». Митрополиты порицали румынских солдат за участие в гитлеровской агрессивной войне против «мирных православных русских людей» и братских православных верующих. Нацисты мечтали о завоевании мира, но «мощный союз России, Америки и Англии, сжимая кольцом фашистскую Германию и ее вассалов, наносит смертоносные удары по гитлеровцам, и час краха нацизма не за горами». Наконец, митрополиты заявляли, что «румынский солдат не может забывать того, что кровью русских солдат в войне 1877–1878 гг. была завоевана государственная независимость и свобода национального существования Румынии». Румынский народ вечно обязан России. Излагая свои аргументы в характерной христианской манере, митрополиты вторили друг другу: «Ваш воинский и христианский долг не умирать за немцев, обескровивших вашу землю и ввергнувших ваш народ в бесчисленные страдания. Ваш христианский долг немедленно покинуть немецкие ряды и перейти на сторону русских, искупив, таким образом, грех сотрудничества

с преступными немцами и выполнив священный долг нанести поражение врагу человечества»⁶⁷

Эти два обращения были специально приурочены к началу советского контрнаступления под Сталинградом 19 ноября. Они зачитывались на румынском языке по радио и разбрасывались над расположением румынских войск в листовках. Красная Армия направила главный удар против северо-западного фланга немецкой Шестой армии, увязшей в бесплодных уличных боях. Румынские дивизии занимали этот важный отрезок линии фронта стран Оси, и советское наступление быстро расправилось с ними, создав предпосылки для взятия в кольцо более мощных немецких войск. К сожалению, невозможно установить, побудили ли эти обращения православных митрополитов хотя бы одного румынского солдата перебежать. Но, так или иначе, радиопередачи показали две вещи: впервые советская пропаганда была готова обращаться к иностранной аудитории на характерном христианском языке, и такие обращения были тщательно привязаны к самым критическим событиям войны. Подробности советского наступления на румынские позиции под Сталинградом не были известны всем и каждому, но, конечно же, те, кто руководил выступлениями русских православных иерархов, были осведомлены о совершенно секретных военных планах.

Обращения к румынским солдатам указывают, в каком направлении развивалась пропаганда и церковная политика — весной 1943 г. роль церкви во внешней политике станет намного заметнее. Всего за несколько дней до роспуска Коминтерна, 9 мая 1943 г., в Москве в Колонном зале, где в прежние времена устраивались показательные процессы сталинских чисток, собрался третий Панславянский съезд. Делегатов ожидал сюрприз. Без каких-то прогремевших заранее громких фанфар в качестве делегатов в зале появилось несколько высокопоставленных духовных лиц православной церкви. Один присутствовавший на заседании не названный по имени источник рассказал англичанам: «Самым поразительным зрелищем было присутствие приблизительно тридцати пяти греко-православных священников в рясах, на золотых, серебряных и медных цепочках у них висели их лучшие кресты, которые надевают к обедне. Три или четыре креста были украшены прекрасными драгоценными камнями. Священники расселись небольшими группами по три-четыре человека, некоторых сопровождали жены». Зрелище действительно было необычным для Москвы, где считалось неслыханным, чтобы священник появился на людях, еще меньше, чтобы принимал участие в официальных мероприятиях во всем своем облачении. Как заметил этот источник, «фотографы и кинооператоры кинулись снимать аудиторию», чтобы

запечатлеть эту беспрецедентную сцену. Участники конгресса также понимали уникальность присутствия в зале духовенства, «главный интерес аудитории сфокусировался на достопочтенном митрополите Киевском, одетом в дорогую синюю рясу с двумя массивными золотыми крестами, который держался так, словно последние двадцать пять лет он сидел в почетном первом ряду на всех национальных и пан-национальных встречах».

Аудитория вежливо слушала делегатов Польши, Чехословакии, Украины и других славянских наций, они говорили о войне и немецких зверствах. К середине выступлений большинство слушателей, по-видимому, от них устало, все они вращались вокруг привычных тем пропаганды военного времени.

«Затем председатель предоставил слово Николаю, митрополиту Киевскому и Галицийскому. Когда он встал, в зале разразилась овация. Я был потрясен! Приветствия зала никак не давали ему начать. В изумлении я оглядел зал. Все радовались так, словно с души свалился тяжелый камень. Его приветствовал не только зал, не так долго, но столь же горячо, ему аплодировал президиум».

Получив такой прием, митрополит не разочаровал слушателей.

«У Николая были записки, но он к ним не обращался. Он говорил восхитительно, ни разу не запнулся и не сбился, целых восемнадцать минут, глядя прямо в зал и говоря в микрофоны, чувствовалось, что он обращается к миллионам верующих православной церкви, слушающих голос православного верующего из святой Москвы»⁶⁸.

Выступление Николая было захватывающим, он блестяще использовал свое положение священнослужителя, чтобы вдохнуть новую жизнь во всем знакомую советскую пропаганду. Он сразу начал с самой насущной непосредственной угрозы славянскому единству, Катыньского дела. Накануне, в ноябре, сказал Николай, его назначили членом советской комиссии для расследования немецких военных преступлений, и он свидетельствует, что советское правительство не несет ответственности за совершенные в Катыни убийства. Как второй по положению иерарх Русской православной церкви Николай готов был поддержать моральным авторитетом своей церкви утверждения Москвы, что преступление совершили нацисты. Немцы повинны не только в преступлении, заверил он аудиторию, но также в клеветнических попытках представить его как дело рук Советов. Польское правительство в изгнании, требуя беспристрастного расследования убийств, могло, косвенным образом, оказать врагу добрую услугу.

Особое место в выступлении Николая занимала принятая немцами тактика апеллирования к религиозным верующим. Уверения немцев, что они ведут «крестовый поход в защиту веры», лживы. На самом

деле Берлин ведет «сатанинскую борьбу с церковью, с христианством». «Дорогие братья-славяне! — продолжал Николай. — Все вы хорошо знаете, что Гитлер самый злостный враг христианства!» Нацисты превратили православные храмы в конюшни для своих лошадей, осквернили и разрушили десятки церковных зданий, расстреливали священников и верующих. Страдальцы не только русские, сказал Николай и особо выделил сербов, словенцев, хорватов и болгар, которые тоже испытали нацистские репрессии. «Наша борьба с этими врагами — священный долг каждого христианина», — провозгласил Николай, — славяне-христиане должны «питать в себе священную ненависть к врагу». Николай рассказал, как Русская православная церковь собрала деньги на танковую колонну «Дмитрий Донской», и связал с русской исторической традицией помощь церкви государству в ведении войны. «Дорогие братья-славяне! Хочу сказать вам, что православная церковь, которая на протяжении всей русской истории жила одной жизнью со своим народом, теперь, в дни Великой Отечественной войны, отдает всю себя служению родной земле и русскому народу, переживающему это трагическое время»⁶⁹ Выступление Николая было исключительно зрелищным, но что интересно, в нем, как заметил английский источник, отсутствовал элемент, обязательный для всех выступлений в Москве военного времени: «Митрополит не упомянул Сталина, советское правительство, Красную Армию, военно-морской флот или военно-воздушные силы». Он обратился к православным верующим, где бы они ни находились, призывая отдать все силы борьбе с силами зла, тьмы и Сатаны, выступающему теперь под личиной гитлеризма. Он со своей церковью благословлял всех, кто участвовал в Священной войне. «Закончив выступление, Николай скромно прошел на свое место за столом президиума. Я оглянулся на зал. Многие плакали, особенно священнослужители»⁷⁰.

Несмотря на то, что непосредственные результаты таких пропагандистских встреч, как правило, были ограниченными, они являлись важным индикатором планов Москвы на будущее, и участники, несомненно, были восходящими звездами. Многие из делегатов вроде поляков В. Василевской и С. Берлинга, а также чехов З. Фирлингера и Л. Свободы станут через несколько лет членами правительств, поставленных у власти Красной Армией после ее оккупации Восточной Европы. Одним из важных признаков того, что Кремль придавал важное значение религиозному общественному мнению, особенно в Восточной Европе, стало появление в такой компании русского православного духовенства и его участие в организованном правительством публичном мероприятии — впервые за время, истекшее со времени большевистской революции 1917 г., если не считать, конечно,

его присутствия на показательных процессах в качестве осужденных преступников. Сталин сам назвал национализм и религиозную веру главными силами, которые Советы должны обхаживать, вступая в Восточную Европу, — Русская православная церковь пошла в ногу с этой линией.

Отсутствующий патриарх

Вслед за третьим Панславянским Съездом начала медленно проявляться новая религиозная политика Москвы. Она незаметно усилила советское дипломатическое наступление на лондонских поляков, набравшее ход после катыньских разоблачений. Весной 1943 г. поляки в СССР начали проявлять беспокойство по поводу того, что Русская православная церковь вновь намерена подчинить Московской патриархии православных резидентов бывших польских восточных областей. Распределение канонической власти было делом не второстепенным, так как если бы Московская патриархия вернула себе власть, то она, точнее, ее советские хозяева, могли решать епископальные назначения и, что еще важнее, отлучать от церкви духовенство, отказывающееся сотрудничать с коммунистическим режимом. Кто бы ни контролировал отбор и назначение священников, он был бы в состоянии, осуществляя эти функции, создать на местах широкую сеть проверенных и надежных людей.

Конечно, в этой угрозе не было ничего нового. Начать с того, что Московская патриархия никогда не соглашалась с потерей своей власти в этом регионе. До этого момента, однако, поляки всегда отвергали претензии Москвы с помощью двух убедительных аргументов. Первое, учреждение автокефальных церквей в пределах независимых стран было давней традицией в Восточном православии. Патриарх Константинопольский, старший православный иерарх, признал польскую автокефалию, когда она была провозглашена в 1922 г., так же поступили патриархи Антиохийский, Иерусалимский и Александрийский⁷¹. Они сделали это, посчитав, что при коммунистическом режиме Русская церковь утратила свободу.

Второй аргумент поляков, с точки зрения церковного права, был более весомым. Как говорилось в пропагандистской брошюре, напечатанной в 1940 г. Польским правительством в изгнании, Московская патриархия не имеет права ссылаться в свою защиту на каноническое право, «признавая неверующий советский режим, и у нее нет духовного главы, способного с реальным авторитетом разговаривать от имени веры». «Митрополит Сергей проявил в своих действиях прискорб-

ное раболепство (перед советским правительством. — *С. М. М.*)», — утверждали поляки, — кроме того, после смерти патриарха Тихона в апреле 1925 г. Советы не позволяли проводить выборы его преемника. Нынешний глава церкви, митрополит Сергей, был всего лишь патриархом *locum tenens*, исполняющим обязанности патриарха. Поляки, а также мятежное православное духовенство⁷² во всю использовали этот факт, ссылаясь на то, что, не имея настоящего патриарха, Москва не может претендовать на каноническое верховенство над ними. «Буква закона требовала выборов преемника (Тихона. — *С. М. М.*)... Следовательно, все протесты Русской церкви как религиозного института, а в еще большей степени неканонического Сергия, не могли считаться Польской православной церковью обоснованными»⁷³.

Русские православные иерархи были полностью осведомлены об этой слабости в их позиции — отсутствие истинного патриарха подрывало их усилия по борьбе с схизматиками. Тем не менее 29 марта 1943 г. Сергей выпустил в поляков стрелу, вручив польскому представителю в Москве ноту с изложением русских намерений касательно православия в западных пограничных областях. Сергей писал, что вопрос об автокефалии Польской церкви «был темой широких обсуждений» среди русского духовенства. Исполняющий обязанности патриарха подчеркнул ряд взаимосвязанных вопросов. «Вопрос об автономии Польской православной церкви, — заявил он, — может решаться на базе закона, беспристрастно и в духе доброй воли только на прочной основе религиозного права и при отказе от всех политических национальных и других влияний особенно, поскольку это будет происходить в соответствии с прекраснейшей послевоенной реконструкцией международных отношений, воплощающей мечты и цели всех цивилизованных наций».

Так в иносказательной форме было указано, что Польская православная церковь не вправе требовать автономии, просто исходя из своего положения церкви в независимом государстве. Любое окончательное решение относительно автономии якобы будет приниматься на чисто религиозной, а не политической базе. Ссылку Сергия на то, что национальные и политические соображения неуместны применительно к церковным вопросам, нельзя считать искренней, она противоречила церковной истории, а также его собственному сотрудничеству с Кремлем.

Из первого аргумента Сергия логично вытекал второй, где он обращался к каноническому праву.

«В соответствии со Священными канонами епархия Великокорсия и Украина (*sic!* — *С. М. М.*), ставшая потом частью Польского государства, до этого входила в Московскую патриархию и в каче-

стве ее части должна была признать патриарха Московского своим главой (закон Апостолов 34) и упоминать его имя во всех церковных службах. Они не могли сами освободиться из-под его юрисдикции, не имея на то его согласия и благословения. Благорасположение других патриархов и глав православной церкви к автономии Польской православной церкви может свидетельствовать о их доброй воле и... благих намерениях сотрудничать в поддержании миролюбивых отношений между православными церквями и ни в коем случае не может быть каноническим обоснованием автономии».

Сергий напомнил также, что Московская патриархия никогда не признавала претензий польского православия. Автокефалия была объявлена «вопреки резким протестам покойного святейшего патриарха Тихона» и его преемников, добавил Сергий.

В качестве четвертого аргумента Сергий обрушился на поляков с критикой:

«За отказ признать главу Церкви Правило 15 двух съездов предписывает, чтобы виновный “оставался полностью отчужденным от всего духовенства” Но поскольку мы еще не собирали общий конгресс, который принял бы именно это решение в отношении польских архиепископов, мы не можем считать их отрешенными от должности и считаем только, что они отделились от сообщества и пребывают в состоянии расхождений с Церковью. Поэтому мы признаем их духовный сан и религиозную деятельность и не отвергаем их, но все их административные решения и суждения объявляем незаконными и никого не обязываемыми».

Вэтом крылась главная проблема: Сергий молча признавал, что, по крайней мере, на тот момент, его церковь не обладала властью поставить мятежников на место. Не будучи в состоянии, благодаря своим коммунистическим хозяевам, в течение полутора десятка лет избрать нового патриарха, Русская православная церковь могла лишь беззубо повторять протесты против польских схизматиков. Аргументация Сергия обнажила слабость юридических позиций Русской церкви и позволяла догадываться, какое направление примет советская религиозная политика в последующие месяцы.

Сергий завершил свое послание упоминанием, что несколько неназванных им православных архиепископов на Украине и в Белоруссии, регионах, составлявших до 1939 г. часть Польши, сохранили лояльность Москве и отвергли автономию украинско-польских схизматиков. В числе этих священнослужителей было «несколько тех, кто даже принимал участие в создании этой автономии», но впоследствии раскаялся и вернулся в лоно Матери Церкви. «Поскольку архиепископы, признающие юрисдикцию Московской патриархии,

образуют огромное большинство в Белой России и на Украине (sic! — С. М. М.), автономию... в этих районах следует считать несуществующей и не требующей изучения».

Наконец, Сергей указал, что некоторые формы польской автономии могут в будущем стать предметом обсуждения, несколько неопределенно написав, что «еще слишком рано разбираться в этом вопросе детально», но «при наличии доброй воли с обеих сторон, избавившись от старых предрассудков, можно решить этот вопрос безболезненно для обеих сторон». Далее Сергей продолжал: «Сам факт, что эта церковь окажется в границах суверенного государства (Польша. — С. М. М.), делает ее независимой во всех внутренних вопросах. Остаются только вопросы религиозных догм, важных канонов, литургических (sic! — С. М. М.) обычаев и т. п.»⁷⁴.

На первый взгляд, аргументация Сергея кажется странной: сначала он решительно доказывает, что Польское православие не может канонически требовать автономии от Москвы, просто ссылаясь на то, что находится на территории независимого государства, а потом он, по всей видимости, избирает противоположную позицию. Однако кажущееся противоречие в его аргументации исчезает, стоит только вспомнить, что Сергей считал послевоенную Польшу утратившей свои восточные территории, а с ними и подавляющее большинство православных граждан. Число православных, которые окажутся оставленными в сильно уменьшившейся Польше после территориального урегулирования, могло быть ничтожно малым, а потому по этому вопросу не стоило ломать копья⁷⁵.

Для поляков не были тайной невысказанные Сергием политические мотивы. М. Вязницкий, чиновник польского министерства иностранных дел, написал полемический памфлет на двадцать семь страниц и передал его в английский Форин офис. Адресуя обвинения Русской церкви, он изложил версию религиозной истории региона в пользу поляков, в такой же степени предвзятую, как и послание Сергея, которое отвечало русским интересам. Религия в Польше, писал Вязницкий, «всегда имела внутренний и внешний аспекты». В истории независимой Польши «было несколько случаев вмешательства Московской патриархии во внутренние дела». Польские православные «настроены резко против русского влияния», так как религия в Польше развивалась «в рамках западной культуры и цивилизации». Православные в Польше «полностью отличаются от своих братьев на востоке». Такое прочтение истории обходило тот факт, что в 1920-е гг. многие епископы не хотели отделения от Москвы, и обходило молчанием серьезную этническую напряженность, существовавшую внутри предвоенной Польши, и использование церкви

самим польским правительством в качестве инструмента политического контроля.

Невзирая на это, Вязницкий, критикуя мотивы Москвы, стоял на более прочных позициях. Он писал, что русские исторически использовали церковь для экспансии на запад и укрепления своего контроля над нерусскими районами. «С конца XVIII века вплоть до большевистской революции Русская православная церковь была орудием русской политики по отношению к Польше»⁷⁵. В другом польском послании предупреждалось, что Сталин «возобновляет традиционную политику старой России, которая сделала из православной церкви инструмент своей политики в отношении соседних государств и иностранных религиозных организаций». В записке напоминалось англичанам, что коммунистическое государство уже однажды использовало церковь, когда аннексировало западные пограничные области в 1939 и 1940 гг.: «Патриаршая церковь сыграла свою роль в отношении Польши, прибалтийских государств и Румынии, принудив православные церкви этих стран к союзу с Москвой. Патриаршая церковь поддержала завоевание этих земель советским правительством и выказала свое полное согласие с политикой Кремля».

Поляки в течение нескольких столетий находились в состоянии религиозно-политических схваток со своим гигантским восточным соседом, и для них направление новой сталинской политики было очевидно: «Сегодня Московская патриархия... нужна Советскому Союзу не только как инструмент поддержания его претензий и расширения его влияния на землях, аннексированных в 1939–1940 гг., но также и как средство оказания влияния на Балканы и Восточные патриархии. Церковная политика митрополита Сергия не больше чем ширма для политики Советского Союза, пытающегося воспользоваться церковью для продвижения амбиций Москвы»⁷⁷

Не удивительно, что при таком толковании русских мотивов поляки ответили на меморандум Сергия, скрупулезно разбирая его пункт за пунктом. Записка Сергия исходила из того, что Польша теряет свои восточные провинции, хотя в тексте такого утверждения напрямую не было, но советское правительство в 1918 г. отказалось от своих, оставшихся еще с восемнадцатого века, претензий к Польше. В Рижском договоре Москва признала польский суверенитет на восточные провинции. Что касается советского вторжения в сентябре 1939 г., совершенного вместе с нацистами, то Кремль в июле 1941 г. согласился аннулировать советско-нацистские территориальные договоренности относительно Польши. Ставить сейчас под сомнение суверенитет Польши, что, очевидно, делал Сергей, значит, нарушать

эти предыдущие соглашения, и это представляет собой тревожный сигнал о направлении советской политики. Предположение Сергия, что СССР оставит за собой восточные провинции Польши, говорилось в документе, «в настоящий момент, когда идет четвертый год войны, пропагандируется только Германией, с которой Организация Объединенных Наций, а значит, и Советский Союз тоже, находится в состоянии войны».

Сергий не имел права исходить из того, что Польша потеряет свои восточные провинции, или претендовать на власть над православными поляками; русское православие «всего лишь одна из многих ветвей православной церкви». Декларация церковной независимости была поддержана несколькими православными патриархами, включая Константинопольского, который, как писал Вязницкий, «для Восточной церкви то же, что папа для католического мира». Это было лукавством, потому что, хотя патриарх Константинопольский действительно старший иерарх Восточного православия, тем не менее в Восточном христианстве он никогда не был равнозначен папе. Спор по этому вопросу, как известно, послужил одной из причин раскола с Римом.

Затем поляки дали залп из самого мощного, по их представлению, орудия: «Кроме того, непрерывность Патриархии была прервана в 1923 г., и до сих пор в Советском Союзе не собирался генеральный конгресс для нормализации положения в церкви». Это было ясно даже русскому духовенству:

«Насколько хорошо Примат Серж и его советники архиепископы понимали слабость их аргументации, видно из того, что они не принимали решений относительно применения признанных церковных санкций, а только излагали свое мнение, которое никого ни к чему не обязывает... Пункт Четвертый письма Примата не может даже лишить сана польских православных епископов и стыдливо признает, что религиозные санкции не были приняты против них только потому, что до сих пор не проводился русский генеральный конгресс. С другой стороны, представители Польской православной церкви могли бы задать Примату Сержу вопрос, почему такой конгресс до сих пор не созывался».

Поляки, по-видимому, были уверены, снова и снова в таком насмешливом тоне возвращаясь к этому вопросу, что атеистическое советское правительство наверняка никогда не пойдет на созыв в СССР любого такого церковного совета. Этот оптимизм вскоре не оправдался. Поляки и многие другие верили, что враждебность Советов к религии величина неизменная, что пропасть между марксистским материализмом и религиозной верой непреодолима и что

наследие советских антирелигиозных репрессий слишком прочно укоренилось, и пока у власти коммунистическое правительство, нечего думать о возрождении Русской православной церкви.

В некотором смысле сомневающиеся не ошибались. Москва, как покажут события, не предполагала подлинного сближения между церковью и государством. Коммунисты были готовы использовать Русскую православную церковь для решения проблем военного времени, но все еще, в широком смысле слова, считали ее врагом. Тем не менее зима 1942–1943 г. стала водоразделом в истории русской церкви. До этого времени она лишь поднималась со дна, куда ее загоняли до 1939 г. Она выполняла поручения Кремля во время оккупации западных пограничных областей, а после нападения нацистов выступала с патриотическими обращениями и поддерживала советскую военную политику, даже когда это означало забвение репрессий, пережитых ею от рук ее политических господ.

К лету 1943 г., однако, наблюдая возрождение церкви, уже больше не казалось фантазией представить себе, что Русское православие восстало из могилы и будет играть ограниченную публичную роль в русской политической и духовной жизни. Обычно осторожный английский обозреватель русской религиозной жизни того времени писал: «Я не думаю, что у советского правительства изменилось негативное отношение к церкви, очень сильно изменились его действия. Судя по тому, что делает советское правительство последние годы, это не решимость извести религию. Возможно, завтра она появится. Сегодня ее нет»⁷⁸.

Сквозь сталинскую вечную мерзлоту стали пробиваться первые робкие ростки публичной реабилитации. В отличие от предыдущего года пасхальные поздравления были напечатаны в русскоязычной прессе, а не только в газетах и пресс-релизах для иностранной аудитории. Публично объявленное участие митрополита Николая в Чрезвычайной комиссии по расследованию немецких военных преступлений и опубликованные в прессе его речи и обращения к восточным славянам также, по-видимому, были важными шагами к реабилитации церкви.

Верующие в Советском Союзе как обитали во враждебном окружении, так и продолжали обитать, какие бы очевидные изменения ни происходили в их церкви. В школах дети все еще получали антирелигиозное образование, хотя и в менее агрессивной форме, священникам было запрещено вести религиозное обучение в группах, численностью более трех человек, не имелось семинарий, родители, изъявлявшие желание крестить своих детей, все еще должны были регистрироваться у светских властей, делаясь заложниками

любых будущих изменений текущей партийной линии касательно терпимости к религии. Церковь еще не могла печатать Библию или свою религиозную литературу — единственным исключением была «Правда о религии в России». Социальная или благотворительная работа, кроме сбора денег на нужды войны, считалась незаконной, и даже сбор средств на войну велся без всякого публичного освещения и ограничивался уже действующими церквями. Все еще не открывались новые церкви. Короче говоря, изменения пока шли сверху вниз⁷⁹.

До этого момента в войне Москве удавалось искусно манипулировать церковью и ее символами. У нее получалось направлять силу религиозной веры, моральный и политический авторитет церкви на укрепление советской внешней и внутренней политики. Так продолжалось и дальше, и за оставшиеся два года войны роль церкви продолжала расти. До середины 1943 г. власть распространялась только в одном направлении — сверху вниз. Советское правительство осторожно использовало церковь в своих нуждах, при этом предвзято подлинные самопроизвольные религиозные проявления. Однако новая линия была чревата риском. Когда Москва позволила церкви играть более видную публичную роль и когда Красная Армия освободила от немцев районы, где советский политический контроль еще не пустил глубоких корней и где были сильны позиции независимых церквей, Кремль обнаружил, что больше не может во всей полноте контролировать процесс, который только что запустил в действие. Появилась необходимость справляться с давлением снизу, требующим перемен, и с замешательством в собственных рядах по поводу того, как это делать.

«Семь»

Примечания

1-1

- ¹ Полные цифры действующих церквей по областям см.: Г. Карпов — Г. Александрову. Совершенно секретно. 30 августа 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 131. С. 1408. Более подробно об открытии церквей см. гл. 4.
- ² Примечательным исключением было приветствие Сталину Патриарха Юсупа и митрополита Николая по случаю двадцать пятой годовщины большевистской революции, опубликованное в «Известиях» 10 ноября 1942 г.
- ³ Два обращения Русской православной церкви к румынским солдатам были переданы по советскому радио 22 ноября и 19 декабря 1942 г.: «Братья по вере! Солдаты румынской армии!» и «К румынским пастырям и пастве». РПЦВОВ. С. 77–79, 80–82. См. также: Сергей. Патриарх Сергей и его наследство. С. 135–136.

- ⁴ Weinberg. *A World at Arms*. P. 408–470.
- ⁵ Богдан Бочуркив, автор наиболее свежих исторических исследований по униатской церкви, пишет, что «в Галиции, испытавшей меньше угнетений, чем другие оккупированные немцами части Украины, большинство украинцев, перенесших советское правление в 1939–1941 годах, считали немецкую оккупацию злом, меньшим, чем советская реаннексия». Bohdan Bociurkiw. *The Ukrainian Greek Catholic Church and the Soviet State (1939–1950)*. P. 65. Как пишет послевоенный историк Молдавии, «та часть населения Молдавии, которая более или менее лояльно относилась к советской власти, изменила свое отношение после проведения кампании высылки». Пассат В. И. Потери Республики Молдова в годы Второй мировой войны // *Людские потери СССР в период Второй мировой войны*. Российская академия наук. С. 120.
- ⁶ Цит. по: Miner. *Between Churchill and Stalin*. P. 186–190.
- ⁷ В мае 1942 г. англичане были готовы подписать с СССР договор о признании советских претензий на три прибалтийских государства, если Москва в обмен пойдет на компромисс касательно польских границ. Когда Советы отказались сделать это *quid pro quo*, Лондон отозвал свои предложения и не стал подписывать никакого договора с территориальными статьями. Рузвельт, в свою очередь, не стал подписывать никакого публичного соглашения по изменению границ, но сказал советскому послу Максиму Литвинову, что Соединенные Штаты не могут и не станут возражать против советского контроля над этими государствами после войны. *Ibid.* P. 184–251.
- ⁸ *Документы по польско-советским отношениям*. V 1. P. 141.
- ⁹ Miner. *Between Churchill and Stalin*. P. 240.
- ¹⁰ Литвинов – Молотову. 2 июня 1943 г. Полный текст см.: *Perlmutter. FDR and Stalin*. P. 230–246.
- ¹¹ Lacy Baggallay (Kuibyshev) to Foreign office. The Metropolitan of Kiev. September 20, 1942. PRO FO 371/32950.
- ¹² First secretary of Soviet Embassy to Foreign Office. December 1, 1942. PRO FO 371/32950.
- ¹³ Baggallay to Foreign Office. September 20, 1942. PRO FO 371/3295.
- ¹⁴ Baggallay to Foreign Office. The Metropolitan of Kiev. September 20, 1942. PRO FO 371/32950.
- ¹⁵ Интересно отметить, что никаких документов относительно контакта Николая с англичанами в архивных папках Центрального Комитета ВКП(б) по соответствующим ведомствам, обычно отвечавшим за внешнеполитическую пропаганду, ВОКС и Информбюро, не содержится. Само по себе это еще недостаточное доказательство того, что Николай работал непосредственно с тайной полицией, но в то же время и ни в коей мере не снимает с Николая таких подозрений. Fletcher. *Nikolai*.
- ¹⁶ Foreign Office memorandum by J. L. R. February 17, 1943. PRO FO 371/36961; Pospelovsky. *The Russian Church under the Soviet Regime*. V. 1. P. 197.

- 17 Из одного источника следует, что небольшой тираж Библии был разрешен к изданию в 1920-х гг. Foreign Office memorandum. The Position of the Orthodox Church in the Soviet Union. G. W. Berry and G. Reavey. September 20, 1942. PRO FO 371/3295; Anderson. People, Church and State in Modern Russia. P. 17
- 18 Foreign Office memorandum by J. L. R. February 17, 1943. PRO FO 371/32961.
- 19 Baggally (Kuibyshev) to Warner (London). October 3, 1942. PRO 371/32950, так же PRO INF 1/792.
- 20 Moscow Embassy to Foreign Office. The Truth about Religion in Russia. September 20, 1942. PRO FO 371/32950.
- 21 Armine Dew memorandum. February 27, 1943. PRO FO 371/36961. Американский корреспондент писал: «Я слышал, что народный комиссар, другими словами, член кабинета, послал секретаря купить экземпляр книги по религии, и тому сказали, что книга издана только для распространения за границей». Cassidy. Moscow Dateline. P. 355.
- 22 Таким образом, эту тему в серии важных передач на протяжении 1943–1944 гг. повторит на весь мир Би-Би-Си. В передаче на оккупированную Европу в 1944 г. говорилось: «Воинственные атеисты русской революции, запретив церковь, тем самым освободили ее». The Russian Church. BBC script. April 19, 1944. PRO INF 1/791. Подробнее см. гл. 7.
- 23 Pospelovsky. The Russian Church under the Soviet Regime. V 1. P. 198–199.
- 24 Сам Сергей, прежде чем вернулся в лоно традиционной церкви, недолго состоял в обновленцах. Сделал ли он это для того, чтобы привить патриаршей церкви бациллы обновленчества, как утверждают его критики, сказать трудно. Как бы там ни было, к 1942 г. Сергей определенно желал покончить с обновленческой схизмой и собрать всех русских православных под контроль Московской патриархии. Случилось так, что и советскому государству понадобилось то же самое. О Введенском см. Введение и гл. 4.
- 25 Вениамин яростно боролся в нескольких гражданских тяжбах в американских судах, куда он от имени Русской православной церкви подал иски к американским православным группам с требованием вернуть имущество, захваченное ими в пику Московской патриархии. Waddams to Martin. Proposed Exchange of Visits between the Russian Church and the Church of England. October 22, 1942. PRO INF 1/790.
- 26 Вениамин, митрополит Алеутский и Североамериканский, патриарший экзарх в Америке. «Послание ко всем русским людям в Америке», первая публикация 16 октября 1941 г. в «Новом русском слове». Цитаты в тексте см.: Правда о религии в России. Московская патриархия. С. 283–288.
- 27 Sir A. Clark Kerr to Foreign Office. October 8, 1942. PRO FO 371/32950.
- 28 Baggally to Eden. September 20, 1942. PRO FO 371/32950.
- 29 Эти вопросы рассматриваются в гл. 7.

- ³⁰ Несмотря на то, что изначально Всеславянский комитет был создан для контактов со славянским населением Восточной Европы, к удивлению советских властей, как заметил через три года после его основания Д. Поликарпов, «оказалось, что главное внимание Всеславянского комитета направлено на американских славян». Поликарпов — Шербакову, 19 сентября 1944 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1393. В конце войны советские власти сочли работу Всеславянского комитета из пяти антифашистских комитетов самой эффективной. Лозовский — Маленкову, 25 июля 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1409.
- ³¹ Jelavich. *St. Petersburg and Moscow*. P. 20–21.
- ³² Jelavich. *Russia's Balkan Entanglements*. P. 208.
- ³³ История этих областей и религиозных междоусобиц, которыми отмечена их история, исключительно ярка и драматична, глубоко противоречива и для историографов часто полемична. См.: Zernov. *The Russians and Their Church*. P. 82–92. Историю отношений России к Юниатской церкви и попытки С.-Петербурга использовать православие для установления политического контроля в начале XIX в. см.: Wasyl Lencyk. *The Eastern Catholic Church and Czar Nicholas I*.
- ³⁴ Subtelny. *Ukraine*. P. 425–452.
- ³⁵ Polish Research Center. *The Orthodox Eastern Church in Poland*. P. 38.
- ³⁶ *Ibid.* P. 33.
- ³⁷ Subtelny. *Ukraine*. P. 441. Хотя работа Субтельного одна из лучших по истории Украины, он неверно датирует провозглашение польской автокефалии 1924 годом. Сабрина Рамет утверждает, что между войнами «около 150 православных церквей были закрыты или разрушены» польским правительством. Ramet. *Autocephaly and National Identity in Church-State Relations in Eastern Christianity* / Ramet, ed. // *Eastern Christians and Politics in the Twentieth Century*. V. 1. P. 10.
- ³⁸ Polish Research Center. *The Orthodox Eastern Church in Poland*. P. 33.
- ³⁹ *Ibid.* P. 34.
- ⁴⁰ Подробно об этом процессе см. гл. 1.
- ⁴¹ O'Malley to Eden. April 29, 1943. PRO FO 371/34571. Эта интереснейшая и замечательно точная пространная справка написана сразу после решения Москвы разорвать отношения с эмигрантским польским правительством в Лондоне.
- ⁴² *Ibid.* Эти подсчеты были в основном подтверждены последними исследованиями. Ян Т. Гросс считает, что Советы выслали из Восточной Польши около 1,25 млн человек или приблизительно 9% предвоенного гражданского населения. Gross. *Revolution from Abroad*. P. XIII.
- ⁴³ Остальные документы, касающиеся этих событий, плюс дополнительные материалы, отражающие попытки внести ясность в этот вопрос, которые предпринимались на государственном уровне начиная со времен Хрущева до горбачевского периода были впервые опубликованы в журнале «Военные Архивы России». 1993. № 1. Более полный комплект до-

- кументов вошел в ОГБ. Т. 1. С. 152–161, 165–171. Дополненный комплект документов опубликовало российское правительство, но они добавляют мало нового, если не считать деталей. Pikhov et al. Katyn'.
- ⁴⁴ Эта мысль проводится в лучшей работе по Катынской бойне, написанной до открытия советских архивов: Zawodny. *Death in the Forest*.
- ⁴⁵ Докладная записка наркома внутренних дел СССР в ЦК ВКП(б) № 794/В, без даты, но не позже 5 марта 1940 г. ОГБ. Т. 1. С. 153–155. Постановление о расстреле подписали лично И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. И. Микоян, М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов и Л. М. Каганович. Постановление Политбюро помечено датой 5 марта. Там же. С. 156. Точное число убитых, по-видимому, составляло 21957 человек. Шелепин — Хрущеву. 3 марта 1959 г. // Военные архивы России. 1993. № 1. С. 127–128. Перед расстрелом Советы провели особенно ужасающую операцию: до исполнения приговора, когда польские военнопленные еще не знали, что их судьба решена, НКВД приказал им составить список своих ближайших родственников и знакомых, живших с ними до войны. После массовой казни НКВД организовал высылку этих людей в советскую Среднюю Азию, общим числом 75–100 тыс. человек. Лаврентий Берия. Указание НКВД СССР. № 892/В. ОГБ. Т. 1. С. 158–161.
- ⁴⁶ Запись беседы между послом Котом и И. Сталиным. 14 ноября 1941 г. DPSR. V. 1. P. 210.
- ⁴⁷ Протокол беседы между генералом Сикорским и И. Сталиным. 3 декабря 1941 г. DPSR. V. 1. P. 233.
- ⁴⁸ Коммюнике, выпущенное Берлинской радиостанцией 13 апреля 1943 г. DPSR. V. 1. P. 523–524.
- ⁴⁹ После того как немцы сообщили о найденных захоронениях, Советы изменили свою версию, утверждая, будто эти люди были освобождены из лагерей в 1940 г. и находились в составе военных строительных частей к западу от Смоленска, когда он был захвачен нацистскими войсками. Москва также утверждала, что названное немцами в качестве массового захоронения место было на самом деле хорошо известными археологическими раскопками, историческим могильником. Коммюнике Информбюро. 15 апреля 1943 г. Оно было перепечатано в *Soviet War News*. № 541. 17 апреля 1943 г.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ В польском документе также говорилось: «Однако в то же время Польское правительство от имени польской нации не признает за немцами права воспользоваться для своей защиты преступлением, которое они приписывают другим». 17 апреля 1943 г. PRO FO 371/34571.
- ⁵² O'Malley to Eden. April 29, 1943. PRO FO 371/34572.
- ⁵³ D. Allen memorandum. April 30. 1943. PRO FO 371/34571.
- ⁵⁴ Churchill to Stalin. April 28. PRO FO 371/34572.
- ⁵⁵ Churchill to Eden. April 28, 1943. PRO FO 371/34571. :ii
- ⁵⁶ Note from Commissar Molotov. April 25, 1943. DPSR. V. 1. P. 533–584. :ii
- ⁵⁷ D. Allen memorandum. April 30. 1943. PRO FO. 371/34571.

- ⁵⁸ Ленин писал, что только товарищ Калинин должен принимать личное участие в любых публичных действиях — товарищ Троцкий ни под каким видом и ни при каких обстоятельствах не должен выступать (по этому вопросу) в прессе или перед публикой. *Lenin to Molotov and Politburo members. March 19, 1922. См.: Pipes. The Unknown Lenin. P. 152–154.* Пайпс пишет: «Хотя Троцкий играл важнейшую роль в антирелигиозной кампании 1922 года и, возможно, был ее инициатором, он всегда держался в тени, чтобы не подпитывать слухи, будто эта кампания ничто иное, как еврейский заговор против христианства». P. 155.
- ⁵⁹ «Спутник агитатора». № 10. Май 1943 г. Изложено в несколько измененном виде в *Soviet Monitor* (радиобюллетене, издававшемся ТАСС по советским материалам). 19 мая 1943. PRO FO 371/36961. Кертисс приводит слова Калинина, что, по его мнению, нет ничего ужасного в том, что молодые красноармейцы подсмеиваются над красноармейцами средних лет, которые носят крест, хотя он предупреждал, чтобы при этом не было прямого оскорбления. Хотя Кертисс ответственный ученый, мне не удалось найти таких слов Калинина. *Curtiss. The Soviet State and the Russian Church. P. 292.*
- ⁶⁰ См.: «Правда». 22 мая 1943 г. Эту информацию также передало московское радио.
- ⁶¹ Таково мнение Леонарда. См.: *Leonhard. Child of the Revolution. P. 226.* Леонард рассказывает, что во время роспуска Коминтерна учащиеся школы, и он в том числе, причиной роспуска считали стремление успокоить англичан и американцев.
- ⁶² *Marshal Stalin on Dissolution of Communist International. May 31, 1943. PRO FO 371/120964.*
- ⁶³ Предполагалось, что коммунисты будут продолжать следовать линии Москвы. Директор коминтерновской школы в Уфе сказал своим подопечным: «Задачи коммунистов в Англии и Америке сегодня поддерживать усилия своих стран в войне. Коммунисты Германии и Италии, с другой стороны, должны делать все, что могут, для уничтожения фашизма. У коммунистов оккупированных стран другая задача — встать во главе национально-патриотического антифашистского фронта и освободить свои страны от фашистского угнетения». *Leonhard. Child of the Revolution. P. 221.*
- ⁶⁴ Об американской коммунистической партии см.: *Klehr. The Heyday of American Communism.* Еще до роспуска Коминтерна Москва пыталась сдерживать открытые выступления Тито о коммунизме. См.: *Banas. With Stalin against Tito. P. 9–11.*
- ⁶⁵ Цит. по: *Robert A. Graham. The Vatican and Communism during World War Two. P. 106.*
- ⁶⁶ Ни венгры, ни румыны не относятся к славянским народам, хотя исторически румыны православные. Цитата из: *Поликарпов — Александрову. Июль 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 125.*

- 67 Патриарх locum tenens Сергей и митрополит Николай. «Братья по вере! Солдаты румынской армии!». 22 ноября 1942 г. РПЦБОВ. С. 77–79. Приблизительно аналогичный текст авторы повторили в послании «К румынским пастырям и пастве». 9 декабря 1942 г. РПЦБОВ. С. 80–82.
- 68 Sir A. Clark Kerr to Mr. Eden. May 14, 1943. An Eyewitness Account of the Pap-Slavonic Meeting in Moscow on the 9th May, 1943. PRO FO 371/36961.
- 69 Митрополит Николай. Будем едины. Речь на Всеславянском митинге в Москве. 9 мая 1943 года / Слова, речи, послания. С. 182–186.
- 70 Clerk Kerr to Eden. May 14, 1943. PRO FO 371/36961.
- 71 The Russian Orthodox Church as a Factor of the Russian Policy toward Poland. M. Wyazniski (Polish ministry of information) to Warner. September 24, 1943. PRO FO 371/36962.
- 72 Вопросы касательно схизматических украинских церквей см. гл. 4, 5.
- 73 Polish Research Center. The Orthodox Eastern Church in Poland. P. 36.
- 74 The Present Policy of the Moscow Patriarchy towards the Polish Orthodox Church. Перевод послания Сергея, копия которого была передана английскому Форин офису Польским правительством в изгнании. PRO FO 371/36962.
- 75 К 1948 г. Московская патриархия наконец признает автокефальный статус Польской православной церкви. В это время число православных верующих в Польше резко сократилось, и церковь больше не была в состоянии выполнять функции центра недовольства украинцев Советским Союзом. Отдел внешних сношений Московской патриархии. Visit of the Primate of the Polish Orthodox Church. September, 1998. Веб-сайт Московской патриархии: www.Russian-orthodox-church.org.ru/nc081283.htm. 5 января 1999 г.
- 76 M. Wyaznsky (Polish Ministry of Information) to Warner (British Foreign Office). September 24, 1943. PRO FO 371/36962.
- 77 The All Soviet Communist Party's Attitude towards Religion. Polish Ministry of Information. London. September, 1943.
- 78 H. Marnin (MOI) to J. H. Oldham. August 23, 1943. PRO INF 1/790.
- 79 Многие из этих юридических ограничений были изложены в Answers to questions on the Church in the USSR. A. B. Elkin (MOI) to Thomas Hall (OSS), без даты, но, возможно, февраль 1944. PRO INF 1/769.

Глава четвертая СВОЕГО РОДА ВАТИКАН

Почему у вас нет никакого персонала? Куда он девался?

*Из беседы Сталина с митрополитом Сергием.
Сентябрь 1943 г.*

Новоявленный энтузиазм по поводу восстановления христианских церквей займет наших товарищей, если они подойдут к этому вопросу с точки зрения ретроспективы. Византийские церкви в России разрушали не только нацисты.

*Преподобный Хью Мартин.
Английское министерство информации.
Март 1942 г.*

Сталин и патриарх

Московское радио, вещавшее на английском языке, 9 сентября 1943 г. сообщило, что накануне в столице страны собирался Синод или собор русских епископов для выборов нового патриарха, первого после смерти патриарха Тихона в апреле 1925 г. и только второго после смерти патриарха Адриана в 1700 г. По радио также было заявлено, что перед возведением в сан патриарха митрополит Сергий встречался в московском Кремле с самим Сталиным. Эта новость была широко подхвачена западной прессой и прозвучала полной неожиданностью для читателей, которые, если когда-нибудь и задумывались о религии в СССР, то не сомневались, что враждебность советского государства к религии никогда не позволит такому случиться. Полной неожиданностью это сообщение прозвучало даже для тех, кто внимательно следил за событиями русской религиозной жизни и наблюдал эволюцию московской церковной политики за последние годы. Конечно, для польского правительства в изгнании известие было пренеприятнейшим, оно разрушало расчеты на то, что у русской церкви нет законного главы и она не вправе предъявлять церковные права Москвы в западных пограничных областях. Вы-

боры патриарха — «тактический шаг большого значения, — предупредило Польское министерство иностранных дел свои делегации по всему миру. — Решение, что Патриархию следует восстановить, означает возобновление, надолго ли, сказать трудно, традиционного сотрудничества между Русской православной церковью и русским правительством. Оно также... облегчит использование услуг церкви в отношениях с другими церквями в интересах советской политики»¹. Как покажут события, это было поразительно точное определение сталинских намерений.

Иностранцам можно простить неспособность предсказать новый поворот в отношениях между церковью и советским государством, но это событие застало врасплох не только их. Решение восстановить Патриархию принималось на самом высоком уровне советского правительства, самим Сталиным, после консультации с Вячеславом Михайловичем Молотовым, Лаврентием Берия (главой НКВД и членом Политбюро) и Георгием Маленковым (также членом Политбюро)². Эти советские олигархи, очевидно, даже не подумали предварительно проконсультроваться с теми самыми церковными лидерами, о которых пойдет речь. Осенью 1941 г., когда немцы угрожали советской столице, Сергей и остатки Московской патриархии были эвакуированы из Москвы в город на Волге Ульяновск. Третьего июля 1943 г. Всеволод Меркулов, народный комиссар государственной безопасности, написал Щербакову и в Центральный Комитет записку, в которой говорилось, что пришло время вернуть исполняющего обязанности, патриарха в Москву, Сталин где-то в первых числах сентября одобрил предложение. В меркуловской записке назывались причины такого шага. Первое, Сергей жаловался, что, будучи изолированным в Ульяновске, он утрачивал контроль над церковными делами, тогда как они приобретают все более важное значение. Второе и более существенное, «нахождение церковных центров в Ульяновске, кроме того, значительно затрудняет им практическое руководство мерами, особенно необходимыми в связи большим числом церквей на освобожденной территории, открытых немецкими оккупантами»³.

Теперь, с точки зрения Советов, церковь должна была, прежде всего, помочь в реокупации территории, находившейся в руках противника, и заняться нежелательными последствиями имевшего места при немцах религиозного возрождения. Существенно, что возвращение Сергея инициировали органы безопасности, т. е. органы, которые непосредственно занимались вопросами реокупации и подавлением антисоветских проявлений. Для того чтобы церковь могла играть роль, отводившуюся ей ее коммунистическими господами, Патриар-

хью следовало вернуть в политический центр, где за ее деятельностью тщательно следили бы органы НКВД-НКГБ. Соответственно, 3 сентября митрополит Сергей и его ближайшее окружение были неожиданно вызваны из Ульяновска в Москву, где им предстояло встретиться со Сталиным⁴. В Москве их встречали митрополит Алексей Ленинградский и митрополит Николай, которые, скорее всего, и участвовали в обсуждении условий встречи Сергея с советскими вождями⁵.

Всего за несколько часов до встречи с Сергием Сталин вызвал к себе Георгия Карпова, генерал-майора НКВД, чтобы обсудить с ним церковные дела⁶. Диктатор поинтересовался у Карпова биографией и характеристикой русских церковных иерархов и современным положением церкви — количестве приходов, епископов и т. п. Большая часть вопросов касалась, однако, отношений церкви с зарубежными организациями: какие контакты имеет Русская православная церковь за границей, какие у нее связи с братскими православными патриархами в Константинополе, Иерусалиме, в других местах, а также с православными церквями в Румынии, Болгарии и Югославии? Расспросив Карпова о нем самом и выяснив, что он этнический русский^{*} Сталин поручил ему сформировать Совет по делам Русской православной церкви, подчиняющийся правительству государства, а не Центральному Комитету Коммунистической партии. «Совет не будет принимать решения самостоятельно, — сказал Сталин, — он будет докладывать правительству и получать от него указания»⁷.

В 9 часов вечера 4 сентября Сергея и двух других митрополитов доставили на лимузине в Кремль и провели в кабинет, где находились Сталин, Молотов и Карпов. После довольно нервного обмена приветствиями Сталин поздравил Сергея с «патриотической работой» церкви в поддержку войны. Затем он попросил гостей «изложить ему самые насущные вопросы»⁸. Сергей перечислил три задачи: нужно вновь открыть церкви, чтобы удовлетворить потребности людей (особенно в тылу советских войск, где этого не разрешали власти), следовало избрать нового патриарха и открыть семинарии для подготовки новых священников. Пояснения Сергея вызвали любопытную реакцию.

Молчавший до этого момента Сталин вдруг прервал молчание: «Почему же у вас нет персонала? Куда он девался?» — спросил он,

* Как и весной 1943 г., когда он поручил Калининну начать новую церковную политику, диктатор, видимо, хотел, чтобы религиозными делами занимались этнические русские, почти наверняка избегая таким образом обвинений, что маанипулированием русской церковью занимаются большевики-евреи.

вынув трубку изо рта и внимательно посмотрев на гостей. Алексей и Николай смутились... Все знали, что «персонал» был раскидан по лагерям. Но митрополит Сергей не растерялся... Старик ответил: «У нас нет персонала по нескольким причинам, одна из них: мы учим человека, чтобы он стал священником, а он становится маршалом Советского Союза». Довольная улыбка тронула диктаторские усы. Он сказал: «Да, да, я был семинаристом. Я даже слышал о вас». Потом он предался воспоминаниям о временах, когда он был семинаристом. Рассказал, как его мать до самой смерти жалела, что он не стал священником. Беседа между диктатором и митрополитом стала неприкрытой. После чая заговорили о делах⁹.

Что касается томившихся в ГУЛАГе священниках, то Сталин сказал: «Составьте список, и мы посмотрим»¹⁰.

После этого сюрреалистического вступления беседа продолжалась еще без пяти минут два часа¹¹. Сталин и Молотов разработали со своими церковными гостями ряд новых правил, предусматривавших возобновление теологического образования для новых священников, а также восстановление официальных церковных публикаций. Вторая запись о встрече содержит любопытное высказывание Сталина, показывающее планы диктатора в отношении церкви — он сказал иерархам, что они должны создать «нечто вроде Ватикана»¹². Это могло произойти только при условии, что у церкви будет свой собственный двойник папы, поэтому нужно собрать собор и возвести Сергея в сан патриарха. Когда Сергей обмолвился, что организация такого собрания потребует не меньше месяца, «Сталин улыбнулся и сказал: “А разве нельзя продемонстрировать большевистские темпы?” Он повернулся ко мне (Карпову. — С. М. М.) и спросил, что я по этому поводу думаю, я сказал, что если мы поможем митрополиту подходящим транспортом для быстрого прибытия епископов в Москву (самолетом), то Совет может собраться в пределах 3–4 дней»¹³. Сталин заверил гостей, что «церковь может положиться на полную поддержку правительства во всех вопросах, связанных с усилением и развитием ее организации в СССР». Не забыли и про личные удобства для иерархов — они должны были получать специальные продуктовые пайки, а Сергию выделили новые апартаменты, довоенную резиденцию бывшего посла Германии в СССР, графа фон Шеленбурга, конфискованную советским правительством после начала войны. «Это здание советское, не германское, так что можете жить там совершенно спокойно». Подчеркивая свое мнимое дружелюбие к церкви, диктатор сделал вид, будто выговаривает Карпову: «Теперь, — повернувшись ко мне, сказал товарищ Сталин, — отберите себе двух-трех помощников в качестве членов Совета, найдите помещение, но толь-

ко помните вот что: во-первых, вы не оберпрокурор (чиновник, курировавший церковь в царское время. — С. М. М.), во-вторых, в своей работе больший упор делайте на независимость церкви»¹⁴.

В одиннадцать часов вечера — обычное начало нормального рабочего дня Сталина, но поздний час для Сергия, которому было далеко за семьдесят и осталось всего несколько месяцев жизни, — Сталин принял позу уважительного молодого семинариста: «В конце разговора старый и больной митрополит сильно устал... Сталин очень предупредительно взял его под руку, словно настоящий дьякон, проводил вниз по лестнице и попрощался с ним со словами: “Господи, это все, что я могу сделать для вас в настоящее время!”»¹⁵ Митрополиты видели Сталина в его самой лицемерной роли. Как покажут события, несмотря на данные диктатором заверения, что правительство поможет церкви во всех отношениях, Кремль не имел никаких намерений позволить церквям разрастаться, как грибы, по всему Союзу. Новый карповский Совет будет проводить политику сдерживания, не давая церковной деятельности расширяться в тех районах, где она уже имела место, по большей части при немцах. Все поведение Сталина было шарадой, он то прикинулся, будто священники-коллеги Сергия исчезли случайно, а не в результате сознательной политики, то претворился, будто велит сотруднику НКВД Карпову печься о независимости церкви, а не поступать с ней, как эти мерзкие царские чиновники. Это был всего-навсего циничный цирковой диктаторский трюк, когда священники сначала исчезали, а потом росчерком пера появлялись вновь. Можно только гадать, как это понял Сергий¹⁶.

При решительной поддержке Сталина военные предоставили самолеты, и Собор состоялся всего через четыре дня после встречи в Кремле, 8 сентября 1943 г. Собранные таким образом иерархи Русской православной церкви воссоздали Священный синод, избрав членами митрополита Алексия Ленинградского, митрополита Николая Киевского и Галицкого и четырех архиепископов¹⁷ Двенадцатого сентября этот орган должным образом назвал Сергия новым патриархом. Несмотря на значение конгресса, собрать его было делом несложным, так как ряды духовенства значительно поредели десятилетиями арестов, расстрелов и других форм репрессий. Декларацию Собора подписали только 19 иерархов: три митрополита, 11 архиепископов и 5 епископов¹⁸. Небольшое число участников «было серой тенью сотен» епископов и других священнослужителей, принимавших участие в избрании патриарха Тихона в 1917 г.¹⁹ В предшествовавшем этому событию совете участвовало 250 епископов и 314 мирян²⁰.

Официальные документы, опубликованные после этого исторического Собора, одинаково хранят молчание относительно того,

что думали участники. В конце войны, однако, Карпов подготовил обзор под грифом «совершенно секретно» о роли, которую играла религия последние четыре года. В этом примечательном документе Карпов подробно рассказывает, что русское православное духовенство, вызванное на Собор, приехало на него со страхом и в скептическом настроении в отношении вновь обретенной правительством терпимости к церкви. Карпов писал: «В ряде случаев духовенство и верующие считали текущее положение церкви временным явлением, связанным с войной, и думали, что можно ждать резких перемен в политике правительства в отношении к церкви» после поражения немцев²¹. Карпов приводил слова епископа Михаила Херсонского, который в разговоре с делегатом Совета о впечатлениях участников Поместного Собора отчетливо выразил преобладавшие чувства недоверия. Епископ сказал: «Церемонии, связанные с Поместным Собором, конечно, оставили глубокое и незабываемое впечатление», но это впечатление очень сильно разнилось. Епископ сказал далее: «Мне показалось, что только незначительное меньшинство соборников восприняло все эти церемонии и всяческие проявления внимания как прямое признание правительством института церкви и воцарение полной религиозной терпимости, но подавляющее большинство духовенства и мирян, *почти все, как один, совсем недавно пережившее репрессии*, смотрели на все это довольно скептически и с большими опасениями, и даже с полным недоверием, считая все это порождением какого-то, пока еще непонятого, момента политической целесообразности» (*курсив мой.* — С. М. М.).

Многие священники полагали, что, «когда кончится война, церкви придет конец». Большинство священников по вполне понятным соображениям не доверяло верности советского режима своим обещаниям. Карпов отмечал, что есть сторонники мнения, что существование в России церковей и установление полной религиозной терпимости вопрос не временного характера, а неоспоримый факт фундаментальной стабилизации церкви. Карпов не уточняет, кто были эти оптимистически настроенные священники, хотя, вероятно, они были очень небольшим меньшинством²².

Едва ли приходится удивляться, что духовенство не утратило скептицизма в отношении искренности режима. С участниками Собора заранее не проконсультировались о его проведении, и вообще, некоторых, видимо, только что освободили из лагерей специально для присутствия на Соборе, чтобы они сыграли перед кинокамерами отведенную им роль, демонстрируя верность своим советским господам. Известно, что из четырех русских православных митрополитов, двадцати одного архиепископа и тридцати шести епископов, остав-

шихся в живых после окончания войны, по меньшей мере, семнадцать подвергались репрессиям до 1941 г.²³

Собор послал приветствие Сталину, что стало рутинным мероприятием, сопровождавшим все собрания военного времени в Москве, хотя в данном случае религиозный язык, наверное, резал ухо тем, кто вспоминал недавние отношения вождя с церковью. Участники Собора объявили, что «глубоко тронуты пониманием вождя нашей страны, главы советского правительства И. В. Сталина, нужд Русской православной церкви и скромной работы, которую мы, ее смиренные слуги, выполняем». Документы Собора и более поздние отчеты о Соборе в одинаковых словах повторяли эту продуманную формулировку: «Сталин с пониманием отнесся к предложениям церкви созвать Собор»²⁴. Создавалось впечатление, что сама церковь обратилась к советскому правительству, а Сталин просто с «пониманием» отнесся к ее инициативе. На самом деле все было наоборот.

Епископы также обратились к «братьям христианам всего мира». Хотя «наша Родина вынесла главный удар германского нападения», писали епископы, христиане всего мира должны «приложить все усилия к священной борьбе за погранные Гитлером идеалы христианства, за свободу, счастье и культуру всего человечества». Христиан в оккупированных нацистами странах иерархи призывали к более эффективной партизанской войне, к западным христианам они обращались с надеждой, «что будет наконец создан долгожданный Второй фронт, чтобы приблизить победу и мир для людей»²⁵

Вскоре после Синода советское правительство объявило, что позволит церкви возобновить выпуск собственного печатного органа, «Журнала Московской патриархии», тиражом 15 000 экземпляров²⁶. И в октябре было объявлено о создании Совета по делам Русской православной церкви, его руководителем стал Карпов²⁷. Назначение Карпова, старшего офицера тайной полиции, принимавшего активное участие в сталинских чистках, было важным показателем того, что советское правительство понимало, какие широкие возможности открываются его новой церковной политикой и какие опасности представляет возвращение церкви на общественную арену²⁸. Создание нового Совета и назначение Карпова сразу после Собора также говорит о том, как пишет один из историков русской церкви, «что это не было созданием новой функции, а простым ее переименованием»²⁹. Весьма вероятно, что Карпов уже занимался делами Русской православной церкви, оставаясь в тени полицейской секретности, теперь его деятельность во многом могла стать более открытой.

Если первым, лежащим на поверхности, результатом Собора были знакомые советские пропагандистские заявления, на этот раз немного окрапленные святой православной водичкой, то происходившее за сценой возрождение Патриархии возвещало о подлинных изменениях политики. Участие в кремлевской беседе Молотова, народного комиссара иностранных дел военного времени, было важным признаком того, что церковная политика отчасти предназначалась для решения важных вопросов внешней политики. Расспрашивая Карпова перед встречей с митрополитами, Сталин держал в центре внимания вопросы внешней политики. В наступающие месяцы поставленные перед церковью задачи станут яснее: первое, вновь избранный патриарх был наделен достаточной властью для того, чтобы окончательно разделаться с религиозными противниками Москвы, особенно польскими и украинскими ренегатами; второе, одновременно Собор сыграл роль прекрасного театра, и Москва выжмет из этого события как можно больше, чтобы распространить по всему миру свой новый подновленный образ терпимого защитника славян и православных христиан. Пропагандистская ценность Собора будет значительно усилена приездом делегации Англиканской церкви во главе с архиепископом Йоркским, прибывшей в Москву всего через несколько дней после Собора³⁰.

Хотя советское государство манипулировало Русской православной церковью в своих собственных целях, было бы неправильно считать, что церковные иерархи этого не желали или выступали пассивными участниками новой политики. К сожалению, мы располагаем недостаточным количеством документов о том, что они сами думали по этому поводу, в условиях сталинской России для любого священника было бы сумасшествием вести личный дневник, и вести откровенную переписку было рискованно. Советы, несомненно, читали письма, которыми обменивалось православное духовенство, перехваченные почтовые отправления находятся в кремлевских архивах и циркулировали в высших эшелонах советского правительства³¹. Записка Карпова о Соборе 1943 г. показывает, что у епископов не было уверенности в долговременных намерениях режима, и они еще не были готовы потребовать больше, чем намеревалось дать им государство. Тем не менее церковь по-настоящему выиграла от новой партийной линии. Если Московская патриархия должна будет служить «Ватиканом», как виделось Сталину, то это будет означать сосредоточение в ее руках больше централизованной церковной власти, что могло только приветствоваться православным духовенством.

Собор и возведение Сергия на патриарший трон являлись осуществлением проекта, намеченного Сергием в его вступлении к «Правде

о религии в России». Церковь оказала правительству значительные политические и пропагандистские услуги, а Кремль в обмен предоставил ей власть, чтобы избавиться от врагов и соперников: обновленческих схизматиков, поддерживавшихся в прошлом коммунистами, восстававших против власти Московской патриархии украинских движений за отделение, униатов, которых московская церковь всегда считала худшей формой еретичества, и других малых сект. Выгоды, полученные Московской патриархией в 1943 г. в обмен на услуги советскому государству, были, фактически, теми, которые желал видеть и Кремль: рецентрализация в руках патриарха духовной и институциональной власти над всеми православными странами. После Собора первыми должны были закрыть лавочку обновленцы, смиренно вернувшиеся в патриаршую церковь. Собор открыто осудил обновленцев: некоторые члены церкви, объявила Патриархия, «пошли по пути откола и схизмы», потому что «это обещало большую свободу в их личной жизни»³². Это был выпад против относительно богатого (по московским меркам) образа жизни разведенного и женившегося вторично Александра Введенского, о котором американский фотограф Маргарет Бурк-Уайт отзывалась, как об «остроумном, светском и несколько игривом» человеке³³. Семья Введенского также была в центре сплетен, один живший в советской столице английский дипломат так описывал дочь архиепископа: она «больше всего похожа на светскую девицу, каких я встречал здесь. Она очень хорошо одевалась»³⁴.

В конце 1943 г. и всю весну следующего обновленческие священники один за другим возвращались в церковь и просили простить им «грех связи с обновленческой схизмой»³⁵. В марте 1944 г. сам Введенский в конце концов понял, что его советские защитники вырыли ему яму, и он снова вступил в патриаршую церковь³⁶. Прошло не так много времени, и он был вознагражден, получив в июле 1944 г. сан архиепископа Тулы и Белевска³⁷.

Гениальность новой советской религиозной линии состояла в том, что она двигалась в том же направлении, в каком хотели двигаться ее исполнители. Может быть, между церковью и советским государством не существовало доверия, но на этот короткий период их интересы оказались параллельными, по крайней мере, у них были общие враги.

Национализм и столкновение ценностей

Русский православный Собор собрался, когда летом, победив в титанических сражениях, советские вооруженные силы входили в Украину. Историки, которые доказывают, что Кремль восстановил

церковь, поскольку нужно было мобилизовать русское национальное чувство в период войны, не замечают этого важного временного аспекта. Русская Патриархия была восстановлена в качестве института не тогда, когда немцы стояли под стенами Москвы, а когда их уже гнали назад и когда Советы реокупировали обширные районы, попавшие под власть немцев в первые два года войны. Советская религиозная политика выработывалась, идя в ногу с изменением потребностей войны: к концу 1943 г. от Русской православной церкви требовались услуги гораздо более сложного характера. В то время как прекращение более открытых форм религиозных преследований могло быть связано с нападением Германии, восстановление Патриархии как публичного института произошло благодаря потребностям реокупации. В 1943 г. советские власти осознали, что, не имея канонически избранного главы, Церковь не могла оказывать требовавшиеся от нее политические услуги. В результате, произошло избрание Сергия.

Подобно всем диктатурам, сталинский режим был в известной мере пленником собственной пропаганды. У Кремля не было дополнительного источника информации об отношении его граждан к режиму. НКВД–НКГБ докладывали о признаках антисоветских настроений, но, как Сталин сказал Черчиллю, нельзя полностью полагаться на то, что разведывательные службы говорят боссу всю правду³⁸. Тайная полиция, особенно при Сталине, когда последствия недостаточной бдительности были тяжелыми, могла изобретать врагов, могла и докладывать то, что Кремль хотел услышать. Однако жесточайшие уроки первых месяцев войны заставили Сталина увидеть, как много граждан страны настроены антисоветски³⁹. Поскольку советская власть возвратилась в оккупированные немцами области, Москва пыталась выяснить настроения местного населения. Естественно, результаты различались очень сильно, отражая характерное для Советского Союза глубокое региональное, национальное и классовое разделение населения.

Когда в 1943 г. Советы освободили Харьков, отдел пропаганды пытался определить настроения образованных людей в городе, во время войны четыре раза переходившем из рук в руки. «Основная масса интеллигенции с радостью приветствовала Красную Армию», — писала И. Фомина, руководитель пропагандистской группы, — но «среди интеллигенции старой школы», то есть тех, кто получил образование в царское время, «имели случаи серьезной измены». Некоторые ученые сначала приветствовали немцев. «Однако репрессии и террор, расстрелы евреев и принудительная мобилизация молодежи в Германию» на фоне публичных казней, реквизиции жилых квартир и частного имущества вскоре положили

конец открытым пронемецким симпатиям. Фомина писала, что по городу ходила фраза: «То, что Сталин не сумел сделать за двадцать пять лет, Гитлер сделал за год». То есть, фюрер разрушил Харьков и настроил против себя все его население.

Хотя немцы оттолкнули от себя образованное население, это не значит, что эти люди симпатизировали советским реальностям или были достаточно осведомлены о них так, как это интерпретировалось Москвой. Изолированность города от советской пропаганды оказывала «враждебное влияние на интеллигенцию». В особенности интеллигенция ошибалась в отношении антигитлеровской коалиции, с надеждой ожидая расширения интеллектуальной свободы в СССР, подобно западным демократиям. Доцент Харьковского университета, например, думал, что альянс с Соединенными Штатами и Англией приведет к вливанию в советское общество «идей западной культуры не только в научно-технической сфере, но также в сфере морали и политики». Профессор Терещенко якобы заявил, что «после того, что мы пережили, правительство должно изменить свою политику». Он сослался на соглашения, подписанные с Соединенными Штатами и Англией, роспуск Коминтерна и «создание комитета по церквям» как доказательства того, что Москву заставляют изменить свое поведение. Другой профессор вторил мысли, что альянс заставил СССР смягчить свою довоенную политику репрессий: «Теперьшнюю свободу религии в СССР можно объяснить влиянием Соединенных Штатов и Англии, но все равно религия в нашей стране должна отмереть, так как она не совместима с созданием коммунистического общества».

В заключение Фомина написала, что «фашистская ложь и демагогия» посеяли неправильные взгляды среди харьковской элиты, эти люди не совсем понимали «изменения в соотношении сил», поддерживающих Москву. Проанализировав обзор мнений интеллигенции, она сделала три вывода. Первое, пустил корни ряд буржуазных и мелкобуржуазных взглядов. Второе, «целая группа ученых, в прошлом преклонявшихся перед западноевропейскими порядками и культурой, не понимая характера антигитлеровской коалиции, впала в апологетику буржуазно-демократической политики и культуры». И третье, «хотя немцам и не удалось восстановить основную массу украинской интеллигенции против русских, а созданные ими националистические организации не нашли опоры среди основной массы ученых Харькова, тем не менее среди интеллигенции есть люди с неприязнью относящиеся к Москве и всему русскому»⁴⁰.

Доклады пропагандистских групп, следовавших сразу по мере продвижения Красной Армии в районы, освобожденные от немецкой оккупации, повторяли сообщения, изложенные в докладе из Харько-

ва. Местное население проявляло большое беспокойство о будущем, причем по-разному. С одной стороны, многие боялись послевоенного конфликта с западными союзниками. С другой, некоторые надеялись, что альянс окажет смягчающее влияние на советскую жизнь. Чаще всего членам групп задавали вопросы о колхозах, вернутся ли эти ненавистные институты после войны? Много вопросов было о возрождении церкви: «Можно ли видеть связь между созданием комитета по делам церкви и отношениями с Англией и Соединенными Штатами?», «Почему в это время решили открыть церкви?», «Почему в период коллективизации и после нее советская власть ввела еще больше ограничений на религию, закрыла и разрушила церкви, не было ли это эксцессом со стороны советской власти?». Еще более опасными были вопросы: «Останется ли советская власть после войны или будет такая же власть, как в Соединенных Штатах и Англии?»⁴¹, «Гражданские верующие теперь могут ходить в церковь, а как в отношении христиан в Красной Армии?»⁴².

В таких, как эти, отчетах можно увидеть семена послевоенных кампаний против интеллигенции и против Запада, так называемой ждановщины. Однако в ближайшей перспективе большую головную боль обещали Москве явные антисоветские и антирусские настроения среди украинцев и других национальных меньшинств. Такие настроения были даже сильнее в сельских районах, чем в городах, и усиливались по мере продвижения на запад. В западных пограничных областях возникло серьезное партизанское сопротивление восстановлению советского контроля, в некоторых районах оно продолжалось вплоть до 1950-х гг.

Когда Красная Армия вошла в Молдавию, прибалтийские государства и Западную Украину, высшее командование попыталось провести призыв местного мужского населения на военную службу. Людские потери от первых лет войны уже насчитывали миллионы, и существовала острая потребность в новобранцах, без которых Красной Армии трудно было бы преследовать отступавших нацистов в Центральной Европе, но в западных пограничных областях местное население уклонялось от призыва и любыми путями уходило от выполнения требований Советов. Генерал-майор Красной Армии В. Золотухин информировал Москву, что в Львовской и Дрогобычской областях ситуация, в лучшем случае, смешанная. «Значительная часть» — что никак не означало большинство — населения была «против немцев», такие люди благодарили Красную Армию за освобождение, охотно брались за восстановление и проявляли антигерманские чувства; когда одна женщина подала отступавшим немецким солдатам хлеб, местные жители побили ее. В то же время оппозиция немцам не

означала прямой поддержки Советов. Среди западных украинцев отмечалось заметное недоверие к советским намерениям. Один старик спросил, правда ли, что Красная Армия убивает невинных людей, он решил, что если это правда, то лучше умереть в собственном доме, чем стать одним из бесчисленных беженцев. Золотухин писал: «В некоторых районах Западной Украины городская и сельская буржуазия, а также часть шовинистически настроенной интеллигенции враждебно отнеслись к советской власти и Красной Армии. Она сочувствовала немецко-украинским националистам и оказывала им всяческую помощь». «Даже среди тех, кто симпатизирует советской власти или, по крайней мере, не находится в оппозиции», много задавленных и затерроризированных националистическими бандами, которые, как уверял автор, запугивали молодежь, угрожая репрессиями против их семей, если они осмелятся вступить в советскую армию.

Многие боролись с призывом — кто-то, взяв в руки оружие, кто-то, вооружившись чем попало, например вилами, лопатами и кольями. Другие сопротивлялись пассивно. «Женщины ложились на дорогу, чтобы преградить путь автомашинам». Один человек кричал: «Вы писали, что вы освободители, а на самом деле вы грабители». Этот несчастный был сразу же арестован СМЕРШем (акроним от «Смерть шпионам»), контршпионской организацией Красной Армии. Трудно поверить утверждениям Золотухина, что все столь очевидно опасное и отчаянное поведение объясняется боязнью мести партизан, как нельзя согласиться с его же анализом мотивации действий самих украинских националистических партизан. Они стойко воевали с Красной Армией, как многие до этого воевали с немцами, пользуясь оружием, оставленным отступающим вермахтом или захваченным у Советов, у них имелось автоматическое оружие, станковые пулеметы и даже артиллерия. Используя этот арсенал, они за 21 день убили в Львовском военном округе 185 «партийных и советских активистов».

Из-за такого сопротивления, начавшегося после вступления сюда Красной Армии, призыв шел «медленно», потому что молодежь «ушла в леса и горы». Там бандеровцы «запугивали население ужасами ссылки в Сибирь и другими репрессиями Красной Армии». Такая пропаганда, конечно, была действенной, потому что люди помнили массовые высылки, происходившие когда Красная Армия контролировала регион в 1939–1941 гг. Вот почему число людей, откликнувшихся на советский призыв в двух областях, было «очень низким», но, основываясь на «неполных цифрах», Советы считали, что там насчитывалось 52 639 призывников, из которых отозвались на повестки только 3 380 человек. В Львовской области ситуация выглядела лучше, хотя даже здесь 28,3% призывников не явились на призывные пункты.

Золотухин, помимо влияния украинских националистических партизан, предлагал такое объяснение враждебности населения советской власти: длительное наследие австрийского и польского правления, а также «религиозные чувства». Это последнее было проблемой даже среди тех, кого успешно привлекли в армию. «Уровень развития пополнения низкий, — жаловался Золотухин, рисуя образ неотесанной деревенщины. — Многие военнослужащие ни разу не смотрели кино, не слышали радио, не видели комбайна и трактора, а также имеют смутное представление о Советском Союзе и его вооруженных силах». Трудно поверить, что средний призывник с равнин Центральной Азии и вообще из самой русской глубинки очень сильно отличался в этих отношениях. Но как только эти подозрительные украинские призывники вступали в армию, они приносили с собой опасность инфицировать добрых советских парней. Многие были плохими солдатами, по заключению Золотухина, некоторые были евангелистами или баптистами, другие были членами «контрреволюционных банд», иные служили в вооруженных силах предвоенной Польши и участвовали в боях против Красной Армии в 1939 г. Такие националисты подрывали моральное состояние армии, побуждали солдат к дезертирству. Христиане даже «вели среди солдат антисоветскую агитацию»⁴³.

В западных пограничных областях религия постоянно создавала проблемы. Карпов с сожалением отмечал «массовое открытие церквей... в областях, перенесших немецкую оккупацию... в период 1941–1943 гг.»⁴⁴. Как это было и перед нацистским вторжением, церкви представляли собой естественную подпольную сеть для набора, организации и поддержания антисоветских националистов, в конце концов, у многих священников имелось достаточно причин бояться возвращения коммунистического атеистического и русского строя. Павел Судоплатов, возглавлявший в НКВД группу ликвидаторов, которая получала приказы убивать видных врагов советского строя, пишет, что «основная часть партизанских командиров были выходцами из семей украинских священников»⁴⁵. В разведывательном документе из Молдавской республики, находившейся под юрисдикцией Румынии в период оккупации странами Оси, говорилось, что, судя «по агентурным материалам, антисоветские церковно-сектантские круги» в этой республике, наносили советским интересам вред многими путями. Они помогали оккупантам в «укреплении фашистского строя», распространяя «антисоветскую националистическую пропаганду». Они также «сотрудничали с карательными органами оккупантов, выдавая советский актив и выявляя политические настроения населения». «С оккупантами активно сотрудничали и монахи,

указывая места сосредоточения партизан, советских парашютистов и выдавая советских военнопленных, бежавших из концлагерей». Наконец, религиозные националисты способствовали «румынизации населения посредством втягивания в националистические организации и популяризацией чтения оккупационных газет, носивших анти-советский характер»⁴⁶.

Конечно, принимать утверждения таких документов полностью за чистую монету нужно с большой осторожностью. Сталинистская тайная полиция не отличалась разборчивостью, когда речь шла о выявлении врагов, и определяла антисоветскую деятельность довольно произвольно. Тем не менее ясно, что церкви представляли собой препятствие восстановлению советской власти в западных пограничных областях и что коммунистические агенты были настроены решительно — либо разложить, либо вырвать их с корнем.

У Советов были три способа решения этой религиозно-националистической дилеммы. Первый, и самый эффективный: советская пропаганда старалась навешивать ярлык «фашистский» или «нацистский» на малейшее проявление антисоветского, особенно нерусского, национализма. Второй: реанимированный русский Патриархат отлучал от церкви мятежных священнослужителей, передавая их приходы и церковную собственность лояльным Москве священникам и, насколько возможно, русифицируя религию в западных пограничных областях. Наконец, советская тайная полиция работала над проникновением в политически ненадежные религиозные центры и их разложением, а судоплатовская банда организовывала убийства ведущих националистических религиозных деятелей, которых нельзя было подчинить или с помощью запугивания заставить сотрудничать. Три московских способа оказались очень эффективным сочетанием для решения религиозного вопроса даже в его малозначительных проявлениях.

Наиболее важными целями этого нового церковно-государственного альянса были откалывающиеся украинские православные церкви, украинская автокефальная и украинская автономная⁴⁷. Архиепископ Григорий Саратовский и Сталинградский выступил 12 сентября 1943 г. с «дискурсом» в церкви Богоявления в Москве, в котором осудил мятежников, поднявшихся против авторитета патриарха. Приветствуя избрание Сергия, он сказал, что Бог защищал церковь, даже когда у нее не было законно избранного патриарха: «Русский православный народ не перешел ни в обновленчество, ни в григорианство, ни в иосифивианство, ни в автокефальство и другие самозванные конгрегации, главами которых были епископы, алчущие власти и ее орудий»⁴⁸. Внешне архиепископ приветство-

вал русский народ за отказ последовать за этими схизматиками, но длинный список мятежников косвенно свидетельствовал о том, что на деле так поступили многие верующие.

В ноябре 1943 г. митрополит Николай обратился к верующим в Украине, размахивая только что переделанным дисциплинарным мечом, который вручил ему Собор. «Я знаю миролюбивый характер украинского народа, — писал Николай, — но я знаю также о его пламенной любви к своей стране!» Он призвал тех украинцев, которые все еще находились на оккупированных территориях, помогать советским партизанам. Он также призвал их «оставаться до конца верными нашей Святой матери русской церкви» и патриарху Сергию. С горечью Николай признал, что не все украинцы оставались верными советскому государству: «С глубоким прискорбием наша Русская православная церковь узнает, что несколько украинских иерархов раболопствовали перед временными фашистскими господами, отреклись от своей матери-церкви и предали свою родину мировому бандиту». Николай шел одобренным путем: антисоветский национализм любого вида равнозначен нацизму. Николай назвал по имени двух изменников епископов — Поликарпа Сикорского и митрополита Феофила Бульдовского Харьковского, а затем сделал суровое предупреждение:

«Братья верующие Украины! По резолюции последнего собора епископов Русской православной церкви, который имел место в Москве 8 сентября этого года, все виновные в измене общецерковному делу и переходе на сторону фашизма, как врага креста Христова, считаются отлученными от церкви, и епископы и священники, и лишаются должности. И да ни один из вас не последует за пастырями или архиереями, которые предали мать-церковь и Родину! Не губите свою душу на веки вечные пагубными отношениями с ложными иерархами и ложными священниками, которые были осуждены собором»⁴⁹.

Сам вновь избранный патриарх обратился к «своей пастве» с посланием, в котором объявил: «Совсем не случайно, что нашей церкви так необходимо, чтобы имя патриарха поминалось во всех церквях нашей страны. Тот, кто не дает помянуть, не имеет ничего общего с верными детьми православной церкви»⁵⁰. Схизматикам или антирусским духовным лицам было велено подчиниться патриаршей власти или быть отлученными.

Несмотря на возвращение бывшего в схизме духовенства, новая роль церкви не была обеспечена человеческими ресурсами, так как за последние полтора десятка лет она утратила большую часть духовенства. Советы уже давно закрыли все русские православные

семинарии, помешав подготовке новых священнослужителей, что еще больше усугубляло проблему. Теперь не хватало священников, чтобы обслуживать все действующие церкви. В конце войны Карпов писал: «Церкви и молельные дома распределяются очень неравномерно. Самое большое число расположено в областях, которые находились под немецкой оккупацией, когда в 1941–1943 гг. там имело место массовое открытие церквей». К августу 1945 г. из общего числа 10 243 действовавших в СССР церквей значительное большинство находилось в западных пограничных областях: 6 072 в одной только Украине, 633 в Белоруссии и еще 615 в Молдавии⁵¹. Другой советский источник, близкий к молдавским делам, называет еще более высокое число церквей, открытых в республике во время немецкой оккупации, утверждая, что было 888 действующих православных церквей и 25 монастыря, а после прихода Красной Армии осталось 582 церкви⁵². В прибалтийских республиках, где православное население составляло меньшинство, имелось еще 343 церкви. В РСФСР, самой большой республике Советского Союза и географически, и по населению, было всего 2 297 открытых церквей, причем многие из них находились в областях, подвергшихся немецкой оккупации, или в районах вблизи линии фронта⁵³. Другими словами, более 70% открытых церквей были в нерусских западных пограничных областях и только незначительное число в районах, оставшихся во время войны в советском тылу. Украина была фокусом этого православного возрождения. «В Украинской ССР в период оккупации, — писал Карпов, — 1 124 здания были заняты церковными обществами, из них после освобождения 587 были возвращены по первоначальному назначению» для использования государственными организациями и для других нерелигиозных нужд⁵⁴.

Возобновление работы церквей, а точнее, их завоевание в западных пограничных областях дало толчок всплеску епископских и других церковных назначений, потому что Москва стремилась заменить местное духовенство надежно проверенными священнослужителями. В списке персонала Русской православной церкви за 1944 г. значились два митрополита, а также 58 епископов и архиепископов, из них все, за исключением 8%, получили свой пост весной и летом 1944 г., как раз когда Красная Армия окончательно изгоняла немцев за пределы довоенных границ СССР. Остальные были назначены в конце 1943 г.⁵⁵ Многие священники, вынужденные покинуть церковь из-за довоенных репрессий, начали незаметно возвращаться к своему призванию. Карпов с известной долей лукавства говорил канадскому дипломату, что «ряд прежних священников, которые несколько лет назад переключились на счетоводство, преподавание

Карта 2. Линия германского продвижения на Восток (1941–1942)
 и число действующих церквей по республикам (1945 г.).

или на другие занятия, начинают возвращаться к своим церковным обязанностям»⁵⁶.

Потребность в священниках была столь велика, а оказываемые церковью услуги настолько полезны, что Сталин сам обещал Сергию, что церковь сможет открыть семинарию⁵⁷. Так и было сделано. Совет Народных Комиссаров 28 ноября 1943 г. разрешил открыть семинарию в Москве. Десятого мая 1944 г. Русская православная церковь открыла первую в годы после большевистского режима семинарию в знаменитом московском Новодевичьем монастыре, закрытом перед войной⁵⁸. Возможно, по вполне понятным причинам религиозные требования для назначения на епископство были минимальными, религиозное обучение должно было быть более сжатым, чем в царское время, что, несомненно, вызывалось огромнейшей потребностью ускоренно готовить церковные кадры для укомплектования вновь открывшихся западных приходов⁵⁹.

К апрелю 1946 г. в СССР работало 9254 приходских священника. Эта цифра сильно расходится с утверждениями советских властей иностранным гостям, что в СССР 58442 священника⁶⁰. В основном это были довольно пожилые люди: только 7,7% священников были моложе сорока лет, 42,8% были старше шестидесяти и служили в той или иной роли в церкви до революции, но 30,3% составляли священники, посвященные в сан в годы войны. Эти цифры наглядно показывают настоятельную потребность восполнить поредевшие ряды священнослужителей. Большинство действующих церквей находилось в областях, освобожденных от оккупантов, поэтому подавляющее число священников будет послано в эти районы. Из 264 священников, посвященных в сан во время войны, 240 были направлены в приходы, пережившие оккупацию⁶¹.

Хотя документы НКВД–НКГБ по этим вопросам еще не открыты, можно с уверенностью считать, что политическая полиция имела среди этого духовенства свою агентуру. Это практиковалось полицией, по меньшей мере, с 1921 г., когда чекистам было приказано прибегать к шантажу и подкупу, чтобы подчинить себе священников: «Финансовые и материальные субсидии, несомненно, привяжут их к нам, — говорили чекистам, — и к новым отношениям, когда священник станет вечным рабом ЧК, поскольку будет бояться разоблачения его деятельности»⁶². В большинстве случаев эти новоиспеченные священники заменяли местное духовенство, которое могло быть замечено в сотрудничестве с немцами или поддерживало связь с антисоветским (и часто с антинацистским) националистическим подпольем. Таким образом, командирование этих новых священников в западные пограничные области решало несколько задач: обезглавливало мест-

ное националистическое сопротивление, создавало по всем областям сеть священников-информаторов и помогало русификации региона. Несмотря на то, что этот процесс шел явно в интересах безопасности советского государства, несомненно, многие русские православные священнослужители положительно воспринимали обучение новых священников и возвращение приходов в западных областях под твердую руку патриаршей власти, даже если это означало компромисс с государственной властью.

Пользуясь установленными Собором новыми полномочиями, Русская православная церковь имела теперь возможность отлучать от церкви духовенство, не желавшее склониться перед новым режимом, чего не могла делать, пока в России не было канонически чистого патриарха. Не все духовенство, принужденное такими способами вернуться в общий поток, было довольное новыми отношениями между государством и церковью, но теперь, когда Красная Армия наступала и Сергей возведен на патриарший трон, у них оставалось мало альтернатив. Неназванный епископ из отделившейся Украинской церкви выразился так: «Все, чем занимается митрополит Сергей, дело грязное, но, что говоря, я хочу наконец вернуться домой»⁶³. Так, сохраняя внешнюю видимость религиозной терпимости, Патриархия и НКГБ работали над укреплением безопасности советского строя.

Возрождение снизу

Вплоть до Собора сентября 1943 г. Кремль плотно контролировал религиозную сферу в советском тылу. Власть распространялась преимущественно сверху вниз, и Русская православная церковь возвращала свою силу только постольку, поскольку позволяло государство. После Собора, однако, контроль государства начал ослабевать сразу в двух направлениях. Первое, благодаря смещению фронта с востока на запад создались благоприятные условия для возрождения религии снизу. Второе, новая религиозная политика Советов отличалась неясностью, и люди везде в Советском Союзе, как работавшие в государственном аппарате, так и не имевшие к нему отношения, не представляли себе, в каких пределах теперь разрешалась религиозная терпимость. Заигрывание Советов с церковью во время войны выпустило из бутылки таких духов, что Москве было очень трудно их обуздать.

Начиная с 1943 г., и в еще большей степени в 1944 г., Советы оказались перед лицом пугающего роста числа спонтанных религиозных

проявлений. Советские источники в один голос свидетельствуют об этом явлении на всей территории Советского Союза, как в районах, оккупированных немцами, так и в советском тылу. Карпов пытался объяснить это следующим образом: «События в жизни церкви за прошлые несколько лет: избрание патриарха, численное увеличение епископата, проведение Поместного Собора, публикация в газетах серии церковных документов, теологические курсы, распространение церковного журнала — все это способствовало оживлению церкви». «В целом, — продолжал Карпов, — за годы войны религиозные настроения выросли, произошел значительный рост посещений церкви»⁶⁴. Религиозное возрождение не ограничивалось православными церквями, другая записка Центрального Комитета отмечала ту же тенденцию «во всех религиозных культах», включая евангелистов, баптистов, адвентистов седьмого дня и евреев⁶⁵. Советские власти считали их более вредоносными, чем Русская православная церковь, потому что их нельзя было подчинить покладистой Патриархии, многие протестантские секты имели более сильные евангелические традиции, чем русская церковь, что сулило пугающую перспективу массового притока членов.

Однако даже патриаршья церковь была всего лишь терпимым злом, так как ее относительная свобода толкала верующих на требования от государства еще большего. Это иллюстрирует документ НКГБ из Пензенской области (к юго-востоку от Москвы): «Действующие в области две церкви в основном оказывают полезное влияние на верующее население, — писал сотрудник НКГБ, указывая, что они призывают прихожан ничего не жалеть ради победы над Германией. — Но в то же время эти две церкви служат центрами агитации за массовое открытие церквей. Такие взгляды они распространяют среди верующих, приезжающих в пензенскую церковь из отдаленных деревень области, за сто и более километров»⁶⁶.

Пытаясь понять этот взрыв религиозной активности, советские власти, как правило, полагали, что население в своей массе пассивно и легко управляемо. В вышеприведенной записке полковник НКГБ относил широкое распространение спонтанных религиозных актов в его области за счет невежества, плохой пропагандистской работы и манипуляции простыми людьми со стороны религиозных шарлатанов. Религиозная активность «говорит, прежде всего, об отсутствии массовой партийно-просветительной работы среди населения, — писал он. — Бродячие элементы, которые под видом больных, юродивых, странников выдают себя за «святых» и прозорливых людей, призывают к молениям и открытию церквей, распространяют всевозможные слухи. Особое влияние на религиозно настроенную массу

оказывают бродячие попы, монахи, появившиеся за последнее время в области после отбытия сроков наказания и высланные из режимных городов». Он приводит два конкретных примера: первый, Х. Т. Волокитин отбыл срок наказания за «контрреволюционную деятельность» и появился в Пензенской области как бродячий поп, и второй, И. В. Калинин вернулся из ссылки после осуждения за «антисоветскую деятельность» и тут же стал собирать молитвенные группы на своей квартире⁶⁷.

Разделительная линия между ГУЛАГом и обычной советской жизнью для НКГБ не существовала. Не только священники возвращались из мест заключения и начинали распространять свою веру, религия не давала властям покоя даже в «исправительных трудовых лагерях». Один документ НКВД предупреждал, что некоторые заключенные ГУЛАГа «собираются на церковные и сектантские молитвенные собрания», на которых ведется антисоветская и якобы «профашистская» агитация. Некоторые заключенные планировали побеги, чтобы распространять свое пагубное влияние. Кроме того, НКВД предупреждал, что «были вскрыты случаи, когда осужденные церковники нелегально устанавливали контакты с верующими на свободе с целью получения инструкций для а. с. (антисоветской. — С. М. М.) работы, а также религиозной литературы и материальной помощи». Для решения этой проблемы НКВД предлагал вербовать «квалифицированных агентов из числа заключенных церковников и сектантов», чтобы «разоблачать их нелегальные связи с волей»⁶⁸.

Отмечая имевшие место по всему СССР случаи распространения спонтанной религиозной активности и отправления служб неофициальными священниками, Карпов полагал, что это своекорыстные люди: «В подаче заявлений (об открытии церковей. — С. М. М.) хорошо известную роль играет избыточное безместное духовенство и даже бывшие церковные старосты и казначеи, видящие в открытии церковей источник личного дохода». Правда, однако, была намного сложнее, чем допускали советские бюрократы: религиозные верующие, как могли, использовали военный хаос и отсутствие постоянных правительственных структур, а вместе с тем и вновь обретенную религиозную терпимость. «Духовенство проявляет много инициативы в деле оживления религиозных настроений», — признавался Карпов. Некоторые священники, которые, как отмечалось в вышеприведенных документах, отбыли сроки наказания в ГУЛАГе, теперь следовали по пятам за Красной Армией, надеясь посеять семена новых церковей во вспаханную войной и временной слабостью политической власти почву. Возможно, кто-то из этих священнослужителей был приспособленцем, но, вопреки карповскому суждению, столь же

вероятно и то, что многие из них искренне стремились удовлетворить потребность народа в религиозном утешении, возникшую в неимоверно трагических условиях войны. И вообще, вряд ли можно представить себе, чтобы кто-то, думающий прежде всего о деньгах и личной безопасности, выбрал для себя в сталинском СССР карьеру служения церкви. Постоянная угроза ареста, полицейское наблюдение, гонения властей, о которых свидетельствуют эти документы, говорят о высокой решимости и даже мужестве этих бродячих священников. Однако материалистическое мировоззрение мешало советским функционерам не видеть в мотивации их действий ничего, кроме манипуляций и алчности.

Священники и простые люди часто не соблюдали советский закон, рискуя суровым наказанием. В Киеве, например, 40 верующих нарушили советский запрет на крещение и на глазах у 2 тыс. зрителей погрузились в воды Днепра, где в 988 г. произошло легендарное «крещение Руси». Приблизительно то же произошло в Харькове, где 150 человек наблюдали за крещением 45 верующих. Подобные вещи имели место во всех западных пограничных областях⁶⁹. Во многих других районах СССР верующие, не обращая внимания на советские юридические ограничения, создавали собственные церкви. Карпов писал: «В областях, где нет действующих церквей или где они в недостаточном количестве, наблюдается заметное распространение полных религиозных служб и обрядов, выполняемых священниками в незарегистрированных церквях или даже людьми, не имевшими духовного сана. В ряде мест эти службы приобрели массовый характер». Здесь, как и во многих других делах, возрожденная Московская патриархия приносила пользу. Во время Собора Сергей упомянул о священниках, которые отправляют службы и обряды, не пройдя формально посвящения в сан, и предупредил общины верующих, что на них лежит ответственность за искоренение священников-самозванцев⁷⁰. Патриархия со стоявшим за ней Кремлем могла находить и убирать политически ненадежных священников.

Несмотря на оказываемые Патриархией услуги, спонтанное возрождение религии представляло серьезную политическую угрозу для строго контролируемой сталинистской системы, создавая почву для того, что советские бюрократы называли «фактами антисоветских проявлений». Даже нарушения советского закона отдельными индивидами таило в себе риск перерастания в снежную лавину. Это, например, касалось открытых актов пацифизма. Так, один студент-медик из украинского города Днепропетровска, принадлежавший к адвентистам седьмого дня, отказался служить в армии. После заключения его в тюрьму шесть его сокурсников написали петицию с

требованием его освобождения. «Руководитель организации адвентистов седьмого дня в городе вместе с ее членами отрицательно относятся к воинской службе». Они утверждали, что военная служба есть дело «совести каждого человека»⁷¹. Для сталинистов такие идеи казались крайне еретическими. В Житомире, к западу от Киева, баптисты и евангелисты собирались на публичные моления за арестованных в связи с отказом от военной службы и были за это наказаны⁷².

В отдельных случаях Советы сталкивались с сопротивлением религиозных общин государственной власти. Даже тогда, когда такое сопротивление носило пассивный характер, органы безопасности реагировали жестко. В январе 1945 г. сотрудники НКВД сообщили Лаврентию Берии, что в предшествующем году в Орловской, Воронежской и Рязанской областях они положили конец деятельности секты, называвшей себя «истинно православными христианами» (ИПХ). НКВД обвинил их в «паразитизме», лишил продовольственных карточек и отправил «стариков и детей... в дома инвалидов». Когда принятые меры не принесли плодов, остальных членов выслали в разные места Сибири и Центральной Азии⁷³. К концу войны всего было выслано и продолжало жить в ссылке 1 212 членов ИПХ, из них 102 мужчины, 659 женщин и 451 ребенок в возрасте моложе 16 лет⁷⁴. Источники не приводят данных о том, сколько людей умерло в результате арестов и высылки.

Небольшие религиозные выступления разрастались, если их не пресекала полиция. В рапорте НКГБ сообщается, например, что 30 мая в деревне Николо-Азиас «антисоветский элемент» воспользовался «массовым» религиозным сборищем. После общей молитвы группа из 30 женщин, возглавляемая Татьяной Колчиной и Ольгой Потаповой, прошла по улице села с иконами, распевая церковные гимны, скоро к ним присоединилось более ста других людей. Неожиданно «кликуша Потапова, впав в религиозный экстаз, начала выкрикивать антисоветские лозунги против колхозов». Секретарь Пензенского обкома гневно спрашивал: «Почему терпят такие действия церковников?». Оперуполномоченный райотдела НКГБ Жданов знал заранее о готовящемся «шествии», но «не принял превентивных мер», даже не информировал «свое руководство»⁷⁵.

Эти и многие подобные им инциденты были, конечно, мелкими происшествиями, но они иллюстрируют готовность тоталитарных властей подавить даже такие жалкие признаки оппозиции, чтобы они не переросли в новую пугачевщину, великое, дикое крестьянское восстание 1770-х гг. против Екатерины Второй, ставшее постоянным напоминанием правителям России о том, как сельское недовольство, не будучи подавлено в зародыше, может стремительно

перерасти в массовое восстание. И дело «истинных православных», и инцидент в Николо-Азиасе, какими бы мелкими событиями они ни были, соединяли две мощные сельские силы: религиозный энтузиазм и ненависть к коллективным хозяйствам; и то и другое были широко распространенными явлениями в среде крестьянства. НКГБ немедленно арестовал Колчину и Потапову, а с ними еще одну несчастную женщину и объявил выговор своему местному представителю за отсутствие бдительности; а в эту, ничем не примечательную деревню прислали двух пропагандистов «для проведения длительной массово-политической работы»⁷⁶.

Как уже отмечалось выше, спонтанная религиозная деятельность представляла наибольшую опасность для Советов, когда она переплеталась с национализмом и партизанским сопротивлением Красной Армии. Это было типичным для западных пограничных областей, не только в Украине, но и в прибалтийских государствах и Молдавии. Иногда это были незначительные инциденты, которые без труда подавлялись советскими репрессивными органами. В 1944 г., например, в Ровенской области некто Михаил Кузьмин собрал группу в 50 человек «пятидесятников»⁷⁷ и вывел их в лес на встречу с украинскими националистическими партизанами. Позже, после «ликвидации» группы, Кузьмина с 12 членами его секты арестовали и судили⁷⁸. В Молдавии, согласно документу НКГБ, даже после окончания войны республиканская православная церковь продолжала помогать румынскому националистическому сопротивлению и занималась «разжиганием негативного отношения к советскому строю»⁷⁹. В том же документе детально описываются якобы имевшие место случаи сотрудничества республиканской православной церкви с врагом во время войны и осуждается ее враждебность Московской патриархии⁸⁰.

Религия и национализм в западных пограничных областях соединялись и смешивались, и требования верующих о большей свободе богослужений временами звучали как косвенный призыв к большей национальной независимости. В Литве, например, католики требовали религиозного обучения в школах и заявляли, что «не признают свободу совести и что церковь существует, пока преподавание Закона Божия в школах не запрещено. Для нас это основной вопрос, все остальное мелочь, и мы даже не желаем это обсуждать»⁸¹. Католицизм помог определить литовскую культурную и национальную независимость от России. Власти не думали разрешать религиозное обучение не только потому, что это шло вразрез с советским «научным атеизмом», но еще и потому, что таким образом благословлялась бы подготовка новых кадров литовского национального сопротивления, одного из самых эффективных антисоветских движений.

Требования религиозного образования были обычными и среди этнических русских. Отчасти это связано с неясностью дозволенных рамок религиозной терпимости. В августе 1945 г. Карпов писал: «Нескольким группам верующих никто в достаточной мере не разъяснил неизменность закона об отделении церкви от государства, и они думают, что происходящие в жизни перемены означают, что церковь сделалась частью государства, и на этой основе выдвигают серию незаконных требований»⁸². «Восстановление церковной жизни», предупреждал Карпов, подталкивало священников в некоторых местностях требовать религиозного обучения молодежи. «Попы пытаются оказывать влияние на детей», как дошкольников, так и учащихся школ. Один такой священник в Сталинской области даже пытался получить доступ к детям-сиротам в детдоме, предложив за это 1000 рублей. «Директор дал ему полный от ворот поворот», — самодовольно отметил Карпов.

Самый обычный источник конфликтов между верующими и государством касался церковного имущества. В ходе прежних антирелигиозных кампаний Советы закрыли тысячи церквей, передав их здания для другого использования или оставив пустовать, некоторые находились в ужасающем состоянии. В районах, оккупированных немцами, верующие заняли многие такие церкви, вернув им первоначальные функции. Поэтому, когда возобновилась советская власть, появились серьезные трения между советскими органами и местными приходами. Карпов писал: «Законная деятельность местных советских органов по возвращению государственных и общественных зданий, которые были заняты для молений обществами верующих в период оккупации, иногда толкуются верующими как “репрессии” против церкви». В одном таком случае, когда депутат Совета сказал священнику по имени Василевский, что его церковь не будет возвращена к ее истинной функции, священник ответил: «Опять начинаются репрессии против церкви, и отношения будут такими же, как в прошлом. Обществам “дали” помещения, а теперь “требуют их возвращения”»⁸³. По словам Карпова, подобного рода споры занимали у его Совета большую часть времени, «верующие приезжали каждый день не только из Московской области, но и из ряда более отдаленных областей. Обращаясь с просьбой о восстановлении церквей, верующие ссылаются на Конституцию, на расстояние до действующих церквей, на факты открытия церквей в других областях, на существование в некоторых местах большого числа верующих и на потребность молиться за семью и друзей, которые погибли во время войны». К июлю 1945 г. Совет по делам Русской православной церкви получил 5770 заявлений об открытии церквей, не считая повторных обраще-

ний, из которых были удовлетворены только 414, в 3850 случаях в удовлетворении просьб было отказано местными советами, и 1056 в августе 1945 г. все еще находились на рассмотрении. Карповская группа явно не торопилась. Заявления не ограничивались только русскими областями или местностями с преимущественно славянским населением; в Туркменистане местные православные просили вновь открыть их церкви, подавая пример местным мусульманам⁸⁴.

Перехваченное в июле 1944 г. советской разведкой письмо архиепископа Тамбовского проливает свет на проблему возвращения церковных помещений и показывает, что некоторые служители церкви пытались разработать фабианскую стратегию терпеливого расширения границ религиозной свободы, насколько позволяли условия. Архиепископ сетовал на духовное состояние России и на то, что крещение принимает очень мало людей, но верил, что русские люди в сердце остались христианами, невзирая на годы коммунистической антирелигиозной пропаганды. «Медленно, недопустимо медленно идет открытие церквей в деревнях», — писал он. Духовенство должно работать над возвращением церквей, не разрушенных во время боев, пришедших в негодность из-за небрежения или во время довоенных антирелигиозных кампаний. Он предложил не пытаться ремонтировать разрушенные церкви, для чего все равно не имелось средств, вместо этого верующие должны строить небольшие деревянные часовни. Русской православной церкви нужно последовать примеру мусульман, писал архиепископ, у которых на каждой улице есть маленькая мечеть. Вместе с тем церковь должна просить государство разрешить производство предметов культа, вроде икон и молитвенников⁸⁵.

Во время войны советские власти не хотели этого разрешать. Больше того, они уничтожили множество предметов религиозного культа, которые попали к ним в руки. В марте 1944 г. советские войска захватили около 60 тыс. икон, которые были произведены в Дрездене вместе с другими предметами церковного культа. Немцы изготовили их, в последний раз пытаясь использовать в своих целях славянское религиозное общественное мнение. Стоимость одних только икон составляла 617 509 рублей. В. Н. Меркулов из тайной полиции писал в Центральный Комитет: «НКГБ СССР считает целесообразным все эти церковные предметы немецкого происхождения уничтожить путем сожжения»⁸⁶.

Некоторые наивные верующие восприняли созыв Собора как доказательство того, что правительство даровало церковникам новые широкие права. «Неверное понимание вопросов, касающихся деятельности церкви, ведет к ряду нарушений существующих законов со стороны духовенства и верующих, — писал Карпов. — После публи-

кации резолюций и обращений Поместного Собора верующие усилили свои просьбы, ссылаясь на эти документы».

Сложилась ситуация, когда общины верующих и отдельные верующие на всей территории СССР пребывали в замешательстве, так как не могли понять, где кончается дарованная государством религиозная терпимость, а работники советского аппарата терялись еще больше, недоумевая, как им действовать. Старые, довоенные правила были предельно простыми: организованная религиозная деятельность подлежала подавлению. Ныне, однако, границы дозволенного стали неопределенными, и государству, не знакомому с народными движениями, нужно было приучиться к определенной степени религиозной толерантности или, по крайней мере, к поддержанию ее видимости. Для лишенных воображения бюрократов среднего и нижнего уровней такая перестройка была невообразимой. Не удивительно, что возникли две тенденции: некоторые местные власти посчитали, что на самом деле в отношениях между церковью и государством ничего не изменилось, и они продолжали обращаться с требованиями верующих с полным презрением. Другие местные советы ошибочно интерпретировали изменения в центре как объявление примирения церкви и государства. Первая тенденция, похоже, была более распространена, но вторая, с точки зрения Москвы, много опаснее. «В Совет часто поступают жалобы на медлительность при решении вопросов об открытии церквей, — писал Карпов, — о необоснованности отказов, на грубость представителей местных органов советской власти, даже на прямой обман». В ряде случаев местные Советы вели себя как бандиты, вытрясая из групп верующих деньги. В деревне Павлово Ярославской области, к северо-востоку от Москвы, например, верующие просили райисполком открыть местную церковь. Власти обещали это сделать при условии, что община сначала заплатит «задолженность по долгам за 1939–1943 гг. в сумме 27 тыс. рублей, что верующие и выполнили». Уплатив требуемую сумму, они повторили свою просьбу, но в ответ услышали, что должны внести еще деньги на ремонт. Они собрали еще 18 тыс. рублей, но местные власти церковь не открыли, сделав в ней зерновой склад. Обобранным павловским верующим все равно пришлось ходить в ближайшую действующую церковь за двенадцать километров.

Финансовые нарушения властей отражали нажим, оказываемый на местных чиновников со стороны вышестоящих начальников из Москвы. Центр возлагал на местные администрации серьезные обязанности по сбору денег в ходе подписки на военные займы, и некоторые чиновники обращались к самому незащитному и готовому источнику наличных средств, который ими контролировался, временами не

брезгуя шантажом. Так, недалеко от Винницы председатель местного сельсовета приказал священнику и представителям общины верующих подписаться на государственный займ. Когда они отказались, он посадил их в камеру и держал там, пока они не передумали. После этого пострадавшие от превышения власти пожаловались в Москву.

Многие местные инциденты говорят о том же самом. В Херсонской области, на юго-западе Украины, председатель сельсовета в селе Ново-Натальевском «организовал демонстративное закрытие действующего молельного дома». Он раскидал предметы религиозного культа по полу, поломал или повредил их и снял крест с крыши здания, водрузив на его место красный флаг. Когда верующие в селе Кировоградской области попросили председателя местного райисполкома Глацкова позволить им вновь занять церковь, которую превратили в клуб, он ответил отказом. Они спросили, где же им тогда молиться, и он сказал: «А где хотите, в мазанке, в погребе». Тот же Глацков оказался в центре другого инцидента. Председатель колхоза в селе Мельники выгнал верующих из церкви, которую до войны закрыли и превратили в школу, а иконы и другие религиозные предметы выбросили на площадь. Когда община обратилась к Глацкову, «тот не захотел слушать верующих и велел выйти из его кабинета». Неприязнь Глацкова к религии не была единичным случаем. В Новгородской области глава другого райисполкома заявил пришедшим к нему верующим: «Пока я председатель исполкома, в моем районе не будет церковей. Лучше не пишите заявлений».

Местные бюрократы иногда вмешивались и в чисто внутренние церковные дела. В маленькой деревне, тоже в Кировоградской области, епископ сместил священника за неправильное поведение, но местный совет отменил его приказ. Только после вмешательства Москвы первоначальное решение епископа было восстановлено⁸⁷

Восстановление партийной линии

Нежелание местных властей сотрудничать с церковью, сопровождавшееся порой серьезными, иногда мелочными инцидентами, угрожало общим замыслам Москвы. В процессе антирелигиозных кампаний Кремль осознал, что от религии не избавиться росчерком пера и ее не раздавить оди махом, если действовать слишком грубо, она просто уйдет в подполье, где ее труднее контролировать. Меньше всего Москва хотела согнать верующих в тайные общества, которые, особенно в западных пограничных областях, могли сомкнуться с националистическим сопротивлением. Намного лучше допустить

такую меру религиозной деятельности, которая будет в зоне внимания Московского патриархата, самого находившегося под контролем Кремля.

На следующий после Собора год Москву все больше стала беспокоить растущая неясность в религиозных делах, особенно путаница в головах местных кадров относительно степени дозволенной религиозной терпимости. Местным партийным работникам и пропагандистам требовались разъяснения Центрального Комитета. В длинном письме, предназначенном для партийного актива, который занимается религиозными делами, заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Александров изложил партийную линию по этому вопросу⁸⁸. Он писал, что во время войны наблюдался общий патриотический подъем и свою роль в нем играли верующие и церковь. Церковь молилась за победу над немцами, собирала деньги для Красной Армии и призывала верующих преданно сражаться за советское государство. Кроме того, «церковь осудила ту роль, какую сыграла часть духовенства в оккупированных немцами советских областях, продавшись врагу и помогая немцам подавлять советский народ».

Эти важные шаги изменили положение церкви по отношению к государству, утверждал Александров. Во время революции и гражданской войны русское православие было наймитом на службе «зарубежных антисоветских кругов» и эксплуататорских классов России. После установления большевистской власти церковь занималась «антисоветской работой» на стороне белых сил против коммунистов. Ввиду этого государство было вынуждено ограничить «деятельность церкви и права духовенства».

Однако с начала войны против нацистов церковь показала себя лояльной, «это факт огромного политического значения». Во время войны, писал Александров, Советам нужна была и моральная поддержка церкви, и активное участие в войне простых верующих, «несмотря на колоссальный рост атеизма и отказ рабочих от религии, церковь все еще объединяет в своих рядах огромные массы верующих, десятки миллионов людей». Было важно, чтобы это широкое влияние использовалось «дружеским», а не «враждебным образом». Вот почему во время войны советское правительство разрешило церкви публиковать обращения, собирать деньги, выступать по радио, печатать документы и статьи, а также созвать Собор.

Хотя эти меры были вызваны необходимостью, члены партии не должны делать преждевременных выводов, что Кремль реабилитирует религию:

«Это ни в коем случае не означает, что партия и советская власть меняют свое принципиальное отношение к религии и церкви. Наше

отношение к религии и церкви, основанное на учении марксизма-ленинизма, что религия — это антинаучная идеология, остается неизменным. Поэтому все изменения во взаимных отношениях церкви и государства, вызванные войной, не нарушат основную линию партии в религиозном вопросе, больше того, не изменят ее».

Невзирая на новый уровень религиозной терпимости, оставались в силе все советские законы, касающиеся отделения церкви от государства, а также недопущения религии в школах. Очень важно было правильно понимать эту линию, писал Александров, потому что церковь пользовалась военным положением для расширения своего влияния среди «масс». Духовенство распространяет представление, будто «Родина и Церковь, православие и патриотизм — одно и то же», оно также утверждает, что Бог вознаграждает только верующих. Таким образом, церковь эксплуатирует понятное желание советских людей увидеть скорейшее окончание войны для насаждения идеи, будто только молитва, открытие церквей и возобновление религиозного обучения осуществляют это.

Александров с беспокойством отмечал шквал обращений в Москву с просьбой об открытии церквей и сетовал, что «во время войны» стали заметнее всевозможные суеверия и предрассудки. «Партийные организации не могут стоять в стороне и спокойно наблюдать, как церковь охватывает своим влиянием тысячи советских людей, большинство из которых честные колхозники и рабочие». Коммунисты должны «бороться с влиянием церкви на население с помощью развития культурно-образовательной и полит.-просветительской работы». «Больше того», советские власти должны принимать меры в отношении духовенства, которое пытается расширить влияние церкви, «при этом грубо нарушая советский закон, иногда под флагом религии проводя антисоветскую пропаганду». В качестве примеров он приводил случаи, когда толпы шли крестным ходом и молили Бога послать дождь.

Другим проявлением антисоветского влияния было распространение «лживых слухов». Ходили слухи, будто назначение митрополита Николая членом Комиссии по расследованию фашистских преступлений означало возвращение старого порядка, когда царь с митрополитом вместе решали вопросы политики. Открытие церквей породило другой клеветнический необоснованный слух, будто Москва пошла на этот шаг «под влиянием союзников». Когда после Собора в газетах напечатали приветствие Собора Сталину, появились новые слухи, утверждавшие, будто в школах снова разрешат преподавание закона Божия, откроют еще больше церквей, «разрешат колокольный звон и выпустят всех арестованных священников».

Такие «враждебные» слухи очень вредны, предупреждал Александров, и с ними нужно бороться; они имеют целью «дискредитировать политику партии в глазах народа» и пробудить «в трудящихся массах идею, будто советская власть и коммунистическая партия “ошибались”, отрицательно относясь к религии, а теперь отказались от прежних взглядов и возвращаются к политике поддержки религии и церквей». Советский актив должен пресекать такие мысли, объясняя, что политика Москвы соответствует советским законам и что приветствия Сталину были опубликованы не потому, что изменилась линия партии и не ради каких-то мифических «потребностей», а потому, что церковь выполняет свой «патриотический долг» во время войны. Открытие церквей также не означает изменение политики Кремля и еще меньше признание того, что партия в прошлом проводила неверную политику. Пропагандистам следует разъяснять, что свобода совести всегда была политикой партии и закреплена в Конституции. Включение митрополита Николая в правительственную комиссию было необходимо просто потому, что немцы разрушили очень много церквей.

Избрание нового патриарха следует объяснять общественности как «внутреннее дело» церкви, государство просто не мешало этому процессу. «Это свидетельствует о том факте, что в СССР церковь обладает полной свободой религиозной жизни... Государство не только не вмешивается в эту свободу, а, напротив, обеспечивает и охраняет ее». Любые представления о том, что избрание патриарха означает восстановление дореволюционных отношений между церковью и государством или что церкви будет разрешено обучать детей, не что иное, как «провокационные измышления». Правильное разъяснение этих вопросов нужно противопоставить «разным лживым и клеветническим слухам, распространяемым враждебными элементами».

Александров выражал недовольство местными партийными руководителями, которые якобы из-за своей бездеятельности допустили, чтобы церковь укрепляла свои позиции в массах, и которые затем пытались исправить положение, прибегая к «грубым административным мерам». Это «неправильный и губительный путь», потому что репрессии только «озлобили» верующих. Вместо этого члены партии должны занять позицию «невмешательства». Им следует руководствоваться ленинскими словами: «бороться с религиозным туманом только идеями и идеологическим оружием». Но Александров при этом намекнул, что кадры должны быть готовы к будущим изменениям в тактике, имея в виду, возможно, что по окончании войны помощь церкви может утратить ту важность, которую имела в военное время. Александров также напомнил ленинскую мысль, что тактика

против религии должна меняться по мере изменения «конкретных условий».

Главной задачей партии в тот момент должна была стать мобилизация «всех сил народа для победы над врагом». Поэтому было бы «политической ошибкой, если бы мы продолжали антирелигиозную пропаганду в старых формах». Пропагандистам следует прекратить выступать с лекциями под такими названиями, как «Религия — враг социализма», «Есть ли Бог», «Жил ли Христос» или «Церковь и шпионаж», которые могут «столкнуть» верующих и атеистов, ослабить единство народа перед лицом врага.

Во время войны партийный подход к церкви и патриотическим верующим должен состоять не в ненужных «нетерпимых» наскоках на религию, он «должен быть особенно осторожным и тактичным». Упорно работая на лекциях, в кинотеатрах и на других общественных аренах, пропагандисты должны давать «правильные» объяснения явлениям природы, чтобы разоблачать ложь религиозных предрассудков. Для лекций Александров предлагал несколько возможных тем: «Откуда берется дождь?», «Отчего зависит погода?», «Как получить хороший урожай?» и т. д. Такого рода материалистические научные лекции должны отвлечь людей от молитв о хорошей погоде. Пропагандистские кадры должны также объяснять, за что сражается Красная Армия. Не менее важно то, что пропаганда должна «разоблачать демагогические маневры фашистов, направленные на обман верующих (открытие для них в некоторых местах церквей, разрешение звонить в колокола и т. п.), показывать, как фашизм подавляет свободу совести, преследует верующих и духовенство, насильно уничтожая христианскую религию, разрушая церкви и т. д. Проводя такие кампании, активисты должны привлекать к ним представителей советской интеллигенции: врачей, учителей, техников, инженеров, агрономов и т. д.

Письмо Александрова должно было наметить направления будущей пропаганды, которая ни в коем случае не должна была оставаться верной исторической правде. Оно возлагало на саму Русскую православную церковь вину за страдания, пережитые ею в связи с антисоветской деятельностью в первые годы большевизма, и ни словом не обмолвилось о том наследии враждебности к религии во всех ее формах, которое партия получила от самого Маркса. Утверждение, что Ленин и его сторонники всегда вели антирелигиозную пропаганду только в идеологическом плане, было ерундой чистой воды, и читатели документа, принадлежавшие к старшему поколению, конечно, знали это. Неправдой было и то, что церковь постепенно завоевывала доверие режима в первые годы войны — за каждым шагом по возрождению церкви стоял Кремль. Наконец, Александров обошел молча-

нием внешнюю политику и политическое использование церкви государством.

При всех недостатках и экономии на правде, документ, хотя бы косвенно, говорил о нескольких важных моментах. Александров признал, что, несмотря на решительные усилия режима, десятки миллионов советских граждан упорно держались своей религиозной веры и что в тот момент это представлялось значительным препятствием для реализации коммунистических планов. Если церковь, возможно, и приходилось терпеть во время войны, пока существовала необходимость в ее услугах, то задача советских кадров заключалась в том, чтобы уменьшить ее влияние; церковь остается врагом, ее следует постепенно ограничивать и ослаблять, подрезая корни в массах. Особенную надежду партия возлагала на советскую молодежь. Записки Александрова показали и еще один ракурс религиозной динамики в СССР: Кремлю, может быть, и удалось привлечь на свою сторону иерархию Русской православной церкви, но рядовые священники составляли опасную политическую и социальную силу, потому что продолжали проводить молебны и церковные службы по всей стране. В сущности, одним из главных привлекательных моментов сотрудничества между церковью и государством, с точки зрения Кремля, была способность Патриархии держать это низшее духовенство в узде.

Наиболее остро для Кремля идеологические проблемы стояли в западных пограничных областях, где немецкая оккупация создала почву для роста двух зол: антисоветского национализма, смешанного с ростом религиозных настроений. Искоренить это двойное зло сталинистские власти предполагали сочетанием пропаганды и полицейских репрессий. Приблизительно в момент появления на свет письма Александрова, с середины 1944 г. до начала 1945 г., советский Центральный Комитет принял ряд резолюций и решений о пропагандистской работе в Молдавии, Белоруссии, Западной Украине и прибалтийских государствах⁸⁹. Центральный Комитет отмечал, что население этих областей подвергалось «лживой фашистской пропаганде» и было «лишено верной советской информации». Советские пропагандисты должны рассказывать о нацистских преступлениях и воспитывать «ненависть к врагу»⁹⁰. Центральный Комитет требовал от партийных организаций в Белоруссии уделять «особое внимание» просвещению населения по вопросам подлинного «социалистического отношения к труду и общественной собственности» и, что звучало особенно зловеще, если вспомнить историю сталинизма, «усилению государственной дисциплины». Члены партии должны бороться с «частнособственническими, антиколхозными и антигосударственными настроениями, семена которых посеяны оккупантами в некоторых группах населения»⁹¹. «Первоочередная задача партийных

организаций западных областей Белоруссии, — предписывалось Центральным Комитетом, — разоблачение фашистских националистов и их идеологии». Коммунистическим кадрам следует поэтому разъяснить населению, что только советское правительство, основываясь на дружбе народов, обеспечит рабочим западных областей Белоруссии основные свободы, материальное благосостояние и быстрое культурное развитие»⁹².

Эти указания подчеркивали необходимость переучивания всех людей, переживших немецкую оккупацию, особенно молодежи. Они предлагали для пропагандистов, учителей и партийных активистов интенсивные программы изучения основ марксизма-ленинизма, идей «дружбы народов», которая якобы была нормой в Советском Союзе, специально подчеркивалась важность изучения проблем восстановления экономики и обеспечения условий для ведения войны. Москва санкционировала публикацию десятков газет на местных языках, а также массовое распространение центральных изданий на русском языке. В качестве противодействия от антисоветских представлений, имевших широкое распространение в западных пограничных областях, рекомендовались фильмы, плакаты, новые школьные учебники, лекции, кружки политического образования и публичные чтения.

В соответствии с предписаниями Александрова следовало избегать прямых нападок на религию, в этих предназначенных для широкого ознакомления документах ни разу не содержалось призыва бороться с верой как таковой, это подразумевалось подспудно, с помощью зашифрованных слов. Учеба учителей и преподавателей высших учебных заведений, а также рядовых граждан должна была включать мощную дозу «основ марксистско-ленинского мировоззрения»⁹³. Отсутствие открытых упоминаний о религии помешало историкам понять, что главной целью новой пропагандистской кампании Центрального Комитета было происшедшее в годы войны широкое возрождение религии:

«Главным содержанием научно-просветительной пропаганды должно быть материалистическое объяснение фактов природы, объяснение достижений науки, техники и культуры. Среди населения, особенно на селе, следует широко организовывать лекции, беседы и чтение популярных брошюр и статей об организации Вселенной, происхождении Солнца и Земли, о фундаментальных астрономических фактах, зарождении и развитии жизни и происхождении человека, анатомии тела, о появлении и распространении растений и животных, причинах болезней и борьбы с ними, о научных основах земледелия и скотоводства, о мерах по увеличению урожайности и продуктивности животноводства, об энергии и ее использовании и т. д.».

Центральный Комитет дал указание проводить публичные лекции, печатать брошюры и публиковать «популярные» серии книг, а также снимать фильмы по всем этим «естественно-научным» темам. Несколько журналов, обычно предназначавшихся для учителей и агитаторов, также должны были печатать «научно-просветительную пропаганду»⁹⁴.

Эти документы свидетельствуют о закостенелой неспособности советских чиновников понять религиозные явления. Большинство живущих в городе образованных бюрократов впитали атеизм или религиозный скептицизм с молоком матери, для них религиозная вера была фактически продуктом крестьянской отсталости и плохого образования. «Мандарины» Центрального Комитета, очевидно, полагали, что если крестьянам объяснить научные механизмы дождя, они расстанутся со своей упорно хранимой верой.

Прошло немного времени, и иностранным обозревателям стала очевидна обновленная, но более тонкая пропагандистская кампания Кремля против веры. В апреле 1945 г. Фрэнк Робертс, сразу после Ялтинской конференции назначенный в посольство Англии в Москве⁹⁵, сообщил в Лондон, что, «несмотря на недавние уступки советского правительства православной церкви, коммунистическая партия остается в непоколебимой оппозиции религии и полна решимости бороться с существованием религиозных верований среди народа в целом». Робертс отметил, что в учебниках для подготовки учителей начальных классов по-прежнему подчеркивается важность «антирелигиозного воспитания» для советской молодежи. В тексте этих учебников утверждалось, что религия не только антинаучная, но и глубоко реакционная идеология и что советский учитель должен придавать антирелигиозное направление и заостренность всем преподаваемым им предметам. Народный комиссариат образования издал аналогичные инструкции для преподавания химии в средней школе, где говорилось, что причина изучения этого предмета в привитии истинного материалистического и диалектического мировоззрения. То же самое было сказано в школьных программах по астрономии и физике за 1944 г.

Если читать между строк советскую прессу, становится очевидным, что за время войны очень много учителей в СССР были заражены политически неверным отношением к религии. Подробная статья молодого Михаила Суслова в газете молодых коммунистов «Комсомольская правда» от 16 сентября 1944 г. напомнила читателям, что коммунистическая партия продолжает считать религию антинаучной, но предупреждала, что грубая тактика подавления приведет только к «усилению религиозного фанатизма». «Учительская газета» от 14 апреля 1945 г. обратила внимание, что некоторые учителя, к

счастью, по мнению автора, немногие, из-за роли церкви, сыгранной ею во время войны с фашизмом, сделали неверные выводы о религии. Газета напомнила учителям, что их задача прививать подопечным правильное материалистическое мировоззрение⁹⁶.

Неудивительно, что многие учителя находились в состоянии растерянности по поводу новой скорректированной партийной линии в отношении церкви, разобраться в ней было делом нелегким. Людям говорили, что религия не научная идеология, что она была и останется антисоветской силой, что после революции церковь брала сторону врагов большевизма и что недалеко время, когда она отомрет. И в то же время миллионы простых советских граждан оставались верующими, на улицах вновь появлялись священники, иногда прямо из заключения, постепенно открывались церкви, священники собирали пожертвования на войну, митрополит Николай присутствовал и выступил на государственном мероприятии, потом участвовал в правительственной комиссии по расследованию нацистских преступлений.

Даже в самом советском аппарате наблюдалось серьезное замешательство по поводу новой роли религии в обществе. В феврале 1945 г. одновременно с принятием Центральным Комитетом мер по ведению должной советской пропаганды в Западной Украине сотрудник Дорогобычского обкома И. Ковалев написал «тезисы» по истории религии в российском и советском обществе с особым акцентом на объяснение позиции униатской церкви⁹⁷. Работа Ковалева имела целью ведение пропаганды по религиозным проблемам в его беспокойной области, где национализм, и светский, и религиозный, полыхал ярким пламенем, как нигде в СССР. Как покажет его последующее изложение, линия партии имела свои границы, несмотря на то что различить их было трудно всем тем, кто не сидел в Центральном Комитете. Дело Ковалева интересно не только в качестве иллюстрации трудностей, с которыми сталкивался Кремль, пытаясь настроить пропаганду в области религии, но и как конкретный пример того, насколько важной была в эпоху Сталина правильная идеологическая переработка истории, даже весьма отдаленной.

Ковалев начал с повторения установок, сделанных Александровым и Центральным Комитетом: «Все религии вообще, — писал он, — являются антиподами науки». «Материалистическая наука» не знает Бога, и Божество не создавало человека по своему образу и подобию; «наоборот», человек создал бога. Маркс и Дарвин вытеснили «идеалистическую философию», которая «понесла окончательное поражение». Тем не менее над прогрессом нависла угроза; религия оставалась опасной силой и стремилась «затащить человечество обратно во времена глубокой древности, к идеологии эпохи рабовладения».

Настоящая эпоха внушает надежду именно потому, что человек, перестав зависеть от сил природы, теперь становится хозяином своей окружающей среды.

Обращаясь к истории религии, Ковалев вступил на зыбкую почву. Хотя религия в сталинистскую эпоху из моды вышла, он говорил, что это не означает, будто она всегда была ретроградом, наоборот, «диалектически» она неоднократно играла в России позитивную роль, даже несмотря на то что по своей природе и объективно была заблуждением. Крещение Руси в 988 г. принесло стране более высокие нормы поведения, укрепило моральные устои общества, обогатило искусство, породило новые знания и даже укрепило единство государства. При Иване III и Иване IV в пятнадцатом и шестнадцатом веках соответственно церковь помогла обуздать крупных помещиков, отчего в государстве усилилась центральная власть. Однако на протяжении семнадцатого века и особенно при Петре Первом церковь начинает становиться реакционной, она уступила государству свою институционную свободу и выступила против новой социальной силы, капитализма, в то время, согласно марксистским канонам, игравшего прогрессивную роль.

Церковь оставалась служанкой царского государства, пока не свершилась большевистская революция. Высшее духовенство Русской православной церкви было выходцами из помещичьего класса, естественно, русское православие «служило белогвардейским контрреволюционерам против народа». Новое большевистское государство вынуждено было на «белый террор» ответить «красным террором» и атаковать церковь не за то, что она пропагандировала ложную доктрину, а за то, что она выступала против создания социалистического государства. «Советская власть абсолютно не подавляла религию, — писал Ковалев. — Не вина советской власти, что руководство и духовенство православной церкви оказались среди врагов народа». Большевистское правительство отделило церковь от государства, что, как весьма неубедительно объяснял Ковалев, «было сделано в интересах церкви, а не против нее». Освобожденная от «порабощающего союза с царизмом, — написал Ковалев фразу, которая принесет ему неприятности, — церковь восстановила свое благородное лицо и репутацию и быстро ликвидировала наследие царизма в своей внутренней жизни». Она собрала миллионы рублей на помощь голодающим в конце гражданской войны и прекратила враждебную деятельность против коммунизма. Такими действиями, а также лояльной поддержкой войны против Гитлера «православная церковь и ее духовенство показали всему миру, что теперь они идут с народом».

Наиболее противоречивой частью «тезисов» Ковалева был пассаж, касавшийся Греко-католической церкви, особенно в свете зна-

чения этой церкви в Западной Украине. Униатская церковь, писал он, «прошла совершенно иной исторический путь», чем православие, так как всегда была церковью меньшинства в Российской империи и никогда не вступала в «симбиоз с царизмом». «На протяжении исторической борьбы украинского народа за национальное освобождение Греко-католическая церковь, несмотря на окатоличивание, все время оставалась оплотом национально-освободительного движения в Западной Украине.» Эта национальная борьба носила прогрессивный характер, когда направлялась против Австро-Венгрии и царистской русификации, но со временем церковь «попала в руки местной национальной буржуазии» и приобрела «буржуазный характер». Руководство церкви выступило против большевистской революции и «стремилось отдать Украину в руки капиталистического мира», а также пыталось установить более тесные связи с реакционным Ватиканом. Однако после «освобождения» Западной Украины Красной Армией в сентябре 1939 г. духовенство «признало ошибочность» своей прежней антисоветской деятельности.

После нападения нацистов большая часть членов церкви присоединились к борьбе в защиту родины от захватчиков. «Период немецкой оккупации, — писал Ковалев, — еще больше раскрыл глаза греко-католического духовенства», которое теперь встало на путь идеологического разрыва с католическим Западом в пользу православного Востока. Затем Ковалев перешел к главному:

«Буржуазно-националистическое движение в Западной Украине переживает второе рождение в бандах немецко-фашистских шпионов, диверсантов и предателей родины, украинско-немецких националистов, являющихся теперь злейшими врагами украинского трудящегося народа. Оуновцы, бандеровцы, мельниковцы, уцекисты — все они воюют против советского государства... Остатки этих бандитских националистических групп все еще бродят по лесам и селам, по приказу немцев обманывая народ. Задача украинского духовенства в том, чтобы принимать активное участие в разоблачении немецко-фашистских пособников, украинско-немецких бандитов перед широкими народными массами и положить конец предательству народа нацистско-демагогическими бандитами».

В заключении Ковалев написал, что для искоренения этих предателей партийный актив должен сотрудничать с местным духовенством⁹⁸.

Ковалевский религиозно-исторический обзор отдавал потрясающей наивностью, что-то вроде знаменитой исторической пародии, где главные события в английской истории делятся на хорошие и плохие. Ясно, что Ковалев старался выполнить директивы Центрального Комитета, рисуя религию одновременно и антинаучной, и иногда по-

зитивной силой. Он все время держал в центре внимания ключевой вопрос, стремясь вбить клин между вооруженными антисоветскими националистами и униатской и православной церквями. Но он зашел слишком далеко, и реакция на его «тезисы» показывает, насколько трудно было для Москвы найти взвешенное решение для своей новой религиозной политики.

Инструктор организационно-партийного отдела Центрального Комитета выразил недовольствие Ковалевым за излишний энтузиазм в отношении религии, особенно за его призыв к сотрудничеству между местным партийным руководством и униатскими священниками. «Получив эти тезисы, — писал обеспокоенный московский чиновник, — несколько райкомов партии (в Западной Украине. — С. М. М.) восприняли их как директиву обкома.» Действуя, как они полагали, по инструкциям Центра, местные руководители встречались с духовенством и обсуждали с ними важные политические вопросы. В Турецком районе одна такая встреча прошла «за чашкой чая», где священников угостили лекцией о военном и международном положении, о Крымской конференции Большой тройки и других важных проблемах⁹⁹.

Ковалевым были недовольны также за его обзор церковной истории, который назвали «грубо ошибочным». Признание Ковалевым сбора денег православной церковью для помощи голодающим в начале 1920 гг. хотя и не расходилось с фактами, но было тем не менее недопустимым, потому что на деле церковные руководители были при Ленине отданы под суд по сфабрикованному обвинению в отказе помочь голодающим русским¹⁰⁰. Москва никак не могла допустить, что церковь собрала миллионы рублей, потому что это означало бы признание факта, что Ленин лично санкционировал несправедливый суд над церковными иерархами и даже казнь нескольких из них.

Невзирая на трудности проведения провозглашенной линии, со временем меры, принятые советским правительством для ограничения полученного церковью выигрыша, дали кумулятивный эффект, поставив религиозную практику в самые строгие рамки, не сумев при этом полностью подавить ее. Открылось намного больше церквей, чем до войны, и если верующие были расположены пренебречь недовольством государства и не боялись вызвать подозрений у полиции, они могли посещать церковные службы, хотя во многих областях им приходилось для этого совершать дальние поездки. В нашем распоряжении очень мало источников, по которым можно было бы судить о состоянии церквей на заключительных этапах войны. Советские источники почти не содержат об этом сведений, поскольку работникам государственных учреждений, в общем, не было дела до церковной

жизни, они занимались только политическими и идеологическими аспектами религии. Что же касается служителей церкви, то они, по понятным причинам, не имели особого желания вести записи своих жизненных перипетий. Впрочем, существует бесценный источник из первых рук, его автор — английский подданный, летом 1944 г. посетивший с группой друзей Старообрядческий собор, единственный действующий старообрядческий храм в Москве.

Когда-то красивейший и богатейший храм находился в ужасающем состоянии. В 1941 г. Советы недолго использовали его под склад боеприпасов, произошел взрыв, и часть здания пострадала. «Прихожане, конечно, были, в основном, женщины и пожилые люди», записал анонимный автор, по его подсчетам, только шестая часть молящихся были молодыми людьми или мужчинами. Самым интересным впечатлением осталась проповедь, ее произнес архиепископ Геронтий, «только недавно освободившийся после двадцатилетнего заключения». Архиепископ рассказывал историю пророка Илии и наставлял против воровства.

«Потом мы спросили его, — писал посетитель церкви, — почему он так мало времени уделил библейской истории. Он сказал, что было бы неосторожно задерживаться на грядущем конце мира и смещении рая и ада, если бы его слушали агенты НКВД. Очевидно, он незадолго перед этим в проповеди упрекал своих прихожан за то, что они сами не читают Священное писание и не обучают своих детей христианству. Через несколько дней к нему пришел сотрудник НКВД, сказавший, что если он хочет продолжать проповедовать в церкви, то ему лучше забыть про детей».

Архиепископ провел гостей по собору, показал разрушения, причиненные наполеоновскими солдатами в 1812 г., и еще более тяжелые раны, полученные собором после 1917 г. Большевики содрали золото с церковных икон, вывезли мраморные надгробия якобы для нужд строящегося метрополитена. Позже на дрова пошли деревянные кресты. Прихожане поддерживали храм действующим и ремонтировали его, насколько это получалось сделать на собранные пожертвования. Сам Геронтий получал от государства «небольшую стипендию», но она намного перекрывалась требованием властей уплатить налогов на 57 тыс. рублей, «а средств для этого у него нет и в помине». Такой невероятный счет по налогам, конечно, держит архиепископа постоянным заложником нарушения советского закона, являясь гарантией того, что в случае его отклонения от заданной линии он может быть тут же арестован.

Собор оставил у посетителя грустное воспоминание, он рассказывал, что «все это существовало в значительной степени из милости государства и в душераздирающей нищете». Старообрядцы, очевид-

но, разделяли широко распространенное среди населения мнение, что небольшая религиозная терпимость, которую позволило себе государство, появилась под давлением политики союзников: «Геронтий и другой священник, а также многие прихожане благодарили нас, английский народ, отвоевавший для них свободу. Они убеждены, что свободу, какая у них теперь есть, они получили благодаря нашим усилиям. С другой стороны, ясно, что эта свобода все еще очень узкая, что за ними продолжают следить, не спуская глаз, и они это знают»¹⁰¹.

Трудно сказать, насколько пережитое Геронтием отражает общую ситуацию с религией вообще. Не исключено, что община старообрядцев вызывала у советских властей больше подозрений, чем обычное православие, как фактически это было при царях. Старообрядцы создали сплоченные общины, отгородившись от более широкого русского общества вокруг них, считая его еретическим, а сталинисты отнюдь не отличались терпимостью к непохожему. Тем не менее правильно будет принять, что в сталинском полицейском государстве контроль над проповедями и церковными службами был рутинным делом и священники знали наверняка, когда за ними наблюдали. Конечно, когда в январе 1944 г. Аверелл Гарриман присутствовал на рождественском богослужении в переполненной молящимися церкви, ему бросилось в глаза, что среди прихожан явно были рассредоточены сотрудники НКВД¹⁰². Что касается старообрядцев, то полученное Геронтием предупреждение полиции забыть о религиозном обучении молодежи вполне согласуется с приводившимися выше директивами Центрального Комитета. После прошедшего в сентябре 1943 г. Собора в СССР вернулись многие внешние формы религиозной терпимости, но государство явно принимало меры, чтобы ограничить рост церкви, и верующие, затаив дыхание, ждали, что в любой момент может вновь разразиться предвоенный террор.

Примечания

- ¹ Polish Ministry of Foreign Affairs Circular. September 10, 1943. DPSR. V. 2. P. 50–51.
- ² Сергей Гордун. Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 гг. С. 39.
- ³ Меркулов — Центральному Комитету ВКП(б) и Щербакову. 3 июля 1943 г. // Corley. Religion in the Soviet Union. P. 138. Меркулов приводит еще одну причину: «Учитывая настроение церковных руководителей, а также визит из Англии делегации Англиканской церкви, ожидаемый в сентябре этого года, считаю желательным разрешить перевод церковных центров в сентябре текущего года из Ульяновска в город Москву».

Меркулов добавил к просьбе Сергия предложение вернуть в Москву также архиепископа Александра Введенского из Обновленческой церкви и руководителей «Всесоюзного Совета евангелических христиан». (Визит англиканской делегации в Москву см. гл. 7.)

- ⁴ Епископы отсутствовали в Москве два года. Впечатление участника собора епископов православной церкви в Москве 8 сентября 1943 года // Журнал Московской патриархии. № 2. 15 октября 1943. С. 16–17.
- ⁵ Fletcher. Nikolai. P. 50.
- ⁶ Davis. A Long Walk to Church. P. 18, 234.
- ⁷ Записки Карпова о его встрече со Сталиным 4 сентября 1943 года // Corley. Religion in the Soviet Union. P. 139–140. Передавая церковь в руки государственного аппарата, а не коммунистической партии, Сталин, несомненно, надеялся создать впечатление, будто коммунистические чиновники не будут командовать церковью. Все это было, конечно, прикрытием. Предполагаемое разделение между партийным и государственным руководством было, по преимуществу, фиктивным, церковными делами продолжал вестись преимущественно НКВД.
- ⁸ Ibid. P. 141.
- ⁹ Этот рассказ А. Левитина-Краснова, православного деятеля, который знал о встрече со слов самого Сергия, подробно излагается в книге: Medvedev. All Stalin's Men. P. 95–96. Тот же текст излагается в книге: Pospelovsky. The Russian Church under the Soviet Regime. V. 1. P. 201–203. Рассказ Левитина-Краснова был единственным достоверным сообщением о встрече, пока не были опубликованы записки Карпова, однако все еще представляют собой полезный источник, так как содержат ряд пассажей, пропущенных в схематичных записях Карпова.
- ¹⁰ Записки Карпова // Corley. Religion in the Soviet Union. P. 143.
- ¹¹ Краснов-Левитин ошибается, говоря, что встреча продолжалась шесть часов. Карпов, который на ней присутствовал, записал время точно.
- ¹² Pospelovsky. The Russian Church under the Soviet Regime. V. 1. P. 202n. Несмотря на то, что Пospelовский высказывает справедливые сомнения в отношении определенных деталей, представленных этим источником, и считает, что его автор был враждебно настроен к церкви, эти слова Сталина, конечно, похожи на подлинные. В них также отражается масштаб планов, которые Кремль вынашивал в отношении церкви, а кроме того, они демонстрируют преувеличенные представления советских лидеров в отношении силы Ватикана.
- ¹³ Записки Карпова // Corley. Religion in the Soviet Union. P. 144.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Левитина-Краснова цитирует Медведев: Medvedev. All Stalin's Men. P. 95–96.
- ¹⁶ Мне это непонятно, но Рональд Григор Сани описывает встречу Сталина с патриархом как «длинную и дружескую беседу». Suny. The Soviet Experiment. P. 327.

- 17 Standley to Secretary of State. September 9, 1943. FRUS. V 3. P. 856. The British Commonwealth, Eastern Europe and Far East.
- 18 Soviet Monitor. September 9, 1943. PRO FO 371/36962.
- 19 Fletcher. Nikolai. P. 50.
- 20 Ware. The Orthodox Church. P. 125.
- 21 Интересно, чье имя из участников Собора не упоминалось в документах, опубликованных после Собора. Можно с уверенностью принять, что НКГБ ввел в число участников своих информаторов.
- 22 Карпов — Александрову. 30 августа 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1408. Ед. хр. 131.
- 23 Гордун. Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 гг. С. 46.
- 24 Ложь фашистов и правда о православной церкви в СССР // Журнал Московской патриархии. № 2. Февраль 1944. С. 29–30. Аналогичные термины были использованы в «речи Святейшего Патриарха Сергия в кафедральном богоявленском соборе в Москве в день интронизации, 12 сентября 1943 г.» Журнал Московской патриархии. 15 октября 1943 г. № 2. С. 8; «Известительная грамота Патриарха Сергия восточным патриархам». Там же. С. 6–7.
- 25 Soviet Monitor. September 9, 1943. PRO FO 371/36962; Журнал Московской патриархии. № 1. С. 14; Alexeev. The Foreign Policy of the Moscow Patriarchate. V 2. P. 5.
- 26 Гордун. Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 гг. С. 42.
- 27 Moscow Embassy to Foreign Office. October 7, 1943. PRO FO 371/36963; Hamilton to Secretary of State. October 9, 1943. FRUS. V. 3. P. 859.
- 28 Карпов останется руководителем Совета по делам Русской православной церкви до освобождения от должности в 1960 г. во время хрущевской десталинизации. Его обвинят в «вопиющем нарушении социалистической законности, проведении массовых арестов полностью невинных граждан, применении извращенных методов проведения следствия, а также в фальсификации протоколов допросов арестованных». Отчет Комитету партийного контроля при ЦК КПСС за период с 1 марта 1956 г. по 1 марта 1957 г. см.: Corley. Religion in the Soviet Union. P. 204. Интересно, что, по-видимому, Карпова признали виновным не по делам, связанным с Русской православной церковью, и он продолжал исполнять обязанности руководителя Совета еще три года после убийственного решения Комиссии партийного контроля.
- 29 Fletcher. Nikolai. P. 51.
- 30 Подробнее об этом визите см. гл. 7.
- 31 Письмо тамбовского архиепископа главе московской епархии, перехваченное советской цензурой и переданное Г. Александровым Г. Маленкову. Август 1944 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Т. 1391. Ед. хр. 235.
- 32 Ложь фашистов и правда о православной церкви в СССР // Журнал Московской патриархии. № 2. Февраль 1944 г. С. 29–30. Советское правительство явно поддерживало рецентрализацию власти Московской патриар-

- хии. Карпов информировал своих подчиненных в Совете по делам Русской православной церкви о том, что в тех случаях, когда обновленческое духовенство по собственной просьбе переходит от обновленческой тенденции к патриаршей сергиевской церкви, мешать им не следует. Точно так же не следует создавать помех переходу групп верующих или приходов в целом из обновленцев в сергиевскую церковь по просьбе верующих. Циркуляр Карпова. 16 октября 1943 г. см.: Corley. Religion in the Soviet Union. P. 147.
- ³³ Bourke-White. Shooting the Russian War. P. 149. Священнослужителям Русской православной церкви, принявшим монашеский обет, не разрешается вступать в брак. Все ее высокопоставленные духовные лица обязательно принимали обет безбрачия.
- ³⁴ Balfour to Warner. December 14, 1943. PRO FO 371/43338.
- ³⁵ Воссоединение обновленческих священнослужителей с православной церковью // Журнал Московской патриархии. № 1. Январь 1944 г. С. 7–8.
- ³⁶ Там же. № 4. Апрель 1944 г. С. 9.
- ³⁷ Dioceses of the Orthodox Church of the U. S. S. R., 1944. Foreign Office Research Department, undated. PRO INF 1/ 769 119975.
- ³⁸ Когда Черчилль посетил Москву со вторым визитом в октябре 1944 г., Сталин сказал ему: «Много такого случается даже здесь, в России, о чем наша секретная служба не обязательно докладывает мне». «Я не стал развивать эту тему», — пишет Черчилль. Churchill. The Second World War. V. 3. P. 55.
- ³⁹ О проявлениях нелояльности во время войны см. гл. 2.
- ⁴⁰ И. Фомина — Г. Ф. Александрову. Без даты, но, возможно, ноябрь 1943. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Т. 1378. Ед. хр. 181.
- ⁴¹ Александров и М. Иовчук — Жданову. 19 января 1944 г. Относительно вопросов, заданных в Ставропольском и Краснодарском краях, Киевской, Харьковской, Сталинской, Сумской, Полтавской и Черниговской областях Украины и Калининской, Орловской, Смоленской, Курской, Ростовской и Сталинградской областях РСФСР. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1392.
- ⁴² Александров — Жданову. 11 мая 1943. Относительно вопросов, заданных в Киевской, Житомирской, Запорожской, Днепропетровской, Кировоградской, Винницкой, Сталинской и Ровенской областях Украины; Полесской, Могилевской, Витебской и Гомельской областях Белоруссии; Краснодарском и Ставропольском краях, а также в Астраханской, Пензенской, Читинской и Ульяновской областях РСФСР. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Т. 1392. Ед. хр. 242.
- ⁴³ В. Золотухин— Щербакову. 15 сентября 1944 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1391. Ед. хр. 235.
- ⁴⁴ Карпов — Александрову. 30 августа 1945 г. Совершенно секретно. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1408. Ед. хр. 131.
- ⁴⁵ Sudoplatov. Special Tasks P. 251.
- ⁴⁶ По линии борьбы с антисоветскими элементами из числа церковников и сектантов. Совершенно секретно. Июнь 1946. ТСИМ. С. 583–585.

- ⁴⁷ НКГБ также занимался небольшими неправославными религиозными группами, такими как крошечная иннокентьевская секта. Молдавский НКГБ докладывал, что «на территории Молдавии широко распространяются подпольные сектантские формирования, главным образом монархической секты иннокентьевцев. За период с апреля 1944 г. по май 1946 г. агенты и оперативные работники ликвидировали 17 антисоветских организаций и групп, арестован 71 человек. По сталинистским масштабам операция небольшая, но существенная, если учесть, что в секте состояло не так много членов. Иннокентьевцы были последователями православного священнослужителя начала двадцатого века Иннокентия Левизора и верили, что сам Иннокентий был земным воплощением Святого Духа, и проповедовали неотвратимый конец света с последующим суровым Судным днем. Эта секта имела последователей в Молдавии, Бессарабии и Украине и считалась антисоветской и промонархической, а ее лидеры были осуждены советским судом. Советскую версию событий см.: Новиков. Атеистический словарь. С. 174–175. По линии борьбы с антисоветскими элементами из числа церковников и сектантов. Совершенно секретно. Июнь 1946. ТСИМ. С. 583–585.
- ⁴⁸ Moscow Embassy to Foreign Office. September 8, 1943. PRO FO 371/43339. Справки по схизматикам:
«Обновленцы», члены «живой церкви», считали, что советский режим с его коллективизмом и эгалитаризмом проводит в жизнь христианские принципы.
«Григорианцы» были последователями архиепископа Григория из Екатеринослава, призвавшего Синод епископов в 1925 г. не подчиниться власти Сергия и оспоровившего на следующий год решение Сергия пойти на мировую с советской властью.
«Иосифовцы» – последователи митрополита Иосифа, возглавившего с 1927 г. схизматическое движение в Ленинграде и также не признававшего власть Сергия и его решение принять советскую власть. См.: Fletcher. The Russian Orthodox Church Underground. P. 46–49, 62–69.
- ⁴⁹ Митрополит Николай. Под железным натиском воинов-богатырей // Слова, речи, послания. С. 251–253.
- ⁵⁰ Журнал Московской патриархии. № 2. С. 3.
- ⁵¹ Карпов – Александрову. 30 августа 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Т. 1408. Ед. хр. 131.
- ⁵² По линии борьбы с антисоветскими элементами из числа церковников и сектантов. Совершенно секретно. Июнь, 1946. ТСИМ. С. 583–585.
- ⁵³ Карпов – Александрову. Совершенно секретно. 30 августа 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Т. 1408. Ед. хр. 131.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Dioceses of the Orthodox Church of the U. S. S. R. 1944. Foreign Office Research Department, undated. PRO FO 371/119975.

- ⁵⁶ L. D. Wilgress to Secretary of State for External Affairs of Canada. February 8, 1945. PRO FO 371/47929.
- ⁵⁷ Гордун. Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 гг. С. 40.
- ⁵⁸ Pospelovsky. The Russian Church under the Soviet Regime. V 1. P. 204. Поспеловский пишет, что к 1945 г. в Московской патриархии был только сорок один епископ.
- ⁵⁹ Если в прошлом теологическое образование занимало шесть-семь лет, то новый курс будет урезан всего до трех лет. Помимо учебы в семинарии, каждое епископство создаст ускоренный двухгодичный курс упрощенного теологического образования. Обучение по программе обоих курсов включало обширное знакомство с историей церкви, Священное писание, патристику и церковно-славянский язык. Обе программы предусматривали также изучение «канонического права и Конституции СССР». Bishop Grigory of Saratov. Theological Education in Russia // Soviet War News. No. 801. March 2, 1944.
- ⁶⁰ Religious Communities in the Soviet Union // Soviet War News. August 22, 1941.
- ⁶¹ Гордун. Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 гг. С. 46.
- ⁶² ЧК была предшественником НКВД–НКГБ и на протяжении всей советской эпохи политическую полицию обычно называли «чекистами». Report on Informational and Agent Work of the Cheka among the Clergy. 1921. См.: Corly. Religion in the Soviet Union. P. 25. Чекистам давались указания обыскивать жилые помещения священников в поисках корреспонденции, которая дала бы материал для шантажа. В нелегально вывезенном из СССР документе, подписанном заместителем председателя Совета по делам религий В. Фуровым, говорилось: «Посвящение в епископы, переводы на другие должности не происходят без изучения кандидата соответствующими сотрудниками Совета в тесном сотрудничестве с комиссией, местными органами и соответствующими заинтересованными организациями». В оригинале цит. по: Sabrina Ramet. Eastern Christians and Politics in the Twentieth Century. V 1. P. 11.
- ⁶³ Pospelovsky. The Russian Church under The Soviet Regime. V 1. P. 204n.
- ⁶⁴ Карпов – Александрову. Совершенно секретно. 30 августа 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1408. Ед. хр. 131.
- ⁶⁵ И. Полянский – Александрову. 31 августа 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Т. 1408. Ед. хр. 313.
- ⁶⁶ Е. Новосельцев – Ходову. Пересылает копию документа под грифом «совершенно секретно» от полковника Г. Б. Николаева из Управления Народного комиссариата государственной безопасности (УНКГБ) по Пензенской области. 28 июня 1943 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1378. Ед. хр. 181.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Выдержка из документа НКВД 1945 г. Corley. Religion in the Soviet Union. P. 155. К сожалению, редактор этой исключительно полезной коллекции документов в данном случае не указал имени автора документа.

- 69 И. Полянский — Александрову. 31 августа 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1408. Ед. хр. 313.
- 70 Журнал Московской патриархии. № 2. С. 3.
- 71 И. Полянский — Александрову. 31 августа 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1408. Ед. хр. 313.
- 72 Там же.
- 73 М. Кузнецов и В. В. Чернышев — Л. Берии. 15 января 1945 г. См.: Н. Ф. Бугай. Публикации: Погружение в эшелоны и отправление к местам поселений... ; Л. Берия — И. Сталину // «История СССР». № 1. Январь—февраль 1991. С. 155.
- 74 Справка отдела спецпоселений НКВД СССР о количестве спецпоселенцев на октябрь 1946 г. Там же.
- 75 Новосельцев — Ходову. 28 июня 1943 г.; Потогин — секретарю Пензенского обкома ВКП(б), без даты. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1378. Ед. хр. 181.
- 76 Там же.
- 77 Пятидесятники имеют корни в Соединенных Штатах. Правительство СССР считало, что эта секта носит «антисоциальный характер», и то, что от нее осталось в 1945 г., влило в официальную Баптистскую церковь. Советскую версию этой секты см.: Новиков. Атеистический словарь. С. 375.
- 78 И. Полянский — Александрову. 31 августа 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 12. С. 1408. Ед. хр. 313. В документах отражена компенсация, полученная этими людьми от властей.
- 79 Козаченко, заместитель министра государственной безопасности Молдавской ССР — Бутову. 17 октября 1946 г. ТСИМ. С. 591–593.
- 80 Там же. Хотя фрагмент документа, содержащего этот материал, был изъят редактором коллекции, основное его содержание изложено им на с. 591 (н 2).
- 81 И. Полянский — Александрову. 31 августа 1945. Литовское католическое духовенство и вооруженное антисоветское сопротивление были тесно переплетены. Один историк пишет: «По крайней мере, считается, что 250 литовских священников из общего числа 1300 католических священнослужителей активно участвовали в антисоветском движении сопротивления 1944–1945 гг. Два из них (Юлиус и Лелесиус) были командирами бригад. В качестве репрессалий около 30% священников, четырех епископов и почти всех монахов и монахинь отправили в исправительно-трудовые лагеря. Ramet. Cross and Commissar. P. 34.
- 82 Карпов — Александрову. 30 августа 1945. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1408. Ед. хр. 131.
- 83 Там же.
- 84 Батыров — Александрову. 7 декабря 1943 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1378. Ед. хр. 184.
- 85 Александров — Маленкову. 2 августа 1944 г. Пересылает перехваченное письмо, о котором пишет, что оно имеет «очень большой политический интерес». РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1391. Ед. хр. 235.

- ⁸⁶ Меркулов — Щербакову. 1 марта 1944 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1394. Ед. хр. 251. Поразительно, что такой вопрос должен был решаться высокопоставленными членами Центрального Комитета ВКП(б). Это говорит о крайней степени централизации в сталинской России.
- ⁸⁷ Предшествующие примеры см.: Карпов — Александрову. 30 августа 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1408. Ед. хр. 131.
- ⁸⁸ Александров и П. Федосеев — Жданову, без даты. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1392.
- ⁸⁹ Документы Центрального Комитета ВКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Институт марксизма-ленинизма. Т. 7. См. по Молдавии: Постановление ЦК ВКП(б). 14 июня 1944 г. С. 501–504; по Белоруссии: Постановление ЦК ВКП(б). 9 августа 1944 г. С. 506–512; Постановление ЦК ВКП(б). 20 января 1945 г. С. 533–536; по Украине: Постановление ЦК ВКП(б). 27 сентября 1944 г. С. 524–525; Постановление ЦК ВКП(б). 27 сентября 1944 г. С. 524–525; Постановление ЦК ВКП(б). 27 сентября 1944 г. С. 526–531.
- ⁹⁰ Постановление ЦК ВКП(б). 14 июня 1944 г.; Там же. С. 501–504.
- ⁹¹ Постановление ЦК ВКП(б). 9 августа 1944 г.; Там же. С. 506–512.
- ⁹² Постановление ЦК ВКП(б). 20 января 1945 г.; Там же. С. 533–536.
- ⁹³ Постановление ЦК ВКП(б). 20 января 1944 г.; Там же. С. 533–536.
- ⁹⁴ Постановление ЦК ВКП(б) по организации научно-просветительной пропаганды. 27 сентября 1944 г.; Там же. С. 521–523.
- ⁹⁵ Frank Roberts. Dealing with Dictators. P. 80–81.
- ⁹⁶ Roberts to Eden. April 21, 1945. PRO FO 371/47929.
- ⁹⁷ Записка И. Ковалева (зам. зав. отделом пропаганды и агитации Дрогобычского обкома КП(б)У) 26 февраля 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1408.
- ⁹⁸ Там же. Все цитаты.
- ⁹⁹ Л. А. Слепов — Г. И. Маленкову. 16 апреля 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1408. Ед. хр. 313.
- ¹⁰⁰ Последнее русское исследование по истории церковной истории этого периода см.: Вострышев М. И. Божий избранник: Крестный путь Святителя Тихона, патриарха Московского и всея России. С. 94–118. Также см.: Solzhenitzin. The Gulag Archipelago. V 1. P. 342–352.
- ¹⁰¹ Из депеши английского посла Кларка Керра в Форин офис. 9 августа 1944 г. PRO FO 371/43340.
- ¹⁰² Harriman to Secretary of State. January 13, 1944. FRUS. V. 3. P. 864. Конечно, наличие в церкви большого количества полиции может объясняться самим фактом присутствия Гарримана.

Глава пятая

СОБИРАТЕЛЬ УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Церковь и восстановление советской власти в западных пограничных областях

Маршал Сталин навечно войдет в историю как собиратель украинских земель.

*Отец Гавриил Костельник.
1945 г.*

Украинцы избежали этой участи (депортации и ссылки. — С. М. М.) только потому, что их слишком много и некуда было высылать. А то он бы и их выселил. (Смех и оживление в зале.)

*«Секретный доклад» Никиты Хрущева,
осудившего сталинские преступления
на Двадцатом съезде партии*

В последнее десятилетие правления Сталина его любимым методом решения множества национальных проблем в СССР была депортация и внутренняя ссылка, это был легкий и относительно недорогой вариант. Репрессивный аппарат имелся, он был хорошо налажен и испробован в действии, и цена человеческих жизней, которыми расплачивались за перемещения людей всех возрастов и состояния здоровья на восток или на запад в вагонах для скота, вряд ли тревожила сон олигархов, у которых на руках уже была кровь миллионов¹. Однако Сталин не мог решить всех национальных дилемм СССР такими методами. Как следует из сказанного Никитой Хрущевым в его «Секретном докладе» 1956 года, простое количество людей на Украине и в Прибалтике логически делало внутреннюю высылку невозможной. Поэтому, хотел того Кремль или не хотел, приходилось искать иные методы для разоружения и нейтрализации недовольства меньшинств в западных пограничных областях. За 1943 г. был набросан план мероприятий, их картина выстроится за 1944–1945 гг. В процессе консолидации советской власти на всей территории за-

падных пограничных областей Кремль был готов разоружать религиозный национализм сочетанием грубой силы и обмана.

«Мы не канибалы»

В середине января 1944 г. советский министр иностранных дел Молотов встретился с американским послом в СССР У Авереллом Гарриманом, чтобы в очередной раз пожаловаться на антисоветскую, как он утверждал, ориентацию находившегося в Лондоне Польского правительства в изгнании. Весной предшествующего года Москва порвала отношения с лондонскими поляками, и с обеих сторон непрерывно раздавались взаимные выпады, причем они становились все более острыми по мере того, как становилось ясным, что Красная Армия намеревается изгнать нацистов из Польши. Поляки боялись, что Москва установит в их стране коммунизм или даже введет Польшу в состав СССР в качестве советской республики. Со своей стороны Советы энергично искали благосклонно настроенных поляков, которые могли бы сотрудничать с Кремлем в создании дружественного Москве польского послевоенного правительства.

В разговоре с Гарриманом Молотов внушал мысль, что готов работать с лондонским эмигрантским правительством, но только если сначала будут убраны определенные, не названные им «фашистские элементы». Затем Молотов поразил американского представителя, предложив заменить членов польского эмигрантского правительства, известного враждебностью к Москве, американцами польского происхождения, известными своими симпатиями к СССР. Он предложил три имени: Лео Кржитский, Оскар Ланге и отец Станислаус Орлеманский.

Кржитский был вице-президентом Объединенного профсоюза рабочих швейной промышленности, в то время входившего в Конгресс производственных профсоюзов (КПП), и национальным председателем Американского славянского конгресса. Из всех американских профсоюзных объединений КПП был наиболее ориентирован на Москву и больше других находился под влиянием американских коммунистов². Контролируемый за кулисами Советским антифашистским славянским комитетом, учрежденным Москвой в первые дни войны для объединения восточно-европейских славян против нацистов, Американский славянский конгресс был сформирован в начале нацистско-советской войны для организации среди американской славянской общины поддержки войне Советского Союза³. Как писал руководитель Советского антифашистского комитета,

«выходит так, что главное внимание Всеславянского комитета направлено в сторону американских славян»⁴. Москва определенно ценила и Американский славянский конгресс, и Кржитского, который, как писал в конце 1945 г. один советский чиновник, «с 1942 года занимал прогрессивные позиции» в отношении СССР. Кржитский, продолжалось в документе, «связан с польской коммунистической партией», «в прошлом принадлежал к реакционной группе поляков, но с 1942 года изменил свою позицию, сблизился с группой Ланге и Орлеманского и выступил с поддержкой (контролировавшегося Советами. — С. М. М.) Польского национального комитета освобождения и Временного польского правительства»⁵.

Вторая названная Молотовым кандидатура, Оскар Ланге, был профессором экономики в университете Чикаго, после войны — послом польского коммунистического правительства в Соединенных Штатах⁶. Впервые он получил известность во время споров по поводу Катыньского дела, когда выступил с письмом, позже переданным по Московскому радио. В письме Ланге призывал польское эмигрантское правительство уступить место полякам, которые «откажутся от политики сохранения господства над украинцами и белорусами против их воли и решить с СССР проблему восточных границ на дружественной основе»⁷.

Третий кандидат, которого предложил Молотов, был совершенно неожиданным. Отец Орлеманский был священником Спрингфилдской католической церкви в Массачусетсе. Это было странным поворотом событий — министр иностранных дел единственного в мире коммунистического государства предлагал безызвестного священника в качестве кандидата на пост в дружественном послевоенном польском правительстве⁸.

Никто в американском посольстве в Москве никогда ничего не слышал об Орлеманском, и посольство немедленно запросило у Вашингтона информацию о трех людях, названных Молотовым. Через шесть дней Государственный департамент ответил, что все трое «последние месяцы проявляли большую активность, связанную с созданием в Детройте Лиги Костюшко, программа которой носила явно просоветский характер». О Лиге много писали в коммунистической и левой прессе, «и она особенно отличалась резкой критикой Польского правительства в изгнании». Что касается Орлеманского, то он родился в 1889 г. и «недавно совершил большое лекционное турне по Среднему Западу и Канаде, призывая польские общины к более тесному сотрудничеству с Советским Союзом»⁹.

Предложенные Молотовым кандидатуры, особенно Орлеманский, вызывали множество вопросов, которые американские дипло-

маты предпочли бы не задавать. Помощник государственного секретаря Эдвард Стеттиниус написал президенту Рузвельту озабоченную записку: «Эти два человека представляют специфическую и крайне предвзятую точку зрения относительно польско-советского вопроса, ее не разделяют ни американцы польского происхождения, ни американское общественное мнение в целом». Стеттиниуса беспокоило, что «их визит будет широко интерпретирован как первый шаг в отказе нашего правительства от поддержки Польского правительства в изгнании». Стеттиниус с долей надежды обращал внимание на то, что этот визит может нарушить закон Логана, запрещающий частным американским гражданам заниматься дипломатией. Возможно, это можно было бы использовать как повод отказать этой паре в выдаче заграничных паспортов. Самое малое, нужно дать понять прессе, что американцы едут как частные граждане, а не как официальные эмиссары¹⁰.

Несмотря на такие призывы американских чиновников, отказать прямой просьбе Сталина и Молотова о встрече с американскими гражданами вряд ли было возможно. Орлеманский прибыл в Москву 5 мая и два часа беседовал со Сталиным и Молотовым. Орлеманский был совершенно откровенным и сказал им, что в Соединенных Штатах «польские организации и духовенство настроены против Советского Союза. Цель его приезда в Советский Союз в том, чтобы выяснить, каким образом можно было бы расколоть их». Он вспоминал о своих прежних попытках добиться этого и сказал, что многих польских американцев беспокоят «слухи», что с этническими поляками, особенно детьми, в Советском Союзе обращаются «очень плохо». Орлеманский сказал, что встречи с взрослыми поляками и детьми заставили его думать, что «польский народ должен быть благодарен России и Сталину». Диктатор скромно ответил: «Мы же не каннибалы»¹¹.

После этого священник выступил на польском языке по Московскому радио, рассказал о своей поездке в Советский Союз, о своей роли в создании Лиги Костюшко и о встречах с этническими поляками в Канаде и Соединенных Штатах. Он говорил, что встречался с польскими солдатами, служащими в Красной Армии, и посетил город Загорск, где расположена знаменитая Троице-Сергиева Лавра и где дети польских эмигрантов посещают занятия на польском языке и изучают польскую историю. «Позвольте мне, как нейтральному обозревателю и практичному американцу, сообщить вам, что в нынешних условиях положение не может быть лучше, чем оно есть, — заявил он. — Мы, поляки, должны быть благодарны советскому правительству за доброе отношение и должны приложить усилия, чтобы сохранить эти условия»¹².

Орлеманский сказал своим радиослушателям, что Сталин заверил его, что Польша никогда не должна использоваться как «коридор» для нападения на Советский Союз. По словам американского священника, Сталин «хотел бы видеть великую, сильную и демократическую Польшу, которая знает, как эффективно защитить свои границы. Сталин не намерен вмешиваться во внутренние дела польского государства». «Что касается религии, — продолжал Орлеманский, — то она останется религией наших отцов. Теплый прием, оказанный католическому священнику маршалом Сталиным, должен убедить вас». «Несомненно, Сталин друг польского народа, — сказал Орлеманский. — Я сделаю такое историческое заявление: будущие события докажут, что он очень дружелюбно расположен к Римской католической церкви». Польское католическое духовенство должно принять протянутую Москвой руку дружбы и «показать свою зрелость в отношении мировых проблем»¹³.

В день своего выступления по радио Орлеманский опубликовал письмо, полученное от Сталина, где диктатор отвечал на несколько заданных американцем вопросов относительно религии и, в частности, католицизма. Сталин сказал, что, «ратуя, как я это делаю, за свободу совести... и вероисповедания, считаю политику принуждения и преследований в отношении католицизма и неправильной, и недопустимой»¹⁴. Такие заверения советского диктатора выглядели весьма странными — от кого исходила политика «насилия и преследования» католической церкви, если не от самих Советов?

Расплывчатые высказывания Сталина, по-видимому, произвели впечатление на Франклина Рузвельта. Через месяц с небольшим после визита Орлеманского в Кремль, разговаривая с польским премьером Станиславом Миколайчиком, президент поинтересовался у польского лидера, встречался ли тот с Орлеманским. «Он (Рузвельт. — С. М. М.) сказал, что ему говорили, что последний человек чистый и честный, возможно, несколько наивный, но действующий из благих побуждений, и что, может быть, стоило бы принять его». Рузвельту показалось, что в высказываниях Сталина о свободе для Римского католицизма в СССР он увидел проблеск надежды. Слова президента были потом суммированы польским послом в Вашингтоне Яном Цихановским.

«Сталин сказал, что он не против такой свободы, но религий так много, что одной трудно найти для себя точку опоры. Стоит дать нескольким религиям свободу в России, как несколько других потребуют того же права. Нет ли возможности провести слияние религий? Президент сказал, что на него такое заявление произвело большое впечатление, потому что, вообще-то говоря, неплохо было бы объе-

динить римско-католическую и православную церкви... У Сталина нет тех амбиций, которые были у царя, стать главой церкви. Возможно, он согласится, чтобы главой этих двух церквей стал папа. Было бы, возможно, полезно, если бы Орлеманский отправился в Ватикан и там поставил этот вопрос. Президент сказал, что намерен осуществить это»¹⁵.

Трудно сказать, кто был наивнее, Орлеманский или Рузвельт. Польский премьер хорошо знал историю долгого соперничества между католиками и православными в его родной стране, знал он и то, что Москва ни под каким видом не расстанется с мыслями использовать Русскую православную церковь для достижения своих собственных политических целей¹⁶. Предложение сгладить это глубокое противоречие и получить религиозный союз, поскольку это отвечало бы переходящим военным потребностям Вашингтона, казалось разумным американскому лидеру, для которого европейские религиозные вопросы представлялись мелочными и даже тривиальными, но, должно быть, подтверждало тревогу поляков, что американское руководство не имеет представления об исторических реалиях СССР и Восточной Европы. При этом в голову приходит мысль, так уж ли Рузвельт был легкомыслен, когда вставал вопрос о примирении религиозных споров в своей собственной стране, например между протестантами и католиками.

Историки обычно объясняли эту странную встречу между никому не известным американским священником и двумя ведущими фигурами советского правительства тем, что это была попытка «улучшить отношения с Польшей, польскими американцами и католической церковью»¹⁷. Для политики Сталина было характерно то, что за каждым его действием можно обнаружить много соображений, поэтому не приходится сомневаться, что и эту встречу следует рассматривать в контексте непрерывно развивающегося подхода Москвы к религиозным и этническим проблемам. К весне 1944 г. Красная Армия готовилась войти в Восточную и Центральную Европу. Советское весеннее наступление, развернутое в последних числах июня, прорвет огромную дыру в центре немецкого фронта, и через нее советские войска хлынут в восточную Польшу. Хотя Русская православная церковь несколько смягчила международный имидж Советского Союза, обращаясь к православным в этом регионе, большие сегменты населения Польши, Чехословакии, Венгрии и других стран сохраняли верность Римской католической церкви, и поэтому едва ли можно было изменить их отношение обращениями Московской патриархии. Оптимизм Рузвельта никак не отражал ситуации, враждебность Кремля и Ватикана была взаимной, имела давнюю историю, и в начале 1944 г. наблюдались при-

знаки ее углубления. Ватикан отказался поддержать Советский Союз после нападения немцев в июне 1941 г. и хотя какое-то время рассматривал вопрос о посылке в Москву дипломатического представителя, но это так и не состоялось¹⁸. Перспектива послевоенной Европы под властью Советов приводила Ватикан в ужас, и он предпринимал шаги в пределах своей власти, чтобы помешать этому.

В английском обзоре общественного мнения на территории оккупированной нацистами Европы особо подчеркивался религиозный вопрос, который, в отличие от Рузвельта, англичане считали очень важной проблемой, с которой столкнется Красная Армия, продвигаясь в Центральную Европу. По мнению англичан, появление Московского патриарха ослабляло наблюдавшуюся между восточно-европейскими православными напряженность, но остальные христиане сохраняли подозрительность в отношении советской власти. Католическая церковь, в особенности, воспринимала советские религиозные репрессии «с ужасом, который можно было сравнить с тем, что она испытывала во время антирелигиозных кампаний революционной Франции». Почти четверть столетия Ватикан считал «атеистическую Россию» своим смертельным врагом. Это чувство усиливалось «тем фактом, что правящие классы в Польше и Венгрии, двух северо-восточных бастионов католицизма, испытывали вражду к России на национальной и социальной почве»¹⁹. Интересно, что подобный совершенно секретный доклад, также содержавший английские оценки силы и привлекательности коммунизма и коммунистических партий на территории Европы, каким-то образом попал в руки советских агентов и был переведен на русский язык военной разведкой и передан лично Сталину²⁰. Советское руководство было осведомлено, как из собственных, так и из английских источников, о готовности католической церкви к противостоянию в Восточной Европе.

Орлеманский был только наиболее заметным католическим священником, которого привлекал в то время Кремль. Однако цель Москвы заключалась не в том, чтобы, устанавливая то один, то другой контакт, улучшить отношения с церковью как таковой. Советы совершенно справедливо полагали, что с учетом питавшихся Ватиканом подозрений это невозможно. Правильнее считать, что Кремль искал отдельных священников, которых можно было убедить сотрудничать с СССР, тем самым подрывая силы церкви. Это была хорошо испытанная советская тактика проникновения во враждебные организации для того, чтобы раздробить их или оказывать на них влияние изнутри.

Как всегда, поляки представляли самую острую проблему. Под давлением событий Кремль в 1941 г. согласился создать части

польской национальной армии для службы на Восточном фронте под командованием польского генерала Владислава Андерса (так называемую армию Андерса), то есть собрать и вооружить поляков, которые испытывали мало симпатий к советскому режиму²¹. Их неприязнь к Советам имела и националистическое, и религиозное измерение. В сентябре 1941 г., отвечая на требование лондонских поляков, Москва позволила польским священникам совершать богослужения для польских солдат, что не разрешалось православному духовенству в частях Красной Армии²². Но предоставление религиозной свободы даже в таком крошечном масштабе породило нежелательный побочный эффект. Большинство поляков, собранных в новые, созданные Советами войска, были дислоцированы в мусульманской узбекской республике, и восстановление даже самых ограниченных богослужений для поляков пробуждало в местных жителях надежды на улучшение их собственного положения. Американский епископ польского происхождения, имевший хорошие контакты с епископом Гавлина, духовным главой польской армии в СССР, написал письмо, перехваченное английской почтовой службой, где утверждал, что «большевики то и дело спрашивают епископа, скоро ли он уедет из России. Магометане требуют для себя той же религиозной свободы, какую предоставили полякам. Советские власти утверждают, что потребуется лет двадцать, чтобы ликвидировать ущерб, нанесенный религиозностью поляков». Увиденное и пережитое многими из этих польских солдат усилило их негативное отношение к идее установления в послевоенной Польше советского политического господства. «Моральное состояние солдат восхитительное, — продолжал епископ. — наших солдат, покидающих Россию, можно назвать гиперациональными и гиперрелигиозными»²³.

Видя в польском национализме острейшую проблему, советские власти сосредоточили усилия на поиске польских священников, которых можно было склонить к сотрудничеству. До того, как они нашли Орлеманского, они пытались склонить к сотрудничеству американского священника польского происхождения Вальтера Чижека, хотя из этого ничего не вышло. Чижек родился в Пенсильвании и, став священником, прошел обучение в Папском русском колледже (так называемом Руссикуме), который папа Пий XI учредил в апреле 1929 г., чтобы готовить священников для работы в России на случай, если это станет возможным²⁴. С самого момента революции 1917 г. ряд католических иерархов считали, что создание коммунистического атеистического государства в России дает долговременную возможность обращения восточных славян в католицизм. Чижек про-

ходил подготовку именно с такой перспективой и пребывал в городе Дубно в юго-восточной Польше, ожидая своего часа.

После советского нападения на Польшу в сентябре 1939 г. Чижек с коллегами священниками обнаружил, как он позже писал, что им нет нужды совершать путешествие в СССР, он сам пришел к ним. Надеясь обратить Восток в христианство, Чижек и два других священника под вымышленными именами добрались до самой глубинки Советского Союза, где вскоре были арестованы не теряющим бдительности НКВД. Подвергнув Чижека тюремному заключению и пыткам, НКВД попытался соблазнить его предложением свободы за обещание работать внутри католической церкви в качестве советского агента. Какое-то время создавалось впечатление, что их труды будут вознаграждены успехом, потому что американец, по его собственным словам, «в полном смысле слова пришел в отчаяние». Как рассказывал Чижек, допрашивавший его следователь предложил ему русский приход, «если я откажусь от Папы, который, как он сказал, заодно с фашистами Муссолини и Гитлером... Он хотел, чтобы я в определенный день сказал об этом по радио. Этот человек предложил, раз я хочу остаться священником, перейти в православие. Он объяснил, что ему ничего не стоит договориться об этом». Хотя Чижек был готов согласиться на эти предложения, его тюремщик сделал еще более смелое предложение: «отправиться в Рим и попытаться договориться о конкордате между Папой и Советским Союзом». Перед тем как поехать в Рим, он пройдет «курсы радиотелеграфии», чтобы получать инструкции и передавать информацию в Москву. Добравшись до Рима, Чижек мог решиться на побег, но НКВД предусмотрело такой исход: «Естественно, пояснил допрашивавший, я не буду в Риме один... Если я предам, те, с кем я буду работать, постараются быстро ликвидировать меня». Так или иначе, у Чижека хватило мужества отказать. Упрямый заключенный надоел НКВД, и его отправили в ГУЛАГ, где он томился до самой хрущевской эры²⁵

В своих воспоминаниях Чижек весьма неопределенно говорит о том, когда ему стали делать эти предложения. Вряд ли, находясь в камере советской тюрьмы, он был в состоянии следить за ходом времени. Но, вероятно, это произошло в конце 1943 г. — начале 1944 г. Зайдя в тупик с американским католическим священником, НКВД, скорее всего, взялось за более перспективного Орлеманского, который, в отличие от Чижека, мог действовать по убеждению, а не из страха²⁶. Пройдет немного времени, и события покажут, что это было только началом попыток Москвы найти сговорчивых католиков, которые могли бы помочь Советам проникнуть в католическую церковь.

В грядущем столкновении с Ватиканом Советы отводили Русской православной церкви центральную роль. Известное представление о ходе мыслей Кремля можно получить из разговора между американским журналистом и Владимиром Правдиным, главой отделения ТАСС в Нью-Йорке, являвшимся на самом деле резидентом НКГБ в Соединенных Штатах²⁷. Правдин сказал, что религия играет в Восточной Европе и на Ближнем Востоке важную роль и что «этот фактор очень часто не учитывается американскими комментаторами». Однако Кремль понимает ее важность. «Впервые, — сказал Правдин, — появится хорошо организованная, динамичная и контролируемая государством православная церковь с огромным влиянием на Балканах и Ближнем Востоке», способная выступить в роли «силы, противостоящей Ватикану». «Протестантизм, — сказал он, — не мог сделать этого, потому что слишком раздроблен изнутри, и поэтому единственной силой, способной сделать это, была Греко-католическая церковь, контролируемая советским правительством». Хотя «советское правительство... не намеревается поддерживать греко-православную веру, Кремль тем не менее поддерживает греко-православную церковь и греко-православных христиан, где бы они ни находились»²⁸. Сказанное Правдиным дает представление не только о том, что думали Советы по поводу роли религии и православной церкви в международных делах, но также и о желании Москвы, чтобы представители американской прессы понимали выстраиваемую религиозную политику Москвы. Его откровенное признание, что русская церковь полностью контролируется советским правительством, также решительно опровергало неоднократные заверения Москвы, будто Советы не подталкивали возрождение церкви, а только не мешали этому процессу.

Правдин просто отражал последний поворот московской линии. Ранней весной 1944 г. Центральный Комитет информировал советских пропагандистов, что хотя папа желает поражения Гитлера и нацистского режима, но советские власти не верят, что он хочет полного ослабления Германии, так как это приведет к советскому господству на континенте. Желая предотвратить такую катастрофу, Ватикан ищет «компромиссный мир» для сохранения некоего баланса сил. «Резкий антисоветский курс Ватикана», отмечалось в документе, проявляется в действиях католического духовенства даже на таком отдалении от Европы, как в Соединенных Штатах Америки. Далее говорилось, что двадцать восемь американских католических священников подписали и распространили обращение о прекращении союзных бомбардировок Германии. Документ Центрального Комитета обвинял этих священнослужителей в лицемерии. «Когда немцы бомбили Лондон, — говорилось далее в документе, — когда

воздушные пираты Гитлера разрушали наши города, расстреливали и убивали наших людей, они хранили молчание. Но когда начались бомбардировки Германии, они протестуют»²⁹.

В середине лета 1944 г. Красная Армия, перейдя в наступление одновременно с высадкой союзников в Нормандии, ворвалась в Белоруссию, а затем в восточную Польшу. К этому моменту Советы подготовили правительственную структуру, необходимую для встраивания местного православного населения в советскую систему. Первого июля советская пресса сообщила о создании Совета по делам религиозных культов, подчиненного Совету народных комиссаров. Подобно совету, сформированному в сентябре предыдущего года после Собора и занимавшемуся делами православной церкви, эта новая организация предназначалась для управления государственных отношений с другими церквями: армянской грегорианской, староверческой, католической, католиками восточного обряда, лютеранами, мусульманами, евреями и буддистами³⁰. Главой нового органа назначили Ивана Васильевича Полянского. Немецкая пропаганда сразу же обрушилась на его назначение, утверждая, что «раньше он входил в большевистскую антирелигиозную организацию. На нем лежит ответственность за смерть большого числа священнослужителей в СССР в 1933–1940 гг.»³¹. Правильно ли утверждение, будто Полянский непосредственно виновен в смерти священников, или нет, сказать трудно, но, как и его коллега Георгий Карпов, глава Совета по делам православной церкви, он был офицером государственной безопасности высокого ранга³². Конечно, его новое ведомство обладало большим влиянием и, «несмотря на отчаянную нехватку площадей, получило большое помещение в центре Москвы», как это отметил английский посол³³.

Американские дипломаты считали создание этого нового Совета обнадеживающим признаком, совершенно уверенно полагая, что это отражает «более терпимое отношение» Кремля к религии. По их мнению, Совет даст малым религиям «большее признание, чем они имели до сих пор». Американский дипломат Чарльз Болен с большой долей оптимизма писал: «Возможно, это следует рассматривать в связи с заверениями, которые Сталин дал отцу Орлеманскому относительно католической церкви». Еще вернее догадка Болена, что «Совет, несомненно, связан с польским вопросом и, возможно, предназначен для создания механизма решения вопросов, касающихся польского населения восточной Польши, которую советское правительство намерено включить в Советский Союз»³⁴.

Москве, конечно, потребуется любая помощь, какую только можно будет получить, для решения проблемы с поляками. Советы

уже долгое время непрерывно работали над созданием частей польской армии и государственных кадров, которые будут подчиняться их контролю, но дело было не из легких. В 1942 г. Советы позволили более чем 30 тыс. солдат националистической армии Андерса покинуть пределы Советского Союза, чтобы воевать на Западном фронте, надеясь таким образом избавиться от офицеров и солдат, настроенных резко националистически или антисоветски. Впоследствии Москва создала новую, контролируруемую коммунистической партией подпольную польскую армию под командованием подполковника Зигмунда Берлинга. Несмотря на то, что армия Берлинга была намного более просоветской, чем ее предшественница, по мере продвижения Красной Армии на Запад даже эти польско-советские части начали таять.

Отчасти причиной высокого процента дезертирства было вступление Красной Армии в Польшу и контакт с некоммунистическими подпольными силами. По подсчетам советской разведки, в июле 1944 г. на пути наступления Красной Армии действовало 8–10 тыс. членов Армии Крайовой³⁵. Хотя формально они были союзниками СССР, тем не менее Кремль смотрел на них с большой подозрительностью, со своей стороны поляки отвечали тем же. Даже после разоружения этих формирований проблемы не прекратились. И. А. Серов, заместитель народного комиссара внутренних дел (будущий глава КГБ), докладывал своему боссу Лаврентию Берия, что «органы контрразведки» в советско-польских частях слабо укомплектованы и не в состоянии бороться с «враждебными элементами, проникающими в ряды Польской армии». Остро стояла проблема «массового дезертирства из Польской армии», что также ставило вопрос об усилении разведывательной работы. Учитывая создавшуюся из-за гигантских потерь в результате войны неиссякаемую потребность в живой силе, Советы были вынуждены позволить многим ветеранам Армии Крайовой вступить в польские части Красной Армии «без должной проверки», это давало руководителям польского подполья возможность «вести враждебную агитацию», используя этих людей как агентов. НКВД считал это причиной дезертирства 40–50 офицеров и солдат в день. Если быть точнее, то только за первую половину октября 1944 г. дезертировало 2 тыс. человек, прежде чем советские власти на приняли «решительные меры» для пресечения этого явления³⁶.

На моральное состояние контролируемых Советами польских частей никак не могли положительно повлиять события, связанные с варшавским восстанием. Первого августа по приказу Лондонского польского правительства и поощряемая передачами Москов-

ского радио польская Армия Крайова подняла в польской столице восстание. То, что произошло дальше, представляет один из самых противоречивых, наряду с Катынью, эпизодов в советско-польской истории. Красная Армия вышла на правый берег реки Вислы неподалеку от Варшавы, но не продолжила наступление, чтобы помочь польским войскам. После двух месяцев жестоких уличных боев нацисты подавили польских повстанцев, более 80% города лежало в руинах. Советы не только не оказали полякам непосредственной помощи, но отказали американским и английским самолетам в посадке на их аэродромах, когда союзники предложили организовать снабжение восставших по воздуху. Советы перешли в наступление только тогда, когда исход восстания уже был предрешен и англо-американские грузовые рейсы потеряли эффективность³⁷. Хотя советские архивы не проливают сколько-нибудь убедительный свет на эти события, но представляется, что в польскую политику Сталина вполне укладывается решение отказать полякам в помощи или, по крайней мере, не спешить с помощью, чтобы дать немцам время подавить беспокойную Армию Крайову; кроме того, людские потери, которые немцы несли в Варшаве, конечно, тоже были выгодны Советам³⁸.

Война с Ватиканом

Неутихающая напряженность в польско-советских отношениях отражалась на международном уровне, так как конфликт между Москвой и лондонскими поляками создавал угрозу единству антигитлеровской коалиции. Президент Рузвельт, как всегда проявлявший внимание к религиозной стороне дела, еще раз обратился к папе Римскому в надежде, что тот может согласиться на какую-то формулу, способствующую смягчению напряженности или хотя бы созданию впечатления, что он делает это. Поэтому он вернул Майрона Тейлора в Рим в качестве своего личного эmissара. У Рузвельта на уме были и другие проблемы — во время приближавшихся президентских выборов и выборов в конгресс он надеялся сохранить за собой польско-католические голоса, неизменно поддерживавших демократов в прошлом. Во время их личной беседы на Тегеранской конференции в декабре предыдущего года он сказал Сталину: «В Америке шесть-семь миллионов граждан польского происхождения, и поэтому, будучи человеком практичным, я бы не хотел потерять их голоса»³⁹. Если тесный союз между США и СССР будет способствовать порабощению Польши или проведению в ней совет-

ской антирелигиозной политики, то это может оттолкнуть многих польских избирателей в Америке. Всякий раз, когда он старался заверить Сталина, что Соединенные Штаты не будут противиться шагам по укреплению безопасности Москвы в этой стране, Рузвельт хотел отгородиться от любого сделанного под нажимом Советов решения польского вопроса. Для этого ему приходилось проявлять чудеса балансирования.

Тейлор имел несколько аудиенций с папой и монсеньором Тардини, политическим советником папы Пия XII. По мнению Тейлора, особенно несговорчивым был Тардини, так как «он занимает подчеркнуто негативную позицию в отношении России и распространения коммунизма»⁴⁰. На первой встрече с понтификом 12 июля Тейлор представил проект декларации, которая, как он сказал, была результатом его бесед в Лондоне с советским послом в Англии Иваном Майским. В какой-то момент их разговора посол поставил вопрос: «В какой форме должно быть сделано заверение маршала Сталина, чтобы оно было принято» в качестве доказательства добрых намерений советской стороны? Тейлор также обсуждал эти вопросы с Рузвельтом, государственным секретарем Корделлом Халлом и влиятельными членами американской католической иерархии. Итогом этих встреч был проект декларации из двух пунктов. В первом пункте Кремль примет на себя обязательство, в соответствии со статьей 124 советской конституции, объявить «полную свободу религиозного обучения и свободу богослужения на всей советской территории». Только этот пункт, взятый отдельно, мог бы обнадеживать, но второй пункт оставлял Москве лазейку, размерами в дирижабль: «Любое нарушение этих прав либо в форме организации движений, или подстрекательства людей с целью свержения правительства будет рассматриваться в каждом отдельном случае в соответствии с законом»⁴¹. Естественно, и папа, и Тардини «возражали против пункта второго... но одобрили пункт первый», — записал Тейлор⁴². Они справедливо полагали, что советская пропаганда будет обыгрывать первый пункт, а Кремль — использовать второй для подавления религиозной активности.

Тейлор уговаривал папу, но понтифик играл в эту игру намного дольше Тейлора, на него не давили союзники или напористый президент, и он не поддавался на уговоры. Его мало заботила проблема поиска формулы, которая устроила бы всех и позволила бы замаскировать красивыми фразами подлинное положение с религиозными репрессиями в Советском Союзе. На следующей встрече он сказал Тейлору, что «такое заявление Сталина» будет «мало что значить». Папу тревожила судьба польских католиков, которые окажутся к востоку от

линии Керзона*, а значит, под властью Советов. Он не полагался на туманные обещания Москвы.

Американский эмиссар сказал, что недавно говорил с Александром Богомоловым, советским представителем при Союзном советническом аппарате в Италии, только недавно сюда приехавшим. Богомолов сказал, что мог бы начать переговоры с Ватиканом. Тейлор упомянул папе, что православные цари посылали представителей в Ватикан и что, «поскольку польский вопрос обостряется, римская католическая церковь в Польше и православная церковь в России могут впасть в состояние очень тяжелого конфликта, если русская ситуация с церковью не либерализуется и не прояснится». Папа выразил с этим полное согласие, но снова повторил, что признаки доброй воли со стороны Советов должны предшествовать любому согласованному заявлению. Он сказал, что советские действия недавнего прошлого, особенно во время советской оккупации Польши и балтийских государств, не оставляют оснований для иллюзий. Он также заметил, что Москве не следует думать, будто нормальные отношения между Ватиканом и этими областями, которые Кремль хочет вернуть себе, не имеют значения. «Любому следящему за европейской политической ареной, — сказал он, — нельзя не прийти к заключению, что гармоничная религиозная основа будет способствовать лучшему политическому и экономическому взаимопониманию»⁴³.

В следующем месяце, в августе, когда в Варшаве шли бои и напряженность между союзниками накалялась, американцы предприняли еще одну безуспешную попытку поколебать папу Пия. На этот раз американцы прибегли к помощи англичан. Адмирал Стендли, бывший американский посол в Москве, и Хью Уилсон, высокопоставленный чиновник Форин офис, еще раз были на аудиенции у папы. Стендли сказал: «Сталин воссоздал православную церковь, введя ее в государственный аппарат в качестве его части... Адмирал Стендли считает, что Сталин тщеславен», и что ему хочется быть еще более великой исторической фигурой, чем Ленин. Во время беседы папа неоднократно возвращался к вопросу о легитимности советских религиозных репрессий, которые, по его словам, мешали добрым отношениям, но Уилсон сослался на исторический прецедент, напомним,

* «Линия Керзона» названа по имени английского министра иностранных дел, который на Версальской мирной конференции после окончания Первой мировой войны пытался установить границу между Польшей и ее восточным соседом, основываясь на этническом принципе. Реальная граница в период между двумя мировыми войнами была установлена по Рижскому договору и проходила значительно восточнее линии Керзона.

что Ватикан часто вступал в отношения с нерелигиозными лидерами вроде Наполеона. Папа стоял, как скала⁴⁴.

Самое недвусмысленное выражение сдержанности Ватикана по поводу сотрудничества с Советами на том этапе войны содержалось в составленной Тардини записке, которую он вручил Тейлору. Положение католической церкви в Советском Союзе, писал Тардини, «не показывает признаков сколько-нибудь существенных перемен по сравнению с довоенным временем. Антирелигиозное законодательство остается в силе». Хотя Тардини не высказал этого открыто, представленный проект советских заверений относительно религии никак не влиял на ослабление антирелигиозных законов. Больше всего Ватикан беспокоило положение, при котором «те немногие из оставшихся в живых католических священников, которые после советской революции были подвергнуты аресту на российской территории, освобождены не были и не получили возможности выполнять свои пасторские обязанности». Некоторые этнические поляки-священники были выпущены из ГУЛАГа в 1942 г., когда Советы формировали армию Андерса, некоторым удалось выбраться на Запад. Но «не все священники, арестованные и депортированные из Польши, вышли на свободу, и не похоже, что они были освобождены после этой даты». Конкретно Тардини упомянул, что не известна судьба архиепископа Эдварда Профиттлиха, апостольского администратора Эстонии, которого Советы арестовали в Таллине в июне 1941 г. и «выслали на Урал». С тех пор об архиепископе ничего не было слышно.

Тардини писал, что Ватикан не убеждает очевидное умеренное обращение с религией в СССР «в течение последних двух лет». Новая советская линия не покончила с антирелигиозной пропагандой и не показала «позитивного признания религиозной свободы». «Объяснение этому нетрудно увидеть в очевидной политической и военной целесообразности и психологических потребностях народа во время войны». Что касается советской публикации «Правды о религии в России», она не произвела на Тардини впечатления. «Книга, которая широко распространяется в разных переводах и которую почти невозможно купить в СССР, — писал он, — неточная, малосодержательная, иногда отходит от правды». Советы лгали, когда вскоре после нацистского нападения опубликовали цифры действующих в Советском Союзе церквей; тогда Москва утверждала, что в СССР действовали 1744 католические церкви. «Что касается Римско-католической церкви, — писал Тардини, — то эта информация полностью ложная»⁴⁵.

Несмотря на роспуск Коминтерна в 1943 г., продолжал Тардини, Москва продолжает проталкивать идеи коммунизма по всей ослабленной войной Европе. «Эти принципы в своей сущности матери-

алистические, и основанные на них доктрины разрушают личность индивида к выгоде государства, провозглашают классовую войну, ведут к диктатуре пролетариата и порождают вражду к религии». Притягательность советской пропаганды особенно опасна в хаосе политической ситуации Европы, когда война идет к своему разрушительному концу:

«Пропаганда ведется особенно в тех странах, через которые прошла или проходит война, и пользуется очень тяжелым положением этих людей... Такая пропаганда действительно ведется очень искусно, не обнаруживая перед неопытными ошибочность принципов, которые ее породили и на которых она основывается, а фактически, даже провозглашая терпимость и доброе отношение к католической религии, уважение к вере и религиозной практике и предлагает сотрудничество. Это возобновление политики “протянутой руки”, которая была испробована в других странах. Однако ввиду печальных последствий, к которым она привела, нельзя не испытывать самых серьезных опасений».

Тардини заявил, что Ватикан будет продолжать «политику настоящего выжидания и сдержанности»⁴⁶.

Было ясно, что с этой стороны американцам помощи не получить. Что было еще хуже, миссия Тейлора, предпринятая с целью улучшения отношений с Москвой, привела к обратному результату. Работавшие в Италии советские агенты НКГБ проявляли большой интерес к намерениям, с которыми Тейлор приехал в Рим, и были уверены, что от Ватикана ничего хорошего ждать не приходилось. Резидент советской разведки 24 июля передал в Москву, что Тейлор ведет переговоры о сепаратном мире с немцами, используя Ватикан в качестве посредника. Очевидно, советский агент был дезинформирован о целом ряде вещей: «Кардинал Spellman и Тейлор прибыли в Рим по просьбе папы. Они встречались с германским послом в Ватикане Вайцекером, представлявшим группу военных Браухича и Кейтеля в Германии. Вайцекер считается лучшим дипломатом, не скомпрометировавшим себя связями с нацизмом, и он настроен резко антикоммунистически»⁴⁷. Тот же агент докладывал в Москву 27 августа, что Черчилль нанес визит в Ватикан и также получил от Вайцекера предложения о сепаратном мире. «Что касается Ватикана, — писал резидент, — то он выступает за быстрое формирование германского правительства, чтобы избежать во время оккупации Германии создания нечто подобного просоветскому правительству»⁴⁸.

Согласно одному осведомленному источнику на Лубянке, московской штабквартире НКВД, советским агентом в Риме был Иосиф Грегулевич, человек советского происхождения, ставший гражда-

нином Коста-Рики и впоследствии послом этой страны при Ватикане. По докладам Григулевича в Москву, главной причиной папской враждебности к СССР были опасения по поводу общения Советов с униатской церковью, а также с другими восточно-европейскими католиками⁴⁹

Мы не располагаем независимыми подтверждениями заявлений Григулевича, что либо Черчилль, либо Тейлор вели переговоры с немцами⁵⁰. Во всяком случае, это полностью противоречило бы цели всей миссии Тейлора, который должен был добиться в какой-то форме примирения между Ватиканом и СССР, пусть даже поверхностного, главным образом, для того, чтобы упокоить американское общественное мнение. В советских разведывательных донесениях не указывается источник этих утверждений, которые вполне могли быть немецкой дезинформацией. Конечно же, упоминание имени Кейтеля в числе антинацистов, а также ссылка на Вайцзекера, не могут не вызвать подозрений. Однако, невзирая на низкое качество донесений, если им верили в Москве, а им, судя по всему, верили, это могло только усилить подозрения Москвы относительно намерений союзников и Ватикана. Это во многом объяснило бы, почему в тот момент Москва начала исподволь намекать о западных маневрах в Риме вокруг сепаратного мира, а также причины, по которым после лета 1944 г. усилилась и стала еще более резкой советская антикатолическая пропаганда. Как бы там ни было, но конкордат между Римом и Москвой, о котором мечтал Рузвельт, оказался мертворожденным ребенком.

Ватикан не оставлял иллюзий о создании механизмов предотвращения советского господства в Центральной Европе. В начале 1944 г. Управлению стратегических служб стало известно, например, что папа надеялся возродить «Габсбургскую монархию в Центральной Европе и строил планы реорганизации Католической федерации для противостояния советской религиозной политике». Планы Ватикана, говорилось далее в документе, «не секрет для Москвы»⁵¹. Фактически, конечно, Римско-католическая церковь при всем ее могуществе не располагала достаточной политической мускулатурой для восстановления Габсбургской империи или создания серьезных препятствий наступлению советской армии.

Сталин и Греко-католическая церковь

Газета «Вильна Украина» в контролируемом Советами Львове 8 апреля 1945 г. опубликовала вызвавшую большой резонанс статью под заголовком «З крестом чи з ножом» («С крестом и с ножом»). Че-

рез два дня ее перепечатала «Правда Украины», а потом и вообще все советские газеты по всей Украине. Хотя она была подписана В. Расович, на самом деле это был псевдоним советского «журналиста» Ярослава Галана. Статья была полна злобных нападок на популярного митрополита католической церкви восточного обряда Андрея Шептицкого, который умер первого ноября предыдущего года. Эта публикация была первым открытым сигналом, что советская политика в отношении Греко-католической церкви пошла новым, не сулящим церкви ничего хорошего курсом.

Галан обвинил Шептицкого в том, что на протяжении всего своего пребывания на посту митрополита он служил иностранным интересам, предавая национальное дело украинского народа сначала на службе Ватикану, а позже, в межвоенные годы, будучи послушным орудием польского правительства, и, наконец, сотрудничая с нацистами после июня 1941 г. Как утверждал Галан, только советское правительство отвечало высшим интересам украинского народа, впервые в современной истории объединяя всех украинцев под руководством единого правительства⁵².

В обвинениях Галана была доля истины, но они страдали односторонностью, не замечая, что у Шептицкого практически было мало вариантов для выбора. Большую часть своей истории, с момента ее создания в конце шестнадцатого века, Греко-католическая церковь существовала в незавидной ситуации. Зажатые между православной Россией с востока, католической габсбургской империей с запада и католической Польшей с севера, униаты считались в Москве еретиками и ренегатами, а большинством католиков политически и религиозно ненадежными, поляки же, особенно в современный период, видели в них питомник украинского национализма. Когда этот регион находился под властью России, то есть с конца восемнадцатого века до Первой мировой войны, государство стремилось закрыть униатские католические церкви и утвердить русское православие. После Первой мировой войны, когда поляки вернули себе территорию и воссоздали Польское государство, Варшава хотела отобрать у греко-католического духовенства церковную власть и передать ее более ополеченным католическим иерархам. База униатской церкви находилась в Западной Украине, и униаты страдали из-за отсутствия в современный период украинского государства, которое могло бы защищать их интересы. Без государства-нации Греко-католическая церковь являлась ядром украинского национализма. Как пишет один из ведущих историков этой нации, Греко-католическая церковь «функционировала фактически как национальная церковь»⁵³

Предвоенные годы были для Греко-католической церкви полны опасностей. С одной стороны, Варшавское правительство стремилось изжить национализм среди украинцев, составлявших 16% населения страны. К 1930-м гг. эта политика ополчения вызвала появление украинского партизанского движения, полностью справиться с которым Варшава так и не сумела⁵⁴. С другой стороны, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. на востоке советский режим проводил убийственную коллективизацию хозяйств, закончившуюся гибелью миллионов украинцев от голода и разных репрессий⁵⁵. Советская антирелигиозная политика также полностью разрушила шаткую структуру Греко-католической церкви в тех частях Украины, которые находились под властью Москвы.

Когда в сентябре 1939 г. Западная Украина попала под контроль Советов, у греческих католиков были все основания бояться, что их церковь могут полностью ликвидировать. Шептицкий сам испрашивал у Ватикана разрешения выступить против советских властей прямо и публично, даже если это будет означать его собственную смерть. Шептицкий писал папе, что «если бы кто-нибудь стал жертвой этого нападения», то это сыграло бы позитивную роль⁵⁶. Ватикан отклонил просьбу Шептицкого умереть за веру, отдав предпочтение более осторожной политике в отношении к коммунистическим оккупантам, и этот подход оказался более разумным. Хотя Советы провели массовые депортации около 1,5 млн человек из вновь приобретенных польских земель, на церкви они наступали медленно. Коммунистические власти развернули пропаганду против религии вообще, но, как и их царские предшественники, обходились с латинскими католиками мягче, чем с католиками греческого обряда. Даже в конце декабря 1939 г., хотя и сетуя на советскую антирелигиозную политику, Шептицкий информировал Рим, что «духовенство все еще может работать во всех приходах и церквях»⁵⁷.

Греко-католические лидеры не испытывали теплых чувств ни к Варшаве, ни к Москве, но из этих двух последняя, казалось, представляла значительно большую смертельную опасность из-за ее враждебности ко всем формам религиозных культов. По этой причине, когда началась нацистско-советская война, Шептицкий и другие греко-католические священнослужители какое-то недолгое время надеялись на улучшение своего положения. Митрополит даже предполагал, что уничтожение советского атеистического режима может привести к евангелизации русского народа и распространению католицизма по всему славянскому Востоку и тем самым положить конец расколу, разделявшему христианство с 1054 г.

Этому не суждено было сбыться, и Шептицкий достаточно скоро понял, что любые надежды на нацистов несбыточны. Немцы пришли не как освободители, а как более научно подготовленные поработители. В августе 1942 г., испытывая глубокое отчаяние от состояния Украины под властью нацистов, Шептицкий отправил в Ватикан доклад, который один историк католицизма отнес к «одному из самых трогательных документов в истории католической церкви». Шептицкий писал:

«Сегодня вся страна согласна, что немецкий режим, возможно, в еще большей степени, чем большевистский, это зло, даже дьявольское зло. За полгода не прошло и дня, чтобы не совершались самые ужасные преступления. Первые жертвы евреи... Большевистский режим продолжается, расширяется и усиливается... С сельскими жителями обращаются как с колониальными неграми... Просто кажется, что на бедную нацию набросилась банда сумасшедших или стая бешеных волков...» Затем Шептицкий вспоминает свою прежнюю просьбу о папском благословении на мученичество: «Я считаю, что потерял лучшую и, возможно, единственную возможность пойти на мученичество при большевиках... Эти три года показали мне, что я не достоин такой смерти»⁵⁸. Его прежние просчеты относительно намерений нацистов вызвали у митрополита чувства, граничащие с политическим и личным отчаянием.

Красная Армия вновь вошла во Львов 27 июля 1944 г., и к концу года Советская власть была восстановлена на всей территории Западной Украины, если не считать мест, контролируемых Украинской повстанческой армией (УПА). Митрополит Шептицкий отлично понимал, что Москва не забудет его флирта с нацистами и ответный удар придется не только по нему, но и по всей его церкви. Он совершает отчаянный шаг, который должен был обеспечить выживание Греко-католической церкви, и посылает «открытое письмо» с приветствиями Сталину, а также готовится отправить в советскую столицу делегацию для переговоров о *modus vivendi* с коммунистическим правительством и недавно восстановленной русской Патриархией. К сожалению, престарелый митрополит вскоре заболел и первого ноября скончался, оставив своего менее опытного и менее авторитетного преемника архиепископа Слипого провести Греко-католическую церковь через самый опасный период в ее истории. Похороны Шептицкого вылились не только в публичное излияние любви к почившему митрополиту, но и в массовую демонстрацию поддержки особой западно-украинской национальной самобытности, которой угрожала уничтожением советизация⁵⁹.

Слипый безуспешно пытался построить мосты с новым режимом, но обе стороны смотрели друг на друга с подозрением. Двадцать третьего ноября он разослал своей пастве пастырское письмо, призыв членов церкви прекратить вооруженное сопротивление советской власти. «Человек, проливающий невинную кровь, — писал он, — даже врага, политического противника, тот же убийца, убивающий, чтобы ограбить. Святой закон осуждает его, а церковь предаёт анафеме». Однако в том же послании Слипый показывает, с кем его симпатии: «Правда, немалое число из них (участников сопротивления. — С. М. М.) воодушевляются патриотизмом, любовью к своему народу. Но это неверно понятая любовь»⁶⁰. Во всяком случае, мирные призывы Слипого не произвели на Советы должного впечатления, они по-прежнему считали, что униатская церковь одна из главных опор западно-украинских партизанских отрядов, а индивидуальные униатские священники, не говоря уже о мирянах, оставили призывы Слипого без внимания и оружия не сложили.

Новый митрополит также воспринял идею Шептицкого послать в Москву греко-католическую делегацию в составе архимандрита (настоятеля) униатского монастыря Клементия, брата митрополита Шептицкого, отцов Ивана Котива и Будзинского, а также одиозного Гаврилы Костельника, настоятеля Преображенской церкви во Львове⁶¹. Костельник был давним поборником более тесного сотрудничества с русским православием. Его энергичная поддержка прорусской линии, помимо той роли, которую он вскоре сыграет в роспуске Греко-католической церкви, заставила многих критиков видеть в нем Иуду, человека, предавшего свою Мать Церковь сталинистским силам, и не случайно в сентябре 1948 г. украинские партизаны убили его как коллаборациониста⁶². Отправка Костельника в Москву была и предложением Советам оливковой ветви, и признанием отчаянного положения Греко-католической церкви.

Ясно, что приезд этой делегации в Москву был делом большой государственной и даже стратегической важности. Поэтому перед тем, как ей позволили встретиться с иерархами Русского православия, делегацию сопровождали в штаб-квартиру НКГБ. Там с ней беседовали близкий сотрудник шефа тайной полиции Лаврентия Берии, начальник секретариата НКГБ Степан Мамулов, а также Павел Судоплатов, один из специалистов Лубянки по политическому контршпионажу и убийствам. В предвоенные годы Судоплатов сделался своего рода экспертом по антисоветским украинским националистическим группам, убив в 1938 г. лидера украинских сепаратистов Евгения Коновальца по особому приказу Сталина. (Сначала Судоплатов втерся в доверие к Коновальцу, а потом подарил ему коробку конфет с

взрывчаткой. Судоплатов знал, что слабостью Коновальца были сладости.)⁶³ Во время войны Судоплатов руководил Четвертым управлением НКГБ, которое организовывало партизанское движение, а также создавало отряды убийц, выполнявшие задания в немецком тылу на Украине⁶⁴. Встреча делегации Греко-католической церкви с такими официальными лицами была подтверждением того, что высшие советские власти считали церковный вопрос в Западной Украине прежде всего, а возможно, и исключительно вопросом стратегическим, затрагивающим проблемы безопасности.

Как пишет Судоплатов, он поразил гостей, обратившись к ним на западно-украинском диалекте, а затем «изложил им материалы о сотрудничестве руководства униатской церкви с немцами. Вместе с тем мне было приказано заверить их, что в случае если церковные деятели раскаиваются и не замешаны в совершении военных преступлений, то их не будут преследовать»⁶⁵. Заверения НКГБ оказались пустыми обещаниями: после этой встречи на Лубянке прошло несколько месяцев, и Москва взялась за Греко-католическую церковь. В конце февраля 1945 г. была предпринята попытка использовать церковь в качестве посредника, чтобы убедить УПА прекратить вооруженное сопротивление, но она не увенчалась успехом, и к середине марта Сталин дал разрешение на подчинение Греко-католической церкви Московской патриархии⁶⁶. Советские власти всегда с подозрением смотрели на организации с иностранными связями и в Греко-католической церкви видели своего худшего врага. Мало того что церковь была ядром антирусского украинского национализма, она была еще связана с ненавистным Ватиканом, давним завзятым врагом советского коммунизма, не говоря уже о том, что, как не без некоторых оснований считали советские агенты, не покладая рук старалась лишить Москву политических плодов грядущей победы над нацизмом. Униатская католическая церковь была идеальной организацией на роль центра сопротивления советской власти — это был замкнутый мир священнослужителей с постоянными зарубежными контактами с Ватиканом и опытом антисоветской националистической деятельности в годы войны. Ведущий историк Греко-католической церкви приходит к заключению, что Советы никогда на деле не искали настоящего компромисса с униатами, им только хотелось создать видимость гибкости, дожидаться окончательного разгрома немцев и консолидации советской власти в западных пограничных областях. С 1939 г. Кремль планировал подчинение униатов Русской православной церкви, но из-за ее слабости, нестабильной международной ситуации и больше всего из-за немецкого нападения это не получалось⁶⁷. К 1945 г. Сталин наконец посчитал, что обстановка созрела.

Опубликованные в апреле 1945 г. Ярославом Галаном нападки на Шептицкого были только первым публичным выстрелом по церкви, в котором излилась давно накапливавшаяся напряженность. Управление пропаганды и агитации Центрального Комитета коммунистической партии УССР использовало публикацию статьи для зондирования настроений в среде западных украинцев, а также для поиска людей для работы по подрыву церкви. Известие о статье быстро распространилось среди жителей Львова, у газетных киосков выстроились длинные очереди за газетами, где она была напечатана. Помимо этого, украинские коммунистические власти 9–10 апреля транслировали статью по местной радиосети и напечатали ее брошюрой тиражом 10 тыс. экземпляров⁶⁸.

Как отмечали советские обозреватели, статья «произвела очень большое впечатление», особенно на «местную интеллигенцию» и униатское духовенство. Однако отклик был неоднозначным. Духовенство и верующие реагировали по-разному. Научные работники Львова также отнеслись к ней неодинаково, и отзывы некоторых вызвали у советских властей беспокойство. Один неназванный профессор назвал статью «большой силы бомбой». Ряд профессоров городского университета считали, что для униатов лучший, а может быть, и единственный выход — это присоединиться к Русской православной церкви, если они хотят остаться частью украинской жизни. Другие полагали, что атака на популярного Шептицкого «умножит силы» ОУН и «усилит пропаганду против советской власти». Многие читатели открыто заявляли, что Шептицкого никак нельзя назвать римским прихвостнем, ибо он годами уходил от более тесного союза с Ватиканом, потому что большой папский контроль означал бы всеподавляющее польское господство. Академик по имени Колесса сказал, что если Шептицкий рабски обслуживал папские интересы, как утверждает провокационная статья, то как можно объяснить, что во время визита митрополита в Рим в 1920 г. Ватикан, интернировав его там, не пускал его во Львов? Другие читатели видели в статье большевистскую провокацию, имевшую целью посеять распри между украинцами, как оно и было на самом деле. А священник по имени Гарчинский заметил: «Духовенство очень оскорблено статьей и будет жаловаться в Москву». Однако, к сожалению, Москва прекрасно знала о статье Галана и первой санкционировала ее — кремлевские власти вряд ли собирались приходить на помощь униатам. В одной греческой семинарии состоялось публичное чтение статьи, и во время чтения настроение среди студентов и учителей «было тревожным и подавленным». Статья Галана, считали они, представляла собой «тяжелое обвинение» против униатов, но они считали, что

лучше каждому пойти своим путем, чем присоединяться к Русской православной церкви.

Реакция на галановскую статью не всегда была двусмысленной или негативной. Определенная категория образованных людей, хотя они составляли безусловное меньшинство, заявляла, что «наконец» Советы разоблачают сотрудничество Шептицкого с поляками и немцами. Больше того, «в одном случае, — отметили советские наблюдатели, — часть униатского духовенства и верующих выразила желание порвать с Унией и принять православную веру». Как и ожидалось, прорусский Гавриил Костельник о статье отозвался тоже положительно. Костельник заявил в церкви, что Шептицкий «психически болен». Однако те, кто поддерживали линию Шептицкого, в свою очередь назвали Костельника «сумасшедшим». Не убоившись скептиков среди своих коллег священников, Костельник сказал, что умерший митрополит «мечтал» о воссоединении православной церкви с униатской с митрополитом в Киеве. Он боялся только того, что Москва могла не утвердить митрополита в Киеве, что означало «русификацию» униатской церкви. «Никто этого не боится, — продолжал Костельник, — потому что Украина объединена и неделима». Он также пообещал, что «как только закончится война, он объявит войну Слипому и будет вести политику за объединение (Русской православной и униатской. — *С. М. М.*) церковей и сам примет православие».

Литвин, автор цитируемой здесь советской справки, закончил ее несколькими общими замечаниями относительно публичной украинской реакции:

«Все эти факты говорят о том, что статья В. Расовича (*Я. Галана*. — *С. М. М.*)... нанесла серьезный удар по престижу униатской церкви. Статья заставила руководителей униатской церкви серьезно задуматься о своей роли в условиях западных областей Украины. Статья помогла значительной части рабочих, крестьян и интеллигенции убедиться в том, что униатская церковь проводит антинародную линию и помогает злейшим врагам украинского народа — украинско-немецким националистам, этой подлой агентуре немецкого фашизма»⁶⁹.

Понятно, что, докладывая руководству в Москве, Литвин, возможно, хотел приукрасить общую реакцию на атаку Галана. Судя, однако, по его собственным наблюдениям, трудно представить себе, чтобы западно-украинские настроения могли очень порадовать советские власти. Реакция общественности на галановскую провокацию не продемонстрировала широкой враждебности униатской церкви, напротив, люди в основном поддерживали Шептицкого и, что для Советов было более серьезным сигналом, очень немногие униатские священники, помимо Костельника, по-видимому, были готовы согла-

ситься с атакой на умершего митрополита или с идеей объединения с Московской патриархией.

Не будучи демократами по темпераменту или на деле, Советы не собирались потакать таким вещам, как желание общества. Они решили отделаться от беспокойной униатской церкви и прервать связи между советскими украинцами и Ватиканом и сделают это, если даже придется прикрывать свои действия самым крошечным из фиговых листьев. Для этого была выбрана та же методика, какой они следовали, обрабатывая отца Орлеманского или безуспешно пытаясь соблазнить отца Чижека. Коммунисты нашли горстку униатских священников и мирян, которые пошли на сотрудничество с ними в ликвидации независимости Греко-католической церкви изнутри. Статья Галана оказала неоценимую услугу в поиске стоворчивых людей. Несомненно, эти люди руководствовались разными мотивами: одни, вроде Костельника, могли искренно верить, что у их церкви нет оснований настаивать на независимости, поскольку украинцы впервые в современной истории собраны теперь в границах единого государства. Другие могли действовать под влиянием страха перед советскими властями или из чувства приспособленчества. Мы это едва ли узнаем, но Советы, как покажут позднейшие события, наверняка не стеснялись применять силу в отношении церкви. Каковы бы ни были их побудительные мотивы, но работа людей, принадлежавших к этой группе, представляла интерес для самых могущественных фигур в СССР. В мае 1945 г. Никита Хрущев, будущий премьер-министр СССР, в тот момент партийный босс Украины, писал Сталину: «Будучи в Москве, я Вас информировал о проведенной работе по разложению униатской церкви и переходу униатского духовенства в православную церковь. В результате проведенной работы из числа униатских священников образовалась “инициативная группа”». Эта группа, состоявшая из Костельника и еще двух пожилых священников⁷⁰, была ничтожно мала и неавторитетна. Ни одного униатского епископа не удалось уговорить или заставить принять участие в заказанном Москвой представлении. Напротив, узнав о намерении группы разложить Греко-католическую церковь изнутри, руководители церкви, в их числе митрополит Слипой, направили письменный протест Молотову: «Наше отношение к действиям отца Костельника совершенно отрицательное, — писали они, — мы осуждаем его действия как вредные, полностью антицерковные и противоречащие истине, провозглашенной Христом»⁷¹. Их протесты, однако, не поддержанные силой оружия или какой-нибудь великой державой, не могли остановить запущенный советский паровой каток.

Судя по хрущевской записке Сталину, инициативная группа сочинила два документа: письмо Совету Народных Комиссаров относительно положения церкви в Западной Украине и письмо всему греко-католическому духовенству, которое Хрущев распространит после утверждения «инициативной группы» Кремлем. До этого момента, продолжал Хрущев, все контакты с «инициативной группой» поддерживали сотрудники НКВД, занимающиеся в Совете Народных Комиссаров вопросами вероисповеданий. Однако «все документы были составлены самими церковниками», — заверил Хрущев Сталина, — «в редактировании их наши люди никакого участия не принимали». Он считал, что Москве следует одобрить просьбу о распространении документов и «после этого опубликовать эти документы в газетах западных областей Украины». «Прошу ваших указаний», — закончил он⁷².

Очевидно, Сталин одобрил хрущевскую работу, дав указание, чтобы инициативная группа приступила к выполнению своих планов⁷³. Текст ее обращения к греко-католическому духовенству, главным автором которого был Костельник, будет одобрен и передан для распространения. Этот документ интересен с точки зрения представлений об исторической аргументации, которой пользовались в пылу многовековой полемики вокруг религии и национализма в западных пограничных областях СССР.

В историческом обзоре Костельника проводилась мысль, что среди униатов всегда были священнослужители, желавшие соединиться с Русской православной церковью, но эти надежды на протяжении всей истории разрушались мощными политическими силами. «В нашей церковной истории Уния была предложена и проведена в жизнь поляками, чтобы эффективнее и быстрее уничтожить Россию». Когда после раздела Польши в конце восемнадцатого века западные украинские земли подпали под австрийское правление, церковь очистилась от польского влияния. Но затем в середине следующего столетия, когда после Аусглиха эти украинцы перешли под контроль венгров, власти в Будапеште стали проводить политику «мадьяризации» с целью уничтожить украинский народ и его церковь.

Эта тяжелая ситуация просуществовала до Первой мировой войны, когда рухнула Австро-Венгерская империя, но даже такой поворот событий не принес украинцам облегчения. Создание независимого польского государства принесло новые тяготы, на это раз снова от Варшавы. За период 1919–1939 гг. стало ясно, что ни польское правительство, ни Рим не поддерживают существование независимой Греко-католической церкви, в их интересах было ввести латинский обряд. Ватикану нужна была большая централизация,

его не устраивали остатки восточного православного обряда, которые ему пока еще не удавалось вытравить из церкви. Варшава желала провести «полонизацию» униатов и считала, что этого можно добиться превращением униатских приходов в католические. Протесты митрополита Шептицкого против захвата униатских церквей никто не слушал, папа Пий XI неизменно поддерживал поляков. Эта печальная история, писал Костельник, доказывала, что только союз с русским православием мог «спасти нас от гибели», которую «несут шовинисты-поляки».

Когда в 1939 г. началась война, продолжал Костельник, некоторые униаты ненадолго поверили, что немцы избавят Греко-католическую церковь от ее исторических дилемм. Но нацисты вторглись на Восток вовсе не для того, чтобы их освободить, для них это было началом тотального завоевания всего славянства. Заигрывая с Шептицким, нацисты просто прибегли к давно известной тактике «разделяй и властвуй».

Костельник задавал вопрос: что же в этих условиях делать Греко-католической церкви? С четырнадцатого века украинские христиане были связаны с Западной Европой, и все-таки поляки постоянно предавали их интересы. «С другой стороны, — довольно откровенно писал Костельник, — мы не могли связывать свои надежды с Советским Союзом, потому что боялись революционного атеизма, никогда не принимали социализма и, кроме того, не верили в решение национального вопроса в СССР, правильность которого была убедительно продемонстрирована тем, как победоносно провел войну Советский Союз». Война и сотрудничество национальностей в Красной Армии якобы показали, что «мы ошибались в своих оценках советской реальности и исторической миссии СССР». «Под руководством первого маршала, несравненного Сталина», советский народ победил и спас славянские народы. Кроме того, впервые после монгольского нашествия тринадцатого века украинский народ, наконец, объединили в одном государстве. «Маршал Сталин навечно войдет в историю как собиратель украинских земель», это была скрытая ссылка на Ивана III Великого, русского царя пятнадцатого века, который создал мощь Московии, покорив соперничающие княжества и «собрав» русские земли вместе. Включив последнюю оставшуюся часть Украины в единое государство, Сталин совершил подвиг, за который украинцы повсюду должны быть «от всего сердца благодарны». Костельник также упомянул «очень большие заслуги» Хрущева и, таким образом не обидел партийного босса, оставив его в числе прославившихся.

Теперь, когда украинский народ объединен в одном государстве, продолжал Костельник, пришло время для его объединения в одну

церковь. К сожалению, униатские епископы еще не переориентировались, чтобы жить в новой религиозной и политической ситуации, и продолжают цепляться за свой «тонущий корабль» и свою «обезглавленную и дезорганизованную» церковь. Эта ситуация уже стала невыносимой, «поэтому мы, нижеподписавшиеся, ведущие представители наших трех епархий, решили уберечь нашу церковь от анархии» и привести ее к союзу с Русской православной церковью. Хотя этот шаг настоятельно необходим, делал странную, но тем не менее многозначительную оговорку Костельник, к союзу следует идти медленно, чтобы сократить число «жертв»⁷⁴. Прискорбно, но процесс не будет медленным, и многие падут его жертвами.

В предъявленной инициативной группой аргументации было много правды: история Греко-католической церкви действительно была трагической, поляки, австрийцы, венгры и Ватикан слишком часто шли наперекор интересам церкви, а через нее и против украинского народа, часто прибегая к неприкрытым репрессиям. Еще больший интерес этот документ представляет тем, о чем он умалчивает. Костельник обошел молчанием историю бурных отношений между царями, а затем Советами и Греко-католической церковью. Сделай он это, и список репрессий с их стороны был бы такой же длинный, как и тот, что он назвал. Непонятно, как его воспевание тех самых советских вождей, которые заморили голодом миллионы украинцев во время коллективизации, могло быть воспринято среди тех, кто помнил эти жуткие события по собственному опыту.

После одобрения представленных инициативной группой документов события стали развиваться очень быстро. В апреле 1945 г. советское правительство арестовало всех униатских епископов, в том числе Слипого, затем последовала депортация 500 священников. Восьмого марта следующего года большинство греко-католического духовенства (997 священников из общего числа 1 270) составили письменное заявление с просьбой принять их в православную церковь. Это заявление все еще приводится защитниками православия в качестве доказательства, что большинство униатских священников одобряло союз с Московской патриархией. Было бы весьма опрометчиво думать, что в условиях послевоенного сталинизма у этих священников был свободный выбор⁷⁵. С окончанием войны и восстановлением советской власти подлинная политическая или религиозная независимость были невозможны. Отказ принять участие в насильственном объединении с православием означал бы для непокорных священников арест и депортацию, и, возможно, даже полное исчезновение их церкви. В том же месяце Советы закрыли три семинарии церкви, арестовав почти всех преподавателей, и прекратили

занятия в 9900 начальных и 380 средних школах, которыми руководила церковь⁷⁶. Как только появились выпускники русских православных семинарий, стали раздавать униатские епархии, это способствовало русификации пограничного региона, чего, собственно, давно боялся Шептицкий. Эти новоявленные русские священники, многие из которых, несомненно, имели тесные связи с НКГБ⁷⁷, были более лояльными Москве, чем местное униатское духовенство, и, кроме того, навряд ли могли всупить в связь с украинским националистическим сопротивлением. Советские органы безопасности были вполне удовлетворены результатами своей работы. Судоплатов пишет, что «воссоединение было решительным ударом по украинскому партизанскому сопротивлению под руководством Степана Бандеры, потому что основной состав партизанских командиров были выходцами из семей униатских священников»⁷⁸.

Помогая таким способом вгонять клинья в украинское сопротивление восстановлению советской власти, Русская православная церковь, может быть, оказала во время войны самую важную услугу советскому государству. Она начала действовать как «альтернативный Ватикан», именно так, как говорил Сталин во время Собора в сентябре 1943 г. Снова, как это было во время кампании борьбы с схизматиками в самой церкви, нет оснований полагать, будто русских священников приходилось заставлять принимать участие в ликвидации Греко-католической церкви, хотя многие, наверное, испытывали угрызения совести по поводу судьбы братьев священников, томившихся в руках НКГБ. Конечно, у некоторых мыслящих православных писателей с тех пор не проходят сомнения. Тимоти Уэар, историк восточной православной церкви, писал, что «печальная судьба Греко-католической церкви, вероятно, самая темная глава в истории противостояния Московской патриархии с коммунизмом»⁷⁹. Нужно сказать, что Русская православная церковь всегда относилась к Греко-католической церкви с величайшим презрением и видела в ней чуть больше, чем всего лишь ватикано-польский сговор, имеющий целью увести простых православных верующих от истинной веры в объятия Рима. Если судьба отдельных арестованных священников, может быть, и тревожила совесть русского православия, то кончина конкурирующей церкви не вызвала оплакивания ни тогда, ни после.

Однако за большинством репрессий следует расплата, и за ликвидацию Греко-католической церкви пришлось платить. Не все униаты спокойно приняли уничтожение их церкви. Некоторые верующие, сколько их было, подсчету не поддается, ушли в подполье и создали «Церковь в катакомбах»⁸⁰. Уже во второй половине 1980-х гг., когда при Горбачеве Кремль разрешил церкви восстановиться легально,

ходили рассказы о мессах под открытым небом в лесах, в открытом поле и на холмах Западной Украины. Советы постоянно стремились раскрыть и распустить такие группы. В 1961 г., например, во время очередной хрущевской антирелигиозной кампании советские власти в Украине выявили 87 незарегистрированных греко-католических групп⁸¹. Когда при Горбачеве произошла, наконец, реставрация Греко-католической церкви, между Русской православной церковью и униатами начались бесконечные яростные препирательства по поводу церковной собственности, которая была захвачена в 1940 г. Несмотря на то, что уничтожение Греко-католической церкви закладывало для его преемников серьезные проблемы, сам Сталин мог гордиться успехом, достигнутым с помощью типичной для его времени дипломатии и политики. Сокрушительный удар, который объединенные силы советского государства и русского православия нанесли Греко-католической церкви в Украине, помешал ей сыграть активную организующую роль в переменчивой и опасной обстановке конца войны.

Патриархи всего мира, соединяйтесь

Пятнадцатого мая 1944 г. в возрасте семидесяти восьми лет умер патриарх Сергей. Он правил Русской православной церковью в самый тяжелый и самый опасный период ее почти тысячелетней истории. Став после кончины Тихона в 1925 г. патриархом *locum tenens* (временным заместителем патриарха), Сергей перенес годы сталинского террора, на протяжении которого казалось, что коммунистическое государство вот-вот до основания изведет русскую церковь. К концу жизни на его глазах происходило своего рода возрождение церкви, каким бы тяжким и зависимым от капризов доброй воли и потребностей коммунистического государства оно ни было. Послевоенное будущее терялось во мраке.

Советские газеты сообщили о смерти патриарха, уделив этому событию намного больше внимания, чем это делалось в отношении какого-либо другого религиозного события за все годы, минувшие с момента большевистской революции 1917 г.⁸² Само по себе это было признаком большей терпимости государства к известной степени открытой религиозной деятельности. Передавая новость о смерти Сергея американской публике, московский корреспондент радиосети Эн-Би-Си предсказывал, что «на похоронах можно ожидать “толпы верующих” и что церемония, вероятно, выльется в демонстрацию пылкого религиозного чувства»⁸³. Отпевание проходило в патриар-

шем Богоявленском соборе в Кремле, на нем присутствовал Карпов и другие советские официальные лица⁸⁴.

Преемником Сергия стал митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симсанский). Он родился в 1877 г. в Москве, изучал право в Московском университете, религиозное образование приобрел в Московской духовной академии, священнический сан получил в 1903 г., быстро став епископом в 1913 г. накануне Первой мировой войны во время празднования 300-летия дома Романовых⁸⁵. Будучи епископом в Ленинграде в момент нападения Германии на Советский Союз, Алексей, в возрасте за шестьдесят лет, провел в Ленинграде всю блокаду, перенося лишения наряду со всеми жителями города. Многие его коллеги-священники в это тяжелое время не вынесли голода и болезней. Репутация епископа в городе очень укрепилась, он подавал пример мужества и продолжал отправлять священные литургии, невзирая на блокадные условия, за свои заслуги он был награжден советским государством медалью «За оборону Ленинграда». Он стал митрополитом тогда, когда город был все еще отрезан от остальной России⁸⁶.

Официальное провозглашение Алексея патриархом откладывалось до января следующего года. Собор, на котором его возведут на престол, должен был стать большим политическим и религиозным событием, и советские власти решили выждать, пока военное положение улучшится настолько, что восточные православные патриархи смогут добраться до Москвы сами или прислать своих представителей. Не дожидаясь Собора, Священный синод избрал Алексея исполняющим обязанности патриарха вплоть до созыва полномочного Собора.

Подчеркивая растущую публичную роль, которая отводилась религии, Московское радио включило сообщение о смерти Сергия и письмо митрополита Алексея Сталину не только в передачи для зарубежной аудитории, но и в программы вещания на внутреннюю аудиторию. Этот документ официально объявлял о смерти Сергия и обращался к советскому диктатору с уверениями, что они, ближайшие сотрудники покойного патриарха, хорошо знали о его искренней любви к Сталину и о его преданности ему, как «избранному Богом мудрому вождю народов нашего великого Союза». Именно этими словами он всегда пользовался. Это чувство получило особенно сильную остроту после его знакомства с вождем, после незабываемой встречи 4 сентября прошлого года. Алексей часто слышал, как Сергей трогательно вспоминал об этой встрече и говорил о том, какое высокое историческое значение он придавал ценному вниманию, которое Сталин уделял церковным нуждам патриархии.

Алексий продолжил курс, намеченный его предшественником: следование канонам и законам Церкви и твердая верность Отечеству и «нашему правительству», которое возглавляется Сталиным⁸⁷. Как тонко подметил один историк Русской православной церкви, несмотря на то, что Алексий клялся в будущей верности советскому государству, главным для него оставалась верность церковным законам⁸⁸.

Двадцать первого ноября 1944 г. ТАСС объявило, что прошло собрание тридцати девяти епископов Русской православной церкви, на котором стоял вопрос о назначении даты проведения Собора. Епископы единогласно решили собрать свой совет в конце января и объявили, что пригласят принять участие в церемонии экуменического патриарха Константинопольского, а также патриархов Антиохии, Александрии и Иерусалима, а также грузинского каталикоса⁸⁹. В конце концов, с 31 января по 2 февраля 1945 г. состоялось заседание Собора, на котором произошло избрание Алексия.

Проведение Собора было значительным моментом не только в русской церковной истории, но и в дипломатии времен войны, и в русской истории в целом⁹⁰. Такие собрания — явление редкое, этот Собор был всего лишь первым после 1667 г., когда разгорелся огонь никонианства, поэтому в Москву на Собор приехали патриархи восточного православия. С 1700 по 1917 гг. у русской церкви не было патриарха, поэтому Собора для выбора патриарха не собирали. Хотя с той поры выборы главы православной церкви состоялись уже дважды, из-за Первой мировой войны и русской революции восточные православные патриархи (в основном находившиеся на территории Османской империи, которая была тогда в состоянии войны с Россией) не имели возможности приехать в Москву в 1917 г., когда состоялась интронизация патриарха Тихона. Собор 1943 г. также проходил в разгар войны. Встреча патриархов — самое важное и торжественное событие в мире политики православного мира, так как восточная православная церковь чтит соборную традицию значительно больше, чем западное христианство. Судя по внешним признакам, готовность ведущих фигур восточного христианского мира приехать в Москву во время войны и принять участие в интронизации нового патриарха, казалось, добавляла благословения новой кремлевской политике сотрудничества с русским православием.

Однако, как часто случается, внешние признаки бывают обманчивы. За тщательно подготовленной демонстрацией православного единства, зрелищем, которое Советы столь же тщательно зафиксировали камерами кинохроники, скрывались царившие среди делегатов неопределенность, разобщенность и даже недоверие. Английский

дипломат, проанализировавший состав представителей зарубежных церквей на Соборе, отметил некоторые моменты, свидетельствующие о существующих противоречиях:

«Экуменический патриарх Константинопольский не считал для себя возможным лично присутствовать на Соборе и только прислал своего экзарха в Западной Европе... Точно так же патриарх Иерусалимский, сославшись на слабое здоровье, прислал одного из своих епископов (епископа Атеногора). У патриарха Антиохийского, кажется, имелись политические соображения приехать, а колебания патриарха Александрийского были побеждены стремлением не быть обойденным его арабским собратом. Из новых православных церквей были представлены только патриархи Сербии и Румынии. Сам сербский патриарх Гаврило все еще находился в руках у немцев, но вот почему патриарх Румынии Никодим ограничился присылкой только одного из своих епископов, неясно. Болгарского патриарха пригласить было нельзя по той причине, что болгарская церковь всеми православными, кроме русских, продолжала считаться пребывающей в схизме».

Из различных православных групп Северной Америки на Собор прибыл один только надежный просоветский экзарх Московской патриархии Вениамин, все остальные бойкотировали это событие, считая, что Алексей все еще контролируется атеистическим советским государством⁹¹. Даже среди прибывших делегатов существовали большие опасения. Епископ Атенагор «получил от Святого синода инструкции не принимать участия в выборах в Москве и уклониться от присутствия на какой бы то ни было встрече, которая может проводиться под эгидой русского правительства»⁹².

Георгий Карпов обратился к членам Собора, заявив, что в «нашей великой стране... победа новой, беспримерной, самой справедливой социалистической системы» освободила наш народ, а также Русскую православную церковь от оков, мешавших ее внутренней активности. Карпов объяснил, что его Совет по делам православной церкви никоим образом не вмешивается во внутренние дела церкви. Он сказал, что Совет уже многое сделал для установления правильных отношений между государством и церковью, и обещал, что в будущем сделает все, чтобы устранить любые препятствия на пути осуществления советскими гражданами провозглашенной Конституцией свободы совести⁹³.

Стоит напомнить, что, в то время как офицер НКВД, выступавший в облике доброжелательного бюрократа, произносил эти слова, Центральный Комитет уж вовсю разворачивал кампанию по борьбе с возрождением религиозных настроений в СССР снизу⁹⁴. Трудно

сказать, произвели ли впечатление на гостей сладкие речи Карпова, его высказывания вполне могли предназначаться международной аудитории, а не собравшимся в зале делегатам. Но, конечно, Советы не пожалели средств на прием гостей. Один английский дипломат отмечал: «Собор при содействии советского правительства изо всех сил старался заинтересовать своих гостей посещением церквей и монастырей, концертами церковной музыки и т. п. В день интронизации Алексия Советы устроили банкет в гостинице Метрополь, почти роскошном заведении в серой военного времени сталинистской России. Говорили, что банкет обошелся в 150 тыс. рублей⁹⁵. В момент, когда множество людей по всему Советскому Союзу голодали или жили на грани голодной смерти, контраст, который производили ломившиеся от яств столы, накрытые для приезжих епископов, был невероятным⁹⁶.

Канадский дипломат, разговаривавший с несколькими делегатами Собора, узнал, что «все они поражались и высказывали удивление по поводу условий, которые в Советском Союзе получила церковь, по сравнению с тем, что они думали прежде. Однако лично они относились ко всему со сдержанностью». Сохранились свидетельства: «Патриарх Александрийский сказал: он и другие приехали потому, что, как они полагают, это ободрит русских священников и верующих, переживших за последние двадцать пять лет тяжелые времена»⁹⁷. Английский дипломат также заметил, что «у приехавших прелатов создалось отчетливое представление, что огромное внимание к паблисити и непрерывный упор на свободу Русской церкви имели целью убедить их и внешний мир вообще, что эпоха преследований теперь позади». Несмотря на то, что «делегаты были приятно удивлены тем, насколько широко, как им показалось, православная церковь снова пользуется терпимостью... архиепископ Тира и Сидона суммировал общее впечатление словами, произнесенными в посольстве своей страны, когда вспомнил арабскую пословицу: “Мы помним прошлое — мы не знаем будущего”»⁹⁸. Гостей, каждый из которых хорошо знал многовековой опыт религиозных и дипломатических конфликтов и соперничества и провести которых было непросто, настораживали также не выраженные внятно международные намерения, стоящие за возрождением Кремлем Русского патриархата⁹⁹.

Помимо цели произвести благоприятное впечатление на приезжающих епископов и выполнить пропагандистские задания Кремля, перед Собором стояла еще одна важная задача. Если Московская патриархия должна была, как того пожелал Сталин, выступать в качестве «Ватикана», ей следовало заручиться помощью собравшихся на Соборе иерархов в борьбе с другим Ватиканом, в Риме. Седьмо-

го февраля Собор принял обращение «К христианам всего мира». Со всей очевидностью имелись в виду только определенные христиане, потому что послание представляло собой скрытую атаку на католическую церковь, которая в тот момент призывала к компромиссному миру в отчаянной попытке избежать кошмарного ватиканского сценария установления коммунистического господства в Европе. «Будут еще трудные и кровопролитные сражения... исход войны предreshен», — говорилось в обращении. Неизбежная победа союзников «очевидна всем на Земле: и тем, чье оружие получило благословение нашего Господа Иисуса Христа, и тем, кто такого благословения не получил, и тем, чьи молитвы, как жертва Авеля, были услышаны Господом, и тем, чьи богохульные призывы, подобно дыму от костра Каина, распространили по земле братоубийство». Красная Армия изгнала нацистов из оккупированной Восточной Европы, «и теперь полем боя стала территория самой Германии. Прежние мечты о мировой власти “расы господ” сделались позором прошлого». С поражением нацизма «человечество сможет возвратиться к мирному труду и строительству счастливой, радостной жизни на земле». «Русская православная церковь, церковь великой страны, которая выдержала удары кровожадного фашизма и смертельно ранила его на полях сражений», голосом Совета епископов призвала всех «воителей христиан» «напрячь ваши силы, чтобы завершить священную борьбу».

После этого авторы направили свой подспудный удар на Ватикан.

Хотя преступления Оси были для всех неопровержимыми, «все-таки иногда слышались голоса, призывающие “во имя прощения” не судить строго детоубийц и предателей! И эти призывы слышны от людей, которые берут на себя смелость называть себя христианами... Во имя торжества христианских и общечеловеческих принципов свободы православная церковь призывает всех христиан мира отдать все свои силы борьбе с такими чудовищными извращениями божественной доктрины Спасителя. Да исчезнет, как дым, как тающий на огне воск, фашизм со своими вдохновителями. Слова Христа, что тот, кто поднимет меч от меча и погибнет, уже обращаются против них»¹⁰⁰.

Это явно христианское теологическое толкование морали мировой войны было уникальным явлением в советской истории, как и внезапное и широкое освещение епископского собрания в средствах массовой информации. Вся эта публичная сторона Собора вызвала неоднозначную реакцию среди истинных сторонников сталинизма. Канадское посольство отмечало, что «создается впечатление, что это поразило рядовых коммунистов в Москве и вызвало недовольные разговоры и грубые насмешки»¹⁰¹.

Несмотря на то, что звучавшие из Москвы христианские призывы могли как-то оскорблять слух коммунистов, услуги церкви были слишком ценными для Кремля, чтобы от них отказаться. Атака православной церкви на Рим помогла бросить тень на западно-украинских греко-католиков и способствовала их изоляции, а также и борьбе с влиянием Ватикана в Восточной и Центральной Европе. Совершенно секретное письмо Украинского Центрального Комитета, написанное вскоре после Собора 1945 г., показывает, насколько высоко советские власти оценивали услуги православной церкви, а также насколько низко они ставили религию как самого опасного врага: «миллионы славян, населяющих территорию Европы» сохранили свою православную веру, поэтому «мобилизующие» шаги церкви «определенно заслуживают одобрения». Но церковь выполняла гораздо более широкие функции: «православная церковь как противовес Римской католической церкви призывает христиан довести до конца дело разгрома Германии и наказания военных преступников. Точно так же православная церковь действует против Римской католической церкви, которая ведет пропаганду за мягкие условия мира с фашистской Германией».

Далее в письме подчеркивается, что услуги православной церкви в условиях войны имели очень большое значение, «но коммунисты не должны ни на минуту забывать, что церковная идеология противоречит нашему научному марксистско-ленинскому мировоззрению, что она глубоко реакционная и должна быть в конечном итоге преодолена. Поэтому в нашей повседневной деятельности следует непрерывно вести борьбу с идеалистической и мистической идеологией церкви, против ее реакционной деятельности». Письмо заканчивалось предупреждением, что под угрозой находится ни больше ни меньше как идеологический приговор войне: «В то время когда война приближается к своему концу, когда враг несет поражение в открытой борьбе, враждебные агенты пытаются усилить свое влияние на идеологическом фронте и стремятся нанести удар по нашему мировоззрению, понимая, что наша борьба и наши победы представляют собой триумф марксистско-ленинского мировоззрения»¹⁰². Документы, подобные этому, показывают, что, несмотря на традиционистский глянec, прикрывавший советскую дипломатию и религиозную политику в конце войны, Сталин не был «красным царем», и вся болтовня в западных газетах о возвращении Советов к традиционной политике была крайним упрощением. Для Кремля православная церковь была полезным орудием для текущего момента и ничем более, в дальней же перспективе она оставалась врагом. Кроме того, материалистическая идеология была не одними только рассуждениями, она

оставалась всеобщим принципом советского управления и, возможно, самое важное, помогала определять врагов Москвы.

Помимо залпов из всех орудий по Римской церкви, Собор занялся и делами поближе. В статье, опубликованной в «Известиях», газете Центрального Комитета, епископы призвали к большому единству среди русских христиан и послушанию Божиим законам. Высоко оценивая работу верующих во время войны, участники Собора также напомнили, что предшествующий год принес постепенное и теперь почти полное и окончательное прекращение пагубной схизмы «Живой церкви». Тем не менее, предупреждала статья, в русской религиозной жизни наблюдались некоторые «нездоровые признаки». Среди священнослужителей не соблюдались церковные нормы (чему не приходится удивляться, если вспомнить о нехватке хорошо подготовленных священников в совокупности с большими потребностями в них), бракосочетания прихожан совершались без молитвы или причастия, посты не держались и наблюдался общий упадок христианской дисциплины и в церковной, и в личной жизни. Еще большую тревогу вызывало то, что в некоторых районах верующие не в состоянии отличить пастырей, назначенных согласно канонам и угодных Богу, от шарлатанов-самозванцев, Богу не угодных. За этими словам скрывались две проблемы: одна религиозная, другая светская и политическая. Русские православные иерархи, конечно, стремились к тому, чтобы священники исполняли свои обязанности в соответствии с законными церковными канонами — сохранение церковной законности было той соломинкой, за которую они держались в бурных водах войны и репрессий. В то же время, однако, это вполне отвечало интересам государства, заинтересованного в том, чтобы «самозванцы»-попы не бродили по стране, распространяя политически непредсказуемые идеи. Намного лучше было подчинить священников дисциплине Патриархии, которая, в свою очередь, обеспечит повиновение советскому государству.

Вопросы дисциплины и церковной структуры очень занимали участников Собора. Во время первого заседания 31 января собрание единогласно одобрило новый церковный устав (Положение об управлении Русской православной церковью), который должен был регулировать организацию русского православия и определять полномочия и способы отбора священнослужителей. Это был важный документ, первый со времени большевистских декретов 1918 г., в котором всесторонне пересматривались отношения между церковью и государством. Положение следует интерпретировать не только с точки зрения собственно внутренних потребностей Русской православ-

ной церкви, но также и как часть кремлевских планов в отношении политического использования церкви, что требовало централизации власти в руках базирующегося в Москве центра. Положение предоставляло Московской патриархии гораздо больше полномочий, чем прежде. По новым церковным правилам местное духовенство и даже епископы могли назначаться или освобождаться от должности по усмотрению самого патриарха. Точно так же Положение увеличивало полномочия епископов в части назначения и смещения священнослужителей. Как пишет один дотошный историк Русской православной церкви, устав определял набор правил, «напоминающий Римско-католическую церковь» с «почти папской церковной структурой», жестко централизованной властью в руках самого патриарха. Догадываясь о причинах таких больших изменений в церковном законе, тот же историк пишет: «Очевидно, Сергей и Алексей с помощью централизации управления церковью хотели привести структуру церкви в соответствие с советской административной структурой, надеясь, что таким образом церковь станет сильнее и будет лучше справляться с будущими испытаниями и нападками идеологически не совместимого с ней и враждебного государства»¹⁰³.

Очень может быть, что православные патриархи именно так и думали, просто из-за скудности источников нам это не известно. Однако составленное Собором Положение не могло подвергаться изменениям, если на то не будет получено разрешение светской власти, и сосредоточение власти в руках патриарха столь же соответствовало интересам советского государства в преобладающих условиях 1945 г., сколько это отвечало интересам самой церкви¹⁰⁴.

Одевая патриарха важными полномочиями, новый закон не делал его, однако, всевластным в церковных делах. Новые установления для выборов будущего патриарха недвусмысленно объявляли, что Совет по делам Русской православной церкви наделяется правом предварительного одобрения. В будущем государственные власти будут тщательно изучать возможных кандидатов на трон патриарха, оставляя церкви право всего лишь проштемпелевать предложенную государством кандидатуру. В положении особенно обращает на себя внимание пункт о том, что государство признает патриарха, но самой церкви юридического статуса не предоставляет. Власть, осуществляемая в пределах церкви, будет исходить от патриарха, который должен выбираться государственными властями, сама церковь собственной отдельной юридической сферы не получит.

Положение наделяло патриарха полномочиями, необходимыми ему для осуществления почти папской власти, которая требовалась Кремлю, в то же время делая его подотчетным советскому государ-

ству. Теперь Алексей мог использовать свои новые полномочия для отстранения неговорчивых священнослужителей и назначения новых и более благонадежных священников и епископов, как он делал это рука об руку с Кремлем, ликвидируя Греко-католическую церковь. Тот же набор инструментов позволит ему ассимилировать в патриаршью церковь разного рода православные секты на Украине и Буковине, в Рутении, Молдавии, Белоруссии и в других местах западных пограничных областей. Снова интересы церкви и государства совпали, но идентичными не были. Хотя Алексею наверняка было приятно видеть исчезновение схизматических движений, но за это пришлось дорого заплатить. Ясно, что за сценой, а теперь и основываясь на новом перекроенном юридическом праве, маячила тень коммунистического государства с кнутом в руке.

Пиррова победа

Советское манипулирование Русской православной церковью, каким бы искусным оно ни было, могло приносить успех только до известного предела. Подозрительность к сталинистскому коммунизму среди верующих и националистов пустила глубокие корни, и выкорчевать ее полностью не удавалось. Сам по себе факт, что война заставила Кремль замирился со своим давним смертельным врагом, православным духовенством, показывал глубину политических трудностей, с которыми столкнулась советская власть. Это была острейшая проблема и в высшей степени горючий материал в западных пограничных областях. В центральных районах страны ситуация не отличалась такой же остротой, потому что возобновление работы церквей во время войны происходило в значительно большей степени на территориях, освобожденных от немецкой оккупации. Несмотря на усилия советских чиновников сдерживать развитие этого процесса, по прошествии восьми лет после окончания войны Карпов все еще жаловался, что его Совет постоянно буквально завален просьбами об открытии церквей. Цифры говорят сами за себя. Число недействующих церквей по всему СССР превышало 19 тыс. Из них 17 тыс. находились в Российской республике, потому что на Украине и в Белоруссии все церкви в период были заняты религиозными объединениями временной немецкой оккупации. Приблизительно 13 тыс. зданий использовались в целях культуры или даже в качестве складских и производственных помещений. Около 3 тыс. зданий пребывали в полуразрушенном состоянии и более 3 тыс. пустовали, причем церковная утварь сохранялась и ключи от входа

хранились у одного из прихожан, даже несмотря на то, что службы в них не отправлялись¹⁰⁵.

Карпов предупреждал, что давление верующих, требующих открытия этих церквей, часто выливались «в нежелательные вспышки и другие формы протеста». Он указывал местным властям, что при использовании закрытых церквей на светские нужды самое лучшее — это действовать быстро, не оставляя верующим времени для организации сопротивления. Местным властям не следовало производить изменений внешнего или внутреннего вида церквей, так как, если оставлять это нетронутым, «не возникнет сильной реакции со стороны групп верующих»¹⁰⁶.

В документах НКГБ послевоенного периода содержатся сведения о том, что на территории всех пограничных областей тайная полиция постоянно боролась с антисоветскими религиозно-националистическими группами, оставшимися в наследство от предвоенной аннексии и оккупации странами Оси. Например, в июле 1946 г. представитель центральных органов безопасности, командированный для изучения обстановки в Молдавии, сообщал руководству, что местные силы госбезопасности проявляют медлительность в «проведении мероприятий по разоблачению и аресту агентов иностранных разведывательных органов, участников буржуазно-националистических организаций и групп, а также антисоветских элементов, работающих под церковным прикрытием». Он писал, что «на территории Молдавии до войны было несколько бундистских, сионистских и клерикальных организаций, связанных с центрами за рубежом». Многим из этих групп как-то удалось пережить войну и послевоенные чистки, проводившиеся советскими органами госбезопасности. «Двадцать седьмого февраля 1945 года, — писал тот же источник, — Второй отдел МГБ МССР (министерства государственной безопасности Молдавской ССР) проводил операцию “Мираж” против антисоветской группы церковников, высказывающихся против (официально признанной. — С. М. М.) Русской православной церкви и настроенных резко против советской власти». С его точки зрения, операция проводилась недостаточно жестко, и различные «сионистские» группы, а также нелегальная секта под названием «Воины Христа» так и не были разгромлены¹⁰⁷. В следующем письме он жаловался в Москву Абакумову, что местные силы безопасности были недопустимо бездеятельны: «Периферийные органы, очевидно, не желают выполнять Ваши прямые указания по этой серьезной линии работы НКГБ. Необходимо принять решительные меры в отношении нерадивых»¹⁰⁸.

Эти слова очень примечательны: представитель Москвы жалуется, что местные православные верующие не только распространяют антисоветские мысли, но и выступают против Русской православной церкви и Московской патриархии. Поскольку советские силы безопасности и церковь работали рука об руку, имея целью умиротворить западные пограничные области и вбить клин между рядовыми христианами и антисоветскими силами, НКГБ интерпретировал отказ от патриаршей власти рядовых верующих как форму мятежа против государства. Советские органы безопасности стояли перед дилеммой: они не могли выступать против Русской православной церкви, опасаясь подтолкнуть верующих к переходу в менее контролируемые неофициальные секты, однако использование патриаршей церкви в качестве инструмента контроля имело последствия абсолютно нежелательные — религия продолжала оставаться живой и действующей. Критика в адрес местных органов безопасности также говорила о том, что на провинциальную политическую полицию в части преследования религиозно-националистических групп положиться было нельзя. Упоминание «решительных мер» в их сталинистском понимании вызывало особенно устрашающие ассоциации. Годом позже, в 1947 г., чистка местных кадров и нажим из Центра не смогли покончить с врагами Кремля или с брожением среди местного населения в западных пограничных областях. Ситуация усугублялась отчаянным экономическим положением на территории всего Советского Союза, и самая тяжелая ситуация складывалась в западных областях, через которые прокатились волны военных сражений. В руинах лежали дома, шахты, промышленные предприятия, разруха царила в транспортной системе. Два года после войны бушевал невиданный голод, унесший почти пять миллионов жизней. Дело усложнялось усиливающимся противостоянием Восток-Запад, что заставило Кремль развивать в первую очередь тяжелую промышленность и производство вооружений, а не вкладывать средства в удовлетворение потребностей гражданского населения¹⁰⁹

Одна только Молдавия в 1946–1947 гг. потеряла 290 тыс. человек или 11% населения, преимущественно из-за голода¹¹⁰. Перехваченное НКГБ письмо проживавшего в Молдавии православного священника румынского происхождения румынскому экзарху рисует ужасающую картину сложившейся в республике ситуации:

«Я надеюсь, что в ближайшем будущем мы снова увидим нашу прежнюю родину. В наших местах жизнь очень плоха. Власти вводят тяжелые налоги на крестьян, люди нищают. Многие умерли и так и остались непогребенными, а те, кто жив, едят, что найдут: едят кошек, собак, мертвецов, даже людей и их детей. Благодаря режиму

люди становятся дурными и неверующими: преступниками, бандитами, всем, чем угодно. Церковь полностью отделили от государства. Многие церкви закрываются. В Кишиневе работают только 6, остальные превратили в склады всякого рода и часто даже используются для показа фильмов или как танцевальные площадки. На нас, священников, смотрят как на диких зверей, ругают и даже плюют в нас. Я живу со словами, которые вы мне сказали: “терпение, мы скоро встретимся вновь”»¹¹¹.

Это было возвращение к кошмарным условиям голода, разразившегося после Гражданской войны или коллективизации сельского хозяйства. Понятно, что в таких условиях неприятие советской власти в народе продолжало бурлить. «Антисоветские элементы из числа духовенства... проводят враждебную работу среди населения, — докладывал НКГБ, — внушая верующим националистические, румынофильские настроения, предсказывая неотвратимость войны против Советского Союза со стороны Англии и Америки и пророчествуя “неизбежное уничтожение советской власти”»¹¹².

Это было тревожным сигналом: очень большое число христиан по всему СССР уже связывали возрождение церкви с давлением со стороны западных союзников, и многие надеялись, что после войны советские порядки либерализуются, теперь же с усилением угрозы перерастания холодной войны в конфликт между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, по крайней мере, некоторые из христиан — сколько, подсчитать невозможно по причине отсутствия в советских источниках четких сведений, — надеялись, что новая война между Востоком и Западом закончится уничтожением сталинистского режима. Все годы холодной войны Кремль никогда не был уверен в политической лояльности своего беспокойного населения, меньше всего на территории западных пограничных областей, в регионе, который больше всех был подвержен внешним влияниям и который был бы на переднем крае конфликта с западными державами. Даже возвращение широких политических и социальных репрессий в последние годы правления Сталина не смогло загасить тлеющий очаг недовольства, скорее, бессмысленные репрессии только подпитывали массовое недовольство.

Война показала, что значительное число советских граждан были готовы сложить головы, если только появится самая малая надежда на успех, выступив против сталинистских порядков. Советские власти с тревогой отдавали себе отчет в том, что религия и церковь остаются центрами притяжения этого невидного для глаз, но неумирающего социального и политического недовольства. Аналитический документ, подготовленный за несколько месяцев до смерти Сталина, констати-

рвал этот факт: «Совет по делам религиозных культов при Совете министров СССР располагает материалами, показывающими, что среди незарегистрированных священников и активных религиозных групп в зарегистрированных религиозных общинах имеются бывшие кулаки, торговцы, бывшие власовцы, бандеровцы и всякого рода буржуазные националисты, люди, осужденные за антигосударственные и уголовные правонарушения, родственники репрессированных, спекулянты и т. д.»¹¹³. Даже если принять во внимание обычное преувеличение угроз, часто свойственное государственным полицейским документам, судя по ним, советские власти считали, что население страны неспокойно, что их враги затаились за каждым углом и сосредотачиваются вокруг церквей. Война нанесла поражение внешнему нацистскому врагу только для того, чтобы обнаружить существование врага внутреннего, вездесущего, но неосязаемого, которого можно чувствовать, но невозможно уничтожить. Что еще хуже, так это то, что этому внутреннему врагу нельзя было доверять в надвигающемся на страну из-за рубежа конфликте с Соединенными Штатами и их союзниками.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

1943 1940

Примечания

- 1 Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину.
- 2 Klehr, Haynes, Firsov. *The Secret World of American Communism*. P. 98–106.
- 3 В Гуверовском институте в Стэнфорде, Калифорния, имеются файлы по Американскому славянскому конгрессу, касающиеся его деятельности во время войны.
- 4 Поликарпов — Щербакову. 19 сентября 1944 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1393. Ед. хр. 246.
- 5 Гундоров — Маленкову. 26 октября 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1409. Ед. хр. 317 (выделено в оригинале).
- 6 Gaddis. *The United States and the Origins of the Cold War*. P. 145n.
- 7 *Soviet Monitor*. *Radio Bulletins from the U. S. S. R.* May 3, 1943. PRO FO 371/34573.
- 8 Harriman to Secretary of State. January 18, 1944. *The British Commonwealth and Europe*. FRUS. V. 3. P. 1230–1232.
- 9 Secretary of State to Harriman. January 24, 1944. *Ibid.* P. 1398–1399.
- 10 Memorandum of Stettinius to Roosevelt. March 8, 1944. *Ibid.* P. 1402.
- 11 Запись беседы между И. В. Сталиным и римско-католическим священником Ст. Орлеманским. 28 апреля 1944. Мурашко и др. *Восточная Европа в документах российских архивов*. Т. 1. С. 36–42.
- 12 Hamilton to Secretary of State. May 7, 1944. *The British Commonwealth and Europe*. FRUS. V. 3. P. 1407–1409. Более полные сведения о выступле-

- нии Орлеманского по радио см.: My Visit to Moscow // Soviet War News. № 853. May 9, 1944.
- ¹³ Soviet War News. № 853. May 9, 1944 г.
- ¹⁴ Hamilton to Secretary of State. May 9, 1944. FRUS. V. 14. Europe.
- ¹⁵ Chiehanovsky to Romer. June 14, 1944. DPSR. V. 3. P. 267.
- ¹⁶ Polish Ministry of Foreign Affairs Circular. September 10, 1943. DPSR. V 2. P. 50–51.
- ¹⁷ Gaddis. United States and the Origins of the Cold War. P. 145; Вальтер Коларз считает, что на встрече с Орлеманским Сталин был наиболее близок за все время своего правления к предложению мира Ватикану. Walter Kolarz. The Soviet Union and Catholic Church. P. 194.
- ¹⁸ Деннис Дж. Данн считает, что Советы сами распространяли слух, будто бы Ватикан готовился вступить в обоюдные дипломатические отношения, но что Святой престол не проявляет к этому интереса. Dunn. The Catholic Church and the Soviet Government. Boulder, 1977. P. 88.
- ¹⁹ Russia as a factor in Political Warfare. Political Warfare Executive. February 4, 1944. PRO FO 371/43326.
- ²⁰ Лозовский — Щербакову. Секретно. 8 августа 1944 г. Щербаков — Сталину. Совершенно секретно. Без даты, но август 1944 г. Текст похищенного английского документа о ведении политической войны от 6 мая 1944. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1393. Ед. хр. 244. Документ побывал на столе Петера Смоллетта, советского крота в английском министерстве информации. Он ли, или кто-нибудь иной передал секретные документы Советам, трудно сказать, ознакомившись с копией документа в русских архивах. О Смоллетте см. гл. 7.
- ²¹ Polish-Soviet Agreement. July 30, 1941. DPSR. V 1. P. 141–142. См. также: Anders. An Army in Exile.
- ²² См. гл. 6.
- ²³ Translation of a postal intercept to an American bishop. August 11. PRO INF 1/769.
- ²⁴ Stehle, Eastern Politics of the Vatican. P. 128 ff. Robert A. Graham. The Vatican and Communism during World War Two. P. 131–132.
- ²⁵ Ciszek with Flaherty. With God in Russia. P. 84, 85; Ciszek with Flaherty. He Leadeth Me. P. 74, 80–81.
- ²⁶ Показательный пример доверия Советов к Орлеманскому см.: Гундоров — Маленкову. 26 октября, 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1409. Ед. хр. 317.
- ²⁷ Правдин был центральной фигурой широкой предвоенной и военного времени шпионской сети СССР в Соединенных Штатах. См.: Weinstein and Vassiliev. The Haunted Wood. P. 104; Klehr and Haynes. Venona. P. 53.
- ²⁸ Bohlen to Mathews. May 24, 1944. FRUS. V. 4. P. 1224.
- ²⁹ Международное положение Советского Союза. 25 марта 1944. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1931. Ед. хр. 236. Это направление перекликалось с тем, что люди уже слышали от пропагандистов. Например, 11 июля 1943 г. один ан-

- глийский дипломат сообщал, что слышал, как выступавший в Московском Центральном парке культуры и отдыха агитатор сказал: «Папа не хотел полной немецкой победы, так как нацисты преследовали католическую церковь. С другой стороны, он не хотел полного поражения стран Оси, потому что сильная Россия будет означать сильную православную церковь, особенно в малых славянских странах, которые сплотятся вокруг России в случае поражения. В интересах Ватикана получить компромиссный мир». Consultation on Foreign Affairs. T. Brimelow. July 11, 1943. PRO FO 371/121047.
- ³⁰ Harriman to Secretary of State. July 1, 1944. FRUS. V. 4. P. 1215–1216; Kerr to Foreign Office. July 3, 1944. PRO FO 371/43340. Council of Religious Creeds // Soviet War News. No. 900. July 4, 1944.
- ³¹ Cited in Northern Department to Moscow Embassy. July 8, 1944. PRO FO 371/43340.
- ³² Bociurkiw. *The Ukrainian Greek Catholic and the Soviet State (1939–1950)*. P. 69. Бочуркив пишет, что руководителем организации ненадолго был назначен К. А. Зайцев.
- ³³ Kerr to Foreign Office. July 28, 1944. PRO FO 371/43340.
- ³⁴ Bohlen memorandum. July 5, 1944. FRUS. V. 4. P. 1215–1216.
- ³⁵ Beria to Stalin, Molotov and Antonov. July 18, 1944 // НКВД и польское подполье. 1944–1945. (По «особым папкам» И. В. Сталина). *Российская Академия Наук*. С. 35–37.
- ³⁶ И. А. Серов — Л. Берия. 16 октября 1944. Там же. С. 38–43.
- ³⁷ Ciechanowski. *The Warsaw Rising of 1944; Zawodny. Nothing but Honour*.
- ³⁸ Так, по крайней мере, говорил Валентин Бережков, в то время все еще высокопоставленный сотрудник министерства иностранных дел, в личном интервью с писателем Ричардом Овери. Последний пишет, что ответ на вопрос, могли бы советские вооруженные силы спасти польских восставших, кажется, был «недвусмысленно отрицательным». Однако Овери ничего не говорит о том, что советское радио призывало поляков к оружию перед наступлением Красной Армии, не объясняет отказа Сталина позволить англичанам и американцам сбросить с парашютами помощь или разрешить американским и английским самолетам воспользоваться советскими аэродромами почти до самого поражения восставших. Овери несколько неуверенно пишет, «что может не возникнуть вопроса, что союзная помощь с воздуха не могла поддерживать польское сопротивление длительное время». Overy. *Russia's War*. P. 297–298.
- ³⁹ Запись беседы И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом. 1 декабря 1943 г. // Тегеранская конференция руководителей союзных держав. Министерство иностранных дел СССР. С. 151.
- ⁴⁰ Taylor to Roosevelt. July 17, 1944. Box 11. 1944–1945. Myron Taylor Papers. Franklin D. Roosevelt Library. Hyde Park. New York.
- ⁴¹ Taylor to Roosevelt. July 17, 1944. FRUS. V. 4. P. 1217–1221.
- ⁴² Taylor to Roosevelt. July 17. Taylor Papers.
- ⁴³ Ibid.

- ⁴⁴ Standley memorandum for Taylor. August 12, 1944. Box 11. 1944–1945. Taylor Papers.
- ⁴⁵ Эти цифры были приведены в статье Religious Communities in the Soviet Union // Soviet War News. No. 27. August 22, 1941. Подробно см. гл. 6.
- ⁴⁶ Tardini memorandum to Roosevelt. July 17, 1944. FRUS. V 4. P. 1217–1221.
- ⁴⁷ Сообщение резидентуры НКГБ СССР в Италии относительно переговоров представителей немецких военных кругов с союзниками о заключении сепаратного мира // Неизвестная Россия. Московское городское объединение архивов. С. 301.
- ⁴⁸ Там же. 27 августа.
- ⁴⁹ Sudoplatov. Special Tasks. P. 250. Поскольку Судоплатов был связан с Украиной, он, наверняка, представлял себе только часть картины. Ватикан был обеспокоен судьбой католиков в прибалтийских государствах, Польше и тех странах Европы, которые могли бы попасть в руки Красной Армии.
- ⁵⁰ В исключительно подробной биографии Черчилля, написанной Мартином Джилбертом, нет никаких сведений об этом эпизоде. Gilbert. Winston S. Churchill. V. 7. P. 887–922.
- ⁵¹ Цит. по: Aarons and Loftus. Unholy Trinity. P. 17.
- ⁵² Литвин (секретарь ЦК КП(б)У по пропаганде и агитации) — Александрову. 15 апреля, 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1408. Ед. хр. 313.
- ⁵³ Subtelny. Ukraine. P. 488.
- ⁵⁴ Подробнее см. гл. 1.
- ⁵⁵ Conquest. Harvest of Sorrow.
- ⁵⁶ Цит. по: Stehle. Eastern Politics of the Vatican. P. 199.
- ⁵⁷ Там же. Подробнее см. гл. 1.
- ⁵⁸ Цит. по: Stehle. Eastern Politics of the Vatican. P. 220.
- ⁵⁹ Уолтер Коларж писал, что Никита Хрущев присутствовал на похоронах Шептицкого, но, кажется, это не соответствует действительности. Kolarz. Religion in the Soviet Union. P. 231; Wociurkiw. The Ukrainian Greek Catholic Church and the Soviet State. P. 82–83.
- ⁶⁰ Wociurkiw. The Ukrainian Greek Catholic Church and the Soviet State. P. 87.
- ⁶¹ ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 181н.
- ⁶² Русская православная церковь все еще положительно оценивает Костельника и его роль в уничтожении униатства. Патриарх Алексий издал обращение по поводу пятидесятилетия «мученической смерти» Костельника, заявив, что, хотя «отношения между церковью и государством» в конце войны «были под пятой авторитарного атеистического режима», это всего лишь «несколько исказило сущность органического процесса» включения униатской церкви в русское православие. Отдел Внешних церковных сношений Московской патриархии. Послание его Святейшества Патриарха Алексия Второго Московского и Всея Руси. 20 сентября 1998. Веб-сайт Московской патриархии: [www. Russian-orthodox-church.org.ru](http://www.Russian-orthodox-church.org.ru).
- ⁶³ Sudoplatov. Special Tasks. P. 24–29, 37–38.

- ⁶⁴ Судоплатов утверждает, что во время войны его группы нанесли подозрительно большие потери нацистским и антисоветским силам: «Мы уничтожили 137 тыс. немецких офицеров и солдат, убили 86 высокопоставленных нацистских чиновников в результате индивидуальных спецопераций и ликвидировали 2045 агентов и полицейских, сотрудничавших с немцами. Там же. С. 129.
- ⁶⁵ Там же. С. 251. К сожалению, Судоплатов не приводит даты этой встречи. Впрочем, это должно было быть осенью 1944 г., до смерти Шелгицкого.
- ⁶⁶ Wociurkiw. *The Ukrainian Catholic Church and the Soviet State*. P. 97, 104.
- ⁶⁷ Там же. P. 100, 102.
- ⁶⁸ Литвин (секретарь ЦК КП(б)У по пропаганде и агитации) — Александрову. 15 Апреля (?) 1945 г. ЦК Управление пропаганды и агитации. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1408. Ед. хр. 313.
- ⁶⁹ Все цитаты по поводу публичной реакции см.: Там же.
- ⁷⁰ Двумя другими были доктор Михаил Иванович Мельник, священник церкви в Нижанковичи, vikarь Перемышльской епархии Дрогобычской области и президент Перемышльской епархии, и Антон Андреевич Пельветский, священник церкви в Копучинковичи, дьякон Гусятинского деканата и представитель Станиславской епархии.
- ⁷¹ Цит. по: Wociurkiw. *The Ukrainian Greek Catholic Church and the Soviet State*. P. 132.
- ⁷² Н. Хрущев — Сталину. Без даты, но не позже мая 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1408. Ед. хр. 313.
- ⁷³ К сожалению, как происходит со многими советскими документами, этого документа в хранилище нет. Документы высокой степени секретности очень часто либо потеряны, либо изъяты из соответствующей папки.
- ⁷⁴ «Инициативная группа» — Совету Народных Комиссаров. 28 мая 1945 г. Приложение к записке Хрущева — Сталину (Там же).
- ⁷⁵ Гордун. *Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 гг.* Журнал Московской патриархии С. 48.
- ⁷⁶ *Conquest. Harvest of Sorrow*. P. 212–213.
- ⁷⁷ Вопрос о сотрудничестве духовенства с советскими органами безопасности остается большим в постсоветских странах. Размеры такого сотрудничества были разные в зависимости от каждого индивидуального случая, но оно оставалось фактом советской жизни до конца режима. В 1993 г. архиепископ Хризостом Вильнюсский и Литовский признавался во время интервью: «Нам (священникам) нужно было иметь хорошие контакты со всеми, кто располагал властью в той или иной сфере. Другого выхода не было». Михаил Полежаев: «Я сотрудничал с КГБ... но информатором не был». Интервью с архиепископом Христом Вильнюсским и Литовским // *Религия, государство и общество*. 21. №№ 3, 4. 1993.
- ⁷⁸ *Sudoplatov. Special Tasks*. P. 251.
- ⁷⁹ *Ware. The Orthodox Church*. P. 165.

- ⁸⁰ Для знакомства с этим явлением см.: Fletcher. *The Russian Orthodox Church Underground*.
- ⁸¹ Гордун. *Русская православная церковь в период 1943 по 1970 гг.* С. 48.
- ⁸² Kerr to Foreign Office. May 17, 1944. PRO FO 371/43339.
- ⁸³ Henry Cassidy radiobroadcast. NBC. May 16. 1944. PRO FO 371/43339.
- ⁸⁴ Informbiuro communiqué. May 19, 1944. PRO FO 371/43339.
- ⁸⁵ Новиков. *Атеистический словарь*. С. 12. Хотя этот источник излагает базовую биографическую информацию об Алексии, несомненная антирелигиозная направленность издания мешает упомянуть, что Алексей награжден медалью «За оборону Ленинграда».
- ⁸⁶ Soviet Home Service. 22. 30. 20.05.1944 (radio intercept). PRO FO 371/43339.
- ⁸⁷ Soviet Home Service. 6. 00. 21.05.1944 (radio intercept). PRO FO 371/43339.
- ⁸⁸ Pospelovsky. *The Russian Church under the Soviet Regime*. P. 208.
- ⁸⁹ TASS report. November 21, 1944.
- ⁹⁰ Несмотря на важность и необычный характер этого собрания, оно почти не привлекло внимания историков, а те, кто заметил его, часто неверно его понимали. Один в других отношениях авторитетный источник ошибочно утверждает, что «при интронизации (Алексия – *С. М. М.*) присутствовали даже некоторые важные иностранные персоны, такие как Сирил Гарбетт (1875–1955), архиепископ Йоркский, предпринявший трудное путешествие, чтобы продемонстрировать солидарность своей церкви». Dear and Foot. *The Oxford Companion to World War Two*. P. 943. На самом деле Гарбетт посетил СССР почти на полтора года раньше, в сентябре 1943 г., через несколько дней после интронизации предшественника Алексия, патриарха Сергия. Специалисты не исследовали большое политическое, церковное пропагандистское значение собрания патриархов и их представителей.
- ⁹¹ Memorandum by B. Miller. February 16, 1945. PRO FO 371/47929. Теофилус, «лидер соперничавшей фракции, положение которого до тех пор было весьма неопределенным, тоже послал делегацию».
- ⁹² Field Marshal Viscount Gore (Palestine) to Secretary of State for the Colonies. 12 January, 1945. PRO FO 371/47929.
- ⁹³ Soviet Monitor. Без даты, но почти наверняка февраль 1945 г. Там же.
- ⁹⁴ Подробнее см. гл. 4.
- ⁹⁵ J. H. Watson (Moscow) to Eden. February 8, 1945. PRO FO 371/47929.
- ⁹⁶ О голоде в СССР в конце войны на основе недавно открытых советских документов см.: Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. Особенно П. 1. С. 4–37.
- ⁹⁷ L. D. Wilgress to Secretary of State for External Affairs of Canada. Copy given to British Foreign Office. February 8, 1945. PRO FO 371/47929.
- ⁹⁸ J. H. Watson (Moscow) to Eden. February 8, 1945. PRO FO 371/47929.

- ⁹⁹ Одну из проблем составляло положение с имуществом царского времени в Иерусалиме. L. D. Wilgress to Secretary of State for External affairs of Canada. PRO FO 371/47929.
- ¹⁰⁰ Russian Orthodox Church Appeal // Soviet War News. No. 1081. February 9, 1945.
- ¹⁰¹ Wilgress to Secretary of State for External Affairs of Canada. February 8, 1943. PRO FO 371/47929.
- ¹⁰² Undated memorandum quoted in Bocierkiw. The Ukrainian Greek Catholic Church and the Soviet State. P. 99.
- ¹⁰³ Pospelovsky. The Russian Church under the Soviet Regime. V 1. P. 212–213.
- ¹⁰⁴ Примечательно, как далее пишет Пospelовский, что издания Самиздата позднего советского периода критиковали созданную Собором 1945 г. централизованную систему за то, что она усиливала государственный контроль над церковью. Они считали, что более децентрализованная структура могла бы более творчески реагировать на местные проблемы и инициативы. Там же. С. 214.
- ¹⁰⁵ Карпов — Н. С. Хрущеву. 24 июля 1953. См.: Koenker. Revelations from the Russian Archives. P. 469.
- ¹⁰⁶ Ibid.
- ¹⁰⁷ Н. Голубев — И. С. Абакумову. 16 июля 1946 г. ТСИМ. С. 585–587. Особенно удивляет внимание, какое было обращено на еврейские и сионистские группы, если учесть, что численность евреев в Молдавии после Холокоста была совершенно невелика и они представляли политическую угрозу лишь в самом широком смысле слова.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. С. 17.
- ¹¹⁰ Там же. С. 167.
- ¹¹¹ Письмо Кучерявого, перехваченное МГБ МССР. ТСИМ. С. 593–596.
- ¹¹² Козаченко (зам. министра государственной безопасности МССР). Из справки МГБ МССР о враждебной деятельности церковно-сектантских элементов на территории Молдавской ССР. Там же.
- ¹¹³ Pol'ianskii memorandum. Council for the Affairs of Religious Cults. Moscow. November 19, 1952 // Corley. Religion in the Soviet Union. P. 182.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПРОПАГАНДА СОЮЗА

Глава шестая

ТЫ ЗАСТАВИЛ ПОЛЮБИТЬ СЕБЯ

Пропаганда союза начинается

Не хотелось бы мне видеть, как водят за нос наш легковерный народ. Но на деле очень трудно этого избежать.

*Кристофер Уорнер.
Английский Форин офис. 25 сентября 1942 г.*

Просто немислимо, что может сделать искусная пропаганда, если она не борется с естественными устремлениями людей, а поддерживает их.

*Н. С. Тимашев.
Религия в Советской России*

Пропагандистская дилемма

Вскоре после начала войны между Германией и Англией, с сентября 1939 г. по июнь 1941 г., по воскресным вечерам Би-Би-Си передавала национальные гимны всех союзных держав в знак солидарности между странами, воюющими против нацистской Германии. По мере того как немцы захватывали страну за страной, список гимнов, соответственно, увеличивался. Ранним утром в воскресенье 22 июня 1941 г. гитлеровский удар по СССР автоматически и внезапно прибавил сталинскую империю к рядам союзников. Этот новый поворот в войне поставил Би-Би-Си перед любопытной, но многозначительной дилеммой — в то время советским гимном еще оставался революционный «Интернационал», волнующий музыкальный призыв к рабочим мира восстать против своих господ и сбросить капиталистические оковы. Как могла благопристойная Би-Би-Си передавать этот пламенный гимн, не оставляя впечатления, будто одобряет его революционные идеи?

Вопрос разрешило прямое указание премьер-министра Уинстона Черчилля, известного своими антикоммунистическими взглядами еще с первых дней большевизма. Английскому министру иностран-

ных дел Антони Идену сообщили, что «министерству информации переданы инструкции премьер-министра ни под каким видом не исполнять Интернационал в программе Би-Би-Си»¹. Обеспокоенные реакцией Кремля на запрет советского гимна, чиновники министерства иностранных дел поспешили к советскому послу в Лондоне Ивану Майскому, чтобы задать вопрос, будут ли он и его правительство сильно возражать, если Би-Би-Си заменит Интернационал на увертюру Чайковского «1812 год» или какое-нибудь другое русское патриотическое произведение в качестве альтернативной «национальной песни». Майский ответил, что, безусловно, будут, «и по этому вопросу был совершенно непреклонен»². Закончилось тем, что Би-Би-Си вообще прекратила пускать в эфир гимны союзных стран, чтобы не получалось подчеркнутого исключения только советского. Автор передовой статьи лондонской «Ивнинг Стандарт» лучше всего передал суть создавшейся дилеммы, саркастично предложив Би-Би-Си вместо «Интернационала» пустить популярную песенку «Ты заставил полюбить тебя, я этого совсем не хотел»³.

Сталинский Советский Союз не был таким же государством, как любое другое, и партнерство с первой в мире коммунистической страной составляло проблему и для западных демократий, и для СССР. Большая часть западного общественного мнения нисколько не сомневалась, что война идет между диктатурой и демократией, несмотря на то что демократичность таких верных союзу держав, как Польша, в лучшем случае была сомнительной. Теперь к ангелам, бьющимся со злом нацизма, присоединился СССР — революционное, тоталитарное, коммунистическое и атеистическое государство. С другой стороны, советским гражданам, напротив, постоянно твердили, что война ведется между соперничающими империалистами и что нацизм ничем не большее зло, чем махинации английского капиталистического класса.

Хуже всего, с точки зрения Запада, что Советский Союз до момента нападения Германии находился с ней в партнерских отношениях, заключив в августе 1939 г. знаменитый нацистско-советский пакт о ненападении. В своих директивах коммунистическим партиям Англии и США Коминтерн в Москве до самого последнего момента продолжал требовать от своих членов выступать против «империалистической войны», которую вела Англия, а также против внешней политики президента Рузвельта. Уже 5 мая 1945 г. секретная директива Коминтерна призывала американских коммунистов бороться с «демагогией и влиянием Рузвельта», направляя «главный огонь против империалистической политики рузвельтовского правительства

и правящих кругов монополистического капитала, которые быстро толкают США к войне на Атлантическом и Тихом океанах»⁴.

Во всяком случае, таковы были московские указания американским и английским коммунистам. Директивы Коминтерна французской коммунистической партии, работавшей в условиях нацистской оккупации, были совершенно иными и говорят о том, что Советы не совсем закрывали глаза на нацистскую угрозу, хотя бы в отдаленной перспективе. Москва побуждала французских коммунистов стремиться к «национальному единству, исключая всех предателей и капитулянтов», для восстановления «национальной независимости», борясь с «захватчиками и мародерами»⁵.

За месяцы, предшествовавшие немецкому нападению, Москва тем самым пыталась следовать узким и опасным курсом, пытаясь положить конец войне, организуя нажим на западные державы с помощью организаций рабочего класса, даже если это означало создание для Германии очень сильных позиций на европейском континенте. В то же самое время Коминтерн явно желал поддерживать в оккупированных нацистами странах напряженную обстановку. Такой взвешенный подход к комбатантам можно было бы понять с точки зрения дипломатии, но его нюансы не разделяли в Соединенных Штатах и Англии.

Когда речь зашла о том, чтобы заручиться поддержкой общественного мнения в Соединенных Штатах и Англии, а также в Западной Европе относительно нового советско-западного альянса, то позиции Советского Союза с самого начала оказались крайне неблагоприятными. Хотя общественное мнение на Западе сильно разнилось по поводу сущности советского режима, сотрудничество Москвы с нацистами, предвоенные чистки, сталинистские судилища, аресты и казни священников и массовые депортации оставили свой след. Многие подробности сталинистских политических репрессий еще годы не всплывут на поверхность, но из Советского Союза просачивалось достаточно информации, чтобы от его международного имиджа дурно пахло.

И в Соединенных Штатах, и в Англии наибольшие подозрения в отношении СССР были распространены среди верующих, так как западные церкви, особенно Римско-католическая, все предшествующие десятилетия постоянно следили за советскими религиозными репрессиями⁶. Даже сотрудничество с СССР в рамках союзнических отношений не могло сразу же стереть из памяти предвоенные чистки и репрессии. В июле 1942 г., больше года спустя после вступления СССР в войну, когда симпатии к Советскому Союзу среди английской публики почти достигли пика, отдел изучения аудитории

Би-Би-Си провел исследование отношения англичан к советскому союзнику. Среди «барьеров, мешающих полному пониманию Советского Союза», в качестве главного полученные данные называли религиозные гонения в СССР. В отчете о результатах исследования отмечалось, что «это было причиной непонимания и глубокого недоверия чаще, чем любая другая проблема, и настоятельно требуется внести ясность, особенно в вопрос о преследованиях»⁷

Давно утвердившаяся за Советским Союзом репутация религиозного гонителя висела тяжелым камнем на советских и западных пропагандистах, которым было поручено продвигать идею союза между Востоком и Западом энергичнее, чем любую другую. По самой своей природе религия заостряет внимание на фундаментальных вопросах морали гораздо больше, чем на любом чисто политическом, экономическом или ином вопросе. Хотя споры о помощи по ленд-лизу, о времени высадки западных союзников на европейском континенте, не говоря уже о множестве более мелких разногласий, создадут значительную напряженность, страсти, вызванные подозрениями в отношении положения с религией в СССР и вообще при коммунизме, оказывались намного глубже, и преодолеть или сгладить их было для пропагандистов намного труднее. Конечно же, религиозная антипатия к советской системе не была изолированной от других сфер союзнических отношений, она окрашивала все области советско-западного сотрудничества. Всем трем великим державам, которые составят ядро «Великого Альянса»* — СССР, Англии и Соединенным Штатам, — приходилось сталкиваться с проблемами религии, сказывавшимися на состоянии альянса. Формы, в которых они решали эти проблемы, складывались под влиянием культуры, социального состава, политической системы и государственных интересов каждой из них.

Английский бог

До самого начала советско-германской войны одним из излюбленнейших оружий английских пропагандистов было советское наследие религиозных преследований, они подавали войну Англии как крестовый поход христианской цивилизации против тоталитарного материализма, нацистского и советского. Для этого в период

* Принятый в советскую эпоху термин «антигитлеровская коалиция» всегда представлялся наиболее подходящим, подчеркивая принципиальный связующий элемент, который удерживал союзников вместе и в то же время ничего не говоривший об общности ценностей.

нацистско-советского пакта не нужно было прикладывать большие усилия, так как обе тоталитарные державы находились в одном лагере. Во всяком случае, английская пропаганда могла их так рисовать. В январе 1940 г., например, в радиопередачах для православных христиан в Польше и Греции, проводившихся на национальных языках, Би-Би-Си с гневом сообщала, что «подавляющее большинство православного населения в Польше, около четырех миллионов человек, были намеренно переданы германским правительством под советское правление», в результате чего «лига воинственных безбожников, президентом которой является Сталин, ведет яростную атеистическую пропаганду»⁹.

Точно таким же образом Би-Би-Си разоблачала советскую антирелигиозную политику во время советско-финской войны 1939–1940 гг. Кэнон Дуглас, возглавлявший комитет по международным отношениям Англиканской церкви, выступил от имени министерства информации с обращением «ко всем христовым церквям» в мире с призывом сплотиться на помощь Хельсинки в их борьбе против Красной Армии, чтобы финские христиане не оказались ввергнутыми в «жестокое религиозные преследования со стороны врагов Христа и Бога»⁹. Посыл такой передачи был ясен: один из величайших грехов Гитлера в том, что он вилами побросал невинных христиан в сталинский атеистический ад. Это обвинение имело громкий резонанс, особенно среди католиков. После нацистско-советского раздела Польши католический журнал «Month» заявил в редакционной статье: «Мы стоим перед фактом, что Германия... передала большую часть католической страны на растерзание советскому террору. Это одно из самых гнусных преступлений, когда-либо совершенных против религии и цивилизации»¹⁰.

Бесцеремонное вступление Советского Союза в войну испортило эту ясно прописанную картину морального падения врага. Теперь, когда Советский Союз стал де факто союзником, как могла английская религиозная пропаганда по-прежнему утверждать, что Бог стоит стеной только за Лондон? Бесчисленное количество статей поднимало на смех внезапный поворот международной политики Советов и Коминтерна после нападения Германии, но немногие обратили внимание на то, что Лондону, в свою очередь, тоже пришлось объяснять, как это получилось, что английский Бог, который всегда считался наиболее пострадавшим от советского атеизма, теперь начал считать, что сталинские грехи не такие ужасные, как гитлеровские. Перед английскими пропагандистами стояла дилемма: с одной стороны, любая попытка представить Советский Союз бастионом религиозной свободы грозила оттолкнуть верующих, у которых

было собственное мнение на этот счет; с другой стороны, рассказывать правду о гонениях на религию в СССР означало подарить целое пропагандистское сокровище нацистам, кричащим, что их нападение на СССР — это «крестовый поход» западной цивилизации и христианства против большевизма¹¹.

Из трех великих держав, составлявших ядро антигитлеровской коалиции, только Англия находилась в состоянии войны до июня 1941 г., и у нее, по сравнению с двумя другими партнерами, было несомненное преимущество в организации и осуществлении военной пропаганды. Она имела широко разветвленный и хорошо организованный информационный аппарат, настроенный на нужды войны. Соединенные Штаты никогда не имели военной пропагандистской организации, которая могла бы сравниться с английской, а советская пропагандистская машина, хотя весьма обширная, раздиралась внутриведомственным соперничеством и страдала от нехватки ресурсов и непонимания внешнего мира. В состав английского министерства информации входил отдел религиозных дел с секциями, занимавшимися проблемами протестантов, католиков и православных. Английские пропагандисты располагали мощнейшими ресурсами, среди них самым эффективным и заметным простому глазу была Би-Би-Си, вещавшая на весь мир и вырастившая персонал, способный приспособиться к потребностям международной аудитории, а также имевшая заграничную сеть для распространения передач на нужных языках¹². Несмотря на то, что Би-Би-Си неизменно отстаивала свою независимость от правительства, на практике она работала рука об руку с министерством информации и была надежным каналом распространения подготовленных министерством материалов.

До июня 1941 г. англичане делали очень мало для выхода на советскую аудиторию, хотя в феврале недолго обсуждался вопрос о русском вещании на СССР на коротких волнах. В то время Айвон Киркпатрик из Би-Би-Си указывал, что в Советском Союзе прием радиопередач осуществляется через коммунальную сеть, благодаря чему власти могут осуществлять политический контроль над прослушиванием радио советскими гражданами. Тем не менее, писал он, «значительное число русских, особенно принадлежащих к классам, из которых чаще всего выходят лидеры, может, при желании, слушать английские передачи на коротких волнах»¹³. До начала советско-германской войны Би-Би-Си не принимала по этому поводу никаких решений, но в течение нескольких недель лета некоторые английские руководители снова поднимали вопрос о вещании на СССР. Вскоре было принято решение этого вещания не открывать. Забрехал рас-

свет англо-советского партнерства, и чиновники пересмотрели свои предыдущие доводы, заговорив о том, что в СССР в частном пользовании слишком мало радиоприемников, чтобы сделать оправданным широкое вещание¹⁴. Подлинную причину отказа осторожных английских пропагандистских мандаринов от своих предложений нужно искать в опасениях, что Кремль может обидеться, если они начнут обращаться к русскому народу в обход его. Как говорилось в одном министерском документе, «русское правительство просило нас не вести прямого вещания»¹⁵. К идее передачи на Советы официальной информации по радио вернуться только на более поздних этапах войны. Для англичан одной из самых больших проблем для союзнических отношений с Москвой была не международная, а внутренняя, и у нее было два широких аспекта. Первый, необходимо было или убедить критиков сотрудничества с Москвой изменить свои взгляды или хотя бы изолировать их. Второй, руководители министерства информации хотели сдерживать энтузиазм в отношении Советского Союза в приемлемых рамках. Они не желали допустить, чтобы симпатизирующие СССР или откровенные коммунисты переносили не критичное восхищение Советским Союзом на идеологическую почву. Как формулировалось во внутренних документах министерства информации, они стремились «умерить пыл левых», приняв позу непредубежденных сторонников трезвого союза с Москвой¹⁶.

Почти два месяца спустя после начала плана «Барбаросса», когда создалось впечатление, что СССР может вынести первый нацистский удар, министерство информации решило создать еще одну секцию, на этот раз для определения английской пропаганды касательно СССР. Она получила название «Отделение советских отношений» (позже отдел) и была предназначена для ведения и мониторинга всей английской пропаганды по поводу Советского Союза как в границах Британской империи, так и за ее пределами. Сначала руководство министерства информации принялось искать «большого человека», который мог бы возглавить новую секцию¹⁷, «персону, имеющую известное представление о России, хорошо знающую Англию и имеющую должный политический нюх»¹⁸. После отказа Джулиана Хаксли, писателя Дж. И. Пристли и журналиста Вернона Бартлетта занять пост начальника секции, руководство министерства наконец выбрало Питера Смоллетта. Это был фатальный выбор. Смоллетт, чье настоящее имя было Смолка, не пользовался известностью за монастырскими стенами министерства информации, но хорошо проявил себя в отделе нейтралов и обладал гораздо большими познаниями в советских делах, чем представляли себе его боссы, — он был советским шпионом¹⁹.

С августа 1941 г. политику в религиозных вопросах, касающихся Советского Союза, будут вместе определять Отдел религии и советская секция. Однако до того как состоялся этот великий союз, религиозный отдел вел борьбу с проблемами, вытекающими из альянса с СССР, в одиночку и 5 июля выпустил документ об основных направлениях официальной пропаганды по вопросу религии в СССР²⁰. Получившийся документ отражал сдержанный, хотя, как покажут события, необоснованный, оптимизм, который в июне 1941 г. преобладал среди лидеров Англии, веривших, что при взвешенном подходе они смогут сдержать развитие среди английской публики беспочвенных или ошибочных симпатий к советской системе, проводя одновременно необходимую работу в поддержку оказания помощи Красной Армии.

Путеводной звездой для религиозного отдела, как и для других подразделений пропагандистского аппарата, стал тон обращения по радио премьер-министра Уинстона Черчилля, сделанного им 22 июня. В этой знаменитой речи премьер-министр заявил: «Нацистский режим неотличим от худших черт коммунизма», а затем провел различие между поддержкой коммунистического режима и помощью русскому народу. «Никто за последние двадцать пять лет не был более последовательным противником коммунизма, чем я. И я не возьму назад ни слова из того, что говорил о нем. Но все это бледнеет перед разворачивающимся сейчас зрелищем... Я вижу русских солдат, охраняющих свой дом, где молятся их матери и жены, о, да, бывают времена, когда молятся все за безопасность своих любимых». Теперь русские были партнерами в войне, это не значило, что англичане должны научиться любить коммунизм²¹. Упоминание премьер-министром молитвы было, конечно, выпадом в адрес советского атеизма и еще одним способом подчеркнуть мысль, что русский народ и советский режим не были одним и тем же. Взяв речь Черчилля за основу, новые положения о направлениях пропаганды делали специальный акцент на том, что Гитлеру нельзя позволить вбить клин между СССР и Англией, провозглашая себя «защитником христианства». «Нацистская Германия совершенно не подходит на роль защитника христианской цивилизации», эту мысль все время проводили авторы документа. Германия совершила «неспровоцированное» нападение, и «агрессия остается агрессией, даже когда совершена против атеистического государства». Что касается собственных утверждений Англии, что она защитница христианской культуры, то «это утверждение остается, как было. Мы сражаемся... за сохранение духовного наследия христианского Запада. Хотя мы можем чувствовать, особенно на континенте, что этому духовному наследию потенциально угрожает коммунизм,

нет сомнения, что в настоящий момент настоящая угроза исходит от нацистской Германии»²².

Министерство информации защищало своего нового союзника несколько прохладно. Едва ли можно считать вдохновляющей пропаганду, которая утверждала, что Гитлер, по крайней мере, виновен в религиозных репрессиях не меньше Сталина, так как до войны дело обстояло совсем иначе и советское правительство проводило гораздо более беспощадные репрессии против религии, чем нацисты. Не очень успокаивало и то, что страна, с которой Лондон предлагал вступить в союз, угрожает западному христианству «только потенциально».

Тем не менее английское протестантское духовенство послушно последовало новым пересмотренным требованиям государства. Семнадцатого июля председатель церковного суда пресвитерианской церкви преподобный Дж. Хатчисон Кокберн выпустил заявление об англо-русском сотрудничестве, которое написал по поручению министерства информации²³. Подкрепляя свою оппозицию советскому коммунизму, Кокберн приводил библейские прецеденты сотрудничества между верующими и язычниками, чтобы потом заявить: «Очень может быть, что будущее покажет, как в наши дни Бог использовал помощь даже атеистов и коммунистов и даже против их воли ради победы Его дела»²⁴.

Опасаясь, что континентальные европейцы могут поверить гитлеровским утверждениям, будто нацисты ведут крестовый поход западной цивилизации против Советского Союза, министерство информации убедило доктора Уильяма Патона, секретаря международного миссионерского совета и секретаря Мирового совета церквей, подготовить радиопередачу для французской аудитории²⁵. Патон говорил то же, что говорил Кокберн, но в его словах сквозило беспокойство. Он писал, что «война в эти последние дни приняла очень странный оборот. Несколько дней тому назад Германия подписала пакт с Россией. А теперь мы видим... Россия вместе с нами борется с агрессией нацистской Германии».

Отражая тревогу, проявляемую англичанами о судьбе европейских христиан, Патон писал: «Нам известно, что многие христиане на Континенте не знают, нужно ли им выступать против того, кого считают врагом христианства (СССР. — С. М. М.)». Патон назвал «лицемерием высшей степени» гитлеровские утверждения о том, что нацисты ведут за собой христианство против чумы большевизма. «Нас не обмануть», — заявил он. Меньше оптимизма проявлял он в отношении французов, обращаясь к ним со словами: «По всему свободному миру ожесточаются сердца против нацистской Германии. Неужели вы можете поверить, что наш широкий мир свободных лю-

дей... должен теперь поддерживать нацистов из-за того, что они ведут настоящую войну против русских?»²⁶. Даже подобная постановка вопроса сама по себе говорила о том, что Патон и министерство все еще не знали ответа.

Английских чиновников больше занимала реакция на партнерство Лондона и Москвы со стороны европейских и английских католиков. В своей энциклике *Divini Redemptoris* от марта 1937 г. папа Римский осудил советский коммунизм в самых недвусмысленных выражениях, сказав католикам, что им нельзя сотрудничать с коммунистами в любом, даже самом достойном предприятии. Хотя за пять дней до этого папа осудил и нацизм, категорическое осуждение папой сотрудничества с коммунистами, казалось бы, оставляло католикам очень мало возможностей поддержать союз с Москвой. Не прошло и двух дней с момента нападения нацистов на СССР, как английское министерство иностранных дел обратилось к министерству информации с просьбой связаться с редакторами католических изданий и убедить их умерить свою антисоветскую линию. «Не ожидается, конечно, что они это сделают, во всяком случае, сколько-нибудь больше, чем сделал премьер-министр, и перестанут осуждать коммунизм с его антирелигиозной политикой. Но очень важно, чтобы они нашли приемлемую пропорцию»²⁷

Для того чтобы побудить католиков пересмотреть свои сомнения относительно партнерства с атеистическим государством, министерство иностранных дел вело активную закулисную работу, пытаясь убедить кардинала Хинсли, духовного лидера английских католиков, выступить с заявлением в поддержку сотрудничества с СССР²⁸. Прошло целых шесть дней после нападения, прежде чем кардинал пошел навстречу. Хотя в его послании упоминалась *Divini Redemptoris* и категорическая оппозиция его церкви коммунизму, тем не менее, подобно своим английским протестантским коллегам, он заявил, что «никто, знакомый с антихристианскими идеями и действиями нацистов, и на минуту не позволит обмануться последними попытками Гитлера представить себя защитником европейской цивилизации или подумать, что теперь стало менее важным помешать ему поработить континент»²⁹. Однако в тот момент мнение Хинсли оказалось в меньшинстве среди английских католических епископов³⁰. Невзирая на это, министерство информации передало его заявление Ассоциации прессы, надеясь создать у публики впечатление, будто католическое духовенство, в целом, поддерживает оборонительную войну СССР³¹. Дафф Купер, срок пребывания которого на посту министра информации заканчивался, дал указание о «самом широком распространении этого заявления»³².

Несмотря на столь сильную поддержку со стороны протестантских и католических священнослужителей, новая религиозная политика министерства информации с самого начала имела существенную слабость. Министерство полагало, что «ответственные» деятели сохраняют в своих руках контроль над формированием общественного мнения и что они смогут удержаться в узких рамках заданной линии, убеждая в необходимости из стратегических соображений помогать СССР и в то же время поддерживать принципиальное недоверие или даже презрение к советскому режиму. Однако на деле английское министерство информации не располагало ресурсами, штатами, навыками или, если уж на то пошло, юридическими правами, чтобы держать в узде общественное мнение, из чего исходили его оптимистические расчеты. Разработанные министерством новые направления пропаганды проводили четкую линию между русским народом и коммунистическим государством, так же как это сделал премьер-министр. Именно такое различие американцы и англичане проводили между немецким народом, который, при условии введения демократических институтов, потенциально возможно вернуть в семью демократических наций, и нацистским режимом — настоящим воплощением зла. Ровно так же, как невозможно воевать с нацизмом, не убивая немцев, нельзя помочь русскому народу в его борьбе за дом и очаг, не спасая коммунистическое государство.

Вторая проблема, связанная с новой религиозной политикой, заключалась в том, что министерство не предполагало всплеска симпатий и интереса английской общественности к СССР, произошедшего, когда Красная Армия показала свою способность к сопротивлению. Винить в этом министерство трудно. До июня 1941 г., по словам А. П. Райана, советника Би-Би-Си по внутренним делам, «активно интересовалась Россией только горстка коммунистов и чудаков»³³. Как часто бывает с общественной апатией при смене политических обстоятельств, она за ночь преобразуется в зверский, но плохо информированный и нестойкий энтузиазм. Английские пропагандисты обнаружили, что не могут просто повторять и повторять, что СССР союзная держава, полезная для завершения войны против нацизма, но во всех остальных отношениях держава неприемлемая, публика будет требовать большего. Как с сожалением продолжал Райан, поток просьб о новостях из СССР «просто нельзя перекрыть. Нравится нам это или нет, но публика, как никогда, будет проявлять все больше благожелательного интереса к Советской России, если только русские не выйдут из игры»³⁴.

Третья слабость программы была самой серьезной. Если министерство не могло или не желало удовлетворять быстро растущие

потребности общества в информации об СССР, то ли потому что испытывало нехватку такой информации или ресурсов, то ли из-за нежелания подпитывать нереалистичные ожидания относительно ситуации в Советском Союзе, наготове было много людей и групп, менее разборчивых в вопросах истины и готовых заполнить образовавшуюся нишу: попутчики, коммунисты, сами Советы, не говоря уже о всякого рода апологетах, готовых с радостью встрять всюду, куда не решалось вступать министерство. В то же время английское правительство, крайне нуждавшееся в создании, а затем сохранении антигитлеровской коалиции, испытывало большие трудности в противодействии этой неофициальной и вводящей в заблуждение пропаганде.

Отчасти проблема состояла в том, что очень мало людей за пределами СССР были по-настоящему знакомы с реальным положением в этой стране. Английское правительство знало почти столько же, сколько и любой рядовой англичанин. Райан понимал суть проблемы, хотя никакого ее решения не предлагал: «Наши собственные эксперты, по-видимому, очень слабо представляют себе, как там, в России, крутятся колесики; во всяком случае, мы не можем позволить себе огорчить Кремль, как обязательно получилось бы, допусти мы, с официального или полуофициального благословения, публикацию критических материалов о русских делах»³⁵. Неосведомленность широкой публики о реальном положении дел в сталинском СССР позволяла сторонникам СССР, не говоря уже о прямых агентах Кремля, рекламировать мнимые чудесные достижения советской промышленности и общества, мало опасаясь опровержения фактами.

Несмотря на то, что за предшествующие два десятилетия из Советского Союза просочилось достаточно информации, чтобы сформировалась отвратительная картина религиозных репрессий, бросившихся в глаза, по крайней мере, той небольшой группе людей, которые внимательно присматривались к таким делам, в стремительном калейдоскопе военных событий способов ускорить получение такой информации было очень мало. Отчаянно нуждаясь хотя бы в какой-нибудь информации для широкой публики, министерство прежде всего обратилось в советское посольство в Лондоне³⁶. Ожидая ответа кремлевских дипломатов, Р. Р. Уильямс из протестантской секции министерства написал, что ему необходимо будет получить «что-нибудь конфиденциального характера из надежного источника», так как все, что предоставит советское посольство, несомненно, будет вводить в заблуждение. «Положение (с религией в СССР. — С. М. М.), — писал он, — на бумаге может быть совершенно не похожим на истинное положение дел, и мы, в общем, нисколько в этом не сомневаемся»³⁷

Министерство решило обратиться к сэру Стаффорду Криппсу, английскому послу в Москве, с просьбой прислать «самую последнюю информацию» о состоянии религии в СССР. Ему с надеждой задали вопрос: «Нет ли признаков народного религиозного возрождения? Пожалуйста, при ответе подчеркните, что можно и чего нельзя использовать в целях пропаганды»³⁸.

Как можно было предвидеть, министерство информации получило из этих двух источников два кардинально противоположных документа о положении религии в Советском Союзе. Через 12 дней после получения английской просьбы, 28 июля, Г. Зинченко, первый секретарь советского посольства, передал министерству записку, описывающую юридический статус советских верующих. Как и опасался Уильямс, советский меморандум сосредоточивался на конституционных положениях, никогда в коммунистических странах не бывших отражением реальных условий, но и словом не обмолвился о том, как эти правила осуществляются на практике. «Среди прочих демократических свобод», заверял документ Зинченко, советским гражданам гарантируется «свобода совести».

Хотя «религиозные объединения не имеют политических прав... все они, невзирая на их религиозные взгляды, участвуют на общих принципах в выборах и социально-политической жизни в соответствии с их профессией и местом жительства». Еще туманнее, но зато еще более зловеще, меморандум сообщал, что «культовые здания могут быть закрыты только по требованию большинства населения или если нет верующих, которые могли бы взять на себя ответственность за здание и имущество»³⁹. Нетрудно было догадаться, кто интерпретирует «господствующее мнение» в сталинском СССР.

Ответ Криппса министерству был намного точнее, чем ответ Зинченко, но менее оптимистичный и цитировался выше⁴⁰. В нем говорилось, что иностранцу «невозможно» судить о подлинном положении религии в СССР, но в то же время подчеркивалось, что нет никаких свидетельств о реальных переменах к лучшему.

За бога и ленд-лиз

Советские представители за рубежом хорошо представляли масштабы поставленных перед ними задач. Хотя Соединенные Штаты еще не были воюющей стороной, посредством осуществления программы ленд-лиза Вашингтон быстро становился «арсеналом демократии», каким его видел президент Рузвельт. Москва знала, что промышленная поддержка со стороны Америки будет играть важную

роль в успешной организации отпора Красной Армии нацистскому нападению. Но для того чтобы испить уже потекшего из американского денежного дерева сока, Советам прежде всего предстояло преодолеть широко распространенную в Соединенных Штатах враждебность к Советскому Союзу или, по меньшей мере, изолировать наиболее отъявленных противников. Они также понимали, что антипатия к ним наиболее опасно концентрировалась в среде церковных прихожан и религиозных иерархов.

Двадцать второго июня 1941 г., всего через несколько часов после получения в Вашингтоне сообщения о нападении нацистов, Константин Уманский, советский посол в Соединенных Штатах, телеграфировал в Москву доклад о настроениях в американских «правлящих кругах». С точки зрения Уманского, Советский Союз пользуется широкой поддержкой среди «рабочей и мелкобуржуазной публики», что отражалось в телеграммах и телефонных звонках, уже потоком поступавших в советское посольство. Однако в то же время могущественные американские изоляционисты приветствовали германское нападение, так как это, по их мысли, должно было ослабить германский нажим на Англию, что, соответственно, умеряло требования о вступлении Америки в войну. Видные «реакционеры», к числу которых среди прочих Уманский отнес Герберта Гувера и Чарльза Линдберга, были в восторге от немецкого нападения, и можно было ожидать, что они будут настаивать, что «не нужно делать ничего, чтобы помочь коммунизму». Члены республиканской партии, как и «ряд демократов», будут придерживаться подобной же линии. Уманский также предупредил Народный комиссариат, что следует ожидать оппозиции со стороны «наших профессиональных врагов типа Уильяма Буллита и Адольфа Бела плюс католическая иерархия». Как полагал Уманский, изоляционистские антисоветские настроения сильнее всего проявятся в газетной цепи Скриппса-Говарда.

По словам Уманского, шла война за душу Белого дома, и ее исход не был ясен. Однако имелись основания для надежды: «Рузвельт, — писал Уманский, — борется с этими кругами». В непосредственном окружении Рузвельта есть агенты этой (антисоветской. — С. М. М.) клики, которые в недалеком прошлом преуспели в укреплении антисоветских позиций президента. «В особенности, — предупреждал Уманский, — Рузвельт боится влиятельных католиков». В то же время можно ожидать, что «прогрессивное окружение», включающее Гарольда Икеса, Ганса Моргентау и Гарри Гопкинса, будут поддерживать Советский Союз. «Но эта группа, несмотря на то, что она очень близка к Рузвельту и влияет на него, находится в меньшинстве. Наша

задача, конечно, немедленно использовать все хорошие отношения, которые у нас есть с фигурами этого рода». Только культивируя такие позитивные связи, советский представитель мог «нейтрализовать влияние враждебных групп в Государственном департаменте и министерстве военно-морского флота», тем самым облегчив поставки важных военных грузов в СССР⁴¹.

Уманский понимал, что по вопросу о поддержке СССР американцы разделились, но в оценке разброса американского общественного мнения часто ошибался и судил о нем упрощенно. К тому же его утверждение, что американский рабочий класс непоколебимо поддерживает борьбу Советского Союза, было типичным ленинистским пропагандистским стереотипом. Фактически многие рабочие, особенно католики, и многие профсоюзники относились к Советскому Союзу с недоверием и не изменили своего отношения, несмотря на море военной союзнической пропаганды⁴². Уманский, по крайней мере, понимал, что религия вообще, а католическая в особенности, это серьезная помеха для советских надежд на помощь.

Большинство американцев, вне зависимости от конфессии, желали победы Советского Союза над Гитлером: опрос Гэллага, проведенный через три недели после нацистского нападения на СССР, показал очень небольшое расхождение между католиками и протестантами по этому вопросу. Из опрошенных протестантов за советскую победу были 74%, из католиков 65%, за еще одну победу Германии высказалось протестантов всего 3% и католиков 6%⁴³. Если большинство религиозных верующих поддержали войну Советского Союза, то это, однако, не обязательно означало поддержку оказания материальной поддержки коммунистам.

Мнение советского посла о том, что позиция религиозных кругов — главная помеха для сотрудничества с Соединенными Штатами, нашло немедленное подтверждение, когда на следующий день помощник государственного секретаря Самнер Уэллес собрал пресс-конференцию по поводу нацистского нападения на СССР. Уэллес разбил Москву, заявив: «Собода поклоняться Богу как диктует совесть, это великое и фундаментальное право всех людей, — это право отняли у своих народов и нацисты, и советское правительство. Для народа Соединенных Штатов эти и другие принципы и доктрины коммунистической диктатуры столь же невыносимы и чужды его собственным взглядам, сколько и принципы и доктрины нацистской диктатуры». Тем не менее, продолжил Уэллес, нужно видеть и различия между ними. Нацистский «план завоевания мира» составляет серьезнейшую угрозу американским интересам. «Следовательно, по мнению нашего правительства, нужно приветствовать любые дей-

ствия по защите от гитлеризма, из какого бы источника они ни исходили», так как «гитлеровские армии сегодня — главная опасность для Америки»⁴⁴.

Нельзя сказать, чтобы это прозвучало как сердечное приглашение для Москвы к сотрудничеству, хотя сдержанность Уэллса можно отчасти объяснить внутренней политической ситуацией. В Соединенных Штатах, как и в Англии, значительная часть населения считала и Гитлера, и Сталина международными гангстерами, естественными партнерами, так что не приходится удивляться, что, как бывает между бандитами, они, в конце концов, разбежались. Уильям К. Буллит, одно время бывший послом в Москве, а впоследствии придерживавшийся твердокаменного скептицизма в отношении советских намерений, писал, что война между двумя диктаторами была похожа на борьбу между «Сатаной и Люцифером». А будущий президент Соединенных Штатов, тогда сенатор от Миссури, бросил свое знаменитое: «Если мы увидим, что побеждает Германия, нам следует помогать России, а если побеждает Россия, мы должны помогать Германии, и таким образом пусть они убивают друг друга как можно больше, хотя мне бы не хотелось, чтобы, в любом случае, победил Гитлер». В частном письме жене Трумэн был даже еще категоричнее, сравнивая Сталина с Аль Капоне⁴⁵.

Маневрирование Уэллса под давлением внутреннего общественного мнения ставило американских дипломатов перед неразрешимыми проблемами. Им приходилось заниматься нелегкими вопросами относительно вступления СССР в войну на стороне Англии, которую, как справедливо полагало мировое общественное мнение, поддерживали Соединенные Штаты. Беседуя с журналистами, Уэллес провел различие между СССР и нацистским режимом, но столь незначительно, что это мало помогало американским дипломатам, пытавшимся обосновать необходимость союзнической поддержки Советскому Союзу и предпринимавшим усилия по противостоянию немецкой пропаганде по вопросам религии.

Филлипс, американский посол в Италии, писал в Вашингтон, что «очень помогло бы, если бы департамент снабдил меня какими-нибудь полезными данными о религиозной терпимости в СССР». Он просил чего-нибудь более убедительного, чем «недавнее заявление Уэллеса, в котором мы для себя отвергли коммунистическую доктрину и принципы». Может быть, правительство Соединенных Штатов делает оптимистическое заявление о том, что при должной поддержке Запада в войне против Германии «советское правительство изменит свое нетерпимое отношение к религии и будет проводить более гуманную и либеральную политику. Что-нибудь в этом роде успокоит-

ло бы Святейший престол и католические страны и, как мне кажется, также и всех порядочных людей»⁴⁶.

Ответ государственного департамента не обрадовал Филлипса. Уэллес коротко проинформировал его, что «не имеется каких-либо свидетельств улучшений с религиозной толерантностью в Советском Союзе», и далее написал: «Разделяя тот дух, которым руководствуется ваше предложение, мы считаем, что это не приведет ни к каким конструктивным результатам или что в данный момент будет правильным выступать с какими-либо заявлениями, которые могут быть истолкованы как некий нажим на Советский Союз с требованием изменить некоторые аспекты его внутренней политики»⁴⁷. Государственный департамент не был готов к принятию неоправданно оптимистического пропагандистского шага о несуществующей религиозной свободе в СССР и не собирался использовать трудное положение Советского Союза, чтобы получить от него обещание вести себя лучше.

Реакция американского католического общественного мнения на начало войны на Востоке подтвердила предположения Уманского и показала, что американское правительство имеет причины проявлять известную сдержанность в отношении вопроса о религии в СССР. До начала плана «Барбаросса» иезуитское издание «Америка» предупреждало, что, «поскольку каждый христианин всеми фибрами души осуждает нацистские преследования, каждый американский христианин должен объявить себя по идеологическим соображениям отказывающимся от воинской службы во время Второй мировой войны, в которой Соединенные Штаты выступают союзником атеистической России»⁴⁸. После начала плана «Барбаросса» редакторы сравнительно либерального католического журнала «Коммонуил» писали, что «американские коммунисты теперь получили “свою” войну. Выступая против перевооружения, когда СССР был формально нейтральным государством, коммунистическая партия США (КПСШ) теперь оказалась в первых рядах тех, кто призывает Америку вступить в войну»⁴⁹. Отчаянное и, казалось, на тот момент безнадежное положение Красной Армии после нападения нацистов заставляло религиозное общественное мнение проявлять определенную толерантность. Не было особого смысла спорить по вопросу об американской помощи СССР, если гитлеровский блицкриг вот-вот закончит со сталинским режимом. Даже в конце июля Элен Извольски, католическая писательница, которая потом всю войну будет выступать комментатором событий в Советском Союзе, писала: «Ничто... кажется, не представляется столь же мало вероятным, как решительная победа Сталина над Гитлером». Подобно многим другим обозре-

вателям, Извольски считала, что советский режим страдал фатальной внутренней слабостью: «Русский народ, живущий двадцать четыре года при режиме, порождающем ненависть и отвращение, едва ли окажет этому режиму моральную поддержку... Обозреватели, близко знакомые с советской военной и промышленной организацией, мало сомневаются в окончательном исходе начавшейся войны». Если же учесть вероятное отчуждение сталинских подданных, то «вряд ли стоит говорить о возможности победы коммунистов и внутри России, и за ее пределами»⁵⁰.

Пессимизм относительно шансов СССР выстоять преобладал в общественном мнении и Соединенных Штатов, и Англии и просто отражал мнение, разделявшееся большинством военных. Предвоенные сталинские чистки Красной Армии⁵¹, а также проявившаяся во время советско-финской войны 1939–1940 гг. слабость советских вооруженных сил подтвердили сомнения западных военных аналитиков относительно возможности Советов выдержать напор германской армии и усилили представления о том, что советские военные — плохо мотивированная рабская армия⁵².

Нужно сказать, прошло не так уж много времени, и эта же самая линия доказательств, сводившаяся к мысли о неминуемом крахе Советского Союза под грузом коммунистических репрессий и нежелания народа поддерживать свое правительство, обернулась против ее же поборников. Если поражение коммунистического государства можно было считать несомненным доказательством того, что советский народ ненавидит свое правительство, то, когда Красная Армия посрамила этих экспертов, отбросив нацистов, почему это не могло считаться столь же неопровержимым аргументом в пользу того, что массы любят своего Великого вождя Сталина? Каждая победа Красной Армии добавляла друзьям Советского Союза еще один камень, чтобы его бросить в своих противников, словно выигрыш сражения каким-то образом выдает окончательный сертификат политического и даже морального здоровья режима.

С господствующим скептицизмом относительно способности СССР выстоять расходилась одна важная на политической арене фигура: Франклин Делано Рузвельт. Хотя вера Рузвельта в способность Советского Союза к сопротивлению была на уровне «интуиции», она оказалась вернее оценок его военных специалистов⁵³. Американский президент считал, что советский народ, который он неизменно называл «русскими», будет до последнего стоять против нечеловеческого гитлеровского режима, что бы он ни думал о сталинском деспотизме. Поэтому с самого первого дня войны Рузвельт решил, что Соединенные Штаты должны предоставить Советскому Союзу помощь по

ленд-лизу как меру обеспечения собственной безопасности Соединенных Штатов, хотя прекрасно отдавал себе отчет в том, какой риск этот шаг представлял собой во внутривнутриполитической жизни США.

Создавая внутреннюю политическую коалицию для поддержки оказания помощи СССР, Рузвельт понимал значение и первостепенную важность враждебности коммунизму религиозных кругов. Как впоследствии вспоминал Аверелл Гарриман, бывший тогда специальным эмиссаром президента к Сталину, «Рузвельт считал религиозный вопрос... делом первостепенной важности во внутренних делах», так как этот вопрос грозил связать правительству руки в вопросе предоставления помощи Советскому Союзу⁵⁴. Когда Роберт А. Грант, конгрессмен от Индианы, направил президенту письмо, протестуя против высказанного им намерения предоставить Советскому Союзу помощь по ленд-лизу, Рузвельт почувствовал, что должен ответить ему лично. Грант писал: «Мы ужасаемся гитлеризму и беспредельной алчности нацистской военной машины в той же мере, в какой питаем отвращение к сталинизму и его антирелигиозной доктрине». Грант сослался на роль, которую Москва сыграла в разгроме Польши, и заявил, что «обещать всевозможную помощь этому безжалостному агрессору противоречило бы всей истории Соединенных Штатов»⁵⁵. Рузвельт ответил: «Решение оказать помощь Советскому Союзу не означает, что наше правительство безразлично относится к разным действиям и политике советского правительства или одобряет их»⁵⁶.

Президент хорошо понимал, что польские американцы и другие американцы, имеющие корни в Восточной Европе, смотрят на советские мотивы с подозрением и что эти группы являются значительным блоком избирателей. Кроме того, подавляющее большинство из них католики, и Рузвельт знал, что церковь представляет собой наиболее организованное, самое громогласное, многочисленное и потому политически самое мощное ядро принципиальной оппозиции советскому коммунизму. Когда речь шла о мнении американцев касательно СССР, этническая принадлежность была неразрывно связана с религиозными чувствами.

Разрешить эту проблему Рузвельт решил, обратившись непосредственно в центр. В августе 1941 г. он послал в Ватикан своего собственного «личного представителя» Майрона Тейлора, известного церковного деятеля. Тейлор доставил в Ватикан письмо Рузвельта папе, получив весьма неблагодарное поручение склонить понтифика сделать заявление о войне на Востоке, провести в нем разделительную линию между комбатантами и призвать американских католиков поддержать сотрудничество Соединенных Штатов с Советским Союзом. Поручение было исключительно трудным, если вспомнить

давнишнюю враждебность Ватикана к коммунистам, а аргументы самого Рузвельта свидетельствовали о том, что его интуитивное убеждение отнюдь не означало, что он видел разницу между диктатурами нацистской и советской.

Письмо папе заслуживает того, чтобы его процитировать подробнее, потому что это было самое прямое и решительное вмешательство президента Рузвельта в религиозный вопрос в том, что касается СССР. Это также один из прекраснейших примеров того, как президент пользовался моральными доводами, доказывая необходимость сотрудничать с Советским Союзом, а также, возможно, самое отчетливое выражение его взглядов на моральные различия между диктатурами Гитлера и Сталина. Рузвельт писал понтифику, что «это вопросы, по которым у меня очень определенная точка зрения». И далее:

«Насколько мне известно, церкви в России открыты. Думаю, существует реальная возможность того, что в результате нынешнего конфликта Россия может признать свободу религии в России, хотя, конечно, не признавая никакого вмешательства со стороны церкви в образование или внутривнутриполитические проблемы России. Я считаю, что если это можно осуществить, то сегодня создастся возможность поставить восстановление реальной религиозной свободы в России на гораздо лучшую основу, чем в Германии».

Рузвельт знал, что его ссыла на открытые церкви чистой воды преувеличение, его собственный Государственный департамент не находил никаких улучшений в положении с религией в СССР и на самом деле располагал информацией, из которой следовало, что 135 католических священников «с 1939 г. считались находящимися в советских тюрьмах»⁵⁷. Рузвельт, однако, пытался провести отчетливое моральное различие между двумя тоталитарными диктатурами:

«По моему мнению, можно считать фактом, что Россия управляется диктатурой столь же жесткой по своей форме, как диктатура в Германии. Однако я думаю, что эта русская диктатура представляет меньшую угрозу для безопасности других наций, чем германская форма диктатуры. Единственное оружие, которое Россия использует за пределами собственных границ, это коммунистическая пропаганда. Я считаю, что выживание России породит меньшую опасность для религии и человечества в целом, чем выживание германской формы диктатуры. Кроме того, в моем представлении лидерам всех церквей в Соединенных Штатах следует недвусмысленно признать эти факты, не закрывать глаза на эти главные вопросы и своим нынешним отношением к этому вопросу не оказывать Германии поддержку в достижении ее сегодняшних целей»⁵⁸.

О том, что думал папа Пий по поводу такого прямого подхода американского президента, сказать что-либо определенное трудно. Его официальный ответ был уклончивым. Он просто поблагодарил американский народ за помощь жертвам европейской войны, ни словом не упомянул Советский Союз или аргументы, приведенные в письме президента⁵⁹. Заявления в поддержку Советского Союза в его войне с нацистами, на которое так надеялся Рузвельт, он не сделал и продолжал отказываться определиться со стороной в советско-германской войне⁶⁰.

Некоторые из аргументов Рузвельта, должно быть, прозвучали в Риме менее убедительно, чем могли прозвучать в Вашингтоне. Например, тезис, что Москва проникает в другие страны только пропагандой и не использует военной силы, прозвучал как пустой звук в Ватикане, где очень внимательно следили за развитием событий в Восточной Польше и бывших балтийских государствах, захваченных СССР в сентябре 1939 г. и в июне 1940 г. соответственно. В восточных польских землях, находившихся теперь под контролем Советов, число католиков было велико: из общей численности населения 11 965 400 человек римские католики составляли 4 023 800 человек, или 33,6%, в дополнение к ним следует отнести католиков восточного обряда, которые также тяготели к Риму, их насчитывалось 3 028 200 человек, или 25,3 % всего населения⁶¹. В Литве католицизм исповедовали 87% населения, для Латвии эта цифра равнялась 25%⁶².

За короткий период оккупации Красной Армией Советы не сделали решительных шагов, чтобы полностью покончить с католической церковью⁶³. Священникам разрешали продолжать службы для верующих. Тем не менее советская тайная полиция арестовала ряд католических священнослужителей, закрыла католические монастыри и конфисковала их собственность⁶⁴. В свете этих фактов и с учетом институциональных интересов католической церкви Ватикан, не беря в расчет всей сложности политической обстановки, просто не мог сразу воспринять тезис Рузвельта о предпочтительности сталинской тирании.

Еще до получения ни к чему не обязывающего ответа папы 11 сентября Рузвельт встретился с советским послом и заверил его, что делает все, что может, для противодействия антисоветским тенденциям в американской религиозной общине и создания условий для начала поставок в СССР помощи из Соединенных Штатов. Гарри Гопкинс, только недавно вернувшийся после встречи со Сталиным в качестве специального эмиссара президента, присутствовал на этой встрече, длившейся три с половиной часа, там же был Корделл Халл. Точно

неизвестно, что было сказано на этой встрече, потому что два страных протокола значительно и весьма интригующе отличаются друг от друга. Американская запись передает:

«Президент в деталях объяснил трудности получения согласия Конгресса (на предоставление помощи по ленд-лизу для СССР. — С. М. М.) по причине предвзятости отношения или враждебности к России и непопулярности России среди значительных групп людей в нашей стране, обладающих большой властью в Конгрессе. Президент также упомянул, что в России по Конституции 1936 г. есть церкви и разрешается отправление религиозных культов. Он предложил, чтобы Москва быстро, в течение нескольких ближайших дней, прислала в Вашингтон какой-нибудь информационный материал о свободе религии... это произвело бы очень хороший просветительский эффект перед передачей в Конгресс законопроекта о следующем ленд-лизе. Посол согласился заняться этим вопросом»⁶⁵.

Эта запись отличается любопытным отсутствием конкретности касательно этой встречи. В ней не раскрывается, что это были за антисоветские группы, которые, по словам Рузвельта, организуют в залах Конгресса саботаж помощи России. Запись Уманского о содержании этой встречи, отправленной им в Москву два дня спустя, дает несколько иную версию, которая, однако, не расходится с рузвельтовским дипломатическим подходом. Посол сообщал:

«Рузвельт пожаловался на антисоветские интриги церкви, особенно католиков и их людей в Конгрессе, попросил, чтобы информация из Советского Союза подчеркивала патриотическую позицию церкви в СССР, сказал, что снова послал своего собственного представителя в Ватикан, Тейлора, с главной задачей нейтрализовать «фактически профашистское» влияние католиков в США и добиться изменения позиции папы по вопросу Советского Союза»⁶⁶.

Из этого и многих других случаев, когда русские и американские отчеты о личных встречах Рузвельта и советских дипломатов довольно серьезно разнились, можно составить себе представление о том, как осторожны были президент и его советники в отношении деталей разговора, которые они вставляли в официальный протокол. Если бы в Соединенных Штатах широко распространилась информация, что Рузвельт старается установить близкие отношения с советским послом, а через него с Кремлем, называя американские религиозные группы «профашистскими», то это имело бы весьма губительные политические последствия.

Президент на собственном горьком опыте узнает, как пресса и публика будет реагировать на любую прямую попытку обелить советское наследие религиозных репрессий. На пресс-конференции

1 октября, отвечая на вопрос одного журналиста, Рузвельт позволил себе неудачный пассаж по этому вопросу. До этого польский посол в Соединенных Штатах Ян Чехановский выступил с заявлением, что советские правительство согласилось позволить проводить церковные службы среди поляков в СССР. Президент с оптимизмом ухватился за его сообщение как доказательство того, что «определенно можно назвать это первым шагом к практическому осуществлению в СССР свободы религии». На этом он не остановился, заявив: «Как, по-моему, неделю или две назад я предлагал, некоторые из вас с интересом могли бы прочитать статью 124 Конституции России». Хотя он и не выучил ее «наизусть», он уверил журналистов, что она «гарантирует свободу религии. В равной мере и свободу вести пропаганду против религии, что составляет важное правило в нашей стране, только мы используем ее несколько по-другому. Например, вы можете выйти завтра утром на угол Пенсильвания-авеню у Пресс-клуба, встать на ящик из-под мыла и проповедовать христианство, и никто вас не остановит. А потом, если это взбредет вам в голову, проповедовать против религии любого сорта, и никто вас не остановит»⁶⁷

Рузвельт отлично знал, что Красная площадь совсем не советский эквивалент угла в Гайд-парке. Однако надвигались дебаты в Конгрессе по вопросу о предоставлении СССР помощи по ленд-лизу, и он пытался, хотя и неуклюже, предварить неизбежные возражения церковников, и особенно католиков, против военной помощи атеистическому государству, повинному в религиозных репрессиях в невиданных в истории масштабах. Нельзя сказать, что в ближайшем окружении президента все полагали, что он поступил правильно, предупреждая проблемы, а не ожидая развития событий. Как позже писал Роберт Шервуд, «(вокруг Рузвельта. — С. М. М.) были люди, думавшие, что президент преувеличивает силу католических настроений, но президент всегда шел вперед с предельной осторожностью, когда речь шла о религиозной чувствительности»⁶⁸.

Однако одновременно Рузвельт, может быть, искренне верил, или убедил себя, что и война, и сотрудничество между западными демократиями и Советским Союзом, которое так или иначе возникнет в ее результате, могут сыграть роль растворителя жесткой религиозной политики Кремля. Это могло быть частью его более обширной уверенности, что Соединенные Штаты и Советский Союз идут по дороге «конвергенции», идеи, которая пользовалась широким распространением среди западных интеллектуалов, утверждавших, что, в то время как Вашингтон может научиться у Москвы планированию, американское влияние, в свою очередь, могло бы либерализовать коммунистическую политическую систему⁶⁹. Интересно, что многие обычные

советские граждане думали точно так же, надеясь, что альянс с западными демократами умерит жестокий сталинский режим — эта идея казалась советским аппаратчикам еретической⁷⁰.

Какими бы ни были намерения президента, его высказывания вызвали предсказуемо поляризованную реакцию. Член Палаты представителей Мартин Дайс, впоследствии один из первых сподвижников сенатора Джозефа Маккарти, с пеной у рта кричал, что никакой религиозной свободы в СССР нет. В письме Рузвельту он сокрушался по поводу того, что слова президента, утверждающие противное, были перепечатаны коммунистической и левой прессой с «целью скрыть правду». Он также напомнил, что советская политика противоречит знаменитым «четырем свободам» самого Рузвельта, и призвал президента «заявить с безошибочной ясностью, что советский режим с его грубым обманом по поводу свободы отправления религиозных культов совершенно невыносим для американского народа»⁷¹. Представитель Гамильтон Фиш, такой же пылкий антикоммунист, пошел еще дальше Дайса, задавшись вопросом, не пожелает ли Рузвельт развить свои высказывания и крестить Сталина в плавательном бассейне Белого дома⁷².

В рузвельтовских документах находим немало страстных реакций на эти слова президента, и далеко не все из них были такими резкими. Одно из наиболее примечательных писем пришло от Мэтью Спинка, уважаемого ученого из Чикагской теологической семинарии, специалиста по религии в Советском Союзе. Он настолько «разволновался» по поводу президентских преувеличений, что написал прямо ему. Ссылаясь в своих возражениях на «доскональное знакомство с официальными русскими документами по данному вопросу», он хотел внести ясность относительно широкого набора ограничений на религиозные культы, все еще действующие в Советском Союзе. «Поскольку я всем сердцем поддерживаю вашу общую политику, — писал Спинка, — меня тревожит, что ее утверждение может пострадать из-за заявлений, которые вам приписываются»⁷³.

Хотя умеренные католические издания отозвались на пресс-конференцию Рузвельта довольно трезво, его высказывания, по-видимому, произвели обратный эффект на католическое духовенство в целом. Католический комитет мирян за мир, организация изоляционистов, провела ненаучный, но тем не менее впечатляющий опрос общественного мнения среди католического духовенства рангом ниже епископа по вопросу о помощи России. Из опрошенных священнослужителей немногим больше трети, а именно 13 155, заполнили опросный лист, и 90,5% указали, что возражают против предоставления Советскому Союзу американской военной помощи⁷⁴.

Даже если результаты опроса не отражают мнение всего духовенства, существенное число респондентов с прочно устоявшимся мнением показывает, что тревожное настроение в церкви было широко распространено. Как писал либеральный католический литератор Рут О'Кифи, «президентское заявление... которое цитировали, не утруждая себя нужными оговорками, вызвало резкую реакцию со стороны католического и некатолического духовенства. Никто не ставил под сомнение правильность его слов, но со всех концов страны посыпались жаркие сомнения в том, что гарантии советской религиозной свободы чего-нибудь стоят»⁷⁵.

Неоднозначное восприятие общественностью высказываний Рузвельта и откровенно враждебная реакция многих католических духовных лиц сделали еще более злободневным для администрации какую-нибудь позитивную советскую демонстрацию. Пока разворачивались эти события, Аверелл Гарриман прибыл в Москву вместе с английским газетным бароном лордом Бивербруком, пытаясь выработать с советским руководством график поставок западной материальной помощи на случай, если ленд-лиз будет одобрен Конгрессом. Перед отъездом Гарримана из СССР Рузвельт потребовал от него добиться от Сталина какого-либо публичного жеста по религиозному вопросу, чтобы облегчить прохождение законопроекта в Конгрессе. Хотя Гарриман предпринял шаги в этом направлении, было ясно, что он полагал это досадным отвлечением на тот день от главного, по его мнению, вопроса. Когда он впервые заговорил о религиозной проблеме с советскими олигархами, по его собственным словам, «со Сталиным он ни о чем не договорился». Тогда он обратился к Молотову и Уманскому и получил в ответ «самые обильные заверения от Уманского и загадочный кивок от Молотова»⁷⁶.

Четвертого октября, всего через три дня после президентской пресс-конференции и сразу после разговора Гарримана с руководителями советского государства, Соломон Лозовский (из советской информационной организации военного времени Информбюро) выпустил заявление о своей собственной встрече с московским пресс-корпусом. Лозовский поблагодарил Рузвельта и дополнил его высказывания о юридической защите свободы совести в СССР: «Советская публика, — писал Лозовский, — с большим интересом ознакомилась с заявлением президента Рузвельта... относительно свободы вероисповеданий советскими гражданами». Он подтвердил, что церковь и государство в СССР отделены друг от друга и что «это означает, что государство не предоставляет привилегий ни одной из религий». «Религия — частное дело каждого советского гражданина, — продолжал Лозовский. — Законодательство Советского Союза не считает

возможным принуждение граждан к исповедованию или не исповедованию какой-то религии». Более зловеще прозвучало, если вспомнить историю сталинизма, предупреждение в заключительной части выступления Лозовского: «Свобода вероисповедания предполагает, что никакая религия, церковь или религиозная община не будет использована для свержения признанного в стране существующего правительства»⁷⁷ Прочитав подготовленное заявление, Лозовский стал отвечать на вопросы западных корреспондентов и сказал, что «все вероисповедания в Советском Союзе решительно высказываются против нацистского бандитизма и варварства»⁷⁸.

Американские дипломаты поздравляли себя с тем, что им удалось подвигнуть Советы на такого рода публичное выступление. Американский посол в Москве Лоуренс Штейнхардт сообщил в Вашингтон, что заявление Лозовского, «несомненно, то, что обещал Уманский» в их предшествующих разговорах⁷⁹ Но это не умерило скептицизма Гарримана в отношении цены советских заверений. В телеграмме в Вашингтон он предсказывал, что «религиозное богослужение будет терпимо только под пристальным надзором ГПУ (Государственного политического управления), чтобы держать его под тщательным контролем, как огонь, который в любой момент лучше растоптать, нежели позволить ему свободно гореть и угрожать неконтролируемой вспышкой»⁸⁰. Рузвельта не удовлетворили ни предпринятые Гарриманом неохотные действия, ни сделанный с прохладцей ответ Москвы. Как потом говорил Гарриман, Рузвельт «дал мне понять, что этого недостаточно, и выговорил мне по моему возвращению» в Соединенные Штаты⁸¹.

Седьмого ноября, в двадцать четвертую годовщину большевистской революции, американское правительство официально взяло на себя обязательство предоставить СССР помощь по ленд-лизу. Было ли это решающим оружием, которое принесет победу, как думали многие американцы, или только один из многих факторов, способствовавших ускорению окончания войны, все равно это было важным историческим моментом. Еще до того как непосредственно втянуться в войну, Соединенные Штаты приняли решение оказывать помощь одному континентальному тоталитарному государству ради нанесения поражения другому. Геостратегическое значение этого шага трудно переоценить, что в конце концов и осознали многие ярые противники коммунизма, и трудно представить себе, как можно было бы победить нацистов без военной мощи Советского Союза.

Вряд ли Рузвельт добился поддержки своего курса с помощью публичных выступлений о религии в СССР. Почти наверняка боль-

ший успех принесла ему работа за кулисами с влиятельными католическими епископами, Ватиканом и другими важными сомневающимися. Его непродуманная попытка списать советские религиозные репрессии только подарила его критикам соблазнительный предмет для нападков. Этот урок он хорошо усвоил. Он навсегда запомнил, насколько важны религиозные вопросы для советско-американского альянса, но с этого момента стал отдавать предпочтение стратегии обходного маневра, а не фронтального удара.

Москва лакирует свой имидж

СССР вступил в войну с уже готовым и достаточно обширным зарубежным пропагандистским аппаратом. Английские лидеры давно опасались силы и широкого распространения советской пропаганды, и это действительно было болезненным вопросом, мешавшим налаживанию англо-советских отношений еще с 1920-х гг.⁸² До признания Вашингтоном советского правительства в 1933 г. американские дипломаты требовали гарантий от финансируемой Москвой подрывной деятельности и распространения коммунистической пропаганды в Соединенных Штатах. В письме народного комиссара иностранных дел Максима Литвинова Рузвельту во время переговоров, приведших к взаимному признанию сторон, советское правительство специально взяло на себя обязательство воздерживаться от любой «агитации или пропаганды», которая может служить подрыву американского «политического или социального порядка»⁸³. Однако, как показывают открытые советские архивы, с этими гарантиями редко считались⁸⁴.

Как ни странно, прямая советская пропаганда не отличалась высоким качеством, хронически страдала от недофинансирования, была плохо организована, между учреждениями, призванными работать на зарубежье, постоянно шли междоусобицы и непрерывное соперничество, при том что на Западе ее страшно боялись. В западных странах царило представление, будто советская пропаганда — продукт хорошо налаженной машины, на самом же деле все обстояло совсем не так. Номинально главным довоенным учреждением, которому была поручена зарубежная пропаганда, был ВОКС (Всесоюзное объединение культурных связей с заграницей). Это учреждение отвечало за распространение советской информации за пределами Советского Союза, однако за контроль над обычной пропагандой боролись многие другие организации (среди них Коминтерн, ТАСС, Международная книга и Народный комиссариат иностранных дел). Помимо

этого, особо деликатные операции проводили НКВД–НКГБ, причем официальные пропагандистские органы оставались в стороне.

В декабре 1940 г. руководитель ВОКС В. Кеменов написал записку о работе его учреждения, отметив при этом множество недостатков⁸⁵. Он обратил внимание на соперничество между учреждениями, занимающимися международной пропагандой, что «создает хаос и безответственность», параллелизм и часто ведет к неправильному использованию материалов. В результате «часто пропаганда бывает низкого качества». «В сложной и напряженной международной обстановке», писал он, проблемы пропаганды «носят особенно ответственный характер», что требует «строгой централизации всей работы».

Сравнивая распространение советской пропаганды с пропагандой зарубежных стран, Кеменов указал на нацистскую программу в качестве образцовой модели эффективности и централизации. Позавидовал он и англичанам: «Англия тратит огромные суммы денег на зарубежную пропаганду», — писал он. По его подсчетам, основанным на американских источниках, Лондон в 1940 г. израсходовал на пропаганду 550 тыс. фунтов. Он с сожалением написал: «Отметим, что бюджет ВОКС, переведенный в доллары, составляет 28 тысяч американских долларов, то есть в 20 раз меньше». Англичане очень успешно проникли на рынок Соединенных Штатов, подчеркнул Кеменов, и «добились значительных результатов в подготовке американского общественного мнения к состоянию войны». Далее он писал:

«По сравнению с иностранной пропагандой советская пропаганда за рубежом носит почти дезорганизованный, случайный характер, она раздроблена, беспланова, ведется вне связи с внешней политикой. Конечно, цели и задачи советской пропаганды совершенно противоположны пропаганде капиталистических стран. Тот факт, что содержание советской пропаганды — социализм, с неизбежностью поднимает проблемы условий в капиталистических странах».

Для того чтобы работать с учетом особенностей капиталистического рынка, советской пропаганде была необходима отличная организация и подготовленный персонал, и она должна быть «гибкой». «Пропагандисты ВОКС должны избегать всякого любительства и провинциализма». Это звучало весьма иронично, если учесть, что после вступления СССР в войну, ВОКС и сам Кеменов окажутся в числе наименее гибких и наиболее провинциальных советских пропагандистов. Возможно, самое удивительное то, что ВОКС часто оказывался не в состоянии купить «даже несколько экземпляров» советских изданий для направления за границу непосредственно своим представителям в советских посольствах. По мнению Кеменова, не

лучше обстояло и с советским радиовещанием — передачи, подготовленные Радиокomiteетом, были «скучными, затянутыми». Иван Майский и Александра Коллонтай, советские послы в Англии и Швеции соответственно, регулярно жаловались в Центр на низкое качество радиопрограмм и постоянно «требовали организации живых, интересных радиопередач».

Кеменов утверждал, что «полномочные представители» ВОКС, командированные за границу для работы в советских посольствах, использовались неэффективно. Эти люди составляли ценный ресурс, потому что понимали меняющиеся настроения иностранного общественного мнения и могли работать прямо на целевой рынок. Они также могли информировать Москву о том, как ведется иностранная пропаганда. Что еще более существенно, сотрудники ВОКС могли устанавливать «личный контакт с прогрессивными представителями иностранной культуры, что очень важно для реализации советской пропаганды за рубежом». Однако вместо их эффективного использования послы перегружают сотрудников ВОКС рутинными дипломатическими заданиями, и они могут работать над пропагандистскими вопросами только в свободное время, к тому же они имели «недостаточно авторитетный дипломатический ранг», чтобы отказываться от этих мелких заданий.

В Соединенных Штатах ВОКС имел братские организации в Нью-Йорке, Сан-Франциско и Филадельфии, которые выпускали на английском языке издание «Раша Тудей». Эти группы нуждались в квалифицированной помощи, но ВОКС не имел «ни одного свободного работника», чтобы помочь им в их важной работе. Кеменов закончил свою записку предложением о большей централизации и получении «систематических и повседневных заданий от ЦК ВКП(б) и Наркоминдела»⁸⁶. К несчастью для ВОКСа, Центральный Комитет до самого начала войны так и не принял никакого решения о централизации. Неразбериха и излишнее количество органов, занимающихся зарубежной пропагандой, продолжали царить в советской международной пропаганде.

После начала советско-германской войны, вместо того чтобы сконцентрировать усилия уже существующего огромного советского пропагандистского аппарата в дополнение к ВОКСу в качестве главного ведомства, отвечавшего за распространение информации во время войны среди иностранцев, было создано абсолютно новое учреждение, Совинформбюро (или просто Информбюро), хотя ВОКС продолжал действовать, что прибавляло горючего материала для постоянно разгоравшихся между соперничающими органами конфликтов. Новый орган был создан решением Политбюро 24 июня

1941 г., почти наверняка из-за того, что ВОКС никогда не считался достаточно эффективной организацией, его сотрудники были рядовыми работниками, а условия начавшейся войны требовали привлечения людей со связями⁸⁷. Руководить повседневной работой Информбюро назначили Соломона Лозовского, заместителя наркома иностранных дел. Лозовский значился заместителем директора при А. С. Щербакове, который, помимо руководства Информбюро, возглавлял политическую и идеологическую работу в Красной Армии. Щербаков был одним из доверенных подручных Сталина, во время разгара сталинистского террора служил «разъездным чистильщиком» и занимался наведением порядка в «провинциях, которые проявляли признаки неподчинения»⁸⁸. Высокое положение Щербакова в идеологических кругах и Лозовского во внешнеполитической элите свидетельствовало о значении, которое придавалось новому пропагандистскому органу⁸⁹.

Советским пропагандистам, работавшим на иностранную аудиторию, предстояло решить, помимо множества второстепенных задач, одну главную и очень сложную задачу: им нужно было увлечь большую часть общественного мнения в западных демократиях идеей антигитлеровской коалиции с единственным в мире коммунистическим государством. Как уже говорилось выше, добиться этого было нелегко, если учесть, какой репутацией пользовался СССР из-за чисток, репрессий тайной полиции и подавления религиозных свобод. Одновременно советские пропагандисты призывали общественное мнение в оккупированной нацистами Европе, во-первых, не поддерживать гитлеровский мнимый «крестовый поход» против безбожного коммунизма и, во-вторых, подниматься против нацистских угнетателей, а затем, когда военное счастье стало улыбаться Советскому Союзу, помогать или, по крайней мере, не мешать продвижению Красной Армии в Центральной Европе. Самым уязвимым местом новой позиции Советского Союза как бастиона антифашистской совести было, конечно, надежное партнерство Москвы с гитлеровским Новым порядком до самого момента нападения Германии и ее предложение в ноябре 1940 г. присоединиться к союзу Оси⁹⁰.

Если Советы начали войну, имея проблему имиджа, и если их пропагандистская машина была громоздкой и затруднялась четкой вертикальной линией подчиненности, то это несколько не означает, будто у нее совершенно не имелось собственных активов для проведения порученного ей курса. Пропагандируя свои идеи за границей, Советы пользовались рядом важных преимуществ перед западными демократиями. Соединенные Штаты и Англия будут делать в Советском Союзе военного времени только первые элементарные пропа-

гандистские шаги, что объяснялось почти герметичной закупоркой сталинистского государства от внешних влияний⁹¹. Советы, напротив, формируя свою пропаганду для западной аудитории, безмерно выигрывали от открытой природы обществ их новых партнеров. В первую очередь, Москва могла играть на впечатляющих успехах Красной Армии, вызывавших растущие и все усиливающиеся симпатии на Западе с осени 1941 г., по мере того как становилось ясно, что СССР вынесет первый удар нацистов. Может быть, еще важнее была возможность Советского Союза играть на плюрализме мнений на Западе, а также на широком наборе взглядов, выражавшихся на страницах печатных изданий, — западная открытость, даже в рамках ограничений военного времени, оказывала Советам неоценимую услугу в проведении их пропагандистской линии.

Самой сильной картой СССР в международной пропагандистской игре были провозглашаемые ею идеалы социализма и улучшения благосостояния людей, они привлекали на сторону Советов приверженцев и поклонников по всему миру, в то же время создавая им, конечно, и злейших врагов. Алексис де Токвиль сравнивал привлекательность Французской революции с привлекательностью религии, что еще лучше подходит к случаю Советов: «Она создала общую интеллектуальную родину, — писал он, — гражданство которой было открыто человеку любой национальности и в которой были уничтожены расовые различия». «Подобно всем великим религиозным движениям, — продолжал он, — она прибегала к пропаганде и распространяла Святое писание. Это было нечто беспрецедентное: политическая революция, ищущая новообращенцев по всему миру и обращающая иностранцев с таким же пылом, как своих соотечественников»⁹².

Как ни трудно, оглядываясь в прошлое, поверить в это, но сталинское коммунистическое государство обладало силой привлекательности точно такой же новой, светской религии⁹³. Для многих левых западных интеллектуалов нацизм и фашизм были просто агрессивными видами капитализма, существовавшего в их собственных странах, и создание Москвой альтернативной, будто бы неэксплуататорской экономической системы более чем компенсировало недостатки СССР, большинство которых, во всяком случае, не упоминались. Как в 1940 г. писал Виктор Голланж, влиятельный редактор «Лефт Бук Клуб» в Англии: «За год перед войной я во многом серьезно расходился с коммунистами, но их целенаправленная преданность делу освобождения человека такова, что каждому стороннику капиталистических и фашистских мерзостей следует опустить голову от стыда»⁹⁴. С момента создания Коминтерна в 1919 г.,

вскоре после большевистской революции и в течение двух десятков лет Москва работала над созданием за границей групп новообращенных. Поэтому, ведя свою пропаганду, Москва могла опираться на большое число сторонников на Западе, начиная с открытых членов коммунистических партий и шпионов в правительствах до попутчиков вроде Голланжа, а также благожелательно настроенных левых разных оттенков. Однако для того чтобы воспользоваться этими преимуществами, Москва должна была переориентировать главное содержание своей пропаганды. В случае с английским министерством информации и американским государственным департаментом Советам пришлось сразу после нападения Германии моментально развернуть свою пропаганду на 180 градусов. Нападение немцев превратило недавнего партнера — Берлин — во врага номер один, а главного недруга — Лондон — в союзника. Разворот был головокружительный. Еще в середине мая 1941 г. Николай Пальгунов, заместитель заведующего отделом печати НКВД, направил в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) предложение разослать советским газетам и на радио указания избегать публикации материалов, которые могут вызвать недовольство Берлина. «Поведение советской прессы не должно давать никакого повода для заключений о каких-либо изменениях в данный момент в советско-германских отношениях, и еще меньше повода сделать какие-то дипломатические представления»⁹⁵ Советским местным газетам, продолжал Пальгунов, следует избегать употребления в отношении германских вооруженных сил слова «непобедимые». Не следует создавать впечатления, что вермахт непобедим, вместо этого следует говорить, что враги Берлина прогнили изнутри, поэтому они пали под ударами немцев. Газеты не должны подчеркивать «ужасы войны», так как это «присуще пацифистам». Нужно показывать, что война требует наступательной тактики и приводить цитируемые Лениным слова Клаузевица: «На чужой земле защищай свою». «Правда» должна печатать статьи, рисующие «различия между советским политическим миром и мелкобуржуазными пацифистами и социал-предателями (социал-демократами. — С. М. М.)». Затем Пальгунов предложил «Правде» форму объяснения победы нацистов над Францией предыдущим летом. «Основной тезис статьи: капитуляция Франции после шести недель с начала активных действий на французском фронте — результат попыток французской буржуазии с помощью поражения предотвратить осуществление в стране революции». «Страх французской буржуазии перед революционными массами народа» был подлинной причиной того, что французы сложили оружие⁹⁶. Подготовленные за полтора месяца

до нацистского вторжения в СССР пальгунские инструкции ни словом не призывали готовиться к конфликту с фашизмом, в них даже не упоминалась нацистская идеология. И он при этом называл «социал-предателями» те самые левые политические силы, к которым вскоре Москва будет обращаться со словами братства.

Перед советскими дипломатами за границей, когда СССР превратился в союзника западных демократий, будет поставлена задача приспособиться к новым условиям. По крайней мере, Москве повезло с ее представителем в Англии. Московским послом в Лондоне был Иван Майский, дипломат с многолетним опытом работы, отличавшийся плотной фигурой, овальным лицом, козлиной бородкой и высоким звонким голосом, ставшими привычными Англии военного времени до его отъезда в Москву летом 1943 г. Майский был эффективным проводником советских интересов в Англии, он бегло говорил по-английски, прожил в стране много лет, приехав туда еще до революции молодым революционером, спасаясь от царской тайной полиции. После захвата власти большевиками Майский недолго работал в меньшевистском альтернативном правительстве, потом помирился с людьми Ленина, в отличие от своих менее везучих или менее гибких товарищей, закончивших жизнь в ссылке, тюрьме или в расстрельных подвалах ЧК⁹⁷. На каких бы условиях он ни договорился с большевиками, они были для него полезны, его карьера развивалась успешно, даже когда многие из его коллег-дипломатов стали жертвами сталинских чисток. Эту смертоубийственную бурю Майский пересидел в мирной гавани Лондона, где служил полпредом (полномочным представителем) с 1932 по 1941 гг., а затем послом до 1943 г.⁹⁸

За долгое время пребывания в Лондоне Майский успешно обхаживал богатых власть имущих, отдавая предпочтение, естественно, таким известным деятелям с левыми взглядами, как Сидней и Беатриса Уэбб и сэр Стаффорд Криппс, не пренебрегая в то же время и видными консерваторами вроде канадского пресс-магната и члена военного кабинета лорда Бивербрука⁹⁹. В период нацистско-советского пакта Майский, понятно, старался не привлекать к себе внимание, но активно действовал за кулисами дипломатических кругов. Несмотря на непоколебимую приверженность советской власти, он прекрасно разбирался в причинах английских подозрений в отношении СССР и через четыре дня после нападения Германии на СССР посетил министра иностранных дел Энтони Идена с предложениями по преодолению распространенных в Англии сомнений.

Майский обсудил с Иденом пути улучшения отношения английского общественного мнения к СССР и его народу. Иден ответил,

что, как он думает, «мы должны действовать очень осторожно. Посол поймет, насколько глубоко пустила корни в нашей стране неприязнь к коммунизму. Ничего не могло бы быть хуже», если бы в Англии утвердилось представление, что Форин офис «отдается популяризации коммунистических взглядов, к которым он относится категорически отрицательно»¹⁰⁰. Майский сказал, что понимает министра и только хочет распространить информацию «в литературном и художественном плане. Также он думал, что английской публике не повредит получить кое-какую информацию о народах, составляющих Советский Союз, их образе жизни, их традициях и тому подобном». Для того чтобы приучить английский народ к новому альянсу с Москвой, нужна была тщательно продуманная советская и английская культурная пропаганда¹⁰¹.

Важным аспектом предложенной Майским культурной программы должна была стать религиозная пропаганда. Отчасти это было ответом на требование и американского, и английского правительств. Как и Москва, Лондон думал не только об английских христианах, но также о верующих на континенте, которые могли считать нападение на СССР справедливым возмездием Москве за ее антирелигиозную политику в период двух предшествующих десятилетий. Для преодоления таких тенденций советские и английские публицисты быстро установили символические отношения, распространяя по всему миру советскую пропаганду через английские средства массовой информации, маскируя при этом ее происхождение.

Шестнадцатого июля, например, министерство информации просило советское посольство предоставить в его распоряжение статистику по вопросу религиозных свобод в СССР, в ответ на эту просьбу первый секретарь посольства Г. Зинченко через двенадцать дней представил присланные ВОКСом материалы¹⁰². Советская информация категорически отрицала репрессии против религии. Зинченко представил второй, более пространный документ, содержащий больше сведений, помимо первоначального описания юридических «прав» советских верующих¹⁰³. В сопроводительном письме доктору Элизабет Хилл из министерства информации он написал: «Надеюсь, все это пригодится Вам для распространения в прессе»¹⁰⁴. В этом последнем документе Зинченко заявил, что «для советского режима характерна самая полная религиозная терпимость». Советская религиозная политика намного просвещеннее даже царской, утверждалось в документе, потому что «нет привилегированной или господствующей церкви, как это было в царской России». В документе приводились слова нескольких советских священников, которые заверяли, что чувствуют себя при

сталинском правлении свободнее, чем когда-либо до 1917 г., и которые клялись в безусловной поддержке советского правительства в войне с Германией¹⁰⁵.

Большая часть предоставленной Зинченко информации появилась также 22 августа в «Совет Уор Ньюс», еженедельнике, который советское посольство в Лондоне начало выпускать вскоре после немецкого нападения на СССР и спрос на который оказался довольно большим, к концу 1944 г. его тираж достиг 68 тыс. экземпляров¹⁰⁶. Английские власти даже разрешили распространять его в своих вооруженных силах. В этих последних советских материалах говорилось, что они содержат данные о количестве активных верующих в СССР, открытых церквей, мечетей и синагог, а также числе священников различных вероисповеданий. Согласно статье «Совет Уор Ньюс», на всей территории Советского Союза было 8338 церквей. По конфессиям они распределялись следующим образом: 4225 православных церквей и 37 монастырей, 1312 исламских мечетей, 1744 католических церквей и 1011 еврейских синагог; все они представлялись якобы действующими на территории СССР храмами. Что касается числа духовенства, то приводилась официальная советская цифра 58442 священника, хотя обращало на себя внимание, что их не называли действующими священнослужителями. Указывалось также, что в СССР «28 митрополитов и епископов», правда, в сентябре 1943 г. Советы по необъясненным причинам не смогли найти и собрать их всех на Собор¹⁰⁷.

Сами по себе эти цифры, даже если они дутые, очень убедительно свидетельствуют об ударе, нанесенном кремлевской антирелигиозной политикой. В начале столетия было 37000 православных церквей, 720 соборов и еще 2000 храмов в помещении частных или государственных владений. Помимо этого имелось 440 и 250 женских монастырей¹⁰⁸. Присоединение Москвой в 1939–1940 гг. прибалтийских государств, Восточной Польши и румынских провинций Бессарабии и Буковины, естественно, увеличило число церквей, действующих на территории Советского Союза. Один историк подсчитал, что на бывших румынских землях, когда туда вошла Красная Армия, было около 6 млн православных верующих и 3500–4000 действующих церквей¹⁰⁹. В Восточной Польше было еще 5508300 православных¹¹⁰.

Для тех, кому что-нибудь известно о Русской православной церкви, эти новые советские цифры были грустными свидетельствами потерь, происшедших за советские годы. Но, конечно, мало кто за пределами Советского Союза знал, насколько большой была церковь этой страны до коммунистов, хотя достаточно было на мгновение за-

думаться над незначительной цифрой — 8338 церквей в империи, раскинувшейся на одной шестой поверхности земного шара, — чтобы читатель застыл в изумлении. Однако когда английские пропагандисты использовали эти советские цифры, они не включали в материал дореволюционную статистику.

Между собой сотрудники отдела религии министерства информации прекрасно знали, что если цифры Зинченко были точными, а проверить их на независимой основе в военное время не представлялось возможным, то они все равно были увеличены за счет захваченных Советами западных пограничных территорий, где Кремль еще не имел времени до прихода немцев в полной мере сократить религиозную активность¹¹¹. Тем не менее Элизабет Хилл горячо поблагодарила Зинченко за его материалы, сказав, что «они попали куда надо». Так оно и было. Далее она сказала: «Вы будете рады узнать, что три статьи, которые вы прислали, были разосланы в 1500 газет и другие периодические издания в Англии и за ее пределами, так что мы надеемся, что они получат самое большое паблисити». В завершение она написала, что «с удовольствием ожидает увеличения сотрудничества» с советским посольством в будущем¹¹².

Пропагандистские материалы Зинченко получили намного больше респектабельности и распространение, будучи разосланными английским министерством информации, чем если бы они, как всегда, исходили непосредственно из советских источников. «Информация» Зинченко, особенно статистика о церквях и верующих, появилась во многих уважаемых газетах и журналах, а также в тех сегментах прессы, которые демонстрировали неизменную симпатию СССР; в большинстве случаев читатель не подозревал, что изначальный источник был советским. Министерство распространяло эти материалы, зная, что они, в лучшем случае, неполные, искажающие подлинную картину и, весьма вероятно, полностью сфабрикованы. В письме, написанном спустя пять месяцев после публикации информации Зинченко, преподобный Уильямс из отдела религии предупредил баптистского корреспондента не пользоваться информацией о религии в России, полученной прямо из советского посольства. Цитировать статистическую информацию следовало с большой осмотрительностью:

«Материал был опубликован советским агентством печати в то время, когда Советы старались доказать существование религиозной свободы. Не думаю, что есть причины сомневаться в истинности этих данных в том виде, как они преподнесены. Проблемы возникают в сфере, которую они не затрагивают, а именно, число церквей, которые были закрыты, отказ в разрешении учить молодежь, отказ в возможности читать проповеди и т. п.»¹¹³.

Чего преподобный Уильямс не сказал, так это то, что его министерство летом 1941 г. передало эти самые сомнительные советские материалы английской и международной прессе без каких бы то ни было комментариев.

Хотя советские пропагандисты могли размещать такого рода важную информацию — или дезинформацию — в западных средствах массовой информации, после двух месяцев войны советская зарубежная пропаганда стала легко опознаваться. Особенно трудным оказалось проникнуть со своей пропагандой в Соединенные Штаты, в Англии это было легче. Четвертого сентября М. Бурский из Информбюро написал Щербакову, что считает «своим партийным долгом» обратить внимание на недостатки в работе Бюро. Бурский просмотрел 3 тыс. номеров 230 ведущих американских журналов и почти не встретил в них ни одной статьи о советской жизни или культуре. В то же время в американской прессе печаталось много материалов о Германии, немцы также нанимали множество лекторов, использовали германо-американцев для пропаганды своих целей и задач. Это создавало «нетерпимую» ситуацию, писал Бурский, потому что Советы еще не начинали лекционную программу, которая могла бы конкурировать с немцами, и в Соединенные Штаты не было послано ни одного советского артиста или ученого. «В области печатной пропаганды, — продолжал он, — наши дела несколько лучше», так как Информбюро ежедневно посылало в Соединенные Штаты короткую телеграмму, написанную широко известным советским писателем Ильей Эренбургом, еженедельно туда отправляли заметку советского юмориста Петрова и раз в две недели — статью Алексея Толстого. Но даже здесь Москва не следила за использованием этих материалов.

Бурский предложил, чтобы Информбюро предприняло «систематическую» кампанию по оказанию влияния на зарубежную прессу. Советское правительство должно послать в западные демократии «несколько сотен» своих лучших ученых, инженеров, литературных деятелей и артистов. «Ежемесячно из Москвы следует направлять сотни, если не тысячи, статей, заметок, памфлетов и фельетонов». Эти материалы должны предназначаться для проникновения во все регионы Соединенных Штатов и доводиться до всех сегментов руководства. Нужно нанять переводчиков, чтобы такие материалы можно было с уверенностью публиковать не только в Соединенных Штатах, но и в Латинской Америке, Австралии и Канаде. Наконец, Бурский написал, что Информбюро должно посылать советских литературных деятелей в туры по Соединенным Штатам, это должны были быть «самые энергичные и уверенные в себе люди», говорящие по-английски, способные вести беседу с аудиторией и готовить соб-

ственный материал, не ожидая подсказки из Москвы. Они должны работать так, чтобы «устанавливать тесные связи с влиятельными научными и литературно-художественными обществами и ассоциациями», которые могут проявить симпатии Советскому Союзу¹¹⁴.

Идеи Бурского кажутся полными здравого смысла, даже дальновидными, и многие из них вскоре будут осуществляться. И все же сам Бурский от этого ничего не выиграл: всего через 18 дней после написания своего письма Щербакову он подал заявление об уходе из Информбюро, не пройдя проверки службой безопасности. Он написал Щербакову, требуя «реабилитации», и далее: «Во время войны, к несчастью, необходимо тратить время и энергию не на работу, а на борьбу с клеветой»¹¹⁵. В советских документах нет указаний на причины увольнения Бурского или клевету, на которую он жаловался, ничего не говорится там и о его судьбе. Но, настойчиво предлагая посылать в Америку с выступлениями людей, которые были бы независимы и умели бы готовить собственные пропагандистские материалы, он пытался зайти дальше того, что могла позволить во время войны одержимая «контролем» Москва, невзирая на обращения таких видных дипломатов, как Литвинов и Майский¹¹⁶.

Хотя о Бурском уже позабыли, но его предложения будут поддержаны более высоким руководством. Второго октября в помещении Информбюро состоялось важнейшее совещание, посвященное пересмотру советской международной пропаганды. Протокол совещания, являвшегося ключевым для определения советской пропаганды на Запад на начальных стадиях войны, дает замечательную картину советских представлений об их западных партнерах¹¹⁷. Совещание проводил Лозовский, присутствовали сотрудники Информбюро, а также руководство Телеграфного Агентства Советского Союза, Радиокомитета, руководители Коминтерна, работники, отвечавшие за зарубежный радиоперехват, а также «наши писатели, работающие на зарубежную прессу», среди них Илья Эренбург. Присутствовал и Константин Уманский, недавно вернувшийся в Москву после окончания командировки в качестве посла в Вашингтоне. Он выступил перед участниками совещания с основанным на личных впечатлениях рассказом о Соединенных Штатах.

Начиная выступление, Уманский обратил внимание собравшихся в зале советских пропагандистов, дипломатов и сотрудников разного ранга на то, что западное общественное мнение нельзя понимать как однородную массу. «Существует ряд различий между американской и английской ситуациями, — сказал он. — В Англии работать намного легче. Все, что посылается в Англию, печатается английской прессой». В Англии лидеры мнений и общественность

обычно более положительно относятся к СССР, чем лидеры мнений и общественность по ту сторону Атлантики. Он утверждал: «Среди правящих кругов в Америке глубокий раскол, который нетрудно проследить по позиции радио и кинопроизводства, между людьми Рузвельта, с одной стороны, которые, следуя его линии, считают ситуацию в Англии очень опасной для них». Эта группа поддерживалась «парламентским большинством». На другой стороне раскола «изоляционистский лагерь, который глубоко враждебен нам». Среди недружественных печатных органов Уманский назвал «изоляционистскую прессу Среднего Запада», но специально выделил «Нью-Йорк Дейли Ньюс» и «Чикаго Трибьюн», которые, как он выразился, «враждебны до хулиганства».

Уманский заметил, что поместить советские материалы в нью-йоркские издания было не очень трудно, и ситуация в этом городе более походила на условия английские, если сравнивать с преобладающими по всем Соединенным Штатам. «Чем дальше отъезжаешь от Нью-Йорка, тем хуже становится ситуация». Инспирированные советской стороной статьи в левой прессе Восточного побережья (в таких изданиях, как «ПМ», «Нью-Йорк Пост» и «Нью Рипаблик») «до массового читателя не доходят». Уманский хорошо понимал одну из главных дилемм советской зарубежной пропаганды: информация и статьи, присылаемые непосредственно из СССР, не пользуются у западного читателя большим доверием. Поэтому Советам нужно маскировать источник своей пропаганды, либо пропуская их через издания, скрытно финансируемые Москвой, или, что более целесообразно, уговаривать западных авторов использовать советскую аргументацию под своим собственным именем. «Самый эффективный метод воздействия на американское общественное мнение — это статьи американцев, американских корреспондентов, исходящие от людей с большими именами. Мы недостаточно эффективно пользуемся ими. Это исключительно важно». Позже он заметил, что в то время как в Берлине аккредитовано 240 иностранных корреспондентов, только 28 работают в Москве. В качестве примера неумелого использования американских корреспондентов он привел недавнюю поездку по СССР Ральфа Ингерсолла, левого редактора нью-йоркской газеты «ПМ». Американскому гостю не предоставили возможности встретиться с советскими лидерами и не дали провести достаточно времени в Москве. «Мне кажется, — сказал Уманский, — что мы используем этих иностранных корреспондентов далеко не так успешно» и предложил некоторые меры по исправлению положения: «Эффективные направления — использовать иностранных корреспондентов, иностранцев вообще,

культивировать их, работать с ними, перевоспитывать их, даже если они настроены к нам враждебно. Разведка у них есть, и она работает* Пусть они могут быть пьяницами, все равно нам нужно использовать их».

Уманский согласился, что шаги в нужном направлении предпринимаются, «поворотным пунктом» в этом отношении был недавно введенный Лозовским институт пресс-конференций для иностранных корреспондентов. Советам многому можно было поучиться у Рузвельта, чьи собственные встречи с журналистами проводились мастерски. Как показал американский президент, юмор был превосходным инструментом, и шутки Лозовского во время его пресс-конференций хорошо воспринимались американцами. Американские газеты широко цитировали их¹¹⁸. Очень важно было посвящать пресс-конференции каким-то специфическим вопросам, например «о церквях». Уманский задал вопрос: «Почему бы вам, товарищ Лозовский, не провести пресс-конференцию по вопросу о религии?». Через два дня, конечно, Лозовский именно так и сделал, проведя пресс-конференцию, которая очень порадовала американцев и на которой он, как мог, разрекламировал советские религиозные свободы.

Как и Майский, подчеркивавший важность советской культурной пропаганды для английской аудитории, Уманский сказал, что в Соединенные Штаты следует направлять больше такого рода материалов, хотя и отозвался презрительно о способностях американцев понять богатство сталинистской культуры: «С точки зрения наших культурных стандартов, — съязвил он, — к ним подходить трудно. Общий культурный уровень в Америке невысок». Соединенные Штаты могут быть богатыми, но остаются царством духовного варварства: «С точки зрения материальной культуры, так называемого жизненного стандарта, ему не о чем было говорить», настолько велик был контраст с трудностями военного времени в России. Несмотря на свое материальное богатство, люди в Соединенных Штатах даже не знают творчества никого, кроме горстки советских музыкантов. Из наших композиторов они знают Шостаковича, Шостаковича и опять Шостаковича, еще Прокофьева, Хачатуряна». Ближе к концу совещания он вернулся к этой теме: «Наши читатели очень уважают писателей, но в Америке их так высоко не ставят», эти слова вызвали

* К сожалению, из-за неточного выражения трудно догадаться, говорил ли Уманский о советской или западных разведках. Представляется, что, сказав «у них», он имел в виду советские органы. Поэтому Советы могли опираться на тайных агентов, чтобы обрабатывать американских и английских журналистов.

следующий интересный обмен репликами. Лозовский: «Если бы это была кинозвезда или...» Голос из зала: «Или звезда-боксер». Такие реплики говорят о том, что у советского руководства было несколько надуманное представление об увлечении их собственных граждан высокой культурой. Можно с трудом представить себе, как обычная русская колхозница, целый день проводящая за рулем трактора на бескрайних просторах русских степей, вечером сидит за Достоевским, а в комнате из радиоприемника струится упоительная мелодия Чайковского.

Более серьезным тоном Уманский сказал, что советская пропаганда неэффективно использует американские средства массовой информации. Например, ВОКС ведет регулярные радиопередачи на Соединенные Штаты, но их принимает лишь горстка слушателей, так как у большинства американцев нет коротковолновых радиоприемников: «Вас слушают очень богатые люди, — обратился он к представителю ВОКС, — люди, живущие в роскошных виллах, но народ Америки вас не слышит». Для того чтобы установить контакт с этими не затронутыми советской пропагандой массами, нужно проникнуть в главные американские радиосети, используя американских корреспондентов, и в особенно Голливуд, жемчужину в культурной короне Америки. Уманский предложил привлечь знаменитого советского режиссера Сергея Эйзенштейна и попросить его переговорить «с его друзьями в Голливуде». «Мы можем устроить разговор с Чарльзом Чаплиным, рубеном Мамуляном, Уильямами, которые хорошо относятся к нам»¹¹⁹. Спенсер Уильямс, который был корреспондентом в Москве в 1930-е гг. и симпатизировал СССР, скоро превзойдет все советские надежды, написав сценарий для кинофильма «Миссия в Москву», безумно апологетический рассказ посла Джозефа Дэвиса о проведенных им в Советском Союзе годах сталинских судилищ¹²⁰. Сделал он это потому, что его попросили Советы, или потому, что искренне верил, или потому, что американское правительство оказывало проекту сильную поддержку, сказать трудно.

Что же до собственной советской кинопродукции, то ситуация была «очень плохой, но это по большей части техническая проблема». И снова обстоятельства в Англии были несколько лучше, чем в Америке, и он обратил внимание собравшихся на то, что недавно распространенный в Соединенных Штатах хроникальный фильм сопровождался голосом «с четким еврейским акцентом. Нам нужно брать американцев с чистым американским акцентом».

Матиас Ракоши, ведущий член Коминтерна, ставший после войны одним из основателей венгерского коммунистического правительства, поднял вопрос об американцах с восточно-европейскими корнями и

спросил, не могут ли «американские товарищи» помочь мобилизации их для поддержки Советского Союза в его войне с фашистами. Москва должна использовать полмиллиона американских венгров, а также многих американских немцев, которые не поддерживают Гитлера. Уманский согласился, сказав: «Мы работали преимущественно среди славян... Теперь в этой области будет Американский славянский конгресс». Коммунисты в Соединенных Штатах также работали над привлечением американских евреев, симпатизирующих борьбе Советского Союза с фашистами: «Встреча евреев получила самый большой отклик. Вся пресса опубликовала их телеграммы, даже пресса, враждебная нам». Скоро будет создан Американский еврейский конгресс, подобный славянской организации, и пока самой успешной группой по сбору средств для медицинской помощи Красной Армии были американские чехи. Удалось привлечь, посетовал Уманский, не все американские группы: «У поляков одни бесконечные пререкания, интриги. С французами все просто отвратительно, вечные перегруппировки, нет лидера». Что касается работы среди американских женщин, «создаются организации из церковных групп, женских клубов, создается и будет действовать Комитет американских женщин».

Илья Эренбург спросил, не распространялись ли просоветские материалы американскими евангелистами или баптистами, симпатизирующими СССР. Уманский ответил, что не знает ни одного такого случая, но, возможно, это было за две недели до его возвращения в Москву. Единственной религиозной фигурой, действующей в Соединенных Штатах и прочно контролируемой Советами, был митрополит Вениамин, сомнительный экзарх Московской патриархии в Северной Америке. «Мы использовали митрополита Вениамина, — сказал Уманский, — у него нет никакого авторитета». Вениамин подал несколько исков к православным церквям в Соединенных Штатах, настаивая на том, что у Московской патриархии есть справедливые претензии к собственности американских православных священников. Общины почти единогласно выступили против руководства Вениамина и остались враждебно настроенными к СССР, по словам Уманского, под влиянием «белогвардейских организаций».

Однако религиозное общественное мнение очень важно. Уманский сказал, что если американских изоляционистов нужно разгромить или, по крайней мере, изолировать, то с религиозными подозрениями нужно бороться: «Первое, церковные власти, второе, католики, в одной корзине. Папа хотел выступить против любой страны, которая вступит с нами в альянс. Но Рузвельт пригласил к себе католиков и заявил им, что их средства будут секвестрованы. Как видите, у нас есть возможности воздействия». Откуда Уманский

получил такую странную информацию, даже трудно догадаться. Если Рузвельт и в самом деле настолько сильно нажал на католических иерархов, то, во всяком случае, этому нет никаких документальных подтверждений, и маловероятно, чтобы такую грубую тактику можно было длительное время скрывать. К тому же не ясно, какие такие церковные средства исполнительная власть могла захватить, если учесть, что в Америке церковь отделена от государства¹²¹. Либо эта история — плод воображения Уманского, либо, что в равной степени допустимое объяснение, пример рузвельтовских преувеличений. Несмотря на любые объяснения, большинство католических епископов оставались неумолимо настроенными против советского коммунизма, поэтому церковь представлялась Советам особенно важным объектом, особенно в связи с тем, что очень многие американцы восточно-европейского происхождения принадлежали к Римско-католической церкви. Уманский сказал, что советские дипломаты, попутчики и агенты должны работать с членами католического духовенства, такими как епископ Чикагский, «с которым мы можем вести антифашистские разговоры. Он поддерживает эту линию, и очень важно популяризовать это».

Это совещание в Информбюро дает не только уникальное представление о том, как советская пропагандистская и внешнеполитическая элита планировала влиять на западное общественное мнение, но еще и о том, как эта элита понимала его принципиальные характеристики, надеясь воспользоваться огромной политической и социальной открытостью демократий. Дискуссия на совещании также показывает определенную самоуверенность советского аппарата и в отношении его способности эксплуатировать эту открытость, и по поводу доступных им на Западе средств. Советские пропагандисты имели возможность опираться не только на таланты работающих за границей советских дипломатов, но и на членов братских коммунистических партий, симпатизирующих Советскому Союзу социалистов, женские группы, рабочих, восточноевропейских эмигрантов и даже на агентов разведки. Хотя число открытых коммунистов в Америке и Англии, возможно, и было невелико, но они могли играть роль дрожжей для активизации более значительных некоммунистических сил в поддержку Советского Союза.

Любопытно отметить, что эти советские чиновники подробно обсуждали различные слои западного общественного мнения и трещины в американском обществе и не затронули только одну область, расовую. Было ли это по недосмотру или по какой-то другой причине, сказать трудно. Конечно, американские коммунисты еще в 1930-х гг. широко эксплуатировали расовый вопрос и снова вернутся

к этой практике в годы холодной войны. Теперь же, когда Советы хотели видеть Соединенные Штаты на данное время сильным партнером, у них не было желания ворошить проблемы, которые могли бы ослабить, а не усилить американское военное производство.

Хотя религиозная пропаганда как таковая составляла незначительную часть общего плана, разработанного на этом совещании, религиозные вопросы тем не менее, как свидетельствуют высказывания Уманского, стояли в центре советских пропагандистских усилий. Основанное на религиозных соображениях недоверие к советской системе вплеталось во все американские и английские представления о Советском Союзе. Пытаясь решить эту проблему, советские чиновники применяли явно марксистский классовый метод анализа. Они исходили из того, что западные лидеры находятся на службе враждебных буржуазно-капиталистических классовых интересов, и верили, что рабочие и простые люди активно или подспудно симпатизируют советской власти. Дойти до западного рабочего класса, полагали эти советские чиновники, можно энергичной и эффективной пропагандой. Что касается религиозных вопросов, в своем международном, как и во внутреннем анализе они недооценивали глубину религиозных убеждений, которые в реальности владели «массами». Вместо этого они рассматривали западное религиозное руководство как часть эксплуатирующих классов, даже несмотря на то что известную часть священнослужителей можно было убедить поддерживать Москву в ее войне. Религия, «опиум для народа», способствовала развитию ложного сознания среди западного рабочего класса, и это ложное сознание можно развеять интенсивной пропагандой. Поэтому многое из того, что было запланировано в качестве культурной пропаганды, предназначалось для противопоставления религиозному скептицизму в отношении Советского Союза не с помощью лобовой атаки, а с помощью обращения к альтернативным ценностям: этнической солидарности, общей истории, классовому сознанию, идеологическим симпатиям или признанию советских достижений в области культуры.

Примечания

- ¹ Oliver Harvey to Eden. July 10, 1941; War Cabinet Conclusions 68 (41). July 10, 1941. PRO FO 371/29602. Модератор Шотландской церкви, преподобный Кокберн, также очень хотел предупредить исполнение «Интернационала» по английскому радио и послал телеграмму сотруднику министерства информации Хью Мартину: «Пожалуйста, объясните правительству, что появление в эфире «Интернационала» серьезно ослабит оборону русско-

- го альянса ввиду того, что он подчеркивает коммунистический характер этого союзника». Cockburn to Martin. June 1941. PRO INF 1/790.
- ² Duff Cooper to Eden. July 12, 1941. PRO FO 371/29602.
- ³ Лондонская «Ивнинг Стэндард». «В конце концов, английское правительство пересмотрело свою позицию и разрешило исполнять советский национальный гимн, но только после того, как Москва заменила революционный «Интернационал» его преемником, носившим более русский националистический характер».
- ⁴ Проект резолюции о КП США. 5 мая 1941 г. // Коминтерн и Вторая мировая война. Институт Всеобщей истории С. 528–534.
- ⁵ Шифртелеграмма М. Тореза и А. Марти парижскому руководству ФКП. 26 апреля 1941 г. Там же. С. 526–527.
- ⁶ Подробнее см.: Religious Reaction to the British Cooperation with Russia // Marti to Parker. July 5, 1941. PRO INF 1/790.
- ⁷ Цит. по: Bell. John Bull and the Bear. P. 93.
- ⁸ BBC broadcast text to Poland and Greece. January 1, 1941. PRO INF 1/783. Если придерживаться истины, то Сталин не был членом «Лиги воинствующих безбожников», хотя, конечно, эта организация не могла бы функционировать без его одобрения.
- ⁹ BBC broadcast text. January 10, 1940. Там же.
- ¹⁰ Цит. по: Flint. English Catholics and the Proposed Soviet Alliance. 1939. P. 480. Благодарю профессора Брюса Штайнера за то, что он обратил мое внимание на эту статью.
- ¹¹ Подробнее см. гл. 2.
- ¹² Сведения об истории внутренней английской пропаганды времен войны с подробностями о работе министерства информации см.: McLaine, Ministry of Morale. Особенно см. схему организации на с. 5.
- ¹³ I. Kirkpatrick (BBC) to F. Maclean (Foreign Office). February 13, 1941. PRO FO 371/29463.
- ¹⁴ F. W. Ogilvie to Duff Cooper. June 28, 1941; Cooper to Ogilvie. June 30, 1941; Foreign Office to Cripps (Moscow). June 30, 1941. PRO INF 1/913.
- ¹⁵ Smollett to H. Grisewood (BBC). February 14, 1944. PRO FO 371/43326. Overseas Planning Committee Plan of Propaganda to U. S. S. R. Draft Supplement to Appreciation. February 3, 1944. PRO FO 371/43326.
- ¹⁶ Minister of Information. Memorandum. October 10.
- ¹⁷ D. D. G. to Minister. October 3, 1941. PRO INF 1/147.
- ¹⁸ R. H. Parker to D. D. G. August 21, 1941. PRO INF 1/147.
- ¹⁹ О роли Смоллетта см. гл. 7.
- ²⁰ Religious Reaction to the British Cooperation with Russia // Martin to Clark and Parker. July 5, 1941. PRO INF 1/790.
- ²¹ Churchill. The Second World War. V. 2. P. 371.
- ²² Religious Reaction to the British Cooperation with Russia // Martin to Clark and Parker. July 5, 1941. PRO INF 1/790.

- ²³ Undated telegram from Ministry of Information to Cockburn. Undated. PRO INF 1/790.
- ²⁴ Church of Scotland Moderator on British-Russian Alliance. July 17, 1941. Reprinted in the *Spiritual Issues of the War*. No. 90. July 24, 1941. PRO INF 1/790.
- ²⁵ R. R. Williams to Major Hamilton. June 28. PRO INF 1/790.
- ²⁶ Dr. William Paton. Can the Nazis Defend Christianity? Text suggested for French-language broadcast to Europe. PRO INF 1/790.
- ²⁷ D. Randall (Foreign Office) to Richard Hope (MOI). June 24, 1941. PRO INF 1/790.
- ²⁸ Попытки убедить католиков см.: Moloney. Westminster, Whitehall, and the Vatican. P. 223–226.
- ²⁹ Cardinal Hinsley response to unnamed Catholic member of Parliament. June 28, 1941. PRO INF 1/790.
- ³⁰ Chadwick. Britain and the Vatican during the Second World War. P. 193.
- ³¹ From Hope (Catholic Division) to Leigh Ashton (Foreign Division). June 30, 1941. PRO INF 1/790.
- ³² Gates memorandum. July 3, 1941. PRO INF 1/790.
- ³³ Ryan (BBC) to Director General of Ministry of Information. September 4, 1941. PRO INF 1/676.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Unsigned Ministry of Information memorandum. July 16, 1941. PRO INF 1/790.
- ³⁷ R. R. Williams (Protestant Section) to Hill. July 24, 1941. PRO INF 1/790.
- ³⁸ Ministry of Information draft telegram to Moscow. July 26, 1941. PRO INF 1/790.
- ³⁹ Soviet Statement on religion in Russia. Undated, but received July 28, 1941. PRO INF 1/790.
- ⁴⁰ См. гл. 2.
- ⁴¹ Из телеграммы посла СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР. 22 июня 1941 г. // Советско-американские отношения. Министерство иностранных дел СССР. Т. 1. С. 42–44.
- ⁴² Опрос общественного мнения в США в 1942 г. назвал русских двенадцатыми среди наций, вызывающих самое большое восхищение, после англичан, канадцев, южноамериканцев и, самое удивительное, немцев (занявших седьмое место). Levering. *American Opinion*.
- ⁴³ Данные опросов Гэллопа в английском министерстве информации. 13 июля, 1941. Меморандум. PRO INF 1/790.
- ⁴⁴ Welles to Steinhardt. June 23, 1941. FRUS. 1941. V. 1. P. 767–768.
- ⁴⁵ Цит. по: Hamby. *Man of the People*. P. 270.
- ⁴⁶ The Ambassador in Italy (Phillips) to the Secretary of State. July 24, 1941. FRUS. 1941. V. 1. P. 999.

- ⁴⁷ The Acting Secretary of State to the Ambassador in Italy (Phillips). Там же. P. 999.
- ⁴⁸ Цит. по: Flint. English Catholics and the Proposed Soviet Alliance. 1939. P. 483.
- ⁴⁹ Неподписанная редакционная статья. Commonweal. July 18, 1941.
- ⁵⁰ Helen Iswolski. Russia at War: Russian Needs and the Russian Future // Commonweal. July 25, 1941.
- ⁵¹ И английские, и американские военные эксперты считали, что СССР понесет поражение в течение нескольких недель, в самом крайнем случае, месяцев. Эти данные в суммированном виде см.: Beaumont. Comrades at Arms. P. 26–27.
- ⁵² Последние исследования этого вопроса см.: Warren F. Kimball. The Juggler. P. 22–28. Как писал Кимбал, историки советского времени сильно возражали против таких оценок, но, поскольку они отрицали ставшие теперь хорошо известными масштабы военных чисток, их возражения не заслуживают существенного внимания. Rzheshesky. World War Two. P. 108–118.
- ⁵³ Kimball. The Juggler. P. 22.
- ⁵⁴ Harriman and Abel. Special Envoy to Churchill and Stalin. P. 103.
- ⁵⁵ Robert Grant to Roosevelt. July 1, 1941. OF 220a, Russia 1941. Franklin Roosevelt Papers. Franklin D. Roosevelt Library. Hyde Park. New York.
- ⁵⁶ Roosevelt to Grant. July 1, 1941. Там же.
- ⁵⁷ Memorandum by the Assistant Chief of the Division of European Affairs (Henderson) to the Assistant Secretary of State (Berle). FRUS. 1941. V 1. P. 1003–1004.
- ⁵⁸ Letter from President Roosevelt to His Holiness. September 3, 1941. См.: Myron Taylor. Wartime Correspondence between President Roosevelt and Pope Pius XII. P. 61–62.
- ⁵⁹ В оригинале цитаты там же. Reply of His Holiness to President Roosevelt. September 20, 1941. В сопроводительном письме Майрон Тейлор написал Рузвельту, что на встрече папа изложил свою точку зрения и что он, Тейлор, по возвращении в Вашингтон передаст его слова президенту. Повидимому, никаких документов относительно его встречи с президентом не сохранилось ни в архивах Государственного департамента, ни в рузвельтовских документах в Гайд-Парке, Нью-Йорк. Конечно, президент не отличался аккуратностью в хранении документов и временами вел дипломатические переговоры по неофициальным каналам, не ставя об этом в известность государственный департамент.
- ⁶⁰ Джеймс МакГрегор Бернс уверяет, что «Ватикан все-таки среагировал на письмо Рузвельту, пересмотрев свою доктрину в сторону проведения различия между помощью русским и помощью коммунизму. Рузвельт также пробовал уговорить Москву смягчить ее антирелигиозную позу, но добился немногого». Burns. Roosevelt. P. 152. К сожалению, Бернс не привел свидетельства в доказательство того, что папа вообще сколько-нибудь

изменил свою позицию. Что касается утверждения, будто президент пытался заставить Москву изменить свою «позу», то оно представляется сомнительным. Сталин и в самом деле изменил свою «позу» в том, что касается пропаганды, но нет данных о сколько-нибудь серьезных попытках Рузвельта склонить Москву к пересмотру действующей антирелигиозной политики, как противоречащей ее пропагандистскому выражению. В своем исследовании ватикано-советских отношений Деннис Дж. Данн утверждает, что Рим после нападения нацистов на Советский Союз все-таки оставил прежние регулярные проклинания коммунизма и не так часто призывал его к немедленному миру. Если Данн прав, то эти действия в самом деле пребывали под покровом глубокой тайны. Dunn. *The Catholic Church and the Soviet Government*. P. 89.

- ⁶¹ Перковский А. Л. Источники по национальному составу населения Украины в 1939–1944 годах // «Людские потери СССР в период Второй мировой войны». Российская Академия Наук. С. 50.
- ⁶² Stehle. *Eastern Politics of the Vatican*. P. 201.
- ⁶³ Подробнее см. гл. 1.
- ⁶⁴ Stehle. *Eastern Politics of the Vatican*. P. 199.
- ⁶⁵ Memorandum of Conversation, by the Secretary of State. FRUS. 1941. V. 1. P. 832–834.
- ⁶⁶ Телеграмма посла СССР в США Председателю Совета Народных Комиссаров СССР // «Советско-американские отношения. Министерство Иностранных дел СССР. V. 1. P. 107–109.
- ⁶⁷ President's remarks to the press, cited in *The Secretary of State to the Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt)*. FRUS. 1941. V. 1. P. 1000–1001.
- ⁶⁸ Sherwood. *Roosevelt and Hopkins*. P. 384.
- ⁶⁹ Gaddis. *The United States and the Origins of the Cold War*. P. 41.
- ⁷⁰ Подробнее об этом явлении и официальной советской реакции на него см. гл. 4.
- ⁷¹ Dies to Roosevelt. October 10, 1941. *Roosevelt Papers*. OF 220a. Russia. 1941.
- ⁷² Burns. *Roosevelt*. P. 152.
- ⁷³ Mathew Spinka to Roosevelt. October 9, 1941. *Roosevelt Papers*. OF 220a. Russia 1941.
- ⁷⁴ Ruth O'Keefe. *New Letter to Catholics Interested in Social Progress*. October 30, 1941. *Roosevelt Papers*. OF 76b. Catholic 1940–1941.
- ⁷⁵ Ibid.
- ⁷⁶ Harriman and Abel. *Special Envoy*. P. 103.
- ⁷⁷ Times (London). *Religious Freedom in the U.S.S.R.* PRO INF 1/769.
- ⁷⁸ Steinhardt to Secretary of State. October 4, 1941. FRUS. 1941. V. 1. P. 1002–1003.
- ⁷⁹ Ibid.
- ⁸⁰ Harriman and Abel. *Special Envoy*. P. 103.

- ⁸¹ Ibid. P. 104.
- ⁸² Английское правительство особенно беспокоило влияние советской пропаганды на Британскую империю, особенно на Индию. По этому вопросу см.: White. Britain and the Bolshevik Revolution. P. 89–109.
- ⁸³ Цит. по: Baer. A Question of Trust. P. 247.
- ⁸⁴ Лучшей работой о деятельности Коминтерна перед войной является книга Klehr, Haynes and Firsov. The Secret World of American Communism.
- ⁸⁵ В. Кеменов – Г. Маленкову. 26 декабря 1940 г. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 6. С. 1357. Ед. хр. 76.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Лозовский – Щербакову. Три года работы Совинформбюро (24 июня 1941–24 июня 1944 года). Секретно. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1393. Ед. хр. 244.
- ⁸⁸ Conquest. The Great Terror. P. 215.
- ⁸⁹ Громыко и др. Дипломатический словарь. Т. 2. С. 152.
- ⁹⁰ The German Ambassador in the Soviet Union to the German Foreign Office. November 25, 1940 // Sontag and Beddie. Nazi-Soviet Relations. P. 258–259.
- ⁹¹ В очень большой степени такая неспособность дойти до аудитории в СССР может объясняться отдаленностью и способностью диктаторского режима закрыть страну от иностранных влияний. Американцы и еще больше англичане делали некоторые попытки влиять на советское общественное мнение. Посольство США издавало бюллетень, имевший широкое хождение, а англичане публиковали журнал «Британский союзник», пользовавшийся довольно большим влиянием среди образованной публики. В то же время, однако, опасение обидеть советское правительство мешало западным союзникам оказывать слишком сильный нажим на этом фронте. Например, англичане обсуждали открытие коротковолнового радиовещания на русском языке, идею, от которой отказались, как слишком провокационной.
- ⁹² Tocqueville. The Ancien Regime and the French Revolution. P. 41, 42.
- ⁹³ Обращение советского государства к западной интеллигенции. См.: Caute. The Fellow Travelers and Hollander. Political Pilgrims.
- ⁹⁴ Цит. по: Caute. The Fellow Travelers. P. 188.
- ⁹⁵ Н. Пальгунов – Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. А. Пузину. 10 мая 1941 г. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 6. С. 1354.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Maiskii. Before the Storm.
- ⁹⁸ Громыко и др. Дипломатический словарь. Т. 2. С. 172.
- ⁹⁹ Обхаживание началось в 1930-е гг., но не всегда было ясно, кто кого обхаживает. В июне 1935 г., например, Майский написал Бивербруку, упомянув разговор о русской литературе, который состоялся между ними накануне, и прислал ему копию выступления посла на заседании Общества культурных связей с Россией. Секретарь Бивербрука сделал для занятого газетного барона запись беседы следующими словами: «В статье нет ничего глупого».

- боклого или оригинального». Тем не менее Бивербрук написал Майскому: «Позвольте поздравить вас с выступлением. У вас есть, если я могу так выразиться, ясная и интересная точка зрения, и вы излагаете ее с большой силой». Maiskii to Beaverbrook. June 21, 1935. Beaverbrook to Maiskii. June 25, 1935. ВВК. С/238. Lord Beaverbrook Papers. House of Lords.
- ¹⁰⁰ Цит. по: Miner. Soviet Ambassadors from Maiskii to Dobrynin // Craig and Loewenheim. Diplomats. P. 614–615.
- ¹⁰¹ Выдержки из разговора Mr. Eden and Mr. Maiskii. June 26, 1941. PRO INF 1/913.
- ¹⁰² См. выше эту гл.
- ¹⁰³ Zinchenko to Elizabeth Hill (MOI) with enclosure Religious Toleration. July 28, 1941. PRO INF 1/790.
- ¹⁰⁴ Zinchenko to Hill. August 26. PRO INF 1/790.
- ¹⁰⁵ Religious Toleration.
- ¹⁰⁶ Г. Саксин (Лондонское посольство) – Лозовскому. 17 ноября 1944 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1393. Ед. хр. 244.
- ¹⁰⁷ Religious Communities in the Soviet Union, unsigned // Soviet War News. August 22, 1941. Число духовных лиц, присутствовавших на Соборе см. гл. 4.
- ¹⁰⁸ Брокгауз и Эфрон. Россия. С. 168. Мне не удалось найти достоверные цифры действующих церквей в СССР в 1941 г. И все-таки в конце войны против Гитлера, когда сами советские официальные лица говорили о «массовом открытии церквей», в СССР имелось только 10243 православные церкви, из них всего 2297 в РСФСР. Короче говоря, создается впечатление, что приводившиеся в Soviet War News цифры были раздутыми. Карпов – Александрову. 30 августа 1945. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1408. Ед. хр. 131.
- ¹⁰⁹ Davis. A Long Walk to Church. P. 16.
- ¹¹⁰ Перковский А. Л. Источники по национальному составу населения Украины 1939–1944 гг. С. 50.
- ¹¹¹ PRO FO 371/36961.
- ¹¹² Hill to Zinchenko. August 29, 1941. PRO INF 1/790.
- ¹¹³ Williams to Dunning. January 14, 1942. PRO INF 1/790.
- ¹¹⁴ М. Бурский – Щербакову. 4 сентября 1941 г. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 6. С. 1352.
- ¹¹⁵ Бурский – Щербакову. Без даты, возможно, 22 сентября 1941 г. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 6. С. 1352.
- ¹¹⁶ Возможно, Бурский задел своего непосредственного начальника, Лозовского, обратившись прямо к Щербакову.
- ¹¹⁷ Все последующие цитаты, касающиеся этой встречи, приводятся из Стенограммы совещания у тов. Лозовского. 2 октября 1941 г. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 6. С. 1352.
- ¹¹⁸ Получатель документов, Генри Кэммиди из «Ассошиейтед пресс» подтверждает, что юмор Лозовского поначалу производил эффект, но по

прошествии времени переставал заменять конкретную информацию. Он писал, что «за короткий период брифингов Лозовского его остроты быстро стали знаменитыми», но «в конце концов его легкость стала надоедать. Становилось все труднее добиться от него серьезного ответа». Даже советская сторона в итоге поняла, что проводить брифинги для прессы только для того, чтобы сообщать несерьезную информацию, пустая трата времени, и Лозовский отменил свои ежедневные брифинги. Cassidy. *Moscow Dateline*. P. 60.

¹¹⁹ Уманский не назвал никого конкретно, но, очевидно, имел в виду Спенсера Уильямса и Альберта Рис-Вильямса.

¹²⁰ Koppes and Black. *Hollywood Goes to War*. P. 190.

¹²¹ Нужно отметить, что германская разведка также полагала, что Рузвельт оказывает большое финансовое влияние на Ватикан. Меньше чем через месяц после начала нацистско-советской войны, немецкие агенты в Ватикане сообщали, что самые крупные доноры (Святого престола. — С. М. М.) — Нидерланды, Бельгия, Франция, Австрия, Испания — отпали. Вследствие этого с самого начала войны Ватикан регулярно получал значительную сумму от Соединенных Штатов, ее обозначали как деньги, собранные американскими католиками, но на самом деле она поступала из секретного фонда Рузвельта. *Memorandum of Amt Ausland. Abw. III. July 12, 1941 // Friedlander. Pius XII and the Third Reich*. P. 74–75. Фриландер предупреждает, что «этот доклад нужно читать с величайшей осмотрительностью». Это верно, но тем не менее интересно, что и нацисты, и Советы считали, что Рузвельт через какие-то свои секретные фонды оказывает известное влияние на Ватикан и что, как создается впечатление, Советы составили себе такое представление после бесед с Рузвельтом. Stiven Merritt Miner. *Why Vatican Condoned U. S. Aid to Stalin's Army // Los Angeles Times*. November 9, 1997.

1941
 1942
 1943
 1944
 1945
 1946
 1947
 1948
 1949
 1950
 1951
 1952
 1953
 1954
 1955
 1956
 1957
 1958
 1959
 1960
 1961
 1962
 1963
 1964
 1965
 1966
 1967
 1968
 1969
 1970
 1971
 1972
 1973
 1974
 1975
 1976
 1977
 1978
 1979
 1980
 1981
 1982
 1983
 1984
 1985
 1986
 1987
 1988
 1989
 1990
 1991
 1992
 1993
 1994
 1995
 1996
 1997
 1998
 1999
 2000
 2001
 2002
 2003
 2004
 2005
 2006
 2007
 2008
 2009
 2010
 2011
 2012
 2013
 2014
 2015
 2016
 2017
 2018
 2019
 2020
 2021
 2022
 2023
 2024
 2025

Глава седьмая

СОВЕТСКИЙ ГОЛОС УСИЛИВАЕТСЯ

Вся сильная и эффективная пропаганда должна быть кумулятивной по своему характеру. Она должна постоянно наращивать интенсивность, пока в конечном итоге не достигнет тона, мало отличимого от насилия.

Лорд Бивербрук
«Божественный пропагандист»

Мы много страдали от подавления всякой публичной критики русских, и если бы это продолжалось, то наверняка закончилось катастрофой. Потому что это вводило русских в заблуждение... и вело напрямиком к политике примирения.

Кристофер Уорнер.
Бальфуру. 25 января 1944 г.

Пропаганда, и светская, и религиозная, исходящая непосредственно из Москвы и распространяемая во внешнем мире, была неуклюжей, почти всегда устаревшей, и в большинстве случаев ей верили только преданные коммунисты и их попутчики. Советские пропагандисты понимали это и знали, что для охвата более широкой аудитории им следует прибегать к помощи западных информационных органов, однако совершенно необходимо было при этом маскировать московский источник пропаганды. После роспуска Коминтерна, начиная с весны 1943 г. Кремль стремился воссоздать эру «народных фронтов» всех прогрессивных партий, и курс на распространение советского слова приобрел еще большую актуальность. По целому ряду причин, как культурных, так и политических и институционных, в фокусе этого пропагандистского наступления окажется Англия.

Агент в министерстве

По мнению Константина Уманского, высказанному им в октябре 1941 г., для советских пропагандистов, как официальных, так и

неофициальных, в Англии было работать легче, чем в Соединенных Штатах¹. Более рассредоточенное владение и более широкое географическое распределение газетной мощи в Америке, а также огромная разница в региональных условиях и несравненно большая политическая независимость в сочетании с более глубокими американскими культурными предубеждениями против коммунизма гораздо больше ограничивали советским пропагандистам возможность размещать статьи в американской прессе и на радио, чем в английских. В Соединенных Штатах не имелось ничего подобного лондонскому пресс-корпусу. Вашингтон военного времени все еще напоминал переросший себя маленький городок, и господство средств массовой информации, ставшее в наше время отличительной чертой американской столицы, только еще наступит в будущем². Лондон намного больше, чем Вашингтон, был прифронтовым городом, и поэтому международная пресса концентрировалась в нем. К тому же у Би-Би-Си не было американского двойника.

Советские пропагандисты восхищались английским министерством информации, завидовали ему и изучали его работу. Они отмахивались от возражений британских дипломатов, что их пресса свободна от правительственного влияния и контроля. Москва считала, что английские информационные органы просто лучше организованы и более опытны, чем их советские двойники, а потому им лучше удастся прятать правительственную руку. С московской точки зрения, все органы английской прессы являлись «одновременно органами шпионажа». Советская разведка тоже завидовала способности англичан размещать в газетах статьи и ложные слухи, а также определять подачу иностранной информации. «За редким исключением, говорилось в одной секретной советской справке, у английской прессы нет независимости в области внешнеполитических оценок»³.

Сама централизация и иерархическая структуризация организации, которая придавала английскому информационному аппарату такую эффективность, в то же время делала его уязвимым для советского проникновения, а Советы так высоко оценивали английскую пропаганду, что сделали ее главной целью своего проникновения, добившись такого успеха, о котором не снилось им в самых фантастических снах. Главную роль в этой советской операции играл Г. Питер Смоллетт. Его настоящее имя Смолка, и англичане не знали, что он австрийский коммунист, который, по его собственным словам, был «частым гостем в Советском Союзе»⁴. Из прошлого Смоллетта известно, что в начале 1930-х гг. он попался на глаза знаменитому советскому разведчику Теодору Малому, а затем Гарольду «Киму» Филби, пресловутому английскому предателю и советскому шпио-

ну. Эмигрировав в Англию в 1933 г., Смоллетт заработал скромную репутацию как журналист и писатель. Играя на своих верительных грамотах австрийского антифашиста, вскоре после объявления Англией войны Германии Смоллетт поступил на работу в отдел нейтралов Министерства информации. Ему также удалось установить дружеские отношения с Бренданом Брэкетом, хозяином «Файнэншел таймс», связь с которым оказалась бесценной, так как Брэкен был членом парламента от консервативной партии и близким человеком Уинстона Черчилля. Смоллетт использовал эту связь на полную катушку⁵.

Летом 1941 г. Дю Купер ушел с поста министра информации, и на его место был назначен не кто иной, как Брэкен. Это было временем крутых переворотов в организации, вторжение Германии в СССР изменило характер войны, и английская пропаганда должна была произвести реструктуризацию, чтобы приспособиться к новой ситуации. В конце августа, когда в министерстве была создана новая Секция отношений с Советским Союзом (позже реорганизованная в отдел) с задачей заниматься внутренней и внешней пропагандой по вопросам, относящимся к СССР, после некоторых споров и недолгих поисков кандидатов начальником отдела назначили Питера Смоллетта⁶. Несмотря на то что Смоллетт был фигурой неизвестной, его назначение казалось вполне естественным, если учесть его журналистский опыт и его отношения с новым министром. В мгновение ока советская разведка проникла в самое сердце английского пропагандистского аппарата. Если провести религиозную аналогию, то это было все равно как если бы архиепископ Йоркский оказался советским шпионом, будучи другом и близким соратником архиепископа Кентерберийского. Теперь иерархическая структура министерства информации, а также его контакты с прессой, школами и гражданскими организациями могли быть поставлены на службу советской внешней политики и пропаганды.

Вскоре после создания Секции отношений с Советским Союзом Брэкен официально назначил Смоллетта своим личным представителем при советском посольстве в Лондоне, где тот регулярно с глазу на глаз встречался с первым секретарем Г. Зинченко⁷. Такая ситуация была почти невероятным везением для шпиона, он получил возможность консультировать своих руководителей регулярно и без необходимости придумывать какие-то уловки и не рискуя вызвать подозрение. Это также позволяло ему принимать вполне объяснимую позу скептического и даже не очень благосклонного передатчика советской точки зрения. Не прошло и несколько месяцев после начала нацистско-советской войны, как благодаря ненавязчивому на-

жиму Смоллетта Советы получили право вето на всю информацию о СССР, созданную министерством или циркулирующую по официальным каналам в Англии. На совещании в министерстве информации в ноябре 1941 г. было постановлено, что «никакие заявления о России или действия по презентации России в Англии не должны осуществляться министерством без ведома мистера Смоллетта, который определяет их приемлемость для русского посольства. Точно так же мистер Смоллетт не уполномочен санкционировать любые действия без одобрения мистера Паркера касательно их приемлемости с точки зрения внутренней политики в стране»⁸.

Находясь в самом сердце министерства, Смоллетт мог определять пропагандистскую политику или влиять на нее в поразительно обширном круге областей. Он делал вид, будто лишает коммунистов и других крайних политически левых контроля над публичными митингами и пропагандой в поддержку союза с СССР⁹. Под этим предлогом Секция отношений с Советским Союзом взялась организовывать «англо-советские недели» в различных городах по всей Англии якобы для того, чтобы канализировать просоветский энтузиазм в «ответственных» направлениях, но на самом деле чтобы подогреть в народе энтузиазм в отношении доблестного нового советского союзника. Смоллетт работал тихо и настойчиво, стремясь исключить присутствие на таких митингах любого, кто мог бы выступить с критикой Советского Союза или коммунистов. Он прилагал особые усилия для предотвращения выступлений на санкционированных министерством митингах или выставках тех, кого он называл «белогвардейцами», «поскольку это может быть плохо воспринято Советским посольством», хотя допускались исключения «в случаях, когда мы полностью уверены, что указанные индивиды и то, что они скажут, не осложнит наших отношений с советским правительством»¹⁰. Одновременно замораживая критику в адрес Сталина, Смоллетт добивался приглашения на публичные мероприятия выступающих из советского посольства. При этом он ссылался, вполне правдоподобно и совершенно лживо, на то, что советские официальные лица, подчиняясь московской дисциплине, не скажут ничего такого, что могло бы подорвать союз¹¹.

Делая вид, будто он проверяет участников таких встреч с целью исключить коммунистические организации-ширмы, Смоллетт дал разрешение нескольким таким группам работать с министерством на официальной основе. Таким образом, благодаря его поддержке «Общество культурных отношений с СССР» (ОКО) получило разрешение участвовать в мероприятиях министерства, например в англо-советских неделях и публичных выставках, и он же санкционировал

распространение по официальным каналам, даже через собственные региональные информационные центры министерства, издание Общества — «Англо-советский журнал»¹². Позволяя ОКО время от времени выступать снисходительно просоветским, Смоллетт говорил, что Общество не зависит от советского контроля, и даже смело утверждал, что сотрудничество с ОКО, в сущности, удержит общественное мнение от «использования каналов, которые только вводят всех в смущение»¹³.

Какие бы заверения ни давал Смоллетт, из документа советского Центрального Комитета от августа 1942 г. следует, что ОКО тщательно контролировался Москвой и в политическом, и в финансовом отношениях:

«Общества культурных контактов с СССР в Англии, Америке, Швеции и Китае регулярно публикуют журналы из материалов, посылаемых ВОКСом, и на деньги, которые ВОКС в качестве секретного дара передает на эти цели нашим иностранным друзьям. Часто некоторые статьи, которые включаются в эти журналы, имеют тон и характер, не приемлемые для нас. В таких случаях ВОКС делает специальный заказ, ошибки исправляются в следующем номере, и вся линия журнала изучается и контролируется нами»¹⁴.

Невзирая на непоколебимую просталинистскую ориентацию, секретное финансирование и контроль Москвы (о чем Смоллетт, конечно же, знал), ОКО приветствовалось неосведомленными коллегами Смоллетта, считавших ОКО полезным союзником. В октябре 1941 г. анонимный министерский чиновник написал, что «следует предвидеть, что Общество (культурных отношений. — С. М. М.) станет полезным инструментом такого же типа, как Британский Совет»¹⁵.

Смоллетт был влиятельной фигурой за кулисами английской пропаганды, но ни в коем случае не всемогущим в Министерстве информации, еще меньше в правительстве в целом. Ему приходилось иметь дело со многими влиятельными и важными коллегами и руководителями, которые проявляли большой скептицизм или даже неприкрытую враждебность в отношении СССР. Главным среди них был сам премьер-министр Уинстон Черчилль, настороженно следивший за любой санкционированной английской пропагандой, способной обелить реноме Советского Союза. В сентябре 1941 г. в одном из своих многочисленных писем на эту тему он дал указание Брэкену «продумать, какие шаги необходимы для того, чтобы приостановить среди английской общественности настроения боязни коммунизма и сопротивления России»¹⁶. Давление такой инстанции умеряло проявлявшийся временами просоветский пыл, но премьер-министр был слишком занят, чтобы ежедневно отслеживать продукцию Мини-

стерства информации или Би-Би-Си, и старый трюизм, что министр предполагает, а секретари располагают, конечно же, подтверждался работой Секции отношений с Советским Союзом.

Как бы то ни было, но особенно на протяжении лета 1941 г., пока многие щепетильные нюансы еще не были сглажены опытом союзнических отношений и не стало банально привычным смотреть сквозь пальцы на фальсификацию сведений о Советском Союзе, попытки Смоллетта содействовать просоветской пропаганде порой спотыкались о реальность. В июле, например, Отдел школ Би-Би-Си, «не найдя одного из опытных комментаторов для беседы», обратился к министерству информации с просьбой рекомендовать человека, который смог бы подготовить передачу для школьников о географии нового союзника Англии¹⁷ Би-Би-Си связалось со Смоллеттом, и он порекомендовал Эндрю Ротштейна, английского подданного и корреспондента московского ТАСС в Лондоне, сказав, что он мог бы написать то, что нужно.

Как и следовало ожидать, конечный продукт был с изъяном. Он концентрировался на «советских республиках на западных пограничных территориях Советского Союза», как раз на тех областях, которые Москва захватила перед войной. Так, «Карело-Финская Советская Социалистическая Республика» описывалась как «одна из самых молодых, так как стала отдельной федеративной республикой в марте прошлого года». Естественно, ни слова о советском вторжении, в результате которого это произошло. Таким же образом литовцы «только в прошлом году... окончательно решили обходиться без помещиков и присоединились к Советскому Союзу». Ротштейн расписывал мнимое изобилие, производимое колхозами в Белоруссии, создавая совершенно сюрреалистическую картину: «Можете представить себе, как у сельских парней, призванных в германскую армию из деревень, которые становились все беднее, пока создавалась немецкая военная машина, широко раскроются глаза, когда они увидят, как живут белорусские крестьяне». Вот что он написал о Молдавии, население которой насчитывало около 3 млн человек, из которых за короткий период советской оккупации было депортировано 22 648 человек (по меньшей мере, две трети из них были женщины и дети)¹⁸: «Как все жители солнечных стран, молдаване всегда были искусными танцорами и певцами, кажется, что их музыка и ритмы излучают солнечный свет. В прошлом году, когда они перестали работать на иностранных помещиков и стали работать на себя, у них почти удвоились урожаи, так сообщали их руководители»¹⁹.

В июле 1941 г. это было несколько многовато, и текст передачи не приняли. Но случившееся послужило уроком: советский посол

Иван Майский немедленно заявил протест против такой цензуры, и пришлось приносить ему извинения. Авторитет Майского не был еще столь высоким, чтобы ему давалось все, но война продолжалась, и дуэт — Смоллетт, работавший внутри информационной системы и обеспечивавший ее просоветскими материалами, и Майский, стоявший вне этой системы и протестовавший, что союзные отношения могут пострадать, если любые положительные материалы будут блокироваться, — окажется в высшей степени эффективной комбинацией²⁰.

К концу года передачи Би-Би-Си для школьников уже не были такими сдержанными, как в июле. Среди бесед о путешествиях для английских школьников девяти–одинадцати лет звучали такие, например, как «Общая ферма: вся деревня стала одной большой коллективной фермой» или «Кочевники оседают на земле: монгольских кочевников обучают научному ведению сельского хозяйства и рыболовства». В действительности же коллективизация привела к смерти миллионов, и особенно сильно пострадали кочевники. Просматривая список предложенных тем, сэр Орм Сарджент из Министерства иностранных дел со вздохом заметил: «Получается, что, поскольку Британская Радиовещательная корпорация (Би-Би-Си), естественно, должна теперь вести передачи о сегодняшней России и не может, конечно, показывать менее приятную сторону, ее беседы постепенно создают картину советского рая»²¹.

На протяжении войны поле деятельности Смоллетта будет расширяться, и он сможет оказывать влияние, среди всего прочего, на отбор списков книг для чтения, распространявшихся в английских школах для курсов по СССР и коммунизму²². Далее произошёл еще более интересный поворот событий. Когда Лондон решил издавать еженедельник «Британский союзник» для создания имиджа Англии среди советских людей, снова тут как тут объявился Смоллетт, помогающий отбирать и редактировать материалы, пригодные для советского читателя²³. Этого всего почти достаточно, чтобы проникнуться уважением к Смоллетту, старавшемуся изо всех сил не забывать, кто был его настоящим хозяином.

«Ловкость в обеспечении моральной подоплеки для политических нужд государства»

Из-за крайней деликатности вопроса первые два года союза с СССР официальная английская пропаганда отводила религиозной тематике немного места. В целом, Министерство информации стре-

милось акцентировать внимание на позитивных моментах и не останавливаться на расхождениях с тоталитарным союзником Англии, а религия была самым тяжелым камнем преткновения, самым разделяющим и самым эмоциональным вопросом, вследствие чего его часто просто оставляли в стороне. В сентябре 1941 г. в ответ на одно из замечаний премьер-министра о растущих в обществе симпатиях к СССР Брэкен так объяснил позицию министерства: «Мы договорились, что наши пропагандисты не должны колебаться, подчеркивая различия между нашей собственной концепцией и коммунизмом. Но мы просили сконцентрироваться в данный момент на вечных ценностях демократического образа жизни, а не на уничтожающей критике советской идеологии»²⁴.

Министерство информации никогда не принимало твердого решения в вопросе, должно ли оно выступать в Англии, оказывая поддержку союзу с Москвой среди сомневающейся и полной подозрений публики, или действовать в качестве тормоза, не давая разрастись нежелательной популярности коммунизма и Советского Союза²⁵. Предпочтение, отдаваемое одному из этих направлений, зависело от конкретного должностного лица. На деле обозначенный Брэкеном подход означал замалчивание негативного в коммунизме и подаче как можно больше позитивного и неверного, пусть даже противоречащего правде. Отзываясь на письмо премьер-министра, министерские установки гласили, что, «в то время как и Россия, и Англия твердо придерживаются своих очень разных идеалов относительно будущих форм общества и фундаментально расходятся в подходе к религии, задерживаясь на таких расхождениях, пока Гитлер и Германия не разбиты, ничего не выиграешь»²⁶. Когда речь зашла о религии в СССР, организаторам англо-советских недель было сказано, что «совершенно определено тема недель совершенно не та, какую вам хотелось бы развить»²⁷. Сделать вид, будто тема религии не существует, не получится. В середине 1942 г. опрос общественного мнения, проведенный среди тех, кого чиновник Министерства информации замысловато, но не давая никаких уточнений, назвал «наиболее интеллигентными членами всех слоев населения», что в его представлении было очень «репрезентативно», показал, что «из всех, чувствовавших препятствие настоящему взаимопониманию между Англией и Советским Союзом, 72% назвали главной трудностью советское отношение к религии»²⁸. Когда бы вопрос о религии ни поднимался, результат неизменно был для английского правительства тревожным. Сложную динамику развития религиозного вопроса рисует инцидент, произошедший осенью 1941 г. Иван Майский, советский посол в Англии, 23 сентября, когда кампания Советов для получения от западных со-

юзников помощи по ленд-лизу была в полном разгаре, произнес речь в английской Торговой палате в Лондоне, в которой заявил, что положение с религией в Советском Союзе может служить примером. Коммунистическое правительство не только никогда не проводило репрессий против Русской православной церкви, но, напротив, верующие отправляют свои религии при полной поддержке и под защитой коммунистического государства. Речь, несомненно, имела целью успокоить связанные с религией подозрения в отношении Советского правительства, но эффект получился несколько иной. Хотя влиятельная лондонская «Таймс» тепло прокомментировала слова Майского, религиозная, особенно католическая, пресса среагировала резко негативно. Третьего октября «Кэтолик Геральд» в статье «Дерзость себя оправдывает» «отдала дань восхищения бесстыдству высказываний русского посла»²⁹.

Публичный скандал по поводу высказываний Майского втянул в историю и другую важную фигуру, архиепископа Кентерберийского Космо Гордона Ланга, который настолько близко к сердцу воспринял атаки на Майского, что выступил с заявлением, что, если Советский Союз мог бы поучиться у Англии традициям терпимости, то англичане со своей стороны могли бы многому научиться у Москвы в равном распределении богатства и рационального планирования общества и экономики. Это был тот самый архиепископ, который в 1930 г., во время жестокой коллективизации советских ферм и сопровождавшей ее кампании против религии, призвал христианский мир провести День молитвы за кремлевских жертв. И снова союз пустил в ход свое волшебство.

В опровержение высказываний архиепископа «Кэтолик Геральд» писала, что, «когда создавался союз с Россией, мы указывали на возможность возникновения опасности, если допустить перерастание естественного и необходимого военного сотрудничества в моральный и культурный союз между Англией и Советами. Мы признаем, что даже тогда мы не предвидели, как быстро и с какой энергией это опасное развитие произойдет». Прощение или приукрашивание истории советских религиозных репрессий «угрожает превратить в чепуху клятву Черчилля бороться с большевизмом». Хотя газета критиковала архиепископа Ланга «с огромным сожалением», она считала «трагедией, что архиепископ сказал то, что он сказал», так как, в конечном счете, «ничто так не принижает христианство в глазах людей, как эти сальто-мортале, эта быстрота рук при переодевании политических нужд государства». Газета сомневалась, что Англия может многому научиться — в позитивном смысле слова — у советского коммунизма³⁰.

Советы не простили британской прессе ее критики. Федор Гусев, заведующий Вторым Европейским отделом НКВД и будущий посол в Лондоне, жаловался не только на нападки католических газет, но и на ряд статей в английской провинциальной прессе, зло вышучивавших советскую бюрократию. Такие статьи, сказал Гусев, «не приносят пользы общему делу»³¹. В частности, сам Майский конкретно протестовал против того, что считал «антисоветской кампанией в римско-католической прессе», что «вряд ли соответствует духу нынешних отношений» между Англией и СССР. Посол неопределенно намекнул, что, поскольку статьи в католических газетах были напечатаны только спустя две недели после его речи о религии, «это неизбежно свидетельствует, что кампанию, о которой он говорил, нельзя считать спонтанной реакцией со стороны римско-католических газет и что это, скорее, указывает, что кампания была заказана определенными кругами, которые в состоянии давать указания римско-католической прессе в этой стране. Такое обстоятельство делает кампанию еще более нездоровой»³². Несмотря на то, что Майский не назвал источника предполагаемых «указаний», на прямой вопрос министра иностранных дел Энтони Идена он подтвердил, что, по его мнению, английские католики пляшут под дудку Ватикана, который сам может находиться под пятой у Муссолини³³.

Английская реакция на эти советские жалобы иллюстрирует, насколько велика была деликатность религиозного вопроса. Из Москвы английский посол сэра Стаффорд Криппс писал: «Я представляю себе трудности попыток оказать влияние на прессу в вопросах советского обращения с религией, где факты, к сожалению, бесспорны». Он добавил, однако, что понимает Гусева: «Совершенно очевидно, что такие выступления «не приносят пользы общему делу», и задал вопрос, «нельзя ли сказать что-нибудь» не желающим сотрудничать редакторам, чтобы они в будущем были сдержанней в своих комментариях»³⁴. В Форин офисе согласились с Криппсом, назвав статьи «действительно вызывающими сожаления», хотя в них не было неправды и фактически просто повторялась позиция премьер-министра. И все-таки, принося извинения Майскому, один чиновник написал: «Мы можем только прятаться под защитой “свободы печати”, предпринимая шаги, которые представляются возможными»³⁵. (Кавычки в записи беседы бесценны.) Публично выступая с неубедительными декларациями в поддержку свободы печати в Англии, Форин офис приватно «срочно» попросил исполняющего обязанности генерального директора Министерства информации Рэдклиффа, посмотреть, «что можно сделать, чтобы оказать давление на три католические газеты»³⁶.

Здесь Смоллетт придал делу собственную окраску. Ссылаясь на свои «контакты с обеими религиозными организациями и советским послом», он утверждал, что Майский в частном разговоре с ним признался, что «ему дали плохой совет» и он не объяснил, кто ему дал этот совет, когда выступил со своим заявлением о религии. Мистер Майский добавил, что «не приносит пользы и вообще неправильно делать вид, будто советское правительство дружественно настроено к религии, и он со своей стороны удовлетворится тем, что не будет дальше публично поднимать этот вопрос». И тогда Майский предложил любопытный компромисс: «Его превосходительство выразил надежду, что наше министерство со своей стороны окажет на религиозные организации и религиозную прессу влияние с целью убедить их, в принципе поддерживая их позицию, не превращать религиозный вопрос в “предлог” для вмешательства в правительственную политику помощи России». Смоллетт завершил записку словами, что его секция «пытается выработать должную линию, которую можно было бы предложить религиозным организациям для определения их отношения к современному англо-русскому сотрудничеству»³⁷

Из английских документов трудно выяснить, встречались ли в это время сотрудники министерства с редакторами религиозной прессы, как предлагал Смоллетт. Отклик Майского незаметно прошел под рубрикой «Вчерашние новости» и никаких пламенных статей больше в религиозной прессе не появлялось, как ничего не было напечатано и о недоброжелательной кампании, инспирированной Ватиканом³⁸. Тем не менее план Смоллетта по разработке новых направлений для религиозной прессы был хитроумным. Он будет уведомлять редакторов религиозных изданий, что по соображениям национальной безопасности открыто нападать на СССР непродуктивно и нежелательно. Министерству, возможно, не хватало юридических полномочий для цензуры таких материалов, но аргументация, базирующаяся на интересах национальной безопасности, производила большое впечатление на патриотически настроенных редакторов, когда их страна находилась в состоянии войны. Приводившиеся выше соображения Смоллетта предлагали странный компромисс. Майский обещал воздерживаться от лжи, если английская пресса со своей стороны прекратит печатать правду о религии в СССР.

Подобные инциденты, каждый из которых носил несущественный характер и проходил незаметным для публики, повторялись на протяжении войны часто, и можно привести десятки подобных случаев. Каждый из них показывал, насколько нереалистичными были надежды премьер-министра в июне, когда он с уверенностью объявил, что альянс с Москвой не должен привести к приукрашиванию советской

власти. За годы союза случаи, как дебаты, вызванные речью Майского в сентябре 1941 г., производили накопительный эффект, точно такой же как капающая на камень вода точит самый твердый минерал. В процессе подобного столкновения мнений определялись и сужались рамки допустимого публичного дискурса. Настроение или «настрой» военного времени, который пережившие тот период люди вспоминают, считая его совершенно спонтанным, в какой-то степени был делом рук людей, целенаправленно действовавших за кулисами событий. Спонтанная поддержка Советского Союза, конечно, имела место и росла, так как люди искренне симпатизировали героическим страданиям советского народа, в конце концов, люди не овцы, даже если пропагандисты считают их овцами. Но только спонтанностью всего этого не объяснишь. В определенной мере просоветские настроения, охватившие Англию и в меньшей степени Соединенные Штаты, пробуждались и стимулировались этими невидимыми силами. К сожалению, общественное мнение настолько обширное и сложное явление, что историку невозможно препарировать реальность, чтобы определить точные масштабы, в каких она сформировалась под воздействием этих скрытых давлений и неформальной цензуры того рода, что описан здесь.

Конечно, настроения военного времени помогали определять лидеры, и светские, и религиозные. С этой точки зрения важным шагом в эволюции отношения английских религиозных кругов военного времени в сторону более терпимого отношения к СССР стала интронизация Уильяма Темпла как архиепископа Кентерберии в августе 1942 г. Семидесятивосьмилетний архиепископ Ланг, предшественник Темпла, несомненно, устал от нагрузки, возложенной на него высоким занимаемым им постом, и решил уйти на покой. Хотя Ланг несколько смягчил свои довоенные антикоммунистические взгляды, Темпл продвинул свою церковь еще дальше в этом направлении. В конце осени 1941 г., еще не став главой Англиканской церкви и оставаясь архиепископом Йоркским, Темпл энергично выступал в поддержку союза с СССР.

На епархиальной конференции 13 ноября англиканские иерархи обсуждали с моральной точки зрения новый английский альянс с Москвой. Вполне понятно, речь Темпла попала во все английские газеты. Повторяя мысль, высказанную Черчиллем 22 июня, но добавив свой колорит, Темпл заявил, что «дело Советов — это наше дело, а наше дело — это их дело». Предвидев возможные возражения, он сказал, что «Россия последнее время не была агрессивной державой». Что касается советского нападения на Финляндию, «хотя мы не можем этого оправдать, но оно было частью оборонительной страте-

гии». Темпл объявил: «Я, например, с надеждой смотрю на тесное сотрудничество» с Москвой в послевоенном мире по экономическим и политическим вопросам. «Однако этот союз неизбежно сталкивается с проблемами, которые было бы глупо и неправильно игнорировать». Эти проблемы возникали в связи с «атеистической философией» коммунистов, но здесь есть и изменения к лучшему: «Форма коммунизма, которую сначала установил Ленин, была не совместимой с ценностями личности, на которых настаивает христианство». Темпл считал тем не менее, что это положение улучшилось при Сталине: «давление опыта» заставило преемника Ленина модифицировать коммунистическую систему в такой степени, что архиепископ смог позволить себе утверждение, что он «в ней видит мало или ничего не видит такого, что заставило бы христианина пойти на ссору». Советская система, повторил он, «вряд ли открыта для осуждения как нехристианская». Можно, конечно, не согласиться с такими вещами, как запрещение Москвой религиозного образования для молодежи, отметил архиепископ, с этим разумные люди могут и поспорить. Касаясь лучших сторон Сталина и его помощников, Темпл сказал: «Лидеры России — люди дальновидные, искренние и очень способные. Они не ждут, что мы сделаем вид, будто их принципы не то, что они есть на самом деле»³⁹

Английская публика восприняла удивительную речь Темпла как плод его личных раздумий, но это было не так. Через четыре дня после его выступления в записке Смоллетту преподобный Уильямс из отдела религии Министерства информации написал: «Лично я подумал, что это очень полезная речь, и я, конечно, помню источник этого предложения!»⁴⁰. Смоллетт сделал несравненно больше, чем просто предложил архиепископу Темплу тему для выступления. Действуя через члена Всемирного Совета Церквей преподобного Уильяма Пэтона, он, вероятно, оказал серьезное влияние на содержание речи архиепископа, поскольку Пэтон, почерпнув многие идеи у Смоллетта, написал для Темпла заметки по предполагаемому содержанию, которые и легли в основу текста⁴¹.

Можно только удивляться тому, что могло заставить английско-го архиепископа выступить с такими нелепыми высказываниями о коммунистической диктатуре. Ответ на очевидный парадокс лежит отчасти в зарождавшемся духе союзничества и в махинациях Смоллетта, но, главное, его можно поискать в прошлом Темпла и в событиях религиозной жизни Англии в межвоенные годы. Темпл являл собой типичного современного англиканского епископа, более характерного для послевоенной эпохи, чем для предвоенного времени, когда церковь часто называли «молящейся консервативной парти-

ей». Отпрыск английской элиты, получивший образование в Рагби и Оксфорде, Темпл уже в раннем возрасте обладал многими талантами и стал президентом Оксфордского союза. Еще не закончив университета, Темпл отличался сохранившимся у него на всю остальную жизнь интересом к социальным вопросам, особенно к положению бедных слоев населения, например он посещал университетские дома в рабочих кварталах лондонского Ист-Энда.

Любопытно вспомнить, что, хотя позже он станет главным священником страны и популярным писателем, прославившимся своим толкованием современной христианской мысли, поначалу, в 1906 г., епископ Оксфордский отказал ему в рукоположении в священники. Епископ написал, что не может допустить, чтобы англиканским священником стал человек, который ничего не мог сказать убедительнее, чем то, что «склоняется, очень осторожно, к принятию доктрины о непорочном зачатии и с большей убежденностью к принятию телесного воскресения нашего Господа»⁴². Неспособность безусловно поверить в главные догматы христианской веры симптоматичны для его общего интеллектуального настроения: вместе со многими современными теологами он разделял нерасположенность отвергать альтернативные взгляды, даже когда они вступали в противоречия с его собственными. В частном письме от 1944 г. Темпл признавался в этом, говоря о своей «привычной тенденции обнаруживать, что все совершенно правы»⁴³. Многие видели в готовности Темпла как духовной особы идти на компромисс свидетельство свежего мышления, другие интерпретировали ее как признак интеллектуальной непоследовательности.

Если Темпл не мог заставить себя отвергнуть соперничающие религиозные взгляды, больший пыл он проявлял в осуждении того, что в его представлении составляло разрушительные черты капитализма. В сущности, можно было бы, не ошибаясь слишком сильно, сказать, что социализм предоставлял ему что-то вроде тех моральных определенностей, которых не хватало в мировоззрении архиепископа. Вступив в 1918 г., как и многие представители его поколения, в лейбористскую партию, Темпл пришел к возложению на капитализм ответственности за Первую мировую войну, утвердившись в этой мысли после начала Великого кризиса. Для большого числа англиканского духовенства, как и для многих интеллектуалов 1930-х гг., стал большим ударом систематический, по их мнению, провал капитализма, и они считали предотвращение еще одного кризиса с его длинными очередями безработных и поломанными жизнями моральным, религиозным, а также политическим императивом. Темпл был уже предрасположен к восприятию таких воззрений и, таким обра-

зом, стал путеводной звездой для тех в его церкви, кто думал о новом социальном евангелии. В книге «Надежды на новый мир», опубликованной им в 1942 г., Темпл обрисовал свои взгляды на экономические и политические проблемы современности. Он говорил, что коренные экономические беды Англии заключались в отступлениях от «Бога и его законов». Темпл сообщил своим читателям, что Бог желал, чтобы человечество посвятило промышленность «удовлетворению потребностей человека», в то время как «в нашем мире товары производятся не для удовлетворения потребителя, а для обогащения производителя». «Мы должны признать, что демократия, какой мы ее знаем, отличается рядом характеристик, за которые тоталитарные государства осуждают ее», и главный ее недостаток — индивидуальная свобода преследовать узко личный собственный материальный интерес за счет коллективного блага. «Отсюда легко вывести, — признал он, — что некая форма коммунизма или государственного социализма представляет собой идеальную систему», впрочем, он довольно смутно пояснял, что коммунизм может недооценивать «деятельность человека как производителя, а не только потребителя». Архиепископ предлагал надежное и верное средство: «Государство, как представитель всего общества, а потому потребителя, должно предпринять планирование нашей жизни». Только государственное планирование может привести к «наиболее полному достижению комбинации порядка или планирования со свободой или личной инициативой». Социализм при таком толковании — это христианство, переведенное в политическую плоскость⁴⁴.

О Советском Союзе Темпл не писал, в сущности, он очень мало знал о нем. В этом-то и состояла часть проблемы. Подобно многим образованным лево-ориентированным некоммунистам-интеллектуалам 1930-х — начала 1940-х гг. на Западе.

Он соединял в себе почти совершенное незнание советской действительности с почти детским энтузиазмом по поводу советского экономического «планирования». «Чудеса государственного контроля над промышленностью манили издали и, казалось, обещали решение для очевидных болезней Запада. Этот энтузиазм подпитывался потоком книг, претендующих называться «научными» исследованиями советской политической и экономической системы, книг таких авторов, как Сидни и Беатриса Уэбб, Морис Добб и собственно англиканского Хьюлетта Джонсона⁴⁵. Эти работы создавали картину сталинистского СССР как коллективистского Диснейленда, каждому полагалось что-то и достаточно для всех. Темные стороны сталинистского экономического планирования, массовые депортации, рабский труд и даже колоссальные прорехи в великих сталинистских проек-

тах — многое в то время было известно тем, кто умел беспристрастно рассматривать факты⁴⁶.

Архиепископ имел смутное представление о том, что действительность для христиан в СССР была суровой, чем подавали апологетические авторы, он знал, конечно, больше, нежели был готов сказать публично. Почти после полутора лет, прошедших после его заявления всему миру, что он не видит существенного конфликта между христианством и сталинистским коммунизмом, Темпл, теперь архиепископ Кентерберийский, заговорил несколько по-другому, когда написал личное письмо министру информации. Преподобный Хью Мартин обращался к Темплу с просьбой согласиться подписать декларацию, осуждающую фашизм и написанную совместно с Русской православной церковью. «Не думаю, — писал архиепископ, — что здесь могут возникнуть какие-то трудности, кроме трудности провести различие между фашизмом и коммунизмом»⁴⁷. Проявленная Темплом интеллектуальная нечестность в отношении природы коммунизма и страданий его советских братьев во Христе мешает чувствовать к нему симпатию, которую он, если бы не это, заслужил своим трудом, решая горы сложных моральных проблем военного времени.

Невзирая на сдержанное отношение к коммунизму, которое он не позволял себе выражать публично, Темпл сыграл значительную роль в смягчении имиджа СССР как гонителя религии. Самый заметный случай для этого имел место как следствие посещения митрополитом Николаем в сентябре 1942 г. английского посольства в Куйбышеве⁴⁸. Напомним, что во время этого визита Николай предложил обмен между иерархами Русской православной и Англиканской церквей. Он также высказал мысль, чтобы архиепископ Кентерберийский написал вступление к переводу «Правды о религии в России». Эти идеи явно поддерживались советским правительством, иначе Николай никогда не передал бы их, но сначала английский Форин офис к идее обмена церковными визитами отнесся прохладно. Заместитель министра иностранных дел Александр Кадоган среагировал довольно типично: «Я очень осторожно подхожу ко всему этому, — написал он. — Беседы у смертного одра не совсем убедительны»⁴⁹.

Несмотря на то, что первоначальная оценка предложения Николая была негативной, англичане в конце концов согласились произвести обмен, хотя при этом настаивали, чтобы первый визит нанесла англиканская делегация. Решение принял министр иностранных дел Энтони Иден, который все еще тешил себя надеждами воспользоваться растущим престижем Советского Союза, выступая в английском правительстве в роли здравомыслящего и трезвого сторонника помощи России. Свои суждения об этом Иден изложил лорду Галифаксу,

английскому послу в Вашингтоне. По его словам, «он был склонен не отказываться от предложений митрополита». Иден признался: «Мы понимаем, что... возможная цель обмена — припудрить мозги церковникам в Англии и Соединенных Штатах Америки. Но сам факт, что советское правительство считает желательным успокоить церкви, является шагом навстречу, и мы полагаем, что такой шаг не следует отвергать при условии разъяснения церковным лидерам, что этот жест политический и не обязательно говорит о каких-то изменениях в политике советского правительства в отношении религии»⁵⁰.

Министерство информации согласилось с Иденом, что обмен должен произойти, хотя преподобный Г. М. Уэддамс из секции религии предупредил, что «необходимо предпринять все, чтобы минимизировать впечатление от этого пропагандистского мероприятия». Уэддамс не хотел, чтобы англиканские священники таскали каштаны из огня для советской пропаганды: «По меньшей мере, советское правительство раструбит об этом визите на весь мир в доказательство, что религия в Советском Союзе находится в прекрасном положении и что между Русской и Англиканской церквями существуют нормальные отношения»⁵¹. Как покажет время, Уэддамсу следовало беспокоиться не столько о советской, сколько об английской пропаганде. Несмотря на эти соображения, на совещании в Министерстве информации, где присутствовал Смоллетт, приняли решение, что визит состоится. Поскольку преподобный Хью Мартин был лично знаком с архиепископом Кентерберийским, он согласился попытаться уговорить Темпла одобрить эту идею⁵². Примечательно, что, хотя все правительственные чиновники, имевшие отношение к обмену церковными визитами, неоднократно заявляли о необходимости сделать все, чтобы избежать впечатления, будто Англиканскую церковь эксплуатируют в «пропагандистском мероприятии», ни Форин офис, ни Министерство информации не позаботились проконсультироваться с Англиканской церковью, прежде чем принять решение организовать обмен.

Мартин встретился с архиепископом Темплом 26 ноября для обсуждения двух предложений: чтобы Темпл написал вступление к «Правде о религии в России» и чтобы состоялся обмен между Англиканской и Русской православной церквями. После встречи Мартин записал, что Темпл «проявил большой интерес» к перспективе обмена визитами. «Хорошо понимая связанные с этим опасности и трудности», архиепископ думал, что такой визит, если провести его аккуратно, будет полезной вещью. Темпл попросил дать ему немного времени на обдумывание этого дела. Потом Мартин сказал сотрудникам Форин офиса: «Я уверен, нам нужно подождать его ответа, прежде чем предпринимать какие-то шаги по организации обмена»⁵³.

Относительно вступительного слова, которое Советы просили написать архиепископа, Мартин не записал точных слов Темпла, а изложил в общем виде то, что они, очевидно, вдвоем между собой решили. Однако здесь запись кажется несколько обманчивой. По этой записи получается, что сначала Темпл среагировал довольно сдержанно, по-видимому, архиепископ сказал что-то вроде того, что «он не только не может написать предисловия, удовлетворяющее советские власти, но что публикация этой книги в Англии вообще нанесет ущерб англо-советским отношениям». Он не ставил под сомнение искренность поддержки, которую лидеры Русской церкви оказывали войне с нацистами, но «создается впечатление, что книга представляет дело так, будто православная церковь не страдает от репрессивных мер в России, и что если бы такая книга была переведена на английский, то «неизбежно вызвала бы ненужные споры». «Английские христиане, как правило, «дружественно расположены» к Советам, но «если они считают, что в настоящий момент не к месту вспоминать публично о прошлых и настоящих делах советского правительства в отношении религии, то не потому, что забыли о них или им все равно». Свою запись Мартин завершил рекомендациями Форин офису отклонить советскую просьбу опубликовать на английском языке книгу «Правда о религии в СССР» на том основании, «что это плохая пропаганда... Наш совет был основан полностью на убежденности в том, что публикация книги не будет способствовать росту дружественных чувств, а, наоборот, вызовет обратную реакцию»⁵⁴. В другой записке Мартин подчеркнул, что уверенность, будто в Советском Союзе гораздо больше религиозной свободы, чем на самом деле, ударит по англичанам: «Никакой другой предмет в мире... не может пробудить более сильных чувств, скажем, в Латинской Америке или Испании, или Швеции, чем это, даже у людей, которые ни разу в жизни не переступали порога церкви»⁵⁵.

Есть основания считать, что Мартин в своей записи беседы вкладывал в уста Темпла собственные слова. Мартин относился к числу наиболее сдержанных сотрудников Министерства информации, когда речь заходила о степени религиозной свободы в СССР⁵⁶. Судя, однако, по последующему обмену письмами, далеко не соглашаясь с Мартином, что публикация английского перевода «Правды» будет контрпродуктивна, Темпл, очевидно, говорил тогда и продолжал в это верить, что это будет и полезно, и желательно. Недели через две после их встречи в письме Мартину от 8 декабря 1942 г. Темпл по-прежнему стоял на своем: «Вы лучше меня разбираетесь в этом вопросе, потому что непосредственно наблюдаете за изменением мнений. Совершенно верно, что, если книга будет опубликована, это вызовет немало

враждебных замечаний того рода, о которых вы говорили. Я бы не думал, что это станет достоянием широкой публики или продлится очень долго. У людей голова слишком занята другими вещами». Темпл считал, что появление книги в СССР есть «показатель нового отношения» со стороны Кремля, и он явно оставался при своем мнении, а Мартин не сумел его переубедить, что перевод на английский нежелателен. Он писал: «Думаю, что на людей, знающих историю отношений между правительством и церковью, это произведет большое впечатление, так как они подумают, что правительство разрешило подготовить такую книгу». Хотя, по его мнению, Советы смягчили репрессии против церкви только вследствие военного времени, в мирное время им трудно будет снова закрутить гайки. Главное, вогнать клин, и, думаю, история с книгой сделает это». Далее он недвусмысленно заявил: «Все это относится к публикации в России больше, чем к публикации английского перевода здесь, но здесь тоже, я думаю, она будет доступной, в итоге будет больше пользы, чем ущерба»⁵⁷

Через восемь дней Мартин заручился поддержкой сэра Арчибалда Кларка Керра, английского посла в Москве, скептически относившегося к религиозной свободе в России и временно находившегося в Лондоне, чтобы тот попытался отговорить Темпла от поддержки перевода или от использования его имени «любимым способом, ассоциирующимся с книгой, если его об этом попросят». Если бы «Правда о религии» действительно стала доступна советским читателям, Мартин, возможно, взглянул бы на это по-другому, но все было не так, и он не хотел прикладывать руку к попыткам Советов «отмыться» в вопросе религии⁵⁸.

Архиепископ не собирался менять свою точку зрения. За день до Рождества он написал Мартину, что тот должен оказать публикации книги «всемерную поддержку»⁵⁹ Как и ранее, он не объяснил конкретно выгоды от публикации книги, но 21 января еще раз написал о пользе перевода книги, на этот раз он заручился мнением Кэнона Дугласа, который возглавлял Комитет по международным связям Англиканской церкви. Темпл писал: «Дуглас, кажется, определился по двум вопросам. Первый, английский перевод “Правды о религии” должен быть опубликован. Он уверен, что преимущества этого шага перевешивают. И второе, он думает, что в этом не должен участвовать никто, занимающий пост, подобно моему»⁶⁰

Темпл согласился, что «Правда о религии» битком набита полуправдами и откровенной ложью, он знает, что книга почти совершенно недоступна советскому читателю, и понимает, что она произведет для западного читателя обманчивое впечатление о состоянии рели-

гии в СССР. И все же он настаивает, чтобы Министерство информации опубликовало англоязычное издание за счет правительства, обосновывая свою позицию тем, что «это принесет больше пользы, чем ущерба». Однако, будучи готов оказывать давление для публикации книги, он не хочет, чтобы его имя или его пост были в сознании публики каким-либо образом связаны с ней. Таким образом он заботился о защите себя на случай возникновения в связи с проектом нежелательного побочного эффекта.

В значительной степени благодаря тайной поддержке Темпла министерство информации в конечном итоге организовало перевод «Правды о религии» и ее публикацию. Тем временем Темпл одобрил и посылку в СССР церковной делегации. Осталось только выбрать подходящих священников достаточно высокого ранга для более чем утомительного путешествия в условиях военного времени. Темпл уговорил своего преемника на посту архиепископа Йорка, Сирила Гарбетта, который выразил «большое желание поехать», несмотря на возраст, ему было шестьдесят семь лет, и было слабое здоровье⁶¹. Архиепископа должны были сопровождать два спутника, оба англиканские священники: Герберт Уэддамс и Френсис Хаус.

Первый был высокопоставленным чиновником в отделе религии Министерства иностранных дел, второй на период войны исполнял обязанности сотрудника Би-Би-Си. Для того чтобы не создалось впечатления, что путешествие есть «чисто пропагандистский визит», правительственные чиновники постарались скрыть от публики место работы этих двух членов делегации и были сильно раздосадованы, когда пресса установила правду, и приняли меры, чтобы это не проникло в печать⁶². Никто их троих путешественников по-русски не говорил, поэтому они полностью зависели от переводчиков и гидов, предоставленных советским правительством.

В переписке с Министерством информации во время подготовки визита Гарбетта Темпл написал, что «с точки зрения советского правительства» визит, конечно, будет «прежде всего политическим». «Но не должно быть сомнений, что *наш* интерес в основном религиозный, и это должно быть ясным с самого начала» и общественности, и советским властям⁶³. Однако что касается православной церкви, то Темпл с пренебрежением заметил, что у его братского русского духовенства моральные стандарты намного ниже, чем у него: «Полагаю, что Русская церковь не очень щепетильна относительно использования ее в чисто политических целях!». Мартин с ним согласился, ответив, что англичане должны быть начеку из-за попыток, которые, несомненно, будут предприниматься советским правительством для использования визита в политических целях». Затем он, кажется, пе-

редумал: «Эта политическая цель в значительной мере, я думаю, вы согласитесь, абсолютно законна. Они озабочены развитием дружбы между двумя нашими странами и хотят как-то продемонстрировать это»⁶⁴. Несмотря на беспокойство Темпла, что его могут посчитать инструментом правительственной пропаганды, когда Форин офис предложил церкви оплатить предстоящие расходы по миссии в Москву, чтобы не создавать предлога для подобных обвинений, архиепископ отклонил предложение — и взял деньги⁶⁵.

Прежде чем отослать архиепископа Йоркского в Москву, оставалось придумать приемлемое коммюнике, осуждающее нацизм и подписанное вместе Русской православной и Англиканской церквями. Это оказалось намного сложнее, чем кто-либо мог себе представить. Один из его вариантов гласил:

«Мы едины в осуждении жестокой системы фашизма и ужасов и разрушений, которые связаны с ним. Стремясь поглотить индивида государством, фашизм превращает мужчин и женщин, которые были созданы Богом, в простые орудия национального государства. Таким образом с помощью жестокого гнета и обмана молодежи он и разрушает духовные устремления, и подрывает взаимное доверие, от которого зависит все здоровое общество. Мы также едины, с надеждой и верой взирая в будущее, когда прочно утвердится мировой порядок, в котором смогут возобладать христианские принципы права и где христианские церкви смогут развиваться в свободе и процветании»⁶⁶.

Этот документ может показаться достаточно безобидным. Его же составило Министерство информации, и архиепископы Йоркский и Кентерберийский быстро одобрили его. Но потом по совету Форин офис министерство переделало его. Пояснения, которые при этом дал Форин офис, представляли из себя целый трактат о том, насколько сильно изменилась религиозная пропаганда за время, истекшее с лета 1941 г. Мартин написал архиепископу Йоркскому извиняющееся письмо: «Наверное, мне следует сначала встать на колени, прежде чем сказать, что некое заявление, одобренное двумя епископами, не подходит... хотя мы, конечно, не спорим с тем, что в нем говорится». Затем Мартин переходит к главному: «Есть еще одна трудность, заключающаяся в том, что слово “фашизм”, к сожалению, легко заменить на “большевизм”!.. Я уверен, что ни один из вас не против такой моей откровенности. Я полностью осознаю, конечно, что это должно быть вашим заявлением»⁶⁷. Поскольку ни тот, ни другой архиепископы не возражали, про проект тихо забыли.

Так второе духовное лицо мировых англиканцев готовилось возглавить визит первой со времен большевистской революции церковной делегации в СССР. Визит определенно должен был подкрепить

попытки Советов реабилитировать их подмоченный международный имидж при помощи веса английского правительства и морального авторитета государственной церкви Англии. Эти пастухи англиканского стада, делегации, члены которой знали о русской истории, советском обществе не больше, чем они знали русский язык, боялись даже призвать своих братьев — русских священников — работать во имя мира, где «могут возобладать христианские принципы права», чтобы не привлекать нежелательного публичного внимания к неудобному сходству между нацистским тоталитаризмом и режимом их советского союзника. Тем не менее архиепископ Темпл с сарказмом и пренебрежением писал (конечно, в частной переписке) о том, как русские православные епископы, в отличие от него, были готовы позволить использовать себя в качестве «пропагандистского орудия». Но русские священнослужители могли бы сослаться на бессилие перед тайной полицией, у англиканского иерарха такого оправдания не было.

Простак за границей

Архиепископ Йоркский, доктор Сирил Гарбетт и два его спутника прибыли в Москву 19 сентября и находились в СССР только десять дней. Кремль использовал пропагандистские, представившиеся по случаю их визита возможности на полную катушку. Всего за две недели до приезда англиканской делегации, 4 сентября, Сталин и Молотов встречались в Кремле с лидерами Русской православной церкви и дали им разрешение собрать Священный синод для выборов патриарха. Синод собрался 8 сентября, и 12 сентября Сергей был возведен на патриарший трон, как раз ко времени встречи с англиканскими гостями. Английский посол Арчибальд Кларк Керр информировал Форин офис, что на Синоде присутствовало более 2000 человек либо в качестве участников, либо в качестве наблюдателей, «среди них было довольно много офицеров и солдат Красной Армии». Но он также отметил, что, кроме «короткого объявления» в газете «Москоу Ньюс» на иностранных языках, о выборах нового патриарха или Соборе другого «публичного сообщения» не было⁶⁸.

Все это не говорит о том, что Сталин решил вдохнуть новую жизнь в Московскую патриархию только ради того, чтобы произвести эффект на прибывшего с визитом англиканского архиепископа; мотивы Советов, конечно, были намного сложнее и были связаны как с внутренними проблемами, так и с проблемами международной пропаганды. Тем не менее выборы патриарха менее чем за неделю до приезда доктора Гарбетта нельзя считать простым совпадением. Возвращение

Сергия из Ульяновска в Москву было приурочено именно к приезду англиканской делегации, и Сталин потребовал от Сергия быстро собрать Синод, с тем чтобы он мог приветствовать гостей как патриарх⁶⁹. Примечательно, что многие историки обсуждали причины, по которым Советы возродили Патриархию, но немногие заметили почти одновременный приезд в Москву англиканской делегации, тем не менее это была самая важная религиозная группа, прибывшая в СССР после революции 1917 г.⁷⁰ Присутствие англиканцев в Советском Союзе сразу после выборов нового патриарха должно было привлечь внимание мира к религиозным вопросам и дать возможность советской пропаганде раструбить на весь Земной шар, что СССР защитник свободы совести от нападения безбожного нацизма. Важным было и то, что, поскольку приехавшие священники были англичанами, пользующаяся широким доверием Би-Би-Си и английская пресса, наверняка, должны были выступить в роли мегафона и еще больше расширить аудиторию узнавших о восстановлении Патриархии и придать информации больше доверия.

Английское правительство с удовольствием оказало услугу, в секретной записке отдела прессы и цензуры Министерства информации, разосланной в английские газеты, отмечалось, что «Его Величество Правительство придает большую важность успешному завершению поездки»⁷¹. Кроме того, тот факт, что два члена делегации архиепископа, ездившей в Москву, Уэддамс и Хаус, хотя и не были священниками, а на самом деле представляли Министерство информации и Би-Би-Си, был залогом, что визит получит хорошее освещение. Наконец, само присутствие архиепископа в СССР и его встречи с патриархом Сергием, не говоря уже об возможных откровениях доктора Гарбетта, должно было создать впечатление, что Англиканская церковь признала подлинным и одобряет последний поворот советской религиозной политики.

Группа Гарбетта во время своего краткого пребывания в Москве имела очень насыщенный график работы. Она встретила с новым патриархом и обсудила с ним благотворительную работу обеих церквей во время войны. Сергей отметил огромный приток даров от простых русских во время кампаний православной церкви и сказал, что «многие граждане приносили ценности, но многие дарители не хотели называть себя». Не будучи слишком циничным, можно придумать несколько объяснений такой скромности. Митрополит Николай, всегда более склонный к обсуждению политических вопросов, чем патриарх, во время одного из обедов «осторожно поднял вопрос о втором фронте» и потом угостил их обильным чаем, за которым, как едко заметил преподобный Уэддамс, группа расправилась с «очень

богатым шоколадным тортом такого качества, какого мы в Англии не видели с довоенных времен»⁷².

Кроме двух церковных служб в Богоявленском соборе, где архиепископ наблюдал за обрядом русского православия, группа совершила экскурсию в Новоиерусалимский монастырь в Истре, неподалеку от Москвы. Советские хозяева утверждали, что монастырь был осквернен немцами, хотя некоторые думали, что в этом могли быть повинны советские атеистические кампании — конечно же, монастырь был закрыт и одно время использовался Советами как антирелигиозный музей⁷³. Кто бы ни разрушил монастырь, стены его были испещрены надписями кириллицей. Как записал в своем дневнике Уэддам: «В нескольких местах на стене были цитаты из Ленина. Я попросил русскоговорящего дипломата посмотреть, что там написано, и он, читая их, удивился, когда епископ Рязанский, пренебрежительным жестом, пожав плечами, показал, что все это ерунда». К сожалению, из-за того, что их прервали, Уэддам не успел получить перевод надписей и ни одной не записал в дневник. Но он говорил, что «переводы, которые мне удалось получить, не очень можно было назвать антирелигиозными»⁷⁴.

Делегация не ограничилась религиозными церемониями, Гарбетт еще до отъезда из Англии говорил, что хотел бы посетить колхоз. Как выразился один чиновник Министерства информации, «архиепископ, конечно, проявляет очень активный интерес к социальным вопросам»⁷⁵. Советы надлежащим образом провели гостей по образцовому колхозу и, судя по сделанным Гарбеттом позже заявлениям, они старались не зря. Ни разу, как следует из английских источников, кто-либо из членов делегации хотя бы раз не встретился с рядовым русским, контакты ограничивались советскими официальными лицами и доверенными православными священниками, а их передвижение строго ограничивалось такими местами, которые коммунистические власти считали безопасным показывать иностранцам. Но все равно, даже если бы им позволили свободно передвигаться по советской столице, никто из них не владел русским, более того, средний советский гражданин в сталинские времена опасался контактов с иностранцами⁷⁶.

Некоторые люди не считают возможным для себя выступить с объемными заключениями о зарубежной стране, которую они знают понаслышке, да еще после краткосрочной поездки, программа которой тщательно контролировалась диктаторским режимом. Архиепископ Йоркский, однако, к таким людям не относился, у него, очевидно, на чисто отсутствовало элементарное чувство осторожности или осмотрительности. Вернувшись в Англию, он собрал пресс-конференцию,

на которой сидел рядом с Бренданом Брэкенем, английским министром информации. Присутствие Брэкена свидетельствовало о той степени важности для английского правительства пропаганды, основой которой создала поездка архиепископа.

С небольшими оговорками Гарбетт высказал свое мнение о разных сторонах советской религиозной жизни и советской жизни вообще. Изложив основные моменты поездки и похвалив русское гостеприимство, архиепископ заявил, что, основываясь на своих наблюдениях во время посещения церквей в советской столице (он побывал только в двух действующих церквях), у него «нет сомнений, что в Советском Союзе отправление служб в помещении церквей полностью разрешено. Православные прелаты подчеркивали это... Я никогда не видел такого большого собрания верующих». По его подсчетам, в соборе или на площади перед ним во время службы собралось никак не меньше 10 тыс. русских, он с большим удовольствием рассказывал о том, с каким энтузиазмом его приветствовала толпа. Казалось, Гарбетту не терпелось развеять представление, что, невзирая на риск вызвать недовольство властей, церковь посещают только пожилые русские. Исходя из собственных наблюдений во время этого единственного посещения открытого богослужения архиепископ уверенно заявил, что большинство русских верующих — люди среднего возраста или моложе: «Сказать, что верующие состоят главным образом из пожилых людей, чистой воды чепуха». Он отметил, что число действующих церквей увеличивается, и это соответствовало действительности, хотя процесс начался совсем недавно и был исключительно сложным; далее архиепископ сказал, что, хотя «есть большое число советских граждан, сознательно отвергающих веру в бога», он заметил возрождение интереса к религии.

Гарбетт по-своему так объяснил причины нового курса советского правительства в вопросах религии:

«Премьер Сталин мудрый государственный деятель, и он понимает, что религия свойственна большинству русского народа, у которого он вынужден был отобрать ради страны многое из его ценностей, но дал взамен другое, открыто объяснив, что для веры больше нет препятствий; и второе, думаю, это важно, церковь больше не является защитницей старого строя. Она признает верность нынешней конституции. Она душой и телом включилась в дело страны».

Проще говоря, послабления, сделанные режимом религии, это щедрое вознаграждение послушному населению и покаявшейся церкви.

Архиепископ отметил, что советские дети «выглядят счастливыми и здоровыми», и поэтому сделал вывод, что Советы проявляют забо-

ту о молодежи. Он признался, что «ему было очень интересно узнать, что людям разрешается иметь личную собственность». Очевидно, до этого он разделял широко распространенное, но неверное представление, будто в Советском Союзе даже такие личные вещи, как велосипед, считаются коллективной собственностью. Но обнаружив, что дело обстоит совершенно иначе, Гарбетт сразу с энтузиазмом принялся объяснять советско-марксистскую теорию словами, которые вполне мог позаимствовать из работ Хьюлетта Джонсона: «Россия на ее нынешней стадии развития социалистическое, а не коммунистическое государство, то есть, в то время как средства производства и распределения принадлежат государству, индивид может распоряжаться на свое усмотрение — для собственного использования или продажи — всем, что заработал собственным трудом».

Завершая вступительное слово, архиепископ сказал: «Как бы мы ни осуждали некоторые методы, используемые до и после революции, и я думаю, нам всем следует их осуждать, мы должны с симпатией наблюдать, как идет великий социальный и экономический эксперимент (в СССР. — С. М. М.), даже невзирая на возможное чувство, что это неприемлемо в нашей стране». Он, естественно, не стал расписывать, что это были за неприемлемые методы, но из его высказываний следовало, что эти неназванные нарушения остались в прошлом.

Затем Брэкен предложил журналистам задавать вопросы, и Гарбетт, вводя слушателей в заблуждение, среди прочего объяснил, что «до революции церковь полностью контролировалась государством. После революции церковь отделили от государства, и теперь она имеет право назначать своего патриарха, своих епископов и собирать свой Совет». Он не упомянул, что в первые двадцать лет после революции у церкви таких «прав» не было. Что касается неправославных вероисповеданий, отметил Гарбетт, причем весьма неубедительно и бездоказательно, то «государство занимает нейтральную позицию и разрешает свободу всем другим вероисповеданиям». На вопрос: «как... решается в России цветной вопрос», Гарбетт в первый раз честно сказал: «Боюсь, ответа на этот вопрос я не знаю». Тем не менее незнание предмета не остановило его, и он продолжил: «Но я верю, что никакой дискриминации в любом виде или форме там нет».

В заключении пресс-конференции министр информации поблагодарил архиепископа за рассказ и за его услуги стране. Брэкен, являвшийся консервативным членом парламента, давним другом Черчилля и главным акционером непоколебимо капиталистической газеты «Файненшл Таймс», сказал: «Лично я считаю, что лучшего представителя Англии для поездки в Россию невозможно придумать, как невозможно с большей благожелательностью подходить к этому

поразительному новому эксперименту». Гарбетт поблагодарил журналистов и потом, уже высказавшись по широкому кругу вопросов о Советском Союзе, скромно заметил: «В конце концов, я провел в России всего десять дней, я не знаю языка, а Россия такая большая, что требует нескольких лет»⁷⁷

Скромность архиепископа относительно рамок его познаний советской жизни не помешала ему, однако, написать длинную статью для газеты лорда Бивербрука «Дейли Экспресс», где он повторил большую часть сказанного на пресс-конференции⁷⁸. Это не помешало ему выпустить пресс-релиз пресс-бюро Англиканской церкви, где он добавил несколько новых наблюдений. Еще раз отметив, что рядовые советские граждане владеют некоторой личной собственностью, Гарбетт писал: «Положение, в общем и целом, очень хорошо демонстрирует, что у многих русских есть автомобиль, но нет никого, кто бы владел акциями автомобильной компании». (В сущности, автомобиль был у небольшого числа русских. Производство автомобилей в СССР началось менее чем за десять лет до этого, и почти всеми машинами владели высокопоставленные чиновники, о которых можно было бы сказать, что они контролировали эти предприятия.) Гарбетт говорил о степени экономического равенства, будто бы достигнутого в Советском Союзе. Хотя и признав, что «нигде, будь то в России или любой другой стране, не могут быть равны все», он утверждал, что «в России ни происхождение, ни деньги не мешают человеку подняться на самые высокие посты. У всех равные права на образование, и не признаются классовые различия». Гарбетт определенно рассматривал эти условия как кричащий контраст по сравнению с положением в Англии. Хотя архиепископ ранее в СССР не приезжал, он высказал такое суждение относительно жизни простых русских: «Из того, что я читал и видел, я думаю, что там произошли несомненные улучшения, и если бы не война, это было бы еще заметнее». Завершая пресс-релиз, Гарбетт писал: «У СССР есть великие лидеры, выдающиеся ученые, способные организаторы, инженеры и архитекторы, не имеющие равных ни в одной другой стране, блестящие писатели и мыслители, а за ними огромные массы молодых людей, готовых жить или умереть ради своей страны, если потребуют обстоятельства». Будущее мира будет зависеть от «сотрудничества Англии с этой великой и замечательной нацией», а потому тем, кто возлагает надежды на лучший мир, следует искать пути к большему «пониманию и дружбе с Советами, невзирая на наши глубокие расхождения по многим вопросам»⁷⁹.

Почти полное неведение архиепископа Гарбетта относительно условий в Советском Союзе и недолгое пребывание его в этой стране

объясняет его уверенность в том, что он сумел быстро понять происходящее. Так или иначе, но английская пресса приняла высказывания архиепископа за чистую монету и высоко оценила его наблюдательность и высказанные суждения. Редакторы «Таймс», например (где ведущие статьи в основном писал И. Х. Карр), поздравили Гарбетта с результатами визита и связали его прием в СССР с восстановлением Московской патриархии. Рассуждая о причинах потепления Сталина к церкви, статья указывала, что «можно предположить, что одним из мотивов данного решения... было желание устранить кричащее расхождение между позицией русского правительства и позицией его главных союзников по вопросу о религии... Это решение показывает силу и искренность намерения России отбросить старые предрассудки и завязать более тесные связи дружбы» между СССР и западными демократиями. В статье признавалось, что «есть комментаторы», считающие, что восстановление Патриархии имеет скрытый внешнеполитический подтекст, возможно, Москва надеется повлиять на настроения балканских православных и панславистов, предвзято продвигая Красной Армией к Балканскому полуострову. Но «Таймс» не видела в этом ничего дурного, а замечала только хорошие признаки: «Возможно, это снизит некоторое беспокойство, — говорилось в статье, — по поводу того, что интересы русских в странах, с которыми им в будущем понадобится иметь тесные и близкие отношения, будут выражаться иными, а не коммунистическими, путями». Подразумевалось, что Русская церковь не полностью зависима от советского государства. Как полагала «Таймс», советский коммунизм не представлял теперь такой угрозы, как в первые дни революции: «За последние семь–восемь лет советские лидеры прошли через пересмотр идей, которые были приняты догмами революции 1917 года». К счастью, «ничто из происшедшего не исключает некоторых изменений в социальных и экономических принципах революции. Но с течением времени установилось отличие между этими (основополагающими. — С. М. М.) принципами и порожденными обстоятельствами добавлениями к ним в период брожения умов и обновлений». То, что враждебность к религии или к «метафизике» в любом виде можно рассматривать как «порожденные обстоятельства добавления» к материалистическому марксизму, удивило бы Ленина или Сталина (не говоря уже о самом Марксе), но многие английские газеты, а вместе с ними и Би-Би-Си, повторили в общих чертах разработанный в «Таймс» тезис⁸⁰.

После возвращения из СССР архиепископ Йоркский отправился в Соединенные Штаты, чтобы рассказать о возрождении религии в СССР и обсудить роль церкви в войне против Германии. Здесь у него

была более обширная аудитория, чем у обычного церковного гостя, потому что он говорил по «национальной радиосети». Он также выступал с речами и лекциями и в церквях, и на светских собраниях. «Русская церковь, — говорил он американцам, — пользуется свободой, какой не обладала веками»⁸¹.

Голос Лондона

Оценить пропагандистский эффект визита архиепископа Йоркского в Москву и провозглашение нового московского патриарха не так-то просто, поскольку публичный имидж Советского Союза и Русской церкви, как всегда, формировался одновременно под влиянием целого ряда факторов. Кроме того, пропаганда направлялась на разные целевые аудитории, не только на жителей Англии и Соединенных Штатов, но и на население оккупированных нацистами Восточной и Центральной Европы, стран, лежавших на пути наступающей Красной Армии. Лондон являлся центром распространения этой пропаганды благодаря широкой английской информационной сети и ключевой роли в этом процессе Питера Смоллетта. Если бы не такое участие Англии в пропаганде московских событий, возрождение русского православия осенью 1943 г. имело бы гораздо более ограниченный политический эффект.

В самой Англии люди, в целом, считали эти события еще одним доказательством того, что их советский союзник меняет политику или что, возможно даже, его политика вовсе никогда и не была такой уж плохой. Региональные представители Министерства информации сообщали, что люди «по-разному понимают» религиозные перемены в СССР. Многие видят в них «возвращение русских к религии». Некоторые задают вопрос: подлинная ли это либерализация, — отмечалось в ежедневном конфиденциальном правительственном докладе о состоянии общественного мнения, — другие не могут разобраться, что это значит, и спрашивают, есть ли в России религиозная свобода. Считают ли этот шаг настоящим или вызванным «рациональными соображениями», все равно его приветствуют как «ответ многим, все еще называющим Россию безбожной». Поездка архиепископа в Москву «не вызвала много разговоров, — говорилось в конце доклада, — некоторые чувствуют удовлетворение, поскольку считают его визит полезным, потому что он может помочь развеять «беспокойство по поводу того, что наш союзник не признает религии»⁸².

Неудивительно, что средний английский подданный поверил, что советские религиозные притеснения просто «жупел», потому что их

пропагандистские «мандарины» именно это без устали втолковывали им. Утекло много воды с момента подписания нацистско-советского пакта, когда Министерство информации без устали рисовало Советский Союз земным подобием Гадеса, греческого подземного царства теней. Теперь же, в значительной мере благодаря настойчивым стараниям Смоллетта, прекрасный информационный аппарат английского правительства был мобилизован на распространение политически целесообразной дезинформации, да еще с таким размахом, о котором московские пропагандисты могли только мечтать.

Как всегда, самым важным пропагандистским орудием была Би-Би-Си, сделавшая события религиозной жизни в Москве главным содержанием информационных программ. Советская разведка высоко оценила силу и широту распространения передач Би-Би-Си, как отмечал начальник Смоллетта в НКГБ, «совершенно естественно, что Би-Би-Си была среди любимых объектов Смоллетта»⁸³. После визита архиепископа в Москву Смоллетт побудил Би-Би-Си передать серию программ на английском языке, а также на языках Восточной Европы и Балкан, разъяснявших мнимое значение возрождения Русской православной церкви. Эти передачи придали московским событиям такой отвечающий советским политическим целям политический резонанс, который вряд ли можно было подготовить лучше даже на самой Лубянке.

По новой интерпретации событий, начиная с времен Петра Первого в начале восемнадцатого века царское правительство полностью подчинило церковь светской власти. Первые большевистские революционеры, ныне переименованные английским радио в умеренных реформистов, были вынуждены нанести церкви удар — не из-за своих атеистических взглядов, а, скорее, из-за тесных связей церкви со старым монархическим эксплуататорским строем: «Когда церковь была крупнейшим помещиком в России, во время большевистских реформ ей была уготована судьба других помещиков. Но когда большевистская реорганизация завершилась и в 1936 году была принята Конституция, одним из ее положений была свобода вероисповеданий для всех религиозных конфессий»⁸⁴. «Война, — продолжала передача, — ускорила возврат церкви в повседневную русскую национальную жизнь». Затем Би-Би-Си привела слова международного рупора Русской церкви митрополита Николая, отдававшего боевой приказ европейским христианам: «Я видел ужасающие следы сатанинской борьбы фашизма против церкви, — заявлял он. — Гитлер — злейший враг христианства. Немцы осквернили сотни русских церквей. Борьба с этими врагами — самый священный долг каждого христианина». Даже Сталина превратили в лидера с демократическими побужде-

ниями и отзывчивого на желания своего народа. Восстановление Священного синода, продолжала Би-Би-Си, «было... прежде всего признаком советской стабильности и силы. Сталин проявляет терпимость в духе четырех свобод (Рузвельта. — С. М. М.). Он учел направление общественного мнения в России, выступающего за возрождение церкви. В период всеобщего объединения усилий русской нации церковь снова занимает свое место как в национальной борьбе против врагов страны, так и в работе по ее восстановлению»⁸⁵. На следующий день в передаче на Югославию Би-Би-Си назвала кажущееся сталинское примирение с церковью «решительным шагом не только в сторону терпимости, но и в сторону понимания»⁸⁶.

В еще одной передаче на Балканы Би-Би-Си цитировала Хьюлетта Джонсона, «красного декана» Кентерберийского. Напомним, что в самом начале советско-германской войны Министерство информации обходилось с Джонсоном как с парией, теперь же ссылались на его слова как на свидетельство серьезного авторитета по советским делам, из чего видно, насколько за два года союза с СССР изменились правила игры. Как говорил декан, «возрождение русского православия идет в ногу с направлением всей советской политики... Становясь сильнее, они могут предоставлять более широкие свободы». Английские радиопропагандисты подхватили тему, под сказанную словами Джонсона, очевидно, желая рассеять представления, что Сталин пошел на уступки общественности и церкви под гнетом обстоятельств, перебороть которые он не был в состоянии. Советское правительство «окончательно отказалось от всякого вмешательства в религиозную жизнь», — заверяла Би-Би-Си слушателей в Англии и на континенте. «Сегодня православный священник больше не чувствует себя изгоем в собственной стране. Для него лично и для его церкви есть возможность участвовать в становлении новой России». «Терпимость, — с апломбом заявляла Би-Би-Си, — порождается уверенностью... Она порождается чувством, что советский режим наконец доказал свою политическую стабильность». Новый, теперь очевидный московский дух религиозной терпимости диктовался отнюдь не потребностями войны, он рос постепенно, по крайней мере, с 1934 г. «Новая конституция 1936 года с ее более либеральными положениями была вехой в этом процессе развития; устранение Коминтерна в начале этого года было еще одной такой вехой». Возрождение церкви — «последний признак ренессанса русского народа, который вышел из испытаний последних 25 лет с углубившимся пониманием жизни и непоколебимой уверенностью в своей собственной силе» — такими патетическими словами заканчивалась передача Би-Би-Си⁸⁷.

Для Советов такие передачи Би-Би-Си, направленные как на внутреннюю английскую, так и на европейскую аудиторию, были бесценной пропагандой. По всей оккупированной немцами Европе люди, не доверявшие радио тоталитарных режимов в Берлине и Москве, обращались к Би-Би-Си, голосу демократической Англии, нередко рискуя жизнью, если нацисты поймают за слушанием лондонского радио. В приведенных здесь примерах общепризнанное доверие к правдивости передаваемой Би-Би-Си информации оказывалось обманутым. Слепое следование советской пропагандистской линии по вопросам религии выливалось в нескончаемый поток полуправд и лжи, и английские вещатели знали это очень хорошо. В свое время, когда это отвечало их политическим целям, они охотно эксплуатировали наследие советских религиозных репрессий, теперь с помощью радиоколдовства они переделали большевиков и Сталина в современных демократов, прочно контролирующих верный им народ и заботящихся о потребностях своих подданных.

Главная мысль таких передач для Восточной Европы и Балкан была достаточно ясной: жителям этого региона нет причин бояться, что наступающая Красная Армия принесет с собой коммунизм и атеизм. Согласно Би-Би-Си, в самом Советском Союзе Сталин усиленно работает над ликвидацией эксцессов, унаследованных им от первых дней революции, вырабатывает *modus vivendi* с церковью и закрывает Коминтерн. Советский диктатор быстро становился все меньше коммунистом, превращаясь в традиционного русского вождя, хотя и авторитарного, жесткого и покровительственного.

Эффективность такой пропаганды была неодинаковой и различалась от человека к человеку, но не приходится сомневаться, что она оставляла значительный след. Кардинал Миндсендти писал позже, что когда Красная Армия разливалась по Восточной Европе, он обсуждал советские намерения с рядом католических священников, все они почти единогласно сходились в том, что доверять Советскому Союзу нельзя. Однако дело было в другом. Сам Миндсендти на собственном опыте узнал, что такое коммунизм, во время заключительного периода Великой войны и не вообще не склонен был сколько-нибудь верить им, но его друг епископ Янош Микеш был настроен более оптимистически:

«Епископ Микеш слушал передачи иностранного радио и верил, что русский коммунизм изменился и больше не угрожает церкви. Его высказывания того времени доказывали тот досадный факт, что ответственные лидеры нашего народа не знали, как правильно расценивать советские намерения. Они наивно верили, что западные союзники Советского Союза в силах помешать идеологической и тер-

риториальной экспансии большевизма. Такие надежды были вполне естественными, так как тогда страна страдала под властью нацистов и мечтала освободиться от нее»⁸⁸.

Важность британских радиопередач на Восточную Европу нельзя недооценивать. Последние годы войны принесли целый калейдоскоп событий. Чеслав Милош писал о восточных областях Центральной Европы: «Война там была намного разрушительнее, чем в Западной Европе. Она уничтожила не только экономику, но и огромное количество ценностей, которые до той поры казались незыблемыми»⁸⁹. Угнетаемые ненавистными нацистами, боящиеся наступающего сталинизма, потерявшие в результате опору как в традиционных, так и в дискредитированных внутренних институтах, восточные европейцы «с отчаянием, смешанным с остатками надежд», обращали взоры на западных союзников⁹⁰. Когда в такой хаотичной ситуации казавшийся авторитетным голос английского радио объявлял, что Советский Союз меняет свою политику, многие верили или, по крайней мере, хотели верить этому. Как показывает пример Миндсенти, далеко не все были убеждены в этом, но просоветская пропаганда разделяла население, предвосхищая сплачивание групп, которые в противном случае оказали бы сопротивление советской власти, и убедила многих, которые, возможно, не захотели бы сотрудничать с коммунистическими партиями, в том, что риск такого шага уменьшился.

Что касается самих вдохновителей этих радиопрограмм, то в Министерстве информации далеко не все были довольны передачей такой лживой информации. Преподобный Герберт Уэддамс, сопровождавший архиепископа Йоркского в Москву, и сам не был полностью свободным от некоторых обманчивых представлений о религии в СССР, он писал одному своему коллеге: «Совершенно откровенно, от этих передач Би-Би-Си по вопросу о выборах патриарха и Священного синода меня тошнит». Содержащиеся в радиопередачах описания Синода как «руководящего органа Русской православной церкви», когда атеистические советские власти, несомненно, продолжают держать его в своих руках, «создает совершенно обманчивое впечатление». Изображение советской системы как дружественной по отношению к религиозной вере, написал он в завершение мысли, «неразумно и невзвешенно»⁹¹.

Уэддамс и другие, знавшие о происходящем и с неодобрением относившиеся к фальсификации, выражали свое негодование в конфиденциальной переписке с коллегами из министерства. Тем временем Смоллетт продолжал выжимать из пропаганды все возможное, стараясь создавать при этом впечатление, будто и он ужасается чрезмерному количеству явно просоветской пропаганды. На сетования кол-

лег относительно Би-Би-Си он с озабоченным видом выкручивался: «Я согласен, но а) в силах ли мы реально воздействовать на соответствующее руководство внутри Би-Би-Си? б) кто это соответствующее руководство и вообще есть ли таковое? в) даст это продолжительный эффект, если мы даже и найдем его?»⁹². Смоллетт, определенно, и пальцем не пошевелил, чтобы подействовать на Би-Би-Си⁹³.

Однако же когда министерство информации хотело, оно не стеснялось в выборе средств и заставляло Би-Би-Си подчиняться его требованиям. Например, летом 1941 г. оно настояло на отзыве из Москвы корреспондента Би-Би-Си после того, как тот в своей передаче упомянул, что во время первого с момента нападения Германии обращения Сталина к народу у диктатора задрожал голос⁹⁴. Смоллетт и не думал сдерживать слишком пылких радиийщиков, наоборот, все время подстегивал их. Через месяц после избрания Сергия патриархом он снова принялся за работу. Директор европейского вещания Би-Би-Си попросил Смоллетта «связаться с православными деятелями на Ближнем и Среднем Востоке» и получить от них заявления в поддержку Русской православной церкви и ее нового главы. «Нацисты, — говорилось далее, — явно напуганы этим событием и пытаются посеять сомнения в православных общинах». Однако Би-Би-Си полагала, что с просьбой высказаться можно обращаться только к определенным религиозным лидерам: «К сожалению, римско-католические круги не в восторге от московского патриарха, поэтому ожидать от них благожелательного отношения к нашей просьбе не приходится»⁹⁵.

Не откладывая в долгий ящик, Смоллетт велел своим подчиненным собрать «информацию о православных деятелях на Ближнем и Среднем Востоке, в отношении которых можно предположить, что они выскажутся благоприятно»⁹⁶. Затем он проинформировал Би-Би-Си: «Я выясню, кто среди православных деятелей, скорее всего, скажет то, что нам нужно, и потом запрошу для вас у нашего представительства на Среднем Востоке требуемые материалы... Лично я придаю этому вопросу большое значение и окажу всю необходимую помощь»⁹⁷. Естественно, речь шла о гораздо большем, чем о личном мнении Смоллетта, — его московские начальники старались с наибольшей эффективностью использовать политический капитал Русской православной церкви на Балканах и в Восточном Средиземноморье, отчасти для того чтобы нейтрализовать католическое влияние⁹⁸.

Ситуация для Смоллетта складывалась неудачно, потому что восточно-православные иерархи проявляли благоразумную осторожность в том, что касалось событий в Москве. Если получение заявле-

ния в поддержку Московской патриархии от патриарха Христофора Александрийского не вызовет затруднений — он пребывает на территории оккупированного англичанами Египта, и на него можно оказать давление, то англичан тревожило, удастся ли получить нужное заявление от других греко-православных патриархов на Ближнем Востоке. Константинопольский патриарх фактически находился под контролем турок, из чего следовало, что с этим вопросом к нему не подойти. Патриарх Антиохийский и патриарх Иерусалимский пока не подавали признаков доброжелательного настроя к Москве⁹⁹. Английские пропагандисты сдаваться не собирались и выпустили заявление Христофора о том, что «восстановление Священного Синода не следует воспринимать как политический шаг, подсказанный обстановкой. Наоборот, это есть открытое провозглашение национальной веры. Задолго до роспуска Третьего Интернационала (Коминтерна — С. М. М.) православная церковь заняла принадлежащее ей по праву место»¹⁰⁰. Высказывания патриарха Александрийского вскоре были переданы по радио Би-Би-Си, их напечатали в газетах, что создавало неверное впечатление, будто восточное православие безоговорочно поддерживает решения московского Собора, в то время как оно оставалось разделенным¹⁰¹.

Четыре месяца спустя, когда все уже позабыли про обещание Смоллетта попридержаться ревностных радищиков, Би-Би-Си все еще выпускала в эфир захватывающие комментарии о русском православии. Приурочив передачу к празднованию русской православной Пасхи, английское радио выпустило программу с мелодраматическим инструментальным и хоровым сопровождением и вкраплениями подлинной православной литургии, выдержками из Федора Достоевского и русского религиозного философа Сергея Булгакова. Ведущий программы Роберт Спийт заявил, что Русская православная церковь «скомпрометировала свою независимость» до революции. В ситуации, когда церковь находилась в рабской зависимости от государства, мистическая «приверженность русского народа общине и жажда социальной справедливости обернулись тем, что нам известно как «коммунизм», и отказом от веры, которая в свое время олицетворяла их». Большевиком, таким образом, был плодом собственного морального падения церкви. С орвеллианской логикой Спийт говорил, что «воинственные атеисты Русской революции самим актом запрета церкви освободили ее. Цена была ужасная, церковь России восстала в евангельской наготе и бедности».

«Мы не хотим преувеличивать, — сказал Спийт с некоторым опозданием, если вспомнить закулисные игры между Би-Би-Си и Министерством информации. — Свобода церкви в России — это только

относительная свобода, она не свободна так, как свободны христианские церкви в Англии и Америке». И все-таки получаемые из Москвы сигналы показывают обнадеживающее направление. «Это факт, и факт глубокой политической важности, что общая приверженность христианской вере создает самое прочное “связующее звено” между представителями западно-европейских стран и полуазиатской державой Россией»¹⁰². Таким образом, одна их разделительных линий, отгораживающих СССР от его западных союзников, — их диаметрально противоположное отношение к религии и свободе совести — чудесным образом превратилась в «самое прочное звено», соединяющее полуазиатские русские массы с их братьями на Западе.

Было бы упрощением утверждать, что Смоллетт единолично захватил английское радио и превратил его в рупор советской пропаганды. Он вел гораздо более тонкую игру, к тому же и система, в которой он работал, была намного сложнее. Смоллетт всегда аккуратно маскировал свои собственные взгляды и понимающе шелкал языком, когда коллеги выражали несогласие с отдельными случаями, когда пресса или радио увлеклись комплиментарными высказываниями в адрес СССР или когда коллеги видели прямой фактический подлог. В таких случаях он неизменно пожимал плечами и прикидывался, будто мало что можно поделать, или ограничивался словами, что в том или другом случае дезинформации ущерб был невелик. И все это время он продолжал выискивать слабые места в системе, играя на реальных потребностях бороться с германской пропагандой, используя людей, уставших сверх меры, наивных или преисполненных некритичного энтузиазма по поводу альянса. Главным его ресурсом был неописуемый дух альянса военного времени, который питал восхищение военными достижениями советских людей и, наоборот, подавлял критические мысли о сталинистской системе — или хотя бы не давал им выливаться на публике. В такой исключительной атмосфере Смоллетт мог притворяться, умудряясь казаться даже достаточно умеренным по сравнению с рядом своих коллег по Министерству информации. Сообщения о том, что Смоллетт был советским агентом, стали появляться в печати за много лет до окончания холодной войны, а открытие советских архивов окончательно подтвердило его тайную роль, и тем не менее его фигура ни разу не привлекла внимание ученых или писателей, занимающихся шпионажем¹⁰³. Он всегда находился в тени своих более знаменитых современников, так называемой Кэмбриджской пятерки — Гая Берджеса, Энтони Бланта, Дональда Маклина, Джона Кэрнкросса и Кима Филби. Эти знаменитые шпионы получили большую известность, будучи англичанами и отказавшись от привилегий и образования. Их шпионаж носил бо-

лее традиционную форму: Берджес передавал своим контактам целые чемоданы, распухшие от похищенных документов Форин офиса, Филби выдавал секретные операции против албанцев, Маклин выдавал секреты англо-американской телеграфной линии, Кэрнкросс помогал советскому атомному шпионажу, а Блант выполнял роль вербовщика и ушел из шпионажа, когда получил завидную должность консультанта-искусствоведа королевы.

Смоллетт же, напротив, появился из ниоткуда, с континента, не был даже англичанином по рождению и, конечно, не отказывался ни от какого привилегированного классового положения. Его жизнь и карьера не украшена романтической антигеройской патиной кэмбриджских шпионов. И вообще, вполне можно задать вопрос, а можно ли его деятельность назвать настоящим шпионажем или предательством. Хотя ряд похищенных совершенно секретных английских документов, находящихся в советских архивах, прежде чем попасть в Москву, прошли через его руки, из документов не ясно, кто украл их, и пока не получено доказательств, что это сделал Смоллетт, возможно, это сделал кто-то другой, хотя бы тот же Берджес. Хотя он скрывал свою принадлежность к коммунистической партии, большая часть сделанного им в Министерстве информации, открыто обсуждалась с его коллегами и получила их одобрение и согласие.

Говоря о Смоллетте, справедливо было бы задать риторический вопрос историографического характера: ну и что? Даже несмотря на то, что он был советским агентом, разве он хоть сколько-нибудь изменил траекторию событий (вопрос, часто задаваемый о шпионаже вообще)? Если учесть, что у Смоллетта не было власти навязывать свою волю и что по большей части он одерживал верх силой убеждения, то насколько значительными были его усилия? Один из очень небольшого числа историков, изучавший Смоллетта, пришел к заключению, что вал просоветского энтузиазма, охвативший Англию и Соединенные Штаты, был слишком большим явлением, чтобы найти в нем следы работы никому не известного австрийского коммунистического шпиона, и по этой причине он упоминает о нем едва ли не вскользь в своем исследовании, во всех других отношениях очень подробном и детализированном¹⁰⁴.

Выраженный в такой апокалиптической форме вывод очевиден. Не было бы Смоллетта, все равно оставался «красный роман» военного времени. Но с таким же уничижительным, почти толстовским подходом можно было бы рассматривать практически всех, за исключением самых могучих исторических фигур; индивиды способны в лучшем случае всего лишь подтолкнуть великие события в определенном направлении. Именно это и делал Смоллетт. Один человек,

мнение которого в таких вопросах заслуживает внимания, считает, что на деле Смоллетт был самым эффективным агентом. Олег Гордиевский, сотрудник КГБ, перебежавший к англичанам в начале 1980-х гг., считает, что Смоллетт при всей его неприметности был агентом более значительным, чем кембриджские шпионы¹⁰⁵. К его мнению можно было бы и не прислушиваться, как к еще одному примеру непонимания культуры страны-объекта, проявляющемуся у многих разведчиков, и завышенной оценки ими важности и влияния своей профессии. Однако в данном случае есть все основания полагать, что Гордиевский прав. Смоллетт действовал в самых благоприятных обстоятельствах, возможно, совершенно уникальных для агента. Он имел возможность открыто ходить в советское посольство и не оглядываться по сторонам, а, находясь в стенах посольства, секретно говорить со своими хозяевами. Таким путем он мог получать или передавать секретные материалы, почти ни о чем не заботясь. И он работал в поте лица своего. Такие широкомасштабные пропагандистские проекты, как визит архиепископа Йоркского в Москву в 1943 г. или массовый митинг в лондонском Альберт-холле по поводу двадцать пятой годовщины большевистской революции, могли бы, весьма вероятно, и не состояться вообще, если бы он не пробивал их с такой настойчивостью в английском правительстве. После того как архиепископ Николай предложил в сентябре 1942 г. обмен церковными визитами¹⁰⁶, даже притом что Смоллетт изо всех сил проталкивал его, на планирование и организацию поездки ушел целый год. Конечно, если бы на месте Смоллетта оказался человек, скептически настроенный по отношению к Советскому Союзу, обмена не получили бы того широкого и важного освещения по всей Европе, какое получили с его помощью. Указания могли приходиться с самого верха, начиная с самого премьер-министра и ниже, о том, чтобы прекратить снисходительную пропаганду об СССР, но Смоллетт всегда находил способ так выполнять эти указания, что, где только это было возможно, результат оказывался прежним. Ни в коем случае нельзя считать, что Смоллетт разжигал костры народного энтузиазма в отношении Советского Союза, но он неустанно ворошил их и, стоило его начальникам отвлечься, подливал на угольки бензина. Пламя возгоралось ярче и выше и горело дольше, чем без его заботливого присмотра¹⁰⁷

Примечания

¹ Стенограмма совещания у тов. Лозовского. 2 октября 1941 г. РЦХИДНИ. Ф. 15. Оп. 6. С. 1352.

- ² Любопытный, хотя и несколько легковесный портрет столицы того времени см.: Brinkley. *Washington Goes to War*. Бринкли много раз и весьма занятно показывает, что большую часть военного времени Вашингтон во многих отношениях оставался маленьким городом.
- ³ Организация английской внешней пропаганды. Секретно. Без даты, но определено 1945 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1409.
- ⁴ Smollett to Sinclair. June 27, 1942. PRO INF 1/84.
- ⁵ До поступления в Министерство информации Смоллетт сначала безуспешно пытался поступить на работу в английские спецслужбы. Andrew and Gordievsky. KGB. P. 334–335.
- ⁶ R. H. Parker to D. D. G. 21 August, 1941. PRO INF 1/147.
- ⁷ Smollett to Christopher Warner (Foreign Office). November 5, 1941. PRO FO 371/29470. Даже еще до этого времени Смоллетт выполнял обязанности представителя Брэкена в Советском посольстве, поэтому его официальное утверждение в этой роли было только необходимой формализацией установившейся практики. Между прочим, никаких упоминаний о Зинченко я не нашел в советских источниках о дипломатическом корпусе, таких как «Дипломатический словарь». Он либо как-то скомпрометировал себя, и его имя поэтому изъяли из официальных документов, либо, и это столь же возможно, он работал в одной из советских разведывательных служб, а не в Министерстве иностранных дел. В последнем случае настоящая фамилия у него была другая, не Зинченко.
- ⁸ Grubb to Heald, decisions of a Ministry of Information meeting of November 11, 1941. PRO INF 1/147.
- ⁹ В написанной им единственной в исторической литературе полной истории английской пропаганды и англо-советского союза Филипп Белл почти совершенно обходит важную роль, которую сыграл Смоллетт, и не упоминает, что тот был советским агентом. В сущности, в своем полном и доказательном исследовании предмета Белл всего три раза упоминает о Смоллетте, что само по себе уже странно, поскольку Смоллетт был центральной фигурой при принятии решений по Советскому Союзу. Возможно, это объясняется тем, что, несмотря на раскрытие Энтони Блантом тайной роли Смоллетта и предание этого гласности к 1981 г. Чепменом Пинчером, Белл при публикации своей книги мог считать, что разоблачению недостает подтверждений. Bell. *John Bull and the Bear*. Другая работа, посвященная английскому министерству информации военного времени и уделяющая советскому вопросу отдельную главу, см.: McLaine. *Ministry of Morale*. P. 186–216. Книга Маклейна вышла за год до того, как Блант раскрыл роль Смоллетта. Обе эти работы превосходно и глубоко раскрывают историю формирования английской пропаганды военного времени, но ни тот, ни другой не пользовались русскими источниками, а поскольку оба не понимали ключевой роли Смоллетта, то принимали на веру утверждение министерства информации, что оно «перехватывает славу у левых», и не видели, с каким раз-

махом Смоллетт со своей закулисной деятельностью лишал силы эту самую политику.

¹⁰ Смоллетт также стремился показать, будто предложение исключить «белых русских» исходило из советского посольства, не «лично от меня». Smollett to Parker. November 22, 1941. PRO INF 1/676. И Маклейн, и Белл видели роль министерства в «Англо-советских неделях» в том, чтобы ограничить прокоммунистическую пропаганду и перехватывать контроль над такими событиями у английской коммунистической партии. Оба они считали такую политику успешной, так как компартия, выступив с инициативой, как правило, отходила на второй план и отдавала проведение мероприятия на откуп министерству. Маклейн даже говорит, что английские коммунисты «безропотно относились к интригам министерства». Это значит, что он принимал документы министерства за чистую монету и, конечно, не способен объяснить роль Смоллетта в английской пропаганде военного времени. К тому же при таком подходе упускается из вида, что английская коммунистическая партия была настолько мала, что просто не была в состоянии обслужить такое большое количество мероприятий. Намного лучше было запустить такие встречи, а затем все тяжелое бремя по их организации и обслуживанию переложить на Министерство информации, которое, в значительной мере благодаря Смоллетту, пропагандировало СССР куда эффективнее, чем могла обеспечить изолированная от масс английская коммунистическая партия. McLaine. Ministry of Morale. P. 205. Белл более осторожен, он говорит, что «вполне может быть, что организация и использование Советских недель не были односторонним движением, как рисуют их документы Министерства информации». В самом деле, все было совершенно не так. Bell. John Bull and the Bear. P. 46.

¹¹ Conversation with Zinchenko. 20.10.1941. Н. Р. Smollett. October 20, 1941. PRO INF 1/676. Это тот случай, когда незнание двойной роли Смоллетта обмануло Филиппа Белла. Он правильно пишет, что сотрудники министерства старались убедить руководство советского посольства появляться на английских общественных мероприятиях в дипломатической форме МИД СССР и что Советы отказывались, боясь обвинений во вмешательстве во внутренние дела Англии. Но в то же время сам Майский появлялся на таких мероприятиях и отказ Советов выпускать своих официальных представителей рангом ниже для участия в публичных мероприятиях может объясняться несколькими причинами. Первое, народный комиссар иностранных дел Молотов неохотно разрешал своим сотрудникам выступать на митингах, опасаясь, что они невольно могут развить «не ту» линию или могут оказаться втянутыми в публичную дискуссию, возможно, подстроенную «provokatorami». Второе, в таких ораторах или таких соблазнительных мишенях для антисоветских интриг не было нужды, когда за кулисами был Смоллетт, который проконтролирует выступающих. Bell. John Bull and the Bear. P. 46.

- ¹² G. M. Vevers (editor of the Anglo-Soviet Journal) to G. Meara. October, 1941. PRO INF 1/676. Министерство даже попросило **увеличить** для журнала регулируемую правительством бумажную квоту.
- ¹³ Проект письма министра информации министру иностранных дел Энтони Идену. 22 октября 1941 года. PRO INF 1/676. Маклейн пишет, что Общество культурных отношений с СССР «признали, но никакой поддержки не оказывали».
- ¹⁴ В. Кеменов — Александрову. 20 августа, 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1364. Стоит отметить, что в этом письме ВОКС жаловался на невозможность контролировать такие организации, так как он не получает своевременно экземпляры их журналов, не имеет средств на приобретение важнейших публикаций за рубежом и не может быстро оформлять спецпроверку в органах безопасности.
- ¹⁵ Unsigned memorandum. October 1941. PRO INF 1/676. Британский совет недвусмысленно выражал нежелание сотрудничать с Обществом культурных связей с СССР. Сэр Малькольм Робертсон перечислил Александру Кадогану хорошо известные просоветские фигуры, связанные с Обществом, и написал: «Я бы предпочел, чтобы Британский Совет не имел с этим ничего общего». Robertson to Cadogan. November 26, 1941. PRO FO 371/29603.
- ¹⁶ Policy Committee notes. September 4, 1941. PRO INF 1/676.
- ¹⁷ BBC (name illegible) to Duff Cooper. July 11, 1941. PRO INF 1/913.
- ¹⁸ В. И. Пасат. Потери республики Молдова в годы Второй мировой войны // «Людские потери СССР в период Второй мировой войны». Институт Российской истории РАН. С. 119. Цифра высланных не учитывает 100 тыс. этнических немцев, «репатрированных» в Рейх в момент, когда Москва и Берлин все еще были партнерами. Поэтому Пасат называет общее число «человеческих потерь» за первый период советской оккупации в районе 150 тыс. человек.
- ¹⁹ «Беседа о текущем положении» для отдела школ Би-Би-Си, подготовленная Ротштейном по просьбе отдела для передачи 26. 6. 1941 г. и не принятая как «необъективная». PRO INF 1/913.
- ²⁰ Позже англичане разрешили Ротштейну писать и передавать на советскую аудиторию в Москве собственные материалы ТАСС. PRO FO 371/36919. Нужно помнить, что от идеи вести собственное вещание на русском языке отказались, потому что существовала вероятность, что это вызовет негативную реакцию Кремля.
- ²¹ Broadcasts to Schools: Travel Talks. November 17, 1941; Sargent to C. J. Radcliffe. November 24, 1941. PRO FO 371/29603.
- ²² Список рекомендованных книг включал примирительную «Социалистическую шестую часть мира» Хьюлетта Джонсона, а также «Избранные произведения» Ленина и собственные сталинские «Основы ленинизма», конечно же, кандидата на звание одной из самых фальсифицированных

- историй этого или любого другого века. Сталинский учебник для английских школьников // «Дейли Экспресс», 25 августа 1942 г.
- 23 Первый номер «Британского союзника» вышел в августе 1942 г. PRO FO 371/32891. О предложениях Смоллетта в отношении английской пропаганды на СССР см.: Smollett to Warner. August 7, 1943. PRO FO 371/36920.
- 24 Brend Bracken to the Prime Minister. September 8, 1941. PRO INF 1/913.
- 25 Предшествующие работы по истории Министерства информации предпочитали подчеркивать сдерживающее влияние английских пропагандистов, недооценивая их реальное воздействие на поддержание энтузиазма в отношении Советского Союза. McLaine. Ministry of Morale; Bell. John Bull and the Bear.
- 26 Agreed Policy in Public. Неподписанный документ. October 1941. PRO INF 1/676.
- 27 Religion in the Soviet Union. Директивы, подготовленные отделом религий. PRO INF 1/790.
- 28 Waddams H. M. Some Comments on the Proposed Exchange of Visits between the Russian Church and the Church of England. October 22, 1942. PRO INF 1/790.
- 29 Boldness Pays. Catholic Herald. October 3, 1941. Того же рода статьи появились в «Catholic Times» и «Universe». Форин офис оценивал тираж этих трех изданий цифрой 220 тыс. экземпляров. Memorandum from Armine Dew. October 22, 1941. PRO FO 371/29469.
- 30 An Archbishop's Unhappy Lead // Catholic Herald. October 10, 1941.
- 31 Cripps to Foreign Office. October 11, 1941. PRO FO 371/29470. Вызвавшие раздражение Советов статьи появились в «Hertfordshire Murcury» и «Edinburgh Evening News».
- 32 Меморандум Майского, врученный Форин офис 18 октября 1941 г. PRO FO 371/29469.
- 33 Eden notes. October 30, 1941. PRO FO 371/29469.
- 34 Cripps to FO. October 11, 1941. PRO FO 371/29470.
- 35 Armine Dew memorandum. October 22, 1941. PRO FO 371/29469.
- 36 Christopher Warner memorandum. October 23, 1941. PRO FO 371/29469. Радклифф полагал, что самым правильным методом будет мягкий нажим на редакторов религиозных изданий. Smollett to Dew. October 25, 1941. PRO FO 371/29469. Радклифф считал, что нет смысла разговаривать с редакторами «Геральда», которые, по его мнению, «все равно ничего не хотят слышать».
- 37 Smollett to Armine Dew. October 25, 1941. PRO FO 371/29469.
- 38 Coote to Smollett. November 25 and Smollett to Coote. November 26, 1941. PRO FO 371/29470.
- 39 Russian Economic System: No Christian Need Quarrel with It // Yorkshire Post. November 14, 1941.
- 40 R. R. Williams to Smollett. November. 17, 1941. PRO INF 1/790.

- 41 William Paton (World Council of Churches) to Smollett. November 25, 1941. PRO INF 1/790.
- 42 Wickham Legg and Williams. Dictionary of National Biography. P. 870.
- 43 Ibid.
- 44 Temple. The Hope of a New World. Цитаты со с. 9, 22, 55, 52.
- 45 Webb and Webb. Soviet Communism; Dobb. Soviet Planning and Labour in Peace and War; Dobb. Russia To-day and To-morrow; Johnson. The Socialist Sixth of the World.
- 46 Блестящий краткий обзор недостатков великих сталинских показательных проектов см.: Loren Graham. The Ghost of the Executed Engineer.
- 47 William Cantuar to Hugh Martin. April 20, 1943. PRO INF 1/792.
- 48 Подробнее см. гл. 3.
- 49 Из всех сотрудников Форин офис, занимавшихся этим предложением, только один сэр Орм Сарджент посчитал, что она заслуживает некоторого внимания. Exchange of Visits between Leaders of the Russian Church and Church of England. Minutes by Wilson, Dew, Warner, Sargent and Cadogan. September, 1942. PRO FO 371/32950.
- 50 Eden to Halifax. October 12, 1942. PRO FO 371/32950.
- 51 Some Comments on the Proposed Exchange of Visits between the Russian Church and the Church of England, the Reverend H. M. Waddams. PRO INF 1/790.
- 52 Memorandum of a November 13 meeting at the Foreign Office, unsigned. November 14, 1942. PRO FO 371/32950, INF 1/792.
- 53 Martin to Warner. December 2, 1942. PRO INF 1/792, FO 371/32950.
- 54 Ibid.
- 55 Hugh Martin to Hogben. February 23, 1943. PRO INF 1/790.
- 56 Однажды Мартин написал: «По-моему, было бы лучше не говорить, что все, за что мы критикуем отношение большевиков к религии, неверно, или что в России существует полная свобода религии. Правда в том, что советское правительство обеспечивает свободу вероисповедания в том смысле, что вам не мешают ходить в те немногие оставшиеся действующими церкви, если к тому же вы найдете сохранившегося священника, но при этом остается масса всевозможных ограничений религиозной свободы, как она понимается в других странах». К сожалению, такого сорта сдержанная аргументация редко брала верх во время обсуждений вопроса в министерстве. Martin to Hogben. February 23, 1943. PRO INF 1/790.
- 57 William Cantuar to Martin. December 8, 1942. PRO FO 371/32950.
- 58 Hugh Martin to C. Warner. December 18, 1942. PRO INF 1/792. Фактически здесь Мартин еще раз показывает, что верит, будто убедил Темпла согласиться с его точкой зрения, но, как видно из более поздней переписки архиепископа, дело обстояло совсем не так. Возможно, Темпл, который признавался, что не может не соглашаться с любой точкой зрения, принадлежал к тем людям, которые всегда говорят собеседнику, что согласны с его словами.

- ⁵⁹ William Cantuar to Hugh Martin. December 24, 1942. PRO FO 371/36961.
- ⁶⁰ William Cantuar to Martin. January 21, 1943. PRO INF 1/792.
- ⁶¹ Там же; William Cantuar to Martin, 7 May 1943; Запись телефонного разговора между Уэддамсом и Уорнером (Форин офис). 23 июня 1943 г. PRO INF 1/792.
- ⁶² «Мы самым тщательным образом избегали какого бы то ни было упоминания связи между Хаусом и Би-Би-Си, и наш отдел прессы имел очень определенные инструкции не допустить попадания в прессу сведений об этих связях». Rev. J. W. Welsh to Williams. September 16, 1943. PRO INF 1/792.
- ⁶³ William Cantuar to Hugh Martin. May 27, 1943. PRO INF 1/792.
- ⁶⁴ Martin to Temple. May 28, 1942. PRO INF 1/792.
- ⁶⁵ Hugh Martin to Archbishop of York. July 16, 1943; Hugh Martin to Christopher Warner (Foreign Office). July 19, 1943; Archbishop of York to Hugh Martin. July 17, 1943; Warner to Martin. July 17, 1943; Martin to Archbishop of York. July 19, 1943; Archbishop of York to Martin. July 20, 1943; Waddams memorandum of talk with Archbishop of York. July 21, 1943; Archbishop of York to Martin. July 22, 1943. PRO INF 1/792.
- ⁶⁶ Проект совместного заявления Русской православной и Англиканской церквей, без даты. PRO INF 1/792.
- ⁶⁷ Martin to Temple. August 3, 1943. PRO INF 1/792.
- ⁶⁸ Sir Archibald Clark Kerr to Anthony Eden. September 13, 1943. PRO FO 371/36963.
- ⁶⁹ Меркулов — Центральному Комитету ВКП(б) и Щербакову. 3 июля 1943 г.; запись Карпова его встречи со Сталиным 4 сентября 1943 г. Corley. Religion in the Soviet Union. P. 138, 142.
- ⁷⁰ Достаточно любопытно отметить, что в период после падения коммунизма и установления относительной свободы в стране для историков русские исследователи обратили внимание на это совпадение, в то время как их западные коллеги этого не заметили. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. 2. Ч. 1. С. 382–383; см. также: Гордун. Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 гг. С. 39–40.
- ⁷¹ G. P. Thompson. Private and Confidential Memo to Editors. October 9, 1943. PRO INF 1/792.
- ⁷² Herbert M. Waddams, MOI. An Account of the Visit to Moscow by the Delegation of the Church of England. September 24, 1943. PRO INF 371/36963; Programme of Visit of the Church of England Delegation to Russia. Undated. PRO INF 371/36963.
- ⁷³ Как осторожно выразился митрополит Николай, «в 1920 году Новоиерусалимский монастырь был превращен в музей». Nikolai. The Russian Church and the War against Fascism. С. 31.
- ⁷⁴ Herbert M. Waddams. An Account of the Visit to Moscow by a Delegation of the Church of England. September 24, 1943. PRO FO 371/36963.

- ⁷⁵ Waddams. Notes of a Conversation with Archbishop of York on 26. 6. 43 with regard to the Proposed Visit of an Anglican Delegation to the Russian Orthodox Church. PRO INF 1/792.
- ⁷⁶ О советском методе обращения с иностранными туристами см. Paul Hollander. Political Pilgrims.
- ⁷⁷ Notes of a Press Conference held at the Ministry of Information on Monday, October 11, 1943. PRO INF 1/792.
- ⁷⁸ Mission to Moscow, 1943, by the Archbishop of York / Daily Express. October 12, 1943.
- ⁷⁹ Press Bureau of the Church of England, news release. November 26, 1943. PRO INF 1/792.
- ⁸⁰ The Russian Church. Times (London). September 17, 1943.
- ⁸¹ Цит. по Melish. Religion To-day in the USSR. P. 17.
- ⁸² Ministry of Information Home Intelligence Weekly Report. September 23, 1943. PRO INF 1/792.
- ⁸³ Modin. My Five Cambridge Friends. P. 86–87.
- ⁸⁴ BBC transcript. English News Talk, Russian Church Commentary by H. W. Shirley Long, also broadcast in Bulgarian, Greek, Serbo-Croat, Magyar, Danish, Norwegian and Swedish. September 5, 1943. PRO INF 1/791.
- ⁸⁵ Ibid.
- ⁸⁶ BBC broadcast to Yugoslavia. September 6, 1943. Quoting an article in London's «Daily Telegraph». PRO INF 1/791.
- ⁸⁷ BBC broadcast in English and Greek. September 6, 1943. PRO INF 1/791.
- ⁸⁸ Mindszenty. Memoirs. P. 22.
- ⁸⁹ Milosz. Captive Mind. P. 25.
- ⁹⁰ Ibid.
- ⁹¹ Waddams to A. Elkin. September 13, 1943. PRO IBF 1/791.
- ⁹² Handwritten comments by Smollett on a memorandum from Elkin. September 15, 1943. PRO INF 1/791.
- ⁹³ Преподобный Р. Р. Уильямс согласился, что, «несомненно», жалобы Уэддамса были обоснованными, но порекомендовал воздерживаться от «резких действий», добавив весьма странные слова: «Мы не должны ждать от Би-Би-Си слишком многого... Невзирая на технические замечания, я не чувствую, что общее впечатление, создаваемое передачами, неверное или несправедливое». Смоллетт подчеркнул слово «общее» и пометил, что согласен с Уильямсом. Затем он оставил все, как было. Williams to Smollett. September 18, 1943. PRO INF 1/791.
- ⁹⁴ Филипп Белл, подробно изучавший взаимоотношения между Министерством информации и Би-Би-Си, отмечает, что внутренняя служба Би-Би-Си проявляла меньше просоветского энтузиазма, чем внешняя, впрочем, ни та, ни другая не были настроены критически по отношению к Москве. Он также пишет, что «продукция Би-Би-Си... полностью контролировалась официальными органами». Возражения Смоллетта, что это не

- так, только подчеркивают его роль двойника. Bell. *John Bull and the Bear*. P. 47.
- ⁹⁵ N. F. Newsome to Smollett. November 10, 1943. PRO INF 1/179.
- ⁹⁶ Smollett to Elkin. November 11, 1943. PRO INF 1/791; Waddams to Hare. December 20, 1943. Просьба получить заявления патриархов Константинопольского, Антиохийского, Иерусалимского, а также предположение, что советское посольство могло бы предоставить нужные цитаты.
- ⁹⁷ Smollett to N. F. Newsome. November 11, 1943. PRO INF 1/791.
- ⁹⁸ Подробнее см. гл. 5.
- ⁹⁹ A. Elkin to Smollett. November 13, 1943. PRO INF 1/791.
- ¹⁰⁰ Cited in *ibid*.
- ¹⁰¹ Waddams to Elkin, draft for BBC broadcast. November 28, 1943. PRO INF 1/791.
- ¹⁰² *The Russian Church*. BBC script. April 9, 1944. PRO INF 1/791.
- ¹⁰³ Когда были опубликованы сведения о том, что Энтони Блант был советским агентом, он подтвердил, что такую же роль играл и Смоллетт. Первым из журналистов об этом написал Пинчер (*Pincher. Their Trade is Treachery*. P. 114). Позже перешедший на Запад бывший сотрудник КГБ Олег Гордиевский, основываясь на личном ознакомлении с архивами КГБ, подтвердил сведения о роли, которую играл Смоллетт. Его роль также подтвердил Юрий Модин, который являлся одним из начальников Смоллетта в период его шпионской деятельности. Несмотря на то, что оба назвали Смоллетта советским шпионом, однако, они об этом написали почти вскользь. Modin. *My Cambridge Friends*. P. 86–87.
- ¹⁰⁴ Andrew and Gordievsky. KGB. P. 334–339.
- ¹⁰⁵ Интересно, что соавтор Гордиевского, Кристофер Эндрю, с этим не согласен. Он пишет: «Насколько бы ни были искушенными блестящие «активные меры», организованные Смоллеттом и Гаем Бергессом, они были далеко не такими эффективными, как это полагали в КГБ. «Кампания «активных мер», организованная Смоллеттом в Министерстве информации, помогла размыть разницу между героизмом русского народа и сталинистским режимом, но по сравнению с победами и жертвами Красной Армии ее влияние на английское общественное мнение было несущественным». Andrew and Gordievsky. KGB. P. 338, 339. Соглашаясь с Эндрю, что советские победы оказали гораздо большее влияние на формирование на Западе восхищенного отношения к СССР, чем все, что сделал Смоллетт, нужно отметить, что умелое управление пропагандой, а также почти постоянное отсутствие сбалансированности в подаче сведений о достижениях Советского Союза и информацией об истинной сущности сталинистского режима, оказали огромное влияние на форму, в которой выливалось это восхищение.
- ¹⁰⁶ Фактически, вся идея англо-советского церковного обмена первоначально предлагалась Смоллеттом. Осенью 1941 года он выдвинул мысль при-

гласить митрополита Сергия посетить Англию. Smollett to Radcliffe and Kenneth Grubb. October 7, 1941. PRO INF 1/147.

¹⁰⁷ По иронии судьбы, как утверждает Кристофер Эндрю, основывавшийся на документах КГБ, выкраденных Василием Митрохиным, советская разведка не доверяла Смоллетту, потому что он был завербован Кимом Филби, в надежности которого также сомневались. Andrew and Mitrokhin. The Sword and the Shield. P. 120.

Смоллетт, митрополит Сергий, Англию, Кристофер Эндрю, КГБ, Василий Митрохин, советская разведка, Ким Филби, надежность, сомневались.

Глава восьмая

НА СТРАЖЕ ПРАВДЫ

В военное время всех объективных репортеров следует расстреливать.

Илья Эренбург

Я объяснил ему (Сталину), что он, несомненно, уже знает лучше меня, что прессой владеют миллионеры, и что она в основном отражает их отношение и направляет общественное мнение по каналам, которые им желательны.

01

*Хьюлетт Джонсон,
настоятель Кентерберийского собора*

На протяжении двадцатого столетия люди, подобные английскому лорду Бивербруку, американцу Уильяму Рэндольфу Херсту и австралийцу Руперту Мердоку, миллионеры, газетные бароны обладали колоссальной властью, определяя информационные потоки в соответствии со своими политическими и экономическими интересами или просто ради расширения читательской аудитории. Приведенные в эпиграфе слова, сказанные Сталину настоятелем Кентерберийского собора Хьюлеттом Джонсоном, были совсем недалеки от истины. Чего настоятель не знал или, вероятнее всего, предпочел не вспоминать, так это то, что человек, с которым он разговаривал, Сталин, стоял во главе режима, манипулировавшего средствами массовой информации так умело, что западные газетные магнаты по сравнению с ним выглядели любителями. Советские издания, такие как «Правда» и «Известия», имели многомиллионную читательскую аудиторию, конечно, контролировались коммунистическими политическими властями и отражали только крохи реальной жизни, которые Кремль считал пригодными для глаз рядового советского читателя, остальное было фикцией чистой воды. Влияние этих изданий за рубежом было минимальным, но Советы контролировали не только свою собственную внутреннюю прессу. Во время войны они имели возможность сильно влиять на подачу новостей в западных газетах, а

также и по радио. Члены журналистского корпуса любят считать себя сторожевыми псами правды, охраняющими общественный интерес от искажений и нарушений его со стороны правительства. Функция так называемой «четвертой власти» заключается в снабжении избирателей ясной картиной реальности, что позволяет им трезво судить о действиях правительства и принимать информированные решения. Правда редко бывала такой отчетливой, и особенно в военное время. В общем и целом, качество информационной работы прессы в период войны держалось на высоком уровне, если сравнивать с предыдущими войнами, но тогда от газет мало что требовалось. Восточный фронт вообще стоял особняком. Сила советской пропаганды колоссально возросла, так как она изливалась в информационный вакуум и ей не приходилось преодолевать влияние точного освещения событий. Винить в этом только советскую цензуру нельзя. Освещение Советского Союза в средствах массовой информации во время войны определялось целым рядом факторов. Владевшее американскими и английскими журналистами желание помочь победе над нацизмом и понимание ими, что основные силы немецкой армии сосредоточены на Востоке, заставляли их забыть о негативных аспектах сталинизма из опасений, что это ослабит Советский Союз в его войне с Германией. Некоторые журналисты делали это под влиянием идеологических симпатий к советскому социализму, которые застилали им видение реальности и мешали замечать ее неприятные стороны. Наконец, на освещении событий на Восточном фронте сказывались шантаж, коррумпированность, карьеризм и простое разгильдяйство.

«Используйте иностранных корреспондентов»

Константин Уманский сказал своим коллегам — пропагандистам и дипломатам, что они должны «попытаться использовать иностранных журналистов», насколько это возможно, чтобы через них донести свои идеи до западной публики. До появления телевидения немногие источники информации обладали такой силой воздействия, как фотоеженедельники. Поэтому приезд в СССР одного из крупнейших американских фотожурналистов было для пропаганды манной небесной. Весной 1941 г., более чем за три месяца до нацистского вторжения в Советский Союз, редакторы американского журнала «Лайф» решили послать одну из своих звезд-фоторепортеров Маргерит Бурк-Уайт в СССР, полагая, «что Россия будет главной страной военного марша»¹. Бурк-Уайт уже приезжала в Советский Союз за одиннадцать лет до этого, но советские цензоры не дали ей фотогра-

фировать в стране. Тем не менее она написала книгу о своей поездке, очень позитивную по тону в отношении разворачивавшегося в то время в сталинской империи первого пятилетнего плана².

Спустя более чем шесть десятилетий эта книга производит впечатление довольно благожелательного, даже некритичного подхода к СССР, когда многие темные стороны советской коллективизации и индустриализации оказались вне поля зрения автора, который, очень может быть, их даже и не заметил. Как ни странно, но Советы казались более чем не удовлетворены. Сотрудник ВОКСа потом с пренебрежением напишет, что Бурк-Уайт «типичный средний американец». Это, наверное, потому, что ее в первую очередь интересовало, что едят, как одеваются советские граждане и, вообще, каков у них жизненный уровень. «Для нее только это и составляет критерий прогрессивного общества». Бурк-Уайт писала, что СССР — страна «огромных неожиданностей, великого эксперимента». Хотя она проявила к Советскому Союзу определенные симпатии, ВОКС отметил, что она относилась к нему так, словно это остров, до которого только добирается цивилизация³.

Несмотря на известные претензии к ее работе, советские власти позволили ей вернуться в 1941 г., и на этот раз она получила разрешение ввезти фотооборудования весом 30 килограммов. Это было правильное решение. Бурк-Уайт приехала в Москву в начале мая, и судьбе было угодно, чтобы она еще не уехала из страны, когда разразилась война, и оставалась там ее первые четыре месяца. Восхитительный талант фоторепортера и нескрываемое сочувствие Бурк-Уайт «советскому эксперименту» помогли создать бесценный пропагандистский материал сначала в журнале «Лайф», а затем в виде книги под названием «Снимая Русскую войну». В отличие от многих других корреспондентов, ей позволили побывать у линии фронта, в области, которая вскоре будет захвачена нацистами. Все, что она видела и переживала, она запечатлела в серии замечательных фотографий.

Ее заметки написаны с каким-то перехватывающим дыхание квазиантропологическим налетом, словно автор попал в какую-то странную землю, населенную необыкновенными антропоидами. «У солдат Красной Армии, — пишет она, например, — тот здоровый, полнокровный вид, который бывает от обильной мясной пищи... Эти русские солдаты дышат силой и родились в крепком крестьянском роду. Русский крестьянин любит свою страну, и поэтому отвоевывать землю у захватчика для него имеет глубокое и священное значение»⁴. Читая Бурк-Уайт никогда не подумаешь, что это написано во время тех ее месяцев в Советском Союзе, когда Красная Армия

откатывалась назад в одном из самых грандиозных исторических отступлений и когда миллионы советских солдат уже находились в немецком плену.

В книге Бурк-Уайт есть удачная глава о религии, названная «Бог в России»⁵. Она поместила в ней сделанные ею портреты ведущих деятелей русского православия, включая митрополита Сергия, а также митрополита Александра Введенского, тогда еще возглавлявшего так называемую Живую церковь. «Когда я услышала, что священники Москвы молятся за победу, — писала Бурк-Уайт, — я решила, что пора пойти в церковь». Там она присутствовала на проповеди Сергия в поддержку войны с Германией: «Если наша Мать церковь дорога нам, — нараспев произносил Сергий, — для нас не менее дорога наша родная страна — страна, где люди строят жизнь на основе правды и доброй воли!». Бурк-Уайт присутствовала при похоронах и крещении, раздумывая, «услышат ли вообще когда-нибудь эти малыши, что начали свою жизнь с купанья в купели», потому что «молодежь в наши дни даже в других частях мира редко ходит в церковь».

Хотя она и заметила противоречие в том, что православные священники молились за победу атеистического государства, ее без труда успокоили на этот счет:

«Когда мы нашли настоятеля собора, я попробовала разговорить его по поводу этой непоследовательности. “Никто в наши дела не вмешивается, — сказал он мне, — мы совершенно свободны. Церковь получает лицензию от правительства, в пределах церковных стен высшая власть принадлежит исполняющему обязанности патриарха и архиепископам” Мы поговорили, и мне стало ясно, что он считал, что в случае победы Гитлера церковь была бы полностью уничтожена, поэтому так важно, чтобы Советы победили».

Американская гостя затем встретилась с престарелым Сергием, который, заверила она читателя, «выглядел самым настоящим», как будто она боялась, что он похож на восковую фигуру. Она попила чаю с епископами и заметила, что «патриарх Сергий глухой и жизнерадостный, как какой-нибудь прадедушка». Ничто, по-видимому, не смущало ее, и она воспринимала все только с яркой стороны. Когда, например, один советский милиционер увидел, что она фотографирует церковь и «позвонил в отделение спросить, есть ли у меня разрешение», это не огорчило ее. «Его звонок доказывает, что церковь властна в своих делах, так как ему разъяснили, что в пределах церковных стен не милиции, а епископам решать, можно мне снимать в церкви или нельзя». Это ее успокоило, и она не усмотрела никаких противоречий, когда заметила, что НКВД посчитал необходимым издать для иностранных корреспондентов специальную инструкцию по

религиозным вопросам, «беспрецедентная процедура для советского Форин офиса», — записала она с гордостью.

Не ограничиваясь церковью большинства, Бурк-Уайт посетила также пастора Михаила Орлова, президента Всесоюзного совета евангелистов и баптистского проповедника. Американка сразу взяла быка за рога, спросив Орлова, что он думает о Ленине. Отвечая через предоставленного государством переводчика (ибо Бурк-Уайт не знала русского), Орлов сказал: «Мы считаем социальную программу Ленина очень близкой к тому, что сказано в Библии». Бурк-Уайт написала: «Баптисты и евангелисты имеют самые веские причины для поддержки советской победы», потому что при Сталине они стали свободнее, чем когда-либо при царях. Только после отделения большевиками православной церкви от государства «поющие баптисты, вооружившись молитвенником, начинают распространять свою веру по всей стране» — определенно уникальный взгляд на СССР Ленина и Сталина.

При посещении антирелигиозного музея (незадолго до их закрытия на весь период войны) Бурк-Уайт заметила, что помимо рассказа о том, как религия веками задерживала научный прогресс, советским детям, которых проводили по залам музея, показывали «много прекрасных образцов религиозных картин, которые хранятся там для обучения». Заканчивая книгу на позитивной ноте, она написала: «Народный комиссариат просвещения считает, что религия, в конце концов, отомрет, но до той поры никто не преследует или не мешает желаниям верующих посещать церковь, так как советская конституция строго следует положениям, обеспечивающим гражданам свободу совести». Если читатель доверится рассказу Бурк-Уайт, он никогда не узнает печальной истории советских религиозных притеснений, как не узнает и о том, что в это же самое время в СССР, несмотря на продолжающиеся препятствия со стороны государства, широко распространился процесс возрождения религиозной веры. Скорее, впечатление, которое она создавала, сводилось к тому, что религия — это пережиток прошлого и что советское правительство смотрело на религию довольно спокойно, считая ее ненаучной, пустой доктриной, которая неизбежно исчезнет, когда современная молодежь усвоит правильное понимание материального мира. Советы могли спокойно терпеть религию, несущественное и неопасное наследие прошлого, оплакивать которое никто не собирается.

Понятно теперь, что советские чиновники были довольны второй книгой Бурк-Уайт об их стране. Они находили ее тональность «совершенно иной», чем ее первой книги. «Главная цель этой второй книги, — отметил ответственный работник Центрального Комите-

та — это правильное представление роли и значения советского народа в борьбе за демократию и прогресс, правильное понимание народа, признание его силы и единства». Кроме того, «сравнение двух книг Бурк-Уайт показывает, как роль СССР в мировых событиях последнего десятилетия и, самое важное, его участие во Второй мировой войне изменили сознание средней американки, вызвав у нее чувства уважения и восхищения в отношении нашей страны и ее людей»⁶.

Замечательные фотографии СССР увидят сотни тысяч людей — читателей «Лайфа», и ее книги создадут самый сильный зрительный имидж советской жизни у многих людей. Если снимки Бурк-Уайт были самыми первыми и самыми выразительными фотографическими свидетельствами о России во время войны, то ее аналогом в печати и на волнах эфира был Александр Верт. В отличие от многих своих коллег — московских корреспондентов, включая Бурк-Уайт, Верт бегло говорил по-русски. Он писал для информационной службы Рейтер, позже, в ходе войны, для лондонской «Санди Таймс» и, что самое важное, регулярно посылал из Москвы тексты радиопередач для Би-Би-Си. По подсчетам самого Верта, не считая его информации для агентства, его радиопередачи слушала огромная аудитория от 15 до 20 млн человек⁷. Его влияние на западное понимание войны на Востоке, возможно, более значительно, чем влияние любого другого журналиста или писателя, так как, помимо журналистских работ военного времени, он написал ставшую бестселлером книгу о советско-германской войне под названием «Россия в войне», частично мемуары, частично историческую работу, которая продолжала сходить с печатных станков в течение целых тридцати лет. Представляя из себя чрезвычайно живое и читабельное повествование, она остается очень полезным историческим источником. Тем не менее его книга, как и его репортажи военного времени, страдают выборочностью.

На протяжении войны в своих радиопередачах и газетных репортажах Александр Верт снисходительно смотрел на многие недостатки сталинского режима. Он оправдывал сталинские предвоенные чистки как необходимую часть подготовки к войне⁸. Он постарался смягчить впечатление от стремительного отступления Красной Армии с Западной Украины, высказывая предположение, что это было запланировано «с целью избежать крупных сражений на неблагоприятной территории Западной Украины, где, кстати, в отсутствие лесов мало возможностей для развертывания партизанских действий»⁹. На самом же деле, и это хорошо знал Верт, Украина становится все более плоской и менее лесистой по мере продвижения к востоку, и партизанская борьба будет процветать именно в этом районе — сначала против нацистов, потом против возвращающихся Советов.

Когда в сентябре 1941 г. Советы депортировали в Узбекистан около 600 тыс. «поволжских немцев», опасаясь, что они могут стать «пятой колонной»¹⁰, этот случай особенной жестокости Советов Верта не тронул. Депортации были «реалистическим подходом», писал он. «Несомненно, многим невинным людям придется трудно, но все же... (sic! — С. М. М.)». Его гораздо больше беспокоили сообщения западных корреспондентов о депортациях. «Филипп Джордан написал обширный материал о, как он говорит, “самой большой насильственной миграции в истории”, и “Ньюс Кроникл”, естественно, с удовольствием размазала его по своим страницам. Думаю, что это очень неумно. Это только поощрит антикрасных, а также наших более мягкосердых либералов поразглагольствовать о советской жестокости»¹¹.

Во всех своих материалах военного времени Верт неизменно смягчал значение этнической или религиозной напряженности в СССР. Когда, например, до Москвы дошло, что многие в прибалтийских республиках приветствовали немцев, он написал, что, как ни говори, «Эстония и Латвия, в сущности, никакие не страны». В середине августа, когда немцы организовали возобновление действия Смоленского собора, многие годы стоявшего закрытым Советами, Верт с презрением отмахнулся от этого события, как обыкновенной пропагандистской акции¹². Нацисты и в самом деле устроили этот спектакль в пропагандистских целях, им было наплевать на интересы русского народа, но Верт оказывал своим читателям плохую услугу, отказавшись объяснить, почему немцам удалось использовать истинную веру русского населения на оккупированной ими территории.

Вместо того чтобы положиться на минимум разумности своих контрпропагандистских выступлений, Верт пошел еще дальше. В июле 1941 г. он написал записку, которую отослал в Форин офис и Министерство информации, назвав ее «возможными направлениями пропагандистской работы с Россией». В этом примечательном документе он повторил многие из своих цитированных выше утверждений, но при этом снова и снова возвращался к мысли, что английская пропаганда должна быть «исключительно реалистичной» и скрашивать противоречия между Советским Союзом и Англией: «Русские не называют нас капиталистами, еще меньше империалистами, и нам не следует упирать на большевизм и коммунизм. Во всяком случае, — продолжал он, — Россия только по названию коммунистическая страна», давно став «национальным образованием, а не... источником коммунистической революции». Могут, конечно, возникать неудобные вопросы в связи с прошлыми делами Сталина. Касательно судов (связанных с чистками. — С. М. М.), вполне можно сказать, что, хотя они совершенно непростительны с либеральной точки зрения, но го-

ворят об определенном аспекте сталинского «реализма», «так как такими средствами он очищал страну от радикальных коммунистов, а также потенциальных квислингов. Лучший способ преодолеть широко распространенные в Англии подозрения к коммунизму — это сконцентрироваться на богатствах русской культуры, особенно музыки — Мусоргском, Бородине, Римском-Корсакове и Чайковском». Очень важно, чтобы такого рода пропаганда, по мнению Верта, которая может в каком-то смысле казаться детской, не должна саботироваться определенными белогвардейскими элементами в службе мониторинга Би-Би-Си или нацистскими или полунацистскими агентами вроде некоторых «украинских националистов». Вероятно, Верту очень хотелось устроить свою «чистку» на Би-Би-Си. Наконец, он хотел, чтобы английская пресса перестала выражать удивление по поводу того, что Советский Союз все еще не пал, и лучше было бы, если бы она завела чуть ли не собственную цензуру: «Если это возможно, нам в настоящий момент следует воздерживаться от удовольствия рассказать шикарный анекдот про ОГПУ и от расписывания сходства между советским и нацистским режимами и тому подобного», потому что «русские люди очень ранимые», а без русских победа была бы очень нескорой, возможно, даже безнадежно нескорой»¹³.

Решение не обращать внимание на разницу между советским режимом и демократиями, упорная, вопреки фактам, приверженность мысли, что сталинское правительство «возвысило (или свело. — С. М. М.) Россию до состояния страны, построенной вокруг идеи национализма, не очень отличной от других стран», предопределило отказ Верта и других журналистов, согласных с его представлениями о журналистике военного времени, писать всю полную правду о Советском Союзе. Поступая подобным образом, они поддерживали в западном общественном мнении неверные представления о советском союзнике, что вызывало в западной аудитории намного больше доверия к советской пропаганде и помогало созданию нереалистичных ожиданий от Сталина и его режима, которые со страшным грохотом рухнули после войны.

Репортажи Верта из Москвы превращают в насмешку претензии Би-Би-Си на независимость от правительства, бесконечно повторяемую ею мантру, когда необходимо уклониться от ответственности. На деле же она работала как часть правительственного аппарата, когда решала, что ей это выгодно, но всегда тщательно скрывала это¹⁴. Советы прекрасно знали об этом уютном симбиозе от своей агентурной сети и только утверждались во мнении, что западные протесты по поводу свободы слова всего лишь фикция, маскирующая скрытые рычаги правительственного и классового контроля.

Не все иностранные журналисты в Москве следовали примеру Верта. В итоге вскоре они обнаруживали, что им не о чем сообщать, а советские цензоры регулярно резали их материалы. Американские и английские редакторы видели ограничения на честные материалы из России, но соблазн иметь своего собственного московского корреспондента для многих из них оказывался почти непреодолимым. Авторская строка «от нашего московского корреспондента» придавала иллюзию подлинности материалам о Восточном фронте, но на самом деле журналисты, аккредитованные в советской столице, часто знали о происходящих вокруг них политических, военных, дипломатических и даже социальных событиях меньше своих собратьев, находящихся за много тысяч миль от Советского Союза. Конечно, московский журналистский корпус не мог сообщать все, что знал.

В сентябре 1944 г. Пол Уинтертон, московский корреспондент английской «Ньюс Кроникл», регулярно выступавший на Би-Би-Си¹⁵, написал два пространных и интереснейших письма своему работодателю в Лондоне, в которых излил свое отношение ко всем горестям, переживаемым западным журналистом, пытающимся выполнять свой профессиональный долг в Советском Союзе во время войны. Эти письма, возможно, самое информативное описание ограничений, в условиях которых работали в советской столице западные журналисты. Уинтертон писал, что советские власти редко позволяют журналистам посещать районы вблизи линии фронта, и «наш единственный источник новостей — советская пресса, и она бесцветная, неясная и всегда опаздывающая». «Смутное сознание» советских цензоров задерживало отсылку даже тех материалов, которые благожелательно отзывались об СССР. Журналисты пытались, «индивидуально и коллективно» улучшить ситуацию, даже писали Андрею Вышинскому и Вячеславу Молотову, «но подтверждения в получении наших писем так и не последовало... мы не располагаем абсолютно никакой возможностью получить ответ, — писал Уинтертон, — или хотя бы заставить выслушать наши жалобы. Можете представить себе состояние фрустрации, в котором мы живем».

Хотя он сомневался в том, что эти невозможные условия продукт продуманной советской политики, тем не менее Уинтертон писал: «Жуткая вещь во всем этом (русские очень изобретательны)» заключалась в том, что эта политика заставляла западных корреспондентов «оправдывать наше существование здесь пережевыванием жвачки, которую печатают советские газеты, добавляя соуса повкуснее, и в таком виде отправлять в редакцию. Русские более чем довольны тем, что мы делаем, так как поданные таким образом новости имеют же-

лаемый вкус, и у них получается (или в прошлом получалось) прекрасное или почти прекрасное шоу в мировой прессе». Он считал, что вылечить это можно, только точно таким же способом ограничив советских журналистов в Западной Европе или отозвав западных журналистов из Москвы.

«Но ни то, ни другое профессионально невозможно — мы очень пестрая компания, у нас есть согласные на все, и есть люди, работающие на выработке, их заработок зависит от регулярной засылки материала, а агентства считают, что они должны засылать материал, и они ничего не получают из своей редакции, если не будут этого делать. Что касается отзыва журналистов из СССР, то корреспонденты постоянно уезжают из Москвы, преимущественно американцы и вообще люди, умудренные горьким опытом, но точно так же продолжают приезжать новые; и поскольку Россия — союзник и война все еще продолжается, я думаю, дома никто не рассказывает правды о том, как мы здесь добываем новости, даже если это кого-нибудь интересует».

Возможно, писал Уинтертон, западные корреспонденты могли бы приезжать в СССР, затем возвращаться домой, чтобы написать правдивый материал. «Если русские положат этому конец, отказывая в выдаче виз тем, кто, вернувшись в Лондон, напишет откровенно, это просто докажет, что найден правильный метод»¹⁶.

Во втором письме Уинтертон жаловался на низкое качество советской журналистики, что оборачивалось серьезной проблемой при условии большой зависимости западных корреспондентов от московской прессы как источника материала. «Вскоре после приезда в Москву, — писал он, — Илья Эренбург сказал мне во время беседы: “В военное время объективных журналистов нужно расстреливать” Не думаю, чтобы большинство русских журналистов выразилось столь же прямолинейно, но несомненно, что русские газеты плюют на факт, если тот вступает в противоречие с политикой».

Александр Верт был собственным цензором, когда писал о религиозном и национальном вопросах в СССР, Уинтертон же обнаружил, что и советские граждане вполне способны делать то же самое. Например, когда он с несколькими другими корреспондентами приехал в эстонскую столицу, недавно освобожденную Красной Армией, то «увидел, что большинство жителей Таллина чрезвычайно враждебно настроены к Советскому Союзу, не проявляют желания быть его частью, боятся, что русские вышлют многих из них во внутренние районы России, как сделали в 1940 г., и вовсе не радуются освобождению от немецкой оккупации. Я попробовал описать часть этого, но, конечно, цензор не дал добро, хотя я все изложил объ-

активно и подчеркнул стратегическую важность балтийских государств для безопасности России»¹⁷

Вместо неоднозначной правды о советском наступлении в западных пограничных областях материалы из Москвы постоянно рисовали Красную Армию освободительницей, а местное население единодушно благодарным за возвращение советской власти.

Созданные сталинистами условия делали сбор информации просто невозможным, так как простые русские предпочитали избегать иностранцев, особенно журналистов, опасаясь политических последствий. «Невзирая на всю болтовню о дружбе и сотрудничестве, большинство русских боятся иметь с нами дело напрямую, — писал Уинтертон. Мы общаемся, конечно, с «прирученными русскими» — писателями, художниками, поэтами, киноактрисами, музыкантами, встречи которых с нами санкционированы сверху, потому что создают иллюзию контакта». Но для большинства рядовых русских западные журналисты были разносчиками заразы.

Эта изоляция от средних русских вместе с «политической цензурой» «делала практически невозможным, чтобы из Советского Союза поступало хотя бы одно критическое слово, и... оставляла в умах зарубежных читателей безнадежно одностороннее впечатление о стране». Впрочем, если такое искажение новостей происходило по вине советских властей, то и у западных корреспондентов рыльце было в пушку:

«Одна из самых жутких вещей в работе корреспондента здесь, и она сохраняется и после войны, это то, что всегда найдется множество корреспондентов, которых русские могут шантажировать. В настоящее время около половины журналистов здесь — это люди, чье благополучие или финансовое положение зависит от того, насколько «хорошими ребятами» они считаются, и таким образом сохраняют право жить в России или свободно приезжать и уезжать. У некоторых есть семейные связи, делающие невозможным для них порвать с русскими, а писать честно означало бы как раз порвать с ними. Некоторые из них — писатели и журналисты, всю жизнь писавшие о России, и ни одна газета не наймет их написать о чем-либо другом»¹⁸.

Уинтертон предупреждал: «Забота о визе выпирает из огромного числа статей и книг, написанных о России. Я и сам не могу сказать, что был совершенно невинным, когда прошлым летом вернулся в Лондон. Клянусь, я больше так не согрешу»¹⁹. Самое важное, Уинтертон предсказал, что все эти грехи умолчания и вознаграждения в конечном итоге будут иметь серьезнейшие последствия: «Одна из вещей, которые меня тревожат, это реакция в Англии и Америке, которая не может не произойти, когда те из нас, кто знает Россию и кому

так долго затыкали рот, снова смогут свободно описывать факты... Реакция, возможно, выйдет за пределы необходимого или желаемого и может поставить под угрозу сотрудничество с Советским Союзом, что, как я твердо убежден, очень важно, если мы хотим избежать еще одной войны»²⁰. Ситуация, по поводу которой жаловался Уинтертон, возникла не случайно. Летом 1941 г. советские власти предприняли некоторые робкие шаги, чтобы завоевать на свою сторону иностранных журналистов и оказывать влияние на содержание сообщаемых ими новостей, и продолжали пользоваться для этого таким оружием, как выдача визы. Однако они скоро поняли, что просто не в состоянии контролировать слишком большое число западных корреспондентов. Не каждого можно было купить, запугать или, как Бурк-Уайт и Верта, привлечь на свою сторону. Советы решили сменить тактику и обhajивать определенных корреспондентов, замораживая тех, кто, подобно Уинтертону, не поддавался контролю и не приручался.

Время от времени, конечно, московские корреспонденты отправляли негативные материалы, но делали это, как рассказывал Уинтертон, по возвращении на Запад. «Последняя линия обороны» Советов в таких случаях пролегла в резких протестах соответствующим американским или английским властям о нанесении Союзу большого ущерба. Если протест не заявлял лично советский посол, то это делал один из секретарей посольства, или в Англии неприятный враждебный вопрос задавал один из советских друзей в парламенте, часто им был член Палаты общин Д. Н. Притт.

Например, в январе 1945 г. Уолтер Гребнер из «Дейли Мейл», вернувшись из СССР, напечатал статью из трех частей. В общем и целом они хвалили военные успехи СССР, подчеркивали колоссальные страдания русского народа, его голодные продовольственные пайки, его поддержку войны, его русский патриотизм. Он даже написал, что «русские... убежденно отрицали, что в стране нет религиозной свободы. Регулирование прессы, говорили они, осуществляется только в настоящее время, пока не будет покончено с врагами внутри страны». Гребнер тем не менее все-таки ступил в недозволенную зону, когда написал, что советские бюрократы составляют отдельный класс, «абсолютно так же отличный от масс, как английское дворянство отличается от кокни». Более того, он написал, что «конечно, Сталин бюрократ номер один. Он стоит вне критики». Кроме этого, «в России царит тяжелая атмосфера. Постоянно чувствуешь, будто за тобой следят или наблюдают... телефоны прослушиваются и т. п.». Рядовой русский «боится обвинений в сотрудничестве с иностранной разведкой, если его заметят слишком долго общающимся с иностранцами»²¹.

Все это делало доблестного советского союзника недопустимо похожим на вражеское полицейское государство. После первой статьи, посвященной вопросам питания, — политические вопросы должны были подождать третьего выпуска — Зинченко немедленно ринулся в Форин офис с протестом, заявив, что «нет никакой нужды расписывать трудности с продовольствием» и т. п. Когда вышла третья статья, с упоминанием Сталина и атмосферы страха, один сотрудник Форин офис написал, что «многое, может быть, так и есть, но представление этого подобным образом не облегчает положение преемников мистера Гребнера... или журналистов и дипломатов в этой стране. Это, — заключил он, — именно то, что во всех отношениях осложняет наши дела с русскими»²².

Одно дело для советского чиновника было помешать утечке из Советского Союза нежелательной информации или протестовать, если это произойдет, и совершенно другое — пропагандировать советское видение мира. В конце 1943 г. В. Фин, сотрудник Информбюро, доложил Лозовскому, что советские идеи в нужном виде не доходят до иностранной аудитории²³. Официальные советские новости, писал он, попадали в Соединенные Штаты и Англию двумя путями: в виде выпусков и сводок Информбюро и в виде материалов иностранных корреспондентов. «Оба эти источника информации, — писал Фин, — если так можно выразиться, неполноценные». Проблема заключалась в предубеждениях западных читателей: «Читатели иностранных газет очень часто относятся с недоверием к первому источнику. Во-первых, это советский источник, и, во-вторых, это официальный источник». Западная публика обычно доверяет своим зарубежным корреспондентам, но по советской оценке американские и английские журналисты не подают события в правильном политическом контексте, поскольку их «информация носит, несомненно, тенденциозный характер». Фин предложил, как решить эту головоломку: «Было бы идеально, если бы мы могли представлять нашу информацию иностранным читателям под своего рода иностранной вывеской. Это сложная проблема, но делаются попытки решить ее. Теперь, при нынешнем стечении обстоятельств, появилась такая возможность».

Мелкий сотрудник английского посольства Райт Миллер, подчиненный руководителя отдела печати посольства Джона Лоуренса, обратился в Информбюро с любопытным предложением. «Дело в том, — продолжал Фин, — что ряд влиятельных английских газет и особенно Британская радиовещательная корпорация не удовлетворены (если верить мистеру Миллеру) материалами, поступающими из Информбюро. Они считают эти материалы грубо пропагандистскими, неинтересными», а также односторонними и содержащими

мало оригинальных идей. «Миллер говорит, что в них “не чувствуется пульс жизни” Они бесцветны, в них нет ничего специфически русского, советского». Миллер предложил, что, в случае если Советы смогли бы предоставить более красочные, живые материалы, они получили бы «распространение в Англии». Но нужно, чтобы написаны эти материалы были с учетом английских вкусов.

Очевидно, Фин неоднократно обсуждал с Миллером эту проблему: «Эти разговоры навели меня на мысль *о создании при редакции “Британского союзника” небольшого и неофициального центра для организации посылки наших материалов*». Следуя подсказке Миллера, Фин предложил, чтобы Информбюро договаривалось с советскими писателями, готовившими материалы, которые после перевода на английский язык посылались бы за границу *от имени пресс-бюро британского посольства через НКИД*» (курсив оригинала. — С. М. М.). Перед отсылкой этих статей в Лондон англичане представляли бы их цензорам НКИД, как это делалось со всеми статьями иностранных корреспондентов. Это давало советским властям возможность окончательной гарантии, что англичане не переписали материалы в нежелательном духе.

Фин понимал, что у Лозовского этот план может вызвать подозрения, он был слишком хорошим, чтобы в него поверить. «Возникает, естественно, вопрос: зачем, собственно говоря, Лоуренсу и компании все это нужно? Не будет ли означать их согласие на отправку материалов об СССР, апробированных НКИД, наличие какого-то далеко идущего плана, связанного с махинациями разведки?» Обдумав вероятность подобного поворота событий, Фин отверг его: «Я уже после беседы с Миллером “прощупал” его на этот счет. Миллер заявил, что снабжение материалами о СССР иностранной печати, по его мнению, подняло бы авторитет английских сотрудников “Британского союзника” и их престиж в британском министерстве информации. “Мы бы, — говорил Миллер, — легко устроили это с корреспондентами, которые часто пишут о незнакомом вслепую”». Задуманное Миллером вполне могло быть плодом его амбиций, а не глубоко задуманным планом английской разведки. Фин писал, что это желание шегольнуть перед Министерством информации, показать свои «таланты» играет большую роль в том, что «Миллер склоняется к идее об организации посылки материалов советских авторов о СССР под своей вывеской». Фин пришел к выводу, что «личная заинтересованность и амбиции для дельцов и мелких журналистов, Уайта...— это сильный рычаг». Фин думал, что «надо бы рискнуть на некоторый эксперимент в этом отношении. А именно: доверенное лицо Информбюро передает мне пару живо написанных очерков. Я передаю их

Миллеру. Посмотрим, как он на это будет реагировать. После этого многое станет ясным»²⁴.

К сожалению, в советских архивах нет материалов, проливающих свет на исход этой миллеровской инициативы, а из почты отдела печати английского посольства невозможно извлечь ничего, свидетельствующего о том, что Миллер все-таки занимался этой секретной операцией. Естественно, если Миллер и осуществил свой план, то делал бы все, чтобы замести следы. Так или иначе, но этот эпизод показывает, насколько западные корреспонденты и сотрудники отдела печати посольства были связаны по рукам и ногам ограничениями, накладывавшимися на западных корреспондентов, и насколько далеко они были готовы зайти в охоте за заголовками и карьерным ростом. Из этого также видно, как Москва могла использовать в своих целях карьеризм и чистое безделье союзных журналистов.

Намного обычнее нечистоплотного миллеровского плана были попытки журналистов понравиться советским чиновникам и получать визу, о чем писал Уинтертон. В апреле 1944 г., например, московский корреспондент Эн-Би-Си Роберт Магидофф встретился с Лозовским для обсуждения визита руководителя Совинформбюро в Соединенные Штаты, первого за четыре года его пребывания на этом посту²⁵. Лозовский счел эту встречу достаточно важной, чтобы переслать копии записи беседы Молотову, Щербакову, Андрею Вышинскому и Владимиру Деканозову. Магидофф пытался представить себя голосом умеренности и дружбы с Советским Союзом во всем враждебном капиталистическом мире. Он сказал, что Соединенные Штаты почти не кажутся воюющей страной, американцы много работали, этого у них не отнимешь, но они точно так же работали и до Пирл-Харбора. Что же касается мнений о Советском Союзе, то, «слушая ряд радиопередач или читая некоторые газеты, невольно спрашиваешь себя», с кем воюют США: с Германией или с Советским Союзом?»

Здесь Магидофф противоречил себе, признав, что большинство радиопередач было «объективными и нейтральными». Он утверждал, что в совете директоров Эн-Би-Си сидит «несколько реакционеров». Однако Давид Сарно, глава Ар-Си-Эй, материнской компании сети, сам выходец из Минска, по словам Магидоффа, в отношении Советского Союза был настроен доброжелательно и думал о развитии коммерческих отношений с СССР после войны.

Лозовский поинтересовался источниками антисоветских настроений в американской прессе — газеты Мак-Кормака и Паттерсона, сказал он, нельзя считать единственными виновниками такой ситуации. «Несомненно, они лишь орудия, — заметил он, — но в чьих руках?» Магидофф пояснил, что в Соединенных Штатах много «фашистских

и полуфашистских» групп, в их число входили этнические немцы, реакционеры разной окраски, а также русские «белогвардейцы». Антисоветские взгляды также питали определенные «могущественные капиталисты». Магидофф сказал Лозовскому, что как-то раз вице-президент Эн-Би-Си даже заявил ему, что нет смысла вооружать Советы, потому что все равно придется воевать с ними в будущем. В разных правительственных учреждениях также засели люди с «антисоветскими настроениями», и это типично для «государственного департамента вообще и его Русского отдела в особенности». То же самое можно было сказать и о многих чиновниках в министерстве обороны и министерстве военно-морского флота.

Продемонстрировав таким образом свое дружественное расположение к Советскому Союзу, Магидофф сделал главный ход: он был одним из немногих оставшихся от довоенного корреспондентского корпуса старых друзей Москвы но, между тем, до сих пор не получил возможности написать эксклюзивный материал. Он попросил разрешить ему посетить Дальний Восток и провести передачи из Хабаровска и Владивостока. Он понимал, что получить такое разрешение будет нелегким делом, но, как записал Лозовский, «если мы позволим ему поехать, то он использует поездку так, что это будет выгодно для нас». Магидофф обещал написать серию доброжелательных статей для американских телеграфных информационных сетей. Вторая его просьба касалась разрешения посетить линию фронта. Он посетовал, что Александр Верт, Генри Кэссиди, его прежний босс из Ассошиэйтед Пресс, и Генри Шапиро из Юнайтед Пресс Интернэшнл побывали на фронте, и это снижает его авторитет у руководства в Америке, постоянно спрашивающего, почему Кремль не идет навстречу его таким же просьбам.

Эта беседа великолепно иллюстрирует ситуацию, на которую жаловался Уинтертон. Отказывая в официальных разрешениях одним корреспондентам и выборочно одаривая ими других, тех, кто следует в фарватере московской политики, Советы выпускали на волю рыночные силы, чтобы они срабатывали в их пользу. Редакторы на Западе давили на своих корреспондентов, им нужны были яркие статьи, и они указывали на Верта и других, похожих на него корреспондентов, спрашивая своих людей, почему у них не получается написать такие же материалы. Магидофф был вынужден выпрашивать доступ к эксклюзивным источникам информации, обещая за это написать благожелательные статьи. Учитывая такую ситуацию, неудивительно, что московские корреспонденты не посылали честных материалов об этнических, политических и религиозных противоречиях в СССР или о природе советского полицейского государства.

Не нужно думать, что Кремль всегда так хорошо обходился с иностранными гостями. Это будет видно из визита в СССР в январе и феврале 1944 г. Лео Грулио. В свое время, до начала Великого кризиса, Грулио работал корреспондентом «Нью-Йорк Демократ». Подобно горстке других левых американцев того времени, его потянуло в СССР первого пятилетнего плана. Оказавшись в советской столице, он вернулся к профессии журналиста и до 1938 г. печатался в англоязычной «Москоу Ньюс», когда сталинские чистки сделали пребывание иностранцев в Москве делом весьма опасным²⁶. Не будучи коммунистом, Грулио все-таки остался другом СССР, невзирая на личное знакомство с террором, а потому после нацистского нападения на Советский Союз, естественно, стал участвовать в американских попытках помочь Советскому Союзу в войне. В 1942 г. он стал директором по исследованиям организации Военная помощь России (ВПР), имевшей целью мобилизовать политическую и финансовую помощь Советскому Союзу по всей территории Соединенных Штатов.

По приезду в Москву Грулио представил Лозовскому пространную справку о работе ВПР в Соединенных Штатах²⁷ Грулио писал, что там были организации, собиравшие средства для других союзных стран, таких как Китай и Греция, но эти группы большую часть денег получали от узкого круга очень богатых доноров, а ВПР большинство взносов получала от семей с ежегодным доходом менее 5 тыс. долларов. ВПР создала свои комитеты в 413 американских городах, в них работали исключительно волонтеры, выступавшие с речами, обращениями по радио, устанавливавшие контакт с местными газетами и распространявшие почтовые открытки, эмблемы, плакаты и т. п. с «советской тематикой». Группа Грулио создавала мужские и женские молодежные организации, а также учредила «Всеамериканскую религиозную организацию, которая работает преимущественно в протестантских и еврейских церквях и, между прочим, пользуется большой поддержкой баптистов в южных штатах США». Они работали и среди американцев русского и другого этнического славянского происхождения.

Советский Союз получил значительную помощь в виде средств, собранных ВПР. К началу 1944 г. группа уже направила в СССР оборудования на сумму 12 млн долларов, и все грузы были доставлены с СССР без потерь. Кроме того, накладные расходы ВПР составляли всего 5%, что являлось на редкость хорошим показателем для любой благотворительной организации, и это объяснялось широким привлечением волонтеров в качестве административного персонала. Другое преимущество помощи ВПР, как пояснил Грулио, состояло

в том, что она поступала в дополнение к помощи по ленд-лизу и не являлась его частью.

Для рекламы своей работы ВПР только за первые десять месяцев 1943 г. разместила по всем Соединенным Штатам более 10 тыс. статей в газетах. Некоторые из них были опубликованы в ведущих национальных газетах и журналах вроде «Нью-Йорк таймс» и сети Скриппс-Говард, «лекционные бюро ВПР» организовали 600 больших митингов по всей Америке, особенно на Чикагском стадионе Холливуд Баул Мэдисон Сквер Гарден, на котором выступали Гарри Гопкинс и Максим Литвинов, обратившийся к присутствующим со страстным призывом по поводу скорейшего открытия Второго фронта. Они планировали дальнейшую серию митингов в тысячах маленьких и больших городов по всей территории Соединенных Штатов.

Нельзя сказать, чтобы работа ВПР повсеместно встречала понимание и поддержку, — против нее выступала пресса Херста и «определенная часть католической церкви». До этого времени ВПР пока не встречала непреодолимой оппозиции. Когда люди начинали обвинять ВПР в том, что она коммунистическая организация-прикрытие, ВПР всегда находила слова, чтобы опровергнуть эти обвинения. «Если не помогают другие средства, — писал Грулио, — то быстро срабатывает угроза подать в суд за клевету». Впрочем, пока им не приходилось обращаться в суд, так как угроза судебного разбирательства быстро отпугивала клеветников. Теперь ВПР сталкивается с «пассивной оппозицией». Пресса Паттерсона, например, отказалась публиковать что-либо о работе группы.

Грулио приехал в СССР, чтобы усилить пропаганду сбора средств своей организацией в Соединенных Штатах. До этого времени ВПР полагалась на статьи из англоязычной «Москью Ньюс», материалы, предоставляемые ВОКСом, бюллетени Информбюро, советские публикации из библиотеки Американо-русского института. Хотя таких материалов было достаточно, Грулио писал, что «они не совсем отвечают нашим потребностям». Вкусы американской публики не такие, как у советских читателей, они формируются «совершенно иным окружением, историей, культурой и национальным характером». Особенно «материалы советской пропаганды мало связаны со спецификой нашей работы в Соединенных Штатах». Например, он сказал, что американцы еще недостаточно антагонистичны по отношению к немецкому народу, чтобы оценивать советские материалы о нацистских зверствах. Было бы и более позитивно, и более эффективно показывать, как американской помощью пользуются советские дети. Однако когда Грулио объяснял это В. Кеменову, руководителю ВОКСа, тот раздраженно ответил, что Энгельс показал, как взаимо-

связаны все стороны жизни. Грулио ответил, что, «к сожалению, очень мало американцев читало Энгельса». Американцы могут не сразу понять связь между немецкими зверствами и необходимостью помогать русским детям.

Грулио сделал несколько превосходных предложений, направленных на повышение эффективности пропаганды ВПР. Он предложил, чтобы советские авторы писали статьи, подстроенные под американские вкусы, предложил советоваться по этим вопросам с ВОКСом и «причесывать» любые такие статьи. Для того чтобы показывать американцам, как используются их дары, Грулио рекомендовал советским властям устраивать для членов московского журналистского корпуса посещение госпиталей и детских домов, где чувствовалась существенная помощь ВПР — это «смажет» колеса для получения в будущем еще больше помощи. Советы могли бы также снимать короткие документальные фильмы, показывающие нанесенные немцами разрушения, чтобы таким образом иллюстрировать «долг благодарности американского народа советскому народу, который дает Америке время подготовиться» к более активной роли в войне. Грулио просил еще советских фотографий, плакатов и драматического и музыкального материала для использования в радиопередачах на территории Соединенных Штатов. С чисто американской сентиментальностью Грулио предложил ВОКСу организовывать личную переписку между советскими получателями помощи и американскими донорами: «Это очень важно, — писал он, — так как ничто не оказывает на американцев такого впечатления, как “личные” письма, рассказывающие о жизни в условиях военного времени». Он также думал, что работе ВПР помогли бы несколько положительных материалов в советской внутренней прессе.

На первый взгляд, предложения Грулио кажутся весьма разумными, Максим Литвинов, бывший с декабря 1941 г. по лето 1943 г. советским послом в Вашингтоне, от всего сердца поддержал их. «Лично я его не знаю, — писал Литвинов. — Его послали сюда в качестве представителя организации, работающей исключительно по оказанию денежной и вещевой помощи нашему Союзу. Помогать этой организации — значит помогать самим себе». Далее он написал: «Грулио поддерживает то, что я неоднократно писал из Вашингтона, а именно, что материалы, посылаемые ВОКСом и Информбюро, совершенно не подходят и не находят там применения». Идея Грулио о том, чтобы он сам здесь отбирал материалы, годные для его организации, заслуживают полного одобрения. Это экономит нам немалую сумму советской и иностранной валюты, затрачиваемой на бесполезную отправку в Америку ненужных материалов. Литвинов настаивал, что

«исключительно важно» демонстрировать американским донорам, как используются их деньги. Он также поддержал идею организовывать письма от получателей помощи. Кроме того, он писал: «Посылка лекторов в США была бы крайне целесообразна не только с точки зрения получения материальной помощи, но и (политической. — С. М. М.) пропаганды. Я знаю, однако, что это предложение почти неосуществимо». На протяжении всей войны Кремль выступал против этой идеи, по-видимому, из опасений утратить жесткий централизованный контроль над формированием потока пропаганды. В заключение Литвинов написал, что, по крайней мере, «ВОКС или НКВД должны оплатить расходы Грулио в Москве, так как чем больше денег ВПР истратит на Грулио, тем меньше мы получим от этой организации»²⁸.

Оба они, и Грулио, и Литвинов, уперлись в политическую и культурную стену. Кеменов сочинил записку с резкими нападками на ВПР как на организацию и еще и на Грулио лично. Записка была отослана Щербакову²⁹. Несмотря на то, что записку, этот образчик сталинистской близорукости, можно было бы просто оставить без внимания, она показательна, так как в ней отражалась глубокая культурная пропасть, разделявшая американцев и русских. Она также продемонстрировала неумирающие политические подозрения, которые скрывались под оболочкой альянса военного времени.

Кеменов писал, что в момент создания в августе 1941 г. ВПР была полезной организацией, и признал, что она уже собрала для СССР миллионы долларов и планировала собрать в будущем еще больше. Но, указывая Кеменов, за истекшие два с половиной года характер ВПР изменился. Не приводя сколько-нибудь серьезных доказательств, Кеменов утверждал, что американское правительство «использовало симпатии американского народа к СССР» для направления денег, изначально собираемых для Красной Армии, другим союзным правительствам, таким как Англия и Китай. «Главной целью» ВПР давно уже стала «самореклама и преувеличение помощи, оказанной Америкой Советскому Союзу». (Это последнее предложение, очевидно, привлекло внимание Щербакова, и он подчеркнул его.) Что касается деятельности ВПР последнего времени, то «дело обстояло далеко не благополучно».

Тайному капиталистическому заговору, заявил Кеменов, опять же не приводя никаких доказательств, удалось перехватить организацию. «Внешне» группа все еще сохраняет видимость дружественного отношения к СССР, но американские чиновники постепенно прибрали к рукам контроль над ней «сперва скрытно, позже в более открытой форме». Руководство перешло к людям, которым доверяет

правительство США, вроде Эдварда Картера или даже «реакционерам» на второстепенных постах. ВОКС пытался обойти руководство ВПР, посылая пропагандистские ресурсы напрямую местным группам ВПР, а не национальной организации, и Москва получила заверения, что эти материалы получили высокую оценку. «Несмотря на это или именно благодаря этому, — туманно предупредил Кеменов, — Центральный совет ВПР издал секретную директиву, запрещающую прямой контакт департаментов с Советским Союзом».

По утверждению Кеменова, помощь, посылаемая ВПР, также была второсортная, там были товары, долго пролежавшие на магазинных полках, и еще «грязные ботинки» и т. п. Это было не случайностью, а капиталистическим способом избавляться от излишков товара. «Таким путем симпатии американского населения к СССР и его попытки оказать помощь нашему народу используются для укрепления финансовой базы либо министерства обороны, либо групп капиталистов, связанных с руководством ВПР».

Самое большое раздражение у Кеменова вызывало содержание пропаганды, которой организация пользовалась для сбора средств, и здесь отчетливо видно, как на подходах к проблеме сказывалась разница культур. Советскому чиновничеству не нравилось американское умение продавать. Оценивая пропаганду ВПО, Кеменов обвинял руководство организации в «разрушительных тенденциях». В его глазах, самый большой грех ВПР заключался не в стремлении показать героические подвиги Красной Армии и советского народа, а «рекламировать исключительно саму ВПР», чему было посвящено 99% ее пропагандистских материалов. Кеменов считал, что разобрался в скрытых мотивах этой ВПР — ее руководители хотели компенсировать народное требование «Второго фронта» в Европе демонстрацией «американской “доброй воли” по отношению к советскому народу». Он привел несколько примеров из американских радиопередач, утверждавших, что русские восхищались американскими методами в промышленности и что американские инженеры помогли создать советскую индустриальную инфраструктуру во время пятилеток 1930-х гг. Что было еще хуже, радиопередачи ВПР клеветали на русскую историю, говоря, что москвиты всегда занимали идеи и методы у Запада, еще со времен полумифического короля викингов Рюрика до Петра Великого и потом до самого Сталина.

Кеменова раздражали также хвастовство и неформальность методов ВПР, он вспомнил, как в радиопередачах ВПР утверждалось, будто американские поставки «очень многое значили для них (Советов. — С. М. М.) — они означали разницу между жизнью и смертью». Радиореклама ВПР называла советских генералов по имени или при-

думанным коротким прозвищам, — маршала Тимошенко, например, называли «Тимом», — придумывала диалоги, в которых эти реальные персонажи якобы прославляли ВПР, да еще с таким слащавым голливудским русским акцентом. ВОКС пытался предоставить свою трезвую русскую пропаганду, но американцы бесконечно отвечали, что эти материалы требуется переработать для «американских вкусов». «Однако, — нагнетая подозрительность, писал Кеменов, — опыт показывает, что ВПР протестует не против формы, а против содержания материалов и пытается получить от нас статьи, отвечающие ее пропагандистской линии». Руководство ВПР просто отказывается признавать, что Москве виднее. В ответ ВОКС уменьшил объемы поставляемого в Соединенные Штаты пропагандистского материала и не стал сотрудничать с ВПР в создании выставки, показывавшей, как советские люди пользуются американской помощью. Грулио приехал в Москву, в том числе и для того чтобы убедить ВОКС пересмотреть решение, но добиться этого не сумел. Очень похоже, что Кеменов относился к эмиссару ВПР с пренебрежением: «С первого же дня пребывания в СССР Грулио вел себя назойливо и бесцеремонно». Благодаря опыту пребывания в СССР в довоенные годы, американец не пожелал признать отказ ВОКСА окончательным и, получив отрицательный ответ в одном месте, тут же, пользуясь старыми связями, обращался в другое — ему помогала чересполосица советских учреждений. Кеменов писал: «Встретив в ВОКСе достаточно прохладный прием, Грулио обратился в Совинформбюро, к товарищу Лозовскому». Там Грулио пожаловался, что ВОКС просто не понимает американских условий и не хочет сотрудничать. Он сказал Лозовскому, что эти слова, конечно, конфиденциальные, и сказанное останется между ними. Он знает, что может быть с Лозовским совершенно открытым и не прибегать к дипломатическому языку. «Вы меня понимаете». Лозовский, наверное, и в самом деле понял его, но тем не менее тут же переправил его письмо в ВОКС. Кеменова особенно раздражало, что Грулио посетил детский дом в Малаховке и попытался после этого отправить в ВПР телеграмму с описанием этого визита. ВОКС отказался удовлетворить его просьбу, но Грулио обошел его и попросил это сделать американский отдел Совинформбюро. ВОКСу не понравился тон телеграммы, где говорилось, что русские сироты, получившие помощь ВПР, посылают привет и благодарность американским благотворителям.

Чтобы поставить все на свои места, Кеменов написал письмо Эдварду Картеру, главе ВПР, изложив советские претензии и к Грулио, и к самой организации. Несмотря на то, что он признал работу ВОКС и ВПР во многом идущей в одном направлении, американская груп-

па должна прекратить самовосхваление и вместо этого подчеркивать подвиги Красной Армии и советского народа. Что же касается радиопередач, то Кеменов сказал, что они «преподносят неверную картину» советской жизни и пропагандируют неприемлемое утверждение, будто американская помощь была для советского народа вопросом жизни и смерти. Кроме того, такие радиопередачи «оскорбляют чувство национальной гордости», акцентируя исторический долг России более развитому Западу. Он также указал на одну передачу, где ведущий сказал, что русский мальчик говорил по-русски «совсем как настоящий человек». «Вы, мистер Картер, — с негодованием спрашивал Кеменов, — конечно же, не считаете, что настоящий человек должен разговаривать только по-английски. Но как автор и редактор могли пропустить такие слова в радиопередачу?»³⁰

Совершенно серьезно Кеменов написал, что во время войны СССР понес неслыханные разрушения и неизмеримые человеческие потери. «Американцы должны знать правду о том, что произошло», и должны, прежде всего, понять, что советский народ ничего не должен американцам за их материальную помощь, наоборот, это американцы в неоплатном долгу перед ним. Советские кровавые жертвы более чем покрывают любую материальную помощь, какую может поставить ВПР. Наконец, легкомысленный, неуважительный тон «американского паблисити» не к месту в таких серьезных вопросах, и Кеменов заявил, что подобный тон задевает чувства советских вождей³¹.

История с ВПР рисует ту пропасть, которая пролегла между американским и советским подходами к информации и пропаганде. Для Грулио и ВПР задача казалась предельно ясной и простой: Советский Союз нуждается в материальной поддержке, чтобы вести войну и накормить и одеть свой голодный народ. Если ставить задачу убедить американцев пошарить для этого по карманам, то нужно прибегать к массе коммерческих уловок. Законы торговли требовали приглушить звучание ужасающих аспектов советской истории, «гуманизировать» советских вождей и народ и сосредоточиться на личных историях, чтобы показать потенциальным донорам, что американскую помощь получают реальные люди. Если пропагандистские передачи называли советских вождей привычным для американцев образом, то только для того, чтобы смягчить их уже сложившийся отталкивающий образ. Особенно волнующие чувства вызывало страшное положение русских детей, особенно сирот, и это могло принести самые большие результаты — это могло показаться нечестным, но если таким образом облегчалась победа над нацистами, тогда цель оправдывала средство. Грулио и его боссов меньше всего тревожила моральная сторона вопроса, перед ними стояла конкретная задача:

увеличить американские пожертвования. Они задавали себе вопросы, которые может задать любой маркетолог: что может заставить потенциальных спонсоров расстаться с их долларами?

ВОКС, наоборот, был до мозга костей сталинистской организацией в своем подходе к пропаганде — она должна была выполнять «образовательную» функцию. Есть правильная «линия» пропаганды, и любое отклонение от нее — «вредительство». Кеменов с негодованием отвергал любую мысль о том, что американские вкусы отличались от советских. На американских рабочих как на класс можно было положиться, когда речь заходила о государстве рабочих. С этой точки зрения, вычурные приемы американской коммерческой рекламы были унижительными и заслоняли подлинные проблемы, которые решались в ходе войны. Техника маркетинга заложена в ДНК культуры, в которой действовали Грулио и ВПР, у русской же культуры более давние традиции, согласно которым власти определяют содержание ортодоксальности, а затем ждут, что простой народ будет подстраиваться под нее и подчиняться. Повторяющиеся просьбы Грулио казались Кеменову лишеными всякого смысла, всего лишь попытками подыграть вкусам своей целевой аудитории. Для сталиниста, или, в сущности, царского бюрократа, мысль о том, что пропаганду можно выстроить снизу вверх, другим словами, с помощью маркетингового анализа, была практически неприемлемой. Аргументы Грулио только усиливали кеменовские подозрения, что буржуазные американцы искажают войну на Востоке ради своих политических и классовых целей, и даже для того, чтобы причинить ущерб интересам Советского Союза.

Несмотря на пылкую поддержку ВПР Литвиновым, этот случай остался одним из многих случаев, когда советские дипломаты с опытом работы за рубежом оказывались не в состоянии преодолеть политическое и культурное непонимание находящихся в Москве олигархов, представление которых о внешнем мире определялось и искажалось их культурными и идеологическими представлениями. Еще один такой характерный случай произошел в марте 1943 г., когда Би-Би-Си обратилась за разрешением аккредитовать в Москве постоянного корреспондента. Сотрудник советского посольства в Лондоне Ростовский высказался за принятие этого предложения на том основании, что «миллионы людей слушают Би-Би-Си», передачи будут предварительно утверждаться советскими властями, а сотрудничество с английским радиовещанием «дает нам возможность распространять информацию, полезную для нашего правительства, среди широких слоев населения за рубежом»³². Вместо того чтобы одобрить предложение, которое, несомненно, способствовало бы

значительно более широкому распространению советских идей за границей, Молотов наложил сердитую резолюцию: «Никто из советских (дважды подчеркнуто карандашом. — С. М. М.) органов не поручал товарищу Ростовскому ходатайствовать за Би-Би-Си»³³. В условиях когда при сталинском режиме аресты или раздутые обвинения в шпионаже были обычным делом, от леденящей резолюции Молотова у Ростовского, наверное, заглохло сердце. Этот случай показывает также, насколько далеки от реальности могли быть члены Политбюро.

Майский признался Смоллетту, «для него было вечной проблемой заставить советских вождей согласиться с его объяснениями английской политической жизни»³⁴. Советская пропаганда была необычайно эффективной, когда она была в руках людей, понимавших Запад и умевших эксплуатировать открытость американского и английского общества. Однако в пропаганде, как и в экономике, жесткая централизация планирования страдала кричащими пороками — неповоротливостью, топорностью и почти полным пренебрежением к потребностям и желаниям потребителя.

«Какая же Россия проблема для всех нас»

Многие западные священники не вполне объективно оценивали советскую реальность. Пятого мая, всего за несколько дней до окончания войны в Европе, настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон, автор панегирика «Социалистическая шестая часть мира», вице-председатель Общества культурных связей с СССР и председатель Объединенного комитета помощи Советскому Союзу, собравшего сотни тысяч фунтов для помощи Красной Армии и для распространения повсюду благовестования о советском коммунизме, получил заслуженную награду за оказанные услуги: он приехал, чтобы совершить победное турне по всей советской империи³⁵.

Джонсон объехал отдаленные районы СССР, слетал в Прагу и съездил в Польшу, но высшей точкой его путешествия было 6 июля, когда он пятьдесят минут беседовал со Сталиным и Молотовым, кроме них троих, присутствовал только переводчик. Это было экстраординарным признаком милости и благосклонности, бесчисленное число послов закончили свой срок пребывания в советской столице, в лучшем случае лишь мельком увидев этих двух занятых титанов на Мавзолее Ленина во время публичных праздников. Мы располагаем только записями Джонсона об этой странной встрече, и, если следовать его записям, самым важным для него был «религиозный

вопрос». Джонсон также сказал Сталину, что посетил Гори в республике Грузия, место, где тот родился, где Лаврентий Берия только недавно поместил скромный дом детства вождя в отвратительную, в стиле тоталитарного китча, мраморную гробницу (Джонсон нашел, что она «прекрасно спроектирована»). Затем он описал посещение православной семинарии в Тбилиси, где юный Иосиф Виссарионович, как гласит сталинистская легенда, создал нелегальную типографию. «Очень умно задумано», — польстил Джонсон вождю, священник поздравлял диктатора с тем, что тому удалось провести его священников-учителей. Затем произошел следующий невероятный разговор:

Джонсон: Наконец, я стоял без шляпы у могилы вашей матери в церкви на крутом холме.

Сталин: Моя мать была простой женщиной.

Джонсон: Она была хорошей женщиной. Обычно я вижу портрет матери в характере сына.

Джонсон объяснил, что до войны англичане относились к СССР с подозрением, но под влиянием пропаганды военного времени его «соотечественники... теперь более склонны, чем прежде, верить моим словам о России». Он продолжил: «По большей части лживая и преувеличенная “информация” об отношении советского правительства к церкви» пугала англичан, «людей религиозных». Сталин терпеливо объяснил, что руководители Русской православной церкви «объявили анафему новому советскому правительству», поэтому Советы были вынуждены защищаться. Государство должно было действовать. Сталин продолжил: «Несомненно, во время войны и напряженных ситуаций с обеих сторон имели место эксцессы, — он улыбнулся полупечально, полузадумчиво. — Однако война создала новую и иную ситуацию». Война показала церкви, насколько патриотично советское правительство. Она также показала патриотизм церкви. Когда Сталин заговорил о тесных связях между Русской православной церковью и царским государством, Джонсон горячо поддержал его:

«Да, — добавил я, — возможно, с царем теснее, чем с главой церкви, Иисусом Христом» Лично я, продолжал я, видел так много, что сделано советским правительством для простого человека и что очень сильно совпадает с моей концепцией христианского учения и морали. Боюсь, часто имелись основания для обвинений людей, говорящих, что они верят в Бога и Любовь, но поступающих так, словно они не верят в это, а многие из тех, кто отрицает такую веру, поступают так, как будто верят. Сталин с Молотовым чуть улыбнулись».

Советский диктатор, заговорив в последний раз о церкви, совсем как по катехизису, повторил свою мысль, чтобы настоятель понял,

что он имеет в виду: «Религию... нельзя остановить. Совесть нельзя успокоить. Религия — вопрос совести. Совесть свободна. Вера и религия свободны»³⁶.

Щедрое внимание, которым осыпали Джонсона, сопровождалось богатыми пропагандистскими дивидендами. Его наградили орденом Трудового Красного Знамени, а его турне, особенно встреча со Сталиным, получило широкое освящение в советской прессе и за рубежом. В свою очередь, Джонсон присутствовал на интронизации армянского Каталикоса, что, как отметил английский гость, «конечно, было использовано для поддержания идеи союза других христианских церквей в противовес реакционному и антисоветскому Ватикану». После этого настоятель высказал мнение, что турецкую Армению «следовало бы вернуть (советской. — С. М. М.) Армении», частью которой она никогда не была. После этого, находясь в Ташкенте, он заявил, что «основы Советского Союза кажутся мне глубоко моральными и научными, поэтому происходящее в России вызывает у меня удовлетворение и как у человека, и как ученого, и как христианина». Джонсон высказался также в поддержку польского правительства, в котором преобладали коммунисты, заявив, что это правительство «такое же прочное, как любое правительство в любой стране». Наконец, в Ленинграде Джонсон сказал корреспонденту ТАСС, что «в Англии в определенных кругах можно услышать, будто советское правительство преследует верующих. Я буду рад, вернувшись в свою страну, рассказать моим соотечественникам, что эти заявления не имеют под собой почвы. Я буду рад рассказать правду обо всем, что видел в Советском Союзе».

На самом деле Джонсон спокойно признался английскому журналисту, в частной беседе, естественно, что делает все что угодно, но только не расскажет всей правды об СССР. «Когда мисс Мэрджори Шоу, московский корреспондент газеты «Нью Стейтсмен», спросила его, собирается ли он в своей книге о России останавливаться на неблагоприятных аспектах советской жизни в той же мере, как на благоприятных, — сообщил Фрэнк Роберт, — настоятель ответил, что после гостеприимства, с которым его встречали, он не думает, что было бы справедливо много говорить об отрицательных сторонах режима».

Английские чиновники, считавшие настоятеля сравнительно безобидным и эксцентричным в повседневной жизни, были несколько удивлены глупостями Джонсона, но по-настоящему озадачены тем, с какой стати Советы так много поставили на него. Робертс высказывал предположение, что объяснить это можно «либо тем, что советские власти необычайно благодарны друзьям, сохранившим им верность в тяжелые времена, либо тем, что реальное положение та-

ких персон дома здесь не понимают, либо тем, что все еще требуется убедить советский народ, что у него есть друзья за рубежом, либо тем, что пропагандистская ценность таких визитов завышается. Возможно, все эти четыре мотива совмещаются в советской голове, не расположенной к тщательному выявлению различий»³⁷.

На самом же деле советские власти знали, что они делают, как бы высокомерно ни относился к ним Робертс. Хотя несомненно, что в самой Англии ценность джонсоновского турне ограничивалась его общепризнанной репутацией как некритичного поклонника Советского Союза, масштабы советской религиозной политики были намного более всеохватывающими, чем мог себе представить Робертс. Визит Джонсона поставил авторитетную печать одобрения на всю сталинскую политику в области религии военного времени, усилил значение Собора и визита иерархов Восточного православия в Москву в начале того же года, когда Алексей был возведен на патриарший трон. Религия в Советском Союзе полнокровна, католическая церковь враг прогрессивных народов на всей Земле, ни одному христианину не нужно бояться расширения советской политической сферы — даже христианские лидеры в Западных демократиях поняли это и готовы были под этим подписаться. Как признался сам Робертс, многие в Соединенных Штатах, СССР и особенно в Восточной Европе не знали о сравнительно скромном положении настоятеля Кентерберийского собора, путая его с намного более влиятельным архиепископом Кентерберийским. Фактически, настоятель был второстепенной фигурой в церкви, в его ведении был только кафедральный собор в городе Кентербери, но его титул вызывал ассоциации с Томасом Беккетом и другими великими архиепископами. В силу этого, когда Джонсон выступал с изложением своих взглядов по обширному кругу политических вопросов, очень многие, естественно, верили, что за его словами стоит весь авторитет Англиканской церкви и, что более важно, английского правительства. Взгляды, которые излагал Джонсон, также казались лишь еще одним скромным шагом по пути, уже намеченному архиепископами Темплом и Гарбеттом.

Этот путь достиг завершения летом 1945 г., когда Русская православная церковь после визита архиепископа Гарбетта в 1943 г. совершила ответный визит — уже в тот момент, когда Джонсон ездил по Советскому Союзу. Ответный визит русских иерархов был намечен на лето 1944 г., но смерть архиепископа Темпла и патриарха Сергия, а также транспортные проблемы, возникшие в связи с высадкой союзников в Нормандии в июне 1944 г., заставили отложить путешествие до следующего лета³⁸. Получилось, что этот визит из пропагандист-

ского обмена военного времени превратился в триумфальное турне в ознаменование победы.

Окружавшая визит в июне 1945 г. аура в корне отличалась от той, с какой происходил визит архиепископа Гарбетта в Москву в 1943 г. Тогда, несмотря на то, что Красная Армия после нескольких ошеломляющих побед вела наступление, немцы продолжали находиться глубоко на территории СССР, и исход войны еще не был предрешен. Советские солдаты гибли миллионами, а западные союзники пока еще не высадились в Нормандии. В 1945 г., наоборот, война в Европе победоносно закончилась, Восточные и Западные союзники встретились на Эльбе, и антигитлеровский настрой, скреплявший «Великий альянс» во время войны, стал рассыпаться. Сталинские силы уже начали устанавливать свой порядок в Восточной Европе. Солдаты Красной Армии казались не столько далекими и таинственными героями и спасителями, сколько предвестниками нового, красного тоталитаризма, почти такого же страшного, как его коричневый вариант.

Один такой признак перемены настроений подemonстрировал не кто иной, как архиепископ Гарбетт, который в частном письме был намного более осторожным в оценке советского режима, чем во времена его публичного восхваления Сталина и сталинистского режима в 1943 г. В июне 1945 г. он писал Кристоферу Уорнеру из Форин офиса:

«Я всегда опасался, что с окончанием войны коммунистическая партия в какой-то степени возобновит свои действия против церкви. С другой стороны, я надеюсь, что значительное поле для маневра, которое сумела обеспечить себе церковь, достаточно укрепило ее против любых преследований. Я надеюсь, что прием, который получит у нас делегация Русской православной церкви, поможет укрепить ее, при условии, конечно, что мы проявим осторожность, не сделаем и не скажем ничего, что могло бы выглядеть так, будто ради поддержки церкви мы критикуем государство».

Гарбетт заявил, что «рад» тому, что русскую делегацию в Лондон возглавит «архиепископ Николай», так как «он политический представитель партии». Правда, он был тем человеком, который перед войной и в ее конце подавлял соперничавшие церкви в западных пограничных областях, и тот же Николай торжественно заверил мир, что катынские расстрелы дело рук нацистов. Гарбетт предпочел обойти эти вещи, он считал, что, «чем ближе мы можем поддерживать Русскую церковь в контакте с остальным христианством, тем осторожнее будет (коммунистическая. — С. М. М.) пар-

тия в отношении осуществления преследований. Но что за проблема Россия для всех нас!»³⁹.

К тому времени, как Николай прибыл в Лондон, лидеры Англиканской церкви уже несколько месяцев знали, что для духовенства и верующих в России все далеко не так хорошо. У церкви был «Комитет по делам депортированных», занимавшийся изучением советских религиозно-политических репрессий в СССР, и он сообщал печальную правду: депортации составляли важную и неотъемлемую часть восстановления советской власти на территориях, во время войны оккупированных немцами. Осенью 1944 г. эта группа составила письмо, которое намеревалась передать в советское посольство с просьбой сообщить о судьбе известных ей депортированных. Когда в Министерстве информации и Форин офисе узнали об этой идее, ее тут же опротестовали, в чем помогли осторожные деятели в самой церкви. Преподобный Уэддамс из отдела религии министерства написал, что, «если такое письмо будет направлено, ответ будет резким, и это может поставить под угрозу возможность дальнейшего развития отношений между Англиканской и Русской православной церквями»⁴⁰. Церковных лидеров встревожило и предложение поставить под этим письмом подпись нового архиепископа Кентерберийского Джеффри Ллойда. Священник из Ламбет-Пэлас писал: «Архиепископ очень не хочет предпринимать какие-нибудь действия, которые могут помешать нашим отношениям с русскими, и все-таки многие думают, что, если ничего не предпринять, депортации будут продолжаться. Честно говоря, я считаю катастрофическим, если бы архиепископ и другие предприняли шаги, которые могли бы подбросить грязи в политические воды, но в то же время, если совершается большая несправедливость, кто-то должен поднять голос»⁴¹.

Как всегда, добровольцев поднять голос оказалось немного, а уважительных причин не делать этого предостаточно. И все же в Церкви Англии наблюдались разногласия по поводу того, поднимать ли такие вопросы во время визита или нет, но министерство информации оставило с носом «определенных очень трудных членов Комитета Церкви Англии», выделив правительственные средства на покрытие расходов по приему делегации. Как писал преподобный Уильямс: «Если мы оплачиваем добрую часть расходов, мы можем более разумно и с большей отдачей направлять ход событий, чем если бы не платили... Я сказал об этом Смоллетту и понял, что он совершенно с нами согласен»⁴². Для того чтобы быть уверенным, что все идет своей чередой, министерство поручило заниматься подготовкой визита преподобному Уэддамсу, который сопровождал архиепископа Йоркского в Москву в 1943 г. и который почти не был известен как сотруд-

ник правительственного пропагандистского органа. «Мы находимся в довольно благоприятных условиях, — писал Уильямс Смоллетту. — Мы, таким образом, будем иметь прекрасную связь с организацией, которая непосредственно занимается пребыванием делегации в нашей стране»⁴³.

Обстоятельства подготовки к приезду делегации Русской православной церкви очень тонко обрисовывают непреодолимую дилемму, вставшую перед лидерами Западной церкви: высказать все об известных советских преступлениях — значит сделать церковь уязвимой для обвинений в подрыве союза. После войны любой публичный протест может точно так же усложнить международные отношения в условиях деликатной послевоенной ситуации в Европе. Подходящего времени просто не было. Кроме того, публичный протест может привести к ухудшению положения тех самых людей, которые терпят притеснения. Смолчать, однако, значило каким-то образом примириться с совершаемыми в массовом масштабе преступлениями. К сожалению, лидеры Англиканской церкви, не замалчивая сталинские зверства, не выступали с открытым осуждением их. Они убедили себя, что если они будут продолжать вести себя публично так, словно ничего предосудительного не происходит, и продолжать восхвалять СССР, его вождей и систему, то им удастся вовлечь в сети сотрудничества Советы, которые тогда будут вынуждены изменить свою политику. Эта приятная иллюзия на деле оказывалась просто удобным логическим оправданием отказа что-либо делать и продолжения пропаганды военного времени в условиях первых лет послевоенного периода. Что касается связей между Русской православной и Англиканской церквями, то контакт между ними быстро становился еще одним заложником судьбы, а не средством смягчения сталинистского режима или обхождения со служителями церкви, на что уповали англиканские иерархи. Осуждение возобновившихся советских религиозных гонений, как стали объяснять теперь, не только повредило бы дипломатическим связям между Востоком и Западом, но и поставило бы под угрозу восстановленные церковные связи.

Весной и летом 1945 г. Лондон был не единственным местом за рубежами Советского Союза, куда отправлялись православные деятели. В начале марта 1945 г. Николай присутствовал на Панславянском конгрессе в Софии, в Болгарии, теперь оккупированной Красной Армией. Болгарская православная церковь пребывала в схизме от остального православного мира с 1872 г., когда Османская империя навязала Болгарии свой собственный экзархат с целью вбить клин между православными подданными Турецкой империи. Эта тактика имела успех, преимущественно греческое руководство православной

церкви отказалось признать болгарскую автономию. В 1945 г. после настойчивых уговоров Московской патриархии, поддержанных, естественно, присутствием Красной Армии, экуменический патриарх, наконец, согласился принять болгарскую автокефалию. Прекращение схизмы было отмечено торжественной литургией в Софии, на которой присутствовали русское духовенство и советские дипломаты⁴⁴. Этот шаг явно отвечал интересам Советов, точно так же как от первоначального раскола выигрывал Оттоманский империализм, потому что Болгария находилась под советским контролем, а потому признание болгарской церкви автокефальной отделяло ее от близких ей православных в Греции и Турции, двух групп верующих, оставшихся за пределами советской сферы влияния. Возможно, в знак признательности за эти новые реальности на Панславянской конференции митрополит Стефан Софийский склонил голову и страстно говорил о Советском Союзе:

«Карл Маркс не сумел найти себе последователей в Германии или Англии^{*}, которые бы осуществили его теории на практике. Русский дух нашел решение социальных проблем, согласно которому все люди станут братьями. Русский коммунизм... добился подлинного равенства и уничтожил цепи рабства, нищеты и социальной ограниченности. Он решил не только проблемы русского мужика и великой Русской земли, но и всего мира»⁴⁵.

Впечатляющее свидетельство московского религиозного наступления — православный церковный деятель, чья страна и церковь лежат у ног Красной Армии, провозглашает, что Карл Маркс был первым мыслителем, нашедшим ключ к всеобщему братству.

Два месяца спустя, в конце мая, делегация русских священников во главе с патриархом Алексием и митрополитом Николаем вылетела из Советского Союза в Тегеран, откуда взяла курс на Запад и совершила визиты в Дамаск, Бейрут, Палестину, Иорданию и Египет, где их приветствовало местное православное духовенство⁴⁶. Десятого июня в Каире Николай с двумя священниками отделился от Алексия и направился в Лондон. Англичане расценили необычный размах турне как серьезное подтверждение возрождения советских интересов к Средиземноморскому региону: «Очень похоже, что советское правительство намеревалось поощрять попытки Русской православной церкви снова стать центром православного мира. Это не будет трудно,

^{*} Интересно обратить внимание на то, что Англия и Германия оказались в одной связке, и на организованной Советами конференции о них отзывались с таким пренебрежением. Это было одним из свидетельств растущей напряженности в связи со столкновением советских и английских интересов на Балканах (особенно в отношении Югославии и Греции).

поскольку Балканы находятся под пятой у Советов, и вне ее влияния остается только Греция... Для упомянутых государств это кажется восстановлением интересов имперской России в этих странах». Москва уже начала подавать сигналы о своих интересах в турецкой Армении. Теперь наряду с Русской православной церковью в ведение международной политики могут быть втянуты и советские мусульмане. «Так Советские власти смогут использовать религиозную тетиву своего лука, и никто не сможет сказать, что они защищают исключительно православные интересы, как это было при царях»⁴⁷.

Столь же примечательными, как места, которые русские священники посетили, были и центры православия, которые они сознательно обошли. Русские не поехали в Грецию, и их не пожелало видеть правительство Турции. Лидеры Греческой церкви в высшей степени скептически относились к вновь обретенному советским властями интересу к религии и, несомненно, считали, что балканское турне вряд ли вызовет восторг. Что касается константинопольского патриарха, то его мнение об искренности советских властей не играло роли — турецкое правительство не имело желания видеть, как его будут использовать в качестве орудия для реализации московских территориальных претензий к Турции.

Комментируя маршрут турне русских иерархов по Ближнему Востоку, другой английский дипломат, Фрэнк Робертс, обладавший прекрасным чувством истории, тонко заметил параллель: «Безбожное коммунистическое государство, — сказал он Энтони Идену, — использует православную церковь в своих политических целях тем же способом, как безбожная Французская республика конца XIX — начала XX века использовала религию для достижения своих целей на Ближнем Востоке и по всей французской колониальной империи»⁴⁸. Робертс считал, что необходимо заранее, еще до начала русского визита в Лондон, предупредить архиепископа Кентерберийского и других англиканских иерархов о том, что бросается в глаза относительно использования Советами православной церкви. Робертс очень верно предсказал, что русское православие, возможно, достигло высшей точки при Сталине, его будущее выглядит бледнее. Он отметил, что в школах и в прессе уже начинается кампания материалистического образования, имеющая целью противостоять росту религиозных настроений, особенно среди молодежи,⁴⁹ из чего он заключил: «Представляется вероятным, что теперь, когда советскому государству не угрожает смертельная опасность... православная церковь будет использоваться главным образом в целях внешней пропаганды, и что будет предпринята решительная попытка не дать возрождению религии внутри России пустить глубокие корни». По поводу возобнов-

ления в советской прессе антирелигиозной тематики Робертс писал: «Эта просветительская кампания вместе с трудностью преподавания религии и подготовки достаточно сильного состава священнослужителей вполне может создать условия, при которых православная церковь в России останется более или менее музейным экспонатом внутри страны, хотя, несомненно, ее будут все больше использовать для расширения русского влияния за пределами Советского Союза»⁵⁰

Форин офис в основном был согласен с оценками Робертса мотивов советской политики, хотя в своей справке, которая была передана архиепископу Кентерберийскому, опустил его самый сильный аргумент: «Коммунистическая партия всегда будет настаивать на роли главного партнера в этом довольно странном идеологическом альянсе, но проповедуемый православной церковью патриотизм очень полезен для власти и может не дать церкви превратиться в музейный экспонат». Это, конечно, полностью противоречило обоснованному пессимизму Робертса, но архиепископ из собственных источников уже имел представление о ситуации с Русской православной церковью, которая была совсем не такой, какой казалась на вид.

Ни одному из этих печальных сомнений, насколько бы они ни были обоснованными, не позволят омрачить яркое представление, которое придумывали для празднования так называемого духа альянса, который должен был сопровождать Николая во время его одиннадцатидневного визита в Лондон. Что же касается публики, то ничто не должно было испортить счастливый имидж восставшей из пепла и уверенной в себе Русской православной церкви, провозвестницы новой, уже не такой пугающей советской реальности. Смоллетт, как всегда, был на своем посту и писал: «Нет сомнений, что это событие позволит получить очень красочный визуальный, а также акустический материал, который с удовольствием будут снимать кинорепортеры» — и который он с радостью будет поставлять⁵¹. Маршрут русских гостей был впечатляющим и говорил о той важности, которую английское правительство придавало успеху визита. Они не только встретились с новым архиепископом Кентерберийским и осмотрели Ламет-Пэлас, они еще посетили Виндзор, и в Букингемском дворце их приветствовал король Георг VI⁵². На объединенной службе в Вестминстерском аббатстве 19 июля — фантастическом спектакле для смоллеттовских кинокамер — архиепископ Кентерберийский возблагодарил Господа за то, что «мы освободились от опасностей, которые окружали наши страны, и от лживых и губительных доктрин, которые унижали человеческую жизнь и стремились разрушить фундамент христианской веры». Советское прошлое, память о его грехах были, таким образом, стерты из памяти. Пользуясь словами, с 1938 г. вышедшими из моды,

архиепископ произнес: «Мир в наше время зависит от продолжения и укрепления товарищества, которое столь славно поддерживало нас во время войны»⁵³. Митрополит Николай ответил ему в сходных выражениях, проговорив нараспев: «Общая борьба против врага цивилизации и христианства очень сблизила наши народы, и мы почувствовали взаимную дружбу»⁵⁴. Перед этим Николай зачитал послание патриарха Алексия, в котором тот говорил, что победа над фашизмом «приобретает священное значение как защита христианских принципов от варварских врагов христианской цивилизации»⁵⁵.

Какими бы теплыми ни были эти слова, тон визита очень отличался от того, каким сопровождался визит в Москву архиепископа Йоркского в 1943 г. Вступительные речи английских политических лидеров, ученых, политических деятелей были даже еще доброжелательней и еще уклончивей, чем обычно. Окончание войны лишило религиозный вопрос его важности, а политическая напряженность между Востоком и Западом уже начала пробиваться наружу. Почувствовав, что происходит смена ветров и что ветер повернул в сторону от Востока, политические фигуры с чувствительными метеорологическими антеннами догадывались, что слишком тесная связь с русофильством военного времени перестает быть политическим капиталом. По крайней мере, со стороны англичан наблюдалось мало энтузиазма в отношении визита русских православных иерархов, но дело было сделано, отчасти по инерции и отчасти просто потому, что не могли найти вежливого предложения отказать в гостеприимстве Николаю с его коллегами священнослужителями, раз английская делегация побывала в Москве⁵⁶.

Визит Николая в Лондон, как и необъяснимая встреча Хьюлетта Джонсона со Сталиным, были кульминационной точкой в пропаганде Святого альянса между Москвой и Западом. В начале лета 1941 г. невозможно было представить, что через четыре года митрополит Русской православной церкви с полного согласия своих коммунистических господ поедет в английскую столицу и там его будут чествовать архиепископ Кентерберийский и сам король. Пройдет несколько лет, холодная война войдет в силу и сделается жаркой, и тогда станет трудно вспомнить такие сцены и тепло, которые характеризовали отношения между Москвой и ее западными союзниками хотя бы внешне. Однако короткий период критического времени, когда по всей Европе было важно демонстрировать единство союзных держав, обе стороны были заинтересованы делать вид, будто с религией в СССР все в порядке, будто все союзные державы стремились защитить «христианскую цивилизацию» и будто Западные церкви могли с легким сердцем поддерживать дружеские отношения со своими будто бы свободными русскими братьями.

Примечания

- ¹ Bourke-White. Shooting the Russian War. P. 5.
- ² Bourke-White. A Look at Russia.
- ³ Внутренний бюллетень ВОКС. № 11–12. Без подписи. Секретно. Май 1944. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1394.
- ⁴ Bourke-White. Shooting the Russian War. Photo caption. P. 253.
- ⁵ Ibid. P. 136–157. Все последующие цитаты взяты из этой главы.
- ⁶ Внутренний бюллетень ВОКС. № 11–12. Секретно. 13 мая, 1944. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1394.
- ⁷ Werth. Moscow 1941. P. 141. Эта книга представляет собой не больше чем компиляцию его военных репортажей. В радиопередачах он часто горячо поддерживал советскую сторону, особенно в вопросе «Второго фронта», ярким сторонником которого он был. Чиновники Форин офис оносились к текстам его передач по этому вопросу как к обыкновенной «пропаганде», и его радиорепортажи, передававшиеся на Лондон, даже становились предметом обсуждения Военного кабинета, где задавали вопрос: «Правильно ли предоставлять условия для передачи на нашу страну материалов, принужающих наши военные достижения?». War Cabinet Conclusions 118 (43). PRO FO 371/36921. Кабинет решил, что любые санкции против Верта будут контрпродуктивными. Верт вел «Русский комментарий», звучащий на Би-Би-Си по воскресным вечерам после девятичасовых новостей, в один из лучших отрезков времени в эфире, когда у радио была самая большая аудитория. Тексты читал Джозеф Маклеод, в высшей степени уважаемый диктор». Bell. John Bull and the Bear. P. 71.
- ⁸ Ibid. P. 49–50.
- ⁹ Ibid. P. 128.
- ¹⁰ В конце восемнадцатого века Екатерина Великая пригласила этнических немцев заниматься в России сельским хозяйством, надеясь, что они распространят среди русских крестьян передовые методы ведения хозяйства. Потомки этих немецких фермеров остались в России, а затем в СССР, пока Сталин осенью 1941 г. не выслал их в Среднюю Азию.
- ¹¹ Ibid. P. 174.
- ¹² Ibid. P. 51, 128.
- ¹³ Alexander Werth to Sir Stafford Cripps. July 16, 1941. With enclosure by Werth, memorandum on possible Propaganda Points in dealing with Russia. Криппс направил документ в Форин офис, который в свою очередь отправил его копию в Министерство информации. В письме, к которому прилагалась записка Верта, Криппс писал: «Я полностью не согласен с выраженной здесь точкой зрения, но очень поддерживаю то, что он (Верт. — С. М. М.) говорит по поводу преподнесения этого вопроса в Англии». Cripps to Sargent. July 16, 1941. PRO INF 1/913.
- ¹⁴ В сопроводительной записке к Стаффорду Криппсу, к которой он приложил свое письмо, Верт писал: «Естественно, было бы лучше, с точки зрения наших отношений с московскими властями, если бы наши имена не раскрывались никому, за исключением самых ответственных

- людей в Лондоне». Верг сказал, что в написании записки ему помогал Морис Ловелл. Он также заметил, что некоторые из мыслей он почерпнул у самого Криппса. Werth to Cripps. July 16, 1941. PRO INF 1/913.
- ¹⁵ У Би-Би-Си не было постоянного аккредитованного собственного корреспондента в Москве. Она пользовалась услугами нескольких журналистов, в том числе Уинтертона, Верта и Джона Фишера.
- ¹⁶ Paul Winterton to Norman Cliff. September 14, 1944. PRO FO 371/43337.
- ¹⁷ Генри Кэссиди также узнал о сопротивлении, оказанном частям Красной Армии во время «Барбароссы» в 1941 г. «Мужчины стреляли с крыш, женщины на улицах всаживали ножи в спины отступающим солдатам Красной Армии». Конечно, он не мог сообщать об этом, все еще находясь в СССР. Cassidy. Moscow Dateline. P. 56.
- ¹⁸ Winterton to Sir Walter Layton. November 5, 1944. PRO FO 371/43337.
- ¹⁹ Winterton to Cliff. September 14, 1944. Ibid.
- ²⁰ Winterton to Layton. November 5, 1944. Ibid.
- ²¹ Walter Graebner. Shoe Leather for Bread. Daily Mail. January 12–14.
- ²² Wilson memorandum. January 14, 1943. PRO FO 371/36923.
- ²³ В. Фин – Лозовскому. 30 декабря 1943 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 244. С. 1393.
- ²⁴ Все цитаты там же.
- ²⁵ Запись Лозовского о встрече с Маджидо. 29 апреля, 1944 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1394.
- ²⁶ Obituary of Leo Gruliov. Ohio Slavic and East European Newsletter 26. No. 1. September 1997. P. 1.
- ²⁷ Лев Грулев. Военная помощь России. 18 января 1944; Лозовский – Щербакову. 25 января 1944. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1393.
- ²⁸ Литвинов – Лозовскому. 31 января 1944. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1393.
- ²⁹ В. Кеменов – Щербакову. 22 февраля 1944 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1394.
- ³⁰ Советская пропаганда не была застрахована от глупых редакционных ошибок, когда речь шла о союзниках СССР. В апреле 1942 г. редакция «Известий» по «преступной халатности» напечатала снимок горящего танка с подписью: «Западный фронт: Бесславный конец фашистского танка». На самом деле на фотографии был английский танк «Матильда». Лозовский – Щербакову. 31 апреля 1942 г. Пальгунов – Лозовскому. 31 мая 1942 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1364.
- ³¹ Проект письма В. Кеменова Эдуарду Карг. 22 февраля 1944 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1394.
- ³² Александров – Молотову с изложением предложения Ростовского. Март 1943 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. С. 1385.
- ³³ Нога Молотова 18 марта 1943 г. Там же.
- ³⁴ Запись беседы Смоллетта с Майским 11 мая 1944 г. PRO FO 371/43327. Эта беседа состоялась после того, как Майский был отозван с поста посла в Лондоне и они встретились во время приезда Смоллетта в Москву.
- ³⁵ Поездка Джонсона в Москву совпала с визитом Клементин Черчилль, жены премьер-министра. Выступая на встрече, устроенной в их честь,

- Джонсон провозгласил, что был счастлив, когда Черчилль объявил вступлении Англии в войну «на правильной стороне», словно Англия, а не СССР раздумывала о союзе с нацистами в 1941 году. Frank Roberts to E. Bevin. August 11, 1945. PRO FO 371/47930.
- ³⁶ What Stalin Told Me by the Dean of Canterbury. August 11, 1945. PRO FO 317/47930.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Clark Kerr to Foreign Office. June 26, 1944. PRO FO 371/43338.
- ³⁹ Archbishop of York to Warner. June 11, 1945. PRO FO 371/47930.
- ⁴⁰ Reverend H. M. Waddams to Foreign Office. October 10, 1944. PRO FO 371/43340.
- ⁴¹ Reverend I. H. White Thompson to Wilson (Foreign Office). October 12, 1944. FO 371/43340.
- ⁴² Williams to Campbell (Finance Division). May 5, 1945. PRO INF 1/793. Незадолго перед смертью, в конце февраля 1944 г., Темпл уже согласился, что Министерство информации должно финансировать визит. Однако высокий уровень сотрудничества церкви с правительственной пропагандой следовало скрывать от публики: «Полагали, что ланч для делегации будет разумнее проводить в помещении министерства информации». Note on a Meeting at the Foreign Office on the 21st February. February 22, 1944. PRO INF 1/793. Хотя это условие предусматривалось, когда визит первоначально намечался на 1944 г., оно осталось в силе после переноса визита на 1945 г.
- ⁴³ R. R. Williams to Smollett. March 3, 1944. PRO INF 1/793.
- ⁴⁴ Memorandum by B. Miller. Foreign Office Research Department. June 1, 1945. PRO FO 371/47929.
- ⁴⁵ Цит. по: Graves. A Record of the War. P. 104.
- ⁴⁶ Сведения об этой поездке, основанные на современных советских публикациях, содержатся в книге: Alexeev. Foreign Policy of the Moscow Patriarchate. P. 24–25.
- ⁴⁷ Waddams to Galsworthy (Northern Department of the Foreign Office). May 24, 1945. PRO FO 371/47930.
- ⁴⁸ Roberts to Eden. April 21, 1945. PRO FO 371/47929.
- ⁴⁹ Подробнее см. гл. 4.
- ⁵⁰ Roberts to Eden. April 21, 1945. PRO FO 371/47929.
- ⁵¹ Smollett to Waddams. June 8, 1945. PRO INF 1/793.
- ⁵² Visit of Russian Church Delegation: Programme. PRO INF 1/793.
- ⁵³ Addresses of Welcome to the Russian Orthodox Church Delegation by the Archbishop of Canterbury. June 19, 1945. PRO INF 1/793.
- ⁵⁴ The Reply of his Beatitude the Metropolitan Nikolai of Krutitsy. June 19, 1945; Ibid.
- ⁵⁵ Letter of Aleksii, delivered by Metropolitan Nikolai. June 12, 1945; Ibid.
- ⁵⁶ Весной 1944 г., когда складывалось впечатление, что русский визит состоится летом того же года, Уэддамс писал: «Я рекомендовал политику искусной бездеятельности, насколько это касается участия министерства в оформлении выдачи въездной визы». R. R. W. minute. May 16, 1944. PRO INF 1/793.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так внешний вид от сущности далек:
Мир обмануть не трудно украшеньем;
В судах нет грязных, низких тяжб, в которых
Нельзя бы было голосом приятным
Прикрыть дурную видимость. В религии —
Нет ереси, чтоб чей-то ум серьезный
Не принял, текстами не подтвердил,
Прикрыв нелепость пышным украшеньем.
Нет явного порока, чтоб не принял
Личину добродетели наружно.

Вильям Шекспир
«Венецианский купец»

Если мы посмотрим на наших священников, ду-
мая, что они больше, чем просто люди, мы, воз-
можно, подумаем, что они меньше.

Энтони Троллоп
«Барчестерские башни»

Гибель «Титаника», самая трагическая катастрофа в истории мореплавания, продолжает порождать самые разные спекуляции, которые не утихают почти через столетие после случившегося. Циркулируют всевозможные теории, претендующие на объяснение, почему гигантский, считавшийся «непотопляемым» корабль утонул в свой первый же рейс. Одна гипотеза считает, что железо корабельного корпуса, хотя и было необычайно крепким в повседневных условиях, имело примеси, которые вызвали утрату упругости, и железо сделалось ломким, остыв в ледяной воде Северной Атлантики очень холодной весной 1912 г. Когда корабль врезался в айсберг, вместо того чтобы податься назад или разбить лед, железный корпус или, возможно, железные заклепки, «треснули», и образовалась длинная узкая щель ниже ватерлинии.

Всёобщее восхищение «Титаником» никогда не было связано с захватывающей задачей по решению технических загадок. Читате-

лей, кино- и телезрителей, скорее, привлекает образ метафорической мощи «Титаника». Корабль можно считать воплощением общего состояния человечества на заре двадцатого века. Крушение океанического Левиафана поднимает вопрос о попытках человека господствовать над природой, о заносчивости индустриального общества и о хрупкости западной цивилизации накануне Первой мировой войны. Эта драма коснулась одинаково и его богатых, и его бедных пассажиров, и поэтому невольно возникает ставший предметом бесконечных рассуждений на протяжении последующих десятилетий вопрос о классах и привилегиях.

Развал СССР, произошедший почти целый век спустя, имеет более чем случайную схожесть с гибелью «Титаника». Большевистский режим появился на свет всего через пять лет после трагедии в Северной Атлантике. Подобно лайнеру, «советский эксперимент», как его называли, был прометеевской попыткой установить господство над природой, взнуздать мощь индустрии и создать гигантский монумент человеческой изобретательности и мощи. Большевизм был частью того же европейского мира, который произвел на свет «Титаник». Первые коммунисты, как первые английские морские кораблестроители, обладали почти религиозной верой в преобразующую силу науки и индустрии. На старом большевистском кладбище в Санкт-Петербурге, например, все еще можно найти свидетельства этой веры, увидев на могильных надгробиях рисунки машин, роторов и пропеллеров вместо традиционных русских православных крестов. Здесь отчетливо просматривается символика: религию заменили верой, что наука и планирование принесут спасение. Емельян Ярославский, глава «Лиги воинствующих безбожников», лучше других выразил новое материалистическое кредо социализма:

«Человек не может действовать правильно, не может действовать организованно, как коммунист, как ленинец, если его мозг отравлен религией. Для того чтобы преодолеть стоящие перед нами огромные трудности, для того чтобы переделать мир, как того хотят рабочий класс и крестьянство, для того чтобы подчинить все силы природы и заставить их работать на благо человечества, для того чтобы изменить социальные отношения сверху донизу, для того чтобы покончить с войной между нациями, искоренить бедность с лица Земли, необходимо, чтобы каждый человек, каждый крестьянин или рабочий видел вещи такими, какие они есть, без вмешательства богов, святых, ангелов, демонов, домовых, оборотней, добра и зла»¹.

Большевики поставили очень амбициозные цели — полностью переделать условия человеческого существования, но, несмотря на все рвения, их новая вера была построена на песке. Подобно «Тита-

нику», СССР при всех своих гаргантюанских размерах и очевидной мощи в мгновение ока рухнет и рассыплется, став жертвой внешних и внутренних противоречий, а также изначально заложенных в нем изъянов.

Во многих отношениях сталинистское государство было необычайно мощным. Оно смогло ликвидировать внутренние соперничавшие центры власти и преодолеть внутренние разногласия, оно доказало свою жизнеспособность, чтобы создать свои копии в Восточной Европе и одновременно защищать расширяющуюся коммунистическую империю могучими вооруженными силами и вездесущей полицейской сетью. Но так же, как железо выдерживает огромное давление и напряжение, но ломается под воздействием небольшой силы, приложенной при определенных условиях, Советский Союз выдержал натиск нацистов только для того, чтобы взорваться в мирное время. Советская система, несомненно, была исключительно мощной, но это был колосс на глиняных ногах.

Оглядываясь в прошлое, мы видим, что годы войны показали будущую раскладку сил, которые, высвобожденные через десятилетия, смели Советский Союз. Национализм, во многом неразрывно связанный с религиозной верой, оказался ахиллесовой пятой Советского Союза. Прошло чуть меньше года, как Михаил Горбачев лишился власти, и он сам признался в этом, сказав, что «национальный вопрос» был единственной решающей причиной распада Советского Союза². Религия и национализм разные вещи, но особенно в Восточной Европе они идут бок о бок, создавая непреодолимые проблемы для непрочных многонациональных режимов³. Для более отчетливого понимания постсоветских реалий нужно разбираться в линиях религиозного и национального разлома, которые пролегли или вновь обозначились во время войны и снова вышли на поверхность в 1980-е гг. В западных пограничных областях, как только власть Москвы зашаталась, возвратились те самые религиозные схизмы и групповщина, которые поразили Русскую православную церковь после немецкого нападения на СССР. Украинская автокефальная церковь, украинская автономная церковь и православная церковь Молдовы вступили в спор за церковную собственность, переданную Сталиным Московской патриархии⁴. Самый острый конфликт разгорелся между Греко-католической церковью и русским православием⁵. Между Эстонской православной церковью и Московской патриархией возникло пререкание даже по поводу провозглашения эстонцами автокефалии, наследия борьбы, происходившей во время войны между Москвой и архиепископом Сергием (Воскресенским)⁶.

Советская история в значительной степени была войной с прошлым, против исторического наследия царской России и Российской империи, которую коммунисты стремились похоронить ради рождения «нового советского человека». Повторяющиеся кампании против религии являлись главными для всего советского предприятия. Как предсказывал Достоевский, православный Бог должен был сначала быть сброшен со своего трона, чтобы потом Человек в обличье нового государства-партии мог занять его место. Большевики были носителями вечной веры русской интеллигенции в материалистический социализм; конечно, не все члены предреволюционной интеллигенции стали большевиками, но подавляющее их число полностью отвергало религиозную веру⁷ Для русской радикальной *интеллигенции* православие олицетворяло все то, что она мечтала искоренить в России: традиционализм, отсталость и темноту русского крестьянина с его предрассудками и раблепными ритуалами. Воскуряемые православные благовония только мешали разглядеть обещанное наукой и промышленностью светлое будущее.

Советский коммунизм предлагал альтернативную религию, которая, невзирая на свои «претензии на научность», была еще более ритуалистичной и недоказуемой, чем для многих поколений было православие. Отгородившись от остального мира своими догмами, советские вожди никогда, по сути дела, не понимали стойкость религиозной веры. Они исходили из того, что каждый разумный образованный человек, естественно, отбросит религиозные предрассудки, как ребенок перерастает свою погремушку. К примеру, Троцкий писал, что религия не предлагает ничего более, чем мишурный спектакль, и что, как водка, она одурманивает «массы». С этой точки зрения, большевистское кино легко может заменить «бессмысленный ритуал» церкви, потому что фильм предлагает лучшую, более разнообразную «драму». По словам Троцкого, кино развлекает, просвещает, возбуждает воображение образами и освобождает человека от необходимости пересекать церковный порог. Кино, говорил он, великий конкурент не только кабака, но и церкви⁸.

Будучи злейшими врагами, Троцкий и Сталин тем не менее одинаково презрительно относились к религии. Осенью 1941 г., когда У Аверелл Гарриман сообщил Сталину, что президента Рузвельта беспокоит проблема религиозной свободы, диктатор ответил с насмешкой: «Он спросил у меня, — вспоминал Гарриман, — неужели президент, будучи таким интеллигентным человеком, и в самом деле религиозен, каким кажется, или его богословие служит политическим целям»⁹. Как и Троцкий, Сталин был убежден, что религия обман и что все священники — шарлатаны, манипулирующие необразован-

ными людьми ради своих корыстных целей. Столь же презрительно он относился к священнослужителям, считая их циничными эксплуататорами человеческих слабостей, и к мирянам за их невежество и отсталость. (Это заставляет задуматься, какие же сцены он видел молодым человеком в Тбилисской православной семинарии, чтобы они вселили в него такое мизантропическое и ограниченное отношение к религии и человеческой природе.)

Многие специалисты видели в советской системе логическое продолжение царских традиций, часть «русского синдрома» или «русской традиции» этатизма¹⁰. С этой точки зрения, советский режим был не больше чем модернизированный и технически более сложный вариант русского самодержавия, а Сталин был просто «красным царем» или Чингисханом с телеграфом. Огромная глотка русской автократической традиции проглотила марксистские, совершенно гуманистические побуждения и отрыгнула все это в виде сталинизма. История отношений между православной церковью и советским государством во время войны, возможно, единственный пробный камень для демонстрации этого, ибо здесь атеистический режим силой обстоятельств оказался вынужденным взять себе в союзники осколок старого режима, идеологического врага, которого до этого беспощадно преследовал. Внешне может показаться, что возрождение Кремлем церкви подкрепляет утверждение, будто СССР немногим большее, нежели Российская империя, подправлен и усовершенствован. Конечно, очень многие во время войны, в том числе и большая часть рядовых русских считали, что возвращение церкви и общее возвращение русской национальной тематики и символов во время войны указывало на то, что Сталин выбросил за борт большевистский радикализм и вернулся к традиционным нормам управления государством.

Было бы неверно отрицать, что некая непрерывность связывает советскую практику с русскими культурными обычаями, моралью и установками. Слова, сказанные Сталиным Гарриману, а также сокрытая история отношений между советским режимом и Русской православной церковью показывают, что было бы упрощением проводить прямую линию преемственности между царской и советской системами. Сталин и его подручные нисколько не отступились от коммунизма, и идеология сохранила свое важнейшее значение для управления страной как в военное, так и в мирное время. Самое важное, идеология определяла восприятие религии советскими вождями — они знали, что религия враг, но не могли понять ее вечную притягательность¹¹.

Известно знаменитое, принадлежащее Александру Солженицыну сравнение коммунизма с раковой опухолью. Он подразумевал, что раковые клетки маскируются под здоровую ткань только для того,

чтобы, в конце концов, убить своего хозяина. Точно так же коммунистический режим кажется обладающим национальными характеристиками, а на деле эти характеристики разрушительны для национальности. Солженицынская аналогия полностью подходит к сложившимся во время войны отношениям между церковью и государством. Перед Кремлем стояли те же внутренние и внешнеполитические проблемы, что и перед его царскими предшественниками на протяжении трех столетий: центробежные силы религии и национализма угрожали московскому контролю над его западными границами. Для их решения коммунисты прибегли к методам и орудиям предшественников, включая использование Русской православной церкви. Но использовали их в значительной степени по-другому. Для Сталина религия была инструментом социального контроля, не больше, и он использовал ее, чтобы управлять «простым человеком». Советский диктатор был готов применять религию в качестве орудия государственного управления, но с его точки зрения он всего лишь побивал попов их собственным оружием, переманипулируя манипуляторов. Царь со своими чиновниками, возможно, использовал церковь для достижения собственных светских целей так же, как это делал Сталин, но они при этом не приказывали своим подручным считать церковь врагом, арестовывать и расстреливать священнослужителей, высмеивать ее доктрины как не достойные развитых взрослых людей, стремятся ограничить ее рост и обучать юное поколение не воспринимать ее доктрин и в то же время прикидываться гарантами свободы совести и религии.

Вопреки многим свидетельствам, произошедшее во время войны не было возрождением церкви, возрождалась религия. Такое различие имеет важное значение, так как возрождение религии произошло спонтанно, снизу, в ответ на массовые смерти в военные годы и временное ослабление атеистического прессинга. Это возрождение было политически волатильным, и поэтому Сталин санкционировал восстановление Московской патриархии, надеясь на восстановление порядка и стабильности. Среди этнических русских религиозное возрождение вылилось в увеличение числа требований снизу снова открыть церкви, вернуть церковную собственность, а также в активизацию мелких религиозных групп и сект, нередко открыто враждебных советской власти и не доверяющих Московской патриархии, а потому выпавших из-под контроля государства. Важно также помнить, что были расхождения и между иерархами Русской православной церкви и многими нижестоящими священнослужителями. Не все из них были готовы играть роль, отведенную им их политическими господами и, по-видимому, при попустительстве многих их собственных

церковных начальников. Они хотели приносить пользу верующим, а не выступать в роли агентов своих недавних гонителей — коммунистов. Отвергая авторитет покладистых церковных иерархов и будучи париями по всему Союзу, эти независимые священники представляли собой очень реальную политическую и социальную угрозу советскому режиму.

Советское государство сделал Московскую патриархию своим агентом не для того, чтобы утолить у народа жажду религии, это понадобилось, чтобы держать под контролем нежелательный религиозный и националистический энтузиазм, вовремя выпускать из них пар, делая их политически управляемыми. В этом смысле возрождение церкви, столь очевидное для внешнего мира, задумывалось как средство контроля над религиозным возрождением, которое не так бросалось в глаза. Преподнося восстановление Московской патриархии как демонстрацию кремлевского милосердия и доброй воли, а не как вынужденную меру, советская пропаганда добилась громкого успеха. Словно паразитический рак, сталинистский режим переодевался в одежды национализма и религиозной свободы и продолжал преследовать и подавлять спонтанную религиозную практику. Таким образом, церковь, которая в других условиях могла бы остаться агентом российского гражданского общества, сделалась орудием собственного вырождения. Сталинское государство не было совсем глухо к массовому общественному мнению, сложившаяся по этому вопросу точка зрения традиционных историков о том, что тоталитарные государства не восприимчивы к давлению со стороны общества, давно уже изжила себя. Кремль вполне отдавал себе отчет в том, что очень многие его граждане неспокойны или просто нелояльны. Едва ли это могло быть иначе после того, как многие советские граждане сотрудничали с захватчиками, боролись против вторичного утверждения советской власти или сплотились вокруг неофициальных церквей, выступая, так или иначе, против принятых режимом ценностей. Однако в то же время было бы очень неверно делать из отношений между церковью и государством вывод, будто Советы вели с верующими диалог, или что режим искренне реагировал на общественное волеизъявление. Как видно из всех совершенно секретных советских документов, режим был преисполнен твердой решимости полностью покончить с религиозной верой, сотрудничество с Московской патриархией представлялось всем советским вождям тактическим ходом в этой длительной борьбе.

Православные церкви оставались открытыми длительное время после окончания войны, пока не умер Сталин, и поддесятилетия после его смерти Советское государство не возобновляло наступления

на Русскую православную церковь вплоть до хрущевских времен. Тот факт, что Сталин до конца жизни воздерживался от нападок на церковь, навел многих историков на заключение, что это был пример, когда стареющий диктатор сдержал слово и не отступился от своей части договоренностей сентября 1943 г. с церковными иерархами — еще одно свидетельство успешных действий советской пропаганды, маскировавшей подлинную природу отношений между церковью и государством. Внешне складывалась парадоксальная ситуация: вся остальная культура и общество в послевоенные годы все сильнее стягивались тугой интеллектуальной и политической смирительной рубашкой, но церковь, казалось, составляла исключение. На самом деле парадокс этот, скорее кажущийся, чем действительный. Режим позволял церквям, находившимся под бдительным оком Московской патриархии, оставаться действующими, потому что еще нуждался в услугах официальной церкви, чтобы разобраться в причиненном войной хаосе в религиозных и национальных делах. Функционирующая Московская патриархия не была показателем религиозной свободы так же, как сталинизированный Союз советских писателей никак не служил доказательством, что советские писатели пользовались свободой слова.

Аналог с раковой опухолью имел еще один аспект, который Солженицын не развил: убивая своего хозяина, болезнь обрекает на смерть и самое себя. Идеи не проходят бесследно, как не проходит бесследно их смерть. В такой разномастной стране, как Россия, для сохранения ее целостности нужно иметь объединяющую мифологию. СССР победил в войне, но, несмотря на бравурные фанфары советской пропаганды, во время войны серьезно пострадали фундаментальные мифы большевизма. В этом смысле война с Гитлером была поворотным пунктом в советской истории, не менее глубоким, нежели революция 1917 года. Беспрецедентные потребности войны заставили Кремль обратиться к богатству русской истории, но за игру мощными традиционными символами и институтами расплачиваться приходится очень долго. Правительства не могут менять религию и национализм, то включая, то выключая их, как будто манипулируя вентилем. Для хозяев Кремля коммунизм, может быть, и оставался конечной целью, но для многих советских людей и также для многих государственных бюрократов война была утверждением русского национализма. Среди национальных меньшинств, особенно в западных пограничных областях, немецкая оккупация и ограниченное восстановление религиозной жизни в сфере публичной советской жизни, в сущности, усилили опасную, в конечном итоге ставшую фатальной связь между религиозной верой и антисоветским национализмом,

которую НКВД–НКГБ так упорно старались разорвать. За недолгий промежуток времени подчинение независимых церквей власти Московской патриархии, а через нее — сталинскому Кремлю облегчило реокупацию западных пограничных областей, затаивших неприятие советской власти и ее церковных суррогатов. С передачей очередной церкви новоиспеченному священнику из Москвы наносился удар по структуре гражданского общества, помогавшей местному населению оказывать сопротивление советской власти, но это не помогало завоевывать сердца и умы людей. Роль русского национализма в победоносной войне уподобляла для нерусских советское правление традиционному царскому империализму, а видная роль, которая при этом отводилась Русской православной церкви, только усиливала это впечатление. Сталин не был «Красным царем», но многие его подданные, не принявшие советской власти, видели в нем царя, только осовремененного и вооруженного последними ужасами извращенной науки полицейского государства. Во время большевистской революции латыши и другие прибалты охраняли Ленина, веря, что большевистский интернационализм освободит национальные меньшинства от ярма царско-русского господства, а к 1945 г. их сыновья воевали против восстановления коммунистического правления.

С 1945 г. вплоть до крушения советской власти коммунистический режим для своей легитимизации пользовался новыми мифами Великой Отечественной войны. Внушалась мысль, что советский режим спас человеческую цивилизацию от фашизма, вынеся нацистское нашествие, мобилизовав ресурсы страны с помощью социалистического планирования и, прежде всего, показав всему миру, что так называемый «союз свободных народов» в рамках советского порядка способен нанести поражение любому врагу, убедительно продемонстрировав превосходство над такими упадническими капиталистическими странами, как Франция. На самом деле все было иначе, по этому поводу вспоминаются слова герцога Веллингтона, сказанные им по поводу Ватерлоо: «Никогда в жизни не видел, чтобы все произошло так само собой».

Война вынудила режим в огромной степени опираться на свою русскую сердцевину, что не было замечено внешними наблюдателями ни в тот момент, ни многие годы спустя. Однако, привив русский национализм к стволу интернационалистического коммунизма, как это сделал Сталин во время войны, Кремль дал жизнь новому нездоровому гибриду, виду ни полностью националистическому, ни интернациональному по своей природе. Нерусские советские подданные все больше видели в союзе чуждую им тоталитарную силу, обслуживаемую русскими тюрьму народов. Вместе с тем, сами русские

раскололись — очень многие, как видно на примере Солженицына, горели желанием бороться за матушку Россию, но отказывались от оставшихся интернационалистических элементов советского коммунизма, как ржавчина, разъедавшего русское национальное здоровье, и верили, что сама Россия — первая жертва коммунизма и империи. Русские националисты второго рода, так называемые национал-большевики, многие из которых держались церкви, видели и видят в СССР реализацию русской национальной миссии и гаранты ее величия. Собственные слуги режима утратили прежнюю уверенность, кто они, сначала коммунисты, а потом русские, или наоборот. Эта сумятица в умах на очень многих уровнях общества помогла разоблачению все возрастающей очевидности фальши претензий советского коммунизма¹². Советский «Титаник» врезался в свой националистический айсберг, но пройдет много лет, пока ее капитан и команда осознают, что корабль медленно идет ко дну.

Выбор Сергея

Сотрудничество Сергея и его сподвижников-епископов со сталинистским режимом поднимает ряд вопросов. Почему Сергей решил сотрудничать, и было ли его решение так поступить мудрым или даже моральным? Спас ли он церковь или, вступив в фатальный брак с Кремлем, поставил под угрозу будущее русского православия в обмен на временную передышку в поддерживаемых государством гонениях? Вообще, какой у него был реальный выбор? Конкретного ответа на эти вопросы не получается, но, задавшись ими, следует помнить не только двадцатилетнюю историю советских религиозных преследований, но и традиции русского православия, которые во многом отличаются от традиций западного.

К концу 1930-х гг. Русская церковь лежала у ног коммунистического государства, почти вымершая как институт. Несмотря на то, что огромное большинство русских, вопреки официальному осуждению, сохранили свою религиозную веру, религиозные ритуалы они совершали дома — Советы постепенно удушали публичные богослужения. Чахнувшее древо Русской церкви все еще возвышалось над землей, но ее ветви подгнили, ствол изъели паразиты, а корни были подрублены. Казалось, у церкви нет будущего — власти закрыли семинарии, сделав невозможным обучение и посвящение в сан новых священников, Советы объявили незаконным публичное или групповое религиозное обучение детей и запретили собирать деньги на ремонт церковных зданий и содержание остатков священнослужителей.

В условиях когда не происходило новых посвящений в сан, похоже было, что через поколение апостольская преемственность русского духовенства могла фактически оборваться.

После начала нацистско-советской войны робкий луч солнца оживил несколько оставшихся на древе Русской церкви листьев. Казалось, война обещала слабую надежду на возрождение русского православия. Когда советские власти попросили Сергия благословить Красную Армию на войну с нацистами, он написал послание. Конечно, если бы он отказался, на Русскую православную церковь обрушилась вся мощь репрессий НКВД–НКГБ. Но нет причин думать, что одними только угрозами объясняется готовность православных иерархов поддержать войну против Гитлера. На протяжении всей ее истории руководители русского православия снова и снова подтверждали, что церковь идет с народом, когда возникает угроза извне: во время монгольского нашествия тринадцатого века, тогда, когда поляки угрожали уничтожить российскую независимость во время «смуты» в семнадцатом веке, в 1812 г., когда со своими полчищами в Россию пришел Наполеон, и т. д.

Отказать советскому государству в поддержке в 1941 г., когда русский народ столкнулся с самым решительным и смертельным врагом в своей истории, готовым даже уничтожить всех до единого русских, не могло бы придти и в голову, и население, в случае ли поражения, или в случае победы, все равно никогда не простило бы попам такого поступка. Сталин мог быть дьяволом, но собственным дьяволом Советов. Если коммунистическое государство хотело задавить религиозную веру, то нацистский «крестовый поход» поработил бы весь русский народ — вместе с его церковью. Сам по себе факт сотрудничества некоторых православных иерархов с нацистами на оккупированных территориях красноречивое свидетельство того, насколько жестоким был довоенный сталинистский режим и насколько глубоко въелась ненависть к нему. Конечно, люди по обе стороны фронта делали свой выбор, не имея полной картины происходящего, так как гитлеровские планы для Востока стали ясными и понятными во всей полноте только с течением времени.

Приняв решение сотрудничать со Сталиным и коммунистическим правительством еще в 1927 г., Сергей мог утешать себя постепенным, по ходу войны восстановлением ограниченных религиозных свобод. Советская власть, конечно, запросила цену за частичное восстановление церкви. Самое главное, Сергей и его сподвижники-иерархи отказались упоминать о советских религиозных преследованиях — закрытии церквей, пытках, арестах и казнях священников и верующих — и вместе с тем объявили правление Сталина божественным

предопределением. В ноябре 1942 г., например, в годовщину большевистской революции Сергей написал Сталину слащавое открытое письмо: «От имени нашего духовенства и всех верующих Русской православной церкви, преданных детей нашей Родины, сердечно и с молитвой приветствую в Вашем лице богоизбранного вождя наших военных и культурных сил... Да благослови Бог успехом и славой Ваш великий подвиг ради Родины»¹³. Такие панегирики великому вождю, написанные рукой главы Русской церкви, конечно, не могут не озадачить любого читателя, знакомого с историей СССР.

Была ли фаустовская сделка между церковью и государством в конечном итоге мудрой, может являться, с точки зрения церкви, предметом бесконечных споров, и любые суждения по этому вопросу неизбежно будут зависеть от индивидуальных ценностей и предубеждений. Со строго мирской точки зрения, можно почти не сомневаться, что русские церковные лидеры сделали в 1941 г. правильный выбор. Не пойдя они на сотрудничество со Сталиным, их церковь перестала бы существовать, уйдя в забвение под ударами советских репрессивных органов и под тяжестью негодования многих рядовых русских. Если бы победили нацисты, ситуация была бы еще страшнее.

Русская православная церковь не была просто светским институтом, и деятельность ее духовенства должна интерпретироваться и оцениваться в христианских, конкретно, православных традициях. В эпоху Сталина и после нее сотрудничество русского православного духовенства со сталинистским режимом подвергается критике со стороны религиозных писателей. Если поддержку советского правительства в войне против нацистов, имея в виду сущность противника, можно понять, то сотрудничество Патриархии в подчинении религии внутри страны государству, участие Патриархии в бесчестной международной пропаганде и особенно ее роль в разгоне соперничающих церквей и сект выглядели действиями сомнительными и спорными. Так, один иезуитский историк пишет, что взгляды Сергея времен войны «не совпадали с традициями христианства на Западе»¹⁴. Если альтернативой сотрудничества со сталинистским режимом оставалось мученичество, как имеет в виду иезуит, то так оно и должно было быть. Равно как для ранних христиан было бы не совместимым с их совестью воспевать Нерона, так и Сергей должен был не поддаваться соблазнам, которыми обхаживал его Сталин.

Думая над таким аргументом, всегда следует помнить, что для Сергея никогда не стоял вопрос о личном мученичестве. Его выбор определял судьбу тысяч православных священников и верующих, как и его собственную. Еще одна проблема с такого рода критикой

Сергия заключается в том, что Русская православная церковь не разделяла «традиций христианства на Западе». У нее была своя история, свои обычаи, и многое из этого наводило на путь, в конце концов выбранный Сергием. С восемнадцатого века, когда Петр Первый превратил церковь, практически, в еще одну ветвь светского правительства, лидеры русского православия сколько-нибудь серьезно не выступали против политической власти в стране. Теология и традиция, а также экономическая зависимость — все это толкало церковь в объятия светской власти.

Всю свою почти тысячелетнюю историю Русская православная церковь никогда не оказывалась в ситуации, когда государство выступает против религии как таковой. Правда, ряд царей вроде Петра Первого или не проявляли к религии интереса, или даже отрицательно смотрели на некоторые аспекты церковной доктрины или практики, но они никогда не грозились не оставить от церкви камня на камне¹⁵. С приходом большевизма русское православие столкнулось с угрозой, какой не знало за всю свою историю, и ничто из его прошлого не могло придать ей сил теологически, интеллектуально или материально, чтобы противостоять государственной власти, даже если эта власть была атеистической. В отличие от Ватикана Русская церковь существовала преимущественно в одной стране, она не могла позволить себе роскошь пожертвовать своими институтами внутри России, будучи уверенной, что продолжит жизнь в каком-то другом месте. К тому же следует помнить, что даже западной церкви приходилось нелегко, когда она сталкивалась с враждебными режимами. Папа Пий XII, как известно, проявил верх осторожности в отношении Гитлера, поскольку опасался за судьбу немецких католиков¹⁶. Если положение католицизма в годы войны было весьма незавидным, то проблемы Московской патриархии были намного отчаяннее. Выживание Русской православной церкви, отрезанной от самой России, невозможно себе представить так же, как тропический ливень в Антарктиде.

Все это сказано не в оправдание Сергия за его заигрывания со сталинистским государством, если вообще есть нужда в таких оправданиях. Достаточно понять, в каких мучительных условиях он жил и работал и перед каким выбором стоял. Конечно, не все православные мыслители восприняли логику его выбора безоговорочно. Через двадцать лет после войны в условиях разлагающегося брежневского тоталитаризма пришло новое поколение православных писателей и священнослужителей, и оно поставило вопрос о правильности решения пойти на сотрудничество с советским государством. В 1965 г. Николай Эшлиман и Глеб Якунин опубликовали открытое письмо

патриарху, задав ему вопрос: «Не повелевает ли священный долг епископа положить свою жизнь ради овец его стада?». Податливость патриарха и других иерархов по отношению к советскому государству принесла горькие плоды: «Массовое закрытие церквей, монастырей и церковных школ, несомненно, свидетельствует о безоговорочном подчинении Московской патриархии тайному диктату атеистических чиновников»¹⁷

Спустя семь лет, в марте 1972 г., Александр Солженицын, чье собственное политическое диссидентство коренилось в православной вере, выступил вслед за открытым письмом священников с еще более острым «Великопостным письмом» патриарху Пимену. «Уже упущено полувековое прошлое», — писал Солженицын. Признавая, что при царях церковь находилась в пагубных объятиях государства, он писал, что изучение русской истории последних веков убеждает, что вся она потекла бы несравненно человечнее и взаимосогласнее, если бы церковь не отреклась от своей самостоятельности, и народ слушал бы голос ее, как, например, в Польше. «Увы, — заканчивает он эту мысль, — у нас давно не так»¹⁸. Бесполезно жаловаться на историю, но Солженицын прямо нападает на соглашательскую политику Московской патриархии и призывает церковных лидеров вернуться к духу ранних христианских мучеников.

Не у всех хватило солженицынского мужества, и не все были согласны с его политическими и моральными идеями. Хотя Пимен, по соображениям своего щекотливого политического положения, не мог ответить критикам непосредственно, у него были защитники. Одним из самых важных был отец Сергей Желудков из Пскова, которого никак нельзя было заподозрить в пресмыкательстве перед советским государством. Желудков был человеком, поддерживавшим религиозных и политических диссидентов, редактором подпольных религиозных изданий, и он признавал, что положение русского православия при тоталитарном режиме было далеко не идеальным¹⁹. Но он спрашивал: «Что остается для нас делать в такой ситуации?». Что касается сотрудничества патриархов с коммунистическими властями, *«другого выбора не было»*²⁰.

Вопрос об отношении церкви к светскому государству так и не был окончательно урегулирован до крушения СССР и перешел в постсоветскую эпоху, оставшись таким же острым и нерешенным. Некоторые священники, такие как Якунин, требовали честного сведения счетов с советским прошлым и открытости во всем, что касается сотрудничества духовенства с советской тайной полицией. Подавляющее же большинство священнослужителей были слишком крепко повязаны с коммунистическими властями, чтобы поддержать

полоскание грязного церковного белья. В начале 1997 г. совет епископов, отчасти в назидание другим критикам, лишил нарушителя спокойствия Якунина сана²¹.

К лучшему ли, к худшему ли, но действия и заявления Сергия и его коллег епископов в сталинские годы привязали судьбу русского православия к Советскому Союзу и к особенно опасной форме советско-империалистического национализма. В своих публичных выступлениях Алексей, преемник Сергия, часто не отделял интересы церкви от интересов нации, и для выражения личного мнения верующего в соответствии с его совестью не оставалось или оставалось очень мало места. «Служба святой Русской православной церкви, — провозгласил Алексей, — неотделима от службы нашей отчизне... Никто не может быть хорошим христианином и не быть хорошим и преданным сыном своей родины, готовым пожертвовать всем ради ее славы и процветания»²². Это не были пустые слова, на протяжении всего периода холодной войны Московская патриархия рабски поддерживала советскую внешнюю политику, даже ее самые сомнительные авантюры вроде вторжения в Венгрию, Чехословакию и Афганистан. Русское православие было настолько глубоко повязано в советской иностранной политике, что ее отдел внешних церковных сношений численно превосходил все отделы Патриархии, вместе взятые²³.

Советские власти хорошо отдавали себе отчет в том, что эти узы между православной церковью и коммунистическим государством, выкованные в горниле войны и продолжившиеся после нее, не утрачивали своей ценности. Это подтвердил член горбачевского Президентского совета Анатолий Лукьянов на закате Советской империи, встречаясь с православными иерархами: «Хочу еще раз подчеркнуть, что наши отношения с Русской православной церковью не изменились. Вся ее деятельность, особенно во время войны и в послевоенные годы, продемонстрировала, что мы можем хорошо работать вместе»²⁴. Собравшиеся на встречу с ним высшие священнослужители практически выговаривали горбачевскому реформистскому правительству за недостаточно эффективное подавление нерусского национализма, который разъедал узы империи и подрывал позиции церкви в западных пограничных областях. Таким образом, в момент, когда коммунистическое государство распадалось, высокопоставленные священнослужители оказались более рьяными его защитниками, чем советское руководство, фактически оплакивая кончину Советского государства, причинившего их церкви столько вреда.

Великолепный сталинский трюк, когда он, казалось, возродил православную церковь, хотя на самом деле заставил ее иерархов удовлетвориться ограниченным ростом религии и источил ее жизненные

силы, оставил горькое наследие. Церковь не только сделалась на все согласной «группой поддержки» советской внешней политики, но и внутри страны центр тяжести русского православия переместился из самой России в западные пограничные области СССР, особенно на Украину, где находилась значительнейшая часть действующих церквей. Русская православная церковь, таким образом, сделала огромную ставку на поддержание советско-имперского порядка, тем самым увязнув в зависимости от государства. Это также объясняет причины, по которым даже в постсоветскую эпоху коммунистические политики и православная церковь часто оказываются в одном лагере. С исчезновением имперской системы, спланивавшейся советской мощью, церкви грозили катастрофические потери.

К 1945 г. отношения Русской православной церкви с советским государством напоминали отношения сокола и его хозяина. Как охотничью птицу связывают с тренером невидимые узы, так и Русскую церковь привязывают к Кремлю в некоторой степени симбиотические отношения. Хозяин и птица охотились на одну и ту же дичь: антирусских националистов, религиозных схизматиков, вышедших из повиновения Москве, и излишне рьяных верующих. Хорошо обученная птица взмывала ввысь и оттуда пикировала, хватала добычу и приносила хозяину. Постороннему прохожему сокол даже казался в свободном полете. Но сокол продолжал охотиться только до тех пор, пока у хозяина не пропадал вкус к охоте.

Последствия святого союза

Через три года после окончания войны, в год берлинского воздушного моста и чешского коммунистического заговора, архиепископ Йоркский Сирил Гарбетт произнес проповедь под названием «Коммунизм и христианство». После визита в Москву за пять лет до этого архиепископ Гарбетт назвал Сталина «мудрым государственным деятелем», похвалил творческий подход и эгалитаризм советской системы и призвал своих соотечественников-англичан учиться советскому центральному планированию. За прошедшие с той поры годы он, по-видимому, переменял свое мнение или, по крайней мере, в новом климате напряженных отношений между Востоком и Западом решил высказать свои сомнения относительно сталинистского режима с искренностью, которую прежде посчитал не отвечающей духу альянса военного времени.

Хотя Гарбетт сказал, что «идеал (коммунизма) нельзя считать нехристианским и как таковой его не должно осуждать», он все же

провел черту между предполагаемым высоким идеалом и «марксистской» реальностью (тем, что восточные европейцы, которым пришлось жить при коммунистических режимах, потом мрачно называют «реальным социализмом»). «Есть много христиан, убежденных в том, что между христианством и коммунизмом намного больше общего, чем между христианством и капитализмом», — сказал он. Однако, произнеся эти слова, архиепископ предался нещадной критике той самой сталинистской реальности, в которой до этого нашел столько поводов для восхищения. Слушая Гарбетта, можно было подумать, что выступает не кто иной, как Джон Фостер Даллес. Он с пафосом говорил о том, что марксизм — это «отрицание всех этических и моральных ценностей, которые помогли сформироваться христианской цивилизации». Христианство и реальный коммунизм «не сходятся в вопросах веры и этики, где компромисс невозможен». СССР, называвшийся до этого Гарбеттом «великой и замечательной нацией», к которой англичане должны «относиться с симпатией», теперь выставлялся ужасной угрозой человеческой цивилизации:

«Пользуясь гигантской системой шпионов и информаторов, с помощью тюремного заключения, ссылки или смерти он убирает любого, кто осмелится критиковать его политику или действия. Установив полный контроль над образованием, прессой и радио, господствующая партия постепенно формирует мнения и действия людей в соответствии с ее собственными. Она превращается в безжалостную тиранию, при которой свобода невозможна. Она устанавливает власть террора, огни свободы погашены, и над страной нависает тьма»²⁵.

В существовавшей в Европе 1948 г. ситуации и в условиях жуткого террора советского полицейского государства проповедь Гарбетта не представляла собой ничего особенного, и на фоне потока взаимных обвинений и оскорблений, которыми обменивались Восток и Запад, на нее в тот момент вряд ли кто-нибудь обратил внимание. За пять лет, истекших после его поездки в Москву, описанная Гарбеттом сталинистская система не претерпела радикальных перемен. Никаких чудесных превращений в СССР не случилось, но значительные изменения произошли в интеллектуальном и политическом климате Запада. То, о чем до этого не говорили вслух, стало общеизвестными банальностями. Для политической фигуры, какой является архиепископ, выступить с описанием темных сторон сталинизма в момент, когда идет война, было бы актом политического мужества — или безрассудства. Словами одного историка, «любой политик, осмеливавшийся нарушить это табу, чувствовал, как над его головой засвистели пули и снаряды»²⁶.

Намного труднее объяснить моральное приспособленчество священнослужителей вроде Гарбетта, которые, ничуть не смущаясь, восхваляли СССР, чтобы еще через год обрушиться на него с жесточайшим порицанием, чем понять сложное положение патриарха Сергия. Западные священники не знали, что такое чувствовать за спиной смертельную хватку НКВД, которая заставляла их русских коллег идти на моральные компромиссы. Нечего говорить, необходимость вести войну с Гитлером отпускала не один грех, но многое в западной пропаганде времен войны переходило важную черту. Одно дело было воздерживаться от ненужных нападков на СССР, который нес на своих плечах тяжелейший груз борьбы с вермахтом, возможно, совсем другое дело было практически воспевать советскую систему, придумывая достоинства, которые она якобы демонстрировала. Как и архиепископ Гарбетт, архиепископ Темпл, выступая публично, с готовностью называл «лидеров России» «дальновидными, искренними и очень способными людьми», которые «не ждут, что мы будем прикидываться, будто их принципы не те, что есть на самом деле». И он с удовольствием рассуждал о том, что сталинский коммунизм «вряд ли будет правильно называть нехристианским». Тем не менее в частной переписке он, как ни бывало, признавался, что не видел существенной разницы между нацизмом и коммунизмом, и комитет Церкви Англии спокойно вел мониторинг судьбы священнослужителей, подвергшихся в СССР аресту и депортации внутри страны.

Правительственные пропагандисты делают подобного рода вещи как само собой разумеющееся, и они вполне могли ставить требования войны впереди правды, но религиозные лидеры говорят, что отстаивают нечто большее, нежели политические приоритеты. Руководство католической церкви, и особенно папа Пий XII, вызвали на себя огонь критики за недостаточное осуждение немецких зверств. Интересно, что сказали бы историки, если бы папа стал описывать Гитлера «искренним» или сказал, что он «мудрый государственный деятель»? Возможно, внимание таких исторических исследователей обошло этих западных священнослужителей из-за того, что они принадлежали к победившей стороне.

Пока гремела война, западные священники утешались рассуждениями, что до полной победы над нацизмом не время требовать от Кремля соблюдения религиозных прав. Они успокаивали себя праведными надеждами на моральный пример союзников, который каким-то магическим образом смягчит советскую систему, и никому не понадобится проявить мужество и вопреки всему поднять голос в защиту религии. Фактически же, эти священники не добивались ничего, кроме устраивавшего их молчания. Такие священники, как

Гарбетт, с удовольствием были готовы осудить всем очевидное зло советской системы в 1948 г., когда такой поступок уже никак не мог сколько-нибудь повлиять на изменения в СССР и когда такие осуждения стали рутинными и в то же время приемлемыми и с политической, и с социальной точки зрения. Отказ использовать в период альянса свое положение, предполагающее особое влияние и моральный авторитет, для того чтобы высказать хоть что-нибудь о ГУЛАГе, полицейском терроре и массовых депортациях, о чем эти священники прекрасно знали, был серьезным отступлением от морали, а их молчание было бесполезным. Трудно себе представить, как могли бы пострадать военные усилия СССР, если бы западное духовенство захотело последовать духу выступления Черчилля в июне 1941 г. и, начав серьезную кампанию помощи России, одновременно остались на своих принципиальных позициях осуждения зол сталинистской системы.

Западные священнослужители были всего лишь статистами в более грандиозной драме просоветской пропаганды военного времени, орудием в руках людей с большим политическим опытом. Эта широкая кампания в поддержку альянса имела важные кратковременные и долговременные последствия. Советские пропагандисты искусно пользовались заявлениями западных политиков или священников о том, что у советских людей есть религиозные свободы. Такие заявления быстро перепечатывались и распространялись по самому Советскому Союзу, а также в Восточной Европе и на Балканах. Для советских верующих, очень многие из которых объясняли себе ограниченное возрождение религии в СССР нажимом Запада, эти заявления должны были производить исключительно отрезвляющее впечатление.

Еще более значительным в политическом плане было влияние советской религиозной политики и пропаганды на Балканах и в Восточной Европе. С поражением Германии политические партии и структуры по всему региону пришли в полный разброд, до войны и во время войны профсоюзы и другие гражданские группы были раздавлены правыми авторитарными режимами (некоторые из которых находились под влиянием или полным контролем нацистов) или были разогнаны наступающими коммунистами. Церкви оказались самыми сильными из сохранившихся гражданских групп. Проводя искусную религиозную политику, Советы сумели нейтрализовать или изолировать враждебные группировки внутри этих церквей. В глазах православных верующих новое появление Московской патриархии придало советской политике ореол религиозной терпимости. В странах и регионах с большим религиозным населением, вроде Румынии,

Болгарии, закарпатской Руси и в меньшей степени Сербии, коммунисты кооптировали церковных иерархов в государственную структуру, изолировав или устранив несговорчивых, националистически или антикоммунистически настроенных священнослужителей. Всю остальную церковную оппозицию заклеили как «фашистов». Одновременно Московская патриархия, как прислужница советской внешней политики, во всеуслышание объявила вторую главную религиозную силу в регионе — Ватикан — защитником побежденных и дискредитированных фашистов. Следуя давнему правилу «разделяй и властвуй», Патриархия подбросила дров в костер стародавних подозрений и ненависти между православным Востоком и латинским Западом.

Историки, которые только поверхностно знакомятся с советской религиозной пропагандой на западную аудиторию, не замечают более широкого контекста. Дружеские выступления западных священников, хваливших мнимую свободу религии в СССР, возможно, не полностью успокоили религиозные подозрения в отношении советского коммунизма среди верующих западных демократий, но те же самые выступления, воспроизведенные пропагандистскими органами Москвы или необыкновенно покладистой Всемирной службой Би-Би-Си, убедили очень многих священников по всей советской империи, что либо Москва действительно отказалась от своих атеистических подходов, либо, по меньшей мере, они сопротивляются установлению советской власти в своих странах в полном одиночестве и не могут опираться на поддержку руководителей западных церквей или правительств. Этот подтекст объясняет никак по-другому не объяснимое восхваление марксизма, которому предалися растерявшиеся православные христианские иерархи во всех концах Балкан в 1945 г. Можно считать, что, «ассимилируя» готовых к этому и изолируя враждебные балканские религиозные организации, относившиеся к незначительным социальным силам, способным организовать некую форму коллективного сопротивления установлению советского коммунистического влияния на политический режим в стране, московская программа по работе в сфере религии периода войны имела значительный успех и сделала серьезный вклад в кремлевскую политику создания в регионе режимов-сателлитов. Религиозная политика была существенным, но по большей части не бросающимся в глаза элементом знаменитой «тактики салями», которой руководствовались советские оккупанты, чтобы постепенно и шаг за шагом устанавливать коммунистический контроль.

Согласившись, что самый значительный успех советская пропаганда в области религии имела в Восточной Европе, нужно сказать,

что нельзя списывать со счетов и ее влияние в западных демократиях. Под давлением усиливающегося духа союзничества, процесса отчасти спонтанного, как реакции на героизм советского народа, но также стимулировавшегося закулисными манипуляциям, враждебно настроенное духовенство заставили молчать. В конечном итоге, осенью 1941 г. американское правительство одобрило программу помощи СССР по ленд-лизу, не испытав сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны церквей. Больше того, некоторые церкви сделались проводниками помощи Советскому Союзу от простых американцев через такие организации, как «Военная помощь России» (ВНР).

Один историк, изучавший подвигу в американском общественном мнении в отношении Советского Союза во время войны, отмечает, что на протяжении войны «большинство американцев были настроены против коммунистов, но за Россию». По его мнению, это очевидное противоречие создавало «когнитивный диссонанс», который люди решали по-разному. Одни, «утверждая, что Россия отходит от коммунизма», другие, избегая информации, противоречащей этому новому взгляду на Россию, и третьи, стараясь не воспринимать информацию, которая «играла на руку Оси», потому что «это подрывало союзное единство»²⁷ Фактически дело обстояло наоборот: западное общественное мнение не страдало массовым психозом, и перечисленные три пункта отражали то, что официальные пропагандисты говорили публике во время войны. Эти пункты примечательно похожи на предложенные Александром Вертом Форин офису в 1941 г. в секретной записке о направлениях пропаганды. Американской и английской публике не нужно было стараться не воспринимать или избегать информации, которая бы наводила на мысль, что их коммунистический союзник не отказывается от своей тоталитарной системы, — эту услугу им бесплатно предлагали сами Советы, журналисты газет, чьи статьи подвергались цензуре или которые хотели понравиться советским властям, американские и английские лидеры, скрывавшие информацию о таких преступлениях, как Катынь и массовые депортации, или священнослужители, отказывавшиеся публично рассказывать о том, в чем они не сомневались, — о религиозных и политических репрессиях в СССР. Никакого широкого и объединенного заговора, ставившего целью скрывать правду о сталинской империи, не было. Люди разных политических и личных убеждений имели собственные, часто очень разные мотивы для того, чтобы скрывать или отрицать правду об СССР, — от идеологических соображений до соображений государственной целесообразности, от карьеризма до боязни публичного осуждения или обыкновенной лени.

Наконец, широкая кампания отмывания советской действительности, очень может быть, оказалась слишком успешной и принесла Советскому Союзу не только пользу. Всю войну солдаты Красной Армии и советские граждане рисовались в самых ярких красках, их реальные подвиги преувеличивались до сверхчеловеческих величин, а недостатки и слабости советской системы затушевывались. К концу боев СССР потерял более 25 млн своих граждан, его села и города лежали в руинах, его экономика была разрушена, а народ голодал²⁸. Красная Армия победила, но ни она, ни вся страна, стоявшая за ее спиной, не были в состоянии противостоять новым конфликтам. Прочный запор советской цензуры, пропагандистская машина и герметическая изоляция на границах — все это должно было сделать советские слабости невидимыми. Есть основания полагать, что так же, как он вел свою атомную дипломатию, Сталин воинственно вел себя в Европе и вообще в мире отчасти с целью скрыть огромный ущерб, нанесенный советской власти во время войны, и колоссальную слабость советского общества²⁹. Однако, скрывая свои слабости и одновременно проводя агрессивную политику на международной арене, Советы способствовали раздуванию существовавших на Западе страхов перед советской властью, никак не соответствовавших реальной силе ослабевших советских вооруженных сил. Кроме того, как только пропала надобность в пропаганде альянса, правительства Англии и США с удовольствием принялись снабжать прессу грязными подробностями советского правления, которые они совсем недавно скрывали или смягчали, за чем с неизбежностью последовала обратная публичная реакция, подхлестнувшая почти истерическую волну антикоммунизма, на которой поднялся маккартизм³⁰.

После окончания войны и с наступления холодной войны историки спорили, кого винить в послевоенном развале альянса. Одна школа, так называемые «традиционалисты», возлагала ответственность за развязывание холодной войны лично на Сталина, считая диктатора агрессивным и не связанным внутренними противовесами, которые устанавливают рамки поведения для западных лидеров. Историки, придерживающиеся этих взглядов, стремятся подчеркивать относительную автономию Сталина в политике и дипломатии и роль, которую сыграла его диктаторская воля³¹. Соперничающая школа, самозванные «ревизионисты», считает, что виновато руководство США, и утверждает, что американская послевоенная дипломатия стремилась переделать мир по своему виду и понятию, отвечающим американским интересам, особенно рыночному капитализму. «Ревизионисты» доказывали, что советская дипломатия изначально была реакцией на американские инициативы, у США были более сильные позиции, и

поэтому они могли позволить себе воздержаться от конфронтации с СССР, чего не было сделано³².

Данное исследование религии и национализма в Советском Союзе во время войны предлагает другой подход, который не поддерживает полностью ни одну из приведенных точек зрения и связывает советскую внешнюю политику с внутренним положением СССР. Сталин действительно был агрессивен, вряд ли кто-нибудь в этом сомневается, и режим, которым он руководил, был неопишимо бесчеловечным. Но СССР в то время был намного слабее, чем это знал кто-нибудь, кроме советского руководства. Контроль Москвы над окраинными районами был подорван, а война преподала советским олигархам горький урок: многим из их подданных изменить советской власти помешали воистину страшная сущность нацистских захватчиков вместе с массивными репрессиями. Настоящей проблемой оставалась нелояльность советской власти, причем она проявлялась в самых уязвимых для враждебного проникновения западных пограничных областях.

Трудно вообразить себе, как при таком внутреннем положении любой советский руководитель, не только сам Сталин, рискнул бы пойти после войны на подлинно открытые отношения с некоммунистическим миром, не боясь при этом поставить под удар собственную власть. Советы рьяно выслали или расстреливали советских военнопленных по их возвращении из немецких лагерей именно для того, чтобы свести к минимуму опасность распространения иностранной заразы среди других подданных³³. Если бы советские границы после войны не были накрепко закрыты, это почти наверняка привело бы к массовой утечке советских подданных, спасавшихся от материальной нехватки, полицейского террора и политических и религиозных репрессий. Сталин и его правительство знали о настроениях в обществе и не могли смотреть на это сквозь пальцы. Советские вожди решили, что для спасения их диктатуры полицейского государства, а возможно, и собственной жизни, им нужно отгородиться стеной от внешнего мира.

Вплоть до распада советского блока одним из главных источников напряженности между Востоком и Западом оставалась внутренняя нестабильность и политическая нелегитимность коммунистических режимов, и важную роль в этой проблеме играла стойкость религиозных взглядов. Историки холодной войны и международных отношений обычно отодвигали религиозный вопрос на задний план обширной истории конфликта Восток–Запад и часто вообще не останавливались на этой проблеме. Но тем не менее делается все более очевидным, что сама Москва так ее не рассматривала. Советские власти всегда считали религию одним из своих наиболее опасных противни-

ков. Будучи альтернативной системой веры, исключительно сильно привязанной к национальной идентичности, она распространялась по всему коммунистическому миру, и искоренить ее было немыслимо, к тому же это была та сфера, где пересечение внутренних и внешних угроз создавало опасную обстановку. Уже в 1984 г., всего за семь лет до распада СССР, КГБ все еще вел религиозные войны, и, как всегда, самое опасное пламя разгоралось в западных пограничных областях. «Центр» КГБ в Москве предупреждал своих резидентов за рубежом, что католическая церковь при польском папе Джоне Павле II представляла собой «подрывную» угрозу «социалистическим странам». «В настоящее время Ватикан основной упор в так называемой “Восточной политике” делает на практические шаги по возобновлению активности католических и униатских приходов». КГБ призывал своих агентов за рубежом работать над «дискредитацией (папы) Джона Иоанна Павла II» и «над более систематическим использованием существующих и созданием новых агентурных ресурсов в католических центрах и организациях, прежде всего в Ватикане»³⁴.

Советская империя треснет и начнет разваливаться в Польше, в значительной степени благодаря мощной комбинации религии и национализма, чего так правильно опасался КГБ. Распад затем распространится на собственные западные пограничные области СССР, прибалтийские государства и Украину. Конечно, религия не была единственной причиной этой массовой системной катастрофы. Фундаментальными причинами были непосильные военные расходы, экономический кризис, низкое качество потребительских товаров, эрозия веры в коммунизм даже среди элит. Падение восточноевропейского коммунизма было слишком сложным явлением, чтобы произойти по одной единственной причине. Тем не менее советские лидеры от Троцкого до КГБ середины 1980-х гг. справедливо видели в религии смертельного врага. В той же мере, как другие действовавшие силы, религия вправе считать себя «могильщиком революции».

Примечания

- ¹ Iaroslavskii. Religion in the USSR. P. 31. (Подчеркнуто в оригинале).
- ² Горбачев, в оригинале цит. по: Remnick. Resurrection. P. 17. Интересно отметить, что западные лидеры страдали тем же недостатком, не представляя себе этой проблемы. Например, Мэргерит Тэтчер пишет, что, «теперь, оглядываясь назад, мы можем сказать, что, оценивая Советский Союз в начале 1980-х гг., мы недооценивали один вопрос, национальный». Margaret Thatcher. The Downing Street Years. P. 451.
- ³ Деннис Дж. Данн воодушевленно отстаивает эту точку зрения. См.: Nationalism and Religion in Eastern Europe // Dunn. Religion and Nationalism

- in Eastern Europe and the Soviet Union. P. 1–14. Он пишет, что, поскольку народы этого региона часто не имели государственной структуры, ядром национальностей становились церкви. Он пишет: «Национализм в Восточной Европе был и остается по большей части связанным с религией» (P. 11).
- ⁴ Относительно Русской православной и Румынской православной церквей Московская патриархия пишет: «Как известно, их отношения были омрачены нерешенным вопросом о так называемой «Бессарабской епархии». Отдел внешних церковных сношений Московской патриархии. The 12th International Meeting on People and Religion. September 1998. Веб-сайт Московской патриархии www.Russian-orthodox-church.org.ru.
- ⁵ Недавнее исследование этих конфликтов см.: Joseph R. Gregory, *Ukraine: Christians in Conflict – First Things*. No. 71 (March 1997). P. 24–27. Московская патриархия с возмущением пишет, что «конец 1980-х и начало 1990-х годов отмечены ухудшением отношений между православной и католической церквями. Главной причиной были недопустимые насильственные методы, к которым прибегали греко-католические церкви для восстановления законной приходской жизни после “подпольного” существования». Она также с сожалением отмечает, что «мировое общественное мнение» было на стороне униатов. Отдел внешних церковных сношений Московской патриархии. The Synodal Theological Commission Studies Issues Related to the Dialogue between the Orthodox and Roman Catholic Churches. April 1997. Веб-сайт Московской патриархии www.Russian-orthodox-church.org.ru/ve.110771.htm
- ⁶ Отдел внешних церковных сношений Московской патриархии. Discussion on Church Situation in Estonia. November 30, 1998. Веб-сайт Московской патриархии www.Russian-orthodox-church.org.ru/ne81130.htm
- ⁷ В 1909 г. Сергей Булгаков сетовал: «Хорошо известно, что нет более атеистичной интеллигенции, чем русская. Атеизм ее общая религия, крещение в которой проходит всякий, кто вступает в церковь гуманистической интеллигенции». Bulgakov. *Heroism and Asceticism: Reflections on the Religious Nature of Russian Intelligentsia*. Shagrin and Todd, Landmarks. P. 29. У этого правила было, конечно, очень много исключений, достаточно назвать имена только двух наиболее видных: писатель Федор Достоевский и философ Владимир Соловьев. Хороший краткий обзор антирелигиозных взглядов русской интеллигенции в их динамике см.: Luukkanen. *The Party of Unbelief*. P. 39–45.
- ⁸ Trotskii. *Problems of Everyday Life and Other Writings on Culture and Science*. P. 34–35.
- ⁹ Sherwood. *Roosevelt and Hopkins*. P. 392.
- ¹⁰ Хорошими примерами служат: D’Encausse. *The Russian Syndrome*; Szamuely. *The Russian Tradition*.
- ¹¹ Такое положение сохранялось вплоть до распада Советского Союза. В докладе 1974 г. для Центрального Комитета КПСС предпринималась попытка объяснить непонятную и тревожную привлекательность религии для молодых людей: «Их интерес к религии часто ассоциируется с ошибочны-

- ми моральными и философскими “исканиями” и временами с желанием выделиться из толпы. Даже сейчас, при социализме, среди студенчества бытуют неверные представления о религии как эффективном регуляторе морального поведения. Некоторые студенты верят, что религия играет важную роль в личном моральном поведении, якобы “гуманизируя нас”, устанавливая рамки морального поведения, “удерживая нас от безнравственных действий” и т. п. Живучесть этих заблуждений в значительной степени поддерживается религиозной пропагандой, которая подчеркивает, что религия — “единственный хранитель нравственности”. Имели место случаи, когда политический нигилизм, неприятие советского образа жизни, националистические настроения и т. п. прикрываются привлекательностью религии и повышенным интересом к религиозным древностям». Как всегда, в качестве единственного рецепта от этих ошибочных взглядов предлагалось повышение эффективности образования в соответствии с «научным материалистическим мировоззрением». «Доклад Института научного атеизма Центральному Комитету КПСС о повышении эффективности атеистического образования среди молодежи. 21 мая 1974 г.» Цит. по: Koenker. *Revelations from the Russian Archives*. P. 493–495.
- ¹² Смешение имперских традиций и русского национализма само по себе не представляет чего-то нового в русской истории. В своей впечатляющей новой работе по истории России Джеффри Хоскинг писал, что «в России государственное строительство мешало национальному строительству». Hosking. *Russia*. P. xxiv. Это главный тезис его работы. Точно так же, как это смешение идентичности делало Русскую империю, несмотря на всю ее военную мощь и огромную территорию, неустойчивой в своей основе, я полагаю, что подтачивающей ее слабостью страдала и сталинистская империя.
- ¹³ Патриарх *locus tenens* Сергей, Митрополит Московский и Коломенский. 9 ноября 1942. РПЦ ВОВ. С. 93.
- ¹⁴ Robert A. Graham. *The Vatican and Communism during World War Two*. P. 56.
- ¹⁵ Прекрасное исследование политики Петра Первого в отношении Русской православной церкви см.: Cracraft. *The Church Reform of Peter the Great*.
- ¹⁶ Историография о Пие XII и нацистах весьма обширная. Возможно, наиболее агрессивно нападает на него Фалькони. Falconi. *The Silence of Pius XII*. Одна из попыток защитить наследие Пия принадлежит перу иезуитского историка Роберта Грэхема. Graham. *The Vatican and Communism during World War Two*. Особенно С. 9–14. Свидетельство двойственной роли Пия XII во время войны приводит Роберт С. Уистрич. Robert S. Wistrich. *The Pope, the Church, and the Jews // Commentary* 107. No. 4. April 1999. P. 22–28, а также дискуссионная корреспонденция, последовавшая после публикации статьи Уистрича. *Letters // Commentary* 108. No. 1. July – August 1999. P. 12–24. Последняя критика Пия XII, основанная на ватиканских архивах: Cornwell. *Hitler's Pope*.
- ¹⁷ Николай Эшлиман и Глеб Якунин. Открытое письмо священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина патриарху Алексию // *Грани*. № 61. Октябрь 1966. С. 132.

- 18 Солженицын А. «Великопостное письмо» патриарху Пимену. Публицистика. Париж: YMCA-Press. 1981. С. 121.
- 19 Scammell. Solzhenitsyn. P. 766–767.
- 20 В оригинале цит. по: Evgeny Barabanov. The Schism between the Church and the World // Solzhenitsyn et al. From under the Bubble. P. 176 (подчеркнуто в оригинале).
- 21 Orthodox Yes-Men // Economist. April 5, 1997. P. 50–52.
- 22 Примечательно, что эти слова Алексия повторил его преемник Пимен во время своей интронизации как патриарха 3 января 1971 г. В оригинале процитировано по: Peter Duncan, Orthodoxy and Russian Nationalism in the USSR, 1917–1988 // Hosking. Church. Nation and State in Russia and Ukraine. P. 321.
- 23 Ramet. Cross and Commissar. P. 4.
- 24 Лукьянов в конечном итоге также отверг горбачевский относительный либерализм, став одним из заговорщиков неудавшегося мятежа августа 1991 г. Записка Лукьянова в ЦК КПСС от 7/ 9 февраля 1990 г. ЦХСД. Ф. 89. Оп. 8. Д. 41.
- 25 Garbett (archbishop of York). Christianity and Communism. P. 1–7
- 26 Bell. John Bull and the Bear. P. 7.
- 27 Levering. American Opinion and the Russian Alliance. P. 203. Книга Леверика остается лучшей работой, показывающей перемены и характеристику американского общественного мнения в тот период, даже несмотря на то что эта часть ее выводов выглядит неубедительной.
- 28 Самое последнее и подробное описание послевоенного периода см.: Zubkova. Russia after the War. О голоде после войны см.: Зима В. Ф. Голод в СССР.
- 29 О воинственности Сталина в атомной дипломатии см.: Holloway. Stalin and the Atom Bomb.
- 30 Как показали первые разоблачения о советском шпионаже военного времени, а затем продемонстрировали недавние открытия в советских архивах, опасения действительно имели самые серьезные основания. См.: Weinstein and Vassiliev. The Haunted Wood. Haynes and Klehr. Venona.
- 31 Джон Льюис Гаддис совсем недавно весьма определенно пересмотрел эту точку зрения: «Пока Советским Союзом управлял Сталин, холодная война была неизбежна». Gaddis. We Now Know. P. 292 (выделено в оригинале).
- 32 Так говорит Лир (Leer. Preponderance of Power).
- 33 Об этой массовой советской чистке и позорной роли в ней Запада известно давно. Bethell. The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia.
- 34 Светлов (Грибин) — Горнову (Гордиевскому). 19 декабря 1984 г. // Andrew and Gordievsky. More «Instructions from the Center». P. 46–52.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- DOSR — Документы польско-советских отношений, опубликованные документы
- FO — Foreign Office. Форин офис — Министерство иностранных дел Англии
- FRUS — Foreign Relations of the United States — Внешние отношения Соединенных Штатов
- INF — Documents of the Ministry of Information, Great Britain. Документы английского министерства информации
- ОГБ — Органы государственной безопасности. Сборник документов
- PRO — Public Record Office. Государственный Архив Англии
- РПЦВОВ — «Русская православная церковь в Великой Отечественной войне»
- РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (бывший партийный архив КПСС)
- ТСИМ — «Трудные страницы истории Молдовы, 1939–1950 гг.»
- ЖМП — «Журнал Московской патриархии»

БИБЛИОГРАФИЯ ЦИТИРОВАННЫХ РАБОТ на английском языке

Aarons Mark, John Loftus. *Unholy Trinity: How the Vatican's Nazi Networks Betrayed Western Intelligence to the Soviets*. New York, 1991.

Alexeev Wassilij, Theofanis G. Stavrou. *The Great Revival: The Russian Church under German Occupation*. Minneapolis, 1976.

Anders Wladyslaw. *An Army in Exile*. London, 1981.

Anderson Paul B. *People, Church and State in Modern Russia*. London, 1944.

Andreev-Khomiakov Gennady. *Bitter Waters: Life and Work in Stalin's Russia*. Trans. Ann E. Healy. Boulder, 1977.

Andrew Christopher, Gordievsky Oleg. *KGB: The Inside Story of its Operations from Lenin to Gorbachev*. London, 1990.

Andrew Christopher, eds. *More "Instructions from the Centre": Top Secret Soviet Files on Global Operations, 1975–1985*. London, 1992.

Andrew Christopher, Mitrokhin Vasili. *The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB*. New York, 1999.

Andreyev Catherine. *Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet Reality and Emigre Theories*. Cambridge, 1987.

Armstrong John. *Ukrainian Nationalism, 1939–1945*. New York, 1963.

Avrich Paul. *Kronstadt 1921*. Princeton, 1970.

Bacon Edward. *The Gulag at War: Stalin's Forced Labor System in the Light of the Archives*. New York, 1994.

Baer George W., ed. *A Question of Trust: The Origins of U. S.-Soviet Relations: The Memoirs of Loy W Henderson*. Stanford, 1986.

Banac Ivo. *With Stalin against Tito: Cominformist Splits in Yugoslav Communism*. Ithaca, 1988.

Barber John, Harrison Mark. *The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II*. London, 1991.

Beaumont Joan. *Comrades in Arms: British Aid to Russia, 1941–1945*. London, 1980.

Bell P., John M. H. *Bull and the Bear: British Public Opinion, Foreign Policy and the Soviet Union, 1941–1945*. London, 1990.

Bethell Nicholas. *The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia, 1944-7*. London, 1974.

Bialer Seweryn. *Stalin and His Generals: Soviet Military Memoirs of World War II*. New York, 1969.

Bociurkiw Bohdan R. *The Ukrainian Greek Catholic Church and the Soviet State (1939–1950)*. Edmonton, 1996.

Bourke-White Margaret. *A Look at Russia*. New York, 1934.

Shooting the Russian War. New York, 1942.

Brinkley David. *Washington Goes to War*. London, 1989.

Brooks Jeffrey. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Princeton, 1985.

Burns James MacGregor. *Roosevelt, 1940–1945: The Soldier of Freedom*. New York, 1970.

Byrnes Robert F. *Pobedonostsev: His Life and Thought*. Bloomington, 1968.

Cassidy Henry C. *Moscow Dateline*. Boston, 1943.

Caute David. *The Fellow Travelers: A Postscript to the Enlightenment*. New York, 1973.

Chadwick Owen. *Britain and the Vatican during the Second World War*. Cambridge, 1986.

Chuev Felix. *Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics; Conversations with Felix Chuev*. Chicago, 1993.

Churchill Winston Spencer. *The Second World War*. Boston, 1948.

Ciechanowski Jan. *The Warsaw Uprising of 1944*. Cambridge, 1974.

Ciszek Walter J., Daniel L. Flaherty. *With God in Russia*. New York, 1964.

Clayton Koppes, Gregory D. Black. *Hollywood Goes to War: How Politics, Profits and Propaganda Shaped World War II Movies*. New York, 1987.

He Leadeth Me. New York, 1973.

Conquest Robert. *The Great Terror: A Reassessment*. New York, 1990.

The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. Oxford, 1986.

The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities. London, 1970.

Stalin: Breaker of Nations. New York, 1991.

Corley Felix, ed. *Religion in the Soviet Union: An Archival Reader*. London, 1996.

Cornwell John. *Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII*. New York, 1999.

Cracraft James. *The Church Reform of Peter the Great*. London, 1971.

Craig Gordon A., Francis L. Loewenheim, eds. *The Diplomats. 1939–1979*. Princeton, 1994.

Curtiss John S. *The Soviet State and the Russian Church, 1917–1950*. Boston, 1953.

Dallin Alexander. *German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Politics*. Reprint. New York, 1980.

Davis Nathaniel. *A Long Walk to Church: A Contemporary History of Russian Orthodoxy*. Boulder, 1995.

Dear I. C. B., Foot M. R. D., eds. *The Oxford Companion to World War II*. Oxford, 1995.

D'Encausse Helene Carrere. *The Russian Syndrome: One Thousand Years of Political Murder*. New York, 1992.

De George Richard T., Scanlan James P., eds. *Marxism and Religion in Eastern Europe*. Dordrecht, 1974.

Dobb Maurice. *Russia To-day and To-morrow*. London, 1930.

Soviet Planning and Labor in Peace and War: Four Studies. London, 1942.

Dunlop John B. *The Faces of Contemporary Russian Nationalism*. Princeton, 1983.

Dunn Dennis J. *The Catholic Church and the Soviet Government, 1939–1949*. Boulder, 1977.

Dunn Dennis J., ed. *Religion and Nationalism in Eastern Europe and the Soviet Union*. Boulder, 1987.

Ellis Jane. *The Russian Orthodox Church: A Contemporary History*. Bloomington, 1986.

Erickson John. *The Road to Berlin: Continuing Stalin's War with Germany*. Boulder, 1983.

The Road to Stalingrad: Stalin's War with Germany. New York, 1984.

Falconi Carlo. *The Silence of Pius XII*. Boston, 1970.

Fireside Harvey. *Icon and Swastika: The Russian Orthodox Church under Nazi and Soviet Control*. Cambridge, 1971.

Fitzpatrick Sheila. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. Oxford, 1994.

Fletcher William C. *Nikolai: Portrait of a Dilemma*. New York, 1968.

Religion and Soviet Foreign Policy, 1945–1970. London, 1973.

The Russian Orthodox Church Underground, 1917–1970. London, 1971.

Flint James. *English Catholics and the Proposed Soviet Alliance, 1939* // *Journal of Ecclesiastical History*. 48. No. 3. July 1997.

Freeze Gregory L. *Handmaiden of the State? The Church in Imperial Russia Reconsidered* // *Journal of Ecclesiastical History*. 36. No. 1. 1985. P. 82–102.

The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983.

Friedlander Saul. *Pius XII and the Third Reich: A Documentation*. New York, 1966.

Fukuyama Francis. *The End of History and the Last Man*. New York, 1992.

Gaddis John. *The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947*. New York, 1972.

We Now Know: Rethinking Cold War History. Oxford, 1997.

Garbett Cyril. *Christianity and Communism*. London, 1948.

General Sikorski Historical Institute. Documents on Polish-Soviet Relations, 1939–1945. 2 vols. London, 1961.

Getty J. Arch. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered. 1933–1938. Cambridge, 1985.

Getty J. Arch, Manning Roberta, eds. Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge, 1993.

Gilbert Martin. Winston S. Churchill. Vol. 7. Road to Victory, 1941–1945. London, 1986.

Glantz David. When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler. Lawrence, 1995.

Goldberg Anatol. Ilya Ehrenburg: Writing, Politics, and the Art of Survival. London, 1984.

Gordon Michael R. Irking U. S., Yeltsin Signs Law Protecting Orthodox Church // New York Times. Saturday. September 27, 1997.

Graham Loren R. The Ghost of the Executed Engineer: Technology and the Fall of the Soviet Union. Cambridge, 1993.

Graham Robert A. The Vatican and Communism during World War II: What Really Happened? San Francisco, 1996.

Graves Philip. A Record of the War: The Twenty-Second Quarter, January 1, 1945 – March 31, 1945. London, 1945.

Gregory Joseph R. Ukraine: Christians in Conflict // First Things. No. 71. March 1997. P. 24–27.

Gross Jan T. Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton, 1988.

Hamby Alonzo. Man of the People: A Life of Harry S. Truman. New York, 1995.

Harriman W Averell, Elie Abel. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. New York, 1976.

Harvey Klehr. The Heyday of American Communism. New York, 1984.

Harvey Klehr, Haynes John Earl. Venona: Decoding Soviet Espionage in America. New Haven, 1999.

Harvey Klehr, Haynes John Earl, Firson Fridrikh, eds. The Secret World of American Communism. New Haven, 1995.

Hecker Julius F. Religion and Communism: A Study of Religion and Atheism in Soviet Russia. New York, 1934.

Herwarth Johnnie von. *Against Two Evils: Memoirs of a Diplomat-Soldier during the Third Reich*. London, 1981.

Hollander Paul. *Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China and Cuba, 1928–1978*. New Brunswick, 1981.

Holloway David. *Stalin and the Atom Bomb*. New Haven, 1994.

Holmes Brian, et al. *Russian Education: Tradition and Transition*. New York, 1995.

Hosking Geoffrey, ed. *Church, Nation and State in Russia and Ukraine*. London, 1991.

Hosking Geoffrey. *Russia: People and Empire, 1552–1917*. Cambridge, 1997.

Hughes Lindsey. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, 1998.

Huntington Samuel. *The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs*. 72. No. 3. 1993. P. 22–49.

Jelavich Barbara. *Russia's Balkan Entanglements, 1806–1914*. Cambridge, 1991.

St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet Foreign Policy, 1814–1974. Bloomington, 1974.

Johnson Hewlett. *The Socialist Sixth of the World*. London, 1939.

Kagan Jack, Dov Cohen. *Surviving the Holocaust with the Russian Jewish Partisans*. Portland, 1998.

Karol K. S. *Between Two Worlds: The Life of a Young Pole in Russia, 1939–1946*. New York, 1986.

Keep John. *The Last of the Empires: A History of the Soviet Union, 1945–1991*. Oxford, 1995.

Kershaw Ian, Moshe Lewin, eds. *Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison*. Cambridge, 1997.

Kimball Warren F. *The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman*. Princeton, 1991.

Koenker Diane, ed. *Revelations from the Russian Archives*. Washington, D. C., 1992.

Kolarz Walter. *Religion in the Soviet Union*. London, 1966.

The Soviet Union and the Catholic Church. London, 1962.

Kosiba Harold J. *Stalin's Great Game: Anglo-Soviet Relations in the Nearest, 1939–1943*. Ann Arbor, 1991.

Kravchenko Victor. *I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official*. New York, 1946.

Leer Melvin. *A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration and the Cold War*. Stanford, 1992.

Lencyk Wasyl. *The Eastern Catholic Church and Czar Nicholas I*. Ph. D. dissertation. Fordham University, 1961.

Levering Ralph. *American Opinion and the Russian Alliance, 1941–1945*. Chapel Hill, 1976.

Lieberman Simon. *Building Lenin's Russia*. Chicago, 1945.

Lih Lars T., Naumov Oleg V., Klevniuk Oleg V., eds. *Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936*. New Haven, 1995.

Luukkanen Arto. *The Party of Unbelief: The Religious Policies of the Bolshevik Party, 1917–1929*. Helsinki, 1994.

Magosci Robert. *A History of Ukraine*. Seattle, 1996.

Magosci Robert, ed. *Morality and Reality: The Life and Times of Andrei Sheptytsky*. Edmonton, 1989.

Maiskii Ivan. *Before the Storm: Recollections by I. M. Maiskii*. London, 1944.

Markovna Nina. *Nina's Journey: A Memoir of Stalin's Russia and the Second World War*. Washington: D. C., 1989.

Marshall Richard H., Jr., ed. *Aspects of Religion in the Soviet Union, 1917–1967*. Chicago, 1971.

Mastny Vojtech. *Russia's Road to the Cold War: Diplomacy, Warfare, and the Politics of Communism, 1941–1945*. New York, 1979.

McLaine Ian. *Ministry of Morale: Home Front Morale and the Ministry of Information in World War II*. London, 1979.

Mawdsley Evan. *The Russian Civil War*. Boston, 1987.

Medvedev Roy. *All Stalin's Men: Six Who Carried out the Bloody Policies*. Trans. Harold Shakman. New York, 1984.

Melish William Howard. *Religion Today in the USSR*. New York, 1945.

Meyendorff John. *Byzantium and the Rise of Russia: A Study in Byzanto-Russian Relations in the Fourteenth Century*. Cambridge, 1981.

- Milosz Czeslaw. *The Captive Mind*. Reprint. London, 1985.
- Mindszenty Jozsef Cardinal. *Memoirs*. New York, 1974. P. 416–432.
- Miner Steven Merritt. *Between Churchill and Stalin: The USSR, Great Britain and the Origins of the Grand Alliance*. Chapel Hill, 1989.
- Misiunas Romuald, Rein Taagepera. *The Baltic States: Years of Dependence, 1940–1990*. Berkeley, 1993.
- Modin Yuri. *My Five Cambridge Friends: Burgess, Maclean, Philby, Blunt and Cairncross by their KGB Controller*. New York, 1994.
- Moloney Thomas. *Westminster, Whitehall and the Vatican: The Role of Cardinal Hinsley, 1935–1943*. Tunbridge Wells, 1985.
- Nekrich Aleksandr. *The Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War*. New York, 1978.
- Obolensky Dimitri. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453*. New York, 1971.
- Overy Richard. *Russia's War: Blood upon the Snow*. New York, 1997.
- Paleologue Maurice. *An Ambassador's Memoirs*. Trans. F. A. Holt. 3 vols. New York, 1925.
- Papal Encyclical. *Divini Redemptoris*. March 19, 1937.
- Peris Daniel. *Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless*. Ithaca, 1998.
- Perlmutter Amos. *FDR and Stalin: A Not So Grand Alliance, 1943–1945*. Columbia, 1993
- Pincher Chapman. *Their Trade Is Treachery*. London, 1981.
- Pipes Richard. *Russia under the Bolshevik Regime*. New York, 1993.
- The Unknown Lenin: From the Secret Archives*. New Haven, 1996.
- Polish Research Centre. *The Orthodox Eastern Church in Poland, Past and Present*. London, 1940.
- Pospielovsky Dimitry. *The Best Years of Stalin's Church Policy (1942–1948) in the Light of Archival Documents*. *Religion, State and Society*. 25. No. 2. 1997. P. 139–162.
- A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer*. 2 vols. New York, 1988.

The Russian Church under the Soviet Regime, 1917–1982. 2 vols. Crestwood, 1984.

Radzinsky Edvard. Stalin. New York, 1996.

Ramet Pedro (Sabrina) ed. Eastern Christians and Politics in the Twentieth Century. Durham, 1988.

Cross and Commissar: The Politics of Religion in Eastern Europe and the USSR. Bloomington, 1987.

Remnick David. Resurrection: The Struggle for a New Russia. New York, 1977.

Riasanovsky Nicholas V. A History of Russia. 2d ed. New York, 1969.

Roberts Frank. Dealing with Dictators: The Destruction and Revival of Europe, 1930–70. London, 1981.

Roberts Geoffrey K. The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German Relations and the Road to War, 1933–1941. New York, 1995.

Rzheshesky Oleg. World War II: Myths and the Realities. Moscow, 1984.

Scammell Michael. Solzhenitsyn: A Biography. New York, 1984.

Seaton Albert. The Russo-German War, 1941–1945. New York, 1972.

Sella Amnon. The Value of Human Life in Soviet Warfare. London, 1992.

Shagrin Boris, Albert Todd, eds. Landmarks. New York, 1977.

Sherwood Robert E. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History. New York, 1950.

The Gulag Archipelago, 1918–1956: An Experiment in Literary Investigation. 3 vols. London, 1973.

A Lenten Letter to Pimen, Patriarch of All Russia. Minneapolis, 1972.

Letter to the Soviet Leaders. New York, 1974.

The Russian Question at the End of the Twentieth Century. New York, 1995.

Solzhenitsyn Aleksandr, et al. From under the Rubble. Chicago, 1974.

Sontag Raymond James, Beddie Jams Stuart, eds. *Nazi-Soviet Relations, 1939–1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office*. Reprint. Westport, 1976.

Spinka Matthew. *The Church in Soviet Russia*. New York, 1956.

Stalin I. V. *Sochineniia*. Stanford, 1967.

Stehle Hansjakob. *The Eastern Politics of the Vatican, 1917–1979*. Athens, 1980.

Stites Richard. *Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900*. Cambridge, 1992.

Stites Richard, ed. *Culture and Entertainment in Wartime Russia*. Bloomington, 1995.

Strik-Strikfeldt Wilfried. *Against Stalin and Hitler: Memoir of the Russian Liberation Movement, 1944–1945*. London, 1970.

Subtelny Orest. *Ukraine: A History*. Toronto, 1988.

Sudoplatov Pavel. *Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness – a Soviet Spymaster*. Boston, 1994.

Suny Ronald Grigor. *The Soviet Experiment: Russia, the USSR and the Successor States*. Oxford, 1998.

Szamuely Tibor. *The Russian Tradition*. London, 1974.

Taubman William. *Stalin's American Policy: From Entente to De-tente, to Cold War*. New York, 1982.

Taylor A. J. P. *The Origins of the Second World War*. Reprint. London, 1991.

Taylor Myron C., ed. *Wartime Correspondence between President Roosevelt and Pope Pius XII*. New York, 1947.

Temple William. *The Hope of a New World*. London, 1942.

Thatcher Margaret. *The Downing Street Years*. New York, 1993.

Thurston Robert W. *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941*. New Haven, 1996.

Timasheff Nicholas S. *The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia*. New York, 1946.

Tocqueville Alexis de. *The Ancien Regime and the French Revolution*. London, 1976.

Tolstoy Nikolai. *The Secret Betrayal*. New York, 1978.

Trotsky Leon. *My Life: An Attempt at Autobiography*. Reprint. London, 1970.

Problems of Everyday Life and Other Writings on Culture and Science. New York, 1973.

Tucker Robert. *The Lenin Anthology*. New York, 1975.

Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941. New York, 1990.

Tumarkin Nina. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York, 1994.

Urban George R. *Stalinism: Its Impact on Russia and the World*. Aldershot, 1982.

Uzzell Lawrence A. Letter from Moscow. *First Things*. No. 79. January 1998. P. 17–19.

Vardyis Stanley, Judith B. Sedaitis. *Lithuania: The Rebel Nation*. Boulder, 1997.

Volkogonov Dmitrii. *The Rise and Fall of the Soviet Empire: Political Leaders from Lenin to Gorbachev*. London, 1998.

Vorontsova Lyudmila, Filatov Sergei. Freedom of Conscience in Russia: What the Opinion Polls Show. *Religion, State, and Society*. 21. No. 3–4. 1993. P. 375–381.

Walicki Andrzej. *The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought*. Oxford, 1975.

Ware Timothy. *The Orthodox Church*. Rev. ed. London, 1993.

Webb Sidney, Beatrice Webb. *Soviet Communism: A New Civilization?* New York, 1936.

Weigel George. *The Final Revolution: The Resistance Church and the Collapse of Communism*. New York, 1992.

Weinberg Gerhard. *A World at Arms: A Global History of World War II*. Cambridge, 1994.

Weinstein Allen, Vassiliev Alexander. *The Haunted Wood: Soviet Espionage in America – the Stalin Era*. New York, 1999.

Werth Alexander. *Moscow, 1941*. London, 1942.

Werth Alexander. *Russia at War, 1941–1945*. New York, 1964.

White Stephen. *Britain and the Bolshevik Revolution: A Study in the Politics of Diplomacy, 1920–1924*. London, 1979.

Wickham Legg, L. G., Williams, E. T. Dictionary of National Biography, 1941–1950. Oxford, 1959.

Wistrich Robert S. The Pope, the Church and the Jews. Commentary 107. No. 4. 1999. P. 22–28.

Wolfgang Leonhard. Child of the Revolution. Chicago, 1958.

Yaroslavskii Emelian. Religion in the U. S. S. R. New York, 1934.

Zaprudnik Jan. Belarus: At a Crossroads in History. Boulder, 1993.

Zawodny J. K. Death in the Forest: The Story of the Katyn Forest Massacre. New York, 1962.

Nothing but Honour: The Story of the Warsaw Uprising, 1944. London, 1978.

Zernov Nicolas. The Russians and Their Church. London, 1945

Zubkova Elena. Russia after the War: Hopes, Illusions and Disappointments, 1945–1957. New York, 1998.

БИБЛИОГРАФИЯ ЦИТИРОВАННЫХ РАБОТ на русском языке

- Алексеев В. А. Неожиданный диалог // «Агитатор». 1989. № 6.
- Алексеев В. И. Иностранная политика Московской Патриархии, 1939–1953 // Материалы по истории Русской православной церкви в СССР. Т. 2. М., 1955.
- Архивы раскрывают тайны... Международные вопросы: люди и события / сост. Н. В. Попов. М., 1991.
- Атеистический словарь / под общ. ред. М. П. Новикова. М., 1986.
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Россия. Энциклопедический словарь. Репринт. СПб, 1898.
- Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.
- Бугай Н. Л. Берия — И. Сталину: Согласно Вашему указанию. М., 1995. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. М., 1989.
- Вострищев М. И. Божий избранник: Крестный путь Святителя Тихона, Патриарха Московского и Всея Руси. М., 1990.
- Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: «Книжная палата», 1988.
- Дипломатический словарь: в 3 т. / гл. ред. А. А. Громыко и др. М.: Наука, 1985.
- Документы внешней политики 1940–22 июня 1941 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации. М., 1995.
- Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. М., 1996.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М., 1960–1965.
- Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. М., 1994.
- Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / под ред. Р. Г. Пихоя и А. Гейштора; составители Н. С. Лебедева и др. М., 1997.
- Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов и др. М., 1985.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М., 1985.

Кондакова Н. И., Майн В. Н. Интеллигенция России 1941–1945 гг. М., 1995.

Восточная Европа в документах российских архивов / под ред. Г. П. Мурашко. Т. 1, 2. М., Новосибирск, 1997.

Людские потери СССР в Великой Отечественной войне: сборник статей. СПб., 1995.

Неизвестная Россия: XX век // Московское городское объединение архивов. М., 1992.

Правда о религии в России. Московская патриархия. М., 1942.

Русская православная церковь и Великая Отечественная война. М., 1943.

Николай, митрополит. «Русская церковь и война против фашизма. Слова, речи, послания». (1941–1946 гг.) М., 1947.

НКВД и польское подполье, 1944–1945. (По «особым папкам» И. В. Сталина). М., 1994.

Пасат В. И. Трудные страницы истории Молдавии. 1940–1950. М., 1994.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. МП. 1947.

Розанов Г. Л. Сталин — Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 гг. М., 1991.

Людские потери СССР в Великой Отечественной войне: сборник статей. СПб., 1995.

Самсонов А. М. Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М., 1989.

Советско-американские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1984.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. М., 1989.

Сталин И. В. Сочинения. М., 1995.

Судоплатов П. А. Спецоперации: Лубянка и Кремль. 1930–1950 гг. М., 1997.

Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.): сборник документов. М., 1984.

Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.

Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март—июнь 1941 г. Документы из центрального архива ФСБ России. М., 1995.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. М., 1995.

Якунин Г., Эшлиман Н. Открытое письмо Патриарху Алексию // Грани. 1966. № 61.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	.5
Благодарность	10
Вступление	13
Часть первая	
Возвращение церкви	
Глава первая. Религия и национальность Советская дилемма. 1939–1941 гг.	. 51
Глава вторая. Начало сталинской священной войны. 1941–1943 гг.	. 82
Часть вторая	
В боях священной войны	
Глава третья. Святая ненависть к врагу: церковь на службе у советской внешней политики. 1942–1943 гг.	137
Глава четвертая. Своего рода Ватикан	176
Глава пятая. Собиратель украинских земель: церковь и восстановление советской власти в западных пограничных областях	225
Часть третья	
Пропаганда союза	
Глава шестая. Ты заставил полюбить себя: пропаганда союза начинается	277
Глава седьмая. Советский голос усиливается	328
Глава восьмая. На страже правды	375
Заключение	413
Список сокращений	440
Библиография цитированных работ на английском языке	441
Библиография цитированных работ на русском языке	453